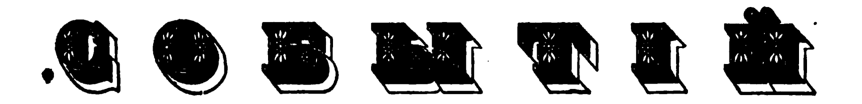
U 4441/1
Digitized by Google

ЛѢТОПИСЬ

САМОИЛА ВЕЛИЧКА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЛѢТОПИСЬ



ВЪ

ЮГОЗАНАДНОЙ РОССІИ

ВЪ XVII-мъ ВѢКѢ.

СОСТАВИЛЪ

САМОИЛЪ ВЕЛИЧКО,

БЫВШІЙ КАНЦЕЛЯРИСТЪ КАНЦЕЛЯРІИ

ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКАГО,

1720.

ИЗДАНА

ВРЕМЕННОЮ КОМИССІЕЮ

ДЛЯ

РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ.

КІЕВЪ.

Въ Лито-Типографическомъ Заведеніи Іосифа Вальнера.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанія представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ 1848-го Мая 7-го дня.

Цензоръ, *А. Ѳедотовъ-Чеховскій.*

Издаваемая нынѣ Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ *Лѣтопись о событіяхъ въ Юго-Западной Россіи*, принадлежитъ академику М. П. Погодину, отъ котораго она и получена для напечатанія ([1]). Она раздѣлена на *три* тома; первый изъ нихъ заключается 1659 годомъ, которымъ оканчиваетъ свое стихотворное повѣствованіе Твардовскій въ книгѣ — *Woyna Domowa*, служившей главнымъ источникомъ для перваго тома Лѣтописи Величка. Остальные два раздѣлены произвольно, вѣроятно въ послѣдствіи, ибо счетъ главъ въ нихъ сплошной до самого конца.

Въ *первомъ томѣ* этой драгоцѣнной рукописи къ сожалѣнію встрѣчаются значительные пропуски. Въ самомъ началѣ недостаетъ 5 листовъ (10 стр.) какъ видно изъ общей нумераціи ихъ; рукопись начинается продолженіемъ дневника Матфея Титлевскаго— *о раздрушеніи мира и о початку войни Турецкой зрадливой зъ Поляками и Козаками, на Цецорѣ*

([1]) Г-нъ Погодинъ открылъ ее въ числѣ другихъ рукописей, купленныхъ его коммиссіонеромъ на аукціонѣ, послѣ извѣстнаго собирателя и любителя Рускихъ древностей — Лаптева, автора Древней Русской Дипломатики.

рѣчице зъ шкодою Полякомъ отправленной ([2]). Далѣе слѣдуетъ того-же Титлевскаго описаніе Хотинского похода, совершеннаго Поляками противъ Турокъ въ 1620 г. — За тѣмъ помѣщенъ универсалъ Остраниновъ (Гет. Остраницы) 1638 г. марта 20 — объ угнѣтеніяхъ, чинимыхъ Поляками — безъ начала; а вслѣдъ за универсаломъ переводъ съ Полскаго Континуаціи Діаріуша Окольскаго, напечатанной въ Краковѣ въ 1639 г., въ которой описывается возстаніе Остраницы и война его съ Поляками. Весь этотъ отдѣлъ перваго тома заключающій въ себѣ 77 листовъ (154 стр.) текста ([3]), считая и утраченные, помѣщенъ въ *приложеніяхъ*, за исключеніемъ дневника Окольского, котораго переводъ, находящійся въ рукописи, до того неисправенъ и невразумителенъ, что не могъ быть изданъ безъ повѣрки съ подлинникомъ; а потому Комиссія опредѣлила приложить его впослѣдствіи ([4]); настоящее же изданіе начать съ 78 л., на

([2]) До сихъ поръ извѣстенъ одинъ экземпляръ этого сочиненія, находящійся въ Вѣнской Императорской библіотекѣ.

([3]) Эти 77 листовъ пріобрѣтены были самимъ владѣльцемъ рукописи въ послѣдствіи, и пріобщены къ главному сочиненію Величка.

([4]) Ученый профессоръ Г-нъ А. В. Мацѣевскій изъявилъ уже готовность, по просьбѣ Комиссіи, доставить списокъ съ упомянутого сочиненія, сдѣланный подъ его наблюденіемъ.

которомъ помѣщено слѣдующее заглавіе, написанное отчасти киноварью: *Сказаніе о войнѣ Козацкой зъ Поляками, чрезъ Зѣновія Богдана Хмелницкого, Гетмана войскъ Запорожскихъ, въ осми лѣтехъ точившойся* и пр. (см. заглавный листъ). Отсюда начинается послѣдовательный расказъ о войнахъ Хмельницкаго, и о послѣдующихъ событіяхъ въ Малоросійской Украйнѣ до 1659 года, т. е. до Оливскаго мира. Въ составъ перваго тома вошло извлеченіе изъ вышеупомянутой книги Твардовского, о войнахъ Поляковъ съ Шведами, при Короляхъ Янѣ Казимирѣ и Карлѣ Густавѣ (5).

Кромѣ замѣченныхъ выше пропусковъ, въ *первомъ томѣ* оказывается еще значительная утрата: недостаетъ конца первой части, также частей II-й, III-й, IV-й и V-й. Этотъ промежутотъ обнимаетъ происшествія четырехъ лѣтъ, отъ 1648 — 1652 (см. стр. 100); такъ что изъ 12 частей уцѣлѣло только 9-ть, изъ которыхъ первая не вполнѣ. Всѣ онѣ подраздѣляются на раздѣлы.

---

(5) Полный титулъ книги Твардовскаго слѣдующій: Woyna Domowa z Kozaki i Tatary, Moskwą, potym Szwedami, i z Węgry, przez lat dwanascie za panowania Nayjasnieyszego Jana Kazimierza Krola Polskiego tocząca sie. Na cztery podzielona xięgi. Oyczystą musą, od Samuela z Skrzypny Twardowskiego. Opus Posthumum. Calissii. Typis Collegii Calissiensis Soc. Jesu. Anno Domini 1681.

Второй томъ, начинающійся 1660 годомъ, сохранился гораздо лучше: въ немъ недостаетъ только двухъ листовъ — 278, 279 и начала 280. *Третій томъ* дошелъ до насъ въ цѣлости; но безъ окончанія. Эти оба тома не раздѣлены на части; а только на раздѣлы, которыхъ по сплошному порядку рукописи считается въ обоихъ 41-нъ.

Можно не безъ основанія предположить, что Лѣтописи Величка, въ томъ видѣ какъ она сохранилась, предшествовалъ расказъ о древнѣйшихъ происшествіяхъ; можетъ быть въ видѣ сборника матеріаловъ, какъ и весь отдѣлъ, обнимающій время до Хмельницкаго. Въ самомъ текстѣ находимъ тому указанія; такъ на листѣ 17 говорится о Сагайдачномъ: «жалуючи сердечне... благочестія святого отъ Римлянъ зѣло тогда утѣсняемого, и въ Унѣю уже *(яко прежде написахомъ, року отъ Рождества Господня 1595)* чрезъ незбожнихъ принцѣпаловъ ея Кирила Терлецкого епископа Луцкого, Ипатія Поція епископа Володимерского, и Михаила Рогозы, прельщенного митрополита Кіевского, воверженного...» Другое мѣсто на листѣ 18: «прилагается еще и сіе здесь о святѣйшомъ Ѳеоѳану патріарху Іерусалимскомъ, что оный *(яко прежде на листѣ   виразилося)* пер-

цѣе, року отъ Рождества Господня 1619, былъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ...»

Съ другой стороны нѣтъ причины думать, что Самоилъ Величко окончилъ свою лѣтопись именно 1700 г.; вѣроятнѣе предположить, что онъ продолжалъ ее и далѣе. Къ этой догадкѣ приводитъ 1) самый 1720 годъ, выставленный на заглавномъ листѣ. 2) Въ раздѣлѣ 23, II-го тома, перечень событій въ царствованіе Петра, доходящая до 1723 г.; 3) многія мѣста въ III-мъ томѣ, гдѣ упоминаются происшествія между 1700 — 1720. Наконецъ всего болѣе, 4) обѣщаніе о томъ самого Величка, выраженное въ слѣдующей припискѣ (Т. III. л. 593), которая вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ единственное біографическое о немъ извѣстіе: «Сего-жъ 1690-го року, на самомъ початку его, между святи Рождества Господня, начахъ я, сихъ лѣтописнихъ дѣяній графъ и сказатель (въ килконадцять лѣтъ будучи), служити войску Запорожскому въ поважномъ дому зъ пановъ Малоросійскихъ, благородного его Милости Пана Василія Леонтіевича Кочубія, писара на тотъ часъ войскового енералного, за пречечоного гетманства Мазепового; служилемъ же вѣрне и тщаливе, якъ моя мнѣ повелѣвала цнота, не тилко въ домашнихъ пана моего дѣлехъ всякихъ, а найбарзѣй писарскихъ; але и войско-

вихъ нужнѣйшихъ и секретнихъ на тотъ часъ, такъ до самого Пресвѣтлѣйшого Монархи Всеросійского Петра Алексѣевича, яко и въ цѣфѣрнихъ въ его-жъ Монаршихъ дѣлехъ, отъ Гетмана тогда бывшихъ до Господаровъ Волоского и Мултанского, за исправленіемъ папа моего, корреспонденціяхъ, которіи канцеляріи не были явними. Послуживши зась въ такихъ премногихъ и неусипнихъ трудахъ чрезъ лѣтъ 15-ть, зосталемъ за тую мою службу вправленъ до канцеляріи войсковой енералной, на початку року 1705; въ которой зъ между худшихъ братіи моей былемъ не послѣднимъ въ дѣлехъ писарскихъ, сполна чрезъ лѣтъ 4; нимъ за тую мою долговременную и вѣрную службу моя недоля крайнимъ мнѣ, на самомъ концу рока 1708, заплатила несчастемъ, *которое впредъ въ пришломъ помененомъ року припомнитися можетъ.*»

Нѣтъ сомнѣнія, что несчастіе, постигшее Величка, находится въ связи съ бѣдственною участію Василія Кочубея, погибшаго въ томъ же 1708 году; а потому мы тѣмъ болѣе должны жалѣть, что Величко не успѣлъ довести свою лѣтопись по крайней мѣрѣ до этаго времени, или же что продолженіе ея, если оно существовало, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ, а можетъ быть и утрачено навсегда.

Рукопись доставленная въ Комиссію Г. академикомъ Погодинымъ, по которой сдѣлано настоящее изданіе, есть безъ сомнѣнія подлинникъ, принадлежавшій самому Величку; можетъ быть собственноручно имъ писанный, за исключеніемъ не многихъ актовъ, договорныхъ и мирныхъ статей, вставленныхъ имъ въ свою лѣтопись, и отличающихся почеркомъ. Подлинность ея несомнѣнно доказывается находящимися въ ней оригинальными документами; каковы: 1) (во втор. томѣ) печатный универсалъ и грамота Короля Михаила Гетману Дорошенку за Королевскою подписью, относящіеся къ 1670 г., послѣ переговоровъ происходившихъ въ Острогѣ; 2) (въ третьемъ томѣ, на листѣ 718) подлинная цидула изъ письма Владыки Львовскаго Шумянскаго къ Воеводѣ Бѣлогородскому Борису Петровичу Шереметеву, о возвращеніи перваго отъ Уніи въ лоно Православной церкви; 3) (въ концѣ третьяго тома) подлинный избирательный актъ на Кіевское войтовство Дмитрія Полоцкого, 1699 г. Окт. 13, за Магистратскою печатью.

Лѣтопись Величка сохранилась въ единственномъ спискѣ, или лучше подлинникѣ; другаго экземпляра ея не могла открыть Комиссія; а потому и въ настоящемъ изданіи оставалось строго держаться единственнаго текста; что и

исполнено даже въ отношеніи къ правописанію, которое удержано во всей его характеристикѣ, со всѣми мѣлкими измѣненіями, разнообразіемъ въ собственныхъ именахъ и тѣми оттѣнками, которые намѣкаютъ на мѣстный выговоръ. Допущены только слѣдующія отступленія для удобства большинства читателей: вмѣсто ѿ употреблено *о*, въ окончаніяхъ словъ поставлены ъ и ь; буквы *и*, *і*, поставлены сообразно нашему современному правописанію; славянское ѧ передано нашимъ *я*; наконецъ развернуты или восполнены сокращенія подъ титлами.

Текстъ лѣтописи Величка писанъ въ листъ, на обыкновенной бумагѣ, довольно чёткою и отчетливою скорописью начала прошлаго столѣтія; вездѣ (за исключеніемъ упомянутыхъ вставокъ) одинаковымъ почеркомъ, съ очень незначительными иногда отмѣнами, которыя можно отнести къ перемѣнѣ пера, или большей и меньшей старательности той-же руки.

Рукопись Величка украшена десятью портретами Гетмановъ: Богдана Хмельницкаго, Ивана Виговскаго, Юрія Хмельницкаго, Ивана Брюховецкаго, Павла Тетери, Петра Дорошенка, Демьяна Многогрѣшнаго, Михаила Ханенка, Ивана Самойловича, Ивана Мазепы. Портреты вставлены въ самый текстъ, рисованы тушью, и довольно нескусной работы.

СКАЗАНІЕ

О ВОЙНѢ КОЗАЦКОЙ ЗЪ ПОЛЯКАМИ,

ЧРЕЗЪ

ЗѢНОВІЯ БОГДАНА

ХМЕЛНИЦКОГО,

Гетмана войскъ Запорожскихъ, въ осми лѣтехъ точившойся; а до дванадцяти лѣтъ у Поляковъ зъ иншими панствами провлекшойся. Якою онъ Хмелницкій, при всесилной помощи Божественной, зъ Козаками и Татарми отъ тяжкого ига Лядского вибился, и подъ високодержавное Пресвѣтлѣйшого Монархи Російского Алексія Михайловича владѣніе доброволнѣ поддался.

Отъ Авторовъ:

Нѣмецкого — Самуила Пуфендорфія, Козацкого — Самуила Зорки, и Полского — Самуила Твардовского, войну тую въ книзѣ своей, Война Домова названной, вѣршомъ Полскимъ описавшого. Нинѣ же вкратцѣ стилемъ гисторичнимъ и нарѣчіемъ Малоросійскимъ справленное и написанное тщаніемъ

САМОИЛА ВЕЛИЧКА,

Канцеляристи негдись войска Запорожского.

Въ селѣ Жукахъ, уѣзду Полтавского.

Року 1720.

ПРЕДМОВА ДО ЧИТЕЛНИКА.

Ежели может що быти любопитствующему нраву человѣческому, кромѣ тѣлесних требованій, ласкавій чителнику, так угодное и пріятное, яко чтеніе книжное и вѣденіе прежде бывших дѣяній и поведеній людских; ежели и в печалех сущим может що так скорое подати лѣкарство, яко тот-же книжній с прилѣжаніем и вниманіем уживаемій медикамент. Дозналем я и сам того, кгди в приключающихся ми скорбех, книжному прилежах чтенію и слишанію, и от них увѣдомляючися о прошлих людских розних трафунках и бѣдствах, училемся оттол и мои злоключенія терпеливно зносити, слушая глаголаннаго — *въ терпѣніи вашемъ стяжите душа ваша*. Обаче проходя лѣтописная и гисторическая иностранних народов писанія и дѣянія, видѣх в них объясненную, и затмѣнію доселѣ непричастную их славу. Наших же Сармато-Козацких продков, подобніе иностранним в воинских случаях давних времен и вѣков бывшіе рицерскіе отваги и богатирскіе дѣянія, без описанія и объясненія, чрез их власних писаров оста-

вленніе, и всегдашного забвенія нѣкчемнимъ лѣности ихъ плащемъ увидѣхъ покритіе. А ежели зъ давнихъ оннхъ писарей Славяно-Козацкихъ и записалъ хто памятствованія годное, во время ихъ бывшое дѣяніе; то записалъ тилко для себе реестрикомъ, барзо щуплими и краткими слови, жаднихъ зъ якихъ причинъ що повстало, якъ ся отправовало и якъ кончило, невиразивши околичностей. Аще-же что онимъ продкомъ нашимъ Козакорускимъ похвали годного и обрѣстися можетъ, то не въ нашихъ лѣнивихъ, але въ иностраннихъ, Греческихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ и Полскихъ гисторіографахъ (яко и о Хотѣнской прежде описанной войнѣ показуется); которихъ гисториковъ нетилко витлумачити и на Козацкій языкъ перевести трудно, але и достати въ Малой Росіи невозможно; и яко мертвоя плоти нѣсть мощно нѣкому безъ особливія благодати Божія воскресити; тако безъ свѣдителствъ и описаній лѣтописнихъ и люботрудному человѣку нѣсть мощно (аще и суетнія сегосвѣтнія слави чіея) изъяснити и писанію предати. Тѣмже и азъ, не лѣности ради коея, но небытности дѣля Козацкихъ лѣтописцовъ, послѣдствуя лѣнивимъ давнимъ писаромъ, славніе и великіе дѣла воевождовъ своихъ, во времена ихъ отправовавшіеся, въ небреженіи безъ описанія оставлшимъ, не дерзнулемъ того писати. Обаче въ тѣхъ годѣхъ, егда Шведскихъ войскъ потенція въ Полщѣ и Саксоніи гостила, по Монаршомъ Его Царского Пресвѣтлого Величества указу, зъ войсками авксилѣярними Малоросійскими, Полякомъ на Шведа ордынованними, проходя тогобочную иже отъ Корсуна и Бѣлой Церкви Малоросійскую Украину, потимъ на Волинь, въ Княженіе Руское-жъ до Львова, Замостя, Бродовъ и далѣй странствуя, видѣхъ многіе гради и замки безлюдніе и пустіе вали, негдись трудами людскими аки гори и холми висипаніе, и тилко звѣремъ дивіимъ прибѣжищемъ и водвореніемъ сущіи. Мури зась, яко то въ Чолганскомъ, въ Константиновѣ, въ

Бердичевѣ, въ Збаражѣ, въ Соколю, що тилко на шляху намъ въ походѣ войсковомъ лучилися, видѣхъ едни малолюдніе, другіе весьма пустіе, розваленіе, къ землѣ прилпнувшіе, зплѣсняліе, непотребнимъ биліемъ заросліе, и тилко гнѣздящихся въ себѣ зміевъ и розниxъ гадовъ и червей содержащіе. Поглянувши паки, видѣхъ пространніе тогобочніе Украино-Малоросійскіе поля и розлегліе долини, лѣси и обширніе садове и красніе дубрави, рѣки, стави, іезера запустѣліе, мхомъ тростіемъ и непотребною лядиною заросліе. И не всуе Поляки жалѣючи утрати Украини оноя тогобочнея, раемъ свѣта Полского въ своихъ унѣверсалахъ ея наричаху и провозглашаху; понеже оная, предъ войною Хмелницкого, бысть аки вторая земля обѣтованная, медомъ и млекомъ кипящая. Видѣхъ же къ тому, на розниxъ тамъ мѣстцахъ, много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилко небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ во умѣ — *кто суть сія*. Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустихъ и мертвихъ насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душею, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша Украиномалоросійская во область пустинѣ Богомъ оставленна и населници ея, славніе продки наши, безвѣстни явишася. Аще же и вопрошахъ о томъ многихъ людей старинниxъ, почто бысть тако, изъ якихъ причинъ и чрезъ кого опустошися тая земля наша?—то не единогласно отвѣщеваху ми, еденъ тако, а другій инако; и немощно мнѣ было совершенно зъ ихъ не единогласниxъ повѣстей информоватися, о падении и запустѣнія оноя тогобочнія отчизни нашея. Ажъ приникнувши въ лѣтописная писанія Козацкая, довѣдалемся мало причинъ (якіе напредѣ, въ роздѣлѣ второмъ, суть виражени) запустѣнію тоя Украини: отъ книги зась Самоила Твардовского вѣршовой, *Война Домова* названной, въ Калѣшу року 1681 печатанной, и отъ книги гисторика Нѣмецкого Самуила Пуфендорфія, въ царствующемъ вели-

комъ градѣ Санктъ-Петербурхѣ, зъ Латинского на Руский языкъ переведенной и року 1718 випечатанной, и отъ діаріуша Самоила Зорки, секретара Хмелницкого (о которомъ напредѣ въ части первой, въ роздѣлѣ девятомъ, ширшей доложилося) получилемъ досконалшое о томъ запустѣніи Украинскомъ вѣденіе. Еднакъ, яко въ словесныхъ людскихъ сказаніяхъ, такъ и въ лѣтописныхъ описаніяхъ усмотрѣвши несогласія, мусѣлемъ вонтпити, невѣдущи совершенно хто зъ тихъ гисториковъ истинствуетъ, а хто отъ правди разнствуетъ. Якъ колвекъ теди есть, я трудолюбствуя понудихся для вигоди твоей, любопитсвующій чителнику Малоросійскій, вивести простимъ стилемъ и нарѣчіемъ Козацкимъ, а частьми и роздѣлами росположити гисторію о войнѣ зъ Поляки Хмелницкого и запустѣніи тогобочномъ Украиномалоросійскомъ. Въ якомъ виводѣ, въ книзѣ Твардовского, вѣршомъ (якъ и самъ онъ въ остатней части книги оноя свѣдителствуетъ) стислимъ, подзорнимъ и завикланимъ составленной, оминувши непотребства панагиричніе и поетицкіе, учащимся тилко отрокомъ къ видѣнію належащіе, самое точію военное (якъ слѣпій держачися плоту) виводилемъ дѣйствіе; и любо для трудности вѣршовой сенсъ Твардовского въ нѣкоторихъ мѣсцехъ перемѣнялемъ, гисторіи еднакъ и дѣйствія военного истности не перемѣнилемъ; развѣ чого въ Твардовскомъ не ставало, тое зъ Зорки и иншихъ лѣтописцовъ и записокъ Козацкихъ доложилемъ, а чого въ Зорки не обрѣлося, тое зъ Твардовского дополнилемъ. Занеже Пуфендорфій, яко отлеглій отъ Малія Росіи гисторикъ, коротко написалъ о той войнѣ Хмелницкого; а Твардовскій, любо дванадесятолѣтную войну домовую Полскую въ своей описалъ книзѣ; однакъ въ ней тилко осмъ лѣтъ препроводилося войни Хмелницкого зъ Поляками, въ нихъ же и подданеся Хмелницкого зъ Козаками и зо всею Малою Росіею въ протекцію Монархи Російского исполнилося; а прочіе чтири

лѣта войни Полской зъ Росіянами, Шведами и Венграми провлеклися; въ нихъ же кончина Хмелницкого, Гетманство Виговского, змѣна его, коммисія Гадяцкая, бѣдствіе сегобочной уже Украинѣ, Гетманство Безпалого и Гетманство Юрасево Хмелниченково, зъ тогдашними людскими разореніями, злоключимо собылося. А такъ, ласкавій чителнику, если покажется тебѣ въ семъ дѣлѣ моемъ що подзорное и неправедное, то може и такъ есть. Ты убо, аще достанеши совершеннѣйшихъ Козацкихъ или иныхъ якихъ лѣтописцовъ, воленъ естесь лѣность отложити, и мое въ семъ дѣлѣ невѣжество благонравнѣ покривши, подлугъ лѣтописцовъ онихъ, не уничтожая и моего подлого труда, отъ Бога ти даннимъ разумомъ исправити. Кгдижъ въ седмдесятъ лѣтъ по войнѣ Хмелницкого виводячи сію военнихъ дѣяній его гисторію, и Украинское тогобочное запустѣніе и сегобочное повреждение, за оскудѣніемъ найбарзѣй (яко више рѣхомъ) Козацкихъ лѣтописцовъ, трудно было домацатися совершенного о всемъ видѣнія и правди; и убо аще помененніи пречечонихъ дѣяній описателѣ въ своихъ не истинствуютъ писаніяхъ, съ ними не истинствую и азъ, по писанному — *всякъ человѣкъ ложъ*. Ти же ласкавій чителнику и правди любителю, все тое мнѣ прости и покрій своею благостинею всепокорственно уполяю; и взаемне тебѣ, отъ Найвишшого Господа и всѣхъ Создателя, временнихъ и вѣчнихъ благъ усердно и всеистинно желателствую.

Истинній Малія Росіи синъ, тебѣ же чителнику тоеяжъ отчизни, всѣхъ благъ присно желателствующій братъ и слуга,

Самоилъ Василіевичъ Величко,

бывій иногда въ енералной войска Гетманской Канцеллярія Канцеллярнста войска Запорозского.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

и рокъ первій начинанія войни Хмелницкого противъ Поляковъ.

Въ ней-же первѣе полагается виводъ о Хмелницкомъ и дѣтехъ его, потомъ прилагается о Пуфендорфію гисторику Нѣмецкомъ, и рѣчь его о войнѣ Хмелницкого; обиди, утѣсненія, разоренія Украино-Малоросійскіе, отъ Поляковъ бывшіе; давность и продолженіе ихъ; фортель Хмелницкого въ одобранню привилеовъ въ Барабаша Королевскихъ; причини отъѣзду Хмелницкого зъ Украини до Сѣчи Запорожской, и поднесенне войни на Поляковъ; корреспонденція листовная ошуканская Хмелницкого до пановъ Полскихъ; бытность и присяга Хмелницкого въ Криму; прихилность къ нему Ханская, и отпускъ зъ Криму зъ Тугай Беомъ; прибытте Хмелницкого до Сѣчи; постановлене его тамъ Гетманомъ, зъ врученемъ ему клейнотовъ войсковыхъ и войска Запорожскаго, зъ тріумфомъ тогдашнимъ; число войска Низоваго. О писарахъ Сѣчовихъ, и прочая. Отрохъ знакахъ предъ войною Хмелницкого бывшихъ; зрозумѣне чрезъ Поляковъ фортелю Хмелницкого зъ его листовной корреспонденціи; прибытте войскъ Полскихъ на Украину, и несправность ихъ; виѣздъ Хмелницкого зъ войскомъ зъ Сѣчи; злученсся его зъ Козаками реестровими, Днѣпромъ до Кодаку при Барабашу пливувшими; розгромъ первій Поляковъ на Жолтой Водѣ; здобичъ тамошная; зловлене и изгублене тамъ Чаплинского; рушенне Хмелницкого ку Корсуну; розгромъ повторній

1 *

главній подъ Корсуномъ Поляковъ зъ Гетманами ихъ; здобичъ тогдашная, и прочая; виправа Хмелницкого до Запорожжа и въ Кримъ подарунковъ; одозвъ Хмелницкого до Вишневецкого, и изгуба посланцовъ его. Рушене Хмелницкого отъ Корсуна до Бѣлой Церкви, и розослане унѣверсаловъ его обширнихъ отъ толь во всю Украину; умедлѣніе подъ Бѣлою Церквою; личба тамъ войска и арматъ Хмелницкого; поставлене полковниковъ, розослане ихъ на войну, и смерть Короля Владислава; збурене Нестервару и иннихъ городовъ, и страхъ Лядскій; замѣрене граници Козацкой по Горинь и прочая; віѣздъ Вишневецкого зъ Лубень; тиранство Вишневецкого на рознихъ мѣсцахъ; прогрессъ его военній на рознихъ же мѣсцахъ зъ Кривоносомъ; рушене Хмелницкого отъ Бѣлой Церкви до Пилявн; взятте Бару чрезъ Кривоноса; личба войска Полскаго подъ Чолганскимъ, и рушене оного ку Пилявѣ; розгромъ третій того-же лѣта Поляковь чрезъ Хмелницкого подъ Пилявою, и страхъ до утѣчки зъ Полщи; прогрессъ далшій военній Хмелницкого тогожъ лѣта; взятте Збаража зъ богатствами шляхетскими; окупленеся Львова и Замостя Хмелницкому; розніе дѣяція и сейми Лядскіе тогдашніе; поселство ихъ до Хмелницкого, и поворотъ Хмелницкого на Украину зъ подъ Замостя; повторное поселство отъ Поляковъ до Хмелницкого зъ подарками и фалшивою пріязнію; погрѣбъ Короля Владислава, и коронація Короля Яна Казѣмѣра зъ тріумфомъ Лядскимъ; розставлене войскъ Хмелницкого на зимовлю по надъ Горѣню; прибытте его въ Переяславль, и привѣтствіе ему отъ Малоросіяновъ. О рознихъ послахъ до Хмелницкого, и отправѣ ихъ; поведеніе Лядское разное, и о жидахъ; Шумейкова виправа для добыванія Кодаку и его неисправленіе.

РОЗДѢЛЪ I.

Виводъ о Гетману Хмелницкомъ, хто онъ былъ и отъкуду; о дѣтехъ его и слугахъ значнѣйшихъ; и о гисторику Нѣмецкомъ Пуфендорфію.

Немоглемъ того дойти и вибадатися зъ гисторій книжнихъ, якого власне року заложенъ и доконченъ въ Полщѣ славній и крѣпкій замокъ Бродскій; того тилко зъ повѣсти певной шляхти Полской дойшолемъ, ижъ Зѣновій Богданъ Хмелницкій, яко волній и значній шляхти Руской сынъ, зоставалъ въ Полщѣ въ чину конюшескомъ, у велможного пана Потоцкого, фундатора замку Бродскаго, въ тое время когда зовсѣмъ докончился тотъ замокъ. И егда тотъ Потоцкій, зъ многими и високими себѣ ровними шляхти Полской персонами, прибылъ до Бродовъ, для оглядання тоей своей замку Бродскаго фундацiей, тогда зъ тоюжъ своею ассистенціею ходячи по валахъ Бродськихъ, тѣшился велце, же за стараньемъ и коштомъ его такъ знаменитая и крѣпкая фортеца Бродская зостала сооруженна. Где слышалъ и отъ ассистентовъ своихъ многіе себѣ похвали и той фортецы залеценния, яко и недобытою ей нарицали. При немъ тежъ пану Потоцкомъ и конюшій его, Богданъ Хмелницкій, по тихъ же валахъ близко ходячи, а для бывшей въ немъ натуралной вдячности, ростропности и науки, великую имѣючи милость отъ пана своего, кгди вопрощенъ былъ таковымъ словомъ: «пане Хмелницкій, якъ ся тобѣ мнитъ о той фортеци; бо я уважамъ, и всѣ тое признають мнѣ,

ижъ есть не добыта. Хмелницкій на тотъ часъ запомнѣвши злой аиле въ подпиломъ пана своего фантазіей, учинилъ неосторожне такій на слово панское отвѣтъ: «Ясне велможній мосце добродѣю! що рука людская здѣлаетъ, то таяжъ и зопсовати можетъ.» Що любо есть правда, однакъ тимъ отвѣтомъ Хмелницкаго тотъ панъ Потоцкій, фундаторъ Бродскій, барзо ураженъ; но Хмелницкій непостерегль того; лечъ отъ другихъ браттѣ своей, а особливе отъ ближайшихъ боку панского слугъ, съ которими мѣлъ доброе захован̂е и пріязнь, кгды зосталъ перестереженъ, ижъ мѣлъ того дня отъ меча панскаго стратити свою голову; теди тоей смертной недожидаючися чаши, кгди начали до столу панскаго, въ новосозданнихъ замковихъ будинкахъ готовати, онъ Хмелницкій війшолъ зъ замку на кватеру свою въ мѣсто Броди; где лутшіе конѣ свои побравши, и що было на тотъ часъ при немъ субстанціи на вюки зложивши, рушилъ зъ челяддю своею спѣшно и безвѣстно зъ кватери въ путь намѣренній; и нимъ пришло до полъ обѣду панского въ замку Бродскомъ, Хмелницкій тимъ часомъ миль три и чотири моглъ улузати. А о полъ обѣдѣ, кгди панъ Потоцкій загрѣлъ уже добре лобъ свой сикеромъ, велитъ покоевому своему винести себѣ съ комнати палашъ; а другому слузѣ приказалъ звати Хмелницкого конюшого своего. Тотъ слуга по всемъ замку незнайшовши Хмелницкаго, удался на квартиру его, а тамъ одержалъ отъ людей домашнихъ таковую вѣдомость: ижъ Хмелницкій посѣдлавши и повючивши свои конѣ, рушилъ спѣшно изъ кватери, несказавши нѣкому куда. Слуга тотъ, кгди о отъѣздѣ зъ Бродовъ Хмелницкаго принеслъ пану Потоцкому реляцію, тогда всякъ домислился, ижъ Хмелницкій оставивши вѣчне службу свою, ушолъ вовсе отъ гнѣва панскаго. Панъ Потоцкій получивши тую, о уѣханню Хмелницкаго, вѣдомость, тимъ барзѣй розярился, и заразъ найлучшими конми своими приказалъ слугамъ сво-

имъ гнати за Хмелницкимъ, а завернути его до себе. Якая за Хмелницкимъ погоня любо и была, еднакъ всуе; поневажъ недогнанїй Хмелницкїй и безъ жадного препятствія щасливе отъ Бродовъ прибылъ на Украину. Где нѣколикое время преживши, и зъ добрими молодцами Козацкими обознавшись, отъѣхалъ зъ ними на низъ, до Сѣчи Запорожской. А тамъ чрезъ нѣколико лѣтъ зостаючи, набывалъ нужнихъ собѣ вещей, чрезъ праци и труди военніе; ходячи зъ Козаками Запорожскими, полемъ и моремъ, за промисломъ военнимъ подъ жилища бесурманскія, и въ окказіяхъ военнихъ не закриваючи своего предъ непріятелемъ ока; за що въ войска Запорожскаго въ особливой былъ чести и поважѣ. А наконецъ, зтескнувши въ Сѣчи Запорожской, отъѣхалъ въ городи Украинскіе Малоросіиские; и въ Чигринскомъ повѣтѣ оживишись, женился, понявши себѣ панну Анну Сомковну, зъ нею же сплодилъ двохъ синовъ Тимоша и Юрія, и третую цорку Елену. Але ижъ былъ лѣтератъ и въ чину Козаковъ реестровихъ знаменитій, а въ окказіяхъ военнихъ противъ бесурманъ (особливе на морю Чорномъ, въ десятку тисячъ войска Козацкаго, року 1621, за кролевства въ Полщѣ Жигмунта третого и сина его Принцъ Владислава, во время войни Полской подъ Хотѣнню, зъ Османомъ Царемъ Турецкимъ бывшой, и инщихъ временъ и случаевъ) ижъ завше оказивался Королевѣ Полскому и рѣчи посполитой не безъ значнихъ и награжденія достойнихъ прислугъ и заслугъ; того ради отъ Короля Жигмунта и сина его Принцъ Владислава и рѣчи посполитой певную часть кгрунтовъ и земель, въ повѣтѣ Чигринскомъ, въ Суботовѣ, имѣлъ собѣ наданную, и вѣчнимъ мандату Королевскаго привилеомъ ствержденную; и на тихъ то добрахъ своихъ живучи, осадилъ слободу Суботовскую, и значне былъ началъ розживатися, яко и Твардовскій въ первой части книги своея наменяетъ. Чому врагъ ненавидяй

добра людского, чрезъ инструментъ свой Чаплинскаго, позавидѣвши, вигналъ былъ на время зъ дому и осѣдлости его Хмелницкого до Запорожя; чрезъ якое вигнане, нетилко значное и несказанное крвѣ Православной и Римской здѣлалъ пролитіе; але и великое Коронѣ Полской и Украинѣ Малоросійской нанеслъ спустошенне и розореніе: що зъ гисторіи предлежащой доскональе узриши любопитствующій чителнику. А я знову до рѣчи моей о Хмелницкомъ возвратившись, тое тутъ докладаю, ижъ ободва сини Хмелницкаго, Тимошъ и Юрій, были паливоди своеволніе; но Юрій не такъ, занеже онъ зъ натури былъ евнухъ; а старшій Тимошъ, еще совершенно несконченной бывшей войнѣ тогда Хмелницкого зъ Поляки (яко о томъ на предѣ узриши), женился на Домнѣ, дочери тогдашнего Господара Волоского, и толъ былъ своеволній, же по смерти отческой (если то есть правда), Чаплинскую мачеху свою на воротахъ обвѣсилъ. Бо Хмелницкій пришедши зъ войскомъ Козацкимъ отъ Запорожя до Чигрина, зловилъ Чаплинскаго, главного ворога своего, и оттявши ему голову, Чаплинскую понялъ въ жену себѣ. Потомъ и Тимошъ Хмелниченко не долго зъ Домною поживши, забитъ въ Сочавѣ; а Домна на свои отчистіи добра зъ Украини, въ огнѣ военномъ тогда палавшой, для тишини и покою въ землю Волоскую отъѣхавши, въ нихъ, яко достатная и богатая панѣ вдовствующая, господствовала ажъ до смерти своей; якая нечаянно постигнула еи отъ рукъ нестатковъ и гултаевъ Козацкихъ; которіи поворочаючи подобно зъ нѣякихсь затяговъ военнихъ, набрили въ Волощинѣ Домну въ нѣякоісь еи маетности: и тамъ на домъ еи разбойническо нападши, и всѣ скарби и богатства, якіи были на верху, розграбивши, прочихъ скарбовъ схованнихъ допитовалися Домни мученіемъ и тиранствомъ. Лечъ она, будучи мужественною невѣстою, отповидѣла Козакамъ такъ: «лутше хощу да владѣетъ земля бездушная, нежели ви

одушевленніе врази мои, скарбами моими»—при якихъ словъ скonченню, абіе скончила и животъ свой Домна Тимошиха. Юрій Хмелницкій, по смерти отческой и по Гетманству Виговскаго, былъ мало щось Гетманомъ въ Чигринѣ, подъ державою Великаго Государа Россійскаго, которому вскорѣ змѣнивши, и въ отчаяніе фортуни своея пришедши, удался до Порти Турецкой, и сталъ былъ тамъ чернецемъ. Но вскорѣ, по желанію Оттоманскомъ, чернечество свое отринувши, а Гетманомъ знову отъ Порти на Украину присланнимъ будучи, таковимъ отъ Порти ударованъ былъ и писался титуломъ: *Юрій Хмелницкій Венжикъ, Княже Сарматійскій и Гетманъ всего войска Запорожскаго;* що дается во кратцѣ видѣти въ конституціяхъ Короля Яна Собѣского, на листѣ 35-мъ, року 1677-го въ Краковѣ друкованнихъ.

Елену зась Хмелницковну понялъ былъ за жену значній и шляхетній человѣкъ, первѣе Данило Виговскій (братъ роднй Виговскому, що по Хмелницкомъ былъ мало Гетманомъ); потомъ Павелъ чили Пантелеймонъ Тетеря, которій тожъ малое время и Гетманомъ Козацкимъ былъ въ Чигринѣ предъ Ханенкомъ Гетманомъ Уманскимъ. Ми-же зде о томъ тутъ замолчавши, приступаемъ до сказанія о войнѣ Хмелницкого зъ Поляки бывшой; въ которое время военное были при немъ Хмелницкомъ два человѣки знаменитихъ, рожаю шляхетного Козацкого: еденъ—Петро Дорошенко конюшимъ, а другій Иванъ Бруховецкій слугою старшимъ; которіи обадва ижъ были люде довцѣпніе и въ рѣчахъ свѣтовихъ бѣгліе, прето временъ своихъ, и гонорами Гетманскими отъ Бога и войска Запорожскаго, Дорошенко въ Чигринѣ, а Бруховецкій въ Гадячомъ, были почтени. О чомъ всемъ по лѣтахъ ихъ напредѣ, по войнѣ Хмелницкого, въ семъ лѣтописцу лутше виражается.

О гисторику Нѣмецкомъ Пуфендорфію.

О войнѣ Хмелницкого зъ Поляки бывшой нимъ зачну досконале писати, когда и зъ якихъ причинъ оная вщалася, и нимъ дойду автора Полскаго Самуила Твардовского, тую войну Полскимъ ритмомъ описавшаго, и тщаніемъ моимъ на стиль простій гисторическій переведеннаго, и въ перемѣшку зъ лѣтописними записками Козацкими, также частми и раздѣлами спораженнаго; усмотрѣхъ за благо положити здесь пунктъ зъ гисторіи Нѣмецкого автора Самоила Пуфендорфія, тую-жъ войну Хмелницкого краткими слови окрѣсливщого. Въ якой оной Пуфендорфія гисторіи любо не все такъ написано, якъ дѣлалося, однакъ и праведніе суть рѣчи, Лядскую неправду а Козацкую невинность изявляющіи. Бо не дивно было тому автору Пуфендорфію и розминутися въ чомъ зъ правдою, за килко сотъ миль отъ Малой Россіи, въ странахъ Нѣмецкихъ живщему, и досконалой а правдивой реляціи о той войнѣ Хмелницкого неимѣвшому, но на почтовихъ тилко авизіяхъ и кгазетахъ полагавшемуся, и въ описанію оной труда своего нежалѣвшому. Якій авторъ Пуфендорфій перво зъ Нѣмецкого на Латинскій, потомъ зъ Латинского, въ царствующемъ Санктъ Петербурхѣ градѣ (яко прежде рѣхомъ), на Рускій язикъ переведенъ и року 1718 випечатанъ.

Пуфендорфій въ главѣ десятой.

Року 1638 война Поляковъ съ Козаками началася, которая неудобовѣрная Полщи сотворила бѣдствія. Вещъ бысть тако: понеже Козаковъ мужики, оставивши отечество и къ нимъ присовокупившися, зѣло умножили, и тако множайшіе Полскіе велможи многія и великія на Украинѣ

имѣнія и села себѣ стяжали; мняху же доходи свои дивними прибытками размножити, ащеби Козакамъ свобода, въ странѣ оной отъята была; тѣмъ-же совѣтоваху Королю, даби Козаковъ обуздалъ и усмирилъ. Ради ихъ укрощенія, Конецполскій, воинства Полского воевода, городокъ Кодакъ созидати и утвержати, на томъ мѣстѣ где рѣка Самэра въ Днѣпръ впадаетъ, началъ. Сіе егда возбранити силою Козаки покушались, побѣжденни и пораженни суть отъ Поляковъ; и Балука Гетмана со множайшими инними началниками отдати непріятелемъ принуждени суть. Они Поляки недохраниша обѣщанного имъ, старшинѣ Козацкой, прощенія; всѣхъ до единого казнили. Потомъ на сеймѣ уставлено, даби всякія свободи, купно и Терехтемирова, мѣста крѣпчайшого, Козаки лишени были; и въ ихъ мѣсто новихъ воиновъ тамо приведенниxъ осадили. Тѣмъ же Поляки воинство свое приводятъ на Украину, съ которимъ Козаки хотя и множайшія и жестокія имѣли брани, всегда обаче въ вѣри и въ области ихъ быти обѣщались, ащеби старія устави и закони онимъ были позволени. Сіе егда имъ Поляки обѣщали не токмо вѣру недохранили, но и сами ихъ всегда озлобляли; ибо, оставивши прочія обиди имъ творимія, многіи у нихъ храми Греческія вѣри отняли; ниже Гетману ихъ Хмелницкому за великое безчестіе довле учинено есть; понеже власть ему Король даровалъ, нѣкія мелницы строити, которія нѣкій отъ шляхетнихъ, именемъ Чаринскій попалилъ, и жену Гетманскую насилствовалъ, и купно со сыномъ беззаконно убилъ.

Между сими, умершу Владиславу, въ лѣто 1647, на его мѣсто братъ его Іоанъ Казѣмѣръ избранъ. Хмелницкій мстячися за безчестіе свое, до бунтовъ Козаковъ возбудилъ; тѣмъ же сіи плѣняюще, убивающе, поля пожигающе, жени и дѣтей растлѣвающе, велія шляхетству Полскому пагуби сотвори. Сенаторамъ принуждающимъ, даби самъ Король противнимъ воинствомъ пошолъ на Козаковъ,

Король не иное что отвѣщалъ, токмо яко неподобало Полякомъ мелницы Хмелницкого сожигати, сей отвѣтъ учинилъ; яко Королева Полякомъ вѣра подозрѣна была, обаче воинства до пятидесяти тисящъ бысть собрано; которое потомъ боемъ побѣждено и поражено есть отъ Козаковъ; убіеннихъ есть на томъ бою до десяти тисящъ человѣкъ; тогда же и градъ Кіевъ взятъ бысть. Сіе пораженіе дабы равно воздали Поляки, безъ повелѣнія Королевского, седмого человѣка изъ всѣхъ избираютъ въ воинство, и оніе полки посилаютъ на Козаковъ. Но и паки великимъ боемъ побѣжденни и пораженни суть. Но егда Хмелницкій сына своего (ибо имѣль пояти во бракъ дщерь князя Волоского) бракъ въ Кіевѣ отправлялъ, тогда Поляки нечаянно напали, градъ Кіевъ расхитили, и Греческаго Патріярха тамо бывшого въ плѣнъ взяли. Потомъ Козаки пословъ до Короля посилаютъ вопросити: его ли повелѣніемъ сія быша или ни; Королю отрицающу и повѣдающу, яко во отмщеніе шляхтичѣ тако учинили; Козаки соединившеся съ Татарами, зъ великими полками на Полшу приходятъ; Король вкупѣ зъ шляхетствомъ во стрѣтеніе исходитъ, и непріятелей еднимъ боемъ побѣдилъ и поразилъ. Потомъ миръ съ Козаками учинился, о которомъ шляхтичѣ на Короля негодовали, глаголюще, яко велми онъ симъ миротвореніемъ поблажилъ Козакамъ. Егда же между усобнимъ несогласіемъ Поляки бунтовалися, Россіяне, которую давно во умѣ содержаху брань — явно начинаютъ. Въ лѣто 1653, присоединивше себѣ Козаковъ, Смоленскъ осадою окруживше, взяли чрезъ измѣну; отъ туду Литовскую землю велми опустошили, Вилню и прочія мѣста взяли, и онія всякимъ суровства образомъ бѣдственне разорили.

До здей Пуфендорфій.

РОЗДѢЛЪ II.

О обыдахъ, утѣсненіяхъ и разореніяхъ, Малоросіяномъ отъ Поляковъ творимихъ; за якого Короля и якъ давно оніе начашася; чрезъ колико и до якого Короля продолжишася. О Русѣ послѣ разоренія Батиева расплодившойся, и о Козакахъ въ ней уродившихся, и нижше пороговъ Днѣпровихъ жителствовати наченшихъ; и о Гетманахъ ихъ. О привилеяхъ давнихъ Королевскихъ приватнихъ и публѣчнихъ, у Малоросіяновъ бывшихъ, и одобраню чрезъ Хмелницкого у Барабаша привилеовъ Королевскихъ, Малоросіяномъ же полезнихъ; также о Хмелницкомъ, зъ якихъ причинъ уѣхалъ до Сѣчи Запорожской, и по фортелной листовной до Поляковъ кореспонденціи, абіе поднеслъ и военное на нихъ же Поляковъ оружіе. Лѣтопись Козацкій.

Року отъ созданія всея твари 7156, отъ воплощенія же Сына Слова Божія Содѣтеля и Зиждителя миру Христа Господа 1648, въ онъ же господствоваху и повелѣваху: въ Москвѣ Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Россіи Самодержецъ; а въ Полщѣ Великій Государь и Великій Князь Владиславъ Жигмунтовичъ четвертій, Король Полскій и Шведскій, его же и шестимъ Владиславомъ Пуфендорфій нарицаетъ; лѣто было високтовое; лѣтера Пасхалная была К красное. Бысть веліе Малоросіяномъ шляхетнимъ и посполитимъ, по обоихъ сторонахъ рѣки Днѣпра жителствующимъ, и Козакамъ войска Запорожского, отъ пановъ Полскихъ и ихъ дозорцовъ, мимо волю Королевскую и рѣчи посполитой, утѣсненіе,

озлобленіе, всеконечное знищене и разореніе. Которое то утѣсненіе, любо началося творити Русѣ отъ Поляковъ отъ 1333, подлугъ Кгвагнѣна и Пуфендорфія; албо по иномъ гисторику Кромеру 1336 году, когда Казѣмѣръ Великій, иже есть того имени третій, по смерти Владислава Локетка, отца своего, наставши заразъ Королемъ Полскимъ, и первого року 1340, потомъ всеконечно року 1348 взялъ войною Рускіе землѣ и провинціи, и зъедночилъ ихъ зъ Короною Полскою, албо подчинилъ ихъ оной. Однакъ легшое и зноснѣйшое было людемъ Рускимъ и Козакамъ зъ ними, ажъ до кролевства Жигмунта первого. Егда же Жигмунтъ оній, подлугъ Кромера и Кгвагнѣна, року отъ Рождества Господня 1507 пріять Королевство Полское; тогда за его панованя, девятого року, то есть отъ Рождества Христова року 1516, Козаки въ Рускихъ провинціяхъ и земляхъ, и зъ тоежъ Русѣ, чрезъ 276 лѣтъ послѣ плѣненія и разоренія Батіевого (которое бысть, по свѣдителству Пуфендорфіеву, року отъ рождества Господня 1237, а по свѣдителству Кгалятовского, въ Скарбницѣ его, въ чудѣ второмъ, року 1240) паки расплодившіися и умножившіися, зъ домовъ своихъ виходити, и по островахъ Днѣпровихъ, нижше пороговъ, рибними и звѣриними добичами бавячися, когда начаша вселятися: тогда заразъ завистніе добру и волности людской Поляки, того незлюбивши, начаша, надъ волю и привилея Королевскіи, болшіе Русѣ и Козакамъ творити обиди и утѣсненія. Потомъ подлугъ помененного гисторика Пуфендорфія, року отъ рождества Христова 1574, а подлугъ Кромера гисторика Полского року 1576, по Генрику Валенсію Французѣ, Князю Авдегавенскомъ, брату Короля Французского Кароля девятого, егда сѣде на маестатѣ Королевства Полского Стефанъ Баторій, Князь Трансилванскій, Воевода Седмигродскій, мужъ въ кронѣкахъ великое зъ рицерства залѣцене мѣючій, и въ рицерскихъ людехъ кохаючійся; тогди,

устроивши въ Полщѣ войска платніе (якихъ предъ тимъ не бывало) назвалъ ихъ кварцѣялнимы. Егда же заразъ потомъ, и въ Козакахъ Днѣпронизовихъ, яко овцахъ пастира неимущихъ, устроилъ чинъ къ воинскому управленію потребній, позволивши имъ подлугъ старожитнихъ и древнѣйшихъ обичаевъ, между собою имѣти нетилко меншихъ началниковъ, но и найболшого воевъвожда Гетмана, и надалъ имъ во владѣніе, для Гетманской резиденціи и для войсковихъ всякихъ запасовъ и прибѣжища, надъ Днѣпромъ городъ Терехтемировъ, со всѣмъ его уѣздомъ (що и Твардовскій въ части первої книги своей — *Война Домова* — названной, свѣдителствуетъ), ствердивши тое войску Запорожскому и грамотою своею Королевскою: тогда Поляки въ болшую (отъ первой) зависть и недоброхотство возвративши, всю подъ своею властію тогда бывшую Русь и Козаковъ внутрь Полщи и на Украинѣ, по обоихъ сторонахъ рѣки Днѣпра жителствовавшихъ, болшими налогами и бѣдстви отягощати и озлобляти начаша. И продолжися имъ, Козакамъ и Русѣ, тое отъ Поляковъ творимое озлобленіе чрезъ лѣтъ 315, числячи отъ Казѣмѣра Великаго (яко выше изобразилось) Русь завоевавшаго, ажъ до Владислава четвертого. Бо отъ вишписаннаго Короля Полского Казѣмѣра третого до панованія Жигмунта первого, бяше Русь (яко же рѣхъ) въ меншомъ отъ Поляковъ озлобленіи чрезъ лѣтъ 174, въ нихъ же прейдоша Королей Полскихъ 8, съ нимъ же Казѣмѣромъ числячи. А отъ Жигмунта, до королевства Стефана Баторого чрезъ лѣтъ 67, въ нихъ же прейде Королей Полскихъ 3, съ нимъ же Жигмунтомъ рахуючи, въ болшомъ утяженію Русь съ Козаками обрѣталася. Отъ Стефана зась Баторого до кончины, въ мѣстечку Меречу, Владислава вишмененного четвертого, въ року 1648 постигшої (въ онъ же и Хмелницкій за волности Козако-руские подиялъ войну противъ Поляковъ) бяше Русь зъ Козаками въ неудобостерпимомъ отъ Поляковъ озлобле-

ніи и утѣстеніи, чрезъ лѣтъ 74; въ нихъ же прейшло Королей Полскихъ 3, съ ними же Владиславомъ и Баторіемъ изчисляючи.

И тако всего (яко вишшей написахомъ) исполняется лѣтъ озлобленія Русѣ и Козакамъ отъ Поляковъ бывшого 315; а Королей Полскихъ всѣхъ, чрезъ тіе лѣта, паитіемъ смертнимъ премѣнися 14; которихъ здесь по имени, для лучшого вѣденія любопитствующему чителниковѣ, по рокамъ панования и кончини ихъ, съ гисториковъ предъ писанныхъ, Кромера Полского и Пуфендорфія Нѣмецкого, виразная хронологія полагается.

Хронологія Королей Полскихъ отъ Казимира великого до Владислава четвертаго албо шестого бывшихъ; подъ ними же Русь зъ Украиною и Козаками бяшь ажъ до войни Хмелницкого.

Число Королей	Годовъ настаіи		Годовъ помераи	Лѣтъ кролевали
1	1333	Казѣмѣръ Великій, иже есть третій	1370	40
2	1370	Людвикъ, Венгерскій и Полскій Король . . .	1382	12
3	1382	Жигмунтъ Марграбя не коронованній . . .	1386	4
4	1386	Владиславъ вторій Ягелліо	1434	48
5	1434	Владиславъ третій, Полскій и Венгерскій .	1445	11
6	1447	Казѣмѣръ третій	1492	45
7	1492	Янъ Олбрехтъ	1501	9
8	1501	Александръ, братъ Олбрехтовъ	1506	5
9	1507	Жигмунтъ первій, Князь Глоговскій	1548	43
10	1548	Жигмунтъ вторій, Августъ	1572	27
11	1574	Генрикъ Валенсій, албо Еракузъ	1574	4 мѣс
12	1576	Стефанъ Баторій, Князь Трансилванскій . .	1586	10
13	1587	Жигмунтъ третій, иже есть и четвертій	1636	49
14	1636	Владиславъ синъ его, иже есть IV и VI . .	1648	12

Тіи убо вси Монархи Полскіи, яко имъ прислушало и подобало, бяху къ своимъ подвласнимъ людемъ, Руссомъ и Козакамъ, ласкавими и милостивими Панами, имуще ихъ въ своей особливой охоронѣ и протекціи, и древнѣйшіе ихъ права и волности, еденъ по другому засѣдаючи маестатъ Королевства Полского, новими своими грамотами и привилеями умоцняли, а особливе Ягелліонъ или Владиславъ вторій по Кромеру по Пуфендорфію же четвертій, за королевства своего, ко Руссомъ и Козакамъ (взглядомъ наданния и ствержения правъ и волностей имъ полезнихъ) не безъ особливой моглъ быти благодати и призрѣнія, яко Монархъ (по свѣдителству Кгвагненову, въ кронѣци Полской на листѣ 98) зъ матки Руски рожденній, и многое зъ своихъ добродѣтелей и благонравія отъ тогожъ Кгвагнѣна залецене имѣющій; а надъ то, памятствуючи онъ, Ягелліонъ, антецессоровъ своихъ Королей Полскихъ уставовъ и привилеовъ, Козакамъ и Русѣ поставленнихъ и утвержденнихъ, не уничтожати и не кассовати. И овшемъ зъ тихъ помененнихъ Монарховъ Полскихъ каждій що колвекъ моглъ (яко же вишей рѣхъ), часу своего панования, Руссомъ и Козакамъ Украиномалоросійскимъ приболшити правъ и волностей ку ихъ помислнѣйшому житію (що въ пактахъ и метрикахъ коронныхъ певне обрѣсти моглобися), заохочаючи ихъ тимъ и впередъ ку себѣ на пріязнь, непремѣнную зичливость и вѣрную службу. Лечъ панове державци Полскіе и ихъ дозорци, въ Рускихъ земляхъ и провинціяхъ бывшіе, вси тіе Королевскіе мандати и привилея чрезъ свою гордость уничтожающе, своимъ неситимъ желаніемъ, зъ людскимъ утѣсненіемъ и обидами (яко же преднаписася) чинили довлетвореніе. Аще бо и имѣяху въ то время (то есть року 1648) Козаки и всѣ Малоросіяне въ себе права и привилея древніе Королевскіе, на певнія свои волности и свободи данніе; обаче тѣхъ високодумная и гордостію веліею вознесшаяся (яко же и виш-

ше рѣхомъ) шляхта Полская не слушала и не исполняла; и за ничто же ихъ мнящи, великими тяжестми и бѣдствами (для своихъ власнихъ и найболшими богатствами и прибытками ненасищенних аффектовъ) утискала и обижала. Зъ якихъ привилеовъ Королевскихъ една шляхта Малоросiйская имѣла и держала въ себе приватне; бо тилко имъ саммъ оніе на добра и волности ихъ были дани. А другіе привилея войску Запорожскому и всему обще народу Малоросiйскому служачіи, по прежнихъ Казацкихъ Гетманахъ позосталіи (которихъ то Гетмановъ отъ 1576 року, въ онъ же насталъ Королемъ Баторій, до 1638 року, въ онъже кролевалъ Владиславъ четвертій албо шестій, и въ немъ же отправилася прежде вираженная война зъ Поляки Остраницова, по свѣдителству кронѣкъ Полскихъ и лѣтописцовъ Козацкихъ, то есть чрезъ 62 чили семдесятъ одно лѣто, прейшло вѣрнихъ и противнихъ Полякомъ десятъ; ихъ же прозименованія сіи суть, по рокамъ ихъ зде полагаемихъ:

Число Гетмановъ	Годовъ Гетманования	ИМЕНА ГЕТМАНОВЪ.
1	1577	Шахъ Гетманомъ былъ Запорожскимъ.
2	1595	Наливайко былъ Гетманомъ Козацкимъ.
3	1599	Косѣнскій былъ Гетманомъ Запорожскимъ.
4	1618	Сагайдачній былъ Гетманомъ Козацкимъ.
5	1626	Вовкъ былъ Гетманомъ Запорожскимъ.
6	1630	Тарасъ былъ Гетманомъ Козацкимъ.
	чили 37	
7	1631	Балукъ былъ Гетманомъ Запорожскимъ.
	чили 2	
8	1633	Сулима былъ Гетманомъ Козацкимъ.
9	1638	Остранинъ былъ Гетманомъ Запорожскимъ.
10	Тогожъ	Гуня былъ Гетманомъ Козацкимъ.

знайдовалися на тотъ часъ въ рукахъ значного Козака Барабаша, полковника Черкаского; его-же многіе зъ людей, Малоросійскихъ рѣчей певне несвѣдоміи, нарицаша и днесь нарицаютъ Гетманомъ, но нѣсть тако; заис же отъ помененной войни Остраниновой, Гетмани войска Запорожского, чрезъ трактатъ у Маслового Ставу заключенній, испразднишася; и комисарѣ Полскіе вмѣсто Гетмановъ Козацкихъ надъ Козаками уставлени бяху, що назадѣ на листѣ... совершенно виражено. Тотъ Барабашъ, еще предъ полковничествомъ своимъ Черкаскимъ, будучи значнимъ на Украинѣ товаришомъ войска Запорожскаго, гди року 1636 насталъ Королемъ Полскимъ Владиславъ четвертій, иже есть шестій, зъ Богданомъ Хмелницкимъ и зъ инимъ значнѣйшимъ товариствомъ Украинскимъ ѣздилъ до него Владислава, и при освядченню ему творимихъ на Украинѣ отъ Поляковъ обидъ и утисковъ, просилъ о потверженне Королевское давнихъ Украинскихъ и Козацкихъ правъ и волностей, и аби волно было имъ зъ между себе вибрати и поставити Гетмана, на услугу и защитъ отъ непріятелей Коронѣ Польской потребного: що и одержалъ. Ибо нетилко данъ былъ ему Барабашу, зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Украино-Малоросійскимъ, привилей Королевскій, при печати и подписѣ власной руки Королевской Владиславлей, стверждаючій прикладомъ прежнихъ Королей Полскихъ всѣ Козацкіе и Малоросійскіе древніе права и волности, и позволяючій имъ Козакамъ на Украинѣ своего имѣти Гетмана; але при отправѣ ихъ приватне бывшой, и такое Королевское къ нему Барабашу зъ товариствомъ устное было слово: « памятаемъ мы, панове Козаци (кромѣ иныхъ давнѣйшихъ вѣрнихъ, антецессоромъ нашимъ наяснѣйшимъ Королямъ Полскимъ и всей коронѣ, услугъ вашихъ), недавно прошлую Хотѣнскую, подъ дирекціею нашею, упрейме вѣрную и зичливую противъ Османа, Солтана

Турецкого службу вашу войска Запорожского; которой, яко наяснѣйшій Жигмунтъ отецъ нашъ, Король Полскій, такъ и мы вдячни будучи велце, декляровалисмо вамъ, всему нашему войску Запорожскому и цалому пароду Украинскому, такую нашу ласку и респектъ, якой бысте тилко отъ насъ аффектовали и вождел ѣли, и теперь тоей декляраціей нашой не кассуемъ и не премѣняемъ. А претожъ, еслиби Поляки на Украинѣ господствующіе, своимъ ходячи упоромъ, неслухали нашего Королевского заказу, и неповстягнулися отъ чинення Малороссіяномъ и вамъ Козакамъ кривдъ и прикростей; то яко военніе есте люде, такъ маючи шаблю при боку своемъ и въ рукахъ самопалъ, можете своихъ древнихъ волностей тимъ оружіемъ у Поляковъ доходити.» Якіе устніе слова Королевскіе, волностей оружіемъ боронити Козакамъ позволившіе, за занесенемъ килкокротнихъ послѣ того чрезъ суплѣки Козацкіе жалобъ Украинскихъ, о непрестаемихъ отъ Поляковъ на Украинѣ бѣдствахъ и разореніяхъ, и приватнимъ листомъ Королевскимъ Владиславовимъ, до Барабаша зъ товариствомъ писаннимъ, были повторенни и подтверждени. Лечъ Барабашъ потимъ усталіовавшися добре на полковничествѣ Черкаскомъ, и держачи въ себе тіе привилея Королевскіе (о которихъ Хмелницкій совершенно вѣдалъ и зналъ где зостаютъ въ Барабашевомъ схованню), любо отъ многихъ обидимихъ, а особливѣ отъ Хмелницкого былъ возбуждаемъ при тихъ правахъ непремѣнно стояти, и нового Гетмана межи собою поставивши, Королевского Величества и рѣчи посполитой знову чрезъ пословъ своихъ просити, аби паки новими привилеями и мандатами тіе ихъ давнѣйшіе права подтверждени, и панове Полскіе отъ чинення обидъ и утисковъ Козакамъ и всѣмъ Малоросіяномъ, даби были завстягнени; однакъ онъ Барабашъ, для своихъ приватъ и властолюбія, бинаймнѣй того обидимихъ людей совѣта неслухаючи, и скор-

бей ихъ знати не хотячи, крилъ и таилъ въ себе тіе привилея, безъ жадной Козакамъ и народу Малоросійскому ползи. И яко Гетманску элекцію, чрезъ килко лѣтъ, часъ за часомъ откладаючи, зволѣкалъ всуе (чи то домишлялся того, же онъ Гетманомъ поставленъ не будетъ; а если инішій хто избранъ зостанетъ Гетманомъ, то и на полковничество Черкаское лутшій отъ него винайтися можетъ), такъ и о добрѣ людскомъ посполитомъ згола своего нехотѣлъ имѣти старання. Чили творилъ тоей Гетманской элекціи зволоку и проліонзацію для коррупціи отъ пановъ державцовъ Украинскихъ ему бывшой, чого мощно надѣятися. Албо наконецъ для того, жеби трактатъ, по сконченню войни Остраниновоі, року 1638, у Маслового Ставу зъ Козаками заключенній (яко стоитъ на листѣ...), былъ безъ поврежденія при своей захованъ цѣлости.

Богданъ Хмелницкій (о немъ-же въ виводѣ, на листѣ.. (*) кто и отъкуду онъ бѣ, изъявилъ прежде) сотникъ уже на тотъ часъ Чигринскій, видячи людей своихъ Украинскихъ, отъ пановъ Полскихъ и дозорцевъ ихъ бѣдственнѣ гнѣтомихъ и озлобляемихъ, плачъ и стенаніе; братерскимъ а праве отческимъ на тое уболѣвалъ сердцемъ, и всегда мислилъ о способѣ томъ, чрезъ которій би возмоглъ зъ рукъ Барабашевихъ привилея Королевскіе, Малоросіянамъ въ ползу наданніе отобрати, и при онихъ полезнѣйшое що погибающой Украинѣ сотворити. Егда же отъ Чаплинского (которій отъ пана Конецполского, хоружого коронного, былъ на тотъ часъ въ Чигринѣ подстаростѣмъ) и самого его Хмелницкого постигнула кривда и безчестіе: кривда отъ толь, же Чаплинскій заздростію добра людского отягощеній, за позволенемъ пана своего Конецполского хоружого, мимо волю Королевскую, отнялъ у Хмелницкого слободу Суботовскую и иніе угоддя, и права Королевскіе виманилъ; а безчестіе оттоль

(*) См. стр. 11.

же гди о той своей кривдѣ нѣсколко словъ Хмелницкій промовилъ до Чаплинского, и о отдане привилеовъ Королевскихъ упоминался, заразъ былъ зъ великимъ безчестіемъ и ругателствомъ, якъ лотръ якій, въ тѣсное туремное между злодѣями посажденъ вязене, и въ немъ чрезъ дней чтири зостаючи, заледво чрезъ Чаплинскую перепросилъ Чаплинского и випущенъ зосталъ зъ вязеня туремного. Тогда онъ Хмелницкій, при дозваню на власномъ себѣ такой отъ Чаплинского кривди и безчестія; а къ тому нетилко зъ дому Чаплинского, отъ нѣкоегось друга своего зосталъ перестереженъ, что Чаплинскій и о самую Хмелницкого старался голову, но совершеннѣйше о томъ, тожъ отъ друга своего пана Кречовскаго, полковника Переяславского, зосталъ увѣдомленъ тако: иже листомъ Гетмана коронного Потоцкого, къ нему Кречовскому писаннимъ, и подъ арестъ взяти его Хмелницкого уже повелѣнно есть. Тимъ барзѣй въ пилностію началъ мислити о правахъ Королевскихъ у Барабаша хранимихъ, якъ би ихъ себе одоискати; того ради умислилъ на день Св. Николая, скораго всѣмъ бѣдствующимъ помощника, Декамврія 6 празднуемій, учинити въ Чигринѣ заволанній обѣдъ и на оній призвати зъ Черкасъ Барабаша полковника зо всею старшиною, также нищихъ и калѣкъ учредити и милостинею обдарити. Що кгди учинилъ, и Барабаша зъ старшиною затяглъ зъ Черкасъ до Чигрина въ домъ свой, тогда самъ въ трезвости захованшися, постарался старшину всю а найбарзѣй Барабаша всѣмъ укоитентовати, и якъ найлутше подпоити. Старшина прето пяная розойшлась по господахъ, а Барабашъ, яко отъ всѣхъ началнѣйшій, тамъ же въ дому Хмелницкого получилъ отпочинокъ. Кгди теди змореннїй крѣпкими трунками отъ Хмелницкого, зосталъ и отъ сна натури людской презвонгого уморенъ; тогда абіе Хмелницкій отъ Барабаша спячого для знаку и вѣроятія взявши шапку его и хустку, послалъ зъ тимъ знакомъ у дву конь доброго и справного человѣка своего въ Черкаси до Бараба-

шихи, научивши его, аби при показанню знаковъ посилаемихъ, шапки и хустки Барабашевой, пилно и неотступно упоминался у Барабашихи о видане себѣ привилеовъ Королевскихъ, до Барабаша пилно потребуемихъ, а въ еи Барабашихи въ завѣдованню и схованню зостаючихъ. Чому Барабашиха латво повѣрввши, заразъ тіе Королевскіе привилеи зшукала и посланному Хмелницкого вручила; которій желаемое получивши, праци своей и конской не пощадѣвши, стапулъ зъ Черкасъ въ Чигринѣ за килко годинъ предъ свѣтомъ. А Хмелницкій того ожидаючи неспалъ, но бодрствовалъ зъ килконадцятма другами своими, добрими и поуфалими молодцями, шляхетне урожоними Козаками, за часу къ его Хмелницкого мислѣ преклонившимися, и всего хотѣнія его допомогти ему подъ клятвою слово утвердившими. Скоро теди Хмелницкій одобралъ радостно отъ посланца своего, зъ Черкасъ повернувшого, привилей Королевскій, на тихъ мѣстъ заразъ знаки Барабашеви, шапкъ и хустку, при спячомъ Барабашу положивши, а самъ зъ товариствомъ предпомененнимъ и челяддю своею на готовіе конѣ всѣвши, и свѣта недожидаючися, рушилъ зъ Чигрина до Суботова; где тожъ еще предъ свѣтомъ прибувши, и потребніе вещи въ путь предлежащій на ючніе конѣ забравши, также и старшого сина своего Тимоша зъ собою узявши, рушилъ спѣшнимъ крокомъ зъ Суботова, на свѣтанню, зо всею компаніею своею въ намѣренній путь свой, на позъ ку Сѣчи Запорожской. Куди благополучно и безпрепятственно 11 дня Декамврія прибувши, и всему войску привилеи Королевскія отъ Барабаша фортелне взятіи, Козакамъ и всему народу Малоросійскому полезніи, права и волности ихъ давніе утверждаючіи, освѣдчивши и добре внушивши; былъ на Кошу Сѣчовомъ отъ всего войска Низового Запорожского, неяко товаришъ или братъ, но яко добрій и чадолюбивій отецъ пріятъ радостно и благодарно, зъ приреченемъ щиримъ отъ всего войска всякой себѣ зичливости и поволно-

сти, и до того начинанія своего готовости. Где отъ нѣкоихъ товаришовъ Запорожскихъ и Гетманомъ онъ Хмелницкій уже нареченъ былъ. А Барабашъ у Чигринѣ, въ дому Хмелницкого, заледво по всходу слонца отъ сна хмелного пробудившись, и о отъѣздѣ Хмелницкого до Суботова отъ господара дворового увѣдомившись, а жадного коварства отъ него нечаючи, отъѣхалъ и самъ зъ Чигрина въ домъ свой до Черкасъ; куда прибувши, а отъ жени своей о виданихъ привилеяхъ Королевскихъ послапцу Хмелницкого извѣстившись, заскорбѣлъ велми. Кгди тежъ потомъ зъ Суботова и изъ Чигрина получилъ вѣдомость, о безвѣстномъ и нечаянномъ Хмелницкого зъ певнимъ товариствомъ кудась отъѣздѣ, началъ домишлятся ижъ онъ Хмелницкій, при Королевскихъ привилеяхъ, яко человѣкъ разумній и во всякихъ дѣйствіяхъ цѣкавій, можетъ що новое, ему Барабашевѣ несмачное, затѣяти и привести въ дѣйствіе; для чого заразъ комисаровѣ Полскому, на Украинѣ тогда вмѣсто Гетмана бывшему, о томъ невѣдомомъ Хмелницкого отъѣздѣ далъ знати; комисаръ тежъ извѣстилъ тое наскорѣ Потоцкому, Гетману великому коронному, а отъ Гетмана донеслося самому Королю Владиславу четвертому и всему сенату Полскому. Король тежъ и сенатъ злу впредь чаемому слушне запобѣгаючи, и аки искру въ попелѣ, такъ огнь въ сердцу Хмелницкого и всего войска Запорожского и народу Малоросійского, за озлобленіе свое противъ себе тайно палающій, хотячи утушити, заслали грозній на Украину указъ и приказъ, жеби нетилко сами господарѣ для своихъ промисловъ до Сѣчи Запорожской зъ домовъ своихъ неважилися, але и челяди своей тула посилати аби конечне недерзали. Особливе въ городахъ и селахъ Украинскихъ Малоросійскихъ люде якого колвекъ чина, въ домахъ своихъ, аби жаднихъ схадзокъ и бесѣдъ неимѣли, а по дворахъ и улицахъ, или по ринкахъ и торгахъ дабы два, три или четири вкупѣ нестояли, или чого

зъ собою нерозмовляли. А надъ то и увѣю онижъ Поляки въ народъ Православній увести, благочестіе испразнити, заблужденіе-же Римское распространити и утвердити крѣпко тщилися и усиловали. Зрите убо волніе окрестніе, всякихъ племенъ и языковъ народи, кое тогда такожде волному шляхетскому Савроматійскому Козакорускому, зъ давнихъ лѣтъ отвагами своими не тилко въ своей Европѣ, но и въ далнихъ странахъ Азіятицкихъ прославлшемуся народовѣ, другій тожъ Сарматійскій народъ Полскій, искони власною братіею Цимбрамъ, Скифамъ и Козарамъ бывшій, здѣлалъ былъ, надъ право Божіе и натуралное, озлобленіе и устъ, отъ Бога на глаголаніе роду человѣческому даннихъ, замкомъ срогого указу заключеніе. Лечъ, що всемогущіи и непостижиміи судби Божіи въ родѣ человѣческомъ сотворити мѣютъ, тому жадная натуралная и чрезъ науку набытая цѣкавость людская запобѣгти и воспретити неможетъ. Ащебо и заключиша тогда Поляки уста Малоросіяномъ неговорити между собою нѣчого, обаче тимъ найбарзѣй отворили двери гнѣва, въ сердцахъ ихъ противъ себе крiющагося. Ибо Всемогущій Богъ и всея твари Содѣтель, видяй зъ имперею, отъ найвишшого слави Своея престола, возносящаяся до небесъ капернауми и титули Полскіе, и озлобленіе, аки люду Израилскому Египетское, вѣрнихъ въ Православіи непозиблемомъ зостаючихъ Малоросіянъ, рабъ своихъ: посла имъ яко Мойсея того, о немъ же пишемъ, Богдана Хмелницкого, и даде ему смислъ и разумъ, чрезъ которій би возмоглъ отъ такъ тяжкого ига Лядскаго волній Малоросійскій народъ освободити, и въ вожделѣнную паки пріоблекти свободу. Чрезъ тотъ убо отъ Бога собѣ данній разумъ, онъ Хмелницкій нимъ коснулся начинаемаго собою дѣла и промисла, и нимъ віѣхалъ въ Кримъ до Хана, тимъ часомъ писалъ зъ Сѣчи Запорожской до Потоцкого, Гетмана короннаго и до инныхъ свои листи, о своихъ нуждахъ и безчестіяхъ отъ Чаплинского заданихъ: пи-

салъ зась Хмелницкій оніе листи не зъ такимъ умисломъ, аби моглъ що Чаплинскому учинити и зашкодити (бо то была рѣчъ неподобная), але зъ такимъ аби моглъ якъ колвекъ (хочай не на долгое время) Поляковъ завести и обманути, а отъ приготованняся зъ войсками на отпоръ противъ себе забавити и удержати, щося самимъ скуткомъ подлугъ мислѣ Хмелницкого и виполнило. Листи зась якіе и до кого тогда писалъ Хмелникій, тіе для видѣнія тебѣ, любопитствующій чителнику, ретелне тутъ предлагаются.

РОЗДѢЛЪ III.

Листъ отъ Хмелницкого зъ Запорожя до Барабаша.

Пане Барабашу, полковнику Черкаскій,

Поневажъ на многократніи мои совѣти и предложеня неизволилъ ваша милость склонитися, и подлугъ давнихъ привилеовъ Королевскихъ, у вашей милости въ схованю бывшихъ, Козакамъ и всему народу Малоросійскому служачихъ, просити чрезъ нарочнихъ пословъ Козацкихъ Королевского Величества и ясневелможнихъ пановъ сенаторовъ Полскихъ о новіи привилеи, на утвержденіе древнихъ правъ и волностей Козацкихъ и Малоросійскихъ, и на повстягнене людскихъ обидъ, здирствъ и разореній, Козакамъ и всѣмъ Малоросіяномъ творимихъ, а особливе церквей Божіихъ Православнихъ до унѣи принуждаемихъ, и ко Римской схизмѣ на погибель душевную кгвалтовне влекомихъ; тели я жалосним на тое уболѣваючи сердцемъ, къ тому и отъ нецнотливого сына Чаплинского, старостки Чигринского, пришедши безвинне въ великое безчестіе и разореніе (о чомъ и самъ ваша милость добре вѣдаешъ), мусѣлемъ старатися о способѣ такій, чрезъ которій

бимъ моглъ тіе Королевскіе, между платтемъ и плахтами у жони вашой въ схованю зостаючіи, и безъ осторожности жадной тручіеся привилея до рукъ моихъ приняти, и при онихъ лутшое що и полезнѣйшое разораемой и погибающой Украинѣ и синомъ ея здѣлати, а Королевского Величества, ясне велможнихъ пановъ Сенаторовъ и всеи рѣчи посполитои Полскои ласки и милости упросити. Тѣшуся прето, же Господь Богъ, вѣдій тайная сердецъ людскихъ и всенародное Украинское стенаніе, удостоилъ мя по желанію моему слушнимъ способомъ зъ недишкретной неволѣ вашой визволити и на вожделѣнну до войска Запорожского свободу привезти оніе привилея Королевскіе; при которихъ, за помощію и благословеніемъ Божіимъ, можемъ у Его Королевского Величества и ясневелможнихъ пановъ Сенаторовъ упросити желаемій респектъ и милость, на обтяженную многими отъ пановъ Поляковъ бѣдствіи Украину; кгди станемъ о тое зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ горячо просити и оппеліовати. А же ваша милость пожиточніи и всему народу Малоросіііскому потребніи у себе хоронилъ и таилъ привилеи, а для своихъ власнихъ пожитковъ и користей нехотѣлъ еси стати, и милости Королевской просити за плачущихъ и бѣдствующихъ отъ пановъ Поляковъ людей нашихъ Украинскихъ; то за тое не надъ людми, але надъ овечками албо свиннями полковниковати, все войско Запорожское чинитъ вашей милости годнимъ. А я при семъ прошу вашей милости вибачения, въ чомъ невигодилемъ ему въ убогомъ дому моемъ въ Чигринѣ, на праздникъ Святителя Христова Николая, и жемъ отъѣхалъ сюда на Запорожже безъ вѣдома и позволеня вашого. Зъ Коша Сѣчи Запорожской, декамврія 27 року 1648.

Вашей милости всего добра зичливій пріятель,

Зѣновій Богданъ Хмелницкій, товаришъ войска Низового Запорожского.

РОЗДѢЛЪ IV.

Листъ зъ Запорожя отъ Хмелницкого до комисара Полского на Украинѣ гетмановавшого.

Велможній мосцѣ пане Комисаръ и Гетмане нашъ Украинскій, ласкавій мой добродѣю,

Вѣдаю запевне, же велможность твоя нетилко подивуешся, лечъ и за зле на мя мети изволишъ, жемъ будучи подъ дирекціею и завѣдованемъ твоей велможности, смѣлемъ безъ консессу и позволеня его, зъ дому моего сюди до войска Низового Запорожского отъехати; однакъ поневажъ съ причинъ слушнихъ тотъ отъездъ мой учинилемъ, надѣюся, же и велможность твоя того въ грѣхъ ставити мнѣ неизволишъ. Причини зась тіи, для которихъ оставилемъ домъ мой худопахолскій, любо уже суть твоей велможности съ первихъ моихъ доношеній отчасти и вѣдоми, однакъ на сихъ недавнихъ часехъ отъ Чаплинского пяницѣ, ошуста и здирци, старостки Чигринского, кгди надъ многіи людскіи тяжести и обиди, и самого мя надъ сподѣванеся поткало утѣсненіе и разореніе, же слободу мою Суботовскую, зо всѣми иншими кгрунтами и угодіями, безъ найменшой вини моей, онъ Чаплинскій себѣ заехавши, виманилъ у мене и привилея Королевскія, на тіи добра мнѣ, за вѣрніе мои Его Королевскому Величеству и всей рѣчи посполитой Полской радѣнія и служби наданіе; а надъ то, кгдижъ просилъ въ той мѣре его Чаплинского на себе респекту и призрѣнія, и о верненіе виманенних привилеовъ, теди онъ пяній и безрозумній, заразъ безъ жадного взгляду въ тѣсное тюремное межи злодѣями,

на крайнее мое безчестіе и поруганіе, велѣлъ мя вринути вязене, зъ которого заледвомъ випросился чрезъ Чаплинскую четвертого дня у вечоръ. По первихъ теди моихъ килкокротнихъ твоей велможности донешеніяхъ о людскихъ и моихъ обидахъ, отъ Чаплинского дѣемихъ, кгди жадной найменшой не дозналемъ помощи и полегки; теди и теперь, въ крайней вишмененной нуждѣ моей и безчестіи, мусѣлемъ въ ласце твоей велможности моей отстрадивати надѣи; и для чого уже болшей твоей велможности, въ такихъ моихъ и людскихъ обидахъ и тяжестехъ, наприкратися безполезно несмѣлемъ. Кгди зась къ тому еще отъ певнихъ друговъ моихъ увѣдомленъ есмъ певне, же неприятель Чаплинскій, неслушне и безвинне мене обезчестивши, и субстанцію мою себѣ отнявши, старался о тое, аби и власного живота моего моглъ мя лишити, и тимъ безпечнѣй и спокойнѣй добрами моими пожитковати и владѣти; тогда найбарзѣй уходячи такого злого и смертного термѣна, принужденъ есмь зъ плачемъ и горестію сердечною оставити домокъ мой, и зъ нимъ остатную фортуну, а удатися безъ вѣдома твоей велможности сюди на Запорожже; где певенъ естемъ того, же шаленого и бездушного Чаплинского жадніи коварства и козни шкодити мнѣ не будутъ, и лишенемъ живота страшити не возмогутъ, нимъ удостоимся со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Украинскимъ Малоросійскимъ такой ласки Божой, же подлугъ давнихъ привилеовъ Королевскихъ, на всякіе волности и свободи Малоросіяномъ наданихъ, и новими преповажними привилеями своими Его Королевское Велилество, панъ нашъ милостивій, и ясне велможніе ихъ милость панове сенаторове короннiе и вся обще рѣчь посполитая Полская насъ всѣхъ, за вѣрніе службы наши, даровати и упривилеовати изволятъ. О що ми, зо всѣмъ шляхетне урожонимъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Украинскимъ Малоросійскимъ, непремѣнно на сихъ часехъ,

чрезъ нарочнихъ пословъ своихъ, мѣемъ до Его Королевского Величества и ясневелможнцхъ пановъ сенаторовъ апелліовати и суплѣковати. А нимъ тое собудется я теперь прошу велце твоей велможности, абись по своей ласце изволилъ домъ мой и оставленихъ въ немъ людей, отъ утисковъ и навожденіи вражіихъ Чаплинского, въ своей особливой заховати протекціи и оборонѣ; притомъ и самого мя вручаю не отмѣнной пріязни и ласце твоей велможности. Зъ Коша Сѣчи Запорожской, декамврія 27, року 1648.

Велможности твоей всего добра зичливій и до услугъ поволній,

Зѣновій Богданъ Хмелницкій, товаришъ войска Запорожского Низового.

РОЗДѢЛЪ V.

Листъ зъ Запорожя отъ Хмелницкого, до пана Николая Потоцкого, Гетмана велико-коронного.

Ясневелможнѣйшій мосцѣ пане, Гетмане великій корони Полской, мнѣ велце милостивій пане и добродѣю ласкавій.

Невѣдаю, ежели въ жизни сей тяжщайшое що есть сердцу людскому яко тое, кгди безъ найменшой вини бываютъ въ кого отъемлеми власніе добра и имѣнія. Не знаю и того, хто би такъ былъ о себѣ недбалимъ, кгдиби при отнятю добръ своихъ слишалъ похвалки отъ ворога и на отняте милого живота своего, а нестаралбися отъ та-

кого зла и напрасиства унести и охоронити свою голову. Невѣдаю тежъ и того, кромѣ святихъ Угодниковъ Божіихъ, ктобы за свои обиды, безчестія и на власное здоровье ватованя, будучи въ свѣтѣ, моглъ весьма терпѣти, и во всеконечное ворогу оставити и пустити забвеніе.

Я власній въ таковихъ теперъ зостаю термѣнахъ, кгди безъ жадной вини моей отстрадалемъ чрезъ Чаплинского власнихъ добръ моихъ, многими трудами и працами военними Королевскому Величеству Владиславу четвертому, щастливе теперъ пануючему, пану моему милостивому и прежднимъ Монархамъ Полскимъ и ясневелможнимъ паномъ сенаторомъ и цѣлой рѣчи посполитоіі Полской ложенними, набытихъ и привилеями Королевскими стверженыхъ: якіе чрезъ того-жъ Чаплинского обманою тожъ зостали отъ мене одобрани. А що найгорше и найжалоснѣйше, же по одобраню добръ моихъ и привилеовъ, онъ-же Чаплинскій, пяній и безрозумній, тяжко мя обезчестилъ туремнимъ, тѣснимъ, четвероДневнимъ между злодѣями вязенемъ, и ащеби не Чаплинская благоразумная и дармо погибающихъ людей жалѣющая Есфирь въ томъ бѣдствіи туремномъ вспомогла мя своею причиною и прозбою, то невѣдаю щоби далѣй отъ вражія навѣта Чаплинского зъ моею дѣялося головою. Поневажъ зъ его-жъ Чаплиннского дому, отъ едного друга моего былемъ перестереженъ въ томъ, ижъ онъ Чаплинскій отнявши добра мои, старался отняти зъ оними и животъ мой; бо не по чіемъ иншомъ, тилко по его вражію коварству и навѣту и ваша велможность, добродѣй мой, приказалесь былъ пану Кгречовскому полковнику Переясловскому взяти мя подъ крѣпкій арестъ, и держати въ ономъ до далшой своей резолюціи; якая, вѣмъ певне, же по навѣтахъ и лживихъ Чаплинского уданяхъ, была-би не инакшая, тилко такая, якая и предъ симъ многихъ братію нашу, шляхетне урожоnихъ Козаковъ, добрихъ

рицеровъ и вѣрнихъ Королевскому Величеству и рѣчи посполитой слугъ, зъ фалшивихъ доношеній и свѣдецтвъ поткала, и вѣчне отъ жизни сея зъ животомъ разлучила. За що неправеднимъ свѣдкамъ и судіямъ да будетъ Богъ отмщеній, и необинуяся Господь Богъ отмщеній; и якую едни въ доношеніяхъ на небожчиковъ братю нашу, а другіи въ разсужденіи ихъ дѣлали правду, таковую би отъ Бога въ своихъ замислахъ и хотѣніяхъ получили милость. Невиписую тутъ працъ и трудовъ моихъ, для общого добра корони Полской и цѣлой рѣчи посполитой, въ многихъ военнихъ окказіяхъ, на розниихъ земляхъ и воднихъ мѣсцахъ, противъ главного всѣхъ Христіянъ непріятеля бѣсурмана, зъ немалимъ власного здоровя ущербкомъ и крвѣ пролитіемъ, ложеннихъ: самъ о онихъ добре вѣдаешъ велможность ваша. Не всуе и Королевское Величество панъ мой милостивій, значною частю землѣ и кгрунтовъ въ повѣтѣ Чигринскомъ, удароваль мя, и привилеями своими висоцѣ-поважними тую даровизну ствердилъ есть. Лечъ видячи мою упреймую ку себѣ и ку всей коронѣ Полской вѣрную службу, и въ военнихъ окказіяхъ зичливое радѣніе, судилъ мя зъ ясневелможними панами сенаторами коронними годнимъ бити таковія благодати своея и респекту, при которомъ непременномъ и я непремѣнно до кончини моея зичилемъ себѣ зоставати, и за честь Королевского Величества и цѣлой корони Полской, во всякихъ военнихъ случаяхъ, здравія моего нещадѣти. Но невѣдаю откуду дадеся пакостникъ житію моему доброму Чаплинскій, бенкартъ Литовскій, опіякъ Полскій, злодѣй и здирца Украинскій, старостка Чигринскій; которій чрезъ осмъ лѣтъ уже зостаючи въ Чигринщинѣ на дозорствѣ, отъ пана своего, велможного пана Конецполского хорунжого коронного, многихъ нашу браттю лживимъ свѣдецтвомъ и доношеніемъ вовсе погубилъ и имѣнія ихъ себѣ привлащилъ. И уже повидимому не

панъ хорунжій коронній, но служка его лгарь, ошустъ и пяница Чаплинскій владѣетъ Чигринщиною, и изъ ней пріобрѣтаетъ себѣ многія користи и богатства, зъ крайнимъ разореніемъ и крвавимъ плачемъ нашей брати шляхетнихъ Козаковъ и всѣхъ обще Украинскихъ Малоросіяновъ. А ясневелможному пану хоружему заледво десятая часть пожитковъ отъ Чигринщини отъ него злодюги Чаплинского доходитъ; що певне явилобися на ревѣзіи, кгди би была учинена. Але я на тое не инстигую, поневажъ мнѣ то есть неприлично и неналежно; о томъ еще тилко дерзаю до вашей велможности въ семъ писмѣ моемъ мало простерти слова, ижъ помененній Чаплинсій, гонячи на всѣхъ насъ Малоросіяновъ, гонитъ неуважне и безрозумне и на вѣру Православную, незаховуючи въ цѣлости и твердости уставовъ и мандатовъ древнихъ Королевскихъ, вѣру нашу Православную Кгрекорускую непремѣнно во вѣки въ своихъ клявзуляхъ зоставати мѣючую, привилеями утвержденнихъ; и где колвекъ лучится ему зъ нашими Православними священниками видѣтися и бесѣдовати, то никогда вражди и злоби синъ, Чаплинскій, не оставитъ ихъ не обезчестивши, волосовъ и бороди не вирвавши, и кіемъ албо обухомъ реберъ добре не потовкши. Що всякъ зъ насъ Православнихъ чуючи, и кровь священническую проливаемую и ругаемую видячи, можетъ снадно домислитися, же и вѣра наша Православная Кгрекоруская (въ ней же премногіи Святіи Божіи спасошася, и отъ килканадцатъ сотъ лѣтъ, въ разнихъ, на многихъ мѣстцахъ, въ нетлѣннихъ Богоугоднихъ тѣлесехъ своихъ спочивающе, многіи подаютъ приходящимъ къ нимъ съ вѣрою исцѣленія, и дивная истачаютъ чудотворенія) зостаетъ отъ ошуста и ледащицѣ Чаплинского и иних ему подобнихъ и легкомислнихъ Поляковъ хулима и безчествуема. И що прежніи Святіи Отци Кгреческіи и наши Святители Кгрекорускіи и вѣчной памяти достойніи также

Монархи и Князи Полскіи за рѣчъ слушную и святую, вѣру нашу Православную узнали и признали, и вѣчними привилеями своими ни въ чомъ непремѣнно быть ей утвердили; тое шевлюги, пяницѣ и власніи зрайцѣ отчизни своей корони Полской, и разорителѣ святого покоя и тишини (якъ и Чаплинскій) развращають, раздирають и уничтожають. Зъ которихъ поневажъ трудно намъ поединцемъ во всѣхъ обидахъ и утискахъ нашихъ дойти управи у судовъ Полскихъ и справедливости; теди за прибутемъ моимъ тутъ до Сѣчи, урадило все войско Запорожское виправити пословъ своихъ до Наяснѣйшого Королевского Величества, пана своего милостивого, и ясне велможнихъ ихъ милостей пановъ сенаторовъ коронних и цѣлой рѣчи посполитой Полской, зъ прошеніемъ покорнимъ, аби тіе новизни, збитки, утяженя и разоренія Украинскіе грознимъ указомъ были завстягнени и ускромлени. А древніе права и волности Козацкіе и Малоросійскіе, подлугъ давнихъ привилеовъ, новими Найяснѣйшого Королевского Величества привилеями, аби были ствержени и закрѣплени, при захованю въ ненарушимой цѣлости вѣри нашея Православнія. Якіе то войска Запорожского посли, на сихъ часехъ, непремѣнно мѣють виехати въ путь свой. А я, виездъ ихъ упережаючи, якъ о онихъ, такъ и о моемъ зъ Чигрина до Сѣчи Запорожской, для причинъ и небезпеченствъ моихъ вишмененнихъ, виездѣ вашей велможности ретелне извѣстивши; егожъ не отмѣнной панской ласце навсегда покорне мя вручаю. Зъ Сѣчи Запорожской, декамврія 29, року 1648.

Вашей ясной Велможности во всемъ зичливій и слуга покорній

Зѣновій Богданъ Хмелницкій, товаришъ войска Запорожского.

РОЗДѢЛЪ VI.

Листъ отъ Хмелницкого зъ Запорожя до хоружого коронного, а державцы на тотъ часъ Чигринского.

Ясневелможній мосцѣ пане хоружій коронній, мой добродѣю.

Жадной претензіи и апелляціи не мѣлъ бимъ ку велможности вашей, кгдиби мнѣ Чаплинскій, дозорца вашъ Чигринскій, не отворилъ воротъ до того; лечъ поневажъ онъ Чаплинскій именемъ вашой велможности одобралъ отъ мене слободку мою Суботовку, моимъ старанемъ осаженную на кгрунтахъ (за мои многіи праци и труди, въ военнихъ оккаэіяхъ противъ непріятеля бѣсурмана, зъ ущербкомъ здоровя и пролитемъ кровѣ, для общого добра корони Полской отправованіи), мнѣ отъ Найяснѣйшого Королевского Величества Владислава четвертого, пана моего милостивого, ясневелможнихъ ихъ милостей пановъ сенаторовъ и цѣлой рѣчи посполитой Полской наданихъ, я привилеомъ Королевскимъ во вѣчное спокойное владѣніе закрѣпленнихъ; при одобраню зась тоей слободи и иншихъ зъ нею кгрунтовъ, одобралъ въ мене онъ Чаплинскій и преповажній привилей Королевскій, о которого вернене кгдимъ упоминался зъ прозбою въ него Чаплинского, то онъ пяній и безрозумній приказалъ мя въ тѣсное туремное межи злодѣе втрутити вязене, зъ которого четвертого дня позно, заледвомъ чрезъ причину и прозбу доброй и благоразумнои невѣсти жени Чаплинского, зосталъ освобожонъ: теди принужденъ есмъ зъ тихъ мѣръ, чрезъ сей листъ мой одозватися зъ жалобою моею плачливою до вашеи велможности, по такой моей отъ Чаплинского заданой кривдѣ, ра-

зоренім и тяжкомъ безчестіи учинити ему донесеніе. Хочай теди даю о томъ вѣдати вашой велможности, однакъ за отлеглостю мѣстца (поневажъ вигнаній и вистрашеній будучи чрезъ Чаплинского зъ власного дому моего, зостаю теперь въ Сѣчи Запорожской) немогу зъ нимъ Чаплинскимъ предъ поважною твоей велможности персоною о тое расправоватися, и не ищу теперъ росправи; толко дивуюся тому, что ваша велможность тому бенѣкарту, опіяковѣ, злодюзѣ и бездушному здирци и кровонійцу людскому, Чаплинскому шаленому, вручилъ еси Чигринское дозорчество, которій своими нецнотливими збитками и поступками, не на кого иного, тилко на самого велможность вашу людскій плачъ и слези, а отъ Бога помсту наволѣкаетъ. Бо кгдиби вѣдалъ ваша велможность о томъ ледащицѣ Чаплинскомъ, якъ онъ людей бѣдних Малоросійскихъ Православнихъ Христіянъ и Козаковъ шляхетнихъ, вѣрнихъ корони Полской слугъ, также и священниковъ нашихъ благочестивихъ побиваетъ, утеменжаетъ, безчествуетъ, розгонитъ, ругаетъ, обдираетъ и вконецъ разоряетъ (що и мнѣ отъ него досталося), то певне нетилко за дозорцу Чигринского, але и за найпослѣднѣйшого грубника или машталѣра у поважномъ дому своемъ держати его неизволилъ бись: що все на него Чаплинского (и колко завелъ, покралъ и себѣ привлащилъ користей и добръ твоихъ панскихъ, чрезъ осмъ лѣтное время), при ревѣзіи и розиску, непремѣнно довелобися. Но я до того якъ неналежу, такъ и не инстигую; воленъ въ томъ естесь велможность ваша якъ хотѣти поступити; я тилко жалъ мой тяжкій во обидѣ и безчестіи мнѣ отъ Чаплинского заданой, вишъ специфѣкованній, предлагаю тутъ вашей велможности, и прошу велце, даби упомнѣлъ и приказалъ ваша велможность нецнотѣ Чаплинскому не разоряти въ конецъ безъ мене убогого дому моего; нимъ що лутшое и полезнѣйшое Украинѣ Малоросійской, чрезъ нарочнихъ пословъ войска Запо-

рожского, па сихъ часехъ зъ Сѣчи виправитися мѣючихъ, у Наяснѣйшого Королевского Величества и ясневелможнихъ пановъ сенаторовъ и всей рѣчи посполитой исправится и упросится. При семъ низко кланяюся вашей велможности. Зъ Коша войска Низового Запорожского, декамврія 30, року 1648.

Вашей велможности всего добра зичливій и до услугъ поволній Богданъ Зѣновій Хмелницкій, товаришъ войска Запорожского.

РОЗДѢЛЪ VII.

О віездѣ Хмелницкого зъ Сѣчи до Криму; о бытности его тамъ; о виконаню присяги предъ Ханомъ; о пріязнѣ и упевненю Ханскомъ взглядомъ данія войскъ Кримскихъ на Поляковъ, и о дисшкреціи Ханской въ день Воскресенія Господня ку Хмелницкому явленной.

Тіе предписанніе всѣ листи отправилъ Хмелницкій зъ Сѣчи Запорожской до помененого Барабаша, полковника Черкаского, зъ таковимъ желаніемъ, аби онъ переслалъ ихъ до комисара Полского. Самъ тежъ Хмелницкій чрезъ два мѣсяцѣ, генварь и февраль, промешкалъ въ Сѣчи, зъ атаманнею куренною и изъ Кошовимъ, тайно совѣтуючи о предлежащей на Поляковъ войнѣ; а между войскомъ розголошаючи тое, же мѣетъ виправовати пословъ до Короля и всего сенату Полского, зъ прошеніемъ отъ всего войска Запорожского и Народу Малороссійского о потвержене древнихъ своихъ вволностей и правъ, и о поскромлене пановъ Полскихъ

ихъ дозорцовъ, на Украинѣ зостаючихъ, утиски тежъ и бѣдствія Малоросіяномъ творящихъ: якую поголоску въ Сѣчи между войскомъ пущано не для чого иного, тилко для того власне, аби Поляки чрезъ своихъ шпѣговъ (которихъ отнюдь невозможно было устерегтися) невибадалися о иномъ противъ себе военномъ Хмелницкого замислу. По вийстю зась двохъ мѣсяцей предпомененнихъ, марта числъ первихъ, зъ совѣтомъ Кошового и всей атаманиѣ куренной, віехалъ Хмелницкій зъ своимъ товариствомъ зъ Сѣчи, будто для лучшой своей и конской вигоди, въ островъ Томаковскій, низше Сѣчи въ килко миль на Днѣпрѣ зостаючій. А въ самой рѣчи віехалъ онъ до Криму; где прибувши, и Хану Кримскому въ Бакцѣсарай о себѣ извѣстивши, получилъ по приказу его Ханскомъ тамъ-же кватеру, въ едного значного и богатого Арменина Бакцѣсарайского, отъ которого по приказу Ханскомъ въ кормахъ и напиткахъ всякое было Хмелницкому зъ товариствомъ его доволство, ажъ до того времени поколъ зъ Криму віехалъ. Потомъ Хмелницкій зъ тиждень на кватерѣ своей проживши, и зъ нѣкоторими мурзами обознавшись, просилъ ихъ о докладъ Хановѣ, аби моглъ зъ нимъ видѣтися и свои нужди, для которихъ прибылъ въ Кримъ, ему предложити. Кгди прето ти мурзи доложили о томъ Хану, теди преночовавши заразъ велено Хмелницкому прійти до Хана; которій когда прибылъ въ избу Ханскую, тогда вдячне былъ отъ самого Хана, а не чрезъ толмача привитанъ и поздоровленъ, занеже Хмелницкій тому Ханові зъ прежде бывшихъ военнихъ окказій былъ отчасти вѣдомъ и знаемъ. Къ тому и тое ему Хмелницкому за особливое было щастя, же Ханъ добре зналъ язикъ Козацкій, для чого тамъ толмача непризивано; но всѣ нужди и интересса Хмелницкого самъ Ханъ вислухивалъ, и самъ на все отвѣтовалъ. Послѣ того малъ не що дня Хмелницкій бывалъ у Хана, и о всемъ о чемъ

належало разговорывалъ на единѣ и публичне, просячи прилѣжно войска Кримского въ помощь себѣ на Поляковъ; чому Ханъ любо не отмовлялъ цѣле, однакъ долго зъ тимъ розмишлялся и изъ мурзами своими совѣтовалъ, чи дати войска Хмелницкому, чили недати. Бо домишлялся Ханъ и того, же Хмелницкій чи не нарочно отъ Ляховъ въ Кримъ виправленъ, чтоби обманою вивести Орду въ Полщу, и чрезъ готовіи войска Лядскіи оную вигубити. О которомъ мнѣніи и вонтиленю Ханскомъ когда Хмелницкій отъ нѣкоторихъ знаемихъ мурзъ зосталъ увѣдомленъ, тогди чрезъ тихъ-же мурзъ сказалъ до Хана, же нетилко готовъ на томъ присягнути, ижъ безъ жадной обмани и лести потребуетъ войска Кримского на Поляковъ, але и сина своего при боку Ханскомъ, для лучшаго вѣроятія, въ закладѣ зоставити готовъ есть. Що Ханъ услишавши, радъ тому былъ, и до всѣхъ желаній Хмелницкого склоннѣйшимъ началъ являтися. Часу теди едного, при доволнихъ розмовахъ, и при многихъ мурзахъ и иныхъ началникахъ Кримскихъ, кгди востребовалъ Ханъ отъ Хмелницкого виконаня обѣщанной присяги, подлугъ своего бѣсурманского звичаю, тогда Хмелницкій велѣлъ дати себѣ шаблю Ханскую, которая когда принесена и дана была ему въ руки, тогда онъ виннявши еи зъ пѣховъ, предъ лицемъ Ханскимъ поциловалъ въ голое желѣзко, таковую предъ всѣми вслухъ вимовивши роту: «Боже всея видимія и невидимія твари Создателю и помишленій людскихъ Свѣдче! присягаю Тебѣ на томъ, ижъ що потребую и прошу у его Ханской милости на помощь себѣ войска Кримского, то потребую по правдѣ и истиннѣ, безъ жадного коварства и зради; а еслиби иначей мѣло дѣятися зъ сторони моей, ку шкодѣ его Ханскоі милости, то допусти на мя, Боже, тое, даби тоеюжъ шаблею животъ мой былъ доконченъ, и глава моя отъ тѣлесѣ моего зостала отлучена.» По которой Хмелницкого присяги виконаню,

заразъ якъ самъ Ханъ, такъ и всѣ началники Кримскіи, тогда при Хану бывшіи, учинилися радостни, и дали Хмелницкому руки на томъ, же помогати ему на Поляковъ, поколь скончится война, завше будутъ готови; звлаща и свои особніи на Поляковъ имѣючи претензіи о упоминки, здавна отъ Поляковъ Кримовѣ даватися обѣщанніи, а чрезъ немалое уже время надъ постановлене не отдаваеміи и не унизаеміи. По таковомъ теди приговорѣ и упевненю, еще Хмелницкій забавился въ Бакцѣсараѣ до свѣтло торжественного Воскресенія Господня Праздника, которій былъ априля 2, того-жъ 1649 году, и до проводовъ, що денне въ Хана бываючи, и не заборонную о всемъ конференцію зъ нимъ всегда мѣваючи. А тимъ часомъ приказалъ Ханъ значному и важному мурзѣ Кримскому Тугай Бею, въ чтиротисячномъ числѣ военной Орди Кримской, въ походъ за Хмелницкимъ готовитися на Украину Козацкую. Между святи воскресенскими, кгди гулялъ Хмелницкій на своей квартирѣ, якая не оподаль была отъ двору Ханского, и велѣлъ часто стрѣляти Козакамъ своимъ зъ мушкетовъ, тогда Ханъ тотъ стукъ мушкетній почувши, спросилъ своихъ слугъ домашнихъ—хто то и для якихъ причинъ стрѣляетъ,—на що кгди отказано Хановѣ, же то стрѣляютъ Козаки Хмелницкого на своей кватирѣ, празднуючи радостній Праздникъ Господень, еже есть подлугъ бѣсурманского нарѣчія байрамъ великій, тогда Ханъ зъ такою явился дишкреціею ку Хмелницкому, же заразъ зъ дому своего на кватеру его приказалъ одослати три куффи вина, пять биковъ и пятнадцять барановъ; що Хмелницкій одобравши, велѣлъ Козакамъ своимъ пити, гуляти и частѣйше зъ мушкетовъ палити.

РОЗДѢЛЪ VIII.

О врученю отъ Хмелницкого сина своего Хановѣ; о отпуску Хмелницкого отъ Хана зъ Тугай Беомъ и Ордою зъ Криму на Украину; о венераціи и подарункахъ Ханскихъ, при отклонѣ Хмелницкому и Козакамъ его данихъ; о провіянтѣ и прихилности Ханской ку Козакамъ; и о приготованнюся Кошового зъ войскомъ на пріѣздъ съ Криму Хмелницкого.

По проводахъ Воскресенскихъ заразъ упросилъ Хмелницкій Хана о отпускъ себе зъ Криму на Украину; и приведши сына своего старшого Тимоша предъ Хана, вручилъ ему въ опеку и въ закладъ до времени приличного; которому Ханъ на тоій же кватерѣ въ Арменина велѣлъ жити, гдѣ и самъ Хмелницкій стоялъ и що день велѣлъ ему предъ лице свое являтися, а зъ дворомъ его Ханскимъ и зъ мурзами Кримскими обознаватися; кормъ тежъ, и всякое доволство ему Хмелниченковѣ, зъ людми при немъ будучими, зъ двору Ханского на кватиру его помѣсячно видавано, зъ особливимъ господаревѣ Армениновѣ приказомъ, аби не безъ дишкреціи обиходился зъ своимъ гостемъ, сыномъ Хмелницкого.

Передъ вїездомъ Хмелницкого зъ Бакцѣсараю, призванъ былъ предъ Хана предъ писанній Тугай Бей мурза, и одержалъ отъ него ординансъ, аби зъ назначенпимъ чтиротисячнимъ числомъ Орди Кримской ѣхалъ при Хмелницкомъ на Украину, и подъ его зостаючи комендою, во всѣхъ военнихъ случаяхъ на Поляковъ былъ ему поволенъ и послушенъ, при захованю особливомъ отъ себе во всемъ чулости и осторожности, для цѣлости войска своего Кримского. А на самомъ вїездѣ зъ Бакцѣсарая, въ четвертокъ

априля 13, былъ Хмелницкій зъ нѣсколкома товаришами своими и сыномъ, також и зъ Тугай Беомъ мурзою у Хана на обѣдѣ, и доволно былъ учрежденъ и увенерованъ; а при отклонѣ, таковую Ханскую получилъ милость Хмелницкій, ижъ ударованъ зосталъ отъ него панциромъ Черкескимъ зъ мѣсюркою и карвашами, зъ сайдакомъ моднимъ, зъ лукомъ, стрѣлами и шаблею подъ позолотою Черкескими-жъ, двома конми барзо форемними Подунайскими, въ сѣдлахъ и рондахъ легкихъ, але велце моднихъ Черкескихъ, янчаркою вишменитою, наконецъ кафаномъ рожевимъ доброго и богатого злотоглаву, и кунтушомъ найпреднѣйшого темнозеленого сукна Французкого, найвиборнѣйшими подшитій сѣбѣрками; що все тогдажъ шацовано на три, албо и чтири тисячи левовъ. Якіи подарунки Хмелницкій отъ Хана вдячне принявши, и зъ низкимъ поклономъ его пожегнавши, силенъ и шуменъ отъ вина Ханского будучи, радостно отъехалъ зъ Тугай Беомъ и Ордою отъ Бакцѣсараю въ предлежащій на Украину путь свой. Невиражаю тутъ подробну того, яковимъ провіантомъ Хмелницкій отъ Хана на дорогу вспоможенъ, толко докладаю, ижъ хлѣбомъ, мясомъ и виномъ, нѣби сынъ отъ отца, изобилно былъ обдаренъ и вспоможенъ; также и товариство его все не безъ дишкреціи Ханской, но ударовани сукнями, мусулбѣсами и сафянами будучи, зъ Криму зъ Хмелницкимъ отъѣхали. Якаясь особливая внутрняя того Хана ку Козакамъ была симпатія и прихилность, ижъ такъ, яко вишей наменилось, ласкаво и милостиво имъ оказивался и отпустилъ зъ Криму. Отъѣхавши теди Хмелницкій съ Тугай Беомъ и Ордою отъ Хана, чинилъ пилній поспѣхъ въ своей дорозѣ, такъ, ижъ у Казикерменѣ Днѣпръ переправивши, пятого дня станулъ въ Сѣчи Запорожской, априля 18; а Тугай Беовѣ зъ Ордою велѣлъ стояти у Базавлуку. Атаманъ зась Кошовій, подлугъ намови и ради зъ Хмелницкимъ, предъ

віѣздомъ до Криму бывшой, сподѣваючися уже его о томъ часѣ зъ Криму поворотѣ, зтягнулъ зъ луговъ, вѣтокъ и рѣчокъ все войско Низовое Запорожское, конное и пѣшое, предложивши имъ, ижъ певная есть потреба того ихъ къ Сѣчи Запорожской прибиття и совокупленія, а для чого именно, того имъ не освѣдчилъ до самого зъ Криму на Кошъ Хмелницкого поворотѣ. Барзо штучне и ростропне Хмелницкій зъ Атаманомъ Кошовимъ и куренною атаманнею Сѣчовою урадилъ и поступилъ, ижъ не тилко о его замислахъ и въ Кримъ отъѣздѣ Поляки, чрезъ своихъ до Сѣчи подсиланихъ прелагатаевъ, не могли истотне вивѣдатися; але и свое войско Низовое Козацкое отнюдь (кромѣ самой атаманнѣ) о томъ не вѣдало до самого повороту его Хмелницкого зъ Криму на Кошъ Запорожскій. А если би вѣдало о томъ свое войско Козацкое, певне вѣдали би и Поляки, и еслиби Поляки вѣдали, то певне приготовалибися на лутшую встрѣчу противъ Хмелницкого, нѣжли учинили, стративши легкомислне чрезъ оную честь свою рицерскую, и вѣчную ганбу навлекли на цѣлую корону Полскую; о чомъ впередъ, на мѣстцу приличномъ, ретелне виражено будетъ.

РОЗДѢЛЪ IX.

О прибыттю Хмелницкого зъ Криму въ Сѣчь; о поставленню его Гетманомъ, и о врученню ему войсковихъ клейнотовъ и войска Запорожского; и о числѣ всего войска того; о охотѣ войсковой на войну; о тріумфѣ по учиненню Гетмана бывшомъ; о числѣ войска зъ Хмелницкимъ вибравшагося; о дишкреціи Кошового ку Тугай Бею показанной; о осторожности Хмелницкого; о пойманихъ чрезъ Орду шпѣгахъ Лядскихъ, и о полученню чрезъ нихъ вѣдомостей; о войскахъ Полскихъ и реестровихъ Козаковъ; о писарахъ Сѣчовихъ, зъ которихъ еденъ данъ Хмелницкому; и о діаріушѣ Хмелницкого, чрезъ Зорку Самоила писанномъ.

Кгди теди предъ заходомъ слонца прибылъ Хмелницкій зъ Криму до Сѣчи Запорожской, маючи зъ собою и чтирохъ Татаръ значнихъ, отъ Тугай Бея приданихъ, тогда Атаманъ Кошовій зо всею атаманною куренною радостними привитали его сердцами: кгди къ тому отъ него увѣдомилися о прихилности и ласцѣ Ханской къ нему Хмелницкому и ко всему войску Запорожскому явленной, и о данной Ордѣ зъ Тугай Беомъ Мурзою на помочъ Хмелницкому противъ Поляковъ. Жеби прето на завтришній день войско конное (бо пѣхотное все уже было въ Сѣчи), въ полю и по лугахъ близко Сѣчи зъ конми зостававшое, могло до Коша для настоящого дѣла собратися; того ради по заходѣ слонца, зъ трохъ найболшихъ штукъ, подлугъ давнего звичаю Запорожского вдарено, и переночовавши на свѣтаню знову зъ тихъ же трохъ штукъ тоежъ гасло вчинено. Егда же разсвѣнуло, и слонце огнезрачніи и ясно блистателніи свои по всей поднебесной разліяло лучи, тогда заразъ войска Козацкого конного до Сѣчи значная

собралася квота, поневажъ всего того конного и пѣшого войска Низового Запорожского на тридцять тисячъ зъ лишкомъ на тотъ часъ исчислялося. А кгди вдарено въ котли на раду и усмотрѣно, же для такъ великой лѣчби войска тѣсенъ былъ майданъ Сѣчовій, того дѣла мусѣлъ Атаманъ Кошовій зъ Хмелницкимъ и зо всѣмъ войскомъ війти зъ фортеци Сѣчовой на майданъ пространнѣйшій; где кгди всему войску обявлено и виразне сказано начинаемое военное противъ Поляковъ дѣло, за обиди и тяжести Козацкіи и всея Малія Россіи, отъ Поляковъ твориміи, и кгди при томъ ознаймлено, же Ханъ Кримскій къ войску Запорожскому есть прихиленъ и любовенъ, и не тилко отпустилъ зъ Хмелницкимъ Тугай Бея знатного мурзу зъ чтирма тисячами Орди Кримской, але и самъ со всѣми Ордами (если того укажетъ потреба) готовъ будетъ прибути къ войскамъ Козацкимъ въ помочь на Поляковъ, давши въ себе мѣстце прилежному Хмелницкого о тое прошенію, повѣривши тежъ присязѣ Хмелницкого, и принявши себѣ въ закладѣ Тимоша старшого сына его; тогди заразъ единими усти и единимъ сердцемъ все войско Хмелницкого Гетманомъ своимъ назвало и постановило, априля 19; а въ замислахъ его военнихъ противъ Поляковъ стояти при немъ всегда до остатной утраци живота своего обѣщалося. По якой елекціи, заразъ отъ Кошового посланъ до скарбницѣ войсковой писарь Сѣчовій, зъ нѣсколкома Атаманами курѣнними и инимъ значнимъ товариствомъ, взяти тамъ и принести въ раду клейноти войсковіи; тіи прето посланніи въ скарбницѣ бывши, и клейноти приказанніе взявши, вскорѣ принесли до ради и вручили ихъ заразъ Хмелницкому. Клейноти зась именно были тіи: короговъ королевская златописанная, барзо красная; бунчукъ тожъ велце модній, зъ позлоцѣстою галкою и древцемъ; булава срѣбная позлоцѣстая, зѣло майстерно здѣланная и каменіемъ честнимъ украшенная; печать срѣбная войсковая, и котли но-

віи мѣдніи великіи зъ добошемъ; къ тому тежъ и три штуки арматъ полевихъ легкихъ, зъ достаткомъ пороху до нихъ и куль, зъ арматами и пушкарами. По учиненю зась Хмелницкого Гетманомъ, и по врученю ему предъ помененихъ клейнотовъ войсковихъ, заразъ войско поздоровивши Хмелницкого на новомъ Гетманствѣ, зъ такою къ нему одозвалося охотою, ижъ все, колко его на радѣ было, готово зъ нимъ ити на войну предлежащую; лечъ тое взято на далшое разсмотреніе; и зъ тимъ отвѣтомъ войско едно розійшлося по куреняхъ, а другое при Хмелницомъ и Кошовимъ пошло въ церковь на службу Божію, до которой тогда власне задзвонено, когда вишъ писанное войсковое дѣло въ радѣ бывшой докончилося. По вислуханю теди литоргіи святой и благодарственного молебня, абіе по приказу Атамана Кошового вдарено на котлахъ, отдаючи хвалу Богу, вся благая строящему; потомъ зо всѣхъ арматъ (якихъ было около пятидесяти) випалено. А послѣ арматъ, всѣ пѣхоти, въ шикахъ посредѣ майдану Сѣчового и за Сѣччу стоявшіе, которихъ болшъ десяти тисячъ знайдовалося, зъ мушкетовъ своихъ випалили, и трикротне тое огня палене зъ арматъ и мушкетовъ учинивши, розошлися по куреняхъ на обѣди свои. А Хмелницкій новій Гетманъ, зъ атаманнею куренною Сѣчовою, позванъ на обѣдъ до Атамана Кошового, въ которого пообѣдавши и мало погулявши, розоішлися по куреняхъ для спочивку: негуляли для того долго, ижъ всякъ (а особливе Хмелницкій) имѣлъ свое на мислѣ. Спочивши зась мало, Хмелницкій и атаманя курѣнное знову зійшлися до Атамана Кошового, где о многихъ рѣчахъ розговоруючи и совѣтуючи, постановили и тое: аби войска Запорожского конного не болше отъ осми или десяти тисячъ при Хмелницкомъ ишло на Украину, а иное все аби розошлося на свои мѣстца и здобичи; однакъ аби зоставало въ поготовости до военной компанѣи, если би зайшолъ ординансъ Гетманскій и Кошового; при якомъ приватномъ со-

вѣту, велено вдарити въ котли и изъ двохъ штукъ болшихъ, взиваючи войско знову въ собраніе до Сѣчи; которое предъ пѣніемъ вечернимъ скоро собралося, заразъ одержало и декларацію отъ Хмелницкого и Кошового, колко ити при Хмелницкомъ на Украину; що почувши, и за тотъ ординасъ имъ подяковавши, розъѣхалося и розійшлося всякъ до своихъ промисловъ и здобичей рибнихъ и звѣриннихъ, а толко осталося охотниковъ коннихъ, военнихъ мушкетеровъ и сайдакеровъ на осмъ тисячъ злишкомъ; бо уважалъ Хмелницкій зъ Кошовимъ тое, ижъ скоро прибудутъ на Украину, то заразъ и войска Козацкого городового къ нему примножится; щося и стало.

Кошовій Атаманъ увѣдомившися отъ Хмелницкого где въ полю зостаетъ Тугай Бей зъ Ордою, обославъ оного доволнимъ хлѣбомъ, виномъ, рибами и мясомъ, зъ взаемною къ нему являючійся дишкреціею за дишкрецію Ханскую, въ Криму Хмелницкому явленную. Хмелницкій зась розйздячися зъ Тугай Беомъ до Сѣчи, а ему приказавши стояти зъ Ордою въ Ба**з**авлуку или где индей вишше Сѣчи на мѣстцу приличномъ, приказалъ значную и пилную держати сторожу на шляху отъ Чигрина и Переволочной до Сѣчи лежачомъ, и хтоби колвекъ, чи то зъ городовъ Малороссійскихъ до Сѣчи, чили зъ Сѣчи въ городи мѣлъ простовати, тихъ всѣхъ аби за сторожу брано, и до его Хмелницкого указу неотпустне держано; що и сталося, ибо чрезъ тіе три днѣ, поколъ Хмелницкій віехалъ изъ Сѣчи зъ войскомъ и злучился зъ Тугай Беомъ, поймано на шляху Сѣчовомъ чрезъ Татаръ человѣка подъ десятокъ подзорнихъ; но Хмелницкій злучившися зъ Тугай Беомъ, любо чаялъ же между тѣми пойманцами суть шпѣги отъ Ляховъ до Сѣчи виправленніе, якожъ и было такъ, однакъ обширними допросами небавячися, а зъ повѣсти ихъ о Гетману Коронномъ, также и о сину его Гетманскомъ зъ войскомъ ку Кодаку противъ Хмелницкого виправленномъ,

и о Козакахъ реестровихъ, Днѣпромъ въ байдакахъ ку Кодаку-жъ посланнихъ, совершенно извѣстившися, чинилъ поспѣхъ у маршу своемъ; а пойманцовъ въ путахъ желѣзнихъ при арматахъ за собою велѣлъ провадити.

Въ тое время кгди прибылъ Хмелницкій зъ Чигрина до Сѣчи, было на Кошу два писарѣ барзо добрихъ, и въ рѣчахъ писарскихъ языкомъ Славенскимъ и Полскимъ добре цвѣчонихъ: еденъ старѣйшій Степанъ Брацлавскій, а другіи молодшій Самоилъ Зорка зъ Вольня; зъ тихъ убо старѣйшій на Кошу зоставленъ, а молодшій зъ Хмелницкимъ зъ Сѣчи отпущенъ, занеже онъ и въ Криму былъ зъ нимъ Хмелницкимъ; тотъ убо Зорка, чрезъ увесь часъ войни Козацкой зъ Поляками бывшой, зостаючи писаремъ и секретаромъ при Хмелницкомъ, о всѣхъ рѣчахъ и поведеніяхъ совершенно вѣдалъ, а доскопале и пространно въ діяріушѣ своемъ оніе описалъ, которій діярушъ былъ въ товариша моего Силѣвестра Биховца, канцеляристи войскового. Его-же отецъ, Іоанъ Биховецъ, при тогобочнихъ Чигринскихъ Гетманахъ бѣ канцеляристомъ, и тамо тотъ Хмелницкого дѣяній діаріушъ переписалъ былъ себѣ: изъ него-же азъ (взявши въ сина его помененного, товариша-же моего) зѣло сокращеннѣ потребнѣйшіе и нужнѣйшіе Хмелницкого военнихъ сукцессовъ вичерпнувши и понотовавши рѣчи, потрудихся въ сей моей книзѣ оніе положити и виразити. Аще-же въ томъ пречечоного Самоила Зорки діаріушѣ были ретелне положени листовніи Хмелницкого о тогдашнихъ дѣлехъ и поведеніяхъ, до посторонниx Монарховъ и владѣтелей корреспонденціи, но я ихъ (аще и велце были потребни) безъ переписаня оставилемъ, едно краткости послѣдствуя, другое и часу поволного на тое неимѣя, всегдашними и непрестанними въ канцеляріи войсковой писарскими будучи обовязанъ и отягощенъ дѣлами.

РОЗДѢЛЪ X.

О трехъ знакахъ предъ войною Хмелницкого бывшихъ, и гнѣва Божія обоимъ, Полскому и Козакорускому народамъ, скорое наитіе прознаменовавшихъ.

Нимъ зачну близко наступаючое военнихъ Хмелницкого дѣлъ зъ Поляки поведеніе, и многое обоихъ (Козакоруского и Полского) преславнихъ въ Европѣ народовъ, въ междоусобіи бывшомъ зъ великимъ ихъ ущербкомъ и поврежденіемъ, кровопролитіе жалоснимъ вспоминати и описовати сердцемъ, судихъ за благо: прикладомъ Самоила Твардовскаго, тую Хмелницкого войну вѣршомъ Полскимъ описавшого: положити первѣе предъ войною тою бывшіе знаки, зъ придаткомъ имъ толкованя отъ мѣлкого разума и разсмотрѣнія моего.

Зъ тихъ убо знаковъ первій рокомъ предъ тою войною бысть—великое надъ звичай, въ день пятка страстного, слонца измѣненіе и затмѣніе; вторій потомъ—комета, отъ давнихъ лѣтъ невиданная, являлася на небѣ по заходѣ слонца, чрезъ дней дванадцять; третій—саранча великая нѣгдѣсь уродившись и нашедши, предъ самимъ тоя междоусобнія домашнія войни зачатіемъ, въ землю Полскую, всѣ трави и збожа въ ней позъедала и винищила: що все люде старіе и разумніе за гнѣвъ Божій ку собѣ бывшій вмѣняли, и пришлого несвѣдомого карання его Божественного на себе чаяли, якое ихъ и не минуло; ибо за умноженіе беззаконій, изсякла бѣ любовь въ многихъ, безъ нея-же умножися и преуспѣ во человѣцехъ гордость, ненависть, вшетеченство, неситство многаго имѣнія и сребролюбія, заздорость, пиха, вражда, гнѣвъ, обиди и иніе Богу противніе и мерзкіе дѣянія; за которіе по предъ описаннихъ знакахъ, наступовало праведное Божественное каране; якое же каране постигнути мѣло, мощно было зъ знаковъ по-

мененихъ, по разсмотрѣнію умному и по тогдашнему состоянію военному домислитися. Ижъ первій знакъ—затмѣне слонца, моглъ презначати тое, что многіи панове, високими фамилѣями и ясними своихъ преэмѣненцій и гоноровъ титулами въ мірѣ семъ блещавшіи и свѣтившіеся, мѣли тогда чрезъ военній прогрессъ потемнѣти, и отстрадавши живота своего зо всею субстанціею и славою скоропреходящою и яко димъ отъ лица вѣтра ищезающею, ищезнути и въ персть вселитися. Вторій знакъ—мѣтла албо розка, не иное что моглъ предвозвѣщать точію сіе, ижъ многіи отъ земнородныхъ всякаго чипа человѣковъ, за своя беззаконія, мѣли тогда того-жъ гнѣва Божія розгою ударени быти, а мѣтлою не тилко отъ началствъ своихъ, но и отъ временія жизни сея изметенними зостати. Третій знакъ—саранча, моглъ прознаменовати Ордъ Кримскихъ аки саранчѣ на державу Полскую, медомъ и млекомъ тогда кипѣвшую, зъ Хмелницкимъ нашествіе, и неповетованнаго тому панству поврежденія и разоренія привнесеніе. И собится тогда слово Божественного писанія, яко беззаконіе и злодѣяніе преврати силнихъ; при силнихъ-же и славнихъ немощніи и безславніи, при крѣпкихъ и богатихъ убогіи и безпомощніи, при винниихъ и невинніи равно приняли плягу и гнѣва Божія испили чашу, такимъ единого рифмотворца Малороссійского подтверждается вѣршемъ:

Случися мужу праведну при грешнихъ умрети,
Обычно бо есть сирому при сухомъ горѣти.

О тихъ-же знакахъ въ рукописнихъ Козацкихъ лѣтописцахъ обрѣтается именно: же року 1648, въ постъ великій, надъ градомъ Варшавою видѣни были на небѣ по вечерамъ мѣтла, мечъ, гробъ и на немъ крестъ; но сего я за истинну не имѣю, поневажъ авторъ Твардовскій, будучи мешканцемъ Полскимъ, невидѣлъ таких знаменій, и въ своей, *Война Домова* названной, книзѣ виразити ихъ неизволилъ.

РОЗДѢЛЪ XI.

О зрозумленню чрезъ Гетмановъ Хмелницкого листовной зъ Сѣчи, взлядомъ пословъ Запорожскихъ писанной, обмани; о прибыттю Гетмановъ Коронныхъ зъ войсками Полскими на Украину; о виправѣ зъ Черкасъ, и несправность войскъ Полскихъ и Козацкихъ, водою и землею ку Кодаку противъ Хмелницкого.

Гетманъ Великій коронній Миколай зъ Потока Потоцкій, Воевода Брацлавскій, и Калиновскій Гетманъ Полній, любо чрезъ килконеделное время засмотривалися на пословъ Запорожскихъ, подлугъ прежде писанныхъ листовъ Хмелницкого, до Короля Владислава быти мѣвшихъ; однакъ постерегши въ той мѣре Хмелницкого обману, а чаючи отъ него чогось до себе нового, заразъ за позволенемъ Королевскимъ и всего Сенату, до пятидесятъ тисячъ войска Полского платного и посполитого, зъ многими знаменитими и високородними Панами Полскими, зтягнувши, въ пятокъ первой недѣли великого поста, февраля 18, прибыли на Украину Козацкую, хочай и зима была тогда нестатечная и бездорожная; и росположивши не безъ великой тяжести людской войска по кватерахъ, сами Гетмани резиденціи себѣ обрали—Полній въ Корсунѣ, а Великій въ Черкасахъ, занеже отъ Корсуна до Черкасъ не великое, но тилко шестомилное обрѣтается пути разстояніе. Ставувши засъ они Гетмани на Украинѣ, любо удивлялися тому, же жадной о Хмелницкого замислахъ и оборотѣ не было вѣдомости, однакъ усовѣтовали за благо искати и гонити вѣтра въ полю, и виправити для того значнія партіи войска своего землею и водою ку Кодаку, где рѣчи посполитой Полской значное жъ платное знайдовалося пре-

зидіумъ; для чего заразъ по ихъ Гетманскомъ приказу, коммисаръ Козацкій, на Украинѣ тогда вмѣсто Гетмана бывшій, заслалъ ординанцъ свой всѣмъ Козакамъ реестровимъ готоватися въ походѣ невѣдомій. А тимъ часомъ по ординансу Гетмана Великого коронного, зпущено отъ Кієва ку Черкасамъ килкодесять байдаковъ и инших менших водних судовъ зъ достаткомъ провіантовъ, и военнихъ риштунковъ число немалое, и полковника въ Переяславлѣ Полского, нѣякогось Адама Душинского новопоставлено, а Кречовского отмѣнено за тое, ижъ ку Хмелницкому добрую имѣлъ пріязнь, и не тилко по листовномъ ординансу Гетманскомъ (яко прежде написалось) не взялъ подъ арестъ свой, но и перестерелъ его Хмелницкого въ той мѣре, обявленіемъ писанного къ себѣ о томъ листа Гетманского. Що все дѣялося и приготовлялося чрезъ увесь постъ великій и далѣй; а по свѣтлоторжественномъ воскресеніи Господнемъ (которое тогда было априля второго) Гетмани ободва, Коронній и Полній, зъ иншими знаменитшими панами Полскими въ Черкаси зъѣхавшися, и Козаковъ реестровихъ туда-жъ зтягнувши, приказали имъ зъ Барабашомъ полковникомъ Черкаскимъ и Кречовскимъ бывшимъ полковникомъ Переяславскимъ, подлугъ прежней ухвали и совѣта своего, всѣсти въ суда водніе, и плинути внизъ по Днѣпру ку Кодаку. Але ижъ и въ зичливости Козаковъ реестровихъ Гетмани не велми дуфали, того ради первѣе нѣжъ всѣли въ суда водніе, одобрали отъ нихъ на вѣрность присягу, по которой виконанню, пять тисячъ Козаковъ онихъ реестровихъ виборнихъ и военнихъ, зъ Барабашомъ, Кречовскимъ и иними началниками своими, пѣхотою въ суда водніе со всѣмъ готовіе всѣло; для лучшой зась надежди Полской, придано къ нимъ пѣхоти Нѣмецкой двѣ тисячи, и велѣно имъ Днѣпромъ плинути щоденній, имѣючи согласія зъ войскомъ, землею туди-жъ ку Кодаку виправленимъ; и якого то войска заразъ тогдижъ

зъ каштеляномъ сиomъ Гетманскимъ и изъ коммисаромъ Украинскимъ, также и зъ иншими високородними панами, виправлено не двѣ, якъ Твардовскій написалъ, але двадцятъ три тисячи, добре его узапасивши харчевими и военними запасами, и приказавши имъ, такожъ для всегдашнего зъ войскомъ воднимъ согласія, неоподаль отъ берега Днѣпрового простовати ку Кодаку, и сполне зъ тимъ воднимъ войскомъ надъ Хмелницкимъ чинити промиселъ, если би где мѣлъ проявитися.

На третой тогди недѣлѣ по Пасцѣ, въ пятокъ априля 13, когда и паша конская начала являтися, рушили отъ Черкасъ обое, водою и землею, войска Полскіи и Козацкіи въ походъ свой; въ которомъ ихъ начинаніи виполнилося присловіе тое — *еже человѣческое есть мислити, Божіе же дѣйствовати*; ибо рушивши тіе войска отъ Черкасъ водою и землею, заразъ данной себѣ науки Гетманской (еже въ щоденномъ зъ собою быти согласіи) препомнѣли, а отправовали свой походъ такъ, якъ кому за лутше быти здавалося. Гетманскій сынъ зъ комисаромъ, землею, на Криловъ (до которого отъ Черкасъ . . . чили . . . миль именуется) и на Жолтую Воду (до которой отъ Крилова , или , миль Украинскихъ быти сказуется) ишолъ зъ войскомъ крокомъ желвовимъ, помалу и неспѣшно, продолжаючи въ мірѣ семъ животъ свой отъ наступаючой кончини и погибели, въ частихъ и проволѣкаючихся обозовихъ попасахъ и весняныхъ тогдашнихъ, сердцу человѣческому благопріятнихъ, прохладахъ и делѣціяхъ; а Барабащъ зъ Кречовскимъ, водними Днѣпровими бистринами внизъ спѣшнѣйшимъ несени стремленіемъ. Коея ради вини и неисправленія комисарского и сина Гетманского, войско водное, преречоними бистринами Днѣпровими внизъ спѣшно надъ надежду ихъ каштелянову и комисареву унесенное, зъ войскомъ земношественнимъ приказанной себѣ отъ Гетмановъ коронnихъ корресподенціи и согла-

сія лишившися, пришло (Богу такъ изволившу) въ согласіе и дружбу зъ противнимъ себѣ войскомъ Хмелницкого, чого знать себѣ и зичило: яковимъ же тое собилося дѣйствіемъ, абіе предлежащій роздѣлъ ретелне обявитъ.

РОЗДѢЛЪ XII.

О рушеню Хмелницкого зъ войскомъ Запорожскимъ и Татарскимъ отъ Сѣчи ку Жолтой Водѣ и на Украину; о злученнюся его зъ войскомъ Козацкимъ воднимъ, отъ Гетмановъ Коронннихъ противъ него виправленнимъ; о розгромѣ войскъ Полскихъ на Жолтой Водѣ зъ комисаромъ и синомъ Гетманскимъ бывшихъ; о взятихъ тамъ здобичахъ и плѣнникахъ; о одосланню ихъ въ Чигринъ, и о зловленню Чаплинского.

Хмелницкій Гетманъ новій, въ недѣлю третую по Пасцѣ святихъ мироносицъ, априля 22, зъ Сѣчи зъ войскомъ Запорожскимъ рушивши, и зъ Тугай Беомъ Мурзою въ полю вище Базавлука совокупившись, любо намѣрилъ былъ прямо на Чигринъ зъ войскомъ простовати, для привитання тамъ Чаплинского, главного ворога своего; однакъ зъ повѣсти предреченнихъ на шляху Сѣчовомъ чрезъ Татаръ пойманихъ людей разсмотрѣвшись, же войска Полскіе и Козацкіе отъ Гетмановъ коронних зъ Черкасъ водою Днѣпровою ку Кодаку, а землею на Криловъ и на Жолтую Воду ку Кодаку-жъ суть виправлени, отмѣнилъ на Чигринъ походъ свой; а просто ко Жолтой Водѣ и Крилову, въ очи войскамъ Полскимъ путиествовати намѣривши, Кодакъ проминувши, а въ правій бокъ ку берегу Днѣпровому мало зъ шляху своего удавшися, стануль обозомъ вище Кодаку у миль три или чтири, и роспорядивши въ коло и оподаль обозу крѣпкіе и справніе Козацкіе и Татарскіе сторожи, самъ на томъ мѣстѣ неподвижне дней зкилко

промешкалъ; не для чого иного, тилко для того найбарзѣй, аби зъ войскомъ Козацкимъ воднимъ, отъ Гетмановъ Коронниxъ виправленнимъ, моглъ якуюжъ колвекъ получить розмову; для чого особніи пилніи по надъ Днѣпромъ расположени были караули, зъ данною себѣ отъ Хмелницкого наукою, якъ справитися и поступити, гди увидятъ войско Днѣпромъ внизъ плинучое. Тіи прето караули зочивши войска водніе, призвали ихъ въ мѣлкихъ судахъ ку берегу, для розговору зъ собою; между которими згодился и Кречовскій, бывшій полковникъ Переяславскій; а гди услишали отъ тихъ караулщиковъ, же Хмелницкій зъ войскомъ Козацкимъ и Татарскимъ идетъ противъ Поляковъ на Украину, и не оподоль отъ берега Днѣпрового стоитъ обозомъ, велце тому урадовалися; несовершенно однакъ вѣрячи, потребовали видѣти самого Хмелницкого, которій за данемъ себѣ о томъ знати заразъ прибылъ ку берегу Днѣпровому, и кгди увидѣлся тамъ зъ Кречовскимъ, другомъ своимъ, и инимъ отчизнѣ зичливимъ товариствомъ, теди заразъ одержалъ отъ нихъ устную обѣтницу, же всѣ зъ нимъ зъ судовъ воднихъ висѣвши, пойдутъ сполне противъ Поляковъ войною за свои древніе права и волности, недбаючи на тую присягу, которую Гетманамъ по неволѣ и подъ оружіемъ виконати мусѣли. До чого и Барабаша теплѣйшого Полякамъ пріятеля, зъ его нѣкіими единомислниками, радою своею наклонити обѣщали; лечъ когда тая ихъ рада предъ Барабашомъ была суетна и бездѣлна, абіе во всемъ флоту водномъ возгорѣлся огнь гнѣва и ярости, въ которомъ не тилко Барабаша зъ его единомислниками забито, но и всѣхъ Нѣмцовъ виколото и пуртамъ Днѣпровимъ отдано. О чомъ гди увѣдомился Хмелницкій заразъ всѣмъ обозомъ своимъ рушилъ, и сталулъ надъ самимъ берегомъ Днѣпровимъ для забрання до обозу якъ войска водного, такъ запасовъ харчевихъ и припасовъ военнихъ, между которими килконадцятъ было арматокъ невеликихъ воднихъ, зъ до-

статкомъ пороху и куль. Що все чрезъ дней чтири упоравши, а судъ воднiй великiй и малiй въ затокахъ и тишинахъ Днѣпровихъ, для пришлой потреби, гдиби прилучилась, по затоплювавши, и Козаковъ нѣкiихъ значнѣйшихъ кони Козацкими и Татарскими вспомогши, рушилъ помалу, для пѣхоти водной, со всѣмъ войскомъ въ путь свой ку Водѣ Жолтой, многими ума своего очима, яко ловецъ хитрiй, на всѣ сторони поглядаючи, и карауля въ милю и далѣй отъ обозу имѣючи. Въ пятокъ теди пятой неделѣ по Пасцѣ, мая 4, передняя стражъ Хмелницкого зъ передней-жъ стражи Полской двохъ языковъ поймавши, припровадили до Хмелницкого, которiи гди сказали ему же войска Полского доброго, при комисару и каштеляну сину Гетманскомъ, знайдуется двадцятъ три тисячи, и что уже Жолтую перейшло Воду, теди Хмелницкiй зъ Тугай Беомъ на томъ же мѣстцу (которое отъ Жолтой Воды у миль двѣ заледво было) удержался непорушне, для роспораженя до битви войска своего, которое чрезъ тотъ подвечорокъ и ночъ управилъ и роспорадилъ якъ належало. А Поляки стративши своихъ двохъ языковъ и устрахнувшись, цофнулися назадъ, и переправивши Жолтую Воду, тамъ-же надъ нею ошанцовалися за подвечорокъ и ночь, въ должъ и въ ширь на верству, значнiи и глубокiи въ коло себе учинивши окопи. Переночовавши зась, еще предъ свѣтомъ рушилъ Хмелницкiй зо всѣмъ войскомъ ку Полякомъ, и гди отъ своей сторожи получилъ вѣдомость, что Поляки назадъ за Жолтую Воду уступили и надъ нею окопались, тогда и самъ къ той-же Жолтой Водѣ приблизившись, станулъ обозомъ противъ обозу Полского, и належите оній приказалъ устроити, шанцами въ коло обваровати и пѣхотѣ водной при немъ зоставати. И егда зъ обозу звиклая зъ арматъ зачалася корреспонденцiя, тогда самъ Хмелницкiй зъ Тугай Беомъ и зо всѣмъ войскомъ коннымъ, Жолтую на иншомъ мѣстцу перебувши Воду,

вдарилъ крѣпко на Поляковъ зъ окоповъ своихъ противъ ему віехавшихъ, которіи и единой годиниі въ кроку своемъ неустоявши, а на килко тисячъ трупомъ павши, зъ великимъ трѣскомъ и ужасомъ въ свой окопъ и обозъ ухопилися, въ суботу пятой неделѣ по Пасцѣ, мая 5. Яковимъ первимъ своимъ нещастіемъ и поражкою, любо превеликіи страхъ и отчаяніе живота вложили въ сердца всѣхъ своихъ начальниковъ, однакъ еще и повторній разъ, того жъ суботнего дня ку вечеру, военного Поляки зъ Хмелницкимъ и Тугай Беомъ непопехали дѣла; но и въ томъ на полтори тисячи своего стративши товариства, зъ великимъ бѣдствомъ и ранами зостали вгнани шаблями до окопу своего. День зась неделній, мая 6, захованъ безъ промислу военного. А въ понеделокъ, мая 7, по трикратной валной потребѣ, многихъ Поляковъ сполне зъ каштеляномъ синомъ Гетманскимъ и иними панами и началниками воинскими смертная постигнула язва. Во второкъ, т. е. Мая 8, шестоіі недѣлѣ по Пасцѣ, предъ порою обѣднею, и вконецъ всѣхъ Поляковъ Хмелницкого оружіе разорило, и единимъ зъ нихъ тамъ-же на Жолтой Водѣ жити и гнити повелѣло, а другимъ правую стезю до Криму показало; отъ якого погрому нѣ десятка человѣка Поляковъ не спаслося. Потомъ Хмелницкій зъ Тугай Беомъ, преправивши чрезъ Жолтую Воду обозъ, станулъ онимъ край окоповъ Лядскихъ; и для зловлення Чаплинского ворога своего, заразъ виправилъ до Чигрина (бо получилъ вѣдомость, же войско Полское зъ Чигрина уже віишло, и по ординансу Гетманскомъ спѣшно пошло ку Черкасамъ) при товариству своемъ Чигринскомъ поуфаломъ, исправномъ, добрихъ молодцовъ полтораста человѣка; которіи подлугъ данной себѣ науки, на смерканню въ Чигринъ прибувши, застали Чаплинского щасливе уже повечеравшого и спати розобравшогося, которого безъ жадной дишкреціи похвативши, и зъ ласки своей на его панскіе плечи, въ единой

кошулѣ бывшіе, зъ сотню барбаръ нагайскихъ положивши, а въ грубникову кожушину облекши, и вѣчне и зъ Чаплинскою попрощатись приказавши, всадили на коня и помкнули до Хмелницкого; що справилося чрезъ два днѣ и едну ночь. Которого Хмелницкій словомъ гнѣва привитавши, и плѣнникамъ Полскимъ обявивши, иже зъ его Чаплинского причинъ тое кровопролитіе стануло предложивши, заразъ росказалъ оттяти ему голову; лечъ отпровадивши отъ обозу Лядского на сторону за верстъ килко, даби врагъ мира и покою не лежалъ зъ тими шляхетскими трупами, которіи зъ его причини тамъ на Жолтой Водѣ свои отъ оружія Козацкого всебѣдственно положили голови. Що все Хмелницкій укоивши, обозъ Лядскій со всѣмъ достаткомъ и скарбами забравши, и Тугаї Бея зъ тоей добичи значною башловкою опатривши, прочее все Козакамъ и Татарамъ допустилъ забрати. Взялъ тамъ Хмелницкій: осмъ штукъ арматъ добрихъ полевихъ, зъ достаткомъ пороху и куль; килконадцятъ паръ котловъ, зъ добошами ихъ; килкодесятъ корогвей, бунчуковъ два, булавъ двѣ, и килкодесятъ человѣка трембачовъ и иныхъ обозовихъ служителей немало, якіи въ числѣ воинскомъ необрѣталися; на остатокъ зъ пановъ войсковихъ Шембечка, Сапѣгу, комисара и инишихъ значнихъ шляхтичовъ до пятидесятъ человѣка; а рядового товариства три тисячи злишкомъ тогдижъ въ неволю взято, и до Чигрина при значономъ числѣ Козаковъ и Орди отъ Хмелницкого одослано, зъ таковимъ листовнимъ старшинѣ Чигринской срогимъ приказомъ, даби всѣхъ началниковъ Лядскихъ, въ крѣпкіе вложивши кайдани, поставили на килкохъ кватирахъ честнихъ и вигоднихъ подъ крѣпкою сторожею, и велѣли ихъ кормити доволнимъ кормомъ зъ ратуша Чигринского; а рядовое все товариство по турмахъ и въ замку Чигринскомъ жеби было замкнено, сторожею крѣпко опатрено и якъ мога кормлено, а голодомъ не морено; ранныхъ засъ жеби гоено и зъ пилностію досмотривано.

РОЗДѢЛЪ XIII.

О шкодѣ войска Хмелницкого; о приготованнюся Хмелницкого на баталію другую, зъ самими Гетманами; о рушенню Хмелницкого отъ Жолтой Води ку Корсуну; о прибыломъ къ нему свѣжомъ войску; о фрасунку Гетмана коронного и намѣреніи его; о пороку на него отъ войска за несправность; о боязни и страху Гетманскомъ; о розгромленю подъ Корсуномъ всего войска Полского; о взяттю въ полонъ обохъ Гетмановъ коронныхъ, и о иной здобичи тамошной; о воздании благодарствія Богу; о банкетѣ бывшомъ; о отпочинку на томъ мѣсцу Хмелницкого, и о отправѣ экспедиціи до Сѣчи и въ Кримъ.

По укончению оного крвавого Желтоводскаго дѣянія (въ которомъ и Козаковъ полтораста человѣка смертную испило чашу, а раннихъ столкожъ въ Чигринъ одослано, кромѣ побитихъ и раннихъ Татаровъ) Хмелницкій зъ Тугай Беомъ на томъ же мѣстцу стоялъ неподвижне чрезъ три днѣ, приспособляючи и управуючи войско и обозъ на наступуючую зъ самими Гетманами коронними баталѣю; особливе пятнадцятъ арматокъ воднихъ, новимъ образцемъ на двохъ тилко колесахъ и о единомъ коню приправуючи, для легшого и скорѣйшого зъ ними въ военной потребѣ обороту. Стануло уже тутъ у Хмелницкого арматъ и арматокъ 26; до которихъ Хмелницкій добрихъ Запорожскихъ стрелцовъ придалъ спѣшивши пятъ сотъ человѣка, а коннихъ для всякаго случаю триста человѣка; якіи новоучиненіи пушкарѣ такъ умѣли зъ арматъ стрѣляти, якъ и изъ мушкетовъ.

По прешествіи теди дней трохъ, то есть мая 11 въ пятокъ шестой неделѣ по Пасцѣ, устроившися зовсѣмъ якъ

належало, Хмелницкій рушилъ спѣшно отъ Води Жолтои, зо всѣмъ войскомъ, ку самимъ Гетманамъ короннимъ; якого дня отъ Чигрина, Крилова и инпшихъ мѣстъ и селъ, на двѣ тисячи прибыло воинского охотника ку Хмелницкому. Гетманъ зась Великій короннїй веліимъ наполненъ фрасункомъ, кгды непотѣшніи една за другою отбѣралъ вѣдомости, а именно: же Козаки водніи, вибивши Нѣмцовъ, зъ собою на водѣ бывшихъ, до Хмелницкого пристали, и же Хмелницкій на Жолтой Водѣ сина его Гетманского зо всѣмъ войскомъ Полскимъ осадилъ; для которого ратунку, либо заразъ онъ Гетманъ короннїй зъ Гетманомъ Полнимъ зо всѣмъ войскомъ (якое уже было готове въ сокупленіе) рушилъ былъ ку Водѣ Жолтой; однакъ у Масловοго Ставу получивши вѣдомость отъ едного ранного, зъ Желтоводской остатной потреби прибылого жолнѣра, же уже тамъ войско Полское чрезъ Козаковъ и Орду на голову поражено, обозъ зовсѣмъ взято и синъ Гетманскій смертно раненъ, а подобно и не жіетъ, заразъ цофнулися назадъ ку Корсуну, начавши думати и промишляти о своей головѣ и всего войска Коронного цѣлости, которого при нихъ тогди знайдовалося на двадцять шесть тисячей, зъ новоприбылимъ зъ Полщи войскомъ. Многіи тогда зъ пановъ Полскихъ приписовали имъ Гетманамъ за несправность ихъ и глупство едно—же войско роздѣливши послали водою и землею, другое—же жадной о Хмелницкомъ немѣючи вѣдомости, скваплиее одослали и отдалили оное далеко отъ боку своего; зъ якихъ мѣръ обидва Гетмани любо погружалися непрестанно въ жалю сердечномъ и поношеніи сромотномъ за несправность отъ всего войска своего, однакъ еще якъ колвекъ трезвили; лечъ кгди потомъ послишали зближаючагося ку себѣ Хмелницкого, и войска своего драгунскаго тритисячное число въ передной стражѣ бывшое здраду, же ку Хмелницкому передалося, неимѣючи отъ Гетмановъ заслуженной себѣ плати, тимъ барзѣй обятъ ихъ страхъ и

всеконечное цѣлости своея отчаяніе, недоумѣваху бо весма что творити, якъ зъ войскомъ поступити, якъ и на якомъ мѣстцу до бою оное устроити. Станули еднакъ обозомъ, якъ ихъ тогда помѣшанній научилъ разумъ, на одной ровнинѣ надъ рѣкою Россою, котрая до обороны приличнѣшая имъ быти здавалася, близко Корсуна; и якъ обозъ тотъ ровомъ ошанцовали, такъ и войско належите до бою ушиковали и роспорядили.

Мая тедй 16, въ среду седмой недели по Пасхѣ, скоро ясно свѣтлое слонце зъ оцеяну на свѣтъ свои лучи появило, и мракъ нощній въ нощніе прогнало страни, заразъ отъ наступаючого пятнадцято-тисячного (кромѣ Орди) числа войска Козацкого показалися быти Полякомъ дими и прахи земніи, конскими копитами отъ земли взрушенніи и на воздухъ вознесшіися, нѣби отъ стотисячной квоти войска оного Козацкого; особливою тогди мглою страхъ Полякомъ засупулъ былъ очи, же ся имъ тое мечтало, чого отнюдь въ самой не было рѣчи. За тимъ абіе Хмелницкій своимъ и Ординскимъ войскомъ мужественно наступаетъ, и крѣпко ударяетъ на Поляковъ; которіи мало що въ шику своемъ постоявши, а болшей отнюдь оружію противному стерпѣти невозмогше, зъ великимъ страхомъ уступили у окопъ свой, внѣ онаго отбѣгши, трупомъ полеглой братіи своей на три тисячи; зъ окопу зась стали отстрѣливатися зъ арматъ, якихъ было осмнадцятъ. Вскорѣ потомъ Хмелницкого армата зъ пѣхотою настигла, и егда вздовжъ и впоперекъ войско и обозъ Лядскій начаша рисовати и проносити, часто густо убиваючи жолнѣровъ и коней, ламаючи тежъ и трощачи вози и каравани, тогда Поляки познавши мѣстце тое до цѣлости своей неспособное, рушили отъ толь на гору тамъ же близко будучую; но и на горѣ той крайнее свое увидѣвши небезпеченство, заразъ рушили и отъ толь; на конечную свою погибель, всѣмъ обозомъ и войскомъ, ушиковавши оное якъ было

возможно; якому ихъ порушеннюся радъ былъ Хмелницкій. Скоро теди Поляки зъ своихъ висунулися окоповъ, заразъ Хмелницкій зъ Ордою началъ около нихъ (якъ приказуютъ) веремѣя крутити, и обозъ ихъ, въ килко лавъ ушикованній, зъ арматъ своихъ на разнихъ мѣстцахъ густо розривати, ламати и мѣшати; многихъ и жолнѣровъ Полскихъ, при нихъ въ шикахъ своихъ бывшихъ, зъ мѣлкого и арматного бою покладаючи трупомъ. Увидѣвши то Гетмани, ижъ злая ихъ есть справа, что не тилко звичайнимъ боемъ въ полю, конно немогутъ постояти противъ войска Козацкого, але и обозъ приходитъ въ разрушеніе, росказали къ пѣхотѣ своеій многимъ корогвамъ коннимъ зпѣшитися, на горшій уронъ свой. Щося кгди стало, заразъ служки конѣ въ пановъ своихъ принявшіе, всѣвши на тіе жъ кони, а чаючи бѣгствомъ свое отъ бѣди настоящой улучити спасеніе, перхнули врознь отъ обозу по лѣсахъ и лугахъ тамошнихъ, пановъ своихъ въ зброяхъ желѣзнихъ и при военнихъ риштункахъ, въ крѣпкій тогди зной и варъ солнечній, оставивши не обиклое имъ пѣхотинское на полъ милѣ и далѣй двигати иго. Сему творящуся, абіе войска Полскіе и обози ихъ, за проводничествомъ нѣякогось непевного, албо и незичливого себѣ человѣка, надходятъ надъ яри и кручи, и зъ нихъ спускаются зъ великимъ бѣдствомъ, ворочаючи въ тіе кручи и ламаючи вози и каравани, и наступуючи на переправу, тамъ въ долинѣ крутой приключшуюся, багнистую, зѣло грузкую и до скорой переправи весма неудобную. Уже и армата Полская ничого дѣйствовати не можетъ, да и изъ ручного оружія рѣдкое уже начало быти ку Хмелницкого непрестаемому и зѣло Полякамъ вредителному стрѣлянію отвѣтствованіе. Часть обозу Полского зъ поменениой твани и грузкости вибейкавшися, дерется кгвалтомъ на прикрую гору, и отнюдь на неи взійти неможетъ; другая часть въ болотѣ ономъ загрузла и прочіимъ заднимъ путь затарасовала; третая часть зъ

гори спускаючись (якоже рѣхъ), поламавши вози и каравани и сплетшися зъ собою купами, къ погибели наклонилась; къ тому Козаки на мѣстцахъ приличнихъ, кудаби Полякамъ можно было уходить, позакопували и лѣсами позасѣкали дороги. Гетмани обидва зъ ичими многими знаменитими панами, аки во изступленіи ума суще, по обоихъ сторонахъ обозовихъ зъ многими хорогвами конними шатаются, невѣдуще болѣе что творити. Хмелницкій теди зъ Тугай Беомъ совершенно уже познавши свое въ тотъ часъ благополучіе; дали сами покой обозовѣ; толко приказали пѣхотѣ своей и арматамъ, аби дополняли того зъ пилностю, чого на всеконечное раздрушеніе Лядскому обозовѣ недоставало. Самъ тежъ Хмелницкій зъ Тугай Беомъ на самихъ Гетмановъ, уже въ отчаяніи жизни своея бывшихъ, крѣпко ударивши, стерлъ и поламалъ ихъ шики весма, приложивши нещадно остріе оружія свои на ихъ шляхетскіе голови; где множайшая часть войска Полского паде трупомъ, смертного неухибивши термѣну; другая двотисячная чили тритисячная часть, зъ нѣкими вождами, бѣгствомъ лѣсами и лугами спаслася отъ погибели, неусмотрѣвшу ихъ Хмелницкому; третая зась часть до полшести тисячи въ плѣнъ взята, зъ обома Гетманами, зъ которихъ Полній Гетманъ Калиновскій зосталъ раненъ; при Гетманахъ зась оныхъ коронныхъ взято въ неволю: Синявского, Балабана, Бѣгановского, Одриволского, Ясколского и иныхъ знаменитой и високородной шляхти до осмидесяти человѣка. Що при всесилной помощи Божіей Хмелницкій щасливе едного дня зорудовавши, станулъ обширне обозомъ своимъ надъ тоею жъ кручею и долиною, въ которой и обозъ Лядскій опановалъ себѣ; а зъ ӧбозу оного килконадцятъ каравановъ лутшихъ и богатшихъ приказавши пѣхотѣ своей примкнути до себе, прочее все войску Козацкому и Татарскому позволилъ забрати и подуванитись тимъ; кромѣ воинскихъ аппараментовъ, зъ которихъ три булави, каменіемъ драгимъ саже-

нихъ, осмнадцятъ штукъ арматъ добрихъ, девятнадцятъ паръ котловъ, пятдесятъ шисть корогвей, два бунчуки, тридцятъ осмъ трембачовъ и иннхъ служителей обозовихъ, не въ числѣ воинскомъ бывшихъ, до пяти сотъ человѣка. А съ Хмелницкого Козаковъ семдесятъ забитихъ а девятдесятъ пять раннихъ (кромѣ Татаръ забитихъ и раннихъ) тогда явилося. По тихъ теди военнихъ фатигахъ, станувши Хмелницкій въ обозѣ своемъ зъ Тугай Беомъ, розбилъ свои, а найбарзѣй здобичніи, зрядніи намети Лядскіи, и переночовавши въ нихъ, первѣе всего въ четвертокъ тогдашній, мая 17, отдалъ молебное благодареніе Господу Богу, помогшему ему на сопостатовъ Поляковъ, при трикратномъ арматномъ и мушкетномъ огня паленіи; по тимъ валній учинилъ банкетъ, учредивши на немъ доволно старшину свою и Козаковъ значнихъ, также Тугай Бея зъ значними Татарами и плѣнниковъ пановъ Полскихъ; а на рядовое Козацкое и Татарское войско 25 куфъ горѣлки видалъ, приказавши оною напоити и рядовое плѣненное товариство Полское. За тимъ отдихомъ на томъ мѣстцу чрезъ дней десятъ, въ которомъ отпочинку до Сѣчи зъ посилкою певнихъ вещей, а въ Кримъ до Хана зъ посилкою полоняниковъ Полскихъ отправилъ экспедицію, которая виразне тутъ же полагается.

РОЗДѢЛЪ XIV.

Албо Енералная реляція о обоихъ, Желтоводской и Корсунской, Хмелницкому доставшихся здобичахъ Лядскихъ.

При двохъ Гетманахъ коронныхъ взято въ полонъ полковниковъ, ротмистровъ, капитановъ, поручиковъ, хоружихъ и иннхъ начадниковъ воинскихъ, значнихъ и високороднихъ 127, рядового товариства осмъ тисячъ 520 че-

ловѣка; трембачовъ 63, и иныхъ служителей не въ числѣ воинскомъ бывшихъ 580, добошовъ 27, котловъ великихъ и малихъ паръ 31, корогвей самихъ знаменитихъ 94, а иншіи меншіи корогви и котли Татарамъ досталися; бунчуковъ 4, булавъ 5, арматъ болшихъ 41, зъ достаткомъ пороху и куль; иншихъ засъ вещей яко то наметовъ, коней, рондовъ, сѣделъ, пѣстолѣтовъ, янчарокъ, фузѣй, сайдаковъ, вишменѣтихъ и дорогихъ шабель, коней, обуховъ оправнихъ, зброй и панцировъ дорогихъ зъ шишаками, мѣсюрками и карвашами, телембасовъ срѣбнихъ и мѣднихъ позлоцѣстихъ, палубовъ и возовъ зъ харчами и и напитками простими и дорогими, каравановъ зъ кредепсами достатними столовими, срѣбними и позлоцѣстими; наостатокъ таляровъ битихъ, червонихъ золотихъ и дробной монети, особливе спецѣяловъ всякихъ златихъ и сребнихъ, зъ драгимъ каменіемъ и безъ каменія бывшихъ; также канаковъ и перстенковъ многоцѣнныхъ, при сукняхъ, сукнахъ и матеріяхъ дорогихъ нешитихъ, значная часть въ руки Хмелницкого досталася. А иніе такіе жъ драгіе и многіе вещи попались въ руки Тугай Беовѣ и инимъ началникамъ Козацкимъ и Татарскимъ; прочее же все пошло въ руки всего войска тамъ бывшого. Колко тежъ зо всего войска Лядского забито и сколко отъ смерти спаслося, а колко особно попало въ руки Ординскіе, того совершенно было довѣдатися невозможно.

Тое еднакъ тутъ еще прилагается, ижъ доволно все войско Хмелницкого, Козацкое и Татарское, здобулося на конѣ, на ронди, на зброи и на панцери, на сайдаки, шаблѣ и иное оружіе, на денги тежъ и суснѣ простіе и дорогіе; и що было предъ тими двома битвами во всемъ войску мало кого у дву конь и въ подлихъ одеждахъ много, то по битвахъ онихъ явилося въ каждого товариша Козацкого и Ординского по трое, по четверо и по пятеро коней, и въ рондахъ много; суконь тежъ, подобіемъ

коней, въ кождого товариша по килко паръ обрѣлося, такъ ижъ кгди войско тое по преречоних двоихъ битвахъ на конь всѣло, и въ далшій походъ зъ Хмелницкимъ рушило, увидѣвши зъ сторони албо зъ гори якой оное, можно было сказать, же то сутьниви, красноцвѣтущимъ Голендерскимъ албо Влоским маком засѣяннія и проквѣтнувшія. Якое красное того нарядного и избогатившагося войска зрѣніе, не глаголю многихъ, но всѣхъ цѣле Украинскихъ Малоросійскихъ мешканцевъ, Козаковъ и посполитихъ, на брань пришлую противъ Поляковъ загрѣло и воспламенило; а еще къ тому кривди, тяжести и разоренія, отъ Ляховъ Малоросіяномъ тогда бывшіи, первѣйшою и главнѣйшою до отмщенія были виною и подгнѣтою.

Разсужденіе о нещастю Поляковъ.

Исполнилося тутъ на Полякахъ тое прислове, ижъ кого Богъ покарати восхощетъ, то первѣе помѣшаетъ и уменшитъ ему цекавости и разуму его; при которомъ шванку и всѣ его расужденія и устроенія неправимъ путемъ начнутъ ходити, и ку явной шкодѣ и бѣдствію преклонятися. Сице бысть и въ Гетмановъ коронныхъ, кгди великую часть войска своего отъ себе отдалили и тое на двое водою и землею разлучили, послѣдствуючи наступуючому Хмелницкого благополучію, а своему злоключенію. Аще жеби всѣ войска ихъ были вкупѣ, не такъ би скоро опановалъ страхъ Гетманскіе и всего войска сердца, ниже Хмелницкого мужество смѣлобы себѣ такъ позволяти и въ гору восходити.

РОЗДѢЛЪ XV.

О виправѣ въ Кримъ неволниковъ Лядскихъ и подарунку Хану; также о виправѣ до Сѣчи вещей и гостинца войску Сѣчовому, зъ листовною корреспонденціею, и що при Хмелницкомъ зосталося неволниковъ.

Отпочиваючи Хмелницкій на пререченомъ мѣстцу по военнихъ трудахъ чрезъ дней десятъ, первѣе всего зъ старшиною своею и зъ Тугай Беомъ Мурзою радился и совѣтовалъ, що чинити зъ такъ немалою лѣчбою въ двохъ потребахъ взятихъ неволниковъ Полскихъ. На томъ теди станула рада, же рядовое товариство отдати чтиромъ тисячамъ Ордѣ Тугай Беовой, въ награжденіе трудовъ ихъ военнихъ; и старшину всю одослати въ Кримъ Хану, Солтанамъ и иншимъ началникамъ Кримскимъ. Для чого Хмелницкій заразъ велѣлъ всѣхъ плѣнниковъ въ обозѣ бывшихъ зреестровати по имени и ознаймити имъ, же отдани будутъ Татарамъ и пошлются въ Кримъ, а хто зъ нихъ добрій за себе Хмелницкому поступитъ окупъ, тотъ отъ посилки Кримской зостанетъ волнимъ; для якой ревизіи и предложення помененного слова тогдижъ посланъ и въ Чигринъ Кречовскій, бывшій полковникъ Переяславскій, къ тамошнимъ неволникамъ. Якое то слово и упевнене Хмелницкого кгди услишали обои неволники, веліимъ тогда обяти зостали жалемъ, и въ рѣкахъ слезъ своихъ погружаючися, многіи зъ нихъ по двѣ, по три, по чотири тисячи таляровъ битихъ и поболшей окупу за себе дати Хмелницкому поступили; Потоцкій зась Гетманъ Великій коронній тринадцятъ, а Каленовскій Гетманъ Полній одинадцятъ тисячъ таляровъ битихъ, любо дати за себе Хмелницкому поступовали, однакъ немогли въ томъ его полу-

чити респекту, для того, же уже ихъ зъ прочими знаменитими приговорено зъ Тугай Беомъ послати въ подарунку самому Ханові. Кгди теди повернулся Кречовскій зъ Чигрина зъ ревізіею неволниковъ тамошнихъ, то по разсмотреніи всѣхъ реестровъ неволничихъ, заразъ позволено Ордѣ Тугай Беовой, чтиромъ тисячамъ, взяти зъ неволниковъ Полскихъ рядового товариства, якъ въ обозѣ такъ и въ Чигринѣ бывшаго, восѣмъ тисячей; а начальниковъ и благородной шляхти шестдесятъ человѣка и двохъ Гетмановъ; себѣ зась Хмелницкій зоставилъ и одославъ въ Чигринъ товариства рядового лутшого и окупъ дати за себе обѣщавшого 520 человѣка, а зъ начальниковъ и благородныхъ зоставилъ 65 персонъ. Распорядивши теди таковимъ способомъ Хмелницкій неволниковъ, отправилъ ихъ зъ обозу зъ подъ Корсуна до Чигрина, а зъ Чигрина просто до Криму; написавши до старшини Чигринской, аби видали Татарамъ всѣхъ тихъ неволниковъ, которихъ реестръ къ нимъ посилается. При якой виправѣ неволниковъ онихъ въ Кримъ, виправилъ Хмелницкій Козаковъ комендерованихъ тисяча, а Тугай Бей Татаръ тисяча; еще тежъ послалъ Хмелницкій Ханові въ подарунку двѣ парѣ котловъ зряднихъ зъ добошами и осмъ трембачовъ, а Тугай Беовѣ даровалъ еденъ креденцъ сребній; бо на неволниковъ и самъ онъ не былъ скуденъ. До Сѣчи зась Запорожской, тогдижъ послалъ Хмелницкій подарунокъ взаемній: за едну короговъ чтири корогви добрихъ, за еденъ бунчукъ два бунчуки, за едну булаву двѣ булавѣ вишменѣтихъ, за едни котли трое котловъ изряднихъ, за три армати шесть штукъ арматъ виборнихъ, за благодѣяніе войсковое тисячу тяляровъ битихъ на войско, а на церковъ Божественную и служителей ея триста талярей. Якіи зась Хмелницкій при той випрявѣ писалъ листи до Хана и до Кошового Атамана, тіи такъ ся въ себѣ мѣютъ:

Мосцѣ Пане Атамане Кошовій, зо всѣмъ войскомъ Низовимъ Запорожскимъ, братіею нашею зичливою.

Посилаючи до Васъ нарочно посланнихъ нашихъ, значнихъ товаришовъ войска Запорожского, доносимъ Вамъ вѣдати, ижъ услишалъ Господь Богъ обидимихъ, утѣсняемихъ и озлобляемихъ отъ Поляковъ плачъ и стенаніе, отцевъ и матерей, браттѣ и сестръ Вашихъ и нашихъ Украино-Малоросійскихъ, по обоихъ сторонахъ рѣки Днепра житіе свое имущихъ, и подалъ намъ зъ войскомъ Запорожскимъ всесилную Свою помощь, на одолѣніе ихъ Поляковъ; при которой въ двохъ потребахъ, перво на Жолтой Водѣ мая 8, потомъ подъ Корсуномъ мая 16, на голову ихъ поразилисмо, и обози ихъ зовсѣми достатками, и зъ обома Гетманами коронними, Великимъ и Полнимъ, и зъ иними многими знаменитими и високородними шляхтичами въ плѣнъ взялисмо; о чемъ всемъ совершеннѣйше, и пространнѣйше донесутъ Вамъ словесно сіи посланніи наши товаришѣ; чрезъ которихъ Вамъ браттѣ нашей, за любовь и пріязнь намъ, кгдисмо были въ Сѣчи, показанную, яко велце дякуемъ, такъ и на знакъ вдячности нашой посилаемъ Вамъ всему войску на пиво гостинця тисячу талярей битихъ, а на церковь Божественную Сѣчовую и служащихъ въ ней триста талярій; особно тежъ за клейноти войсковіи, намъ отъ Васъ войска Запорожского даніи, то есть, за едну короговъ, за еденъ бунчукъ, за едну булаву, за едну пару котловъ и за три армати посилаемъ Вамъ взаемне корогвей 4, бунчуковъ 2, булавъ 2, котловъ 3 пари, арматъ 6; що все Ваша Милость браття наше вдячне пріймѣте и Господу Богу благодареніе всегда воздавайте, же по ласцѣ Своей Святой, благословилъ и поспѣшилъ намъ початокъ военного дѣла нашего щасли-

ве зъ Поляками отправити. А поневажъ (якъ донеслося намъ вѣдати) знову Поляки около Висли збираютъ на насъ великіи свои войска, теди и Вы войско Запорожское Низовое будте готови къ намъ въ помочь на дѣло военное, кгди зашлемо ординансъ нашъ; а хто зъ Васъ есть охотнѣйшій, тотъ и заразъ нехай прибуваетъ къ намъ до компанѣи воинской жадаемъ, и Господу Богу въ сохраненіе всѣхъ Васъ браттю нашу поручаемъ. Данъ въ обозѣ подъ Корсуномъ, року 1648, мая 22.

Въ Кримъ до Хана.

Найяснѣйшій и Велможнѣйшій Мосцѣ Пане Ханъ Великихъ Ордъ Кримскихъ Бѣлогородскихъ и иныхъ, мой дознанній благодѣтелю.

Въ двокротнихъ, на Жолтой Водѣ и подъ Корсуномъ, потребахъ нашихъ зъ Поляками якую подалъ намъ Господь Богъ надъ ними одержати викторію, опановати ихъ обози и всякіе користи, и що Поляковъ досталося въ руки наши, о томъ неразширяемъ до Вашой Ханской Ясности писма нашего: словесную о всемъ томъ учинятъ реляцію доскональую Вашой Ханской Ясности мурзи и Татаре, зъ Лядскою здобичею въ Кримъ отпущенніе; чрезъ которихъ я Вашой Ханской Ясности яко дякую велце за ласку, мнѣ въ Криму бывшему висвѣдченную, и отпускъ въ помочь моему военному намѣренію пана Тугай Бея мурзи зъ Ордою, такъ на знакъ моей вдячности, посилаю Вашой Ханской Милости зъ помененной Лядской здобичи двохъ Гетмановъ коронннихъ, Великого Потоцкого а Полного Каленовского, котловъ паръ двѣ зъ добошами ихъ и осмъ трембачовъ; а особливе, для уконтентованя пановъ Солтановъ и иныхъ

началниковъ Кримскихъ, посилаю шляхтичовъ знаменитихъ и началнихъ шестдесятъ человѣкъ, зъ которихъ що изволишъ Ваша Ханская Милость себѣ оставити, а прочіими инишихъ обдарити, тое нехай будетъ въ разсужденіи и волѣ самого Вашой Ханской Ясности. Гетмани помененніи мнѣ поступовали за себе окупу двядцятъ чтири тисячи таляровъ битихъ; но я високой Вашой Ханской персонѣ ихъ високихъ персонъ разсудилемъ послати, въ болшой поваз ѣимѣючи Вашу Ханскую Ясность, нежели ихъ пѣнязѣ. Вношу еднакъ мою причину за всѣми оними въ Кримъ посилаемими вязнями, даби Ваша Ханская Ясность заховалъ ихъ въ своей ласцѣ и милости, а они, яко люде дишкретніи, умѣтимутъ тое Вашой Ханской Милости часу своего отвдячити упевняю. Поневажъ получилемъ вѣдомость, же Поляки около Висли знову збираются и великіи войска свои на мене приготовляютъ: теди прошу велце Вашой Ханской Ясности прислати наскорѣ ко мнѣ Орди еще тисячъ эколко; кгдижъ тисячу Татаръ панъ Тугай Бей отпустилъ въ Кримъ зъ ясирами Лядскими, а при немъ тилко три тисячи осталося. Прошу тежъ и на сина моего имѣти респектъ, и самого мя при семъ вручаю не отмѣнной Вашой Ханской Ясности ласцѣ и пріязни. Зъ обозу отъ Корсуна року 1648, мая 22 дня.

РОЗДѢЛЪ XVI.

О управленнюся Хмелницкого зъ войскомъ и обозомъ; о одосланню въ Чигринъ неволниковъ и иныхъ добутихъ вещей Лядскихъ; о розданню обозовихъ слугъ войску своему; о виправѣ посланниковъ до Вишневецкого и о згубѣ ихъ; о рушенню зъ подъ Корсуна подъ Бѣлую Церковъ; и о розосланню отъ толь Унѣверсаловъ во всю Украину.

По отправѣ до Сѣчи и въ Кримъ экспедиціи преречоной, мая 22, то есть въ понеделокъ Святія Тройци, еще дней чтири на томъ же мѣстцу подъ Корсуномъ промешкалъ Хмелницкій, на далшую войну чинячи въ войску своемъ Козацкомъ, що день примножаючомся, порядокъ и старшину, и обозовіе войною поламаніе направуючи вещи. Тихъ дней одослалъ въ Чигринъ неволниковъ Лядскихъ, которихъ зоставилъ себѣ, тринадцятъ каравановъ великихъ шестоколнихъ, многими скарбами и дорогими вещми у Поляковъ здобутими наполненихъ; одослалъ тежъ излишніе, въ походѣ непотребніе корогви, бунчуки, булави, котли и иніе множайшіе вещи; а инщихъ служителей обозовихъ, которихъ зосталося 58, также особно писаровъ, кухаровъ, добошовъ и трембачовъ, еднихъ лутшихъ зъ потребу себѣ оставилъ, а другихъ роздалъ на службу старшинѣ своей войсковой. Потомъ заслишавши онъ Хмелницкій, ижъ по угашенню воспаливщагося на себе при Гетманахъ коронниxъ огня Полского, еще великая головня въ Лубняхъ зосталася, князь Вишневецкій, державца тамошній, послалъ къ нему значнихъ шести Козаковъ зъ листомъ своимъ, въ подобній сенсъ писаннимъ, якъ изъ Сѣчи

писалъ до комисара и до Потоцкого Гетмана Великого коронного, виражаючи въ немъ причини, для которихъ поднеслъ оружіе на Поляковъ, иже не онъ, но Чаплинскій и иніи ему подобніи панове Полскіи и ихъ дозорци на Украинѣ бывшіи, и людемъ Украинскимъ незносніи и несказанніи бѣдствія творившіи, суть причиною достанулого кровопролитія и замѣшанини; жеби теди о тое, щося уже зъ Гетманами коронними стало, онъ князь Вишневецкій не уражался и гнѣва своего къ нему Хмелницкому простирати неизволилъ, предлагалъ. Князь зась Вишневецкій, довѣдавшися о Желтоводской Хмелницкого зъ Поляки битвѣ, стягнулъ на скорѣ войска своего и старостъ зъ маетностей своихъ на рѣчку Снѣпородъ, чили Слѣпородъ, шесть тисячъ, и самъ къ нему зъ Лубень прибывши, рушилъ былъ зъ онимъ на Переяславль, въ помочь Гетманамъ коронимъ противъ Хмелницкого; лечъ въ дорозѣ близко Переяславля извѣстившись, же и въ Переяславль, духомъ Хмелницкого надхненій, уже ити не безпечно, и же Гетмани коронніи зо всѣмъ войскомъ суть розгромлени, вернулся отъ толь назадъ до Лубень. Въ якомъ поворотѣ помененніе посланники Хмелницкого нагнали его близко Березанѣ, и отдали листъ ему Хмелницкого, которій князь вичитавши и розяривышись, на другій день по одобранню поселства, мая 25, въ четверкокъ Святія Тройци, на гостинцу между селами Войтовимъ и Филиповимъ, въ двѣ милѣ отъ Березанѣ, велѣлъ постинати; а самъ спѣшне пошолъ до Лубень. Хмелницкій потимъ десятодневно число на едномъ мѣстцу обозомъ подъ Корсуномъ промешкавши, и въ належащихъ войсковихъ рѣчахъ спорядившися, а о порубанихъ чрезъ Вишневецкого посланникахъ своихъ певне увѣдомившися, въ суботу по Святой Тройци, мая 27, рушилъ зо всѣмъ войскомъ подъ Бѣлую Церковь; где прибувши, станулъ на равнинахъ тамошнихъ, по надъ рѣкою Россю, обширнимъ велми обозомъ. А стоячи тамъ часъ немалій, розослалъ во всю Малоро-

війскую Украину, по обоихъ сторонахъ Днѣпра будучую, свои Гетманскіе унѣверсали, виражаючи въ нихъ обширность границъ Рускихъ, Поляками поглощенихъ и завладѣнниихъ, древніе права и волности ихъ, причини для которихъ повсталъ воійною на Поляковъ; заохочаючи тежъ и взиваючи всѣхъ тихъ, хто отчизну свою любитъ и добра ей зичитъ, ку себѣ до компанѣи военной, въ обозъ подъ Бѣлую Церковъ. Якіи унѣверсали такъ въ себѣ имѣлись.

РОЗДѢЛЪ XVII.

Унѣверсалъ Хмелницкого во всю Украину Малоросійскую, по обоихъ сторонахъ Днѣпра будучую, и въ далніи города Рускіе засланній.

Зѣновій Богданъ Хмелницкій, Гетманъ славного войска Запорожского и всея по обоихъ сторонахъ Днѣпра сущея Украини Малоросійскія.

Вамъ всѣмъ Украинскимъ по обоихъ сторонахъ рѣки Днѣпра, въ городахъ и селахъ обитаючимъ Малоросіяномъ, духовнимъ и мирскимъ, шляхетнимъ и посполитимъ, болшого и меншого всякого чина людемъ, а особливе шляхетне урожонимъ Козакамъ и святой браттѣ нашой ознаймуемъ симъ унѣверсаломъ нашимъ: ижъ не безъ причинъ слушнихъ мусѣлисмо зачати войну и поднести оружіе наше на Поляковъ, чрезъ которое щося при всесилной помощи Божественной на Жолтой Водѣ, мая 8, а потомъ подъ Корсуномъ, мая 16, надъ ними Поляками стануло, тое всѣмъ Вамъ уже совершенно есть вѣдомо. Теперъ зась по двохъ оnихъ надъ ними Поляками виграниихъ битвахъ нашихъ, кгдисмо заслищали, же они тимъ нещастьемъ своимъ роз-

гнѣвани и розъятрени будучи, нетилко сами панове и княжата около Висли и за Вислою многіи свои на насъ стягаютъ и совокупляютъ войска; але и самого Найяснѣйшого Короля своего Владислава, пана нашего милостивого и отца ласкавого, на насъ же подмовляютъ и возбуждаютъ, аби со всѣми силами своими пришедши во Украину нашу Малороссійскую, латво насъ огнемъ и мечемъ звоевати, мешканя наши разорити, въ прахъ и пепелъ обернути, насъ самихъ всѣхъ еднихъ вибити, другихъ въ немилосердную неволю забрати, а на иніе далечайшіе за Вислу мѣстца запровадивши, славу нашу, не тилко въ части свѣта Европейского присно славную, но и въ отлеглихъ за моремъ Чорнимъ странахъ Азіятицкихъ доволно народамъ тамошнимъ вѣдомую, моглииспразднити и поглотити: постановилисмо въ намѣреніи нашомъ, не противъ Короля милостивого пана своего, но противъ Поляковъ гордихъ и занищо Его Королевскіе високоповажніе привилея намъ Козакамъ и всѣмъ обще Малоросіяномъ данніе (права и волности наши древніи при насъ заховуючіи и укрѣпляючіи) мѣючихъ, мужественнимъ и небоязненнимъ при помощи Божіей станути сердцемъ и оружіемъ. Для чого притягнувши отъ Корсуна, и ставувши обозомъ нашимъ войсковимъ тутъ подъ Бѣлою Церквою, пишемъ до Васъ сей нашъ унѣверсалъ, чрезъ которій взиваючи и заохочаючи Васъ всѣхъ Малороссіянъ братію нашу къ намъ до компанѣи военной, тое прекладаемъ и извѣствуемъ: ижъ они Поляки, подлугъ ихъ же кронѣкаровъ Полскихъ свѣдителства, отъ насъ Савроматовъ и Руссовъ уродившися и изшедши, и сами власною братіею нашою Савроматами и Руссами съ початку бывши, а несытость слави и богатства душевреднаго въ себѣ имущи, отъ сопребыванія зъ продками нашими древнихъ онихъ вѣковъ отдалилися, и иншое именованіе (еже есть Ляхи и Поляки) себѣ учинивши, а за Вислу заволокшися, на чуждихъ кгрунтахъ и земляхъ тамъ, между знаменитими рѣками Европейскими Одрою и Вислою

осѣли; многимъ околичнимъ землямъ и панствамъ Нѣмецкимъ, западнимъ и полунощнимъ, зашкодивши, и державы ихъ зъ людскими населеніями военнимъ и разбойническимъ способомъ, прошлихъ онихъ древнихъ вѣковъ, утрутивши и урвавши, себѣ завладѣли. Потомъ за прешествіемъ многихъ временъ, въ селеніяхъ своихъ по надъ Вислою и за Вислою, на пространнихъ тамошнихъ чуждихъ земляхъ росплодившися и умножившися, а преречоними людскими шкодами и видирствами недоволни будучи, повстали напрасно и безсовѣстно (яко иногда Каинъ на Авеля) на Руссовъ, албо Савроматовъ, власную (яко же вишей написалось) зъ древности природную братію свою; и за предводителствомъ Короля своего Казѣмира Великого, иже естъ имени того третій, року отъ рождества Господня 1333 албо 1339 (звлаща умаливишимся и оскудѣвшимъ тогда Кіевскимъ, Острожскимъ и инимъ истиннимъ и природнимъ Рускимъ княземъ нашимъ) войною звоевали и своей неситости привлащили и подчинили истинніе зъ древнихъ вѣковъ землѣ и провинціи наши Сарматійскіе Козакорускіе, отъ Подоля и Волохъ по Вислу и ажъ до самого Вилня и Смоленска долгіе и обширніе границѣ свои имущіи, а именно: Кіевскую, Галицкую, Лвовскую, Хелмѣнскую, Белзскую, Подолскую, Волинскую, Премиславскую, Мстиславскую, Витепскую и Полоцкую; и петилко въ помененнихъ земляхъ и провинціяхъ нашихъ Рускихъ славное имя наше Козацкое испразнили и загладили; але що найгорше и найжалоснѣйше, всѣхъ онихъ братію нашу Роксоляновъ въ неволничое подданское ярмо запрягши, отъ вѣри отческія Православнія душеспасителнія Кгрекорускія отринули, и до пагубной Унѣи и Римского заблужденія силою, кгвалтомъ и многими надъ совѣсть Христіянску мученіями и тиранствами привлекли, подклонили и приневолили; всѣ первихъ князей и Королей своихъ Полскихъ, благочестіе наше Кгрекоруское хвалившихъ и утвердившихъ, привилея и мандати презрѣвши, уничтоживши и цѣле про-

тивъ полѣтики шляхетской и доброй совѣсти зкассовавши. Но кгди и того душевредного, въ погибель влекущого схизматического и неситого учинку (еже благочестіе святое на Унѣю обернули, и честь Козацкую въ нечестіе и незнаніе претворили) заздрость ихъ и гордость мало быти показовала, то наконецъ наложилися были мимо волю Королевскую, пана нашего милостивого, и изъ самихъ крайнихъ и остатнихъ, отъ полдикихъ будучихъ (яко то Чигрина, Терехтемирова, Переяславля, Полтави) и иннхъ многихъ городовъ и селъ, по обоихъ сторонахъ рѣки Днѣпра зостаючихъ, Украино-Малоросійскихъ, власной предковѣчной отчизни нашой (отъ Святого и Равноапостолного князя Владимира Кіевского, Русь святимъ крещеніемъ просвѣтившого), благочестіемъ истиннимъ и непоколебимымъ сіяющой, значнѣйшихъ людей и Козаковъ вигубити и викоренити; а самимъ посполитимъ и простодушнимъ народомъ нашимъ завладѣвши, нетилко въ ярмо неволничое его запрягти; но по своей безбожной воли душевредную, правиламъ Священнихъ и Святихъ Отецъ нашихъ противную вринути Унѣю. Чого уже певніи были знаки и документа, когда нетилко многихъ Козаковъ и мѣщанъ, братію нашу, псп дозорци Лядскіи пойли, и леда плетками фалшиве паномъ своимъ оскаржившп, о потеране головъ ихъ приправили, а добрами и имѣніями ихъ завладѣли (що и мнѣ Хмелницкому отъ нецнотливого сына и брехуна Чаплинского, дозорци Чигринского, пришло было терпѣти и голови позбути); але и вѣру нашу Православную всегда ругали и безчестили, священниковъ нашихъ благочестивихъ, где колвекъ, изъ якой колвекъ хочъ найменшоі причини, безчествуючи и ругаючи, бючи, роскривавляючи, волоси и бради вириваючи и урѣзуючи. Якіи зась Вамъ самимъ всѣмъ Малоросіяномъ отъ нихъ Поляковъ и Жидовъ, ихъ арандаровъ и любимихъ факторовъ, по сее время дѣялися обиди, тяжести, озлобленія и разоренія тихъ ми тутъ

не виписуемъ, поневажъ Ви сами о онихъ лутше вѣдаете и памятаете: тое толко тутъ Вамъ припоминаемъ, ижъ до такой пришли были есте неволѣ у Поляковъ, же двомъ или тромъ на мѣстѣ, на улицѣ или въ дому своемъ зшедшися, заказано и неволно было Вамъ зъ собою говорити и о потребахъ своихъ господарскихъ побесѣдовати; безъ чого и акти христинніи и веселнія быти не могутъ; и що Богъ Творецъ далъ человѣку уста на глаголаніе, тіе Поляки срогими указами своими заградили и нѣмотствовати, надъ полѣтику и всего свѣтній звичай, Вамъ были приказали; якое незносное бремя и устъ заключеніе, поневажъ милость Божая всемогущая благословила и помогла намъ оружіемъ нашимъ военнимъ отсѣкти и одомкнути, побѣжденіемъ знаменитимъ въ двохъ вишречоннихъ потребахъ Поляковъ, супостатовъ нашихъ, теди да будетъ отъ толь присно хвалимо и превозносимо имя Божественное, яко непрезрѣ бѣдъ и утисковъ, воздиханія и слезъ Вашихъ, чрезъ Поляковъ пролитихъ и проливаемихъ. А же ми нынѣшную зъ Поляками войну зачалисмо безъ вѣдома и совѣта Вашего всенародного, за то Ви на насъ неуражайтесь; кгдижъ ми учинили такъ для лутшой полэи Вашой и нашой, научившися осторожности и лутшого воинского управленія зъ прикладу прежнихъ Гетмановъ браттѣ нашей, подъ Кумейками и на устю рѣчки Старца зъ Поляками, недавно прошлихъ временъ, войну имѣвшихъ: которіи, поневажъ прежде войни своей унѣверсалами своими, до васъ во всю Украину засланними, увѣдомили Поляковъ о своемъ противномъ имъ намѣреніи; теди тимъ увѣдомленіемъ перестереженніи Поляки, якъ належало запобѣгти злу своему приготовалися, и ца побѣжденіе ихъ, войскъ Козацкихъ приспособилися. Ми зась таковаго нещасливого случаю стерегучися, удержалисмося ажъ по сіе время зъ симъ унѣверсалнимъ о начатомъ зъ Поляки дѣлѣ военномъ увѣдомленемъ нашимъ; а теперь яко вѣдати Вамъ

всѣмъ обще Малоросіяномъ о томъ доносимъ, такъ и до компанѣи войсковой, на предлежащое зъ ними жъ Поляки дѣло военное, Васъ взиваемъ и заохочаемъ. Кому мила вѣра благочестивая, отъ Поляковъ на Унѣю претворяемая; кому зъ Васъ любима цѣлость отчизни Вашоѝ, Украини Малороссійской и честь Ваша шляхетская отъ Поляковъ ругаемая, уничтожаемая, весма посмѣваемая и попираемая: тотъ всякъ, не яко отродокъ, но яко зичливіи и любезній сынъ отчизни своей, хтѣй по вислуханню сего унѣверсалного ознайменя нашего, къ намъ въ обозъ подъ Бѣлую Церковъ, на добрихъ конехъ и изъ справнимъ оружіемъ неоткладне прибувати, и сполне зъ нами, прикладомъ старовѣчнихъ валечнихъ, славнихъ и многимъ околичнимъ народомъ страшнихъ продковъ своихъ, станути мужественно и небоязненно, при всемогущой помощи Божіей, противъ Поляковъ, своихъ разорителей, озлобителей и супостатовъ. Бо если не изволите допомогти намъ настоящой военной кампанѣи, а Поляки насъ одолѣютъ; то вѣдайте певне, же и Васъ всѣхъ Малоросіяновъ, безъ жадного браку и респекту, подлугъ давнего злаго намѣренія своего, огнемъ и мечемъ зруйнуютъ и опустошатъ, а зъ всеконечнимъ вѣри нашея благочестивія и святія искорененіемъ и поруганіемъ, останки Ваши и чадъ Вашихъ (яко вишей написахомъ) въ плѣнъ загорнутъ, и въ нерѣшимую всегдашней неволѣ облекутъ одежду. Лутше теди и благополезнѣйше намъ, за вѣру свою святую Православную и за цѣлость отчизни, на пляцу военномъ отъ оружія бранного полегти, нежели въ домахъ своихъ яко невѣстюхамъ побієннимъ быти; кгдижъ если умремъ на воїнѣ, за благочестивую вѣру нашу, то не тилко слава и отвага наша рицерская во всѣхъ Европейскихъ и инихъ далнихъ концехъ земнихъ славно провозгласится; але и упованіе наше (еже за благочестіе умрѣти) будетъ безсмертія исполненно и страдалческими вѣнцами отъ Бога вѣнчано. Не бойтеся теди Ваша Ми-

лость, браття шляхетне урожоная Малоросійская, Поляковъ, хочъ бы и найболшіи были ихъ войска; але прикладомъ (яко же вишей рѣхомъ) славнихъ и валечнихъ Русовъ продковъ своихъ, при своей правдѣ, за благочестіе святое, за цѣлость отчизни и за поламане древнихъ правъ и волностей своихъ, станте сполне зъ нами, противъ ихъ своихъ обидителей и разорителей; зъ несумѣнною надеждою своею отъ бѣдъ настоящихъ освобожения и всемощнія благодати Божія, въ наступуючомъ случаи военномъ на супостатъ нашихъ помощъ намъ сотворити готовія. Якой то благодати Божественной уже и суть певніи знаки: *первое*—двократная вишмененная побѣда Поляковъ; *второе*—щирая прихилность всего войска Низового Запорожского на помощъ нашу, при всенадежной помощи Божественной въ поготовости зостаючого, и кромѣ того що уже и есть при насъ оного тисячъ осмъ злишкомъ. *Третое*—же и Найяснѣйшій Ханъ Кримскій зо всеми Ордами помогти намъ готовъ есть на Поляковъ, при которомъ, для лутшой певности, и сына своего старшого Тимоша оставилисмо; а и теперь уже при насъ знайдуется данной намъ отъ его Ханской Милости доброй и военной Орди Кримской чтири тисячи, зъ Паномъ Тугай Беомъ Мурзою значнимъ. *Четвертое*—же и Козаковъ реестровихъ браттѣ нашой пять тисячъ, що отъ Гетмановъ коронних зъ Барабашемъ полковникомъ Черкаскимъ и зъ Нѣмцами виправлени были въ судахъ воднихъ противку насъ Днѣпромъ ку Кодаку, отдавши Барабаша, недруга отчизного а похлѣбцу Лядского, и Нѣмцовъ Днѣпровимъ глубинамъ, къ намъ пристало, и военной въ обохъ разахъ експедиціи значне на Поляковъ допомогло намъ; слушне тую присягу свою скасовавши, которую на вѣрность Гетманамъ коронним у Черкасахъ, предъ сѣданемъ въ суда воднін, подъ оружіемъ Лядскимъ яко неволники и плѣнники виконати были принуждени: когда сами Поляки до зломання тоей присяги

суть виною и початкомъ, сами первѣе поламавши, мимо волю Королевскую, права и волности древніе Козацкіе и Малоросійскіе, и присягу свою на пріязнь и зичливость и на захованне при ненарушимой цѣлости давнихъ правъ и волностей, Козакамъ и всѣмъ Малоросіяномъ взаемне учиненную. *Пятое*—что и власнихъ ихъ Полскихъ людей три тисячи драгонѣй, предъ Корсунскою битвою, въ передней стражѣ бывшіи, вѣрность и присягу свою зломали, и Гетмановъ коронних оставивши, къ намъ доброволне присовокупилися; такъ для того, ижъ были укривженними въ своихъ заслугахъ, яко и для того, же зрозумѣвши ненависть и злобу Гетмановъ своихъ коронних и всѣхъ пановъ Полскихъ ку всѣмъ намъ Малоросіяномъ бывшую, и на всеконечное наше и вѣри нашея Православнія искорененіе и потребленіе великимъ гнѣвомъ устремившуюся, изволили лутше послѣдовати намъ Малоросіяномъ, при правдѣ и истиннѣ сущимъ, о древніе права и волности свои стоящимъ, нежели своимъ Полякомъ, неправедно на искорененіе повставшимъ и гордостною яростію воспаляемимъ. *Шестое*—и для того ласка Божая и помощь Его всесилная при насъ быти можетъ, же смо ми, при обидахъ нашихъ, зачали войну сію зъ Поляки не безъ вѣдома и позволення пана своего, Его Найяснѣйшого Королевского Величества Владислава четвертого, которій року 1636, во время щасливой своей коронаціи, бывшимъ и намъ при оной зъ Барабашемъ и зъ инимъ значнимъ войска Запорожского товариствомъ, прикладомъ прежнихъ Найяснѣйшихъ Князей и Королей Полскихъ, антецессоровъ своихъ, всѣ наши войсковіе и Малороссійскіе давніе права и волности, при особливомъ утвержденіи намъ вѣри нашея Православнія новимъ своимъ на паргаменѣ краснописаннимъ Королевскимъ, при подписѣ власной руки и при завѣсистой коронной печати, ствердивши привилеомъ, отправилъ насъ яко отецъ, ласкаве ударовавши кождого знач-

ними подарунками; а при отправѣ нашой наединѣ бывшой, устне Его Величество къ намъ мовилъ, абисмо по прежнему Гетмана себѣ постановили, и при своихъ правахъ и волностехъ крѣпко стояли, неподаючи онихъ Полякомъ въ попраніе, щитячися къ тому его Королевскимъ и иними давнѣйшими привилеями; а еслиби панове Полскіе и ихъ дозорци тихъ привилеовъ неслухали, *то маете* (мовилъ его Королевское Величество) *мушкетъ и при боку шаблю, тоею прето можете боронити своихъ отъ Поляковъ повреждаемихъ правъ и волностей.* Послѣ чого въ килко лѣтъ, кгди непрестали творитися на Украинѣ отъ Поляковъ злобнихъ бѣди и крайніе разоренія, тогда знову ми всѣ зъ Барабашемъ суплѣковалисмо о томъ, чрезъ нарочнихъ пословъ нашихъ, до Его Королевского Величества Владислава пана своего милостиваго; которій при отправѣ ихъ, якъ словесно, такъ и приватнимъ листомъ своимъ Королевскимъ, до Барабаша и до насъ всѣхъ Козаковъ писаннимъ, тое жъ свое Королевское, прежде намъ самимъ мовленное (еже на оборону правъ нашихъ мѣемъ мушкетъ и шаблю) подтвердилъ и повторилъ слово. Но поневажъ Барабашъ полковникъ Черкаскій (яко вишей написалось), недругъ и нежелатель добра отчизнѣ нашой, яко такое милостивое Королевское слово и позволенне, такъ и привилея Королевскіе таилъ, и безъ жадной ползи Украинской крилъ у себе, нестараючися а нѣ о избраніи Гетмана Козацкого, а нѣ о уволненю отъ бѣдъ Лядскихъ всего народа Украино-Малороссійского; теди я Хмелницкій, взявши Господа Бога на помощь, и одобравши штучнимъ способомъ у Барабаша привилеи Королевскіе, мусѣлемъ сіе военное зъ Поляками зачати дѣло; на которое Его Королевского Величества самаго превисокой особи войною на насъ порушенняся нѣгди нечаемъ: такъ для того, же зачалисмо сію войну зъ Поляками за позволенемъ Его Королевскимъ, яко и для того, же Поляки легце Его Королевскаго Величе-

ства превисокую персону у себе важачи, мандатовъ и приказовъ Его неслухали, и непрестанніи Малой Россіи разоренія и утѣсненія налагали. А если Король, иже есть войску всему голова, самъ въ войску Полскомъ противъ насъ не пойдетъ, то ми пановъ Полскихъ и ихъ много собранного войска, яко тѣла албо огона безглавного, бинамнѣй устрашатися нехтѣймо. Кгдижъ ежели ветхій Римъ (иже всѣхъ Европейскихъ градовъ матерію нарещися может) многими панствами и монархіями владѣвшій, и о шести стахъ чтиридесяти и пяти тисящахъ войска своего древле гордивійся, давнихъ оныхъ вѣковъ, далеко меншимъ противъ помененной воинственной сили Римской валечнихъ Руссовъ зъ Ругіи отъ Поморія Балтицкого албо Нѣмецкого собраніемъ, за предводителствомъ князя ихъ Одонацера, року по рождествѣ Господнемъ 470, былъ взятій и чотиринадцять лѣтъ обладаемій; то намъ теперь, кшталтомъ онимъ древнихъ Руссовъ, продковъ нашихъ, кто можетъ возбранити дѣлности воинственной и уменшити отваги рицерской. Що все Вамъ браттѣ нашой, всѣмъ обще Малоросіяномъ, предложивши и до разсужденія здраваго подавши, о поспѣхъ Вашъ къ намъ въ обозъ подъ Бѣлую Церковъ прилежно и пилно жадаемъ, и имъ же зичимъ упрейме доброго отъ Господа Бога здоровя и благополучного во всемъ узнавати повоженнія.

Данъ въ обозѣ нашомъ подъ Бѣлою Церквою, року 1648 Іюня числа.

РОЗДѢЛЪ XVIII.

О розосланню тихъ унѣверсаловъ во всю Украину и далѣй; о умедлѣніи Хмелницкого подъ Бѣлою Церквою; о личбѣ войска и арматъ тогда при Хмелницкомъ; о починенню Полковниковъ, и о розосланню ихъ на промисли военніи, также и о кончинѣ Королевской.

Таких ъ унѣверсаловъ 60 Хмелницкій, при печати войсковой и при подписѣ руки своей, яко належить спорядивши, розослалъ ихъ зъ подъ Бѣлои Церкви пилними и справними Козаками во вселенную Малоросіійскую, по обоихъ сторонахъ рѣки Днѣпра зостаючую; сягнувши оними по единой сторонѣ, то есть отъ Бѣлои Церкви ажъ до Полонного, до Лвова и до Камянца Подолского; а по другой сторонѣ Днѣпра, отъ Переяславля сягнувши онимижъ до Чернѣгова, Стародуба, Гомля и за Днѣпръ ажъ до Борисова и далѣй, до Бихова тежъ, Могилева и далѣй; якую виправу унѣверсаловъ тихъ учинилъ онъ Хмелницкій чрезъ Козаковъ, зъ тихъ же краевъ и городовъ при немъ бившихъ, а зъ людми тамошними добре знаючихся, и въ посланіи своемъ осторожне и латво справитися могущихъ. По розосланню теди тихъ унѣверсаловъ, стоялъ Хмелницкій неподвижне обозомъ своимъ подъ Бѣлою Церквою недѣль сѣмъ (тоесть отъ мая 9, якъ притягнулъ подъ Бѣлую Церковъ, до іюня 26, якъ рушилъ зъ подъ Бѣлои Церкви ку Пилавѣ), засмотриваючися пилно на обороти Поляковъ, а немѣючи болше при себѣ войска зъ Ординскимъ надъ 19 тисячъ; но ожидаючи ку себѣ жъ по розосланнихъ унѣверсалахъ зтягненняся войска Украино-Ма-

лоросійского, которого доброго и военного, чрезъ помененное седмонедельное время, яко орловъ до трупа, вновь прибралося къ нему осмнадцять тисячъ, кромѣ Запорожцовъ новоприбылихъ двохъ тисячъ и Орди толкожъ новоприсланной. И такъ всего того нового и старого Козацкого и Ординского войска стануло тогда при Хмелницкомъ 41 тисяча или 42 тисячи; а арматъ болшихъ и меншихъ 38, кромѣ шести арматъ до Сѣчи Запорожской одосланихъ. А стоячи Хмелницкій на томъ мѣстцу, чинилъ полковниковъ и инихъ началниковъ въ своемъ войску, и устроевалъ около арматъ що належало и иніе обозовіе потреби. Полковниковъ зась постановилъ у себе именно: Кречовского, Ганжу, Остапа, Кривоноса и иныхъ, якіе впредь на своемъ мѣстцу будутъ положени. Умножившися теди Хмельницій въ такую войска Козацкого силу, несхотѣлъ зъ онимъ дармо часу тратити, на едномъ стоячи мѣстцу; але о далшой войнѣ ку своей и всего войска ползѣ промишляючи, розослалъ на розніе мѣстца зъ войсками Козацкими своихъ полковниковъ, для промислу военного; а именно: Ганжу на Подолле ку замку Нестервару, потомъ тудажъ и Остапа полковника, Кривоноса подъ Махновичи и Полонное. На Полѣссе зась и въ Литву и на Бѣлую Русь, отъ толь же зъ подъ Бѣлои Церкви, виправилъ Хмелницкій зъ войскомъ Козацкимъ двохъ полковниковъ, Гладкого и Голоту, о чомъ всемъ впредь же, на приличнихъ имъ мѣстцахъ ретелно виражается. Король Владиславъ четвертій, заслишавши о двократной (еже есть на Жолтой Водѣ и подъ Корсуномъ) войскъ Полскихъ на голову чрезъ Хмелницкого пораженіе, и о вщавшойся во всей Полщѣ зъ тихъ мѣръ замѣшаннѣ и страху, любо зъ едной сторони контентъ былъ Хмелницкого (любимого себѣ человѣка) дѣлности, же гордимъ и Его Королевского Величества неслухаючимъ Поляком притерлъ роги; однакъ зъ другой сторони, о упадку коронномъ и рѣчи посполитой отческимъ уболѣваючи сердцемъ,

а къ тому сенаторскими прозбами и совѣтами до обороны отчизни Полской преклоненній, рушилъ былъ зъ двором своимъ Королевскимъ будто противъ Хмелницкого, приказавши и войскамъ Полскимъ до себе совокуплятися. Але смерть Королевская, знать сердцу Королевскому милость внутрную ку Хмелницкому имѣвшему согласуючая, благополучія же далшого войнѣ Хмелницкого желавшая, прекращеніемъ живота Его Королевского, того жъ 1648 року, въ мѣсяцю іюню чили іюлю, въ мѣстечку Меречу, тотъ походъ Королевскій ку ползѣ Хмелницкого и всего озлобленного народа Украино-Малороссійскаго воспятила и перемѣнила.

РОЗДѢЛЪ XIX.

О виправѣ ку Нестервару полковниковъ Кганжи и Остапа; о окупившемся Нестервару; о вирубанню жидовъ Нестерварскихъ; о взяттю потомъ Нестервару и инних городовъ тамошнихъ; о страху Лядскомъ и о утѣчце; о замѣренню границѣ Козацкой по рѣку Горинь; о радѣніи Вѣцерекса Премѣса, по смерти Королевской Владиславлей; и о ново учиненнихъ Гетманахъ.

Увидѣвши Хмелницкій значную вишменованную войска при себѣ квоту, а о Ляхахъ у Висли и по за Вислою въ недоумѣніи и страху бывшихъ мало що дбаючи; на Подоллю тежъ въ Нестервару замку моцномъ много значной шляхти, а особливе отъ Корсунского погрому спасшойся, зъ многими имѣніями и субстанціями и зъ князем Четвертинскимъ заперпойся, провѣдавши (где и жидовъ было много, зъ многими богатствами своими), виправилъ туда въ осми тисячахъ войска Кганжу полковника своего, давши ему и

осмъ арматъ въ походъ тотъ, и приказавши добувати Нестервару. Потомъ третого дня, за нимъ Кганжею тудажъ ку Нестервару виправилъ и другого полковника Остапа, въ чтирохъ тисячахъ войска и зъ чотирма арматами. Кганжа теди прибувши къ Нестервару, спужалъ зѣло Ляховъ въ немъ заперпшихся зъ жидами; которіи не бючись вступили зъ нимъ Кганжею въ трактатъ, а въ трактатѣ постановили дати за себе значній Кганжѣ зъ войскомъ окупъ, жидовъ засъ всѣхъ головою видати. Кганжа въ Нестервару отъ шляхти окупъ взявши, а жидовъ зъ замку вигнанних и много боронившихся всѣхъ вирубивши, поворочалъ до Хмелницкого; которого другій помененній полковникъ Остапъ, на помочь ему отъ Хмелницкого виправленій, стрѣтивши, а о взятомъ въ Нестервару окупѣ увѣдомившися, упоминался и себѣ зъ того части, которой кгди Кганжа неизволилъ удѣлити, теди Остапъ розгнѣваній, зъ своимъ полкомъ потягнулъ до Нестервару; где прибувши, наградилъ себѣ трудъ свой лутше Кганжѣ, бо не зъ великимъ трудомъ добувши Нестервару, всю шляхту зъ князем Четвертинскимъ вирубалъ, всѣ ихъ богатства тамъ звезенніе побралъ себѣ зъ войскомъ своимъ. Ляхи по иншихъ мѣстахъ и замкахъ околичнихъ тамошнихъ бывшіи, и тимъ моцного Нестервару збуреннемъ престрашенніе, оставивши свои жилища, къ Вислѣ и за Вислу поутѣкали. Козаки засъ безъ препятія и встренту жадного подобували и другіе городи: Браславль, Вѣницю, Шаргородъ и Красное; и тимъ способомъ, великое стяжавши обогащеніе и въ риштунки военніе довольство, ажъ по самую рѣку Горинь границу себѣ были замѣрили. А же дѣялоея тое уже по кончинѣ Короля Владислава четвертого, теди Вѣцерексъ Примасъ Полскій, зобравши раду, усовѣтовалъ на ней зъ шляхтою стягти съ повѣтовъ войска толко, колкоби на отпоръ Козаковъ и Татаръ довлѣло; для чого и Гетмановъ новихъ починено (понеже старіе обадва Гетмани, Потоцкій и Калѣновскій, подъ

Корсуномъ попали въ руки Козацкіе и Ординскіе); только тимъ Гетманскимъ гоноромъ князя Вишневецкого, Воеводу Руского, державцю Лубенского обминено. Кривоноса засъ полковника, подъ Махновичи и Полонное въ осми тисячахъ войска и зъ осмома арматами виправленного, воинское дѣяніе абіе въ предлежащомъ роздѣлѣ, въ дѣяніяхъ князя Вишневецкого, явственно будетъ.

РОЗДѢЛЪ XX.

О неслушномъ князя Вишневецкого тиранствѣ надъ посланцами Хмелницкого, въ Погребищахъ учиненномъ; о віездѣ его зо всѣмъ домомъ своимъ зъ Лубень на Любечъ за Днѣпръ; о уданнюся его отъ Брагиня ку.... и Немирову; о кровопролитіи Немеровскомъ зъ стороны Вишневецкого станулом, и взаемной шкодѣ ему Вишневецкому отъ Немеревцовъ здѣланной; о дѣйствіи военномъ Кривоносовомъ зъ Вишневецкимъ въ Махновичахъ и подъ Константиновомъ; о шкодѣ и розстаннюся ихъ зъ собою.

Князь Вишневецкій воевода Рускій, державца же Лубенскій и иныхъ городовъ и селъ Украинскихъ, въ шеститисячномъ числѣ войска при немъ бывшаго, отъ Переясловля къ Лубнямъ поворочаючи, а по тиранскомъ невинныхъ шести Козаковъ значнихъ, отъ Хмелницкого зъ пріязливимъ листовнимъ одозвомъ къ себѣ присланнихъ, межи селами Войтовимъ и Филиповимъ въ двѣ милѣ отъ Березанѣ, на гостинцу забиттю, роспустилъ отъ себе едно войско до охорони здравія своего ненадежное, а зъ другимъ рушилъ спѣшно до Лубень, на свою резиденцію. Где прибывши и непотѣшниіе зъ Полски новини о упадку корон-

номъ получивши, также и зо всѣхъ сторонъ бурливіе вѣтри Козацкой войни и бунтовъ посполитихъ внушивши, якъ моглъ зо всѣмъ домомъ своимъ въ легцѣ, толко въ трехъ тисячахъ войска, зъ Лубень до Полици віехалъ; и удавшися на городокъ Биковъ, тамъ о полуднѣ, противъ неделѣ святой, рѣчку Свидовецъ преправилъ. Зрозумѣвши зась, же на Кіевъ за Днѣпръ, для повставшихъ военнихъ вихровъ, не безпечно уже ему простовати, вдался ку Любечу; где Днѣпръ переправивши и Брагиня досягнувшися, княгиню до Вишневца своего съ тяжарами домашними отправилъ, а самъ вдался на лѣво, въ промислъ военній противъ Козаковъ ку Погребищамъ; где подзорнихъ будто людей, кновъ (?) Рускихъ до бунтовъ, а болшъ невинних на палѣ тиранско позбивавши, и тимъ мордерствомъ своимъ приязнь людскую и власнихъ подданихъ своихъ стративши, а на гнѣвъ ку себѣ сердца ихъ запаливши, рушилъ оттоль къ Немерову, своей маетности, такогожъ гостинца мордерского якъ и Погребищане одержали боявшоися. Отъ которой въ милю чили въ полъ милѣ обозомъ ставувши, пославъ туда Барановского зъ драгунами, росказуючи жеби оттоль провіянтъ прислано. Барановскій тамъ прибувши, а башти мѣскіе затворенніе узрѣвши, и щось противного себѣ отъ гултяевъ и пяницъ Немеровскихъ заслишавши, кгвалтомъ парканъ Немеровскій вирубалъ, и зъ драгонѣею въ Немеровъ вшедши, великую въ людехъ тамошнихъ, безъ жадного милосердія, учинилъ шкоду и кровопролитіе. На другій день Немеровцѣ роздражненніе, поволностю своею и поклономъ Вишневецкого обманули, и на залогу себѣ килко сотъ драгуновъ упросивши, ввели ихъ до Немерова; а въ тимъ часѣ Козакамъ, гдесь не оподаль Немерова бывшимъ, извѣстили о онихъ драгунахъ; Козаки зась яко левъ на ловъ готови будучи, и яко скимни около Немерова въ сокровищахъ тогда обитавшіи, абіе къ Немерову приспѣли, и невозбранно въ башти себѣ отворенніе у Не-

меровъ уехавши, всю тамъ драгунскую Вишневецкого залогу вирубали, и кровопролитіе Немеровское чрезъ Барановского здѣланное одомстили; еденъ тилко драгунъ отъ того погрому спасшися, принеслъ вѣдомость Вишневецкому о такой зрадѣ Немеровской. Князь зрозумѣвши недоброхотство ку себѣ подданихъ своихъ, а заслишавши же Кривоносъ, полковникъ Хмелницкого, мѣста Махновичъ добуваетъ, оставилъ безъ карання Немеровъ и удался къ Махновичамъ зъ войскомъ своимъ, которого зъ Волиня и Полѣсся вновь прибралося было къ нему на тисячъ чтири; где мѣсто уже добутое и зрабованное, а замокъ еще добуваемій заставши, росправовался зъ нимъ Кривоносомъ войною, зъ немалимъ его и своимъ ущербкомъ войска. Тамъ або вѣмъ, въ двохъ разахъ и самъ князь мало не положилъ голови своей; бо за первимъ разомъ, кгди натерлъ конницею на пѣхоту Кривоносову, замку Махновицкого добувавшую, тогда во мгненню ока близко тисячи товариства Полского трупомъ пало, и подъ самимъ княземъ коня забито; Кривоносъ тотъ розрухъ и бой увидѣвши, припалъ комонно зъ другой сторони на помощъ пѣхотѣ своей; где такъ силно и нечаянно ударилъ на князя, а пѣхота тожъ непощадѣла огня своего, же на полтори тисячи войска княжого на томъ пляцу пало, и самого князя Кривоносъ самъ за малимъ не зопхнулъ зъ коня списомъ; що князь обачивши, мусѣлъ прочее драгонѣи своей росказати зъ коней, и отпоръ давати Кривоносу уступателнимъ боемъ. А Кривоносъ здобичу Махновицкого и разлитіемъ многой крвѣ Полской уконтентовавшись, отступилъ зо всѣмъ обозомъ отъ Махновичъ, и даровалъ Вишневецкого покоемъ. Вишневецкій по такомъ трактаментѣ Кривоносовомъ отдавши хвалу Богу, же неполеглъ на пляцу зъ иншимъ своимъ товариствомъ, удался отъ Махновичъ на Грицевъ, просто ку Збаражу своему, для отпочинку по фатигахъ военнихъ. Въ якой дорозѣ зъ По-

лонного прибывши люде, любо просили князя о заступленіе отъ близкого нахожденія къ нимъ Козацкого, однакъ того неодержали, толко обѣтницею маючойся имъ отъ него противъ Козаковъ дати помощи упевнени; бо и самъ князь, мѣючи охоти своей военной жало отъ Кривоноса въ Махновичахъ приломленное, стратилъ прежде бывшую въ себѣ на Козаковъ смѣлость. А Кривоносъ, минувши Полонное кгди брался ку Константинову, набрилъ въ той дорозѣ два полки Лядскихъ, Осинского и Корицкого, и такъ онихъ попудилъ, же надъ ординансъ своихъ повихъ въ Глинянахъ стоявшихъ Гетмановъ, мусѣли зъ престраху подъ коменду Вишневецкого вдатися. Вишневецкій засъ зъ свѣжоприбылого къ нему войска здобывшись паки на утраченную противъ Козаковъ смѣлость, далъ бой Кривоносовѣ подъ Константиновомъ, въ которомъ чрезъ два днѣ отправуемомъ, утративши князь до чтирохъ тисячъ войска Полского, втратилъ и корогвей своихъ, Козаками взятихъ, осмнадцять; втратили тамъ и Козаки товариства своего килконадцять сотъ, съ Полуяномъ, товаришемъ Кривоносовимъ, и зъ иншою старшиною, и корогвей своихъ двадцять сѣмъ. По якой расправѣ военной, князь Вишневецкій зъ войскомъ удался ку Збаражу своему, а Кривоносъ ку Гетману Хмелницкому, зъ войскомъ на Гончарисѣ полѣ уже стоявшему.

РОЗДѢЛЪ XXI.

О рушенню Хмелницкого зъ подъ Бѣлои Церкви на Гончариху; о умедлѣніи его тамъ; о полученню вѣдомостей о Полякахъ, и о намѣреніи походу къ нимъ; о виправѣ Кривоноса на Подолле, и о взяттю чрезъ него Бару зъ многими здобичами; о бытности Кривоносовой тогдажъ подъ Камянцемъ Подолскимъ, и о поворотѣ его отъ толь ку Хмелницкому; о замислѣ Хмелницкого на Пилаву; о зъѣздѣ едникхъ Поляковъ въ Збаражъ къ Вишневецкому; о склоненюся Вишневецкого зъ войскомъ подъ команду Гетмановъ новихъ; о совокупленіи обозовъ Лядскихъ подъ Чолганскимъ Каменемъ, и о личбѣ всего войска зъ обозомъ и достаткомъ его; о вѣдомости у Поляковъ взглядомъ рушенню Хмелницкого ку Пилявцамъ, и о рушенню ихъ тудажъ; о несправности Поляковъ подъ Пилявцами; о утратѣ ихъ тамъ войска и всѣхъ обозовъ, зъ многими богатствами, и о утѣчце ихъ отъ толь, и замислахъ утѣкати въ далніе надежніе мѣсца; о дѣлности Вишневецкого, и о умоцненню новимъ войскомъ Лвова и Замойстя, зъ скарбовъ позиченнихъ и съ Костелнихъ; о рушенню Хмелницкого зъ подъ Пилявцевъ ку Збаражу и Лвову; о розосланню полковъ Козацкихъ въ чамбули на розніе мѣстца; о взятю Збаража и бывшихъ въ немъ арматъ и скарбовъ шляхетскихъ.

Егда Хмелницкій, Гетманъ войска Запорожского и всея Украини Малоросійскія, вишписанную полковниковъ своихъ зъ войсками Козацкими на Подолле, Волинь и въ

Литву учинилъ виправу; тогда и самъ, зъ меншою при себѣ зоставшею войска Козацкого частю и зъ Тугай Беомъ Мурзою, въ пяти тисячахъ Орди бывшему, не бавячися болше подъ Бѣлою Церквою, іюня 27, рушилъ отъ толь зо всѣмъ войскомъ и обозомъ ку Паволочѣ, взмѣраючи на поле Гончариха именуемое; куда по волѣ идучи приспѣлъ и станулъ іюля 8; а тамъ стоячи чрезъ недель шесть, то есть отъ іюля 8 до августа 19, яко вновь зъ Украини наджидалъ прибыття ку себѣ войска Козацкого, такъ и повороту полковниковъ своихъ зъ Подолля и Волиня ожидаючи, смотрѣлъ неоспалими сердца своего очима на Лядскіе обороти и поведенія; маючи къ тому зъ внутръ Полщи, яко отъ своей браттѣ и зичливихъ пріятелей, Грекоруской релѣи сущихъ, такъ и отъ нарочне посиланихъ шпѣговъ певніе о всѣхъ Лядскихъ совѣтахъ и замислахъ доношенія. По которихъ вѣдаючи о Полякахъ въ Глинянахъ при Гетманахъ новихъ коронныхъ, а въ Збаражу при князю Вишневецкомъ много собравшихся, любо замислилъ былъ просто имъ пойти въ очи, однакъ за поворотомъ ку себѣ своихъ полковниковъ—Ганжѣ, Остапа и Кривоноса, отмѣнилъ тое намѣреніе; и заразъ Кривоноса полковника, въ десяти тисячахъ войска и зъ десятма арматами, виправилъ знову на Подолліе для промислу военного. Которій зъ лутшимъ щастемъ нѣжли въ першой дѣялося ему посилцѣ отъ Хмелницкого рушивши и на Подолле прибывши, значній городъ Баръ, въ которомъ президіумъ Нѣмецкое не малое и шляхти зъ многими скарбами тамъ увезшойся, зъ ихъ дворовими служебниками и иними людми, Козакамъ противившимися, на чтирнадцять тисячъ военнихъ смерти предалъ оружіемъ. И кромѣ превеликой въ скарбахъ и фантахъ на все войско Кривоносово доставшойся здобичи, взято тамъ въ Бару и до Хмелницкого припроважено арматъ много и всякихъ военнихъ запасовъ великій достатокъ, и нѣкогось Потоц-

кого живцемъ въ Бару взято. Отъ Бару зась, любо Кривоносъ зъ войскомъ удался былъ до добування Камянца Подолского; однакъ подъ нимъ бывши, и неудобную рѣчъ до взяття оного усмотрѣвши, повернулъ отъ толь ку Хмелницкому.... (*)

(*) Здѣсь въ рукописи значительный пропускъ: конецъ первой части, также II-я, III-я, IV-я и первый раздѣлъ V-й утрачены. Какъ видно изъ послѣдующаго расказа, этотъ промежутокъ обнимаетъ происшествія четырехъ лѣтъ, отъ 1648 — до 1652.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

РОЗДѢЛЪ II.

О пороку отъ Твардовского на Козаковъ износимомъ, и о взаемномъ пороку отъ Козаковъ на Поляковъ творимомъ, взглядомъ непостоянства и початковъ ихъ до войни зъ Хмелницкимъ; о битвахъ и многихъ кровопролитіяхъ Лядскихъ зъ Хмелницкимъ, на розныхъ мѣстцахъ розних роковъ бывшихъ, и о руинѣ Полщи и Малой Россіи чрезъ тое станулой.

Описуючи Твардовскій вѣршомъ Полскимъ войну Хмелницкого зъ Поляки на Батозѣ въ року 1653, а подлугъ лѣтописцовъ Козацкихъ въ року 1652 бывшую, закшталтовалъ самій оной початокъ въ части третой книги своея, на листѣ 66, панагиричними хитрословесними албо рачей суесловесними до Короля Яна Казѣмира рѣчами; и жадних инихъ той Батогской войнѣ неположилъ причинъ и початковъ, тилко тое на ганбу Козацкую доложилъ, ижъ вщалася оная война и пожаръ страшній зъ самой едной Козацкой и Хмелницкого ку Полякомъ злости, зажартости и натури всегда до отмѣны склонной. Козацкіе зась лѣтописци согласно все тое приписуютъ Полякамъ, ижъ они, зъ своей власной высокомѣрной гордости, злости и ку Православнимъ Руссомъ и Козакамъ гнѣвной зажартости и натуралной до панования хтивости а не ситой до пріобрѣтения богатствъ склонности и добру людскому зазрости, всему злу и кровопролитію кождого року

суть початкомъ и виною; хотячи непремѣнно все тое благополучними видѣти скутками, що въ своихъ думновинеслихъ мозковняхъ усовѣтовали и постановили. Бо яко самій початокъ войни Хмелницкого зъ власной причини, чрезъ Чаплинского и иныхъ ему подобнихъ легкомислнихъ на Украинѣ бывшихъ старостокъ и дозорцовъ Лядскихъ сталъ (о чомъ зъ початку сей гисторіи ясно дается зрѣти), такъ и иншіе потомъ бывшіе войни и кровопролитія зъ ихъ же Полской сторони всегда свой начатокъ имѣли: нехай скажетъ трактатъ Зборовскій зъ самимъ Найяснѣйшимъ Королемъ Яномъ Казѣмѣромъ и зо всею рѣчю посполитою тамъ бывшою постановленній и закрѣпленіи, хто его нарушити и розорвати на сеймѣ валномъ рождественскомъ Варшавскомъ, въ року 1650 бывшомъ, желалъ и кричалъ — не Поляки ли? свѣдителствуетъ о томъ и ихъ авторъ Твардовскій на листѣ семомъ, въ части второй своей книги. Нехай возглаголютъ и пакта Бѣлоцерковскіе, зъ Поляками и зъ Хмелницкимъ заключенніи и присягами зъ обохъ сторонъ утвержденніи, хто ихъ желалъ зкасовати и уничтожити — не Поляки ли? не молчитъ о семъ со мною и Твардовскій, гди въ части третой своей помененной книги короткими и скритими словками вспомнѣлъ постановленную зъ Козаками линѣю и тяжести Украинскіе, отъ жолнѣровъ Полскихъ тогда бывшіе. Тіи або вѣмъ панове Поляки, недоволни будучи многой крвѣ человѣческой пролитія перво на Жолтой Водѣ и подъ Корсуномъ, потомъ подъ Махновичами, Константиновомъ, Пилявою, Лвовомъ и Замостемъ, а потомъ подъ Збаражемъ и Зборовомъ; наконецъ третого лѣта подъ Берестечкомъ, уславши тамъ густо поля Берестецкіе премногими пяти народовъ, то есть Козацкими, Татарскими, Лядскими, Литовскими и Нѣмецкими затяжними трупами, и виточивши тамъ и на иншихъ многихъ мѣстцахъ, особливе подъ Бѣлою Церквою, Кіевомъ, и Лоевомъ драгую и надъ

Дунайскіе струя болшую кровъ человѣческую, и приведши таковыми непогамованими на Козаковъ завзятостями и ранкорами своими до послѣдней руини нетилко Украину Малоросійскую, но и Полскую свою державу малъ до самой Висли; кгды нетилко близшіи отъ Украини крѣпкіи тогда городи Полскіи, яко то Константиновъ, Бердичевъ, Збаражъ и Львовъ, мусѣли руинѣ подлегати и..... дати, але и саміи крѣпчайшіи фортеци и замки ихъ, яко то Камянецъ Подолскій, Баръ, Нестерваръ, Замосте, Люблинъ, Броды, Слуцко, Олика и инніе многіе со всѣми своими повѣтами и уѣздами отъ оружія Козацкого, при правдѣ и истинѣ своей за вѣру благочестивую Грекорускую и за древніе права и волности Козацкіе и всенародніе Украинскіе стоявшого, принуждени были трепетати и неменшій ущербокъ относити. Присмотрися теди самъ добре любопитствующій чителнику въ Полскіе и Козацкіе лѣтописци, увидишъ въ нихъ певне Козацкую невинность, а Лядскіе до войни причини и хотѣнія: а я болшей о томъ рѣчи моей неразшираючи, начинаю повѣствовати тебѣ экспедицію Хмелницкого на Батогу зъ Поляками бывшую.

РОЗДѢЛЪ III.

О войнѣ Хмелницкого на Батогу зъ Поляками бывшой, зъ околичностями ея; о причинахъ Лядскихъ до оной, и зкасованю трактату и амнистіи Бѣлоцерковской; о фортелю Хмелницкого въ прибѣранюся на тую войну; о Калиновскомъ на Батогу зъ войскомъ ставшомъ, а ради своихъ Поляковъ и листовной Хмелницкого непослухавшомъ; о путешествіи фортелномъ Хмелницкого зъ сиңомъ и Карачь Мурзою до Ладижина и Батога; о вѣдомости у Калиновского о Хмелниченку зъ малолюдствіемъ и о легкомысліи его; о переправѣ Хмелницкимъ и Карачь Мурзою Бугу, о уторгненю ихъ подъ Батогомъ на войска Лядскіе, о поглощеніи чрезъ Татаръ обозу Лядского, и о страшной поражцѣ заразъ тамъ же на голову всего войска короннаго, зъ Гетманомъ ихъ Калиновскимъ; о здобичи тогдашней Татарамъ и Козакамъ, и о артилеріи Полской Хмелницкимъ забраной; о викупленю чрезъ Хмелницкого у Татаръ лутшихъ неволниковъ Лядскихъ, и о одосланю ихъ до Чигрина; о пороку Твардовского на Хмелницкого: о трупахъ Лядскихъ и о далшомъ прогресу Хмелницкого.

Експедиція оная крвавая Хмелницкого зъ Поляки на Батогу отправившая, и многій плачъ мешканцемъ Полскимъ сотворшая, зъ причинъ власнихъ Поляковъ бысть тако: Хмелницкій Гетманъ войска Запорожского и всея Малоросійскія по обоихъ сторонахъ Днѣпра сущея Украини, по многихъ прежде описанихъ трудахъ военнихъ, по заключеніи и присягою зъ обохъ сторонъ стверженіи пак-

товъ Бѣлоцерковскихъ, желалъ тишини и покоя себѣ и всему надврежденному прошлими войсками народу Малоросійскому, и для того все исполнялъ и исполнити готовъ былъ зъ своеи стороии тое, що пактами Бѣлоцерковскими поставлено: якожъ на доводъ того велѣлъ по насилію Ляцкому, хочъ и въ пактахъ не положено, уступовати Козакамъ зъ Кіева и Чернѣгова въ добра Королевскіе. Лечь кгди по знакахъ певнихъ и явнихъ увидѣлъ, же Поляки пакта Бѣлоцерковскіе отпюдъ зкасовали, и амнистію свою отринувши, жестоко и тиранско зъ Малоросійскимъ народомъ начаша обходити, и предѣли уставленнія своими консистенціями преходити, о самого его Хмелницкого голову старатися, и сватства зъ Господаремъ Волоскимъ умислили не допустити и возбранити; да и самъ Гетманъ коронній поставленого пункта о примиреніи Хана Королевѣ неисполнилъ и исполнити немислилъ, тилко его Хмелницкого отъ союзу и пріязни Ханской отторгнути потщался; мусѣлъ изнову до военного дѣйствія приклонитися, и зъ Ханомъ Кримскимъ союзъ свой поновивши, а на защитъ своея и Малоросійскія цѣлости за оружіе принятися; но прежде военного скутку, такого зажити фортелю на обману Поляковъ.

Року тое дѣялося (яко и въ початку въ пятой части сея гисторіи виразилемъ) отъ рождества Господня подлугъ лѣтописцовъ Козацкихъ 1652-го, Хмелницкій маючи уже тихо прибравшоеся войско Козацкое въ поготовости и Орди зъ Карачь Мурзою къ Чигрину въ близкости, розгласилъ въ народѣ Украинскомъ такую рѣчъ, же мѣетъ въ невеликомъ почтѣ войска Козацкого виправовати на веселе до Государа Волоского Тимоша сина своего, якожъ и въ самой рѣчи было тое; а Король Полскій Янъ Казѣмиръ зъ сенаторами прошеніемъ Господарскимъ зневоленій, хотячи тому Хмелниченковому веселію препятіе учинити и самого въ руки свои загарбати, виправуетъ для заступленя Хмел-

ниченковѣ пассовъ Калиновского Гетмана Полного коронного, недавно тогда зъ неволѣ Кримской за денги свободившогося, вручивши подъ его коменду доброго конного и пѣшого кварцѣялного войска до пятидесяти тисячъ; которое то войско звнутръ Полщи вишедши, и до предѣловъ Украинскихъ надблизившися, пришло зъ собою въ несогласіе и непослушенство Гетману своему, не заховуючи ку нему таковой боязни и поволности, яковое заховивали покойному Потоцкому Гетману Великому коронному; радило однакъ ему, жеби неидучи на самій шляхъ Хмелниченковѣ зъ Украини до Волохъ чрезъ Ладижинъ лежачій, удержался зо всѣмъ войскомъ въ сторонѣ около Браславля и Райгорода, а вивѣдовался лутше о Хмелниченковомъ до Волохъ віѣздѣ и ассистенціи. Калиновскій Гетманъ совѣта непослухавши, а прилѣжнѣше кривду свою прошлую отъ Хмелницкого станулую на Хмелниченку поветовати и одомстити тщящися, рушилъ просто и спѣшно ку Ладижину; где прибувши, станулъ въ некрѣпкомъ и голодномъ мѣстцу обозомъ между Ладижиномъ и горою Батогомъ, которая зъ поля притягла до рѣки Бугу, надъ которою и городъ Ладижинъ сидитъ вишше гори Батога въ едну чили у двѣ версти. Тамъ теди Гетманъ Калиновскій зъ войскомъ ставувши, а мѣючи вѣдомость чрезъ шпѣговъ же и Хмелниченко зъ немногимъ Козацствомъ уже зъ Чигрина вибрался, и поволѣ идучи просто на Ладижинъ трактъ свой керуетъ, виправилъ противъ него малій и скритій подъездъ свой, которій нѣгдесь въ полю Хмелниченка зочивши, принеслъ ему Гетману певную о малолюдствіи Хмелниченковомъ вѣдомость. Гетманъ зась такую помислную вѣдомость получивши, радъ и певенъ былъ своего облову и кривди одомщеня на Хмелниченку, для чого и обозу своего окопами неумоцнялъ, бо о самомъ Хмелницкомъ и Ордахъ жадной найменшой неимѣлъ вѣдомости, и отнюдь ихъ за Хмелниченкомъ ку себѣ нечаялъ. Але Хмелницкій

зъ Карачь Мурзою, маючи на пилномъ баченю Поляковъ, пакта Бѣлоцерковскіе скасовавшихъ, многіе бѣди разоренія и кровопролитія на Украинѣ сотворшихъ, сватства зъ Господаремъ Волоскимъ возбранити ему устремившихся, и не тилко на сина, но и на самого его Хмелницкого голову готовящихся, виправивши того сина своего Тимоша въ пяти чили въ шести толко тисячахъ на Ладижинъ до Волохъ, для понятія въ малженство себѣ Домни Господаровни Волоской, приказалъ ему ити по волѣ, на день по милѣ и по полтори милѣ; а тимъ часомъ заразъ войска Козацкого въ поготовости уже бывшаго до двадцяти и шести тисячъ, легко безъ тяжестей обозовихъ къ себѣ въ поле на мѣстце певное зъ полковниками ихъ призвавши, и зъ Карачь Мурзою видѣвшися, утвердилъ совѣтъ и назначилъ именно день, въ которій мѣли Поляковъ на Батогу привитати; бо отъ Чигрина до Ладижина и Батогу заледво миль Козацкихъ двадцятъ или двадцятъ пять будетъ. Итакъ, по розговору и совѣту зъ Карачь Мурзою розлучившись, велѣлъ ему зъ Ордами лѣвою стороною ити до Батога, и низше оного рѣку Бугъ преправити (понеже идучи отъ Чигрина до Ладижина и Батога реку Бугъ преходити требѣ есть); а самъ въ тропи за синомъ просто на Ладижинъ рушилъ, и наготовавши въ той дорозѣ листъ до Гетмана Калиновского датою зъ Чигрина будто писаній, послалъ оній къ нему чрезъ нарочнихъ посланцовъ своихъ, самъ зо всѣмъ войскомъ Козацкимъ ставувши въ мѣстцахъ закритихъ (поневажъ былъ, яко вишей намѣнилось, по Ординцку въ легцѣ безъ тяжаровъ обозовихъ) тилко о три чили о двѣ мили отъ Ладижина, и синовѣ Тимошевѣ о милю предъ собою бывшому, велѣлъ назадъ вернутися и при себѣ зоставати. Въ листѣ зась своемъ до Калиновского писаномъ доложилъ тое, что виправуетъ зъ Козаками и Татарами до Волохъ на веселе Тимоша сина своего, а дивуется тому, же онъ Калиновскій между

Батогомъ и Ладижиномъ невѣдомо для чого зъ многими войсками Полскими ставувши, заступилъ шляхъ его синовѣ; которому любо онъ Хмелницкій будто и приказалъ шляхъ Ладижинскій, для войскъ Полскихъ тамъ бывшихъ, инимъ трактомъ обминути, однакъ варуется, аби своволная Орда и сынъ его зъ Козаками въ младости будучи, не отерлися легкомислне о войска Полскіе, и не учинили турбаціи и шкоди, и для того онъ Хмелницкій совѣтовалъ ему Калиновскому, аби зъ войсками коронними уступилъ на сторону зъ шляху Ладижинского къ Волохамъ лежащого. Гетманъ Калиновскій тое Хмелницкого писмо вичитавши, и по датѣ оного зъ Чигрина писанной непремѣнно Хмелницкого въ Чигринѣ зостаючого надѣючися, а ни Татаръ зъ Хмелницкимъ сподѣваючися (поневажъ скритій подездъ Калиновского, прежде вспомненій, донеслъ ему, же Хмелниченко нетилко Татаръ при себѣ не имѣетъ, но и въ малой лѣчби Козацкой ку Ладижину простуетъ), отправилъ тихъ посланцовъ до Хмелницкого зъ листовнимъ комплементалнимъ а фортелнимъ отвѣтомъ, положивши въ своемъ намѣреніи бинаймнѣй зъ того отъ Батога мѣстца зъ войскомъ неуступовати, и за конфузію себѣ и всему войску коронному тое вмѣняючи, а перестрогу Хмелницкого за здраду имѣючи, кгдиби по оному листовному его совѣту мѣлъ зъ шляху Ладижинского на сторону уступити, и Господара Волоского надъ упевнене Королевское въ небезпеченствѣ отъ Хмелницкого зоставити, звлаща когда отнюдь (яко вишей наменилось) ни Хмелницкого, ни Ордъ, кромѣ едного Хмелниченка въ малой личбѣ зъ Козаками ку себѣ не сподѣвался.

Хмелницкій теди не такъ зъ отвѣту листовного Калиновского, яко барзѣй зъ словесного посланцовъ своихъ донесенія зрозумѣвши Калиновского намѣреніе, еже неподвижне стояти мѣетъ на своемъ, до оборони ненадежномъ и неукрѣпляемомъ окопами, подъ Батогомъ мѣстцу радъ

тому былъ велце, и яко самъ зъ войскомъ Козацкимъ наступовавшой тогда ночи мѣлъ више Ладижина Бугъ переправити и на свѣтаню на войска Лядскіе, подъ помененою горою Батогомъ стоявшіе, ударити; такъ и до Карачь Мурзи послалъ, аби тоижъ ночи подлугъ змови словесной низше Батога Бугъ переправивши и Хмелницкого битву съ Поляки почувши, вдарилъ зъ Ордами зъ тилу отъ Батога на обози Лядскіе. Що кгди чрезъ ночь тую стало, же войска Козацкіе и Татарскіе чрезъ Бугъ преправили, теди скоро свѣтъ нощніе прогнавши мраки дался людскимъ видѣти очамъ, заразъ Хмелницкій, зо всею войска Козацкого потугою, первую въ седмотисячномъ числѣ више Ладижина бывшую стражъ Полскую вирубавши, вдарилъ абіе о Ладижина нечаянно и на все войско коронное въ обозѣ безпечно отпочиваваюе, которое нимъ пришло до справи и шику военного, мусѣло отъ оружія Козацкого ущербитися до килконадцяти тисячъ; лечъ потомъ пришедши до справи, и вигнавши зъ обозу своего Хмелницкого, где почало на него крѣпко налѣгати и отъ своего обозу о версту и болшей отдалятися, тогда Карачь Мурза въ чтиродесятотисячномъ числѣ Ордъ своихъ зъ за Батога, неби дождь силній зъ облака или вихоръ зъ пустинѣ, несподѣванно випадши, поглонулъ увесь обозъ Лядскій; толко осмъ рейментовъ пѣхотнихъ въ едномъ кутѣ обозовомъ, надъ самимъ Бугомъ бывшомъ, приперлося (и то безъ арматъ) и Карачь Мурзѣ поглонути не далося. Карачь Мурза надъ тими рейментами пѣхотними самъ не бавячися, а килконадцятъ тисячъ Орди для неданя имъ справитися и до арматъ прибратися, зоставивши, рушилъ прудко отъ обозу Лядского за Поляками. Поляки зась оглянувшися и нечаянную силу Ординскую на себе бистро текущую узрѣвши, въ крайнее впали жизни своея отчаяніе и десперацію, и давши плещи своя Хмелницкому, обернулися въ очи Карачь Мурзѣ, хотячи сквозѣ Орди пребра-

тися до обозу своего уже пропалого и Татарами опанованого; чого егда не доказали тилко къ рейментамъ помененимъ пѣхотнимъ прибралися; тогда немогучи болѣе зтерпѣти крѣпкого мушкетерного огня Хмелницкого и острѣя Ординского, начаша многіе нетилко зъ посполитихъ товариства, но и зъ найболшихъ чиновниковъ, полковниковъ, ротмистровъ, въ Бугъ рѣку вдаватися. Гетманъ прето Калиновскій якъ шаленій на всѣ сторони мещучися зъ голою шаблею, кричалъ крѣпко и упинялъ войско свое отъ утѣканя и у Бугъ метаня, а предлагаючи и просячи застановитися въ кроку своемъ противъ непріятеля; однакъ ничого немогучи порадити и вскурати престрашеному и безъ душѣ мещущемуся въ Бугъ своему войску, приказалъ пилно пререченимъ пѣхотнимъ, отъ шаблѣ Ординской спасшимся, въ кутѣ едномъ обозовомъ надъ самимъ Бугомъ припершимся рейментамъ, зъ оружя на утѣкаючее въ Бугъ войско безъ жадного респекту и обзору крѣпко палити и стрѣляти; що кгдися стало и гди войска Полского конного отъ своихъ помененихъ пѣхотнихъ рейментовъ до десяти тисячь на брегу Буга пало, теди тимъ барзѣй Хмелницкій зъ Карачь Мурзою обрадовани зоставши, крѣпчайше всѣми силами на Поляковъ онихъ, згола до справи пріити невозмогшихъ ударили, и заразъ при всесилной помощи Божественной на многіе части ихъ расторгнувши, погнали ихъ врознь на голихъ шабляхъ докониваючи. Въ якій нещасливій ихъ часъ нетилко многіе коронніе сини, полковники, ротмистри и иніе знаменитіе персони и офѣцери конніе и пѣшіе едни трупомъ пали, другіи въ Бугу вовсе погрязнули, третіи ременю Кримскому досталися; але и самъ Калиновскій Гетманъ Полній, на вѣчную ганбу себѣ и всей коронѣ Полской, тоей же не ушолъ пляги; но не еднаково о немъ лѣтописци повѣтствуютъ: Твардовскій пишетъ глухо, же Гетмана нестало, а Козацкіе лѣтописци твердятъ — едни, ижъ Калиновскій тамъ пойманъ, а другіе

ижъ пойманъ и по указу Хмелницкого стятъ. Якъ колвекъ теди есть, то уже певная, же тогдашной потреби не уйшолъ повторне Калиновскій рукъ Козацкихъ. И такъ тое множество народа Полского чрезъ оружіе Хмелницкого трупомъ на полѣ Батоговомъ полегши, иннную многую браттю свою Татарскому оставиша соблюденію. Лупи инніи обозовіи здобичи уступилъ Хмелницкій Татаромъ, собѣ тилко забравши артилерію со всѣми до ней надлежащими многими припасами, въ которой арматъ было менших и болшихъ пятдесятъ осмъ штукъ; Козакамъ зась здобичь тилко досталася на трупахъ Лядскихъ и на Полякахъ въ полю іиманихъ. Усмотрѣвши потимъ Хмелницкій тое, же въ рукахъ Татарскихъ много найдуется товариства Полского значного и рядового, и жалѣючи оного даби непошли все въ далшую и нужнѣйшую неволю Кримскую, просилъ Карачь Мурзи и Татаръ, аби ему оного за денги уступили; на що они латво зклонившися, учинили торгъ зъ Хмелницкимъ, и певною цѣною уступили и отдали ихъ Хмелницкому двѣстѣ пятдесятъ шесть человѣка виборнѣйшихъ, за которихъ Хмелницкій тамъ же належитую подлугъ торгу сумму Татарамъ отдавши (бо и прошенъ былъ о тое благодѣяніе отъ пойманцовъ онихъ Полскихъ, зъ обѣщаніемъ сугубихъ за себе денегъ), и надъ то ихъ уконтентовавши, отправилъ заразъ ихъ всѣхъ при добрихъ приставахъ своихъ до Чигрина; а Карачь Мурзу просилъ, аби здобитими лупами и ясирами не отягчаючися, отправилъ ихъ въ Кримъ, а самъ зъ Ордами влегцѣ далшой военной ему Хмелницкому на Подоле и Побуже допомоглъ компанѣи, що и сталося подлугъ Хмелницкого желанія. А що пишетъ Твардовскій о трохъ стахъ неволникахъ Лядскихъ Хмелницкому отъ Татаръ виданихъ и тамъ же порубанихъ, то на правду непоходило, гдиже викупленихъ неволниковъ, на утрату своихъ денегъ за нихъ Ордѣ даннихъ, неподобно аби рубалъ Хмелницкій; Орда зась жеби своихъ не-

волниковъ даромъ мѣла дати Хмелницкому на вирубане, то и овшемъ рѣчъ то есть вѣроятію недостойна. Що зась трупи непогребенніе Лядскіе на Батогу зоставилъ Хмелницкій — то есть правда; бо забѣраючи свою импрезу на Подолле, оставилъ трупи, а приказалъ Ладижинцамъ похоронити оніе, которіе колко ихъ возмогли толко ихъ и похоронили, прочіе оставивши верхоземному истлѣнію. Мню же азъ, яко и Король по виграной Берестецкой надъ Хмелницкимъ и Ханомъ викторіи, а особливе на Пляшовцѣ въ окопахъ Козацкихъ, труповъ нетилко Козацкихъ и Ординскихъ, но и своихъ Лядскихъ для множества ихъ всѣхъ ховати неизволилъ (яко же и есть тако), маючи предъ очима далшое по намѣренію своему, хочь оное и неисполнилося, на Украину путешествіе.

РОЗДѢЛЪ IV.

О щасливой на Батогу надъ Поляки викторіи Хмелницкого; о рушеню его отъ толь зъ доброю надеждою подъ Камянецъ; о омиливишой его тамъ надеждѣ, и о страху въ Полщѣ зъ пораженихъ на Батогу войскъ ихъ; о писму Хмелницкого въ Камянецъ, и о отвѣтѣ зъ него на оное; о шамраню Ординскомъ подъ Камянцемъ на Хмелницкого и о утоленіи оного; о збиранюся новихъ войскъ Полскихъ на Хмелницкого; о уступленю его отъ Камянца во свояси, и о роспущеню войскъ своихъ въ доми ихъ; о писмѣ Хмелницкого до Господара Волоского взглядомъ сватства и веселя; о виправѣ на веселе до Ясъ сина Тимоша; о стрѣчи и принятю его въ Ясахъ; о укончeню тамъ акту веселного; о прибытю отъ толь въ Чигринъ зъ новопошлюбленою женою Домною Господаровною, и о радости Хмелницкого зъ того пріятелства. О тишинѣ тогда на Украинѣ, по війстю Ляховъ въ Полщу, и о Домарацкомъ; о возвращихся Козакахъ на свои первіи житя, и о моровомъ тогдашномъ повѣтру.

Такъ сромотную шкодливую и жалосную Полякамъ, себѣ же веселую и благополучную Хмелницкій на Батогу одержавши викторію, попустилъ и далѣй тизкенювъ своей военной охотѣ; а знаючи чрезъ збѣговъ, же въ Камянцу Подолскомъ многая шляхта зъ многими увезлася скарбами, намѣрилъ туда безъ забави зо всѣмъ войскомъ Козацкимъ и Ординскимъ зъ Карачь-Мурзою бывшимъ завитати, надеженъ будучи тогдашнимъ вѣдомостямъ, же и Камянецъ Подолскій, для нужди и гладу въ немъ пановавшого, мо-

жетъ ему вскорѣ безъ военного отпору поклонитися; отколь если би такъ сталося, намѣривалъ и сина своего Тимоша до Ясъ на веселе виправити, и Каменецкою здобичю Орду доволно уконтентовати. Въ Полщѣ зась кгди дойшло вѣдати о знесеню на голову подъ Батогомъ войскъ Полскихъ чрезъ Хмелницкого, абіе страхъ и ужасъ и все дѣяніе, по Корсунской поражцѣ бывшое, въ ней отновилося и уродилося. Но размыслившися и Камянецкій походъ отложивши, любо рушилъ былъ ку Лвову и далѣй въ Полщу, мѣючи всюди край отвореній и безоборонній; однакъ певними нѣякимись причинами, чили особливими судбами Божіими отъ намѣренія того возбраненій, престалъ оного, и завернувшися отъ Вѣницѣ потяглъ ку Камянцу Подолскому. Где достигнувши и оній зъ Ордами крѣпко и тѣсно облегши, любо зъ початку певенъ былъ зъ него своего облову и користи, однакъ по килко неделномъ подъ онимъ умедлѣніи, увидѣвши суетную надежду свою, писалъ въ Камянецъ листъ свой ознаймуючи (ижъ болшіе на Батогу нежели подъ Корсуномъ поразилъ на голову войска Полскіе зъ Гетманомъ Калиновскимъ бывшіе, и Гетманъ самій неувойшолъ рукъ его, и артилерія коронная ему досталася; для чого уже нетилко шляхта позосталая удавшися въ забѣги до крѣпкихъ своихъ фортецъ и замковъ, а другая до Висли вицѣнъ и бреговъ морскихъ очи обернувши, але и самъ Король отъ своей столицѣ въ Нѣмецкіе сторони прудко умкнувши, зоставили Полщу всю безъ людей военнихъ пусту и цѣлости своей безнадежну) и предлагаючи имъ облеженцамъ Каменецкимъ, аби немордуючи себе тѣснимъ облеженемъ, поклонилися ему Хмелницкому доброволне и аммунѣцію военную Каменецкую видали. На що кгди прикрій отъ облеженцовъ ему учиненъ отвѣтъ, теди тимъ барзѣй тѣснѣйше Камянецъ облегши, началъ крѣпко на оній зъ арматъ бити; але трудно было Камянцу, всесилною Божіею десницею уфундо-

ванному що сотворити, развѣ би гладомъ виморити. Лечь Орда неподобную рѣчъ до добытя Камянца познавши и тщетній трудъ Хмелницкого въ добываню увидѣвши, вознегодовала на него, что не певною зъ добичи Камянецкой платою ихъ заведши, и подъ Камянцемъ задержавши, такого часу до утрати привелъ ихъ, чрезъ которій би они ажъ изъ за Висли зъ плѣномъ и здобичами Лядскими повернути могли; въ якой мѣрѣ обачивши Хмелницкій вину свою, уконтентовалъ скрито Карачь Мурзу певними подарунками, а иныхъ начальниковъ Ординскихъ удоволствовалъ кормами и напитками, и такъ шемране Ординское престало.

Въ тимъ часѣ дойшло вѣдати Хмелницкому, же войска Полскіе на Украинѣ коло Нѣжина, Ромна, Гадяча, и иныхъ городовъ на консистенціяхъ бывшіи, собравшися притягли ко Хвастову, и же самъ Король тожъ зъ войсками на него прибѣрается и отъ Висли рушати хочетъ, рушилъ и самъ зъ подъ Камянца ничого оному не зашкодивши; а прибывши зо всѣмъ до Бѣлогородки Кіевской, роспустилъ войско свое и Ординское отъ толь по домахъ ихъ, войска помененного Полского зъ Украини вишлого, а чрезъ Полѣсе и Волинь ку Королю удавшагося, нигде въ дорозѣ не нагабавши. Самъ тежъ въ Чигринъ прибывши и до Господара Волоского (жеби непремѣнно готовался на веселе) зъ листомъ гонца пославши, вскорѣ виправилъ за нимъ и Тимоша сина своего зъ Виговскимъ на веселе, въ десяти тисячахъ Козацкихъ молодцовъ добрихъ; а въ листѣ своемъ чрезъ гонца посланномъ (пишетъ Твардовскій) виразилъ будто Хмелницкій такіе до Господара слова: «звязку нашего пріятелского не рачь ваша велможность отмѣняти, и неотмовляй синовѣ моему цорки своей видати въ малженство; родовитостю своею и титуломъ непровозносися, знаючи тое, ижъ великимъ быть вящша есть чрезъ себе самому, а нежели по чіемъ уроженю кому. Видишъ

ясно же около свѣтъ мене трепещетъ, Ляховъ на голову килкократне поразилемъ, и анѣмушъ ихъ такъ имъ сказилемъ, же уже противко мнѣ впередъ повставать нѣгди не отважатся, и петилко ради будутъ такому покою якій имъ восхощу дати, но и пактъ Зборовскихъ чрезъ ихъ килко кротъ умкнених и зкасованихъ жебрати будутъ; а если би ваша велможность неизволилъ того пріятства учинити по волѣ, то и по неволѣ мусѣтимешъ.» Якимъ Хмелницкого листомъ Господарь престрашеній и затурбованій, а зъ оборони и защиту отъ Поляковъ обѣщаного обнаженій, немогучи иншой собѣ прибирати ради, склонился до непремѣнного зъ Хмелницкимъ пріятелства. Потимъ вскорѣй, кгди зближался до Ясъ Хмелниченко, віѣхалъ противъ ему о милю въ стрѣчу, зъ значною ассистенціею, дворникъ великій Господарскій; а за нимъ въ тропи, о чверть милѣ отъ Ясъ, зъ значнимъ и свѣтно убранимъ бояръ своихъ кгрономъ, віѣхалъ и самъ Господарь въ стрѣчу жъ, которого Хмелниченко, зсѣдши зъ коня низкимъ привиталъ уклономъ, при недолгой мовѣ Виговского; а отъ Господара тожъ взаемъ привитанъ привѣтомъ отческимъ и поцѣлованемъ въ голову. За тимъ при вдячной трембачовъ и бубновъ войсковихъ своей музице, гучно и бучно вехалъ до Ясъ Хмелниченко, и яко первого, такъ другого, третого и инших дней акту веселного, при невдячнихъ Сербскихъ и Турецкихъ музикахъ, зо всею ассистенціею пріймованъ вдячне и отпущенъ зъ новопошлюбленою Хмелницкого невѣсткою до Чигрина. Якихъ гостей Хмелницкій радостно принявши, былъ того благодаренъ, ижъ добрихъ себѣ набылъ союзниковъ и пріятелей, тоесть зъ едной стороны Хана зъ Ордами, а зъ другой Господара свата зъ Волохами.

А по той войнѣ на-Батогу отправившойся, люде на Украинѣ чрезъ лѣто тихо и безъ консистентовъ Полскихъ посидѣли; бо войска Полскіе и иншая шляхта, зачувши

о побѣдѣ на Батогу чрезъ Хмелницкого войскъ своихъ, війшли спѣшно и зъ многимъ страхомъ до Полскихъ, а панъ Домарацкій зъ иншими панами, въ надеждѣ спасенія своего отъ бѣди тогдашней, небѣгучи въ Полщу побѣгъ зъ Прилуки до Конотопу, которого по приказу Сомка полковника Прилуцкого, Яско-Воронко бывшій полковникъ Прилуцкій же зъ Козаками у Подлипного села нагнавши, головки имъ поотрубовалъ.

Того жъ лѣта еще гнѣвъ Божій розними непостижимого смотрѣнія Своего дѣйствіями человѣки грѣшнія наказующи, сшедлъ на Украину Малоросійскую, по обохъ сторонахъ рѣки Днѣпра зостаючую, и удари на ню пращею смертоносною тако, яко многіе въ Кіевѣ и инихъ городахъ и селехъ Малоросійскихъ жизни сея временнія лишитися и въ персть вселитися принуждени бяху. А инніи зъ своихъ жилищъ въ Кролевщину вигнаніи, воспять паки возвратишася, и въ своихъ прежнихъ обитаніяхъ жити начаша,

РОЗДѢЛЪ V.

О экскузаціи Хмелницкого чрезъ листъ и нарочнихъ посланихъ до Короля зъ поражки на Батогу Калиновского; о залѣценю его своей ку коронѣ зичливости, и о постереженю въ томъ его коварства и обиди; о отправленихъ отъ Короля нѣзчимъ его посланикахъ; о сеймахъ тежъ и сеймикахъ въ Полщѣ бывшихъ, на войну противъ Хмелницкого войска платніи и деньги на нихъ Королевѣ збѣрати совѣтовавшихъ.

Укончивши Хмелницкій подлугъ желанія своего щасливое военное вишъ писанное на Батогу дѣяніе и веселій актъ Тимошу сину своему, отважился и Короля Яна-

Казѣмира обмановати своимъ чрезъ нарочнихъ посланцовъ писаніемъ, экскузуючися въ немъ зъ поражки на Батогу Калиновского, же то сталося безъ его волѣ, и же перестерегалъ онъ листомъ своимъ его Калиновского, ознаймуючи ижъ виправовалъ до Волохъ на веселе зъ Козаками и Татарами сина своего, и желаючи аби онъ Калиновскій заступленій до Волохъ шляхъ попустилъ ему, а дивуючися, же онъ Калиновскій тоей перестороги и прошенія его Хмелницкого не послушалъ и не исполнилъ, но дождался на томъ мѣстцу подъ Батогомъ сина его, зъ сваволною для остороги здоровя его приданою ему Ордою, и нетилко шляху волного але тежъ води хотѣлъ заборонити и повѣтра; чимъ онъ, синъ его, оскорбленіі будучи, и о бокъ войскъ Полскихъ зъ помененою Ордою и Козаками приразившися, учинилъ въ нихъ безъ вѣдома его Хмелницкого турбацію и шкоду, за що абы Королевское Величество уражатися на него Хмелницкого нерачилъ, просилъ унѣжоне; докладаючи и тое, ижъ еслиби не онъ Хмелницкій сваволную розстервившуюся и заюшеную Орду, своимъ тщаливимъ старанемъ по всѣ лѣта прошліи гамовалъ и унинялъ, жалѣючи всегда державы корони Полской, то певне оная и по за Вислою зъ своими чамбулами моглаби кграсовати и корону опустошивати; для чого певенъ есть ласки и милосердія Королевского, же проступокъ сина его на Батогу станулій пробаченъ ему будетъ; а еслиби иначе быти мѣло, то муситъ подъ иншого зъ посторонихъ Монарховъ пана оборону и протекцію удатися; еднакъ зъ тимъ квапитися небудетъ, поколь не одержитъ отъ Его Королевского Величества отвѣта и упевненя о непремѣнной ку себѣ ласки его панской.

На якій листъ здалося тогда Королевѣ и сенаторамъ до Хмелницкого не отвѣтовати, поневажъ усмотрѣнъ онъ зъ облудою и шидерствомъ маестату Королевского. Тимъ часомъ зачалися въ Полщѣ отправовати сейми и сеймики, на которихъ не иное що постановляно тилко тое, аби

знову зъ Хмелницкимъ война была зачата, на которую аби посполитого рушеня не двигано, тилко кварцѣялного войска пятьдесятъ тисячъ аби было зобрано, и денежніе побори на тое войско аби въ повѣтахъ были уставлени и збирани; а посланники Хмелницкого нижчимъ отъ Короля повернулися.

РОЗДѢЛЪ VI.

Ѳ повторнихъ Хмелницкого до Короля посланикахъ, уже не зъ екскузаціею но зъ повинною за поражку Батоговскую Калиновского, и испрошеніемъ комисаровъ для помѣркованя Зборовскихъ и Бѣлоцерковскихъ пактовъ къ лутшой ползѣ Малоросійской, обѣцуючи по себѣ и войну и братерство зъ Татарами вовсе отринути; о виправѣ отъ Короля къ Хмелницкому двоихъ персонъ для розговору о кондиціяхъ предлежащихъ, о стрѣчи ихъ и о принятію; о розмовѣ зъ ними Хмелницкого жестокой, и о отправѣ ихъ Королю противной; о войскахъ Полскихъ по ординанцу Королевскомъ до Ковля прибылихъ, на Гетмана своего для скудостей ропташихъ и около Ковля зимовавшихъ, прибѣраючись на Украину и Хмелницкого, и о препятіи имъ походу зимного на Украину.

Недель въ килко потимъ знову Хмелницкій виправилъ до Короля пословъ своихъ зъ писмомъ, уже не экскузуючися зъ поражки Батоговской, но упокораючися въ своемъ проступствѣ Королевскому Величеству, а просячи о зослане коммиссаровъ, которіи би разсмотрѣвши и слушне уваживши обое пакта прежніе, то есть Зборовскіе и Бѣлоцерковскіе, умодеровали и помѣрковали къ лутшому войска Запорожского и всего народа Украино-Малоросійского

доволству и житію; а онъ Хмелницкій, бридячися уже многолѣтною и многокровною войною, нетилко готовъ оную отставити, але на желаніе корони Полской и союзъ съ Ханомъ вовсе розорвати. На якое писмо Хмелницкого, любо зъ початку мало дбалъ Королевское Величество невѣрячи оному, однакъ потомъ разсмотрѣвшися, а комисаровъ заразъ до него непосилаючи, жеби непоткало ихъ тое що поткало и прежнихъ во Бѣлой Церквѣ, виправилъ къ нему значнихъ двохъ зъ шляхти Руской, еще року 1645 на Мерлѣ, кгди противъ Полтора-Кожуха Ляхи зъ Козаками ходили, зъ нимъ Хмелницкимъ обознавшихся и побратавшихся, Зацвѣлховского и Черного, приказавши имъ аби сказали Хмелницкому, же если зъ двохъ синовъ своихъ едного отпуститъ до Короля въ заставу, для слушного вѣроятія, а зъ Татарами и за мѣсяцъ найдалѣй если ся розбратаетъ, то и комисари подъ Кіевъ къ нему присланй будутъ, и жеби они посли зъ цери и розмови Хмелницкого зрозумѣли если онъ щире ищетъ ласки Королевской. Тіи прето персони, отъ Короля виправленіе, зближаючися до Чигрина когда дали о себѣ знати Хмелницкому, тогда отъ него въ полтораста коней виправленъ въ стрѣчу Тимошъ синъ его, которій о полъ милѣ отъ Чигрина ихъ встрѣтивши и вдячне привитавши, въ Чигринъ припровадилъ въ домъ отца своего, въ которомъ и самъ Хмелницкій, вишедши на ганокъ, вдячнимъ и веселимъ лицемъ привиталъ ихъ; потимъ обѣдано и многократне за здорове Королевское и войска Запорожского випиваючихъ за армать поздоровляно. Переночовавши кгди пришли послове оніе до Хмелницкого для справованя своего посолства, то услишали отъ него зъ початку самого такіе слова: что дивовался онъ тому, ижъ оніе будучи значними персонами важилися въ такой огонъ къ нему ихати, где всюди повѣтре моровое воюетъ, тилко самій Чигринъ та Суботовъ отъ него зостаютъ волними. Затимъ при розмовахъ ни-

шихъ гди послове тіи предложили Хмелницкому поселства своего дѣло, взглядомъ послания сина въ закладъ до Короля и взглядомъ розбратаняся зъ Татарами, тогда Хмелницкій тимъ розятреній, вхопившись за шаблю, у бока его бывшую, отповѣдилъ имъ: «если би хто инший, а не они, его знаемци и други были къ нему зъ тимъ поселствомъ присланн, певне иначе би зъ ними моглъ поступити»— вирекль тежъ къ нимъ и то—«не видите ли моей къ вамъ Полякамъ склонности и респекту, же знесши васъ теперь на Батогу, нетилко моглибъ васъ вконецъ знищити и разорити, але пославши многіе полки Козацкіе и Татарскіе моглъ бимъ васъ и за самій Римъ загнати.» Потимъ, когда посли Королевскіе умѣреними и ладними слови гнѣвъ Хмелницкого укротили, а на кондиціи въ листѣ Хмелницкого до Короля положеніи, и отъ Короля имъ посламъ ку Хмелницкому сказаніи отвѣта просили, тогда таковій отъ него одержали отвѣтъ: ижъ зъ Татарами ему розвестися рѣчь есть неподобна; а комисія и тогди неутечетъ когда войни престанетъ пора, которои хощу мѣти самого Короля директомъ; а въ якій часъ и где оную похощетъ отправити, то въ его Королевской нехай будетъ волѣ. Сина зась въ заставѣ посилати отнюдъ невозможно для того, ижъ еденъ въ дитинихъ зостаетъ лѣтехъ, а другій для свѣжого ожененяся неприличенъ посилатися на такую функцію; можетъ еднакъ (мовилъ къ посламъ Хмелницкій) и на иншую зобратися заставу, если впредь того всего Король на ненарушане пактъ Зборовскихъ поприсягнетъ.

Зъ чимъ посли пречечоніи, кгди повернулися, и все дѣйствіе поселства своего Королевѣ росказали, то заразъ Король заслалъ ординанцъ Воеводѣ Подолскому, новому по Калиновскомъ Гетману Полному, аби рушилъ зъ войскомъ, якого было въ згромаженю не много, ку Украинѣ и станулъ обозомъ подъ Ковлемъ; где Гетманъ ставувши ждалъ болшого згромаженя войскового, утерпѣваючи отъ войска

своего многое шемране и до звязковъ охоту, за неуконтентоване оного кормами и денгами.

Тамъ подъ Ковлемъ ажъ до посту Филиповского стоячи, кгди множество собралъ войска Полского, тогда болшій въ немъ уродился голодъ и на Гетмана роптаніе, для чого мусѣлъ о три милѣ вколо отъ Ковля все войско на зимовіе роспустити квартери; бо любо и зима уже тогда была настала, однакъ совѣтамъ ихъ людскимъ, на разореніе Украинѣ укнованимъ, возбранила своими мокротами, всегдашними слютами и приморозками, недопустивши зъ войскомъ и обозами тягнути на Украину.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

И рокъ шестій Хмелницкого дѣянія зъ Поляки.

Въ ней же виражаются корреспонденціи Хмелницкого зъ постороними; суплѣкаціи Хмелницкого до Короля; изгнаніе Господара Волоского зъ Волохъ отъ Венгровъ; взяте Сочави и забите тамъ сина Хмелницкого; тѣснота и бѣдство Поляковъ подъ Жванцемъ отъ Хана и Хмелницкого; покой тамъ учиненій и прочая.

РОЗДѢЛЪ I.

О замислахъ Лядскихъ на Хмелницкого и о осторожности его отъ нихъ; о поселствахъ Хмелницкого до постороннхъ Монарховъ зъ прошеніемъ помощи на Поляковъ и о обѣтницахъ его имъ; о подѣздахъ Лядскихъ двохъ значнихъ и о шкодѣ отъ нихъ великой Хмелницкому; о Богуну противъ Чернецкого подѣзду посланномъ отъ Хмелницкого; о добуваню Монастирищъ чрезъ Чернецкого; о раненю его тамъ и о утѣчтѣ отъ толь.

Року отъ созданія міра 7161 а отъ плотскаго во мірѣ Господня пришествія 1653, Хмелницкій зостаючи въ Чигринѣ, а мѣючи певніе вѣдомости о приборѣ Лядскихъ войскъ на себе, виправилъ и свои едни полки на зимовіи станціи въ порубежніе отъ Поляковъ городи Украинскіе, приказавши имъ во всемъ заховати чулость и осторожность; а самъ зъ Чигрина до постороннихъ Монарховъ виправовалъ поселства, просячи ихъ о помощъ себѣ на Поляковъ. А мяновите — до Турчина, обѣцуючи ему границу въ коронѣ Полской по Вислу, зъ Камянцемъ Подолскимъ; до Великого Государа Царя Московского зъ значними виправивши подарунками, просилъ его, аби войскъ своихъ потенціею розривалъ Литву отъ даваня помощи Полякамъ на Хмелницкого, и обѣщалъ подати ему Великому Государу Московскому Сѣверъ и Смоленскъ, килкокротне чрезъ

Поляки отриваній у него; до Хана посилалъ, просячи на весну наступуючую о Татаровъ; а до Волоского и Мултанского Господаровъ, желаючи аби зъ войсками своими ку Львову на веснѣ жъ приходили.

Поляки зась чрезъ долгій часъ подъ Ковлемъ розніе вѣдомости, а ничого певного о Хмелницкомъ невѣдаючи, виправили зъ нѣякимсь чародѣемъ подездъ свой подъ войско Хмелницкого, которій подъ Носеловомъ ночю несподѣване на Козаковъ нападши, ущербилъ ихъ до трохъ сотъ человѣкъ, стративши и своихъ девятьдесятъ осмъ Поляковъ; въ тимъ же замаху онъ чародѣй заюшеній Самгородокъ и Прилуку разорилъ вконецъ, невиннихъ людей Козакорускихъ въ нихъ позабивавши; але ижъ певного о Хмелницкомъ недосталъ язика, теди повторній подездъ зъ Чернецкимъ отъ Поляковъ виправленъ подъ Козаковъ, въ пятнадцати тисячахъ добрихъ вибранихъ коннихъ Поляковъ. Той теди Чернецкій маліе застави Козацкіе скорошествено пребывши, и нечаяно на Погребища подъ часъ отправовавшогося въ нихъ ярмарку нападши, увесь народъ тамъ на ярмарокъ собравшійся мужеска полу и женска, дѣвокъ и тяжарнихъ невѣстъ, зъ дѣтками перси материнскія ссущими, где и Козацтва згодилося было чи мало, всѣхъ безъ жадного респекту и пощадѣянія немилосердно и безчеловѣчно допустилъ войску своему вибити и тиранской смерти предати; а то чинилъ на пострахъ иншимъ городамъ и селамъ, на которіи хотѣлъ наступовати. Отъ Погребищъ зась вконецъ разоренихъ и огню преданихъ, онъ Чернецкій, рушивши далѣй въ Украину на Побуже, Браславщизну малъ не всю, ажъ по Бершадъ и Умань, огнемъ и мечемъ сплюндровалъ и въ попелъ обернулъ. Хмелницкій о такомъ военомъ и тиранскомъ Чернецкого поступку непевную, же будто былъ въ малолюдствіи, получивши вѣдомость, виправилъ на отпоръ ему въ чтирохъ тисячахъ Козацтва Богуна полковиика своего, и самъ въ

тропи за нимъ виходити прибѣрался, наджидаючи тилко Орди прибытя до себе; а дѣялося тое уже на веснѣ, марта числъ среднихъ. Богунъ зась справнимъ и осторожнимъ жолнѣромъ будучи, а ку Чернецкому зближаючися, виправилъ справнихъ людей своихъ для вивѣдки о силѣ войска Чернецкого, которіи назадъ повернувши, гди донесли Богуновѣ, же войска при Чернецкомъ на тисячъ пятнадцять и болшей знайдуется, теди Богунъ въ своей импрезѣ змякчивши, и же Чернецкій близко уже знайдовался звонтпивши, вступилъ въ городъ Монастирища, а до Хмелницкого скоробистрими коньми послалъ зъ вѣдомостю, же при Чернецкомъ много войска Полского обрѣтается. Якую вѣдомость Хмелницкій отъ Богуна получивши, и Орди часть певную къ себѣ прибылой уже имѣючи, рушилъ заразъ ку Монастирищамъ на сукурсъ Богуновѣ. А Чернецкій о Богуну провѣдавши, заразъ наступилъ и въ Монастирищахъ облеглъ его, до которихъ многократне штурми едного дня припускаючи, любо стратилъ войска своего на пять тысячъ, однакъ еще надеженъ будучи викторіи своей, и переночовавши, знову штурмъ валній припустилъ на городъ, и замокъ тамошній Монастирищскій запалилъ; въ якомъ тумултѣ и розруху Богунъ о цѣлости своей звонтпивши, въ самихъ димахъ пороховихъ и громахъ мушкетнихъ оставивши войско, віѣхалъ зъ Монастирищъ и ушелъ до Хмелницкого. Войско зась Богуново справное, при поосталихъ зъ нимъ началникахъ своихъ крѣпко зъ города Чернецкому опонуючися, еще жолнѣрства на полтори тисячи забило, и самого Чернецкого зъ луку въ лице крѣпко поразити нехибило. Въ тотъ власне часъ, кгди и штурмъ Чернецкого еще свое отправовалъ дѣло, зъ тилу войска его крѣпкая повста трвога и замѣшане, бо хтось закричалъ, же Хмельницкій зъ многимъ войскомъ и Ордою близко ку Монастирищамъ наступаетъ; чимъ войско Полское назбитъ престрашенное, не тилко штурмъ свой оста-

вило, але якъ опареное вози свои зо всѣми достатками и многими добычами, также зъ людми хорими и раними покинувши, отъ Монастирищъ назадъ ку Ковлю побѣгло, и за десять миль отъ Монастирищъ неслушную утѣчку, великую шкоду и встидъ свой увидѣло и познало: бо любо и простовалъ Хмелницкій въ войскомъ ку Монастирищамъ, однакъ былъ еще не близко, когда Ляхи зпужалися и здобичи свои въ здобичи Богуновцамъ Монастирицкимъ облеженцамъ зоставили.

РОЗДѢЛЪ II.

О безчестномъ Чернецкого зъ подъ Монастирищъ до Глинянъ поворотѣ, и о шемраню войсковомъ въ обозѣ Полскомъ; о сеймѣ Брестскомъ, и о прибытю Королевскомъ въ Глиняни, и о утоленiи войска; о третомъ Хмелницкого прошенiи Королевского прощенiя и правъ давнихъ Украинскихъ потверженiя, и отвѣтѣ Королевскомъ на тое; о скорбнихъ Хмелницкому авизiяхъ зъ соузъ Ракочого зъ Мултянами на Хмелницкого, и о изгнанiи чрезъ нихъ зъ Волохъ Господара, свата Хмелницкого, а то зъ похвалокъ Тимоша сина его; о возвращенiи Хмелниченковомъ знову на Господарство Волоское тестя своего, и о поражцѣ его Хмелниченка отъ Венгровъ; о боязни Ракочого отъ Хмелницкого; о союзѣ его зъ Поляками и о совѣтахъ на Хмелницкого и облѣгацiяхъ зъ войскомъ на Хмелницкогожъ; о уданюся Хмелницкого въ томъ до Порти, и о указѣ отъ Порти до Ракочого; о вонтпливости Лядской взглядомъ союзу зъ Ракочимъ; о виправѣ къ нему посла, и о разгромѣ подезду поселского чрезъ подездъ Хмелницкого.

Фортуна Чернецкого зъ початку въ подездѣ его ему послужившая и неменшую руину Украинѣ (якоже вишей рѣхомъ) нанесшая, гди вскорѣ фаворъ свой отмѣнила, и до безчестной зъ подъ Монастирищъ утѣчки принудила, тогда онъ раннiй зъ поосталимъ войскомъ не до Ковля, но до Глинянъ прибувши, засталъ уже енералнiй обозъ всего войска Королевского збѣраючiйся въ совокупленiе, въ которомъ то обозѣ абiе повстало отъ войска шемране

о заплату и корми. Прето въ Брестю Литовскомъ сеймъ назначено, на которомъ мѣли усовѣтовати, якимъ би способомъ войско задержати отъ розезду врознь; но на сеймъ тотъ мало хто зъ Поляковъ знужнѣлихъ поѣхалъ; а кгди потомъ Король самъ прибылъ до Глиняны въ обозъ, и ознаймилъ всему войску, же самъ своею особою предлежащую зъ Хмелницкимъ войну кончити хочетъ, тогда войско отъ шемраня и бунту утихло. Въ тимъ часѣ тудажъ подъ Глиняни въ третій разъ виправлени до Короля посланци отъ Хмелницкого зъ листомъ, въ которомъ онъ Хмелницкій, своимъ и всего войска Запорожскогоименемъ, просилъ Королевского милосердія и прощенія въ своемъ виступку, и аби Король на разореніе Украини неидучи зъ войсками своими, изволилъ ему Хмелниченку все щося стало пробачити; войско Запорожское при давнихъ волностехъ и свободахъ и порадокъ войсковій при Гетманахъ Козацкихъ непремѣно заховати; и вѣру благочестивую въ старожитномъ чину безъ жадного нарушеня утвердити. На той Хмелницкого листъ, мѣючи оній за облудній, якъ и первѣе его были листи, долго у Короля уважано якій учинити отвѣтъ; прійшло наконецъ до того, ижъ отписалъ Король до него, невѣрячи и ганячи ему килко-кротніе облудніе ласки Его Королевской прошенія и ассекураціи, по которымъ на обезпечоныхъ Гетмановъ Полскихъ многократне наводячи свои войска зъ Ордою, яко и на Батогу сталося, многіе зрадливіе коронѣ Полской починилъ шкоди, для чого и теперь ему и его желанію трудно вѣрити; еднакъ кгдиби далъ въ заставѣ сина, а зъ Татарми братерства изрекался, можетъ и въ томъ проступствѣ Его Королевское получити прощеніе. На якій отвѣтъ Королевскій еще Хмелницкій не намислился що почати, ажъ зъ сторони Ракочого князя Венгерского и Радула Господара Молтанского непомисльніи, а Полякомъ желаеміи, его Хмелницкого доходятъ авизіи, такъ, же они зъ собою пришедши въ со-

гласіе мислятъ зле о Хмелницкомъ; а то зъ тихъ мѣръ, ижъ Тимошъ Хмелниченко будучи въ Ясахъ на веселю, дался зъ такимъ чути словкомъ, что отецъ его Хмелницкій, яко владѣтелства Молтанского въ Порти Турецкой мѣлъ будто ему сину своему докупитися, такъ и въ Седмигродскую сторону, яже есть державп Венгерской, мѣлъ будто чрезъ него Тимоша страхъ свой распростерти. А замислъ тотъ свой, Хмелницкому противній, приводячи Ракочій вскутъ, намовилъ Логофета на Господаря Волоского а свата Хмелницкого, аби згналъ его зъ Господарства, и додалъ ему войска своего Венгерского; зъ которимъ Логофетъ въ землю Волоскую вшедши, вигналъ пречь зъ оной Господара, такъ, ижъ що зъ найлутшими вещами своими мусѣлъ уступити зъ землѣ Волоской до Камянца Подолского. Довѣдавшися о томъ Хмелницкій, виправилъ на помочъ въ дванадцяти тисячахъ добрихъ Козаковъ свату своему, Господару Волоскому, Тимоша сина своего зъ Богуномъ Полковникомъ, которій по отшествіи уже съ Ясъ Логофетвомъ туда прибувши, и президіумъ отъ Логофета въ нихъ зоставленое вирубавши, возвратилъ знову зъ Камянца въ Яси на Господарство Волоское изгнаного отъ толь Логофетомъ тестя своего. Таковимъ благополучіемъ онъ, Хмелниченко, уведшися и изъ Ясъ рушивши, а рѣку Серетъ пребринувши, пошолъ на Молтяни, которимъ на защитъ стояло въ певномъ скритомъ мѣстцу значное войско Ракочого Венгерское; тое теди Венгерское войско, скоро Хмелниченко преправилъ рѣку Тележину, нечаяно зъ мѣстцъ закритихъ на него крѣпко ударило, и такъ его поразило, же тамъ на пляцу врознь перхнувши, заледво зъ меншою частю оного собрался и до Чигрина прибылъ зъ Богуномъ. Потимъ Ракочій, разсмотрѣвшися а оразъ избоявшися, же Хмелницкого и Ординскимъ самъ невозможетъ устояти силамъ, удался до корони Полской, отложивши первую свою къ ней бывшую завзятость, просячи Короля

Яна Казѣмира о помощъ себѣ противъ Хмелницкого, и обѣцуючи ему взаемную отъ себе зъ Подунайцами, зъ Сербами и Мултянами противъ него-жъ Хмелницкого помочь, а именуючи войска своего Венгерского на тридцять тисячъ, и предлагаючи чрезъ посла своего, до Глинянъ ку Королевѣ прибылого, розніе на побѣжденіе Хмелницкого способи. Хмелницкій о такой непріязни ку себѣ Ракочого и Мултанской кгди далъ знати Портѣ, теди отъ оной зайшло ему Ракочому предложене и указъ, яко подданому ихъ, аби войни зъ Хмелницкимъ незачиналъ, и Господаревѣ старому Волоскому, свату Хмелницкого, аби далъ покой. Якого предложеня Турецкого Ракочій непослухавши, брался непремѣнно до союзу зъ Поляками на Хмелницкого. Поляки зась, неотправуючи помененого посла Ракочого, долго мислили якъ въ тимъ поступити, бо уважали едно тое, ижъ за Хмелницкимъ Турчинъ потягнетъ и помочи ему додати можетъ; другое тое, ижъ Ракочій предъ тимъ, въ небытности Короля въ Полщѣ по смерти Владиславовой, стараючися о корону, былъ въ согласіи зъ Хмелницкимъ на Поляковъ, якое согласіе аби и теперъ чрезъ зраду и фортель непроизошло въ якое шкодливое имъ Полякомъ дѣйствіе. На томъ еднакъ стало, ижъ Король склонившися до лиги зъ Ракочимъ, виправилъ отъ себе до него посла Ясколского, стражника войскового, для лучшой о всемъ намови; онъ теди Ясколскій зъ полкомъ своимъ ку Днѣстру зближаючися, виправилъ былъ на сторону зъ виборнѣйшимъ товариствомъ въ подездъ поручника своего, которій въ Илаенцахъ безпечне спочиваючій, зосталъ на голову розгромленъ чрезъ подездъ Хмелницкого.

РОЗДѢЛЪ III.

О скорбномъ и десперацкомъ Хмелницкого рушеню до Глинянъ на Короля; о тривозѣ отъ Хмелницкого въ Королевскомъ обозѣ чрезъ язика; о болзни Хмелницкого и отворотѣ отъ Тарнополя на Чорній Островъ за Днѣпръ, для примноженя войскъ; о виправѣ отъ Чорного Острова не отъ Хмелницкого будто, но отъ всего войска Козацкого до Короля Антона, полковника Кіевского, зъ прошеніемъ ласки и зъ удаванемъ Хмелницкого о его душевредномъ будто намѣреніи; о принятю посла того и отвѣтѣ тяжкомъ ему Гетманскомъ; о вимовѣ поселской до Гетмана, и о отпуску его отъ Гетмана до Козаковъ; о прибытю его зъ несмачнимъ поселствомъ къ Хмелницкому, и о ярости отъ толь Хмелницкого; о способáхъ Хмелницкого Полякомъ противнихъ, и о медіяціи Монарховъ на згоду зъ Поляками; о гонцу Великого Государа Московского до Короля зъ грамотою прикріи Королевѣ кондиціи въ себѣ имущою; о причинахъ мешкоти Королевской въ Глинянахъ, же не тяглъ на Украину; о удержаню гонца Московского; о розосланю зъ Переясловля унѣверсаловъ отъ Хмелницкого, стягаючи войско Козацкое ку себѣ; о лутшой надеждѣ Хмелницкого для собравшагося къ нему войска Козацкого и Татарского; о наступленіи Ракочого на свата Хмелницкого въ Волощину, и о даной ему помочи отъ Короля Полского; о рушеню Королеескомъ отъ Глинянъ ку Галичу; о войскахъ Московскихъ на граници Литовской, и о удержаню гонца Московского на граници Литовской же.

Гетманъ войска Запорожского Богданъ Хмелницкій зъ поражки отъ войска Ракочого сина своего и отмѣни фортуни своея скорбенъ будучи, и на непріятелей своихъ

на право и на лѣво, тоесть на Поляковъ, Венгровъ и Мултановъ поглядаючи, зобралъ войска охочого Козацкого до тридцяти тисячей, и зъ онимъ также и зъ частю певною Татаръ при себѣ бывшихъ, рушилъ просто ку Збаражу, взмѣраючи до самого Короля къ Глинянамъ. Около Збаража теди подездъ Лядскій, подъ войско Хмелницкого вторгнувши и язика певного взявши, принеслъ Королевѣ певную о Хмелницкомъ вѣдомость; другій зась подездъ, зъ нѣякимсь Пѣсочинскимъ, подъ Зборовомъ отъ Козаковъ и Орди огорненій увесь пропалъ, толко начальникъ оного Пѣсочинскій самъ ускробалъ и принеслъ въ Глинянахъ Королевѣ такую вѣдомость, же уже Хмелницкій отъ обозу Королевского заледво въ десяти миляхъ обрѣтается, чимъ войско застрашеное заразъ до арматъ, зброи и коней по указу Королевскомъ кинулось. Хмелницкій зась подъ Тарнополь прибувши, а зъ повѣсти языковъ Лядскихъ, подъ Зборовомъ взятихъ, о Королевской въ войску бытности и о войсковой на себе готовости извѣстившися, и Орди немогучи при себѣ удержати, цофнулся отъ Тарнополя зо всѣмъ войскомъ и обозомъ на Маначинъ и Чорній Островъ за Днѣпръ, для прибраняся къ себѣ войска болшого Козацкого и Ординского. Отъ Чорного тожъ Острова Хмелницкій, справивши суплѣку не отъ себе будто, но отъ всего войска Запорожского, послалъ зъ нею до Короля Антона, полковника Кіевского, просячи въ ней Королевского на себе милосердія и за виступки прощенія, и изволяючи лутше по прежнему быти подъ христіянскимъ монархомъ Королемъ Полскимъ, а нежели за Хмелницкимъ пойти, зъ нарушенемъ совѣсти и вѣри христіянскія, подъ вѣчное иго и неволю бѣсурманскую; поневажъ Хмелницкій въ Диванѣ Турецкомъ пріобѣцалъ Туркамъ нетилко зъ ними побрататися, але и побесурманитися, на чомъ для вислуханя присяги Хмелницкого и чаусъ уже отъ Порти присланъ, на що наши христіянскія сумленя

вздригаются и не соизволяютъ; а що въ суплѣцѣ виразилъ, тое и словесно приказалъ говорити послу помененому полковнику Кіевскому. Тотъ поселъ въ обозъ Королевскій прибывши, до самого Короля не былъ допущенъ, но до Гетмана, а Гетманъ коло рицерское созвавши, и суплѣки поданой вислухавши, такій учинилъ до посла отвѣтъ: ижъ не для Хмелницкаго а войска, Короля упроситъ и ласку его зъеднаетъ, если войско самого Хмелницкого пришлетъ въ руки Королевѣ, а при себѣ удержитъ чавуса, для вислуханя присяги Хмелницкого отъ Порти присланого; що где войско учинитъ, то и комисаровъ для учиненя зноснѣйшихъ себѣ трактатовъ оглядати будетъ; а поселъ оній, жеби зоставалъ въ закладѣ въ войску Королевскомъ, виправивши зъ таковимъ отвѣтомъ Гетманскимъ подлѣйшого кого отъ себе до войска Козацкого. Такій отвѣтъ срогій Гетманскій, любо иншое товариство мѣрковало аби змягчилъ оного, однакъ непремоглю оного Гетмана; а поселъ оній пречоній Козацкій, Антонъ, полковникъ Кіевскій, такой Гетманской мови вислухавши, доброго зась сердца и резолюціи будучи, такіе до Гетмана тамъ-же при всемъ товариства згромаженю викреклъ слова: «ясне велможній мосцѣ пане Гетманъ, если на томъ есть воля твоей велможности, абимъ я тутъ въ закладѣ при боку Королевского Величества зоставшися, чрезъ кого иного отвѣтъ твой послалъ до войска Козацкого, то я тому противитися не могу, тилко жъ доношу, же войско того учинку и отвѣту вашого будетъ малконтенто, и нетилко домишлятимется, же я уже не зостаю въ живихъ, ащеже и въ живыхъ есмъ, то въ крѣпкомъ знайдуюся вязеню; але и на болшую подвигнувшися ярость, до болшой можетъ завзятися войни, и взаемне вашихъ пословъ, если когда лучатся, такъ у себе задержатъ, якъ я тутъ при васъ удержанъ быти мѣю. Не въ закладѣ албо вѣмъ, но въ поселствѣ присланъ есмъ до Королѣвского Величества, и не чрезъ кого иного, но чрезъ себе самого и отвѣтъ

Королевского Величества и твоей велможности до пославшого мя войска принести есмъ долженъ; и ежели подлугъ давнего присловля людского — поселъ есть, якъ оселъ, носитъ тое, що на него зложено буваетъ, — то и я подобіемъ того зъ тимъ пріѣхалемъ тутъ до Королевского Величества, зъ чимъ мене послано, и зъ тимъ назадъ повернутися повиненъ есмъ, зъ чимъ мене отправлено будетъ; если тежъ подлугъ слова твоей велможности я тутъ надъ звичай давній и полѣтику зостану удержанъ, то малій зъ того въ войску нашомъ Козацкомъ станется ущербокъ, тилко великую уродитъ ярость и болшую на болшое кровопролитіе (якого уже цѣле не зичимъ) въ сердцахъ Козацкихъ воспалитъ завзятость.» Якой мови того посла Козацкого Гетманъ Полній коронній, зъ многимъ значнимъ товариствомъ, при томъ бывшомъ, вислухавши, перемѣнилъ заразъ тое свое о удержаніи посла намѣреніе, и самого его зъ вишписанимъ отвѣтомъ до войска Козацкого отправити изволилъ. Кгди теди повернулъ поселъ оній, полковникъ Кіевскій, до Хмелницкого и отдалъ ему поселство, ретелне о всемъ росказавши, тогда заразъ Хмелницкій, розярившися онимъ, послалъ скоро до Хана по Татаровъ и въ Сѣчь по Запорожци; а самъ началъ прилѣжно старатися о способъ, яковимъ би возмоглъ возбудити и подвигнути на ихъ, Поляковъ, Великого Государа Московского. Однакъ яко Его Величества, такъ и свата своего Господара Волоского упросилъ первѣе о медіяцію, чрезъ которую би безъ далшой войни и кровопролитія моглъ зъ Королемъ и Поляками на полезнихъ себѣ, всему войску Запорожскому и цѣлой Украинѣ Малоросійской пактахъ прійти до згоди.

Сталося теди по его, Хмелницкого, желанію, ижъ Великій Государь Московскій послалъ нарочного гонца своего въ обозъ до Короля, въ Глинянахъ еще обрѣтавшогося, предлагаючи високою грамотою своею Королевѣ: *а*, абы проступство и вину его отпустилъ и ни потомъ кривди

жадной ему не чинилъ. *б,* Аби Унѣю зъ православного народа Руского, во всей коронѣ Полской сущаго, знеслъ конечне; бо если би такъ несталось, то за тое сполне зъ Хмелницкимъ его Царское Величество унятися муситъ. *в,* Смоленскъ съ повѣтами тамошвими, чрезъ несправедливую прошлихъ лѣтъ войну, Владиславу отъ Царства Російского отторгненій, аби паки ему былъ отъ Поляковъ возвращенъ. *г,* Зъ тихъ пановъ шляхти короной, которіе титуловъ его Царскому Величеству достойнихъ невоздавали и доткливе писати дерзнули, аби непремѣно слушная была учинена справедливость.

Бо Король въ Глинянахъ долгое время бавился, едно для того, же комисія Лвовская о заплатѣ не могла скоро докончится, другое для того, же войско платное, заслугъ своихъ доискатися немогшое, нетилко Короля неслухало отъ Глинянъ тягнути на Украину, але изъ обозу по домахъ, нѣби отъ Хмелницкого упрошеное, безъ вѣдома старшихъ своихъ розездилося: заплати зась и денегъ трудно было весма тогда зъ народу посполитого винищеного и вконецъ розореного зобрати.

Помененому гонца Московского поселству удивился и изумѣлся Король зъ сенаторами, и не отправуючи того гонца, старался о доконечне пречоной Лвовской комисіи. Хмелницкій, зась до Переяславля прибывши, розославъ зъ него во всю Малую Росію такихъ своихъ шестьдесятъ и осмъ унѣверсаловъ:

Славного войска Низового и городового Запорожского и всея по обоихъ сторонахъ сущея Украини Малоросійскія Гетманъ, Зѣновій Богданъ Хмелницкій.

Вамъ всякого чина сущимъ, шляхетне урожонимъ, по обоихъ сторонахъ Днѣпра обрѣтающимся Малоросія-

нокъ, а особливе Козакамъ и святой братѣ нашой доброго отъ Пана Бога яко себѣ узичивши здоровя, симъ унѣверсаломъ ознаймуемъ: ижъ самимъ Вамъ всѣмъ яко съ прошлолѣтнихъ унѣверсаловъ нашихъ, такъ и изъ самого повелѣнія добре о томъ есть вѣдомо, же ми настоящую войну зъ Поляками, главними непріятелями Вашими и нашими, зачали не для якихъ власнихъ приватъ нашихъ, але для всѣхъ Васъ въ крайную руину и разореніе чрезъ Поляковъ нахиляемихъ и понуждаемихъ, зъ поврежденіемъ (що найгорше есть) благочестивія Грекорускія вѣри нашея; которую то войну многокровную и многоплачевную ведучи зъ ними Поляками се уже шестолѣтное время, любо нехотѣлисмо болшъ оной продолжати и кровъ человѣческую военимъ оружіемъ зъ обохъ сторонъ нещадно проливаемую зрѣти; на доводъ чого и пактами хочъ не велми намъ полезними, снисходя ихъ Лядскимъ неситимъ желаніямъ, первѣе Зборовскими, потомъ Бѣлоцерковскими, войну оную былисмо заключили и успокоили, хотячи въ обохъ сторонахъ, Полской и Малоросійской, постанулихъ въ нихъ чрезъ военое дѣйствіе руинахъ и запустѣніяхъ видѣти благополучное обновленіе; однакъ за ихъ непогамованимъ упоромъ и жестокосердіемъ немоглисмося того удостоити; поневажъ они вѣроломци Поляки, нехотящіе мира и покою, яко перво Зборовскіе, такъ потомъ и Бѣлоцерковскіе пакта сами власне нарушили и зкасовали; починивши на Украинѣ незносніе Вамъ Малоросіяномъ своими консистенціями бѣди и разоренія и многіе, яко то въ року прошломъ 1652, вирубанемъ до щенту въ полку Миргородскомъ двохъ селъ, Рябухъ и Липового, учинили кровопролитія, такожде и на инщихъ многихъ мѣстцахъ; що подробну сказивати и виписивати нестаетъ намъ столко времени. Тогожъ предписаного лѣта они заздростливіи добру людскому Поляки, невѣдомо для чого, а знать нарочно Бѣлоцерковскіе касуючи пакта, съ такою противко насъ яви-

лися были непріязнію, же многочисленними на Батогу ставши войсками своими, нетилко хотѣли возбранити сватства намъ зъ Господаремъ Волоскимъ, але и сина нашого до Волохъ на веселе ѣдучого, зъ приданою ему отъ насъ ассистенціею, хотѣли розгромити и поразити; и же смо тому промисломъ нашимъ военнимъ виполнитися недопустили, за тое барзѣй теперь на насъ уражаются, и на отмщеніе и всѣхъ Васъ побѣжденіе прибѣраются и поощраются; бинаймнѣй многократнихъ посолствъ и желаній нашихъ, ку укончению безъ кровопролитія войни настоящой заношенихъ, неслухаючи, и неудобнѣе а сторонѣ нашой шкодливіе до учиненя покою кондиціи затѣваючи; а надъ то и посторонихъ себѣ въ помоцъ пановъ, яко то Венгровъ и Мултяновъ на побѣду нашу привлекаючи. Чому ми запобѣгти хотячи, любо зъ малою частю войска нашого Козацкого и Ординского рушилисмо были ку Глинянамъ на Поляковъ; однакъ подъ Тарнополемъ чрезъ языковъ пойманихъ извѣстившися, же нетилко войска Лядского въ Глинянахъ множество собралося, але и самъ Королевское Величество въ немъ знайдуется, мусѣлисмо отъ Тарнополя назадъ цофнутися; а тутъ до Переяславля прибывши, обсилаемъ Васъ заразъ симъ универсаломъ нашимъ, чрезъ которій мѣти хощемъ и пилно жадаемъ, абисте Вашъ Мость братя наша, по вислуханю оного заразъ а заразъ безъ найменшого откладу, всѣ настоящіе господарскіе дѣла и жнива оставивши, зъ добримъ риштункомъ военимъ къ намъ въ совокупленіе войсковое до Чегрина прибували, и зъ нами сполне противъ главнихъ непріятелей своихъ Поляковъ, на защитъ вѣри своея благочестивія Кгрекорускія, и на оборону погибающой и упадающой отчизни своей Малоросійской ставали, и за оную на хвалебномъ пляцу военомъ умѣрати и страдалческій отъ десници Вишняго, при своей истинѣ и оборонѣ, вѣнецъ пріяти не отрицалися. Того зась бинаймнѣй Вашъ Мость братя наша не бойтеся,

же опи Поляки маючи множество зъ посполитого рушеня въ войску своемъ халастри и пріобрѣли еще собѣ въ союзъ и преречонихъ народовъ Венгерскихъ и Мултянскихъ; поневажъ и ми при мужественихъ сердцахъ Вашихъ мѣемъ добрихъ помощниковъ, яко теперь сина Ханскаго зъ значнимъ числомъ Ордъ Кримскихъ, такъ заразъ сподѣваемся ку себѣ зъ множайшими Ордами и самого велможнѣйшого Хана его милости Кримского; а надъ то и отъ наяснѣйшой Порти Турецкой естесми упевнени, вскорѣ къ намъ на помочъ прибыти мѣючими значними войсками ихъ Кримскими, Подунайскими и Силистрійскими; зъ которими совокупившися, надѣемся при всемогущей помощи Божественной помененихъ непріятелей нашихъ Поляковъ, зъ ихъ некрѣпкими и ненадежними союзниками, отъ разоренія отчизни нашой Малоросійской запинити, отвратити и въ ихъ глухоаспидскія, закона Божія слишати и кровопролитія человѣческого престати нехотящія страни прогнавши, погибшую древнихъ волностей нашихъ драхму обрѣсти, и изъ обрѣтенія оной помислнимъ веселіемъ сердца наша уконтентовати. А если Вашъ Мость братя наша легце у себе сіе предложене и желаніе наше поставите, и для настоящихъ жнивъ прибыти къ намъ до обозу неизволите, то вѣдайте, ижъ за побѣжденіемъ насъ, абіе и Васъ побѣдятъ врази Ваши, и труди Ваши жнивніе имъ въ користь пріидутъ; Ви же въ гладѣ и тѣснотѣ горкою неволничою смертію, зъ поврежденіемъ православнія совѣсти своея, въ схизматической погибелной тонѣ погрязнувше, всебѣдственѣ жизни своея лишитися и безчестно въ персть вселитися принуждени будете; чого незичимъ, а зичимъ упрейме Васъ здоровихъ и радостнихъ вскорѣ въ собраніи войсковомъ при боку нашомъ оглядати, и зъ Вами сполне противъ непріятелей своихъ преречонихъ мужествено и небоязнено за вѣру и отчизну застановитися. Данъ въ Переяславлѣ августа 13, року 1653.

За которихъ унѣверсаловъ розосланемъ въ недель три прибралося до Чегрина къ Хмелницкому войска Козацкого городового зъ обохъ сторонъ Днѣпра на пятдесятъ тисячъ, и Запорожцовъ девять тисячъ; также и изъ Криму значное Ординское зъ старшимъ Ханскимъ синомъ войско прибыло, которое Хмелницкій увидѣвши, былъ лутшой фантазіи и надѣи ко военому промислу.

Ракочій зась, тимъ часомъ непослухавши предложеня Отоманского, наступилъ зъ войскомъ своимъ Венгерскимъ и Мултанскимъ на Господара Волоского, свата Хмелницкого, хотячи его паки изгнати зъ панства Волоского; не могучи самъ що ему порадити, просилъ отъ Короля Полского себѣ на тое помощи. Въ якомъ часѣ когда Ясколскій, стражникъ войсковій, повернулся зъ поселства отъ Ракочого до Короля подъ Глиняни, и принеслъ ему певную вѣдомость о утверждѣномъ зъ Ракочимъ союзѣ, тогда Король на прошеніе Ракочого въ помочъ на свата Хмелницкого, Господара Волоского, заразъ зъ Кондрадскимъ и Клодѣнскимъ виправилъ виборной кварцѣялной пять тисячь кавалеріи; а самъ Король отъ Глинянъ зо всѣмъ войскомъ коронимъ рушилъ просто ку Галичу, взмѣраючи на Хмелницкого и Украину. Въ томъ походѣ принесена ему зъ Литви вѣдомость, же Москва, чрезъ долгое время повороту гонца своего отъ Короля не видячи, и о цѣлости его повонтпиваючи, станула силними войсками на границахъ Литовскихъ; Король тежъ любо гонца оного при рушаню своемъ отъ Глинянъ зовсѣмъ отправилъ, однакъ за нимъ въ тропи послалъ Королевскій листъ свой до граници Литовской, даби его тамъ задержано по толь, по коль би зъ Хмелницкимъ военная неучинилась росправа.

РОЗДѢЛЪ IV.

О тѣснотѣ Господару Волоскому отъ Венгровъ и Мултанъ; о даной ему отъ Хмельницкого чрезъ сина помочи, и о замкнувшомся сину въ Сочавѣ; о перешкодѣ Полской Хмелницкому отъ даваня помощи свату; о новомизшленомъ Хмелницкого предложеню Портѣ на Ракочого зъ союзниками, и о войскахъ отъ Порти къ Хмелницкому быти мѣвшихъ; о умедленой помочи Хмелницкого Сочавскимъ облеженцамъ, и о смерти въ Сочавѣ сина его; о несогласіи войска Козацкого въ Сочавѣ по смерти Хмелниченковой, и о резолюціи Господаревой; о рушеню Поляковъ отъ Гусятина ку Камянцу; о резолюціи тамъ Королевской на Сочаву, и о рушеню его зъ подъ Камянца до Жванца; о посланомъ зъ подъ Жванца до облеженцовъ Сочавскихъ; о поданю отъ нихъ Полякамъ Сочави и зъ принятемъ кондицій къ нимъ отъ Короля присланихъ; о отданю Сочави новому Господару; о благодарствіи его за тое Королевѣ, зъ подарунками и облегаціею до услугъ зъ войскомъ; о нечаяніи Королевскомъ повстаня Хмелницкого: о намѣреніи ити въ Украину и кончити войну въ ней; о боязни у Поляковъ и перемѣнѣ того намѣренія, и окопанюся подъ Жванцемъ; о замѣшканю подъ Жванцемъ Королевскомъ; о шемраню тамъ войсковомъ и о успокоеню его; о Хану и Хмелницкомъ вѣдомость у Поляковъ, же притягнулъ къ Шаргороду, и о тривозѣ отъ толь; о вѣдомости у Короля взглядомъ Ханскихъ посланихъ до союзниковъ Полскихъ; о намѣреніи и зближанюся Ханскомъ и Козацкомъ ку Жванцу на Поляковъ; о явномъ роптаніи войсковомъ на Короля, и о утѣканю зъ обозу до домовъ своихъ, тамъ же и о войскахъ союзнихъ; о радахъ Королевскихъ зъ

войскомъ що далѣй чинити и якъ поступити въ тѣснотѣ своей; о Хану подъ Гусятиномъ; о роспущеню чатъ отъ него, и о заступленю всѣхъ пасовъ Полякамъ до дому; о подездѣ Королевскомъ подъ Хана и о пропажѣ его; о намѣренiи Ханскомъ зъ Хмелницкимъ на обози Полскiе; о умаленюся войска Полского; о крайнемъ его бѣдствiи и жизни своея отчаянiи, и о постановленю у Поляковъ кончити войну тую безъ кровопролитiя чрезъ трактатъ.

Хмелницкiй, чуючи о тѣснотѣ свату своему отъ Ракочого и о женѣ его зъ скарбами до Сочави отъ Ясъ уѣхавшой, помкнулся зъ войсками ку Подолю, септеврiя числъ первихъ, и виправилъ отъ толь на отсѣчъ Господаровѣ Тимоша сина своего, зъ Козаками въ дванадцяти тисячахъ; которiй немогучи уже за войсками непрiятелскими пробратися до Ясъ въ помочь тестевѣ, остоялся и замкнулся въ Сочавѣ зъ тещею. Король Полскiй о томъ заслишавши, и далшiе Хмелницкого до Волохъ сватовѣ посилки хотячи пресѣкти, рушилъ ку Гусятиновѣ и далѣй. А Хмелницкiй, новiй ку пожитку своему и ку оборонѣ свата своего Господара Волоского и сина своего жъ, въ Сочавскомъ облеженю сущаго винайшовши способъ, послалъ до Порти, ознаймуючи ижъ Ракочiй зколлѣговавшися зъ Поляки, нетилко Господара старого Волоского зъ Господарства згонитъ, а нового поставляетъ, и жену Господарскую въ Сочавѣ зъ скарбами запершуюся штурмомъ добуваетъ; але и самъ хощетъ зъ подъ власти Турецкой и отъ звиклой дани вибитися; а потомъ, пришедши въ согласiе зъ Римскимъ Цесаремъ и Венетами, жеби неучинилъ и самой Портѣ яковой трвоги и турбацiи; для чого слушнебъ (предлагалъ Хмелницкiй) Вейзеровѣ Великому за часу занобѣгти, и Ракочого войсками своими въ томъ поскромити, пославши къ нему Хмелницкому въ совокупленiе оних. Якое предложене Хмелницкого яко пришло Портѣ до вподобаня, такъ заразъ

оная чрезъ Великого Вейзера своего виправуетъ ку Хмелницкому въ помочъ на Ракочого и Поляковъ Емѣра Солтанского, зъ войскомъ Румелскимъ и Ординскимъ и изъ Башею Силистрійскимъ. Которіе войска нѣмъ могли прійти Хмелницкому въ совокупленіе, тимъ часомъ Хмелницкій на отсѣчъ Сочавѣ и въ ней сину своему Тимошевѣ съ тещею, Господаровою Волоскою будучому, поволѣ идучи, а на Хана зъ Ордами къ себѣ быти мѣючого озираючися, допустилъ облеженцамъ Сочавскимъ въ такую отъ войскъ Лядскихъ и Венгерскихъ прійти тѣсноту, же нетилко коней но и води отстрадати и въ крайное бѣдствіе прійти мусѣли. Сватъ зась Хмелницкого Господарь Волоскій, наступившимъ на него силно непріятелемъ Венграмъ и Мултаномъ, немогучи болшъ оппоноватися и помочи Хмелницкого отчаявшися, уступилъ тайно зъ дворнею своею зъ Ясъ и ушолъ въ Кримъ до Хана подъ протекцію. А надъ то найболшая тамъ въ Сочавѣ Хмелницкого поткала шкода, кгди сина его Тимоша, по валахъ замковихъ Сочавскихъ помежъ арматами замковими ходившого, штука колеса арматнаго, кулею зъ Полскихъ шанцовъ и арматъ вистрѣленою отломаная, силнимъ импетомъ въ ногу поразила, и тимъ ударомъ тамъ же въ Сочавѣ о смерть скорую приправила. По смерти зась Хмелниченковой стануло въ Сочавѣ межи войскомъ Козацкимъ несогласіе и замѣшане: едни изволяли отдати замокъ и поклонитися Королевѣ, а другіе умрѣти тамъ, нежели такъ учинити желали; бо чрезъ килко недель въ Сочавскомъ облеженю будучи, отпоръ Полякамъ и Венграмъ чинячи, а до килконадцяти тисячъ ихъ забивши и зѣло тимъ раздраживши, не смѣли поддатися Полякамъ, да не сами взаемъ въ рукахъ ихъ зостаючи тиранско збіени будутъ; звлаща когда ихъ отъ двадцятотисячной лѣчби заледво осмъ тисячъ зосталося. Къ тому Господарова Волоская мужественнимъ сердцемъ отъ того поданяся ихъ Козаковъ запинила и удержала, маючи у

себе певную о самомъ Хмелницкомъ вѣдомость и надѣю, же уже зъ многими войсками прійшолъ до Умани и поспѣшаетъ на отсѣчъ къ Волохамъ въ Сочавѣ. Що когда и Королевѣ о Хмелницкомъ донеслося, тогда онъ зъ подъ Гусятина рушилъ заразъ зо всѣмъ войскомъ ку Камянцу Подолскому, где ставувши, совѣтовалъ зъ вождами войсковими на якихъ би мѣстцахъ Хмелницкого ку Волохамъ, къ Сочавѣ простуючого прилично перенятп и встрентъ учинити; гдѣ любо постановилъ былъ отъ Камянца рушити ку Браславлю, однакъ тое премѣнивши, постановилъ отъ Волощини не отдалятися, и войскъ коронних Ракочому на Волохъ даннихъ въ небезпеченство не покидати; рушилъ еднакъ Король отъ Камянца ку Жванцу, октоврія числъ первихъ; а до вождовъ своихъ подъ Сочаву послалъ ординанцъ, аби для зближаняся Хмелницкого къ Волохамъ, тимъ барзѣй старалися нещадячи и головъ своихъ достати Сочаву. Потимъ вскорѣ Король зъ подъ Жванца послалъ Маховского до Козаковъ, до облеженцовъ Сочавскихъ, зъ такимъ словомъ и упевненемъ, аби безъ вонтпленя жадного и болшого кровопролитія въ надѣю ласки Королевской поддали ему замокъ Сочавскій. На що облеженци помененіе склонившися, отдали замокъ Полякамъ его добывавшимъ, такіе Королевскіе чрезъ Маховского имъ присланіе принявши кондиціи: а) же присягу Королевѣ на вѣрность виконати и впредь на него рукъ своихъ не подносити мѣютъ. б) Въ земляхъ обоихъ Молдавскихъ що колвекъ знайдется Тимошовихъ Хмелниченковихъ достатковъ, тіи всѣ аби безъ утаенія были ознаймлени, и пойдутъ на разнихъ войсковихъ офѣцеровъ. г) Господара старого жаднихъ спрятовъ и скарбовъ займано небудетъ, и Господаровой зъ еднимъ ея синомъ, со всею дворнею, дается воля, и зо всѣми богатстви и скарбами зъ Сочави війти и где хотѣти жити. д) Козаки облеженци армати и корогви отдавши, мѣютъ зъ Сочави війти, со всѣмъ тимъ що есть при нихъ,

десять тилко въ Сочавѣ при Господаровой зоставивши; въ обозъ зась Полскій подъ Сочавою бывшій вшедши, при вшелякой покорѣ и унѣжоности, повинни виконати присягу ретелне, едностайне зъ началникомъ и полковникомъ своимъ Федоренкомъ, поднесши въ гору палци. Замокъ Сочавскій Стефану Логофету, новому Господару Волоскому уступленъ, которій, благодарствуючи Королевѣ Полскому за помощъ въ добытю оного, обослалъ его виномъ, медомъ и стома дородними яловицами, и офѣровался ему зъ войскомъ своимъ на всякую услугу быти готовимъ. Войска тежъ Румелскіе и Силистрійскіе, въ помочъ Хмелницкому тягнувшіи, заслишавши о Господару старомъ зъ Волохъ утекшюмъ и о взятю Сочави, повернулися назадъ, вхибивши своей Хмелницкому пріязни.

А Король собѣ самому Сочавскую приписуючи викторію, нѣгдися того несподѣвалъ, жеби Хмелницкій недавій сину своему въ облеженю Сочавскомъ помочи, моглъ когда колвекъ противъ ему ополчитися; и такъ на добрій ку войнѣ здобывшися анѣмушъ, маючи при собѣ значное число войска Ракочого Венгерского и Полского новоприбылого и прибываючого, намѣрилъ просто ити зъ подъ Жванца внутрь Украини, доконивати Хмелницкого и кончити войну зъ Козаками. Лечъ тому Королевскому намѣренію внезапное пришло премѣненіе, когда не оподаль его войска около Бару дался слишати ложно (бо то тилко една чата была Орди) Ханъ зъ Кримскими, Нагайскими и Кизилбашскими многими Ордами, и видѣти о милю отъ обозу Королевского, въ загорненю цѣлой хоронгви Полской, за харчу зъ обозу безпечне віехавшой; зъ якихъ мѣръ абіе въ обозѣ Полскомъ нечаяній уродился страхъ и ужасъ. Виведеное зась зъ обозу въ шикахъ войско три днѣ неисходно стояло, а нѣчого не дождавшися въ обозъ повернули, и недоконченіе около обозу окопи и вали докончивати и укрѣпляти тамъ же подъ Жванцемъ прилѣжно

старалося. Подезди Лядскіе ни Татарского, ни Козацкого жадного язика въ то время не могли получити; тилко една чата Татарская, въ шести стахъ коней на Волинѣ здобывшаяся, веселимъ сердцемъ нѣби жартуючи, подъ самій обозъ Королевскій вторгнула, и оній крѣпко спужавши замкнутися принудила. Король тими вѣдомостми застрашеній, положилъ стояти неподвижне тамъ подъ Жванцемъ, нимъ тіе вѣдомости или віявятся или утихнутъ; где когда недель зкилко пробавилъ, тогда въ войску Нѣмецкомъ, Венгерскомъ и Полскомъ вщалося шемране, же голодни и холодни (бо уже часъ былъ осѣній, ноеврія числа первія), а даромъ въ полю и окопахъ гинутъ; якихъ Король зъ своеї мусѣлъ кормити шкатули, дожидаючися неподвижне на мѣстцу своемъ певніе о непріятелехъ вѣдомости. Которая тамже и дойшла, же певне и неомилне (а не якъ подъ Баромъ) Ханъ зъ многочисленими Ордами и Козаками притягнулъ до Шаргорода; зъ якой вѣдомости знову въ войску Полскомъ уродился страхъ Пилявскій, Вѣницкій, Збаражскій и Зборовскій; еднакъ посланіе подезди привели язиковъ Татарскихъ, зъ которихъ Король таку получилъ вѣдомость, же Ханъ отъ союзу Полского отвернути Господаровъ Волоского нового, Мултанского и Ракочого послалъ къ нимъ зъ писмомъ на тихъ дняхъ гонцовъ своихъ; що и потвердилося на другій день истотне, кгди Татаринъ, до Ракочого отъ Хана посланій, приведенъ зъ писмами въ обозъ до Короля; въ якихъ писмахъ витломачено тое, ижъ Ханъ потребовалъ отъ Ракочого аби первѣе отступилъ отъ Поляковъ союзу; повторе, яко есть причиною и поводомъ до вигнаня зъ Волохъ и засланя въ Кримъ Господара старого а до постановленя нового, такъ аби Хановѣ прислалъ дари и упоминки; а если того не учинитъ, то за кривду Господара старого, певне и самъ онъ Ракочій неуйдетъ отъ него Хана кривди и руини своей державѣ. Ханъ тежъ увесь часъ

немалій, зъ Хмелницкимъ по надъ Днѣпромъ и по инших Украинскихъ мѣстцахъ бавячися, прибѣрался зъ войскомъ для наставшой тогда осени и наступовавшой зими въ добріе кожухи; потимъ подъ Шаргородомъ неомилно уже прослинувшися, сталъ до обозу Королевского приближатися, хотячи его зо всѣхъ сторонъ облегти, и въ тотъ часъ на обозъ силно наступити. Що Поляки постерегши, стали явне шемрати и на Короля нарѣкати, же прошлую зиму, весну, лѣто и настоящую осень до послѣднихъ числъ ноеврія въ окопахъ, згинене войсковое знаменующихъ, цѣлости своей неслушну покладаетъ надежду; бездѣлно даремними стративишись лежами, теперь у холоди и голоди вшедши, хочетъ воеватись. При якихъ шемраняхъ начаша многіе Поляки, нетилко радовіи, но и знаменитіи, упорне и безъ оповѣдне съ подъ своихъ хоронгвей и отъ боку Королевского въ доми отездити; къ тому Венгри и Волохи, тожъ на все знужнѣліи, начаша Короля о отпускъ свой просити. Въ такихъ состояніяхъ и бѣдствахъ, Король безпрестане що би чинити и якъ поступити въ колѣ рицерскомъ заживаетъ ради; где едни радили въ тамошномъ до оборони пристойномъ подъ Жванцемъ неподвижне стояти мѣстцу, ждати къ себѣ Ханского и Хмелницкого наступленія; другіе мовили ити Хановѣ просто въ очи, и сквозѣ Орди пробиватися до домовъ своихъ въ Полщу; третіе совѣтовали на Покуте удатися до Полски, и обминути войска непріятелскіе; четвертіе желали для лутшого покою своего спробовати о договорѣ трактата зъ Ханомъ. Подъ часъ яковихъ повернулся подездъ Лядскій до обозу, и принеслъ Королевѣ таку вѣдомость, же уже Ханъ зо всѣми войсками станулъ кошемъ подъ Гусятиномъ, а роспустивши отъ толь ку Лвову и далѣй густіи свои чати, всѣ шляхи и паси Полякамъ до Полски позаступовивалъ. Еднакъ неимѣючи Король жадной певности о намѣреніи Ханскомъ, якъ поступити и куда удатися восхощетъ, виправилъ для

язика значній подездъ свой подъ Хана; которій любо взялъ былъ язика крадкома, однакъ и самъ близко обозу уже своего зосталъ Ордѣ языкомъ, будучи розгромленій и на голову зовсѣмъ пораженій, тилко началникъ того подъезду моцно раненій ускробалъ до обозу. Хмелницкій зась все тое время молчалъ, и здавалося нѣби зъ Ханомъ и не было его; понеже зъ Ханомъ вся была у Поляковъ кореспонденція, и дѣялося тое подъ Жванцемъ, не далеко отъ Камянца Подолского. Королевское въ окопахъ замкненеся первихъ числъ мѣсяца уже декамврія. Въ тимъ часѣ Ханъ зъ Хмелницкимъ порадившися, постановилъ непремѣнно валное учинити на войска Лядскіе наступленіе, вѣдаючи запевне зъ языковъ, ижъ личба ихъ отъ личби лѣтной осмодесятотисячной далеко уменшилася: зъ холоду и голоду едни вимерли, другіе пречь зъ обозу поутѣкали, а и оставшіися въ обозѣ такъ знужнѣліи, що тилко живи и вѣтромъ валяеми; якожъ зъ пятнадцяти тисячъ пѣхоти, лѣтомъ бывшой, заледво чтири тисячи тогда уже зоставало, и то бѣднои, изнужнѣлои, и яко вишей написалось, подобнѣ тростію вѣтромъ валаемои и отнюдь дѣйствовати мало що могущои. О чомъ Поляки провѣдавши, и въ крайное жизни своея отчаяніе впадши, непремѣнно постановили войну тогдашную скончити чрезъ трактатъ; для чого видячи уже войско Татарское и Козацкое въ коло ихъ обходящое, и сами въ шикахъ вишедши зъ обозу до битви; подослали толмача своего подъ войско Ординское, взиваючи Хана зъ собою до згоди и трактату.

РОЗДѢЛЪ V.

О зношенюся Полскомъ и Ординскомъ чрезъ толмачовъ, взглядомъ покою чрезъ трактатъ; о досажденіи Ханскомъ Полякомъ, и о знесеню ихъ оного; о даннихъ закладахъ зъ обохъ сторонъ, Полской и Ординской; о засланнихъ комисарахъ подъ Камянецъ для чиненя трактату; о прикрихъ Ханскихъ Полякомъ кондиціяхъ; о вонтпливости покою и цѣлости комисаровъ Полскихъ; о виправѣ отъ Короля войскъ подъ Камянецъ, на видвигнене зъ небезпеченства комисаровъ своихъ; о посланю къ нимъ червонихъ на ублагане комисаровъ Ханскихъ, и о умокненю окоповъ обозовихъ; о ублаганю комисаровъ Ханскихъ, и о уменшеню чрезъ нихъ запросовъ его; о заключеніи тамъ подъ Камянцемъ и Жванцемъ покою, зъ захованемъ въ ненарушимой цѣлости и полности при Козакахъ пактовъ Зборовскихъ; и о тяжкомъ жалю у Поляковъ для того непомислного имъ трактату Жванецкого.

Кгди теди полуденное тогди настояло уже время, и когда толмачъ, отъ Поляковъ посланій, приведенъ предъ начальниковъ Ординскихъ и сказалъ желанія и склонность пановъ своихъ Полскихъ до покою, тогда заразъ посланъ толмачъ отъ Шеферъ Кази Аги, канцилера Ханского, зъ такою вимовою и картою до Поляковъ, же неславно и безчестно тое Королевѣ Полскому и пану валечному, ижъ отъ худой и голой Орди окопался и замкнулся обозомъ въ ледаякихъ валахъ земляних, хотячи подобно въ нихъ и зимовати; того бинамнѣй неуважаючи, що въ тихъ окопахъ зъ войскомъ будетъ ясти, и чимъ огрѣватимется, зими

близко уже наступающой, когда ми зъ Козаками вкругъ его обозъ облегши и за чверть милѣ зъ него віехати никому не допустимъ, а ни зъ Полщи къ нему прибыти кому дозволимъ; аби теди Король, вишедши зъ тихъ своихъ окоповъ, албо ставилъ поле рицерское Хановѣ, албо чрезъ трактатъ пришелъ зъ нимъ до згоди. Якое поношеніе любо жалостно и встидно отъ Хана Полякомъ терпѣти приходило, однакъ зъ такимъ толмача оного канцлерского (будто еще доброй нетратячи фантазіи) отправили отвѣтомъ, ижъ до бою и до покою суть готови. Потимъ въ незабавѣ посланъ знову отъ помененого Ханского канцилера до Поляковъ толмачъ зъ такимъ словомъ, же если Поляки зъ Ханомъ желаютъ мира, то аби назначили мѣстце, где зъ обохъ сторонъ для разговору о томъ мѣютъ зъехатися люде, и вибрали персонъ до Хана въ закладѣ; въ чомъ любо Поляки вонтпили, однакъ зъ тимъ же толмачомъ канцлерскимъ послали были отъ себе до Хана нѣякогось Вонейловича, сказавши чрезъ него, ижъ и мѣстце до зъезду назначити и закладъ до Хана прислати суть готови, если и отъ Хана взаемній закладъ до Поляковъ присланъ будетъ. Въ дорозѣ прето Орда сваволная Войнеловича оного зъ толмачомъ Ханскимъ розгромила, и назадъ въ обозъ Лядскій завернула, а толмачъ тотъ Шеферовъ прибувши до Хана, донеслъ ему о своемъ зъ Полскимъ посланикомъ чрезъ Орду розгромѣ, и же Поляки мѣютъ прислати до Хана отъ себе закладъ, и виправити комисаровъ для постановленя трактату. Що Ханъ услишавши, виправилъ заразъ отъ себе едного значного мурзу въ закладъ до Короля, за которого прибытемъ заразъ присланъ и до Хана отъ Короля въ закладъ староста Яворовскій.

Декаврія зась четвертого, скоро слонце златозрителніе свои по вселеной распростерло лучи, віехали подъ Камянецъ на назначеное мѣстце зъ обохъ сторонъ комисари для чиненя трактату: а имено, зъ Ханской сторони Кази Ага,

Газнадеръ, и преднѣйшіи беговѣ, Карачь мурза съ Сегинемъ; а зъ сторони Полской отъ Короля тіи были коммисари—канцлѣръ коронній, Любимирскій маршалокъ, Гетманъ Полній, воевода Рускій, каштелянъ Сендомирскій, Вѣницкій и Калускій, значнѣйшіе старостове. Зъехавшися зась и вдячне привитавшися, предложени Поляком зъ сторони Ханской сіи пункта и желанія: *Первое* — аби за чтири лѣта упоминки Хану отъ Короля недаванія были отдани, то и покой будетъ твердій. *Второе* — аби чтирохъ персонъ зъ сенату Полского было въ Криму въ заставѣ, для лутшого вѣроятія на невзрушане зъ сторони Полской постановляемого трактату и покою. *Третое* — за трудъ Ханскій и кошти войнѣ сей ложеніе нагредилъ Ханъ и Орди ясиромъ Полскимъ. *Четвертое* — пакта Зборовскіе аби при Козакахъ безъ жадного нарушеня и уменшеня вѣчне были захована, жадной впередъ нѣкгда не взновляючи и не винаходячи причини ку отмѣнѣ и уменшеню, албо зкасованю онихъ. Якихъ Ханскихъ пропозицій и желаній Полскіи комисари вислухавши, зѣло оними были уражени и оскорблени, и терзашася тайно внутрностями своими; еднакъ въ той скорби погамовавшися и лагодне зъ комисарами Ханскими заховавшися, послали до Короля вѣденіе Ханскихъ желаній, и просячи о ратунокъ себе; бо если трактатъ не заключится, то и они цѣлости своей немогутъ быти надеждни отъ войскъ Ординскихъ въ коло ихъ обшедшихъ, и отъ обозу Полского шляхъ имъ заступившихъ. Якую вѣдомость Король отъ комисаровъ принявши, и о покою быти мѣвшомъ звонтпивши, а ероръ свой зъ виправи на тую комисію знаменитихъ особъ своихъ увидѣвши, заразъ, по совѣту кола своего рицерского, виправилъ на видвигнене своихъ комисаръ зъ небезпеченства войска часть певную, и при ней чрезъ певного особу своего, на ублагане комисаровъ Ханскихъ, пославши до рукъ своихъ комисаровъ пять тисячъ червонихъ золотихъ; а въ

обозѣ приказалъ вали умоцняти и войску всему до битви въ поготовости зоставати. Тіи прето комисари Полскіи, принявши червоніи отъ Короля посланіи, и наполнивши ими руки комисаровъ Ханскихъ, къ тому удатними и лагодними словами своими, привели ихъ до уменшеня запросовъ Ханскихъ; такъ, ижъ престалъ Ханъ на меншой заставѣ и подарункахъ отъ Короля быти мѣючихъ, и ясиръ Полскій за певную сумму назадъ отпустити обѣцалъ, по предложеню накуплениxъ отъ Поляковъ комисаровъ своихъ; але о тое стоитъ сполне зъ Козаками и стояти хочетъ хочъ и до умору, жеби пакта Зборовскіе при Козакахъ были въ цѣлости безъ найменшого ущербку захованi, а еслиби немогло такъ быть, то и покой статися неможетъ. О чомъ гди и комисари Полскіи донесли Королевѣ, теди такій отъ него одержали отвѣтъ, жеби якъ мога покою дотирали и оній кончили, жадниxъ новихъ пунктовъ непишучи; аби при ненарушониxъ перших пактахъ Зборовскихъ зостали, но аби на ониxъ не поприсягали. Якій ординанцъ до комисаровъ отправивши, виправилъ заразъ Король до Хана и въ закладъ людей своихъ — Лянцкоронского воеводича Руского, и Олеского. А комисари Полскіи зъ комисарами Ханскими вишменений покой Жванецкій заключивши, и пакта Зборовскіе безъ найменшого ущербку при Козакахъ въ цѣлости потвердивши, гди прибыли въ обозъ до Короля, тогди отъ многихъ шляхтичовъ зъ жалемъ великимъ такіе помежъ войскомъ Полскимъ проносилися слова, же непомислне имъ тотъ Жванецкій заключенъ трактатъ; поневажъ малъ не позволено Хмелницкому по самую Вислу Украинской граници, еднакъ ижъ тое учинено для крайней нужди, защищаючи тимъ Королевскую и всего войска тамъ бывшаго цѣлость, мусѣли на томъ зъ тяжкимъ жалемъ своимъ престати и умолкнути.

Жванецъ отъ Каманца Подолского знайдуется въ двѣ милѣ разстоаніемъ, по семъ боку Днѣстра противъ Хотѣна, Хотѣнъ за Днѣстромъ противъ Жванца.

РОЗДѢЛЪ VI.

О Полякахъ зъ акту Жванецкого въ доми приволокшихся; о поворотѣ Хмелницкого отъ толь до Чигрина зъ войскомъ; також и о сеймѣ Варшавскомъ бездѣлномъ, и о далшомъ Ханскомъ въ Полщѣ поведеніи.

Такій покой Татаре и Козаки зъ Поляками между Жванцемъ и Камянцемъ Подолскимъ заключивши и утвердивши, умкнули зъ войсками своими назадъ зъ подъ Жванца о милю и далѣй, давши Поляком свободній путь въ Полщу къ домамъ ихъ. Поляки зась, бѣдствами многими тогдашними обозовими многодневними, чрезъ голодъ и холодъ, зѣло знужнѣліи паки полумертвіи, Збаражскихъ облеженцовъ своихъ подобіемъ, подгнувши подъ себе огонъ, якъ звѣръ зимою немохнатій, рушили зъ окоповъ Жванецкихъ во свояси, декаврія семого, зъ легкимъ обозомъ; иншіи зась тяжарѣ обозовіи и аммунѣцію военную, такъ для отпалихъ коней яко и для бездорожя тогдашнего, въ Жванцу покинувши. Король теди Янъ Казѣмѣръ до Люблина, на свята Рождественскіи Рускіи, заледво приволокся, и для отживленяся, знужнѣлое войско свое отъ толь роспустилъ по домахъ и кватерахъ; а самъ отъ толь же рушивши и до Варшави прибувши, по фатигахъ прешлихъ помислного заживалъ вчасу и покою; назначилъ еднакъ о новомъ лѣту отправитися сейму великому въ Варшавѣ, на которомъ кромѣ инших дѣлъ коронних, мѣло быти ухвалено тое, яковимъ би способомъ,

виполняючи трактатъ Жванецкій, уконтентовати подарунками Хана, и викупити ясиръ Полскій, въ рукахъ Ординскихъ тогда зостававшій. На которомъ сейму Варшавскомъ мало кого было зъ Поляковъ, и ничого потребного на ономъ не ухвалено и не постановлено, кгдижъ всякъ по морозахъ прешлихъ подорожнихъ войсковихъ, прибывши въ домъ, розгрѣвалъ свои оледенѣвшіи кости при домашнихъ вчасахъ и роскошахъ; а хто и прибылъ зъ пановъ полскихъ на тотъ сеймъ Варшавскій, то мало що дбалъ и радилъ о добрѣ посполитомъ, але старался своей хтивости вигодити полученемъ Гетманства, или иного якого високого гонору. Хмелницкій тожъ, певную часть войска Козацкого на желаніе Ханское при Хану зоставивши, и жаднихъ задатковъ до нарушеня трактату Жванецкого чинити сурово пригрозивши, самъ зъ нимъ пожегнавшися, зовсѣмъ войскомъ рушилъ на Украину; куда тожъ предъ рождествомъ Христовимъ прибувши, и войско въ доми роспустивши, обнялъ свою въ Чигринѣ резиденцію, не вонтпячи бинамнѣй и о далшой къ себѣ пріязни Ханской. А Ханъ, зъ Козаками при себѣ оставленими, на Подолскихъ и Украинскихъ границахъ зъ войсками розложившись, ожидалъ несумѣно отъ Короля экзекуціей Жванецкого трактату, которой чрезъ шестонеделное время недождавшися, а ни жадного упевненя отъ Короля о томъ мѣючи, латво домислился того, же Король трактатъ Жванецкій касуетъ и исполняти оного нехочетъ; що за обману и безчестіе себѣ вмѣнивши, заразъ и самъ порвался до нарушеня того Жванецкого трактату, и такъ не цѣле еще спустошеній край Подолскій крайней подавши руинѣ, огнемъ и мечемъ докончилъ оній.

РОЗДѢЛЪ VII.

Для чого Хмелницкій мало дбалъ о трактатѣ Жванецкомъ, и тимъ нечаяно и штучно неосторожнихъ Поляковъ привелъ о шкоду никогда ненагражденную, чрезъ утрату всея Украини Малоросійскія.

Нетилко нѣгди того панове Поляки не сподѣвалися, але подобно и во снѣ имъ тое не снилося, аби такъ знаменитую и великую по обоихъ сторонахъ рѣки Днѣпра зостаючую часть державы своея, Малую Росію, зъ множествомъ народа рицерского Козакорускогo, чрезъ единого въ сей гисторіи часто вспоминаемого Гетмана войска Запорожского и всея Украини, Богдана Хмелницкого, мѣли отстрадати и вѣчне чуждими зостати; а ни Ханъ Кримскій во союзѣ пріязненомъ зъ Хмелницкимъ бывшій моглъ того домислитися, же до розерваня зъ нимъ союзу оного близкій часъ уже и термѣнъ надходилъ. Кгди або вѣмъ Жванецкіи о покою договори чинилися, тогда а ни самого Хмелницкого, а ни посланихъ его не было при тихъ договорахъ, чому Поляки были ради, едно для того, ижъ зъ сторони Хмелницкого жаднои въ тихъ договорахъ не было перепони а ниякихъ закрентовъ и новихъ правежовъ; другое для того, ижъ чаяли въ легкомъ у Хана новаженю Хмелницкого, зъ якихъ мѣръ впередъ остербавши, чаяли себѣ що помислное надъ Хмелницкимъ и Украиною здѣлати. Лечъ Хмелницкій осторожнимъ на всѣ сторони будучи, обманулъ въ томъ Поляковъ, же не дбалъ нимало о трактатѣ и по-

кою Жванецкомъ, знаючи тое зъ завзятости и непостоянства Лядского, ижъ яко первое пакта Зборовскіе и Бѣлоцерковскіе зостали зкасовани и уничтожени, такъ и Жванецкій трактатъ не мѣлъ быти у нихъ твердо захованъ, звлаща кгди Король не велѣлъ оного своимъ комисаромъ присягою подтвердити. Того ради зтескнивши себѣ Хмелницкій оною шестолѣтною зъ Поляками войною, и не чаючи уже отнюдь до желаемой зъ ними прійти когда колвекъ згоди и пріязни, положилъ тое въ своемъ намѣреніи, же Поляковъ власть вѣчне отъ себе отринути, а подъ протекціею (по Бозѣ крѣпкою) зоставати зовсѣмъ народомъ Малоросійскимъ Пресвѣтлѣйшого Монархи и Самодержца Всеросійского; для чого яко прешлихъ роковъ въ нуждахъ своихъ чинилъ до Его Величества аппеляцію, такъ и въ сей крайней потребѣ до Его жъ Величества удатися мѣетъ, яко предлежащая обявитъ повѣсть.

РОЗДѢЛЪ VIII.

О взятю окупѣ отъ Поляковъ, на Батогу у Татаръ чрезъ Хмелницкого викупленихъ; о отпуску ихъ зъ Чигрина въ Полщу зимовою Хмелницкого; о шкодѣ поткати ихъ мѣвшой.

Прибувши Хмелницкій зъ подъ Жванца до Чегрина, засталъ уже въ немъ денги готовіи зъ Полщи привезеніи, триста шестьдесятъ осмъ тисячъ таляровъ битихъ, на окупъ Поляковъ, подъ Батогомъ чрезъ Хмелницкого у Татаръ викупленихъ. Бо. Хмелницкій отъездячи зъ Чигрина на войну ку Жванцу и на Подоле, учинилъ зъ ними Поляками торгъ, и для зобраня денегъ на тотъ окупъ отпустилъ въ Полщу всѣхъ Поляковъ, зоставивши толко въ Чигринѣ въ закладѣ и поруцѣ виборнѣйшихъ пятдесятъ

человѣка. Тіи прето денги принявши Хмелницкій отъ Поляковъ онихъ, учредилъ ихъ доволно при себѣ чрезъ тижденъ, потомъ отпустилъ честно до Полщи, такіе къ нимъ вирекши слова: «панове Поляки, здаетмися же уже отъ сего часу вѣчне зъ собою розлучимся, ми будемъ не ваши, а ви не наши; якои шкоди нѣкогда ви собѣ нагородити не возможете, а ни ми ку награжденію вамъ оной явимъ склонось̂ нашу, поневажъ не отъ насъ до того станулъ початокъ, але отъ васъ власнихъ; не мѣете теди ви того жаловати, що зъ доброй своей волѣ, албо неразумія и легкомислія утеряли и погубили.» Якихъ словъ Хмелницкого сили Поляки не зрозумѣли и занехали; но ажъ тогда ихъ познали силу, когда произійшли въ самое дѣйствіе зъ подданяся Хмелницкого въ протекцію Монарху Всеросійскому.

Тогожъ 1653 року, на веснѣ, почувши Хмелницкій, же многая шляхта Полская зъ многими скарбами въ замку мурованомъ Бердиковѣ албо Бердичевѣ знайдуется, рушилъ туда не зъ велкимъ войскомъ, и замокъ тотъ хочай былъ крѣпкій не зъ великимъ же трудомъ доставши, видушилъ въ немъ, якъ медвѣдь пчели, шляхту бѣдную; а скарби ихъ себѣ и войску своему забравши, повернулъ вскорѣ назадъ. За тимъ же заходомъ и Чолганскій замокъ каменій всеконечной подпалъ отъ Хмелницкого руинѣ и разоренію.

ЧАСТЬ СЕДМАЯ

Хмелницкого и Малоросійского поведенія, и рокъ семій.

Въ ней же виражается нарушене чрезъ Хана покою Жванецкого зъ Поляками, розерване чрезъ Хана-жъ пріязни зъ Хмелницкимъ и Хмелницкого зъ Ханомъ; корреспонденція Хмелницкого зъ Запорожцами о протекціи Московской и отвѣти ихъ на тое; уданеся въ протекцію пречечоную, и жалость Королевская по Украинѣ; потвержене правъ Козацкихъ и Малоросійскихъ привилеями Царскими; зачате войни Московской и Козацкой зъ Поляками, разореніе Литви со взятимъ Смоленскомъ, инними многими городами и прочая; Грамота жалованная Царская Кіевляномъ, зъ виражененмъ причинъ розмиру зъ Поляки.

РОЗДѢЛЪ I.

О Хану, для чого нарушилъ покой Жванецкій зъ Поляки, и пустивши въ Полщу загони, учинилъ въ ней великую шкоду; о ранкору Ханскомъ на Козаковъ при немъ бывшихъ; о встрентахъ Полскихъ загонамъ Татарскимъ, и пропажи корогвей Сапѣжинскихъ; о рушеню Ханскомъ зъ Полщи до Криму, и о удаленюся тайномъ Козаковъ отъ него; о шкодѣ въ прешествіи Ханскомъ на Украинѣ станулой, и о жалю Хмелницкого; о поветованю Хмелницкого тоей шкоди на Татарахъ подъ Межигоромъ; о отнятихъ и отпущенихъ назадъ ясирахъ Полскихъ; о здобичи тогдашной зъ Татаръ Козакамъ и Хмелницкому, и о Запорожцахъ до Сѣчи отпущенихъ.

Року отъ сотворенія свѣта 7162, а отъ воплощенія сина слова Божія Христа Спасителя нашого 1654 лѣта, въ онъ же бысть черная лѣтера Пасхалная *Д*, а въ руцѣ лѣто бысть шестое, сталося знаменитое въ странѣ нашой Европійской, въ державѣ же Полской премѣненіе, зъ превеликимъ ея ущербкомъ, зъ удаленяся отъ власти ея Полскія Малія Росіи, и крайнего ея-жъ отъ Татаръ Кримскихъ повреждення, еже бысть сице: Ханъ Кримскій съ многочисленими Ордами, недождавшися (яко вишей наменилемъ) отъ Короля Полского нѣ экзекуціи трактату Жванецкого, а нѣ жадного одозву листового, рушилъ зъ своихъ станцій порубежнихъ Украинополскихъ внутръ Полщи; и ку Лвову надближившися роспустилъ отъ толь во всю Полщу, на Волинь и Полесе значніи и густіи чати свои Ординскіи, приказавши зъ ними сполне бытъ и Козакамъ отъ Хмелницкого зоставленимъ; лечъ Козаки исполняючи грозній приказъ Гетмана своего Хмелницкого, еже жадною нечи-

нити окказіи Поляком до нарушеня покою Жванецкого, не послухали въ томъ Ханского желанія, отказавши, ижъ оставлени они суть при немъ Хану не для нарушеня новозаключенного покою, але для остереженя цѣлости его Ханского здоровя; чимъ Ханъ (хочъ то былъ и слушній отвѣтъ Козацкій) неслушне уразившися, крилъ тайно ядъ гнѣва въ сердцу своемъ до времени приличного. Загони зась отъ Хана виправленіе зруинованую и въ попелъ прежде оберненую по за Люблиномъ и Замостемъ Малую Полщу, своими бистротечними пробѣгши конми, а жадного ни отъ кого неимѣючи встренту и возбраненія, вторгнули ажъ къ рѣкамъ Полѣскимъ, Припяти и Пѣни; Луцкъ и все Полѣсе, до тихъ часъ жадной руини назнавшое и въ благополучіяхъ зостававшое, огнемъ и мечемъ знесши, многое множество народа тамошнего Христіянского въ свои бѣсурманскіе згорнувши руки, сполне тамъ же взявши цѣлое, со всѣмъ прибором и музиками, веселе нѣякогось шляхтича Кассовского и Каштеляна.

О таких шкодливихъ, и крайнюю руину державѣ Полской творившихъ дѣйстіяхъ нечаяную Потоцкій Гетманъ Полній получивши вѣдомость, приказалъ двомъ Сапѣгамъ, зъ ихъ поблизу бывшими хоронгвами, на тіе Ординскіе загони пилно смотрѣти, и ясиръ взятій отгромлювати; въ чомъ любо имъ Сапѣгамъ надъ килкома чатами добре пощастилося, ижъ на голову ихъ поразили и ясиръ назадъ одобрали, однакъ потомъ вскорѣ, кгди зъ запалчивости албо своей неосторожности на болшую силу или кошъ тихъ загоновъ Татарскихъ наткнулися, тогда заразъ отъ Татаръ зоставши огорненими, на голову отъ нихъ поражени. За поворотомъ теди до коша Ханского хочъ не всѣхъ его загоновъ зъ значними плѣнами и користми Полскими, Полѣскими и Волинскими, рушилъ и самъ Ханъ зъ Полщи на Украину и до Криму, жадного уже до Короля нечинячи одозву, а ни упоминаючися поставленихъ трактатомъ Жва-

нецкимъ себѣ отъ него подарунковъ, а ни тежъ отъ Короля дожидаючися яковой корреспонденціи, доволенъ будучи вишмененими здобичами Полскими и Полѣскими. Въ томъ зъ Полски на Украину путшествіи Ханскомъ, Козаки Хмелницкого при немъ бывшіе, постерегши певній ку себѣ Ханскій и Татарскій ранкоръ и непріязнь, а уходячи чаемого себѣ отъ нихъ злоключенія, зажили такого способу, ижъ удавшиеся въ лѣвую сторону на Полѣсе нощною порою, ушли отъ Орди въ полной своей цѣлости; чимъ Ханъ и Орда рождражнени будучи, и нѣякійсь небылій подзоръ на Козаковъ о пріязни ихъ къ себѣ усмотрѣвши, прешествіемъ Украини до Криму великую въ людехъ ея учинили шкоду; поневажъ нетилко многіе села, але и килконадцятъ городковъ некрѣпкихъ и безъ оборонихъ до щенту вирубали и внѣвечъ обернули, вшедши до нихъ чрезъ обману и присягу. Бо любо Хмелницкій, сподѣваючися зъ Полщи Ханского повороту, засилалъ во всѣ городи и села Малоросійскіе листовную пересторогу, аби зовсѣмъ упрятивалися до городовъ моцнѣйшихъ, поколби прейшли чрезъ Украину сили Татарскіе, зъ Полщи быти мѣвшіе; однакъ легкомислній народъ мнѣй дбалъ о той Хмелницкого Гетмана своего пересторозѣ, и тимъ легкомисліемъ привелъ себе въ великій ущербокъ и шкоду; поневажъ (яко вишей рѣхомъ) Татаре, доволно набравши себѣ ясировъ Полскихъ и иними многими отягчившися здобичами, на Украинѣ уже онихъ не требовали, тилко смерти и огню людей и ихъ жилища предавали. Що Хмелницкій певне зачувши и на око увидѣвши, зѣло возскорбѣлъ и возболѣвъ сердцемъ, же Ханъ надъ сподѣване его пріязнь свою во злость претворши, такъ великое въ Украинѣ учинилъ разореніе. Потомъ вскорѣ за прешествіемъ Ханскимъ Украини, а за отдаленемся отъ нея въ степи дикіе ку Криму, прибыло до Хмелницкого войско Козацкое, отъ Хана въ дорозѣ зъ Полски поворочаючого отлучившоеся, и донесло ему вѣдати, же пятна-

цятъ тисячъ злишкомъ Орди доброй, въ Литву далеко загнавшойся, зъ многими лупами и користми назадъ поворочаетъ, и мимо Кіевъ простовати мѣетъ. Якую вѣдомость Хмелницкій получивши и оною обрадовавшися, чаячи на той Ордѣ хочъ мало своей Украинской поветовати шкоди, заразъ взялъ зъ собою девять тисячъ Запорожцевъ еще до Сѣчи неотпусканихъ, по коло Чигрина на кватерахъ зостававшихъ, и еще къ тому охотника свѣжого на три тисячи прибравши, рушилъ просто и спѣшно на Бѣлогородку ку Межигору, и тамъ коло Межигора въ нѣякомсь мѣстцу зъ Ордою оною встрѣтившися, учинилъ бой, въ которомъ при всесилной помощи Божественной всѣхъ Татаръ тихъ розгромилъ и на голову поразилъ такъ крѣпко, ижъ заледво десятокъ якій ихъ возмогъ отъ тоей поражки спастися и Хановѣ о оной принести вѣдомость. Здобичъ Татарскую всю позволилъ Хмелницкій Козакамъ своимъ, въ той войнѣ трудившимся, подуванити; ясиръ увесь отгромленій Полскій и Литовскій отпустилъ свободно въ доми ихъ; а собѣ зъ межи полтори тисячи Татаръ, живцемъ взятихъ, вибралъ лутшихъ Татаръ пять сотъ человѣка зъ одинадцятма мурзами и иними началниками ихъ; прочій засъ ясиръ Татарскій отдалъ войску своему, и повернувши зъ таковимъ до Чигрина благополучіемъ, отправилъ и поменениихъ Запорожцовъ на Кошъ ихъ до Сѣчи Запорожской. Таковимъ способомъ и изъ таковихъ причинъ и до непріязни задатковъ Ординскихъ, учинился розбратъ Хмелницкого зъ Ханомъ и зъ цѣлимъ Кримомъ.

РОЗДѢЛЪ II.

О листовномъ Хмелницкого одозвѣ до Запорожцовъ въ Сѣчь, взглядомъ уданяся подъ протекцію Монарху Московскому, и о отвѣтѣ на тое листовномъ же отъ Запорожцовъ.

Отправивши Хмелницкій зъ Чигрина до Сѣчи Запорожской вишмененихъ Запорожцовъ, послалъ при нихъ туда-жъ и нарочного посланца своего, зъ листомъ своимъ до Атамана Кошового и всего войска въ такій сенсъ писанимъ:

Мосцѣ Пане Атамане Кошовій, зо всѣмъ войскомъ Низовимъ Запорожскимъ, мнѣ велце зичливіе Мосцѣ Панове и братя.

Отпускаемъ къ Вамъ войско Ваше Низовое Запорожское, которое Ви прошлого лѣта на желаніе наше ку потребѣ военной противъ непріятелей Поляковъ къ памъ прислали, и за прислане оного велце Вашмостемъ Мосцѣ Панству дякуючи, и впередъ о такую-жъ не отмѣнную пріязнь пилно просимъ. — На писмо наше еще прошлого лѣта къ Вашмостемъ Мосцѣ Панству писаное, взглядомъ протекціи отъ Пресвѣтлѣйшого и Великодержавнѣйшого Монархи Московского намъ потребной, поневажъ по сее время жадного отъ Вашмостей Мосцѣ Панства неимѣемъ респонсу, теди теперъ при войску Вашомъ и нарочного посланца нашего къ Вамъ виправуючи, велце жадаемъ, абисте Вашмость Мосцѣ Панство досконале тое писмо наше зрозумѣвши, совершеній и ретелній на оное чрезъ сего-жъ посланца нашого вскорѣ учинили отвѣтъ, и дали-бъ пораду намъ. Кгдижъ ми яко махину войни зъ Поляками зачинали не безъ воли и совѣта Вашего, братѣ нашой, такъ

и сего неменшого дѣла, о протекціи помененой Московской, безъ Вашего-жъ соизволенія и поради чинити не хочемъ; и любо уже учинилисмо о томъ зъ совѣтомъ старшини нашей до Его Царского Пресвѣтлого Величества и Самодержца Всеросійского одозвъ нашъ, однакъ безъ вѣдома и соизволенія Вашого, дѣла того кончити небудемъ. Рачте теди Вашмость Мосцѣ Панство, безъ найменшого откладу, ретелній на первое обширное писаніе наше учинити къ намъ респонсъ, пилно и повторе жадаемъ, и Ихъ же въ сохраненіе Господу Богу поручаемъ. Зъ Чигрина декаврія 26, року 1654.

Зѣновій Богданъ Хмелницкій, Гетманъ всего войска Запорожского и народу Украино-Малоросійского.

Тисячу талярей битихъ, чрезъ сего-жъ посланца нашого, гостинца Вамъ, братѣ нашой, посилаемъ и приняти ихъ вдячне, просимъ.

На тое писмо Хмелницкого такій зъ Сѣчи Запорожской, отъ всего войска Низового Козацкого учиненъ респонсъ.

Ясне Велможній Мосцѣ Пане Зѣновій Хмелницкій, Гетмане войска Запорожского и всея Украини Малоросійскія, брате и добродѣю нашъ.

На писмо Ваше Гетманское обширное, прошлого лѣта къ намъ писаное, не учинилисмо отвѣта до сего времени для того, же Твоя Гетманская Мосць со всѣмъ войскомъ Козацкимъ зоставалъ чрезъ все лѣто въ Полщи и на Подолю подъ Жванцемъ, въ чомъ просимъ велце Вашой Гетманской Мосцѣ вибаченя; а теперь на помененое писмо Ваше Гетманское отвѣтуючи, виражаемъ сіе, ижъ ми оное совершенно зрозумѣли, и нетилко зъ писма того познаемъ, але и ясно видимъ нашима очима, же уже намъ зъ Поля-

ками, *якъ зъ зміею комусь фостъ отсѣченій имущею*, отнюдъ згодится и до першой прійти пріязни невозможно; поневажъ они всему злу и войнѣ будучи початкомъ и причиною, и чрезъ шестолѣтную войни операцію видячи якъ въ коронѣ своей, такъ и въ Украинѣ нашой Малоросійской доволніе попели зъ поселеній людскихъ и костій людей войною побитихъ по полямъ лежащіе, нимало своего сердца нехотятъ смягчити, и переставши своей гнѣвной завзятости зъ нами, до первой, при утвержденіи давнихъ правъ и свободъ нашихъ, прійти пріязни и згоди. Теди и ми болшей отъ сего времени о ихъ пріязнь Вашей Гетманской Мосцѣ старатися не радимъ, а замислъ Вашъ, що удатися и бути зо всѣмъ народомъ Малоросійскимъ, по обохъ сторонахъ Днепра будучимъ, подъ протекціею Великодержавнѣйшого и Пресвѣтлѣйшого Монархи Російского, за слушній быти признаваемъ, и даемо нашу войсковую Вамъ пораду, абисте того дѣла не оставляли и оное кончили, якъ ку найлутшой ползѣ отчизнѣ нашой Малоросійской и всего войска Запорожского. Якъ будете писати пакта, то изволите Ваша Гетманская Мосць сами прилѣжно того досмотруватися, жеби не было въ нихъ чого лишнего и отчизнѣ нашой шкодливого, а предковѣчнимъ правамъ и волностямъ нашимъ противного и неполезного. Вѣдаемъ запевне, же Великодержавнѣйшій и Пресвѣтлѣйшій Монархъ и Самодержецъ Всеросійскій, яко Царь Православній, пріиметъ насъ охочо и ласкаво, яко отецъ чадолюбивій синовъ своихъ въ томъ же Православіи святомъ непоколебимомъ зостаючихъ, подъ свою крѣпкую протекцію, жаднихъ отъ насъ не потребуючи датковъ и платежовъ розниxъ до своей Монаршой казни, кромѣ того, абисмо на его Монаршую войсковую службу, що сила наша зможетъ, были готовими противъ его Монаршихъ непріятелей. Бо недавно, прошлого Филиповского посту, ѣдучи зъ столици Московской еденъ дворанинъ Царскій, Никита

Харланпіевъ, до Криму, для викупленя зъ неволи бѣсурманской своихъ кревнихъ, и будучи тутъ въ Сѣчи Запорожской, купилъ въ насъ за девятсотъ золотихъ трохъ Татариновъ; тотъ теди дворанинъ слишалъ отъ многихъ своихъ боку Царского Величества близкихъ князей и бояръ, же его Царское Пресвѣтлое Величество зѣло благоволитъ и вседушне желаетъ мѣти насъ войско Запорожское, со всѣмъ народомъ Украино-Малоросійскимъ, въ союзѣ своемъ Монаршомъ и протекціи, тилко не хочетъ о томъ одозватися, жеби не далъ зъ себе Полякомъ неслушной причини до розерваня зъ ними настоящого покоя. Радимъ прето ми, все войско Низовое Запорожское, Твоей Ясной Гетманской Мосцѣ, абисте того потребного дѣла незанехивали, и оное ку ползѣ всѣхъ насъ и отчизнѣ нашой Малоросійской якъ найлутше устроевали и кончили, стосуючися до того давнего прислова: *чинь мондре а патршъ конца;* и уходячи того, аби Поляки провѣдавши неучинили въ томъ своими хитростями яковой перепони. — Дякуемъ при семъ велце Твоей Ясной Гетманской Мосцѣ за гостинецъ, тисячу талярей битихъ, намъ войску присланихъ, и отслуговати тое во всякихъ окказіяхъ облѣгуемся. А на сей часъ и на всякое время зичимъ упрейме Вашой Гетманской Мосцѣ, зо всѣмъ войскомъ и Украиною отчизною нашою, многолѣтнего доброго здоровя и щастливого во всемъ узнавати поводженя. Писанъ въ Сѣчи Запорожской, генваря 3, року 1654.

РОЗДѢЛЪ III.

О уданюся Хмелницкого чрезъ пословъ своихъ за протекціею до Монархи Всеросійского; о присланихъ отъ Его Величества полномочнихъ послахъ, и о виконаню чрезъ Хмелницкого зъ старшиною и товариствомъ въ Переяславлѣ присяги на учиненихъ пактахъ; о ассекураціи зъ стороны Царского Величества Украинѣ и всему войску Запорожскому; о подарункахъ Хмелницкому и инимъ данихъ; о одобраню по всѣхъ городахъ Малоросійскихъ присяги, и о наименованю отъ Хмелницкого границы Малоросійской отъ короны Полской.

Таковій (яко вишей виразилось) розбратъ Хмелницкій зъ Ханомъ учинивши, и задатокъ до непріязни вирубанемъ Орди зъ Литви поворочаючой виполнивши, удался заразъ чрезъ пословъ своихъ до Пресвѣтлѣйшого Алексѣя Михайловича, Великого Государя и Самодержца Всеросійского, желаючи со всею Украиною Малоросійскою, по обохъ сторонахъ рѣки Днѣпра будучою, и зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ подъ его силною зоставати протекціею, при своихъ древнихъ правахъ и волностехъ. Якое поселство отъ Хмелницкого онъ Пресвѣтлѣйшій Монархъ Всеросійскій вдячне и миле принявши, радостенъ былъ тому, же такъ значная часть землѣ Малоросійской, въ Православіи Грекорускомъ зостававшой, къ нему православному Монарху безъ жадной войни и кровопролитія доброволне приклоняется, а отъ своихъ прежнихъ пановъ Полскихъ, въ вѣрѣ Римской обрѣтающихся, отдаляется и чуждается. И для утвержденія его Хмелницкого, зо всею Украиною и войскомъ Запорожскимъ, подъ свою високую руку, онъ Монархъ Всеросійскій прислалъ въ Переяславль до Хмелниц-

кого своихъ знаменитихъ и полномощнихъ комисаровъ — великого боярина Василія Василіевича Бутурлина съ товарищи значними жъ, которіе на праздникъ Крещенія Господня прибыли въ Переяславль. Якожъ и Хмелницкій сподѣваючися ихъ прибытя, ку тому жъ Богоявленія Господня празднику прибылъ зъ Чигрина въ Переяславль, такъ зъ старшиною енералною, зъ полковниками и зъ инимъ зъ обоихъ сторонъ Днѣпра бывшимъ значнѣйшимъ войсковимъ товариствомъ; где на соборъ святого Іоана Крестителя Господня, іануарія семого, предъ службою Божіею, зуполной и валной всего войска Запорожского радѣ, мѣлъ самъ Хмелницкій такъ до пословъ Его Царского Пресвѣтлого Величества, яко и до всего войска своего Козацкого долгую мову, виражаючи въ ней причини войни зъ Поляками бывшой, и несклонность Поляковъ на многократніе его Хмелницкого прошенія зъ нимъ до згоди, съ утвержденіемъ предковѣчнихъ войска Запорожского и всея Малія Россіи правъ и волностей; также виражаючи для якихъ причинъ Татарское отринулъ братерство и пріязнь, и для якихъ мѣръ хощетъ, и всей Малой Росіи зъ войскомъ Запорожскимъ желаетъ быти въ союзѣ и протекціи силного по Бозѣ, православного Монархи, Пресвѣтлѣйшого Государя Алексѣя Михайловича, всея Росіи Самодержца. По якой Хмелницкого вимовѣ, читани тамъ же въ радѣ прежде зпораженіе и наготовленіе того союзу пакта; а по вичитаню онихъ, виконана отъ Хмелницкого зо всею старшиною и товариствомъ на вѣрность новому Государевѣ своему присяга; а по виконаню оной, дана Хмелницкому отъ помененого полномочного посла боярина Бутурлина Царская хороговъ и булава, и иніе значніе отъ лица Монаршого такъ самому ему Хмелницкому, яко и всей старшинѣ и чернѣ тамъ бывшой дани подарунки; зъ такимъ Монаршимъ подъ клятвою словомъ и упевненемъ, же держати онъ Пресвѣтлѣйшій Монархъ Російскій Малую Росію, зо всѣмъ

войскомъ Запорожскимъ, въ своей протекціи при неварушимомъ захованю старовѣчнихъ ея правъ и волностей мѣетъ, ей отъ всякихъ непріятелей и наступствъ ихъ своими войсками и скарбами вспомогати и боронити. А по той присязѣ Переяславской, отъ того-жъ полномочного посла боярина Бутурлина розослани во всѣ городи Малоросійские значніе персони Великоросійские, для вислуханя отъ войсковихъ и посполитихъ Малоросіяновъ на вѣрность Великому Государевѣ присяги, якая тогдажъ отъ всѣхъ и виполнилася. При виконаню преречоной присяги наименовалъ Хмелницкій быти зъ собою сполне подъ державою и протекціею Пресвѣтлѣйшого Монархи Всеросійского городамъ Кіеву, Брацлаву, Чернѣгову, зо всею Украиною и ея повѣтами по самую линѣю, тоесть по рѣки Горинь, Рось и Тетеревъ.

РОЗДѢЛЪ IV.

О жалости Королевской по утратѣ Козаковъ зъ Украиною, и о мовѣ его въ сенатѣ о томъ бывшой; о прошеніи Королевскомъ Царского Величества зъ сторони Украини; о неисполненіи того прошенія, и о приборѣ Царскомъ на войну противъ Поляковъ; о Богуновомъ фортелномъ до Поляковъ одозвѣ, и о шкодѣ чрезъ тое Украинѣ отъ Поляковъ станулой.

Король Полскій Янъ Казѣміръ о такомъ Хмелницкого зо всею Украиною отъ себе удаленюся запевне провѣдавши, жаловалъ и плакалъ того сердечне, же полагаючися на заздростнихъ добру людскому совѣтахъ своихъ пановъ Поляковъ, неукончилъ зъ Козаками и цѣлою Украиною Мало-

російскою, зъ приверненемъ прежнихъ ея правъ и волностей и укоитентованемъ ей желаній, чрезъ трактатъ войни шестолѣтной, звлаща когда онп многократними аппеляціями своими до его Королевского Величества, свою въ томъ являли склонность; и допустилъ, чрезъ неосторожность и недбалство своихъ военачалниковъ, тому рицерскому народу Козацкому со всею Малою Росіею отъ себе отдалитися и до иншой державп приклонитися. Для чого въ сенатѣ своемъ такіе Король зъ жалостію сердечною вимовилъ всѣмъ вслухъ слова: «Мосцѣ Панове братя, прійшлисми за непогамованимъ гнѣвомъ и упоромъ нашимъ до того, жесми утратили Украину яко златое яблоко, жесмо утратили яко свѣтъ очію нашею, жесмо наконецъ утратили и вѣчне чуждими зостали добрихъ молодцовъ Козаковъ братѣ нашей, за которихъ оружіемъ и стражею чрезъ многіе времена, яко за крѣпкими мурами, до сихъ часовъ въ тишинѣ и покою зоставалисмо, и прочіимъ непріятелемъ нашимъ былисмо страшними; обачимо-жъ впередъ, щося намъ безъ нихъ дѣяти будетъ, и ежели боявшіеся насъ прежде не повстанутъ на насъ вскорѣ и не огорнутъ отъ всюду таковимъ насъ страхомъ, яковимъ при Козацкихъ силахъ отъ насъ предъ симъ были огорнеными.» А по вимовѣ такихъ словъ, вскорѣ чрезъ нарочного гонца своего писалъ Королевское Величество до Пресвѣтлѣйшого Монархи Московского просячи, аби принятемъ Хмелницкого и Украини въ свою протекцію не чинилъ ему обиди; чого онъ Великій Государь Царь Московскій (звлаща маючи свои певніи здавна на Полякахъ претензіи) нетилко непослухалъ, але и на войну противъ Поляковъ началъ прибѣратися зъ многимъ войскомъ и арматами. По подданюся Хмелницкого въ протекцію Государу Московскому и по виконаню присяги въ недель килко, Богунъ, Брацлавскій полковникъ Хмелницкого, змисливши фортелне, же будто щось не ку мислѣ его дѣется, удался потай будто Хмел-

ницкого до Гетмана Полского, просячи, аби ему зъедналъ ласку Королевскую и прощеніе, и обѣцуючи зъ болшою частію войска Козацкого зоставати будто-жъ по прежнему подъ властію Королевскою. Гетманъ зась радъ тому велце будучи и Королевского указу мало о томъ потребуючи, рушилъ зъ войскомъ значнимъ короннимъ ку Брацлавлю, аби моглъ зъ Богуномъ и войскомъ его латво злучитися и помислне дѣло управити. Но потомъ вскорѣ Гетманъ оній Полскій певную получилъ вѣдомость, ижъ Богунъ зъ войскомъ своимъ не кланятися ему, но битися прибѣраетъ; прето хотячи впередити Богуново на себе наступленіе, зоставилъ обозъ свой Полскій подъ Межибожемъ, а самъ влегцѣ конно рушилъ на Богуна ку Калниковѣ; где прибывши получилъ вѣдомость, ижъ Богунъ мало при себѣ мѣючи войска, уступилъ отъ Полского нашествія ку Умани. Гетманъ зась заятреній въ тропи за Богуномъ до Умани простуючи, великую въ людехъ тамошнихъ Украинскихъ починилъ шкоду, згола никому не пребачаючи рубалъ въ пень хто тилко навинулся предъ него, якожъ того-жъ часу и два городки Уманского уезду, Егупецъ и Христиновку— до щенту малихъ и великихъ, безъ жадного респекту, на самое Свѣтлое Воскресеніе Господне, тиранско вибилъ и вирубалъ, вшедши до нихъ чрезъ обману и присягу. Потимъ и до самой Умани прибывши и Богуна въ ней заставши, значній штурмъ припустилъ до мѣста; но за едну годину стративши въ ономъ до семи тисячи войска Полского, отвернуло зо встидомъ отъ Умани, и поворочаючи до обозу своего къ Межибожу, зъ гнѣву и ярости своея мало не всю Брацлавщизну зруйновалъ, огню и мечу предавши.

РОЗДѢЛЪ V.

О послахъ Хмелницкого къ Москвѣ, зъ прошеніемъ о потвержене грамотами давнихъ войсковихъ и Малоросійскихъ правъ и волностей, и о исполненіи того его желанія.

Хмелницкій зоставши цале зо всею Малою Росіею и войскомъ Запорожскимъ подъ протекціею Пресвѣтлѣйшого Всеросійского Монархи, зоставалъ въ Чигринѣ, смотрячи на Кримъ и на Полщу, щоби отъ коль на него загрѣмило. А по празднику Стретенія Господня, виправилъ онъ Хмелницкій, зъ Чигрина въ царствующій великій градъ Москву, до Великого Государа Цара и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Росіи Самодержца, нарочнихъ пословъ своихъ, а именно — енералного войскового судію Самоила Богдановича и Павла Тетеру, полковника Переяславского, зъ статями и прошеніемъ милости его Монаршой таковои: чтоби изволилъ его Величество, своею Монаршею високою унѣверсалною грамотою, по статямъ преречоним потвердить всѣ давніе права и волности ему Хмелницкому, зъ войскомъ Запорожскимъ и зо всѣмъ народомъ Малоросійскимъ. Якого посолства и прошенія Хмелницкого онъ, Пресвѣтлѣйшій Монархъ, благосердне вислухавши, повелѣлъ неотрекателно и милостивно на утверждение старовѣчнихъ правъ и волностей Малоросійскихъ и всего войска Запорожского таковую свою потвержателную унѣверсалную видати грамоту:

Первая грамота Монаршая Хмелницкому, зъ старшиною енералною, зъ полковниками и во всѣмъ войскомъ Запорожскимъ данная.

По обиклой титлѣ Царской.

Пожаловали есми Нашихъ Царского Величества подданихъ, Богдана Хмелницкого Гетмана войска Запорожского и писара Ивана Виговского и судей войсковихъ и полковниковъ и асауловъ и сотниковъ и все войско Запорожское. Что въ нѣнишнемъ 162-мъ году, какъ по милости Божой учинилися подъ Нашею Государскою високою рукою онъ Богданъ Хмелницкій и все войско Запорожское, и вѣру Намъ Великому Государу и Нашимъ Государскимъ дѣтемъ и наслѣдникомъ на вѣчное подданство учинили; и въ мартѣ мѣсяцѣ присилали къ Намъ Великому Государу, къ Нашему Царскому Величеству, онъ Богданъ Хмелницкій и все войско Запорожское посланиковъ своихъ, Самойла Богданова судю войскового, да Павла Тетеру полковника Переяславского; а въ листу своемъ къ Намъ Великому Государу, къ Нашему Царскому Величеству, Гетманъ писалъ и посланники его били челомъ Намъ Великому Государу, чтобъ его Гетмана Богдана Хмелницкого и все войско Запорожское пожаловать, велѣть прежніе ихъ права и волности войсковіе, какъ издавна бывали при Великихъ Князехъ Руских и при Королехъ Полскихъ, что сужували и волности свои имѣли въ добрахъ и судахъ, и чтобъ въ тѣ ихъ войсковіе суди нѣхто не уступался, но отъ своихъ би старшинъ судились, потвердити; и прежнихъ би ихъ правъ, какови дани духовного и мирского чину людемъ отъ Великихъ Князей Рускихъ и отъ Королей Полскихъ, ненарушить; и на тѣ бъ ихъ права дати Нашу Государскую жалованную грамоту за Нашею Государскою печатю; и чтобъ

войска Запорожского спискового учинить шестьдесять тисячъ, и бидобъ то число всегда полно; будетъ судомъ Божіимъ смерть случится Гетману, и намъ би, Великому Государу, поволить войску Запорожскому по прежнему обичаю самихъ межъ себя Гетмана обѣрать, и кого оберутъ и про то намъ Великому Государу обявляти; имѣній Козацкихъ и земель, которіе имѣютъ для пожитковъ, чтобъ у нихъ отнимать не велѣть; такожебъ и вдовъ послѣ Козаковъ осталихъ дѣти поволности имѣли, какъ дѣди и отци ихъ. И Ми Великій Государь, Наше Царское Величество, подданого нашюго Богдана Хмелницкого, Гетмана войска Запорожского, пожаловали, велѣли имъ быть подъ Нашею Царского Величества рукою високою, по прежнимъ ихъ правамъ и привиллеямъ, какови имъ данни отъ Королей Полскихъ и отъ Великихъ Князей Литовскихъ; и тѣхъ ихъ правъ и волностей нарушовати ничемъ не велѣли; а судитися имъ велѣли отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ; а число войска Запорожского указали есми по ихъ же чолобитю учинить спискового 60,000, всегда полное; а буде судомъ Божіимъ смерть случится Гетману, и Ми Великій Государь поволили войску Запорожскому оббѣрати Гетмана по прежнимъ ихъ обичаямъ самимъ межъ себя; а кого Гетмана оберутъ, и о томъ писати къ Намъ Великому Государу, то потому-жъ, новому Гетману на подданство и на вѣрность вѣру Намъ Великому Государу учинить, при комъ Ми Великій Государь укажемъ; также имѣній Козацкихъ и земель, которіе они имѣютъ для пожитку, отнимати у нихъ и вдовъ послѣ Козаковъ осталихъ и дѣтей не велѣли; и быти имъ за Нами по прежнему. И буде и съ которихъ пограничнихъ Государствъ учнуть приходить въ войско Запорожское къ Гетману Богдану Хмелницкому и ко всему войску Запорожскому посли о добрихъ дѣлехъ, и Ми Великій Государь тѣхъ пословъ Гетману принимать и отпускать пово-

лили; а и съ которихъ Государствъ и о какихъ дѣлехъ тѣ посли прислани и съ чемъ отпущени будутъ, и Гетману о томъ всемъ писати къ Намъ Великому Государу вскорѣ. А буде которіе посли отъ кого прислани будутъ съ какимъ противнимъ къ Намъ Великому Государу дѣломъ, и тѣхъ пословъ въ войскѣ задерживать, и писать объ нихъ къ Намъ Великому Государу вскорѣ, а безъ Нашего Царского Величества указу назадъ ихъ не отпускать. А съ Турскимъ Солтаномъ и Полскимъ Королемъ безъ Нашего Царского Величества указу ссилки не держать, и по Нашему Царского Величества жалованю нинѣшнимъ Царского Величества подданимъ, Богдану Хмелницкому, Гетману войска Запорожского, и всему Нашого Царского Величества войску Запорожскому быть подъ Нашего Царского Величества високою рукою, по всѣмъ прежнимъ правамъ и привилеямъ, и по всѣмъ статямъ, которіе писани више сего; и Намъ Великому Государу и сину Нашему Государу Царевичу и Князю Алексѣю Алексѣевичу и наслѣдникомъ Нашимъ служити и пріяти и всякого добра хотѣти, и на Нашихъ Государскихъ непріятелей, гдѣ Наше Царское повелѣніе будетъ, ходити и съ ними битись, и во всемъ быть въ Нашей Государской волѣ и послушнимъ на вѣки. О которихъ онихъ статяхъ Намъ Великому Государу, Нашему Царскому Величеству, тѣ вишеі именованіе посланники Самойло и Павелъ, именемъ Богдана Хмелницкого Гетмана войска Запорожского и всего Нашого Царского Величества войска Запорожского, били челомъ и подали Нашимъ Царского Величества ближнимъ бояромъ, боярину и намѣстнику Казанскому князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, боярину и намѣстнику Тверскому Василію Василіевичу Бутурлину, околничому и намѣстнику Коширскому Петру Петровичу Головину; думному дяку Алмазову Иванову статѣ. И Ми Великій Государь тѣхъ статей вислушали милостиво, и что на которую статю Нашего Царского

Величества изволеніе, и то велѣли подписать подъ тимижъ статями; да тѣ статѣ, зъ Нашимъ Царского Величества указомъ, велѣли дать тѣмъ же посланникамъ Самойлу и Павлу; и хотимъ его Гетмана Богдана Хмелницкого и все войско Запорожское держать въ Нашемъ Царского Величества милостивомъ жалованіи и въ прѣзрѣніи, и имъ бы на Нашу Государскую милость быть надеждними.

Дана сія Наша Царского Величества жалованая грамота, за Нашею Государственною печатю, въ Нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7162 году мѣсяца марта 27 дня.

Подпись думного дяка Алмаза Иванова; писана на харатіи; калма безъ фѣкгуръ; Богословіе и Государево имя писано золотомъ; а на подписѣ подписано:

Божіею милостію Великій Государь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малія Росіи Самодержецъ.

(М. П.)

Печатана новою печатю подъ гладкою кустодіею, отворчеста.

Вторая грамота Царская жалованая үнѣверсалная, судіямъ, градоначалникамъ и всей обще шляхтѣ Малоросійской, древніе права и волности ихъ ствержающая.

По титлѣ Монаршой звиклой.

Пожаловали есми Наше Царское Величество отчини Малія Росіи жителей, судей стану шляхетского. Что въ нинѣшнемъ въ 162 году, какъ по милости Божой учини-

лись подъ нашею Государскою високою рукою Гетманъ Богданъ Хмелницкій и все войско Запорожское и вся Малая Русь, и вѣру намъ Великому Государу и нашимъ Государскимъ дѣтемъ и наслѣдникомъ на вѣчное подданство учинили; и въ марте мѣсяце прислалъ къ Намъ Великому Государу, къ Нашему Царскому Величеству, онъ Гетманъ Богданъ Хмелницкій и все войско Запорожское посланниковъ своихъ, Самойла Богданова судію войскового, да Павла Тетеру полковника Переяславского, чтобъ намъ Великому Государу его Гетмана Богдана Хмелницкого и все войско Запорожское пожаловати, поволить шляхте благочестивой христіянской вѣре, которіе въ Малой Росіи обрѣтаются, и вѣру къ Намъ Великому Государу на подданство учинили, быти при своихъ шляхетскихъ волностехъ и правахъ и привилеяхъ, и старшихъ себѣ на уради судовіе вибѣратъ межъ себя; и добра свои имѣти свободни, также какъ и напередъ того при Королѣхъ Полскихъ бывало; и суди-бъ Земскіе и градскіе отправляти чрезъ тѣхъ урядниковъ, которихъ оніе сами межъ себе оберутъ. И Ми Великій Государь, Наше Царское Величество, для челобитя подданого Нашего Богдана Хмелницкого Гетмана войска Запорожского и всего Нашего Царского Величества войска Запорожского, шляхтѣ, которіе пребываютъ въ Нашой Царского Величества отчинѣ Малой Росіи, велѣли быть подъ Нашего Царского Величества високою рукою по прежнимъ ихъ правамъ и привилеямъ и волности отъ Королей Полскихъ; и волностей ихъ шляхецкихъ нѣ въ чомъ нарушивать не велимъ; и старшихъ имъ себѣ на уряди судовіе Земскіе и градскіе вибирати межъ себе самимъ, и маетностями своими владѣть поволили, и судить имъ межъ себя по своимъ правамъ поволили; и по Нашему Царского Величества жалованю, Наше Царское Величество отчини Малія Росіи жителемъ, шляхтѣ, быти подъ Нашою Царского Величества високою рукою, по своимъ прежнимъ правамъ и при-

вилеямъ въ волностехъ шляхецкихъ свободно, безъ всякія неволѣ, во всемъ потому какъ въ сей Нашей Государской жалованой грамотѣ написано. И Намъ Великому Государу и сину Нашему Государу Царевичу Алексѣю Алексѣевичу и наслѣдникомъ Нашимъ служити и всякого добра хотѣти, и на Нашихъ Царского Величества непріятелей, гдѣ Наше Государское повелѣніе будетъ, ходити и съ ними битись; и во всемъ быть въ Нашой Государской волѣ и въ послушаніи на вѣки. А Ми Великій Государь учнемъ Васъ держать въ Нашемъ Царского Величества милостивомъ жалованє и призрѣніи; и Вамъ-би на Нашу Государскую милость быть надеждинмъ безъ всякаго сумнѣнія.

Дана сія наша Государская жалованная грамота въ Нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ сотворенія міра 7162, мѣсяця марта 27 дня.

(М. П.)

Подпись думного дяка Алмаза Иванова; писана на харатіе противъ першой грамоти.

РОЗДѢЛЪ VI.

О посланю отъ Хмелницкого до Сѣчи Запорожской списковъ вишисанниxъ жалованиxъ всему войску Запорожскому и народу Малоросійскому грамотъ Монаршиxъ, и о респонсѣ на тое Запорожскомъ.

Когда пречоніи посли Хмелницкого, Самойло Богдановичъ судія енералній и Павелъ Тетера полковникъ Переяславскій, зъ жалованнями вишисаними Монаршими

Его Царского Пресвѣтлого Величества грамотами и статями, зъ Москви въ Чигринъ повернулися, тогда Хмелницкій заразъ приказалъ грамоти оніе скопіовати, и чрезъ нарочного посланца своего послалъ тіи списки до Сѣчи Запорожской, для вѣдома всему войску Низовому Запорожскому, написавши о томъ до Коша таковій листъ свой:

Мосцѣ Пане Атамане Кошовій, зъ старшимъ и меншимъ войска Низового Запорожского товариствомъ, намъ велце зичливіе Мосцѣ Панове и братя.

Пришедши ми, за вѣдомомъ и совѣтомъ Вашимъ, братѣ нашой, въ союзъ и протекцію Великого Монархи Московского, Пресвѣтлѣйшого Государа Алѣксѣя Михайловича всея Росіи Самодержца, зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малоросійскимъ, и виконавши на поставленихъ пактахъ въ Переяславлѣ, при Его-жъ Монаршихъ полномочнихъ послахъ и комисарахъ, присягу нашу, зо всею старшиною и значнѣйшимъ войсковимъ товариствомъ, на тотъ часъ въ Переяславлѣ собравшимся; посилалисмо и нарочно пословъ нашихъ на столицу Московскую, просячи покорне Его Царского Пресвѣтлого Величества, даби по милости своей Монаршой, сохраняя насъ въ своей Государской ласцѣ, изволилъ намъ старшинѣ, зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малоросійскимъ, старовѣчніе права и волности наши своимъ привисокимъ Царскимъ поттвердити привилеемъ. Якого прошенія нашего онъ Великій Государъ нашъ, яко чадолюбивій отецъ милостивно вислухавши, изволилъ повелѣти видати намъ, со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малоросійскимъ, унѣверсалніе отвористіе свои Монаршіе превисокіе двѣ грамоти, ствержаючи и закрѣпляючи оними всѣ наши войсковіе и общенародніе Малоросійскіе волности и

права; которихъ обоихъ Манаршихъ привилеевъ, для вѣдома Вамъ всему войску Низовому Запорожскому, посилаючи чрезъ нарочного посланца нашего списки, зичимъ упрейме Имъ же, яко сами собѣ, доброго отъ Господа Бога здоровя и щастливого во всемъ узнавати повоженя. Зъ Чигрина априля 27, року 1654.

Зѣновій Богданъ Хмелницкій, Гетманъ славного войска Запорожского Его Царского Величества и всея Украины Молоросійскія.

На тотъ листъ Хмелницкого таковій отъ Запорожцовъ учиненъ респонсъ:

Ясне Велможній Мосцѣ Пане Богдане Хмелницкій, Гетмане войскъ Его Царского Пресвѣтлого Величества Запорожскихъ и всея Малія Росіи, намъ велце зичливій и ласкавій Мосцѣ Пане брате и добродѣю.

Чрезъ нарочного посланца Твоей Ясной Гетманской Мосцѣ отобравши ми, Низовое войско Запорожское, списки, для вѣдома намъ присланіе, привилеовъ Монаршихъ Его Царского Пресвѣтлого Величества, ствержаючихъ милостивно всѣ древніе и старовѣчніе права и волности наши войска Запорожского и всего народа Малоросійского, и вичитавши оніе, обрадовалисмося вседушне, ижъ онъ Пресвѣтлѣйшій и Самодержавнѣйшій Великій Государь и Православній Монархъ нашъ, яко чадолюбивій отецъ, изволилъ насъ слугъ своихъ и Православія восточнія Церкве истиннихъ синовъ пожаловати, прошенія Вашего Гетманского не презрѣти, а права и волности наши войска Запорожского и народа Малоросійского, стародавніе, своими превисокими Монаршими привилеями закрѣпити и по-

твердити. За що яко воздаемо хвалу и благодареніе во Тройци славимому и поклоняемому Богу, такъ и Ему Пресвѣтлѣйшому Государу Цару нашому, за тую Его Монаршую ку намъ милость, достодолжное наше войсковое воздаемъ нижайшое челомбитствіе; дякуемъ тежъ велце и Твоей Ясной Гетманской Мосцѣ, за тщаливое въ томъ старане и труди, и за присланe намъ для вѣдома пречечоныхъ Монаршихъ привилеовъ списковъ; въ которихъ, любо совершено права и волности кратко заключаются, однакъ, для досконалшого видѣнія, желаемъ и самихъ пактовъ имѣти въ себе присланніе отъ Твоей Гетманской Ясной Мосцѣ списки, и не вонтпимъ въ томъ, же Твоя Гетманская Мосць насъ оними коммунѣковати рачишъ, яко тихъ, которіе на услугу военную Пресвѣтлому Монарху нашому и Твоей Ясной Гетманской Мосцѣ цале себе декляруемъ. Данъ въ Сѣчи Запорожской, року 1654, мая 3.

Атаманъ Кошовій, зо всѣмъ старшимъ и меншимъ войска Низового Запорожского товариствомъ.

РОЗДѢЛЪ VII.

О приборѣ Царскомъ до войни на Литву и Поляковъ, и о взаемномъ войску Козацкомъ и Московскомъ; о Королевской корреспонденціи до Турковъ и Хана, и о прихилнихъ къ нему отъ толь отвѣтахъ.

Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Россіи Самодержецъ, зъ доброволного приклоненеся ку себѣ Малой Росіи и всего войска Запорожского, благополучного дождавши времени, и маючи слушніе причини ку розерваню учиненого по нуждѣ зъ Владиславомъ Королемъ Полскимъ и зо всею короною покою, несумѣнно на неподлую, но крѣпкую и надеждную Козацкую въ своемъ военомъ промислѣ надѣючися помощъ, прибѣрался на зачате войни зъ Поляками и Литвою, и приславши до Хмелницкого своего Московского конного и пѣшого войска для отпору Полякамъ, двадцять пять тисячъ, потребовалъ того, аби и Хмелницкій, взаемъ, своего Козацкого войска такое-жъ число виправовалъ до обозу Его Царского Пресвѣтлого Величества, щося вскорѣ и виполнило. Король тежъ Полскій Янъ Казѣмѣръ, при несогласіи и внутреней замѣшанинѣ пановъ своихъ коронниихъ, увидѣвши холодно повиваючіи на себе отъ Москви и Шведовъ вѣтри, и якъ колвекъ хотячи вспомогти отъ крайнего упадку державу свою, корону Полскую, вдался въ томъ чрезъ Пословъ своихъ до Порти Турецкой и Хана Кримского, отъ коихъ обоихъ прихилніе ку себѣ одержалъ

респонси; а особливе отъ Хана таковій, же если онъ Король Полскій зъ казни своей заплатитъ ему тое все, що доводится, и если на томъ присягнетъ, же въ жаднихъ окказіяхъ его Хана не оставитъ, то и онъ готовъ будетъ, сполне зъ войсками коронними, военной допомогти импрези на Хмелницкого и на Царство Російское.

РОЗДѢЛЪ VIII.

О зачатой щасливе войнѣ Московской зъ Козаками на Поляковъ; о збуреню Литви со взятимъ Смоленскомъ и иними премногими мѣстами и замками; о подъездѣ Ганчкофомъ подъ войско Московское щасливомъ, и о нещасливомъ Радивиловомъ походѣ зъ войскомъ его, чрезъ Москву розгромленомъ; о утвержденіи новой Полской зъ Кримомъ лиги, со взаемними присягами на поставленихъ кондиціяхъ, и о уищеню должного платежу отъ Поляковъ Хановѣ; о смерти старого, и о избраніи нового Хана; о посланцу Хмелницкого до нового Хана зъ желаніемъ о прежнюю пріязнь, и о неполученіи тоя, для купившихъ ю Поляковъ у Криму. О затмѣнію солнечномъ; о освященіи церкви въ монастыру Лубенскомъ, и инихъ церквей; о кончинѣ Афанасія Патріархи Константинополского; грамота Царская жалованная Кіевляномъ.

Егда же настала вожделѣная весна, зъ радостотворними цвѣтами земними, тогда абіе и Марсъ Московскій, свои въ поляхъ зеленихъ распростерши хоругви, намѣреную здавна на Поляковъ войну, зъ приданими въ первій разъ ей Козацкими предписаними силами, отъ Литви зачинаетъ и въ дѣло производитъ, взявши Дорогобужъ, Невель, Серпейско и Полоцкъ крѣпкій надъ рѣкою Двиною; потомъ и

далѣй распростерпися, своими загонами ку Мстиславю и Вильню, къ Смоленску зближается, и всѣ паси къ нему будучіи залѣгаетъ. Въ тимъ часѣ Князь Радивилъ, Гетманъ Литовскій, виправилъ подъ войско Московское для языка значній при семохъ хоронгвахъ подъездъ свой зъ Ганчкофемъ, которій будто (якъ твердитъ Твардовскій на лѣстѣ 123-мъ) нѣгдесь на войско Московское напавши, пять тисячъ вибилъ оного; що на явную походило неправду. За поворотомъ съ Криму Ясколского, посла Королевского, прибылъ зъ нимъ и отъ Хана посланецъ, Солиманъ Ага, для утвержденія (по розорваной съ Хмелницкимъ) зъ короною Полскою ликги. Тотъ теди посланецъ, именемъ Ханскимъ, безъ долгой церемонѣи обяснивши Королевѣ готовость Ханскую до ликги зъ нимъ, первѣе упоминался отъ Короля плати Хановѣ належной, шестисотъ тисячей золотихъ монети доброи, а безмалъ чи не битихъ талярей, повторе — присяги Королевской и рѣчи посполитой на непремѣнную зъ собою пріязнь и ликгу, же ни Король на Кримъ, а ни Ханъ на Короля нѣкгди воевати не будутъ. Чому Король радъ будучи, обѣщалъ отъ своей персони Королевской самъ виконати на томъ присягу, а отъ рѣчи посполитой назначилъ виконати оную Арцѣбѣскуповѣ Гнѣзненскому. Ханъ зась, при такомъ утвержденіи зъ Поляками ликги, обовязался готовимъ быти зъ Ордою на помочь Королевѣ, противъ его непріятелей; а Король за тое Хановѣ що рокъ поступилъ давати упоминки и подарунки, подлугъ давнѣйшихъ пактовъ, по которіи Ханъ своихъ людей присилати повиненъ до Камянца Подолского. Утвердили при томъ и тое, же еденъ безъ другого жадного покою зъ своимъ непріятелемъ чинити не мѣютъ; и же въ тихъ же пактахъ, въ союзѣ зъ Королемъ и Ханомъ мѣли зоставати и Королевѣ помогати — Ракочій князь Венгерскій зъ Господарами Молтанскимъ и Волоскимъ. При отправѣ зась посла пречоного Ханского Король виконалъ присягу; а для одо-

браня отъ Хана взаемной присяги, виправилъ зъ тимъ же посланцомъ Ханскимъ знову Ясколского, пославши чрезъ него и вишей вспомненую суму, Хану заведеную. Але Ясколскій (яко свѣдчитъ Твардовскій на листѣ 125) въ Волощину прибывши, и вѣдомость о кончинѣ Хана старого получивши, удержался въ Волощинѣ, и далъ о томъ Королевѣ знати; Король еднакъ непремѣнно приказалъ ему до Криму ѣхати и свое посолство кончити, надеженъ будучи же и новій Ханъ, принявши отъ Короля посилаемии подарки, не отмовитъ, на виписанихъ зъ старшимъ Ханомъ пунктахъ, своей зъ Королемъ заключити и присягою потвердити ликги и пріязни; якожъ такся и стало; ижъ новоучиненій Ханъ у Криму, зъ совѣтомъ своихъ Кримскихъ начальниковъ, чинячи доситъ Королевскому желанію, склонился до пріязни съ Королемъ Полскимъ на всѣхъ кондиціяхъ тихъ, до якихъ старій Ханъ присталъ былъ; и писалъ о томъ Калга Солтанъ до Короля, уневняючи его всѣмъ тимъ, о що потребовалъ онъ отъ нихъ. Ханъ зась новій удержавши Ясколского въ Бакчисарию, самъ отъехалъ до Стамбулу, для одобраня корогви и потверженя на Ханство.

А въ Литвѣ, отъ наступленя войскъ Московскихъ зъ Козацкими, великое настало тогда бѣдствіе и разореніе. За поворотомъ тежъ предписанимъ зъ подъезду отъ войска Московского Ганчкофимъ, и самъ князь Радивилъ, Гетманъ Литовскій, на добрую ку войнѣ здобившися фантазію, рушилъ въ килконадцяти тисячахъ подъ войско Московское, ку Оршѣ и Смоленску; але за часу и невидѣвши силъ Московскихъ спужавшися и назадъ бездѣлно повернувши, зосталъ отъ Москви и Козаковъ у рѣки Березини, подъ Шкловомъ, нагнанъ и на голову зо всѣмъ войскомъ поражепъ; а иніе отъ погибели спаслися утекомъ, Пилявской утѣчце подобнимъ; где и самъ Радивилъ Гетманъ за малимъ не пропалъ, двохъ коней позбывши, и зъ малою ча-

стќою недобитого войска до Литви ускробавши. По такой поражцѣ Радивила Гетмана заразъ Москва назначила Государству своему границу по перечоную рѣку Березину, заехавши зъ Бѣлою Руссю малъ не половину Литви до своеей державы, и взявши въ ней болшъ двохъ сотъ мѣстъ и замковъ, зъ Смоленскомъ и Витепскомъ; яко Твардовскій свѣдчитъ на листѣ 127. Биховъ тогда новій здался Козакамъ безъ шкоди своея, а старій Биховъ не дался тогда Москвѣ и Козакамъ, и подъ нимъ забитъ тогда добрій жолнѣръ Козацкій, Стефанъ Пободайло албо Подобайло, полковникъ Чернѣговскій, а припроваженъ въ Чернѣговъ и погребенъ септеврія 20 въ монастиру Иллинскомъ Чернѣговскомъ, которій послѣ Батіевого разоренія, по многолѣтномъ запустѣніи, своимъ старанемъ и коштомъ онъ же Пободайло и отновилъ. Того-жъ лѣта Иванъ Золотаренко съ Козаками..... Чичерскъ вирубалъ и испалилъ; а Гомель зъ Пропойскомъ и иными тамошними городами доброволне и безъ шкоди здалися Козакамъ; а Шкловъ здрадливе свободился отъ Москви въ немъ на залозѣ бывшой, вибивши оную нечаяно. Въ тимъ времени наступила зима; а Хмелницкій совершенно провѣдавши, же Поляки чрезъ посла своего Ясколского зъ новимъ Ханомъ и зъ цѣлимъ Кримомъ до новой лиги приходятъ, виправилъ и отъ себе посланца до Хана нового, зъ прошеніемъ о прежнюю себѣ пріязнь, а не ку Полякамъ. Ханъ теди зъ Стамбулу до Криму простуючи, въ дорозѣ получилъ тое поселство Хмелницкого, а прибывши до Криму, радился о томъ со всею старшиною Кримскою; на томъ теди въ той радѣ постановлено, пжъ непремѣно быти въ союзѣ новомъ зъ Поляками, а не въ старомъ зъ Козаками, звлаща кгди на тое якъ самъ Ханъ, такъ и вси началники Кримскіе добре дарами Полскими, чрезъ посла ихъ Ясколского, были накуплени. На доводъ чого предъ отпускомъ зъ Криму Ясколского, отписалъ Ханъ новій до Короля чрезъ

нарочного гонца своего, ознаймуючи о утвержденомъ зъ нимъ союзѣ, и же росказалъ Ордамъ Буджацкимъ зъ Куя Беомъ, а Ордамъ Кримскимъ зъ Калгою Солтаномъ простовати подъ Чернѣховци; где, же би и Гетмани Полскіи зъ войсками своими ставали въ совокупленіе Ордамъ, предлагалъ и упоминался.

Того-жъ 1654-го року, въ среду въ постъ Спасовъ, страшное было слонца затмѣне о полднѣ, такъ, ижъ цале свѣтлость дневная мракомъ нощнимъ бысть закрита, и звѣзди по небеси видѣни бяху. А Хмелницкій, зъ войскомъ Козацкимъ и Московскимъ ему приданимъ, для осторожности Украини отъ Поляковъ, стоялъ тогда обозомъ подъ Хвастовомъ; где неякіись отъ Царского Величества посланій значній персона прибывши, далъ кождому Козаковѣ Царского жалованя по червоному золотому малому.

Того-жъ лѣта на Преображеніе Господне, Преосвященій Силвестръ Косовъ, Митрополитъ Кіевскій, въ монастиру Мгарскомъ церковъ Святого Спаса освятилъ. Потомъ въ Миргородѣ и Лохвицѣ церкви Божественія освятивши, повернулъ до Кіева августа числъ послѣднихъ.

Того-жъ року, поворочаючи зъ царствующого великого града Москви, Святѣйшій Афанасій Патріярха Константинополскій преставися и погребенъ въ монастиру Мгарскомъ Лубенскомъ; и нинѣ таможде въ нетлѣнихъ мощехъ опочиваетъ, на верху земли, въ церквѣ каменной Святого Спаса, въ стѣнѣ на правой странѣ не закрито.

Того-жъ 1654-го року, отъ Пресвѣтлѣйшого Государя Царя и Великого князя Алексія Михайловича, всея Россіи Самодержца, по челобитю Кіевлянъ, видана имъ грамота отвориста.

Въ ней-же первѣе виражается челомбите Богдана Хмелницкого Гетмана, зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малоросійскимъ о утѣсняемой, искореняемой и на Унею гвалтовне претворяемой во всей Малой Росіи

благочестивой Грекоруской вѣрѣ, и о всякихъ Лядскихъ гоненіяхъ, поруганіяхъ и злостехъ, Малоросіяномъ тогда творимихъ, и о недодержаню Лядскомъ пактовъ Зборовскихъ и Бѣлоцерковскихъ, зъ Хмелницкимъ поставленихъ, и о вщатой после тихъ пактовъ Лядской на Малую Росію войнѣ, зъ многимъ кровопролитіемъ и благочестивимъ Малоросіяномъ мучителствомъ. Потомъ виражается вѣчній миръ Великого Государя Царя Михаила Федоровича зъ Королемъ Владиславомъ учиненій, и премѣненіе лядское мира оного, съ безчестіемъ и укоризною Великому Государю Московскому, чрезъ нѣкіихъ злочинцовъ Поляковъ; и за Короля Яна Казѣмѣра, неучинене справедливости зъ тихъ злочинцовъ Поляковъ; для чого и мира нарушене статися мусѣло. Къ тому виражается прошеніе Хмелницкого, дабы принятъ былъ зо всею Малою Росіею подъ високую руку его Монархи Російского, или чрезъ его-жъ посредствіе былъ примиренъ зъ Поляками на пактахъ Зборовскихъ; але Поляки зъ Королемъ Яномъ Казѣмѣромъ того посредствія не послухали, и на искорененіе въ коронѣ своей Полской вѣри благочестивой весма повстали; и для того Великій Государь Російскій Хмелницкого, зо всею Малою Росіею, принялъ подъ свою високую руку. Потомъ виражается преречоное челомбите мещанъ Кіевскихъ, по которомъ они приняти подъ его-жъ Монархи Російского руку, зъ потверженіемъ давнихъ Королевскихъ правъ ихъ и волностей безъ нарушенія. — Якая то грамота отъ слова до слова такъ-ся въ себѣ имѣетъ:

Божіею милостію Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малія Росіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимерскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сѣбѣрскій, Государь Псковскій и Великій Князь Тверскій, Игорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, и Великій Князь Новагорода, Низовскіе земли, Черпѣговскій,

Ростовскій, Резанскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, и всея Сѣвернія страни Повелитель и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскихъ Царей, земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей, и инимъ многимъ Государствамъ и землямъ Восточнимъ, Западнимъ, и Сѣвернимъ странамъ отчичъ, дѣдичъ и наслѣдникъ, Государь и Обладатель. Пожаловали есмя, предковъ Нашихъ и Великихъ Князей Россійскихъ Нашего Царского Величества отчини, Малія Росіи, подданихъ Нашихъ, города Кіева мѣщанъ, что въ прошлихъ годѣхъ и въ нинѣшнемъ, въ сто шестдесятъ второмъ году, присилалъ къ Намъ Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, Богданъ Хмелницкій Гетманъ войска Запорожского и все войско Запорожское и вся Малая Русь бити челомъ: что папи рада и вся рѣчъ посполитая на Православную Христіянскую вѣру Греческого закону и на святія Божія Восточнія церкви востали и гоненіе учинили болшое, и отъ истиной Православной Христіянской вѣри учали ихъ отлучати и неволить къ своей Римской вѣрѣ, и въ инихъ мѣстахъ, въ Корунѣ и въ Литвѣ, благочестивія церкви попечатали, а въ нихъ учинили Унѣю, и всякія надъ ними гоненія и поруганія и злости нехристіянскія чинили. И помирясь съ ними сперва подъ Зборовымъ, а послѣ подъ Бѣлою Церквою, на правдѣ своей неустояли, и церкви Божія, которія въ договори написани быти отдани, изъ Унѣи не отдали, а которіе немногіе и отдани были, и тѣ оборочени опять подъ Унѣю; и хотя Православную Христіянскую вѣру Греческого Закону искоренити, и святія Божія церкви до конца разорить, войска свои на нихъ собрали, и многіе городи и мѣста, и въ тѣхъ городѣхъ и мѣстехъ святія Божія церкви осквернили, обругали и разорили, и Православнихъ Христіянъ духовного и мирского чина многихъ невиннихъ мучили, и всякое злое поруганіе чинили, чего и надъ поганими

бѣсурманами и надъ жидами не дѣлаютъ. И оній Гетманъ Хмелницкій и все войско Запорожское, нехотя благочестія Христіянскія вѣри отбыть, и святихъ Божіихъ церквей въ разореніи видѣть, по неволѣ призвавъ къ себѣ на помощь Кримского Хана съ Ордою, учали за Православную Христіянскую вѣру и за святія Божія церкви противъ ихъ стоять. А Нашему Царскому Величеству били челомъ и милости просили, чтобъ Мы Великій Государь, Наше Царское Величество, Православнія Христіянскія вѣри искоренити, и святихъ Божіихъ церквей разорити гонителемъ ихъ и клятвопреступникомъ не дали, и велѣли бы его Гетмана и все войско Запорожское и всю Малую Русь приняти подъ Нашу Царского Величества високую руку зъ городами и землями, чтобъ имъ отъ того гоненія у Турского Солтана и въ Кримского Хана въ подданствѣ неучинитися; а они Намъ Великому Государу Нашему Царскому Величевтву служити, и за Наше Государское здоровя противъ всякого непріятеля стояти будутъ во вѣки. И подъ Нашу Царского Величества високую руку Богданъ Хмелницкій и все войско Запорожское и вся Малая Русь въ подданство не приняти, по нинѣшной сто шестдесятъ второй годъ; для того, что въ прошломъ во 142 году Отецъ Нашъ блаженія памяти, Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Федоровичъ, всея Росіи Самодержецъ, и многихъ Государствъ Государь и Обладатель, съ Владиславомъ Королемъ Полскимъ и Великимъ Княземъ учинили вѣчное докончене на томъ: быти обоимъ Великимъ Государемъ межъ себя и ихъ Государскихъ дѣтемъ и внучатамъ и предбудучимъ Государемъ въ братской дружбѣ, въ любви и соединеніи, и Отца Нашего, блаженія памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всея Росіи Самодержца, Его Царское Величество и Его-жъ Государскихъ дѣтей и наслѣдниковъ Владиславу Королю и Его Королевского Ве-

личества дѣтемъ и наслѣдникомъ и впредь будущимъ Королемъ Полскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ и паномъ радѣ и всей рѣчи посполитой и всякихъ чиновъ людемъ, во всякихъ писмахъ описовати и имяновати, по его Государскому достоинству и по вѣчному доконченю, Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ, всея Росіи Самодержцемъ, съ полними Его Государскими титли, какъ Онъ Великій Государь самъ себя описуетъ, по докончаной грамотѣ отъ нынѣ и до вѣка и предъ неподвижно, безъ всякаго премененя. И то вѣчное докончаніе обѣ сторони, сперва великіе посли, а послѣ того и сами обои Великіе Государи, своими Государскими душами, крестнимъ цѣлованіемъ закрѣпили, и грамотами и печатми утвердили, что межъ ими обоими Великими Государи тому вѣчному утверженю быти на вѣки непремѣно. И зъ сторони Владислава Короля Полского и Великого Князя Литовского, при немъ Владиславѣ Королѣ, вѣчное докончене нарушено; Отца Нашего, блаженія памяти Великого Государя Цяря и Великого Князя Михаила Феодоровича и всея Росіи Самодержца, и Насъ Великого Государя, въ Его Королевскихъ многихъ грамотахъ и порубежнихъ городѣхъ воеводъ и каштеляновъ и старостъ и капѣтановъ и державцовъ въ Наши Царского Величества порубежніе городы воеводамъ въ листѣхъ ихъ, имянованя и титли писани не по вѣчному доконченю, со многимъ перемененемъ; а иніе злодѣи во многихъ листѣхъ писали съ великимъ безчестіемъ и укоризною, и Королевскіе имянованя писали Царскимъ имянованемъ и многихъ Государствъ Государемъ и обладателемъ, мимо вѣчного доконченя. А о тѣхъ Королевскихъ многихъ неправдахъ посилани отъ Насъ Великого Государя въ Полщу и въ Литву, ко Владиславу Королю Наши Царского Величества великіе посли и посланики; многажди будучи у Короля на поселствѣ и съ пани ради въ отвѣтехъ, о Нашой Государской чести говорили, и прописніе листи

казали, и списки зъ нихъ дали, и на тихъ людей казни и наказанія просили. И во сто четиредесятъ осмомъ году, писалъ ку отцу Нашему, блаженія памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу и всея Росіи Самодержцу, Владиславъ Король въ грамотахъ своихъ: которіе де люди, за Его Королевскимъ Указомъ, учнутъ Его Государское имянованя и титлу писать не по вѣчному утверженю, и тѣ будутъ казнени; а которіе писали не остерегателно и тихъ зъ сейму одноличо велитъ казнить, а впредь того отнюдь не будетъ. А въ отвѣтномъ писмѣ пановъ радъ, каково дали въ сто пятдесятъ третемъ году Нашимъ Царского Величества великимъ посломъ, боярину и намѣстнику Суздалскому князю Алексѣю Михайловичу Толстому Лвову Ярославскому съ товарищи, написано, что Королевскому Величеству покамиста права нeставало, потамѣста караня чинитъ того было не мощно. А ниже за тіе проступки послѣ права постановленого, Король на сеймъ позвать велѣлъ и казнь проступкѣ ихъ противъ права ихъ подленого учинена будетъ. И по тѣмъ Королевскимъ грамотамъ и по отвѣтнимъ писмамъ и по договорамъ пановъ радъ, при Владиславѣ Королѣ исправленя никакова не бывало, а откладывали то дѣло зъ сейму на сеймъ, по многіе годи, и тѣмъ чинили проволоку, мимо истиніе правди и вѣчнаго докончаня. А какъ послѣ Владислава, на Королевствѣ Полскомъ и Великомъ Князствѣ Литовскомъ учинился братъ Его, нынѣшній Янъ Казѣмѣръ Король, и при немъ не токмо что въ прежнихъ неправдахъ исправленія не учинено, но учало быть и пуще прежняго: по Его Королевскому Указу и по повелѣнію пановъ радъ, печатани въ разнихъ городѣхъ книги на Полскомъ и Латинскомъ языкахъ, а въ тѣхъ книгахъ напечатано было про Отца Нашего, блаженія памяти про Великого Государя Царя и Великого Князя, всея Росіи Самодержца, и про дѣда Нашего, блаженія памяти, про Великого Государя

Святѣйшого Патріярхи Филарета Никитича Московского и всея Росіи Самодержца, также про Насъ Великого Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Росіи Самодержца, зліе безчестя и укоризни и хули, нетолко Намъ Великимъ Государемъ Христіянскимъ, Помазанцомъ Божіимъ, но и простому человѣку слишати и терпѣти невозможно; также Нашихъ Царского Величества про бояръ и про всякихъ чиновъ людей напечатани въ тихъ книгахъ многія безчестія и злія укоризни, чого ни въ которихъ Государствахъ, нетокмо за вѣчнимъ доконъчанемъ, и въ розврате того небываетъ. И въ прошломъ сто пятдесятомъ осмомъ году, по Нашему Царского Величества посилано Указу, отъ насъ Великого Государя въ Полщу и въ Литву, ко Яну Казѣмѣру Королю, Нашu Царскаго Величества великіе и полномочніе посли, бояринъ и служебничій намѣстникъ Нижнего Новагорода Григорій Гавриловичъ Пушкинъ зъ товарищи, о тихъ Королевскихъ и̑ пановъ радъ многихъ неправдахъ говорити за Нашу Государскую честь, по посолскимъ договорамъ, на виноватихъ просити казни смертной. И по Королевскомъ Указу пани рада, тѣмъ Нашего Царского Величества великимъ посломъ, дали договори за руками своими и за печатми, что тѣхъ всѣхъ про Нашу Царского Величества честь обвиненихъ людей, которіе въ росписѣ отъ нихъ великихъ пословъ имъ паномъ радѣ подани, на сеймъ позвать, и на сейму противъ конституцій тисяча шесть сотъ тридцать семого году осудя, и по проступкѣ ихъ и смертію хто будетъ достоинъ казнить, при Нашихъ Царского Величества послѣхъ, которихъ мы Великій Государь для обличеня виноватихъ съ прописними листами пришлемъ. А въ конституціи тисяча шесть сотъ тридцать семомъ году напечатано, что на такихъ людей, которіе учнутъ Наши Царского Величества титли убавливать или перемѣнять, положено право, Латинскимъ языкомъ poenam perduellionis, то-есть на тихъ виноватихъ неотпущателная казнь смертная и отлученіе

имѣнія. И послѣ того въ сто шестьдесятомъ году, по Нашему Царского Величества указу а по присилкѣ Яна Казѣмѣра Короля, послани къ Нему Яну Казѣмѣру на сеймъ съ прописними листами Нашего Царского Величества Наши посланики, и будучи они въ Короля и у пановъ радъ въ въ отвѣтехъ, о Нашой Государской чести говорили, и на виноватихъ по договору и по конституціи казни просили. Янъ Казѣмѣръ Король и пани рада на томъ соймѣ, при Нашихъ Царского Величества посланикахъ, не токмо по договору исправленія не учинили, но многихъ винних людей и къ суду не поставили, и правди ни въ чемъ не показали, и тѣхъ Нашихъ Царского Величества посланиковъ отпустили безъ дѣла. И послѣ того прислалъ къ Намъ Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, Король посланиковъ своихъ, а съ ними присилалъ зъ сейму на тихъ подданихъ своихъ, за Нашу Государскую честь обвиненихъ, людей зъ декретомъ, и въ томъ декретѣ къ прямому исправленію нѣчого ненаписано, и многіе винніе люди отъ винъ своихъ, мимо всякія правди, учинени свободни; а на нѣкоторихъ на худихъ людей, отъ четирехъ сотъ винних а толко на дванадцетъ человѣкъ, вина положена, и про тѣхъ въ томъ-же декретѣ таково беззазорно написано, гдѣ они жили или померли, про то имъ и самимъ не вѣдомо. Да Ми жъ Великій Государь, Наше Царское Величество, исполняя вѣчное докончене и ожидая съ Его Королевской сторони исправленія, во сто шестдесятъ первомъ прошломъ году, посилали къ Нему Яну Казѣмѣру Королю Нашихъ Царского Величества великихъ и полномощнихъ пословъ, боярина и намѣстника Великопермского князя борянина Бориса Александровича Репнина-Оболенского съ товарищи, чтобъ Янъ Казѣмѣръ Король, памятуя вѣчное докончаніе и посолскіе договори и сеймовіе свои уложеніе, конституцѣю, велѣлъ въ тѣхъ више имянованнихъ дѣлехъ исправленія учинити; и Янъ Казѣмѣръ Король о томъ дѣлѣ правди

никакія не показалъ; а пани рада въ отвѣтехъ Нашимъ Царского Величества великимъ посломъ говорили и называли то дѣло, что они говорили о Нашой Государской чести, малимъ дѣломъ и смѣялися; и тѣмъ они Отца Нашего, блаженнія памяти Великого Государя Его Царского Величества и Насъ Великого Государя Наше Царское Величество обезчестили, и тѣхъ Нашихъ Царского Величества великихъ и полномощнихъ пословъ отпустили безъ дѣла. И по тѣмъ по многимъ Королевского Величества и пановъ радъ неправдамъ учинено вѣчному доконченю нарушене съ Его Королевской сторони, а съ Нашей Царского Величества сторони вѣчное доконченe во всякихъ мѣрахъ здержано крѣпко и ненарушимо. А Гетманъ войска Запорожского Богданъ Хмелницкій и все войско Запорожское и вся Малая Русь присилали къ Намъ Великому Государю бити челомъ многажди, чтобъ Великому Государю Православніе Христіянскіе вѣри искоренить и святихъ Божіихъ церквей разорити гонителемъ и клятвопреступникамъ не дати, и надъ ними умилосердитися, велѣти ихъ приняти подъ Нашу Царского Величества високую руку. А будетъ Ми, Великій Государь, не пожалуемъ ихъ и подъ Нашу Государскую високую руку приняти не изволимъ, и Намъ бы Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, для Православнія Христіянскія вѣри и святихъ Божіихъ церквей, въ нихъ уступитися, велѣти ихъ помирити черезъ Нашихъ Царского Величества пословъ, чтобъ имъ миръ былъ надеженъ. И по Нашему Царского Величества указу, а по челомбитю Гетмана Богдана Хмелницкого и всего войска Запорожского, Наши Царского Величества великіе посли, бояринъ и намѣстникъ Великопермскій Князь Борисъ Александровичъ Репнинъ Оболенской съ товарищи, о томъ миру и посредствѣ Королю и паномъ радѣ говорили, чтобъ Король и пани рада то междуусобье успокоили, и съ войскомъ Запорожскимъ и со всею Малою Русю помирились, и Православную вѣру Греческого закону

не гонили, и церквей Божіихъ не отнѣмали, и неволи имъ нѣ въ чемъ не чинили, а вчинили-бъ миръ по Зборовскому договору, и которія церкви оборочени подъ Унѣю и тѣ церкви имъ отдали назадъ; и будетъ Король и пани рада то учинятъ, что зъ войскомъ Запорожскимъ и со всею Малою Русю помирятся, и впередъ имъ въ вѣри неволѣ чинити не начнутъ, и церкви имъ Божія отдадутъ по прежнему, и Мы Великій Государь Наше Царское Величество для Православнія Христіянскія вѣри святихъ Божіихъ церквей, Королевскому Величеству такую поступку учинимъ — тѣмъ людемъ, которіе въ Нашомъ Государскомъ имянованю въ проступкѣ обявилися и достойни были смертнія казни, и тихъ велимъ имъ отдать. Да Наши-жъ Царского Величества великіе посли говорили: якъ Янъ Казѣмѣръ Король обранъ на Королевство, и на коронованіе духовного и мирского чину людемъ присягалъ на томъ, что ему межъ разнствующими въ вѣрѣ Христіянской людми, защищати и остерегати, и никакими мѣрами для вѣри самому не тѣснити, и никого на тое не попускати; а будетъ онъ то въ своей присягѣ не здержитъ, и онъ подданихъ своихъ отъ всякія вѣрности и послушанія чинитъ свободними, и разрѣшенія о той клятвѣ своей ни въ кого просити не будетъ и не приметъ, и въ короноване его то напечатано подлено. И онъ Янъ Казѣмѣръ Король не токмо чтобъ Православную Христіянскую вѣру оберегалъ и защищалъ, но и гоненіе злое учинилъ, чего нѣ на которую и геретическую вѣру не чинятъ, и потому онъ клятву свою на чемъ присягалъ проступилъ, и подданихъ своихъ, ихъ Православнихъ христіянъ, тѣмъ отъ подданства учинилъ свободними. И онъ Янъ Казѣмѣръ Король и пани рада то все поставили нѣ вочто, и въ миру и въ посредствѣ Нашимъ Царского Величества великимъ и полномоцнимъ посломъ отказали, и хотя Православную Христіянскую вѣру искоренити и церкви Божія разорити, пошли на нихъ

войною при Нашихъ Царского Величества великихъ послѣхъ; а какъ у Короля и въ пановъ радъ въ прошломъ въ 161-мъ году сеймъ былъ въ Берестѣ Литовскомъ, и у нихъ на сейму приговорено, что имъ Православнимъ Христіянскимъ людемъ Греческого закону, которіе живутъ въ коронѣ Полской и Великомъ Княжствѣ Литовскомъ, доми Божія разорить, чтобъ вѣра Греческого закону искоренилась. И Ми Великій Государь, Наше Царское Величество, видя зъ Королевскія сторони многія неправди и вѣчному доконченю нарушенія, на Православную Христіянскую вѣру и на святія Божія церкви гоненіе, подъ Нашу Царского Величества високую руку Гетмана Богдана Хмелницкого и все войско Запорожское и всю Малую Русь приняти велѣли, зъ городами, землями во вѣчное подданство. И Гетманъ Богданъ Хмелницкій и все войско Запорожское и вся Малая Русь вѣру Намъ Великому Государю и Нашимъ Государскимъ дѣтемъ и наслѣдникомъ учинили, что имъ быть подъ Нашею Царского Величества високою рукою зъ городами и землями во вѣчность подданства. И мая въ 25 день пріѣзжали къ Намъ Великому Государеви, Нашему Царскому Величеству, бити челомъ Нашія Царского Величества отчини, города Кіева подданіе Наши, войтъ Богданъ Сомковскій, да бурмистръ, да райцы съ товарищи, чтобъ Намъ Великому Государю тихъ подданихъ Нашихъ пожаловати, права ихъ и привилеи, которія имъ дани отъ Королей Полскихъ потвердить, Нашими Государскими грамотами укрѣпить. И Мы Великій Государь, Наше Царское Величество, подданихъ Нашихъ, города Кіева мѣщанъ, пожаловали, велѣли имъ бытъ подъ Нашею Царского Величества високою рукою по прежнимъ правамъ и привилеямъ, какови дани имъ отъ Королей Полскихъ, и тѣхъ правъ и привилѣевъ нѣ въ чемъ не нарушовати. А что въ челомбитіи ихъ и въ Королевскихъ привилеяхъ написано, что Кіевляне

купецкіе люде отъ пошлинъ, какъ издятъ торговать сухимъ и водянимъ путемъ уволнено, и Ми Великій Государь ихъ пожаловали, позволили имъ въ Нашихъ Царского Величества Черкаскихъ городѣхъ торговать безъ пошлинно-жъ; а что въ ихъ же челомбитіи и въ Королевскихъ привилеяхъ написано, что складъ всякихъ товаровъ пріизжихъ и купецкихъ данъ Кіеву, и Ми Великій Государь ихъ пожаловали, складъ товаромъ велѣли быть къ Кіеву противъ прежняго, а пошлину зъ товаровъ, зъ пріизжихъ гостей, а не съ мѣщанъ Кіевскихъ, указали Ми Великій Государь имати на Насъ Великого Государя. А что по Королевскимъ же привилеямъ съ питя, съ пива и съ меду и съ вина и съ горѣлки, сколко зъ ситнихъ товаровъ (*), и съ лавокъ и съ торгу со всего и съ воскобойнѣ и съ пиварнѣ и зъ перевозу что на Днѣпру, и зъ двора гостиного съ вѣсу, съ тѣхъ со всѣхъ доходовъ Кіевскіе мѣщане давали по вся годи воеводѣ Кіевскому по 3,000 золотихъ Полскихъ, и Ми Великій Государь за тѣ доходи, за которіе напередъ сего давали воеводѣ по 3000 золотихъ, указали Кіевскимъ мѣщаномъ давати въ Нашу Царского Величества казну ежегодъ безпроводно (**), а тѣмъ вишей мянованимъ доходомъ по прежнему быти на городъ Кіевъ на ратушу. Да по Королевскимъ привилеямъ, Кіевскіе мѣщане отъ служби ратнія уволнени; да они жъ отъ вини также и отъ заповѣди, что воеводи Кіевскіе на городѣ имѣвали за то, чтобъ лѣтомъ огня въ домѣхъ въ ночѣ не держали уволнени-жъ; и въ обозъ Кіевскимъ мѣщаномъ неходить, а у городѣ себя оберегать, а огнемъ сидѣти ввечеру и въ ночь зъ береженіемъ. А что въ Королевскихъ же привилеяхъ написано, хто зъ Кіевлянъ кого заочне оболжетъ, и тотъ оболганій самъ оправдается, и наказанію или свободѣ оправданіе

(*) Пол. Соб. Зак. Т. I. ст. 348 — *съ полковъ съѣстныхъ товаровъ.*

(**) Тамъ же — *безпереводно.*

самъ собою учинитъ; Мы Великій Государь про такихъ винних указали сисковати, по тому-жъ, войту и бурмистромъ, и сискавъ подлѣно тихъ виних людей, и объ нихъ сиски отсилати къ Нашимъ Царского Величества бояромъ и воеводамъ, которіе по Нашему Царского Величества указу въ Кіевѣ будутъ. А Нашіе Царского Величества отчини, города Кіева подданимъ подъ Нашею Царского Величества високою рукою быти по сей Нашой Государской жалованной грамотѣ, и по своимъ прежнимъ правамъ и привилеямъ свободно, безъ всякія неволи, во всемъ по тому, какъ въ Нашей Государской жалованной грамотѣ написано, и Намъ Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малія Росіи Самодержцу, и сину Нашему благовѣрному Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу и Нашимъ Государскимъ наслѣдникомъ служити и всякого добра хотѣти, и быти во всемъ Нашой Царской волѣ въ послушаньи, и на Нашу Государскую милость во всемъ надежнимъ безъ всякаго сумнѣнія. А Мы Великій Государь, Наше Царское Величество, учнемъ ихъ держати въ Нашомъ Царского Величества жалованіи и въ призрѣніи. А что положили они, войтъ Богданъ Сомковскій съ товарищи, два привилея: одинъ Яна Казѣмѣра Короля о правахъ ихъ и о всякихъ волностяхъ, на прежній привилей брата его Владислава, Короля четвертого Полского и Великого Князя Литовского, въ которомъ помянути на права и ихъ волности привилеи прежнихъ Королей Полскихъ; да привилей Владислава Короля, что въ воинское время Кіевскимъ мѣщаномъ въ обозъ неходить, а въ городѣ себя и въ уездѣ оберегать — оба тѣ привилеи за Королевскими руками и за печатми — и Мы Великій Государь, Наше Царское Величество, тѣхъ Королевскихъ привилеіовъ велѣли имъ дать списки, за дячею приписю, а тѣ подленіи привилеи велѣли оставити въ На-

шей Царского Величества казнѣ. Дана сія Наша Государская грамота жалованая въ Нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ. Лѣта отъ создания міра 7162 мѣсяца іюля 16 дня; а отъ Рождества Христова 1654.

Мѣстце болшой печати Пресвѣтлѣйшого Государя Царя Алексѣя Михайловича, всея Россіи Самодержца.

Божіею милостію Государь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малія Россіи Самодержецъ.

ЧАСТЬ ОСМАЯ

и рокъ осмій Хмелницкого дѣянія и Украинского поведенія.

Въ которой виражается Ханская медіяція Хмелницкому зъ Поляки; союзъ Полскій зъ Ханомъ учиненій; нашествія Поляковъ на Укарину со разореніемъ ея; война Хмелницкого зъ Поляки и Татарми на Дрижиполѣ, и погромъ Татаровъ въ подъездахъ ихъ; окупъ Татарскій и мова Хмелницкого къ нимъ; корреспонденція Хмелницкого зъ Королемъ Шведскимъ, и война благополучная Шведская на Поляковъ; постановлене зъ ними двокротнихъ пактовъ, и уничтоженіе онихъ; тяжести Полскіе; ребелѣя Поляковъ противъ Шведа и поселство Сендомирское къ нему.

РОЗДѢЛЪ I.

О отправѣ отъ Хана посла Хмелницкого назадъ, и о медіяціи Ханской зъ кондиціями, зъ посмѣвискомъ отъ Хмелницкого въ Кримъ отправлеными; о потверженомъ присягою Ханскою союзѣ зъ Поляки; о рушеню войскъ Полскихъ на Украину, и о страху оттоль въ Украинѣ; о Богуну зъ Браславля до Умани отъ войскъ Полскихъ уступившомъ, и о разореніи Украини за Бугомъ отъ Поляковъ; о Ордахъ въ помочъ Полякамъ прибылихъ и ихъ загонахъ, Полякомъ и Украинѣ невдячннхъ; о страху у Поляковъ отъ Хмелницкого на Дрижиполѣ; о дводневной тамъ подъ Охматовомъ битвѣ, въ крѣпкихъ морозахъ, и о утѣчце отъ толь Хмелницкого зъ войскомъ до Бѣлой Церкви; о Ордахъ отъ Поляковъ въ Кримъ зъ користми отшедшихъ, и о другихъ вновь къ нимъ прибылихъ, и даромъ у нихъ ясиромъ Украинскимъ плату взявшихъ. Придатокъ о войнѣ помененой Дрижиполской, и о загонахъ Татарскихъ по Украинѣ тогобочной, чрезъ Богуна розгромленихъ, и прочая.

Року отъ созданія всея твари 7163, а отъ Рождества Господня 1655, Ханъ новій Кримскій въ новій съ Поляками (яко прежде рѣхомъ) пришедши союзъ и ликгу, а будучи отъ нихъ доволно ублагодѣтельствованій, хотѣлъ имъ на початку явити доводъ своей пріязни отраженіемъ Хмелницкого отъ союзу Московского и примѣреніемъ, чрезъ

свою медіяцію, его въ прежнее послушенство Королевѣ Полскому; лечъ ижъ тая его медіяція была груба, недишкретная и глупства полная, для того нимало ничого у Хмелницкого не вскурала, и бездѣлно, зъ еднимъ тилко посмѣвискомъ до Криму отправлена. Образецъ же тоей Ханской медіяціи зъ кондиціями ея бѣ сицевъ: отправивши зъ Криму онъ Ханъ новій посла пречоного Хмелницкого назадъ, послалъ зъ нимъ ку Хмелницкому и нарочного зъ листомъ посланца своего, прекладаючи въ немъ Хмелницкому приклонитися по прежнему въ союзъ коронѣ Полской, и обѣцуючи его зъ Королемъ поеднати на сихъ кондиціяхъ: 1) жеби заразъ отступилъ отъ Москви, и всѣмъ войскомъ Козацкимъ зъ нимъ Ханомъ наступилъ на неи, старшину первѣй видавши и инніе офѣцери Московскіе. 2) Короля переиднавши, аби надъ него впередъ не зналъ иншого пана. 3) Шляхтѣ, чрезъ себе злупленой, аби позволилъ и помоглъ прійти въ Украину на жите. 4) Козаковъ реестровихъ аби не имѣлъ Хмелницкій болше надъ тисячъ десятъ. А еслиби не похотѣлъ того учинити Хмелницкій, то заразъ Ханъ зо всѣми Ордами мѣетъ на него наступити и предъ народами имя его выгубити. Якого посла до Хмелницкого отправивши, и на пактахъ зъ Поляками учиненихъ Ханъ подлугъ звичаю Махометанского поприсягнувши, послалъ о томъ вѣдомость и до Полски. Гетманъ тежъ Полскій певную о утвержденомъ присягою Ханскою зъ Поляки союзѣ получивши вѣдомость, заразъ рушилъ зо всѣми войсками Полскими въ шестидесяти тисячахъ на Украину, къ тому и Господаръ Волоскій три тисячи прислалъ войска своего. О такомъ войскѣ Полскихъ наступованю заслишавши, Украина въ великой стала печали и страху. Богунъ зась, полковникъ Брацлавскій и добрій кавалеръ, любо отъ Хмелницкого поставленъ былъ въ Браславлѣ на стражи зъ трома полками войска Козацкого; однакъ о не ровномъ себѣ войску Полскомъ засли-

шавши, Украина въ великой стала печали и страху. Богунъ засъ, Полковникъ Брацлавскій и добрій кавалеръ, любо отъ Хмелницкого поставленъ былъ въ Браславлѣ на стражи зъ трома полками войска Козацкого, однакъ о неровномъ себѣ войску Полскомъ заслишавши, уступилъ зъ Браславля до Умани; а Поляки въ Украину вшедши, заразъ безъ жадного респекту Немеровъ, Калникъ и Бушу огнемъ и мечемъ сплюндровали до щенту, зъ людми въ нихъ бывшими; а на другомъ мѣстцу князь Димитръ Вишневецкій на голову вирубалъ Демовку. Якимъ страхомъ за Бугомъ наполненая Украина, латво уже Полякомъ свою виражала поволность и послушенство, опрочъ едного Уманя, до которого войска Полскіе сами отнюдь приступовати не дерзнули; але чрезъ мѣсяцъ и далей по квартирахъ Украинскихъ, на все изобилнихъ и боронитися уже весма немогущихъ, отдихаючи, дожидалися къ себѣ войскъ Ординскихъ отъ Хана обѣцанихъ; которіе зъ синомъ Хана змерлого, въ сороку тисячахъ къ Полякамъ около Умани прибывши, не такъ ихъ Полскіи яко свои интересса исполняли, розославши по Украинѣ, ажъ ку Днѣпрови, свои загони для ясировъ и здобичей, а кошъ зъ меншою Орди частю при обозѣ Полскомъ зоставивши. Що любо тяжко было Полякомъ, однакъ терпѣти мусѣли, и недожидаючися тихъ загоновъ повороту, рушили зъ поосталою при нихъ Ордою до Уманѣ. Въ тимъ часѣ, кгди получили Поляки вѣдомость о Хмелницкомъ, зъ войскомъ Козацкимъ и Московскимъ въ двадцяти и пяти тисячахъ подъ Охматовомъ, на оборону Украини отъ Поляковъ разораемой притягнувшомъ, заразъ впали въ страхъ немалій; еднакъ же Гетманъ Полскій нетратячи анѣмушу военого, зоставивши близко Умани обозъ свой и приказавши оному ити за собою въ тропи, самъ конно въ легцѣ передомъ рушилъ зъ Ордою противъ Хмелницкого, и нечаяно въ полю чистомъ, у чтири версти отъ Охматова зъ долиною и рѣчкою тамо сущею, Бави нарицаемою, лежащомъ, на

него напавши, урвало обозу его часть немалую, зъ двадцятма и двома арматами. На которомъ обозу, якъ муха на меду, кгди войско Лядское и Татарское за здобичею пало, тимъ часомъ заразъ Хмелницкій прійшолъ до справи, и едно — самъ началъ Поляковъ крѣпко зъ арматъ и дробного оружія отъ своего обозу разити, другое — Богунъ зъ Умани, зъ значною войска своею частю, туда-жъ прибывши, и нечаяно зъ тилу на Поляковъ и Орду нападши, значній въ нихъ здѣлалъ ущербокъ, до трохъ тисячъ тамъ же трупомъ положивши, и обозъ урваній зъ арматами Хмелницкого въ нихъ отгромивши и назадъ привернувши. Якою нечаяною Богуновою утарчкою и поражкою Поляки и Татаре устрашени и роздражнени будучи, увесь импетъ свой на Богуна обернули; але ижъ при Богуну было войско барзо справное и военое, того ради не могли его Ляхи и Орда вскорѣ поглотити; а Хмелницкій всею конницею своею зъ тилу на Поляковъ и Орду крѣпко ударивши, и вдвое болшъ отъ Богуна ущербокъ въ нихъ сотворивши, пришолъ (хочай и не хотѣли того Поляки допустити) зъ Богуномъ въ совокупленіе, и повернулъ (нимъ Поляки зъ Ордою розгромленіе знову прійшли до справи) зъ такою викторіею до обозу своего. Видячи теди Хмелницкій же Поляки въ своемъ промислѣ военомъ не ослабѣваютъ, а арматъ и пѣхоти своей къ себѣ отъ Умани поджидаютъ, мусѣлъ и самъ тамъ же посередъ чистого поля Охматовского (прежде яко вишей рѣхомъ Бави нарицаемого, а отъ того времени Дрижиполемъ прозваного, отъ городковъ отъ Охматова и Вороного за чтири версти, яко вишей наменилемъ, зостаючого) обозомъ всѣмъ застановитися и ополчитися зъ Москвою, которои зъ вождомъ ихъ, бояриномъ Василіемъ Борисовичемъ Шереметомъ, пять полковъ тамъ было; а иное войско Московское и Козацкое около Бѣлои Церкви, зъ князями и боярами Московскими, Трубецкимъ, Долгорукимъ и Бутурлиномъ, въ поготовости знайдовалося. Кгди

теди наспѣлъ обозъ Полскій зъ пѣхотою и арматою, тогда вкругъ Хмелницкого облегши, начали зо всѣхъ сторонъ на обозъ его штурмовати и изъ арматъ бити, взаимную и отъ Хмелницкого на всѣ стороны арматную и мушкетную отбѣраючи корреспонденцію. Въ томъ разѣ три чили чтири тисячи пѣхоти доброи Прускои, зъ мѣдними щитами бывшой, хотячи надъ инщихъ жолнѣровъ пописатися и доступити слави, а Козацкого доброго не знаючи сердца и рицарства, ослѣпъ пошли на обозъ Хмелницкого, которимъ, щитами мѣдними укривщимся, поневажъ зъ мушкетовъ мало що шкодило, теди зъ арматъ дробомъ значне импетъ ихъ доскромило; прочихъ же, до самого обозу Хмелницкого упорчиве пришедшихъ, Козаки спѣшившися списами всѣхъ до щенту викололи, зъ ихъ началниками и офѣцерами, развѣ хто зъ нихъ напередъ той битви повернулъ до обозу Полского, то той и животъ свой сохранилъ въ цѣлости. Якая битва Поляковъ зъ Хмелницкимъ тамъ на Дрижиполѣ Охматовскомъ чрезъ два днѣ, въ крѣпкихъ и силнихъ морозахъ будучи, въ ровной мѣрѣ знайдовалася, и зъ обохъ сторонъ болшъ пятнадцяти тисячъ войска пало; а пѣхоти Лядскои при арматахъ малося що и остало, кромѣ помененой Пруской пѣхоти, и кромѣ предписанихъ Ляховъ и Татаръ чрезъ Хмелницкого и Богуна наѣздъ побитихъ. Другой потимъ ночи уважившы Хмелницкій, ижъ трудно и неприлично въ полю обозомъ, въ силніе тогдашніи морози стояти и битися, албо болшого облеженя отъ Поляковъ и Орди дожидатися, прибравшися належите зъ обозомъ и войсками, рушилъ назадъ ку Бѣлой Церквѣ; а пробившись чрезъ обозъ Лядскій и Татарскій, прибылъ до Бѣлои Церкви безъ жадной уже отъ Поляковъ и Орди перепоны; где до близу знайдовалися, яко вишей намѣнилемъ, готовіе уже войска Козацкіе и Московскіе, при которихъ Хмелницкій знову на добрую здобывшись фантазію, готовился на войну противъ Поляковъ и Татаръ, есльби

и ихъ зачулъ на себе готовящихся. Загони зась Татарски едни зъ плѣномъ и не приворочаючи до обозу Лядского пошли въ Кримъ, а другіе съ плѣномъ прибыли до обозу, по той уже Дрижиполской росправѣ; которихъ старшину кгди строфовалъ Гетманъ Полскій, вкладаючи на нихъ вину, же не пилнуючи военного дѣла за своими отъ обозу своеволне розъехалися промислами и здобичами, теди они того Гетманского слова розгнѣвавшися, и всѣ зъ користми, въ Украинѣ набраними, рушили отъ Поляковъ до Криму. На мѣсце однакъ одойшлои въ Кримъ Орди прибыла до Поляковъ не въ маломъ числѣ другая Орда, зъ мурзою Мегметъ Гереемъ, и упоминалася у Поляковъ, аби ишли заразъ зъ ними албо Козаковъ воевати, албо позволили имъ за трудъ ихъ ясиръ на Украинѣ брати; Поляки прето, едно — вишписаною Дрижиполскою войною отъ Козаковъ вибити, другіе вимерзли, третіе раніи, четвертіе весма знужнѣліи и коней позбывшіи, немогучи далѣй зъ свѣжими Ордами военого отправовати дѣйствія, и ити внутрь Украини ку Днѣпровѣ, позволили Татарамъ онимъ, въ награжденіе трудовъ ихъ бездѣлнихъ и Полякамъ неполезнихъ, ясиръ по Украинѣ брати; а сами для отпочинку изволили по кватирахъ до времени приличного розложитися. Яко-жъ и Хмелницкій болшъ той зими на Поляковъ не наступуючи, далъ имъ и своему войску по кватерахъ зимовихъ свободній отпочивокъ.

Войни тоеи Дрижиполской, зими тогдашной крѣпкой и въ морози силной, Король Янъ Казѣмѣръ не мислилъ зъ Козаками имѣти, едно для того, ижъ хотѣлъ чрезъ певное время войскамъ своимъ, многими прешлими войнами уменшенимъ и зфатигованимъ, сфолкговати и въ апаратъ военій добре прибратися, другое для того, ижъ увидѣвши певне Хмелницкого зъ Татарами розбратъ, а своего зъ ними союзу заключеніе, мѣлъ у себе за певную виграную надъ Хмелницкимъ (побѣду?) але Гетмани и иншіи панове Полскіи, тому Ко-

ролевскому намѣренію иначей концептуючи, а Ординскимъ суккурсамъ ради будучи, мало дбали о Королевское въ томъ позволене; не безъ вѣдома еднакъ Его Величества, вигожаючи барзѣй упору своему, рушили зъ войсками Полскими на разореніе Украини и истребленіе имени Хмелницкого. Якъ теди зашкодили Украинѣ а купно зъ нею и себѣ, и якъ зъ Хмелницкимъ на Дрижиполѣ росправилися, доволно вишей въ семъ же роздѣлѣ виразилося: то еднакъ тутъ еще прилагается, же и Хмелницкій за малимъ на Дрижиполѣ не доконченъ, бо несподѣваючися такъ много войска Полского, а Ордѣ, жеби въ помочъ на тотъ часъ мѣла приспѣти Поляком, а не мислячи, вихопился былъ въ маломъ толко, въ двадцято и пятотисячномъ числѣ войска своего и Московского, яко вишей наменилось, надѣючися и тимъ своимъ войскомъ помислне зъ Поляками росправитися; але кгди, надъ сподѣване, огорненъ на Дрижиполѣ стома тисячами злишкомъ войска Полского и Ординского, мусѣлъ тамъ въ отвѣтахъ военихъ не помалу запотитися и морозовъ тогдашнихъ запомнѣти; и если би не Богунъ зъ войскомъ своимъ приспѣвши отъ Умани (до которой отъ Охматова и Дрижиполя шесть миль было разстоянія), значній учинилъ ему суккурсъ, яко вишей рѣхомъ, то невѣдомо чи возмоглъ би Хмелницкій свою и войска своего отъ силного наступленія непріятелского оборонити цѣлость. Прибувши зась Хмелницкій отъ Дрижиполя ку Бѣлой Церкви зъ своимъ войскомъ, и зачувши о новоприбылихъ Ордахъ до Поляковъ и о даномъ позволеню имъ отъ Поляковъ, въ награжденіе труда ихъ бездѣлного, брати ясиръ по Украинѣ, заразъ злу оному запобѣгаючи, виправилъ Богуна полковника Брацлавского, доброго жолнѣра, въ десяти тисячахъ свѣжого доброго войска Козацкого, для чиненя промислу военого надъ загонами Татарскими, за ясиромъ по Украинѣ розъехавшимися. Онъ теди Богунъ, яко свѣдомій всѣхъ тамошнихъ Украинскихъ шляховъ,

удался отъ Бѣлои Церкви зъ войскомъ своимъ на приличніе мѣстца, для перейманя поворочати мѣвшихъ зъ ясирами загоновъ Татарскихъ; которіи гди зъ своими здобичами и користми отъ Чуднова, Котелнѣ, Коднѣ, Кормида, и иншихъ далшихъ тамошнихъ мѣстцъ поворочали поединцемъ, взмѣряючи до своего коша ку Воронному и Умани, тогда нечаянно впадали въ сѣть Богунову, и свою щасливость въ загонахъ бывшую, своимъ же кончили злоключеніемъ; поневажъ нетилко всѣхъ користей своихъ отстрадали, але и сами едни побити, а другіе Козакамъ въ користь ся достали; ибо зъ полдевяти тисячи ихъ (по свѣдителству тогдашнихъ языковъ) заледво пять сотъ до коша своего приволоклося, осмъ зась тисячей рукъ Богуновихъ не избѣгло; съ которихъ двѣ тисячи пятьдесятъ шесть Татаръ живцемъ взято, и до Хмелницкого ку Бѣлой Церквѣ припроважено, зъ якихъ заразъ пять сотъ Татаръ одослалъ Хмелницкій на Москву, въ подарунку Его Царскому Пресвѣтлому Величеству, а пятьдесятъ себѣ вибралъ, а прочіи всѣ отдалъ Богуновѣ зъ войскомъ его. Иншіи зась загони Татарскіи, ку Полонному и далѣй бывшіи, повернулися до коша своего въ цѣлости, со всѣми користми своими, поневажъ нѣкому ихъ тамъ было гамовати и громити. А Поляки отдавши надъ совѣсть Христіянскую невинныхъ людей своихъ въ неволю бѣсурманскую, сами зъ похмѣля Дрижиполского по кватерахъ висипалялися.

РОЗДѢЛЪ II.

О Татарахъ отъ Хмелницкого неволѣ викупившихся; о мовѣ Хмелницкого чрезъ нихъ до началниковъ Кримскихъ, и о жалости ихъ зъ разбратаняся зъ Козаками а побратаня зъ Поляками.

Виходячи Хмелницкій зъ Чигрина на войну Дрижиполскую, сказалъ Татарамъ въ неволѣ его бывшимъ, подъ Межигоромъ прошлого 1654 року взятимъ пяти стамъ и одинацятомъ человѣкамъ, аби слушній за себе окупъ поступили, и оній за шесть недѣль зъ Криму въ Чигринъ поставили; и хто бы зъ нихъ того не хотѣлъ учинити, то заразъ на Москву мѣлъ быти одосланій; що Татаре оній почувши, и вздригнувшися отъ страха обявленной имъ неволѣ Московской, заразъ учинили торгъ за себе зъ Хмелницкимъ, въ которомъ одинадцятъ преречоныхъ мурзъ и началниковъ по двѣ тисячи талярей, а прочіи всѣ Татаре, пять сотъ человѣка, по триста талярей окупу за себе дати поступили, и для скорого зобраня тихъ денегъ, за поруками своими а за позволенемъ Хмелницкого, пятьдесятъ Татаръ радовихъ зъ двома мурзами у Кримъ отпустили. И нимъ Хмелницкій по росправѣ Дрижиполской въ Чигринъ прибылъ, тимъ часомъ всѣ денги, за окупъ поступленіе, зъ Криму до Чигрина припроважени; поневажъ Татарамъ, многими Украинскими и Полскими здобичами тогда обогатившимся, не трудно было о скорое такого окупу

исполненіе. Егда же Хмелницкій, по войнѣ Дрижиполской и по розгромѣ чрезъ Богуна предпомененихъ загоновъ Татарскихъ, прибылъ зъ новонабраними Татарами въ Чигринъ, тогда заразъ отъ помененихъ першихъ неволниковъ Татарскихъ увесь окупъ одобравши, отпустилъ ихъ всѣхъ въ Кримъ, сказавши имъ аби и за послѣднихъ Татаръ чрезъ Богуна пойманихъ, пятидесяти человѣка, по осмъ сотъ талярей, подлугъ торгу зъ ними учиненого, наскорѣ было привожено; що за недель килко и виполнено, припровоженемъ зъ Криму всего преречоного окупу за пятидесяти Татаръ оних опослѣднихъ. Которій окупъ Хмелницкій одобравши, отпустилъ и Татаръ заразъ тихъ, приказавши имъ, аби Хановѣ и инимъ своимъ начальникамъ въ Криму сказали тое: чтоби они цале непомагали Полякомъ воевати на Козаковъ; а если того непослухаютъ, то и онъ Хмелницкій, прибравшися зъ войсками Козацкими и иними помощниками, постарается при помощи Божіей ихъ въ Криму навѣдити, а посредъ Бакцисарая, Козлова, Кефи и иних городовъ и замковъ Кримскихъ свои Христіянскіи корогви розвинути. Що когда Татаре окупившіися и отъ Хмелницкого отпущеніи въ Криму розгласили, тогда барзо всѣхъ сердца змягчилися, и дерзновенію своему на Козаковъ бывшему жало притупили, велми нарѣкаючи на старого змерлого Хана, же зъ Козаками учинилъ розбратъ; а на нового и зубами скрежещущи, же зъ Поляками побратался, виставляючи ему предъ очи ущербокъ силъ своихъ Кримскихъ, за двома рази отъ Хмелницкого учиненій, которій чрезъ седмъ лѣтъ при Хмелницкомъ не поткалъ ихъ отъ Поляковъ, во всѣхъ зъ ними бывшихъ потребахъ военихъ.

РОЗДѢЛЪ III.

О шкодливой Полякомъ корресподенціи и подарункахъ взаемнихъ Хмелницкого зъ Густавомъ Королемъ Шведскимъ.

Яко по войнѣ на Батогу, року 1652 щасливе на Поляки отправленой, Хмелницкій двохъ капитановъ Шведскихъ, у пѣхоти Лядской бывшихъ, взявши, отпустилъ ихъ въ Швецію, написавши чрезъ нихъ листъ свой до Короля Густава Шведского зъ таковимъ совѣтомъ и предложенемъ, аби тогда началъ войну свою на Поляковъ, когда они чрезъ него Хмелницкого весма зостали обезсилени и винищени; такъ и по росправѣ Дрижиполской тое-жъ повторе учинилъ чрезъ капитана и поручика Шведскихъ, при пѣхотѣ Пруской щитоносной на Дрижиполѣ вибитой взятихъ, отпустивши ихъ до Короля Шведского зъ таковимъ же листовнимъ и словеснимъ совѣтомъ, зъ яковимъ и першихъ двохъ отпустилъ капитановъ; но яко первихъ онихъ, такъ и другихъ Шведскихъ офѣцеровъ отпускаючи Хмелницкій въ Швецію, первѣе одобралъ отъ нихъ присягу на томъ, ижъ они будучи благодарними тоей его ласки, же чинитъ ихъ отъ неволѣ свободними и отпускаетъ въ доми ихъ зъ таковимъ отпускомъ, чрезъ которій могли надѣятися пріобрѣтенія желаемой себѣ у пана своего Короля Шведского ласки и респекту, мѣли тое отъ Хмелницкого поселство, безъ жадной похиби, ретелне пану своему сказати, и отвѣтъ на оное до Хмелницкого исправити.

Яко-жъ такъ и учинили; ибо за прибытемъ своимъ до Стокголма, кгди подали листъ отъ Хмелницкого Королю своему, и словесно о всемъ предложили, подлугъ словесной мови Хмелницкого имъ мовленой, тогда заразъ Король вдяченъ будучи велце того повторного Хмелницкого одозву и пріязни, а маючи здавна на Полякахъ певніи и значніи свои претензіи, любо на первій одозвъ его Хмелницкого умолчалъ былъ зъ отвѣтомъ своимъ, однакъ тогдижъ приказалъ пилно своимъ енераломъ и по провинціяхъ губернаторомъ такъ аммунѣцію войсковую споражати, яко и людъ воинскій собѣрати и люстровати; а за повторнимъ помененимъ его Хмелницкого ку себѣ одозвомъ, виправилъ Король до него Хмелницкого въ поселствѣ, зъ значними на одинадцятъ тисячъ золотихъ Литовской доброй личби бывшими въ сукнахъ, матеріяхъ и сосудахъ среброзлоцѣстихъ подарунками, енерала маіора Вилгелма Карлуса; приказавши ему отъ Риги чрезъ Курляндію, Литву и Полѣсе, купеческимъ образомъ ку Кіеву и Хмелницкому пробѣратися, и въ дорозѣ той, а особливе отъ Хмелницкого о всемъ поведеніи Полскомъ совершенно вивѣдатися, и скорую ку себѣ привезти реляцію. Тотъ теди посланій енералъ маіоръ, подлугъ науки пана своего поступуючи, прибылъ благополучно въ Чигринъ до Хмелницкого, и отдавши ему листъ Королевскій, за двокротніи листовніи его ку себѣ одозви благодарствуючій, отдалъ притомъ и подарунки отъ Короля даннія; которіи Хмелницкій вдячне принявши, радостенъ былъ велце зъ такой ку себѣ Королевскои ласки и прихилности, и чрезъ тижденъ при себѣ оного посланого енерала маіора, при вседневнихъ банкетахъ и изобиліяхъ, удержавши, отправилъ потомъ честно, ударовавши его доволно, зъ благодарственнимъ до Короля листомъ за присланіи себѣ упоминки; пославши и взаимне Королевѣ подарунку чрезъ него-жъ енерала, трохъ коней вишмѣнѣтихъ Турецкихъ, по триста

талярей купленихъ: едного зъ нихъ зъ сѣдломъ Турецкимъ зъ среброоправнимъ сутозлоцѣстимъ, съ подушкою, платомъ и чапракомъ, на крвавомъ аксамитѣ тягненимъ златомъ богато угафованимъ, и зъ рондомъ Турецкимъ богатимъ сутозлоцѣстимъ же; также и янчарокъ три, барзо коштовнихъ , по пултораста талярей купленихъ , зъ трома рогами буйволовими янчарскими, въ сребро злоцѣсто барзо мѣстерно оправлеными, и изъ трома шабелтасами и кулечницами Козацкими, на вишневомъ аксамитѣ тягненимъ-же злотомъ и жемчугомъ красно угафованими; и учинивши совершеную до Короля Шведского реляцію о всемъ состояніи и поведеніи Полскомъ, и о бывшихъ зъ нимъ осмолѣтнихъ Полскихъ на разнихъ мѣстцахъ битвахъ и поражкахъ, и о крайномъ силъ Полскихъ умаленіи.

Тотъ прето посланій енералъ маіоръ отъ Хмелницкого отправившись, и паки образомъ купеческимъ въ свою землю пробравшись, гди предсталъ предъ лице пана своего Короля Шведского, и при отданю Хмелницкого подарунковъ, за диковинку вдячне тамъ принятихъ, гди предложилъ Хмелницкого и реляцію о Полскомъ состояніи, тогда заразъ возбудилъ оного Короля Шведского до зачатя войни зъ Поляками; якая тутъ же вократцѣ полагается.

РОЗДѢЛЪ IV.

О Хмелницкого зъ войсками поведеніи; о Виговскомъ зъ войскомъ Козацкимъ на Волиню бывшомъ, и о Полякахъ тогда умолкнувшихъ; о взятю Вилна чрезъ Москву зъ Козаками, и о забитю Золотаренка подъ Биховомъ.

Таковимъ дѣйствіемъ и корреспонденціею, яко вишей виразилось, поджогши Хмелницкій Короля Густава Короля Шведского на Поляковъ, и своего на нихъ бывшаго не угасивши въ себѣ пламени, любо самъ засмотруючися на всѣ сторони не рушалъ зъ войскомъ зъ Чигрина, однакъ для лутшой осторожности войска Козацкіи стягнувши, велѣлъ имъ стояти все лѣто обозами сполне зъ Козаками Московскими прежде вспомненими, въ помочь ему присланими двадцятма и пятма тисячами, въ полю около Бѣлой Церквѣ и Паволочи; а для промислу военого надъ Поляками, Жванецкій покой раздрушившими и початокъ до войни разореніемъ Украини и прогрессомъ Дрижиполскимъ учинившими, виправилъ зъ войскомъ Козацкимъ, комендерованимъ въ двадцятохъ и двохъ тисячахъ, Данилка Виговского; которій благополучно Волинь всю зъ городами ея и Люблиномъ струснувши, и многіе тамъ користи и скарби безъ жадного отъ Поляковъ возбраненія позабѣравши, повернулъ на Украину въ цѣлости зо всѣмъ войскомъ, предъ Филиповскими запустами. Поляки зась по оной Дрижиполской росправѣ, на кватерахъ Украинскихъ по за Бугомъ перезимовавши, любо хотѣли подлугъ намѣренія

своего посполитимъ рушенемъ зъ Хмелницкимъ военую имѣти росправу, однакъ внушивши холодній на себе зъ Швеціи вѣтеръ, дали покой Хмелницкому, и розъехавшися по домахъ своихъ, ниже комендерованому вишписаному зъ Виговскимъ войску якій колвекъ встрентъ учинити отважилися, хочай и видѣли державу свою Волинскую разораемую и опустошаемую; надходячую або вѣмъ болшу отъ Шведовъ шкоду свою уважаючи, о меншой оной Волинской отъ Козаковъ творимой мало и дбали.

Войска Московскіе съ Козацкими, прошлого 1654 року, Княженіе Литовское разорившіи, и тамъ же въ Литвѣ около Дубравни зимовавшіи, на веснѣ въ року уже 1655 знову свое военное на Литву зачинаютъ дѣло; приходятъ подъ столечній великій и славній градъ Вилню, и за часъ не долгій оного добувши, многое множество народа въ немъ противившагося висѣкли, и премногіе богатства и скарби зъ него забравши, а президіумъ свое значное въ немъ оставивши, повернули назадъ ку своимъ границамъ и домамъ. Въ якомъ отъ Волиня поворотѣ, Золотаренко зъ войскомъ Козацкимъ до Старого Бихова знову прибывши, и въ добытю оного щастя спробовавши, натрафилъ тамъ на нещасте и смерть, въ кулѣ Бихевской къ нему прилетѣвшую. Повѣствуется же, и въ запискахъ краткихъ Козацкихъ лѣтописнихъ показуется, же при взятю Вилнѣ самъ былъ Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Россіи Самодержецъ. Взяте зась Вилна оного Нѣмецкій гисторикъ Самоилъ Пуфендорфій твердитъ быти въ рокѣ 1653 или 1654; но нѣсть тако, лутше вѣрити своимъ Рускимъ запискамъ лѣтописнимъ, иже тотъ рокъ, яко вишей виразилося о взятю Вилня, свѣдителствуютъ.

РОЗДѢЛЪ V.

О начатой войнѣ Шведской на Поляковъ, и о продкованю въ ней Витемберговомъ; о кофузіи Великополякомъ подъ Устемъ, и о заключеніи тамъ трактату зъ Витембергомъ; о малоконтентихъ того трактату Великополянахъ; о прибытю Витемберговомъ до Позная, и о его тамъ зъ войскомъ недишкреціи; о прибытю до Гнѣзна Короля Шведского и его тамъ недишкреціи; о злученюся его зъ Витембергомъ подъ Конѣномъ, и о потверженю трактату Устенского зъ Великополянами; о посланику отъ Короля Полского до Короля Шведского и о змягченю до покою его; о Королю Полскомъ щастя зъ Шведами спробовавшомъ и до Кракова утекшомъ, и о войску его тожъ сотворшемъ, зъ потеранемъ своихъ тяжаровъ; о войскахъ Московскихъ и Козацкихъ отъ Вилня назадъ повернувшихъ; о прибытю потимъ Шведовъ до Вилня, и подданюся Литви въ протекцію Шведскую; о утѣчцѣ зъ Кракова Короля Полского до Шліонска; о добываню чрезъ Шведовъ Кракова, и о зданюся Краковскомъ Шведамъ на кондиціяхъ тогди поставленихъ; также и о приклоненюся Шведамъ ближшихъ около Кракова воеводствъ и войска Кварцѣялного.

Кароль Уставъ, Король Шведскій, любо здавна имѣлъ певніи свои на Полякахъ претенсіи за обиду станулую отъ нихъ коронѣ Шведской, однакъ прежними Полскими застрашеній будучи викторіями, не смѣлъ розорвати поста-

вленого зъ ними покою и вщати войни, яіосъ благополучія невѣдомо кому даровати имѣючой; лечъ гди Хмелницкого совѣтами зосталъ до того возбужденій, и о всемъ поведеніи Полскомъ досконале увѣдомленій, абіе яко левъ готовъ на ловъ, по тихъ же Хмелницкого совѣтахъ зачасу въ войско и амунѣцію военую приготовавійся, производитъ въ дѣло войни своея на Поляковъ початокъ сицевимъ образомъ. Виправуетъ первѣе отъ Стокголма, столицѣ своея Шведскія, кораблями въ Померанію въ десятку тисячахъ войска своего енерала Витемберга; той убо енералъ до Щетина припливши, и въ обозъ яко найскорѣй спорадившися, рушаетъ немедлено отъ Щетина внутрь Великой Полщи, взмѣраючи ку Познаню и Кнезну; Великополяне тежъ зачасу о томъ ку себѣ маршу Витембергововъ провѣдавши, въ обозъ военій собѣраются до тридесяти тисячей, и противо Витемберговѣ исходятъ; но Витембергъ давши имъ, въ несогласіи сущимъ, бой подъ Устемъ, викторію одержуетъ и до трактатовъ ихъ нахиляетъ подъ таковими кондиціями: 1) же Короля Шведского Поляки, а не Полского себѣ за пана и протектора отъ того часу имѣти повинни; а Король Шведскій мѣетъ ихъ всѣ прежніе старожитніе права и волности въ цѣлости ненарушимой при нихъ заховати. 2) Релѣгія ихъ мѣетъ быти въ цѣлости ненарушимой захована. 3) Мѣста и села шляхетскіе мѣютъ быти отъ станцій и всякихъ напастей и драпѣжства жолнѣрского волними и недотиканими, а въ Королевскихъ и духовнихъ добрахъ мѣютъ быти станціи и корми войскамъ Шведскимъ въ ихъ переходахъ и маршахъ, яко и предъ тимъ было. 4) Мѣста столечніе — Познань, Калѣшъ и Кролевскіе кгроди всѣ иншіи, также цла, мита и доходи зъ нихъ повинніи, мѣютъ належати Королевѣ Шведскому; и онъ якъ похощетъ зъ ними поступити будетъ воленъ. 5) Шляхта, которая похощетъ при Витембергу и Королю Шведскомъ зоставати, а кото-

рая при Королю Полскомъ знайдоватися восхощетъ, аби тамъ же о томъ декляровалася. Чего всего Великополянамъ, же Король Шведскій за своимъ въ Полщу прибытемъ цале додержитъ и аппробовати изволитъ, на томъ Витемберґъ именемъ Короля своего подписался, и преднѣйшіи тамъ бывшіи началники Великополскіи руки своя на тихъ пактахъ приложили. А гди повернули въ обозъ свой отъ Вѣтемберга, барзо всей шляхти криво смотрѣвшіе на себе обернули очи и шемраня; же поддалися въ протекцію Шведскую, власного пана своего Короля Полского отступивши. Вѣтемберґъ зась енералъ о таковомъ благополучіи своемъ пославши вѣдомость до пана своего, самъ зъ войскомъ рушилъ ку Познаню; где прибывши а войско за городомъ оставивши, самъ зъ старшиною въехалъ до Познаня; и чрезъ килко дней въ немъ поживши, приказалъ мѣщанамъ тамошнимъ зложити отъ себе на окупъ сумму значную; потимъ віехавши зъ Познаня, розложился около него зъ своимъ войскомъ, не безъ значного мешканцовъ тамошнихъ утяженія и разоренія, противъ трактату подъ Устемъ тогда учиненого. Вскорѣ потомъ и самъ Король Густавъ, по полученіи доброй вѣдомости отъ Витемберга, рушилъ отъ Щетина-жъ въ дванядцяти тисячахъ войска своего, и прибывши до Гнѣзна, велѣлъ тамошнему духовенству значную себѣ сумму изложити; которой гди за небытностію готовихъ грошей не могли виполнити, тогда безъ жадной дишкреціи скарби и депозити давніи костелніи себѣ позабѣрати велѣвши, рушилъ отъ Кгнѣзна ку Конѣну; где прибывши, зъ Витембергомъ злучившися, потвердилъ трактатъ Великополяновъ зъ Вѣтембергомъ подъ Устемъ составленій. Въ тимъ отъ Короля Полского прибылъ поселъ, нѣякійсь Пріемскій, которій при отданю листа Королевского, красною вимовою своею змягчилъ былъ Густавово сердце до трактату и покою зъ Королемъ Полскимъ, и скорій одержавши респонсъ, отъехалъ назадъ;

лечъ Король Полскій Янъ Казѣмѣръ респонсу Шведского и реляціи посла своего Пріемского вислухавши, а до покою не склонившися, рушилъ самъ зъ прибранимъ войскомъ противъ Шведа на войну; и зъ войскомъ его нѣгдѣсь зійшедшись и оному невидержавши, уйшолъ влегцѣ до Кракова; войско зась послѣ него еще килко разовъ зъ Шведами зпробовавшись, и немогучи онимъ постояти, розъехалося въ розніе мѣстца, а иншое за Королемъ до Кракова, оставивши многіе свои обозовіе тяжарѣ и запаси въ користь Шведамъ.

Въ тимъ же часѣ, по одейстю войскъ Московскихъ и Козацкихъ отъ Вилня, приспѣлъ туда нѣякійсь вождъ Шведскій зъ войскомъ, предъ которого пришествіемъ президіумъ Московское зъ Вилня уступило и до Смоленска потягнуло. Гетманъ прето Литовскій зо всѣми иншими началниками и шляхтою Литовскою, видячи свою тѣсноту и разореніе отъ силъ Московскихъ, и болшей оного сподѣваючися, а отъ корони Полской, близко згиненя бывшой, жадной уже помощи не надѣючися; поддался подъ оброну и протекцію Шведскую, вѣчную згоду и союзъ крѣпкій зъ Поляками бывшій розорвавши и на вѣки отринувши. Король Шведскій явне увидѣвши противность и несклонность до покою Короля Полского, идетъ за нимъ втропи до Кракова; що Король Полскій увидѣвши, а о цѣлости своей звонтпивши, рушилъ заразъ зо всѣмъ дворомъ своимъ зъ Кракова ку Шліонску, подъ защищеніе Цесарское; зоставивши на оборону Кракову зъ войскомъ Чарнецкого и нѣякогось Волфа. А Король Шведскій подъ Краковъ зо всѣмъ войскомъ своимъ притягнувши, и предмѣстя опаленое заставши, потребовалъ чрезъ трембача своего, аби недопускаючи разоренія мѣсту, поклонилися ему доброволне; на тое гди отказалъ Чернецкій зъ иншими, просячи до размишленія фришту Королевского на дней чотирнадцятъ, теди Король Густавъ а нимало про-

симого фришту позволивши, велѣлъ зо всѣхъ сторонъ Краковъ бомбардировати, и стѣни его также и високіе будинки зъ болшихъ арматъ ломити, а бомбами великими всѣ склѣпеня будинковіе, ажъ до самихъ сподземнихъ склѣповъ и сокровищъ, пробивати и разрушати. Що увидѣвшія облеженци Краковскіе, страха и отчаянія наполненіе, къ тому и помощи отнюдь ни отъ кого къ себѣ нечаючи, поневажъ и Гетмановъ своихъ зъ войсками, аки на Батогу, подъ Гродкомъ отъ Москви и Козаковъ наголову заслишали знесенихъ, склонилися до покою Шведамъ на сицевихъ кондиціяхъ: а) Релѣгія Католицкая въ якомъ была стану, въ такомъ непремѣнно и зоставати мѣетъ. б) Костели и кляштори, зъ ихъ коллегіями, правами и грунтами, свободою и прерогативами всего духовенства, а ни отъ жолнѣра яковой узнаватимутъ турбаціи, а нѣ конниxъ, а нѣ вшелякихъ ихъ становискъ будутъ имѣти; опрочъ развѣ би великая того витягала потреба и мѣста цѣлого потребовала нужда; овшемъ жити спокойне себѣ будутъ, если въ домахъ своихъ пристойне и скромне заховаются, въ вѣрномъ зостаючи подданствѣ Шведского Короля, а ничого нового противъ ему непомишляючи. Зъ добръ своихъ отдатутъ податки тіи, якіи всѣмъ здадутся посполите за слушне, и сеймами ухвалени будутъ. в) Старшина Краковская и шляхта въ немъ замкнувшаяся, цале зо всѣми рѣчами своими, заховуется волна; также повинности имъ, мѣстца и уради и всѣ годности, въ якихъ теперь зостаютъ, акта отвореніе земскіе, гродскіе и суди всякіе, сужени старожитнимъ звичаемъ, на котрихъ засядутъ вскорѣ по тихъ трактатахъ; тилкожъ и тіи Шведской Коронѣ вѣрними быти повинни будутъ. г) Если би кому похотѣлося війти для житя на иную сторону зъ границъ Полскихъ, то волно ему будетъ учинити, випродавши своя имѣнія въ Полщѣ. д) Мѣсто Краковъ и всѣ въ немъ розного стану обыватели при своихъ привилеяхъ, зъ вол-

ностю отъ старожитнихъ Королей имъ наданною, зуполнѣ зостануть захованими. е) Академія особно Краковская на своей зацности, правахъ, прерогативѣ и давной волности нимало шванковати не будетъ. ж) Чернецкому и Волфовѣ, въ Краковѣ президуючимъ, со всѣми инишими войсковими началниками и офѣцерами, и зо всѣмъ войскомъ своимъ, также зъ арматою и зо всѣми спрятами своими, волно зъ замку Краковского уступити подъ распростертими войсковими знаками, бубнами и иною войсковою подлугъ звичаю своего музыкою. з) Войску зъ Чернецкимъ зъ обleженя Краковского вишедшому позволено отдохненя, по нуждѣ въ облеженю Краковскомъ бывшой, по ближнихъ Кракова староствахъ на еденъ мѣсяцъ отъ Короля Шведского консистенцію; тилко скромне тамъ повинно зоставати, и Королю Шведскому зла не мислити; а по війстю того мѣсячного термѣну, волни до домовъ своихъ розійтися и где хотя обернутся; еднакъ подъ тоею кондиціею и варункомъ, же не Полскому, але Шведскому Королевѣ должни быти поволними и служити готовими. и) Пѣхота зъ лановъ виправленая, въ Краковѣ бывшая, безъ жадного ни въ чомъ затрудненя и ушкоженя, волна отійти восвояси. Также и инишіи урядники дворовіи и слуги Королевскіи волни пойти до пана своего, зо всѣми въ цѣлости спратами, конми, возами и рѣчами своими; але и тіи повинни впредъ жити спокойне. і) Вязнѣ, въ той войнѣ побраніи зъ обохъ сторонъ, всѣ на свободу отпустятся. к) Москва, въ Литвѣ забраная, до рукъ Королевѣ Шведскому повинна быти отдана; а взаемне Поляки въ неволѣ Московской зостаючіи старанемъ Королевскимъ вскорѣ мѣютъ визволитися. л) Скарбъ коронній увесь зъ своими депозитами, где би колвекъ-чи въ замку, чили въ мѣстѣ якомъ былъ укритій и кому вѣдомій, а зъ нимъ сполне акта, писма канцеляріей, метрики и пакта зъ посторонними народами, въ цѣлости ненарушимой мѣетъ быти Королевѣ

Шведскому отворенїй и въ моцъ его отданїй. м) Также всѣ армати, кули и всякіе до нихъ належащіе аппарати, замкови Краковскому належащіе, повинни Королю Шведскому вѣрне отдани быти, опрочъ тихъ, що зъ собою на президіумъ Чарнецкій увезлъ, тіи зъ собою и вивезти мѣетъ.

Таковимъ дѣйствіемъ преславній градъ Краковъ, столица корони Полской, чрезъ Шведовъ зосталъ взятїй и зголдованїй, и Кароль Густавъ, Король Шведскій, зосталъ албо нарекся Королемъ Полскимъ; но не надолго. На тое поближшіи Кракова воеводства — Кленчица и Серадзь, также и кварцѣялніи войска Полскіи засмотрѣвшися, ку Королю Шведскому приклонилися, и кондиціи предложеніи приняли за благо; зъ особливимъ упевненемъ себѣ за службу респекту Королевского, а правъ и волностей своихъ старожитнихъ при ненарушимой цѣлости захованя.

РОЗДѢЛЪ VI.

О благополучіи Короля Шведского въ Полщѣ и о розставленихъ въ ней его гварнизонахъ и кватерахъ; о уничтоженіи трактатовъ зъ Поляками учиненихъ, и о бѣдствахъ имъ отъ консистентовъ Шведскихъ бывшихъ; о отмѣнѣ скорой фортуни Шведской, и о вщавшойся противъ него отъ Поляковъ ребеллѣи; о послахъ Сендомирскихъ зъ кондиціями до Шведа прибылихъ, и о отвѣтѣ имъ неполезномъ.

Таковимъ благополучіемъ и немноголюдствіемъ Кароль Густавъ, Король Шведскій, опановавши едного лѣта Краковъ и Варшаву, преславніе оніе столици корони Полской, опановалъ купно зъ ними и всю Великую Полщу, кромѣ Гданска, и назвался въ ней Королемъ, по утѣчцѣ Яна Казѣмѣра, власного Короля Полского, зъ Кракова до Шлён-

ска. А осѣвши на время особою своею Королевскою въ Краковѣ, розложилъ свои Шведскіи по всей Великой Полщѣ, аиле въ столечнихъ и значнѣйшихъ мѣстахъ кгварнизони. Якого времени еще прибыло зъ Помераніи килко енералствъ войска Шведского, то и тое росположилъ также въ Великой и уже въ Малой Полщѣ по кватерахъ, и вербовати новое приказалъ войско; якого на килконадцятъ тисячъ вскорѣ навербовано, и изъ Шведскимъ войскомъ помѣшано. Въ таковомъ благополучіи воцарившися Король Шведскій въ Краковѣ, мнѣлъ быти непревратную себѣ до конца фортуну, и заразъ презрѣвши и уничтоживши пакта свои зъ Поляками поставленіи и закрѣплѣнія — еже заховати ихъ при древнихъ правахъ и волностяхъ, и нечинити имъ жадной обиди и утиску — допустилъ нетилко началникамъ войскъ своихъ, но и радовому жолнѣрству великіе чинити отягощенія и озлобленія нетилко народовѣ посполитому мѣскому и селскому, але и власной шляхтѣ и благороднимъ панамъ Полскимъ. Того ради абіе Поляки, шляхта и посполство въ городахъ и селахъ, увидѣвши въ домахъ и фолваркахъ своихъ тое — же що чрезъ многолѣтное старания имѣній ихъ собралося, тое чрезъ краткій часъ метлою Шведской недишкреціи изметнулося, и до ихъ сокровищъ перенеслося, вщинаютъ бунти, и вездѣ таковихъ недишкретнихъ инспекторовъ и дозорцовъ своихъ квоту умаляютъ. А що болше, же въ городѣ Костянѣ и самого Ланцграфа Геского, швакгра Кролевского, чрезъ Жегоцкого старосту Бабимостского забито. Король Густавъ о томъ получивши вѣдомость подъ Адалановомъ, которого добувалъ тогда, заразъ зъ войскомъ приходитъ подъ Костянъ, и взявши оній а забойци въ немъ не обрѣтши, витялъ тамъ увесь невинній народъ до щенту. Въ тимъ времени прибыли къ нему въ обозъ посли зъ Сендомира зъ таковимъ прошеніемъ: 1, аби отъ Козаковъ и Москви защищати ихъ рачилъ. 2, Аби волною элекціею подлугъ дав-

нихъ звичаевъ ихъ на Королевствѣ Полскомъ утвердился. 3, Аби вѣра Римская, зъ костелами своими и зо всѣмъ духовенствомъ и ихъ доходами и прерогативами, безъ жадного ущербку и отягощенія была захована. 4, Мѣстца и уради зъ субстанціями, метрики и кгроди по старожитному при нихъ аби зоставали. 5, Повѣти и провинціи многіе, чрезъ войни отъ корони отторгненіе, аби старанемъ Королевскимъ знову коронѣ были привернени. 6, Войско кварцяное аби за свои заслуги отъ Короля было уконтентовано. 7, Великій кавалеръ панъ Черпецкій, зъ войскомъ своимъ зъ Кракова віишлій, же при сторонѣ зостаетъ Яна Казѣмѣра Короля Полского, за тое аби не уражался на его онъ, Король Шведскій. 8, Наконецъ, началниковъ Полскихъ, отчизну свою опустившихъ и на сторону ухилившихся аби добра конфѣшковано и заслужонимъ отдано. 9, Зоставши зась цале ихъ паномъ, аби долшою войною негубилъ ихъ, а еслиби было иначей, то всѣ за свои волности вмерти готови. Король Густавъ Сандомирскихъ пословъ онихъ мови и пунктовъ вислухавши, а въ ярости гнѣвной будучи, кгди на пунктъ о элекціи Королевской, въ немъ же вся волность Поляковъ найбарзѣй зависаетъ, показавши на оружіе при боку его бывшое, отповѣдилъ посломъ: «що вамъ до моей элекціи, если мя сіе на тронѣ Королевства вашого посадило.» Що Сендомирци услишавши, и зле свое въ утраченю прежнихъ волностей подъ панованемъ Шведскимъ обачивши, а на другіе пункта отвѣта недожидаючися, отъехали заразъ восвояси.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

и рокъ девятій тихого Хмелницкого и Украинского, а Полского бурливого и многомятежного пожитія.

Въ ней-же описуется обида и разореніе отъ Шведовъ Полское; одерване Прусовъ отъ Полски; конфедерація Полская на Шведа за волности свои; тщаніе Густавово о корону Полскую и нещасте его тогда великое, а Чарнецкого благополучіе; добыване и взяте Варшави чрезъ Поляковъ зъ Витембергомъ, подъ кондиціями; одослане потомъ Витемберга до Замостя, нужда войска Полского, и енералная обоихъ Королей баталѣя зъ викторіею Шведскою.

РОЗДѢЛЪ I.

О Шведскихъ въ Полщѣ надъ трактата обидахъ и разореніяхъ, и ребелліи за тое Полской противъ Шведа; о суетномъ добыванію Шведскомъ Ченстохова; о зголдованю Шведскомъ себѣ подъ кондиціями Прусовъ, и о Гданской ему несклонности; о виправѣ подъ Малборкъ Штеимбока, и о рушеню самого зъ Прусъ на Украину для усмиреня ребелліи Полской.

Року отъ міроздания 7164, а отъ воплощснія Жиждителного Слова Сына Божія, Христа Господа 1656, наставшой зимѣ зъ доволними снѣгами и морозами, начала и фортуна, Шведамъ прошлого лѣта фаворизовавшая, уменшати имъ своихъ благодѣяній; о чомъ любо мнѣй належало би мнѣ писати, еднакъ для того прострохъ мое писаніе, найбарзѣй зъ Твардовского вкратцѣ, же предлежащая гисторія о Шведу и Полякахъ собылася зъ причини (яко прежде рѣхомъ) Хмелницкого, и же въ той гисторіи и Хмелницкій мало есть вспомненъ. Тоеи прето зими, Король Густавъ въ Краковѣ почувши о многой себѣ противной шляхтѣ Полской, въ многими субстанціями своими въ монастиръ Ченстоховскій увезшойся, виправилъ для добытя оного Врешовца и Миллѣра, енераловъ своихъ, зъ войскомъ значнимъ, которіи тамъ прибывши, и осмъ недель въ штурмахъ и промислахъ военихъ пробавивши, стратили войска

малъ не половину, и ничого не вскуравши зо встидомъ назадъ отвернули. Бо Пресвятая Дѣва Богородица тамъ чудодѣйствующая, и малою дружиною своихъ въ монастиру бывшихъ воевниковъ оборонила и недопустила взяти и разорити тоя Ченстоховскія обители своея. Король тежъ Густавъ зо всѣхъ сторонъ въ Малой и Великой Полщѣ увидѣвши противко себе отъ Поляковъ (ихъ-же двори и комори отъ Шведовъ были рабовани и кватери тяжкіе налагани, розбои по шляхахъ и гостинцяхъ чинени, зъ превеликими людей купеческихъ и иныхъ невинныхъ кривдами; и нетилко рядовое товариство, але офѣцери и саміе енерали ркомо ребелѣзантовъ по повѣтру шукаючи, своимъ приватамъ чинили довлетвореніе, зъ крайнимъ шляхти рабованой и окуповивавшойся разореніемъ и изнищеніемъ; а хто хочъ мало о тое промовилъ, того яко власного ребелѣзанта въ нѣвечъ обернено и зъ домомъ его спалено) ребелѣю и отмѣну фортуни своея, удался отъ Кракова на Торунъ до Прусъ, зъ значною войска своего частю и зъ войскомъ Полскимъ кварцянимъ, при Конецполскомъ хоружимъ коронимъ и князю Димитру Вишневецкомъ бывшомъ: для того аби моглъ тое Пруское княженіе отъ корони Полской оторгнути, и себѣ въ союзъ присоединити. Князь Прускій, албо Курфирстъ Брандебурскій о томъ Шведскомъ ку себѣ маршу провѣдавши, любо зъ войскомъ Гданскимъ и иншими тамошними воеводстви свое Пруское войско злучивши, вишедлъ былъ противъ его на границу; однакъ отъ Шведовъ и Поляковъ помененихъ кварцянихъ преконаніи зоставши, склонился зъ Шведомъ до покою и кондицій тихъ:

1, Аби Княженіе Пруское отъ того часу не до корони Полской, но до Шведской належало, и отъ неи голду, потверженіе и хоругви пріймовало по толь, по коль зъ дому Густавовомъ ставатиметъ дѣдича и наслѣдника.

2, Трибутовъ жаднихъ аби не давало нѣкгди, а нѣ отъ того часу до судовъ дворскихъ Королевскихъ належало болше; а Курфирстъ жеби былъ волнимъ и свободнимъ княземъ въ Прусахъ.

3, Митомъ всѣмъ воднимъ по поламъ зъ собою подѣлятся.

4, Въ портахъ Пруских на Мемлю и Пиллвѣ часть кгварнизону Шведского быти мѣетъ.

5, Линкги зъ Олендерами и афектовъ ихъ на вѣки Прусакъ отректися мѣетъ.

6, За кошти и шкоди Прускіе, до военой виправи на помочъ Королю Шведскому виложеніе, дастъ ему Прусаковѣ Король Бѣскупію Вармѣнскую въ награжденіе.

7, Наконецъ, Шведъ Прусаковѣ, теперь и завше, противъ всѣхъ неприятелей его мѣетъ войсками своими помоществовати и зъ нимъ сполне ставати.

Якій трактатъ Шведъ въ Кролевцу, столечномъ градѣ Прускомъ, зъ княземъ Прускимъ заключивши, одозвался заразъ чрезъ листъ и до Гданска, хотячи его тожъ чрезъ трактатъ себѣ зголдовати; але зъ Гданска такій учинено отвѣтъ: ижъ если онъ Король Шведскій цале знесетъ зъ Кролевства Полского Короля Казѣмѣра, а самъ волною елекціею шляхти Полской избранъ и коронованъ зостанетъ на Полское Кролевство, тогди и Гданскъ свою ему наклонитъ главу. Иншіи зась мѣста и замки Королевѣ Шведскому поклонилисъ.

Такимъ отвѣтомъ Гданскимъ Король Густавъ розгнѣваній, рушилъ былъ зъ войскомъ ку Малборкгу, хотячи оній взяти и людми своими осадити; але кгди дойшли ему вѣдомости зъ Украинѣ, ижъ сенаторовѣ и Гетмани корониіи, маль не зо всею шляхтою и съ посполствомъ, отмѣнивши ему свою присяглую вѣрность, зачинаютъ бунтъ и

повстають на него, заразъ енерала Штеимбока отправилъ подъ Малборкъ; а самъ зъ виборнѣйшимъ войскомъ рушилъ зъ Прусъ спѣшно на Украину, хотячи усмирити повстаючую помененую на себе ребеллѣю.

РОЗДѢЛЪ II.

О конфедерацін Полской подъ Тишовцами на Шведа; о розосланю конфедерацкихъ унѣверсоловъ въ Полщу, и о даню знати Королю Казѣмѣру о той конфедерацін; о виправѣ суетной Казѣмѣровой до Хана посла для усмиреня Хмелницкого, и о прибытю въ Ланцутъ до конфедератовъ зъ заграници его Короля Казѣмѣра; о Любомирскомъ маршалку коронномъ, зъ короною Полскою въ Венграхъ чрезъ время промешкавшомъ; о потверженю при Королю повторною присягою тои конфедерацін, и о розосланю во всю Полщу Королевскихъ унѣверсаловъ, вину отступства Полякомъ прощаючихъ и до союзу своего призиваючихъ.

Гетмани коронніи, зъ войскомъ при нихъ бывшимъ и зъ многою шляхтою, увидѣвши не подлугъ пактовъ, въ Устю и Краковѣ поставленихъ, Шведское зъ собою обхожденіе, зъежджаются подъ Тишовцами и составляютъ на Шведовъ тамъ конфедерацію, сприсягаючися еденъ на другомъ положити голови, а волность свою Шведами отъятую къ себѣ по прежнему привернути, зъ купи конфедерацкой не розъездитися, и заслугъ не упоминатися до скончения войни зъ Шведами начинаемой. Якую конфедерацію составивши и присягами утвердивши, яко Королевѣ своему о томъ знати даваютъ и до себе запрашаютъ; такъ и чрезъ унѣверсали свои конфедерацкіи, во всю Полщу розосланіи, братѣ своей

шляхты Полской до себе взиваютъ, и прощеніе отступленія ихъ отъ пана своего, Короля Полского, обѣщеваютъ и прирекаютъ. До якого звязку и Андрей Лещинскій Примасъ и Арцѣбѣскупъ Гнѣзненскій своими особними унѣверсалами, во всю Полщу разсѣяними, взивалъ и заохочалъ рѣчь посполитую противъ Шведа, на видвигнене упадаючой отчизни Полской и древнихъ ея волностей. Король Полскій Янъ Казѣмѣръ въ княженіи своемъ Ополскомъ, за границами далеко Полскими сущемъ, получивши чрезъ листъ отъ конфедератовъ Полскихъ о звязку ихъ на Шведа вѣдомость и ку себѣ отновляемую пріязнь, а хотячи отъ Козаковъ въ своей импрезѣ не имѣти перепони, виправилъ заразъ посла своего до Хана Кримского зъ таковимъ прошеніемъ, аби рушалъ зъ Ордами на Хмелницкого, и старался его усмирити и наклонити по прежнему въ послушенство Королевское. Якое поселство, не безъ подарунковъ, Королевское Ханъ принявши, рушилъ зъ Ордами на Хмелницкого, и до Чигрина надближившися, далъ о себѣ Хмелницкому знати, предложивши ему такіи кондиціи: аби по прежнему Королевѣ Полскому упокорившися, сполне зъ нимъ, Ханомъ, помоглъ ему на Шведа, и тимъ заслужилъ у Короля своему преступленію прощеніе. На якое предложене Ханское бинаймнѣй Хмелницкій недбаючи, а войска Козацкіе въ поготовости имѣючи, отправилъ нѣзчимъ посла его. Чимъ любо Ханъ зневаженій; однакъ, едно — памятаючи слово ку себѣ Хмелницкого, чрезъ Татаръ викупившихся сказаное, еже мѣетъ зъ войсками Козацкими навѣдити его, Хана, въ Криму; другое — знаючи въ поготовости войско Козацкое при Хмелницкомъ, жаднои шкоди не дерзнулъ чинити Хмелницкому.

А Король Янъ Казѣмѣръ, по отправѣ посла своего до Хана, рушилъ и самъ зъ помененого княженія своего до Полски, и прибывши до Ланцута, засталъ въ немъ войско конфедерацкое при Гетманахъ коронних бывшее; а дру-

гая Полского войска значная партія (яко вишей рѣхомъ) зъ Конецполскимъ хоружимъ коронимъ, зъ княземъ Вишневецкимъ и зъ Нѣмѣричомъ знайдовалася въ Прусахъ при Королю Шведскомъ.

Прибыте до Ланцута Королевское яко войску зконфедерованому было вдячно, такъ и войско оное Королевѣ взаемъ было благопріятно; въ которомъ то войску знайдовался уже, зъ пятма тисячами войска своего, и Любомирскій маршалокъ коронній, иже прежде пришествія Шведского до Кракова, увезлъ зъ собою корону Полскую до Венгръ, за гори Карпацкіе, и до того конфедерацкого часу тамъ зъ нею найдовался. Король Полскій Янъ Казѣміръ зъ войскомъ зконфедерованимъ злучившися въ помененомъ Ланцуту, и конфедерацію оную похваливши и повторною присягою потвердивши; заразъ во всю Полщу свои Королевскіи розослалъ унѣверсали, прощаючи оними всей рѣчи посполитой грѣхъ отступства ихъ отъ себе, и привлекаючи ихъ по прежнему до союзу своего; щося чрезъ унѣверсали оніи помисльне справило.

РОЗДѢЛЪ III.

О хотѣнiи Густавовомъ до усмиреня ребеллѣи Полской, и о повоpотѣ въ Пруси для прибору элекцiялного; о Шведахъ въ малой Полщи чрезъ Чарнецкого забиваемихъ, и о повторномъ рушеню Густавовомъ зъ Прусъ зъ Конецполскимъ на усмирене бунтовъ Малополскихъ; о Конецполскомъ присягу Шведовѣ зламавшому и райтарiю его висѣкшомъ; о Густавовомъ въ Варшаву прибытю, и о розосланю унѣверсаловъ своихъ сpогихъ, повстягаючи войска свои отъ чиненя кривдъ Полякомъ; о розгромленю подъ Голубовомъ Чарнецкого; о суетной бытности Густавовой подъ Замостемъ, и о долшомъ его и войскѣ его нещасливомъ зъ Чарнецкимъ прогрессу; о уступованю Густавовомъ отъ Замостя ку Вислѣ отъ налоговъ Лядскихъ; о окопанюся его въ вилахъ между Саномъ и Вислою; о ординанцу его отъ толь до своихъ енераловъ, жеби прибывали на ратунокъ ему, и о ординанцу Чарнецкому отъ Короля Казѣмира, жеби не допустилъ въ помочъ Густавови енераловъ его.

Король Густавъ любо (яко вишей намениілось) рушилъ былъ зъ Прусъ зъ войскомъ на Украину, для усмиреня востающой на себе Полской ребеллѣи; однакъ разсмотрѣвшися, же нужнѣйше ему было Королемъ Полскимъ утвердитися, а нежели бунти онiи Лядскiи усмирити, завернулъ назадъ въ Пруси зо всѣмъ войскомъ, и на элекцiю Варшавскую, аби Королемъ избранъ и коронованъ былъ при-

бѣрался. Лечъ гди увѣдомленъ зъ Варшави отъ канцилера своего Оксенстерна, же въ малой Полщѣ войска кварцѣяліе зъ иними на него зконфедеровалися, и начали войска Шведскіе по кватерахъ зимовихъ громити и забивати, за поводомъ Чарнецкого, барзо тимъ зафрасованій, ужилъ совѣта отъ своихъ Шведовъ и отъ Конецполского хоружого коронного, отложити на время элекцію свою, и скоро ити на Украину и усмирити начинающіеся бунти. Яко-жъ по совѣту ономъ, самъ Король Густавъ зъ виборнѣйшимъ войскомъ и арматою легкою рушилъ просто ку Варшавѣ; а Конецполского, хоружого коронного, зъ Димитромъ Вишневецкимъ и войскомъ Полскимъ кварцянимъ и изъ своею Шведскою рейтаріею, ему приданою, отправилъ на Тикоцѣнъ инимъ трактомъ, подлугъ его Конецполского желанія и совѣта, въ Малую Полщу, для усмиреня тихъ же бунтовъ. Которій то Конецполскій любо отъ Короля Шведского на сто тисячъ узялъ подарунковъ, и войско свое платою Королевскою зналъ уконтентованое, и обѣщался Королеви въ усмиреню бунтовъ онихъ вѣрне послужити; однакъ для упадаючой отчизни своеі, короны Полской, присягу свою (святобливе, якъ пишетъ Твардовскій) Шведовѣ зломавши, и зъ райтаріею Шведскою при немъ бывшею нѣякійсь задоръ учинивши, вирубалъ всю оную до щенту, не доходя Коцѣна, и зъ своимъ войскомъ прійшолъ въ совокупленіе зъ конфедератами. Король зась прибувши до Варшави и получивши знову вѣдомость, же Чарнецкій зъ своимъ войскомъ около Люблина зноситъ Шведскіе войска и залоги, виправилъ подъ него заразъ значній подъездъ свой, и самъ за нимъ въ тропи рушилъ; а подъ Голубовомъ на Чарнецкого нашедши и бой учинивши, роспорошилъ оного не безъ значнои въ обохъ сторонахъ шкоди, и зъ пораненемъ значнимъ брата своего Королевского. Отъ Голубова зась рушилъ Король ку Люблину, и въ немъ мало отдохнувши, получалъ частѣйшіи

вѣдомости о бунтахъ во всей Полщѣ, противъ него повстаемихъ; для чого заразъ, хотячи Полякомъ приподобатися и сверѣпство ихъ умягчити, розсилаетъ свои унѣверсали во всѣ гроди, пилне и сурово оними войско свое упоминаючи и непохибною смертною казнію имъ грозячи, аби по кватирахъ, жаднихъ и найменшихъ кривдъ и долегливостій обывателемъ Полскимъ не чинили. По розосланю зась онихъ унѣверсаловъ, злецивши дозоръ и каране своеволного войска Вессеманію комисарови своему, самъ Король Густавъ рушилъ зъ войскомъ отъ Люблина на Красній Ставъ ку Замойстю; где прибывши и крѣпость градскую увидѣвши (въ которой дѣдичъ тамошній, ординатъ Замойскій зъ войскомъ своимъ заперщися, явился готовимъ до отпору военного Королевѣ Шведскому) послалъ туди трембача своего зъ такимъ своимъ Королевскимъ словомъ, аби смотрячи на его войскъ потенцію и щасте, и на зголдованіе свои короніи столици, Варшаву и Краковъ, склонилися ему доброволне, нежелаючи красному и крѣпкому граду своему, Замойстю, отъ его Шведскихъ войскъ руини и разоренія; певни будучи тоеи его Королевскои ласки, же при всѣхъ древнихъ правахъ и свободахъ ихъ безъ похиби заховати рачитъ. На що гди зъ Замойскихъ стѣнъ значній и густій отвѣтъ и привѣтъ ему учинено, тогди заразъ въ его намѣреніяхъ (ижъ вскорѣ всея Великія и Малія Полски мѣлъ Королемъ зостати, и крѣпкіи гради, Львовъ и Камянецъ-Подолскій, подъ свою руку наклонити) значное учинилося воспященіе; которого Король Густавъ застидившися, отступилъ отъ Замойстя. Въ тимъ разѣ Чарнецкій, по розгромѣ своемъ подъ Голубовомъ, у болшіи прибравшися войска, почалъ на Шведа зо всѣхъ сторонъ налегати и уривати, хотячи его въ голодній край ку Львову навернути; але Шведъ, и такъ уже видячи въ войску своемъ голодъ и нужду, постерегся въ томъ, и неидучи ку Львову, потягъ ку Ярославу, въ край жизнѣйшій. Тамъ зась подъ

16

Ярославомъ обозомъ станувши, виправилъ заразъ значній подъездъ свой, хотячи чрезъ оній довѣдатися о власномъ Королю Полскомъ — где ся обертаеть; але заледво о милю тотъ подъездъ отъ своего обозу удалился, заразъ тамъ Чарнецкій зъ войскомъ зъ мѣсца скритого вибухнувши, розгромилъ и на голову поразилъ оній; до самого ажъ енералного обозу Шведского за остаткомъ пригнавшися, и самому обозу Королевскому, надъ рѣкою Саномъ стоявшому, страхъ и замѣшане нанесши, урвалъ и пошарпалъ часть возовъ Королевскихъ, зъ срѣбромъ и иншими спрятами покоєвими бывшихъ. Въ тимъ же часѣ увѣдомившися Чарнецкій зъ языковъ Шведскихъ о енералу Дукгласу, подъ Премышлъ на подъездъ отъ Шведа виправленомъ, заразъ рушилъ на него; але онъ, зачувши о Чарнецкомъ, чимъ найскорѣй рушилъ назадъ до обозу Королевского; и не смотрячи мостовъ, чрезъ Санъ поспѣшалъ ледомъ, солнцемъ роспаренимъ, где не малую узналъ шкоду, позатоплювавши тяжари и люди. А на другомъ мѣсцу, у Мостискахъ, два подъезди зъ Служевскимъ виправленіи, немнѣй щасливе надъ Шведомъ гостили; и сгола где тилко случилося, всюда отъ Поляковъ Шведа клеска постигала. Що увидѣвши Король Шведскій, ижъ всюди ему нещастится, а войска Полскіе где далѣй въ около на него примножаются, здесперовавши въ себѣ, рушилъ зо встидомъ и зъ поспѣшеніемъ отъ Ярослава ку Преворску; усмотрѣваючи доброго и найпростѣйшого шляху до Прусовъ, покидаючи въ дорозѣ не тилко тяжкіе армати и можчери, але и людей хорихъ и раннихъ. А въ томъ маршу его, Чарнецкій неусипно зо всѣхъ сторонъ на него набѣгаючи, уриваетъ и шкодитъ войску его, и не меншую во всемъ наноситъ трудность; а на другомъ мѣсцу подъ Венгровомъ, Конецполскій хоружій коронній, кривоприсяжца и вѣроломній зрайца Шведскій, злучившись зъ Сапѣгою, розгромилъ кгрофа Макгнуса; на третомъ зась мѣсцу, въ Руднѣку,

князь Димитрій Вишневецкій несподѣване зъ войскомъ своимъ напавши, не меншую Шведу учинилъ шкоду, и мало самого Короля не загарбалъ въ руки. Король, видячи свое зле, и ни отъ куду немаючи помочи, простуетъ якъ мога до мосту, нижше Сендомѣра на Вислѣ учиненного; але Чарнецкій и въ томъ его предваривши, любо и самъ не меншій въ войску отнеслъ ущербокъ, однакъ и Шведу призидіялнихъ вирубалъ, и мостъ помененій, для Короля здѣланій, розорвалъ и спортилъ. Король пришедши до Висли, а не мѣючи мосту до прешествія оной, ушиковался былъ противъ Поляковъ на енералную баталѣю; але Поляки онои дати не восхотѣли; толко Шембекъ подъездомъ вторгнулъ подъ него, но отъ готового готовую одержалъ плягу. Шведи зась, зъ пятнадцати тисячъ заледво въ половинѣ уже войска своего зоставшися, и о цѣлости своей барзо здесперовавши, рушили отъ толъ зъ Королемъ ночю на тое мѣстце, где Санъ зъ Вислою злучился, и въ тихъ вилахъ, до оборони надежнихъ, окопалися крѣпко. А отъ толъ заразъ Король Густавъ до Витемберга, Миллѣра, Штеимбока и Дугласа, своихъ енераловъ, виправилъ вскорѣ ординанцъ свой, аби къ нему въ помочъ зъ войскомъ скоро поспѣшали. Войско зась Полское и Литовское въ помененихъ вилахъ около Шведовъ обсѣло, и тамъ оного доконевати намѣревало. А отъ Короля Яна Казѣмира учиненъ ординанцъ—ити Чарнецкому за Вислу зъ значною войска партіею, и не допустити помененихъ Шведскихъ енераловъ зъ войсками ихъ, въ помочъ облеженому Королевѣ своему; въ якую дорогу за Чарнецкимъ и неуказного много войска рушило и возовая голота.

РОЗДѢЛЪ IV.

О пилнихъ инспекторахъ Великополскихъ; о прогрессу надъ ними Воеводи Подляского; о противности и руинѣ города Лешна; о добываню Шведовъ въ Косцянѣ, и о розгромленомъ подъездѣ Вессеманіевомъ, на отсѣчъ до Косцянъ виправленомъ; о щасливомъ прогрессу военомъ Чарнецкого и инпшихъ вождовъ Полскихъ надъ Шведами, и о встрентѣ имъ Дукгласcовомъ.

Шведи всю Великую Полщу опановавши, любо пилними были инспекторами надъ Поляками, недаючи имъ ни мале въ гору голови подняти; однакъ зъ Шлёнска Петръ Опалѣнскій, воевода Подлядскій, зъ малою горстю войска въ Великую вшедши Полщу, множество шляхти со всеи оной Полщи заохотилъ и притяглъ до себе; зъ которою начавши щасливе гостити, и Шведовъ, не дишкретнихъ дозорцовъ своихъ, всюди громити, притягнулъ и до города Лешна, въ которомъ было президіумъ Шведское; отъ коль гди потребовалъ себѣ арматъ, пороху и людей, теди за совѣтомъ Шведскимъ нетилко того Лешняне не учинили, але зполне зъ Шведами и за городъ на бой противъ него війшли. Въ якомъ бою значного зъ обохъ сторонъ дознавши ущербку, зостали Шведи преконани и до мѣста сполне зъ мѣщанами загнани; а поневажъ наступилъ уже тогда вечоръ, того ради панъ воевода Подляскій уступилъ зъ войскомъ отъ Лешна на ночлегъ до Осѣчной; а мѣщане Лешнянскіи, наставшои тогда нощи, злій поступокъ свой уви-

дѣвши, и о цѣлости своей звонтпивши, вся тежъ имѣнія и богатства своя и городъ безоборонній звитяжцовъ дишкреціи оставивши, сами тилко зъ женами и дѣтми утекли прочъ зъ города. Мужицство засъ околичное зъ челядю люзною зникнувшися, и въ городъ отвореній вшедши, всѣхъ въ немъ жителей утекшихъ имѣнія и богатства, и въ найскрытшихъ земляныхъ сокровищахъ бывшіе, повидиравши и забравши, наконецъ и городъ запалило, зъ превеликою околичнихъ на тое смотрѣвшихъ мешканцовъ жалостію. Воевода Подляскій огненую кончину Лешня увидѣвши, рушилъ отъ толь до Косцянъ, тожъ кгварнизонъ Шведскій въ себѣ имѣючій; где прибывши, а на акордъ склонити его невозмогши, собралъ много околичнихъ мужиковъ, и велѣлъ онимъ ити на городъ до штурму. Тіе прето здобичъ Лешнянскую засмаковавши, и въ Косцянѣ тоею-жъ сподѣваючися, тиснулися ослѣпъ до штурму на городъ; але дваkротъ зъ великимъ ущербкомъ своимъ зъ города отражени будучи, розбѣглися во свояси, самую оставивши подъ заперпшимся градомъ шляхту. — Вессеманій, комисаръ войска Шведского, въ Познаню бывши о томъ Косцяна обложеню увѣдомленій, виправуетъ на отсѣчъ оного доброи кавалеріи полтори тисячи зъ двома комендантн; о чомъ Поляки провѣдавши, исходятъ отъ Косцянъ противъ ему, и на певномъ мѣстцу зійшедшись поразили ихъ на голову такъ, ижъ отъ полтори тисячи заледво увойшло Шведовъ до Познаня пятьдесятъ. По той викторіи гди Шведи въ Косцянѣ замкнувшися, безнадежни зоставши своего сукурсу, хотѣли зклонитися до трактату, ажъ по ординанцу Королевскомъ прійшолъ листъ отъ Чарнецкого, взиваючи войска Полского отъ Косцяна къ себѣ въ совокупленіе; а самъ Чарнецкій отъ Устя Нового, где тожъ войско Шведское знайдовалося, рушилъ взмѣраючи ку Варшавѣ. Въ якомъ трактѣ, подъ Коженицами, съ партіею войска Шведского несподѣване зоткнувшися, знеслъ оную на голову,

же жедного языка не упустилъ, который би моглъ принести вѣдомость о той своей кленсцѣ своимъ принцѣпаломъ. По томъ розгромѣ Шведовъ, Чарнецкій отъ Коженицъ далѣй зъ войскомъ своимъ потягнувши, напалъ подъ Варкою на чтыри тисячи войска Шведского доброго, зъ многихъ фортецъ и гваринзоновъ зобраного, а подъ комендою зъ Бади Мархіона бывшого; которое тожъ на голову розгромилъ, же тилко самъ Мархіонъ въ малолюдствіи утеклъ до Черска. По томъ розгромѣ Мархіона потягнулъ Чарнецкій зъ огромнимъ войскомъ своимъ къ Торуню и Варшавѣ; но тамъ не бавячися къ самому потягнулъ марграбству, где Вигдошъ, вождъ Полскій, по заставахъ и залогахъ бывшихъ повитиналъ Шведовъ, обминувши толко Пакосць и Знѣнь; а въ тимъ заразъ на гукъ тотъ Хлѣбовскій настигши, витялъ тамъ лейбгвардію Короля Шведского. При якихъ благополучіяхъ гди намѣрилъ былъ Чарнецкій и въ поморскую за Шведами удатися страну, ажъ зайшолъ его съ подъ Варшави листъ Королевскій прибувати ему подъ Варшаву, не такъ для чого иншого, яко найбарзѣй для того, жеби отъ войска его некарного болшое и остатное въ домахъ, коморахъ и фолваркахъ шляхетскихъ не дѣялося разореніе и изнищеніе. О такомъ дѣяніи Чарнецкого, въ Прусахъ енералъ Дукгласъ бывшій увѣдомившися, рушаетъ противъ ему зо всѣмъ войскомъ своимъ и арматами; и подъ Клецкомъ оного надибавши, значне попудилъ и до конфузіи приправилъ. Въ якомъ страху Чарнецкій знову до войска подъ Косцянъ пишетъ, и зъ собою въ злучене призиваетъ; а до Короля своего подъ Варшаву поспѣшати для небезпеченства отъ Дугласа надходящого персвадуетъ.

РОЗДѢЛЪ V.

О війстю зъ осади Полской Короля Шведскаго и утѣчцѣ до Прусовъ; о совокупленіи войскъ ку Королю подъ Варшаву и облеженю Варшави, и о розосланю унѣверсаловъ Королевскихъ, отступство Поляковъ амнистіей предаваючихъ; о нефортунномъ Чарнецкого подъ Дугласа подъездѣ; о здертю чрезъ Шведовъ Куявъ, и вирубаню зъ Бидгошемъ пѣхоти Полской; о повторномъ тѣснѣйшомъ Варшавѣ облеженю; о личбѣ тамъ войска Полского; о посиланомъ трембачу до облеженцовъ, и отвѣтѣ Витембергововъ несклонномъ; о штурму на Варшаву и отраженю его зъ оной; о посланю до Рускихъ цекавзовъ по армати болшіе; о тривозѣ отъ Дугласа подъ Варшавою; о войскахъ Полскихъ противъ Дугласа отъ Варшави війшлихъ, и назадъ повернувшихъ; о Дугласу подъ Новимъ Дворомъ, и подбѣгахъ Полскихъ подъ него и его подъ Поляковъ; о ломаню муровъ Варшавскихъ зъ арматъ и мортировъ Рускихъ, и о отпуску зъ облеженя жони Дугласовой зъ инними Шведскими панями.

Королевѣ Шведскому до війстя зъ осади и окопу пререченого, между Саномъ и Вислою бывшаго, тако послужи фортуна: по отшествіи зъ болшою частю войска Чарнецкого въ Великую Полщу для предописаного промислу надъ Шведами военого, одошли и войска Литовскіе въ свою сторону для оборони оной отъ нахожденія Московского и Козацкого; саміе тилко осталися при осадѣ

Шведовъ войска воеводствъ поближшихъ и кварцяное. Въ тимъ часѣ гди зъ Кракова и изъ инших мѣстъ прибыли помощніе войска Королю Шведскому, заразъ съ великою скоростію преправуется за Вислу и тягнетъ утѣкаючи ку Варшавѣ и Прусамъ на Торунь, добримъ Варшаву умоцнивши кгварнизономъ. А Король Полскій зъ войскомъ невеликимъ вступилъ на тотъ часъ отъ Варшави въ сторону. Войско зась Лядское, зъ Чарнецкимъ и иншими вождами своими, зо всѣхъ сторонъ Короля Шведского до Прусъ утѣкаючого на всякихъ приличнихъ мѣстцахъ и переправахъ легко нападаетъ, щиплетъ и уриваетъ, яко пси волка; но явнои баталѣи дати ему не хотѣло. И такимъ-то дѣйствіемъ Поляки, сами себѣ глупство въ той мѣрѣ приписуючіи, упустили Короля Шведского до Прусъ зъ преречоного губителного, между Саномъ и Вислою бывшого, тѣсного облеженя. По отшествіи Короля Шведского къ Торуню, заразъ Король Полскій Янъ Казѣмиръ знову прибылъ зъ войскомъ и облеглъ Варшаву, и розославъ до своихъ иныхъ вождовъ ординанси, аби отвсюду зъ партіями своими къ нему подъ Варшаву поспѣшали, для чиненя промислу надъ гварнизономъ Шведскимъ въ ней замкнувшимся. По якихъ ординанцахъ вскорѣ войско Полское зъ промисловъ своихъ военихъ въ совокупленіе енералное подъ Варшаву прибыло, и Короля пана своего ку себѣ ласкового, а грѣхъ измѣни и отступства ихъ прощающого привитало. По которомъ привитаню знову Король повторніи свои яко и въ Ланцуту прежде видалъ унѣверсали, всѣхъ къ себѣ (и тихъ, що еще при Шведу зоставали) Поляковъ ласкаве призиваючи и вѣчной амнистіи отступство ихъ отъ себе предаваючи. Въ то время знову Чарнецкій значною войска своего партіею виправился на подъездъ подъ Дугласа, которимъ любо Ваера, вожда Полского, зъ погибелной вибавилъ тони; однакъ самъ двокротне отъ Дугласа, Шведского енерала, на рознихъ мѣстцахъ знач-

нїй одержалъ встрентъ и кленску; якимъ случаемъ роздражненїи Шведи Куяви обдерли, и нѣгдѣсь тамо пѣхоту Великополскую, зъ Бигдошемъ бывшую, въ пень вирубали. Потимъ Король Полскїй увѣдомившися, же въ Варшавѣ главнѣйшїй Витембергъ енералъ Шведскїй зъ иншими знаменитими персонами и невѣстами замкнулся Шведскими, тѣснѣйше облеглъ Варшаву, и всѣ дороги къ ней бывшїе и береги Висляніе облеглъ и заступилъ, аби тимъ лутше недопустилъ живности въ Варшаву, маючи уже при себѣ тамъ войска въ собранїи болшъ ста тисячей.—А о Королю Шведскомъ розніе тогда носилися вѣсти, едни въ Варшавѣ, другїе въ Торунѣ, третїе въ Елблоногу, четвертїе въ Прусамъ, а пятїе во мертвихъ быти его твердили. — Тимъ облеженемъ Король Полскїй чрезъ певное время облеженцомъ Варшавскимъ стуживши, послалъ до Вѣтемберга трембача, предлагаючи ему аби безъ крвѣ зъ обохъ сторонъ преляня и муровъ Варшавскихъ зепсованя здался ему доброволне; на що Витембергъ гди такїй учинилъ отвѣтъ, же яко до шедивихъ лѣтъ своихъ вѣрне служилъ пану своему, такъ и кровїю власною тую вѣрность готовъ есть запечатлѣти; тогда Король Полскїй заразъ значнїй до Варшавскихъ муровъ штурмъ приказалъ вчинити, на которїй любо множество охотника ослѣпъ що маючи въ рукахъ кинулося, однако густою облеженцовъ стрѣлбою зъ муровъ значне ущербленїе, назадъ до обозу своего зостали завернени; а для лутшого въ добываню управленїя заразъ послалъ Король гонцовъ скорихъ до Рускихъ цекавзовъ, для взятя зъ нихъ ломовихъ арматъ и мартировъ.

Въ тимъ подъ Варшаву до Короля принесена вѣдомость, же енералъ Дугласъ, зъ Кролевичомъ Шведскимъ и зъ иними знатними персонами Шведскими и значнимъ войскомъ Шведскимъ, Прускимъ и инимъ новонавербованимъ, тягнетъ въ тропи за Чарнецкимъ на отсѣчъ облеженцомъ Варшавскимъ; зъ якихъ мѣръ любо не меншая въ

войску Полскомъ подъ Варшавою станула трвога, однакъ заразъ по ординанцу Королевскомъ болше шестидесяти тисячей виборнѣйшого войска Полского въ справѣ при своихъ вождахъ станула, и противъ Дугласа недалеко отъ Варшави отійшовши, три дни въ шикахъ готовое до бою стояло, а недождавшися Дугласа назадъ къ Варшавѣ въ обозъ свой (въ которомъ Король зъ Гетманами неподвижне знайдовалися) повернуло: бо Дугласъ о такой силѣ и готовости до бою войска Полского провѣдавши, удержался и окопался подъ Новодворомъ, гдѣ Бугъ зъ Вислою злучается. Кгди засъ зъ преречонихъ кварнѣзоновъ Руских припроважено картани и можчери, тогда крѣпко начато зъ нихъ стѣни и палати Варшавскіе ломити и псовати, двонедѣлное уже зостаючи въ подвигахъ своихъ время. Дугласъ стоячи въ окопахъ подъ Новимъ-Дворомъ и слишачи громи Варшавскіи, не тилко не смѣлъ рушити отъ толъ на отсѣчъ облеженцамъ Варшавскимъ, але самъ отъ подбѣговъ Полскихъ неменшіе утерпѣвалъ пакости; а особно отъ Шембека, которій еднои ночи чрезъ лѣси до обозу его прокравшися занялъ и угналъ полтори тисячи коней. Взаемне и отъ Дугласа подъ обозъ Лядскій бывали нешкодливіи подбѣги, зъ которихъ еденъ въ пятидесяти рейтарахъ отважне для языка въ самій обозъ Лядскій угнался былъ; але приплатилъ тамъ тоеи отваги своеи власною кончиною своею, же ни еденъ уйшолъ назадъ. Тимъ временемъ старался Дугласъ чрезъ Кролевича Шведского корреспонденцію о визволенене зъ облеженя Варшавского чили Торунского жони своея съ сестрою ея, которая зъ иними панями Шведскими по указу Короля Полского, трибомъ кавалерской цноти и во знаменіе склонности до любви зъ Шведами и покою, зостала до Дугласа въ легцѣ отпущена.

РОЗДѢЛЪ VI.

О умедленіи Полскомъ въ добываню Варшави, и о валномъ на ню штурмѣ зъ поламанемъ и едной брами, и утисненюся въ Варшцву; о трембачу зъ Варшави отъ Витемберга желаючомъ покою; о совѣтѣ о томъ Королевскомъ, и о склонности до трактату зъ Витембергомъ зъ висланемъ комисара Полского; о фортелной Витемберговой проліонгаціи трактату, и о крайнемъ на него штурмѣ Полскомъ; о прозбѣ его пощадѣнія; о погамованю войска отъ штурму; о престаню Витемберговомъ до кондицій отъ Короля Полского ему предложенихъ, и о шемраню войсковомъ на своихъ пановъ за удержане отъ штурму; о упоминанюся отъ слугъ Королевской обѣтници за ихъ трруди, и о порабованю квалтовномъ чрезъ нихъ Варшавскихъ крамовъ.

Медлящу же безъ успѣха девятонеделное время войску Полскому въ добываню Варшави, и начинающуся уже въ обозѣ гладу, а иншіе воеводства для разоренихъ своихъ жилищъ начаша отпрошуватися у Короля до домовъ, заживаетъ Король Казѣмиръ отъ сенаторовъ и вождовъ своихъ поради, що далѣй чинити; уважено прето, же не проливши крвѣ и чола добре незапотивши не взяти Варшави; а такъ енералній чрезъ трубу во всемъ обозу Полскомъ розголошено штурмъ на Варшаву. Переночовавши теди, що живо, всѣ обозовіе слуги и челядь превеликимъ гмѣномъ, кождій зъ своего повѣта значкомъ и приводцами, зъ якимъ хто

моглъ оружіемъ и сокирами идутъ ослѣпъ подъ стѣни и брами Варшавскіе; зъ которихъ гди едну браму зъ фундаменту обвалили, поспѣшествовавшу въ томъ имъ арматѣ смоку, то любо отъ облеженцовъ Шведскихъ значне были воспящани и забіяни, однакъ ничого несмотрячи, гвалтомъ и забойствомъ превеликимъ увалилися въ Варшаву и принудили Шведовъ въ замку, по дворахъ и кляшторахъ Варшавскихъ позамикатися; еднакъ тое ихъ замкнене было некрѣпкое. Увидѣвши Витембергъ, же уже Варшава взята и въ замку Варшавскомъ трудно ему исцѣлѣти, вислалъ трембача до Короля Полского, просячи о милость и трактатъ. Король прето совѣтуетъ, що зъ тимъ чинити — чи добувати штурмомъ замку, чили кончити войну тую трактатомъ: бо если штурмомъ дѣло войни оной кончити, то отъ превеликого кгмѣну охотниковъ и слугъ военихъ нетилко замокъ зо всѣхъ Кролевскихъ спрятовъ и оздобъ будетъ обнаженъ; але кляштори, костели, доми шляхетскіе и мѣщанскіе, и крамници зостанутъ разорени и зо всего злупленi. Стало прето на томъ: изъ обохъ сторонъ виставлено комисаровъ, жеби трактатъ чинили, и болше двохъ годинъ дзегаровихъ зъ тимъ не бавили; зъ Полской сторони былъ комисаръ Требѣцкій подканцелерій, а зъ Шведской Форгель нѣякійсь. По війстю зась годинъ двохъ, же трактатъ былъ нескончeнъ и нарочно зъ сторони Шведской проволѣканъ, надѣючися до себе отъ Дугласа тимъ часомъ отсѣчи, войско отъ промислу военого на часъ погамованое знову зачинаетъ дѣло, и неслухаючи бинаймнѣй своихъ началниковъ, шанцуется подъ замковіе стѣни. Що Витембергъ увидѣвши, знову послалъ до Короля Полского просячи о чтири годинѣ до трактату; чимъ Король, яко фортелями и шидерствомъ розгнѣваній, велѣлъ заразъ зъ смока армати болшой дати войску гасло на остатній приступъ; которое гасло услишавши, заразъ всѣми силами увойшли въ городъ, и подъ замокъ штурмовати стали; чимъ Витем-

беркъ престрашеній о едну тилко фришту просить годину, якая отъ Короля Полского позволена; лечъ нимъ войско Полское отъ штурму угамовано, тимъ часомъ тая година и докончилася, скорій Витемберковѣ конецъ албо животъ приносячи. По сконченю зась тоей години гди знову войско Полское до штурму возшумѣло, и зо всѣхъ странъ на замокъ аки вихоръ и молніи возгрѣмило, тогда Витемберкъ увидѣвши свою кончину не восхотѣлъ (яко въ первомъ отвѣтѣ своемъ декляровалъ до Короля Полского) многихъ вѣрнихъ пану своему службъ своею тамъ въ Варшавѣ запечатлѣти кровію; але одозвался чрезъ трембача до Короля Полского просячи милости и пощадѣнія, и на всѣхъ престаючи кондиціяхъ, якіе ему суть предложени. По якомъ одозвѣ заразъ штурмовати войску Полскому престати и отступити велено; но оное близко уже своихъ добичей будучое, зъ великимъ на своихъ пановъ нареканемъ (же Шведовъ жаловали, и же они въ добываню города кровь свою проливали, а панове ихъ на тое толко дивилися) заледво подъ обѣтницами и декляраціями ласки и нагороди за трудъ ихъ Королевской, зостало чрезъ Гетмана Полного отъ штурму удержано и погамовано и до утра назадъ возвращено.

Пункта зась тамъ составленіе были таковіе:

1) Арфедъ грабя Витемберкъ, Шведскои корони вождъ и найвишшій маршалокъ, а зъ нимъ сполне Оксенстеръ Вѣцерей войсковій президентъ, также Кантерштеинъ и иніе знаменитшіе персони гарнизону Шведского, въ замку Варшавскомъ будучіе, зъ жолнѣрами своими всѣ зъ мѣста війдутъ, волно випущени, и где хотя пойдутъ; а то тилко прирожоніе Шведи; которіе зась Поляки, тіи зо всею отданою арматою своею при ласцѣ Короля Полского зостанутъ; а инимъ чужеземцамъ волно будетъ которому хотя Королевѣ служити. Тожъ заразомъ війдутъ зъ замку Варшавского и изъ трохъ брамъ мурованихъ и изо всѣхъ кляшторовъ, и до двору Осолинского чрезъ войско Полское

отпроважени будутъ; а отъ толъ війдутъ за городъ своимъ строемъ и подъ розвиненими вгору знаками, зъ бубнами, и изъ запалениими при мушкетахъ ліонтами. А которіи маютъ свои господи въ Варшавѣ, тіи для своеи вигоди могутъ забавитися тамъ до трехъ дней найдалѣй, а потомъ аби заразъ зъ нихъ віизжали. Въ той дорозѣ — чи землею чили водою зхотятъ ити — будутъ отпроважени до Торуня двома хоронгвами Полскими.

2) Армату всю зоставятъ въ Варшавѣ.

3) Хорихъ и раннихъ виправятъ туда-жъ Вислою предъ собою, зполне зъ тѣлами мертвецовъ своихъ, тилко би подъ тимъ претекстомъ не было якои здради и ошуканства.

4) Речей власнихъ, возовъ и коней Шведскихъ обложенцамъ Король Полскій зъ замку Варшавского вивести не забороняетъ; але що есть въ Полщѣ зъ домовъ шляхетскихъ, зъ кляшторовъ и костеловъ, и изъ окуповъ въ злотой и грубшой монетѣ набраного, также клейноти и посвященіе церковніе сосуди, келехи, лихтари, тое все въ Варшавѣ зостатися муситъ, для чого назначени будутъ комисари. Опрочъ що тилко війдутъ зъ тломоками своими и со взятемъ латвѣйшихъ своихъ вещей и денегъ для потреби дробнѣйшихъ, которихъ толко мѣютъ зъ собою винести, колко имъ Король Полскій позволитъ, маючи взглядъ на особи.

5) При такой же волѣ и свободѣ зостанутъ всѣ бѣліе голови зъ своимъ уборомъ и спрятомъ.

6) Матрони всѣ Полскіе, въ той войнѣ подъ арештъ Шведскій забранніе, ассекуруетъ Витемберкъ, же гдѣ колвекъ суть, взаемне мужамъ своимъ отдани будутъ.

7) Писма канцеляріей и метрики дворскіе, въ цѣлости всѣ зоставлени будутъ въ замку Варшавскомъ.

8) При отходѣ, замку и мѣста Варшави, аби чрезъ жадніе фабрики и мѣни скритіе Шведскіе жадная городу не учинилися руина.

9) Наконецъ Витемберкгъ, за себе и за инших своихъ старшихъ и за увесь кварнѣзонъ свой войсковій ручится, же и онъ самъ, а нихто иншій зъ нихъ, жаденъ не поднесетъ руки своея противъ Короля Полского; а нѣ Королевѣ своему Шведскому болшей заразъ служити будетъ, поколь всѣ війдутъ того мѣсяца кватери.

Которій трактатъ, чрезъ ночъ тогдашную дѣланій, зъ обохъ сторонъ неотмѣне подписати постановлено. А скоро свѣтъ сталъ розсвѣтати, заразъ превеликое множество слугъ и джуровъ войсковихъ стануло предъ палацомъ Королѐвскимъ, на предмѣстю Варшавскомъ бывшомъ, кричачи и упоминаючися вчерашной обѣтници, за свои въ добываню Варшави ложеніи фатиги и отваги; которая кгди была имъ отволѣкана и безъ скутку протягана, абіе всѣ едногласно крикнувши: гей! гей! чого мѣемъ дожидатись и на непевную обѣтницу Королевскую смотрѣти—устремилися на базари и арменскіи крами; въ которихъ що колвекъ было коштовнихъ Пермскихъ, Шамскихъ и Арапскихъ товаровъ, всѣ тіе страшнимъ гвалтомъ въ едной годинѣ розшарпали, пожаковали, и безвѣстно во свояси розбѣглися; за що мусѣлъ Король шкодуючихъ якою-жъ колвекъ надѣею нагороди ихъ упевнити.

РОЗДѢЛЪ VII.

О совѣтѣ Королевскомъ якъ поступити зъ Витембергомъ здавшимся, и о прошеніи Великополяновъ, жеби неотпусканъ Витембергъ; о удержаню и до Замойстя одосланю Витемберка; о нуждѣ въ войскѣ Полскомъ для голоду и хоробъ, и о рожежджанюся оного во свояси; о Дугласу енералу Шведскомъ, и о Королю Полскомъ подъ него ездившомъ; о енералной вскорѣ баталѣи обоихъ Королей, и о програной Короля Полского, зъ потеранемъ арматъ и обозу и части войска; о маршу Шведскомъ ку Лвову; о страху великомъ въ Полщѣ; о поворотѣ Шведскомъ отъ Радомя назадъ ку Варшавѣ и Прусамъ, и о розложеню тамъ войскъ на зимовую станцѣю; и о розбитю въ полку Гадяцкомъ подъ Подолками Донцовъ своеволнихъ.

По добытю предописанимъ дѣйствіемъ Варшави, радился Король Полскій своихъ сенаторовъ и вождовъ—якъ поступити зъ Витембергомъ и иними Шведами въ Варшавѣ здавшимися? чи отпустити ихъ подлугъ трактату заразъ во свояси, чили на время зъ тимъ отпускомъ удержатися? Усовѣтосано теди — удержатися, жеби отпущеній заразъ Витембергъ не поставилъ на ногахъ пана своего, Короля Шведского, радою своею ку далшой на Поляковъ импрезѣ военой; къ тому и многая шляхта Великополская, зъ воеводствъ своихъ прибывши подъ Варшаву, просила прилежно Короля о тое, аби неотпускаючи Витемберга, удержалъ въ закладѣ потоль, поколь жони ихъ всѣ зъ подъ аресту Шведского

будутъ зискани и имъ отдани, зъ книгами гродскими и земскими и зъ приверненемъ давнихъ ихъ волностей, трактатомъ Устянскимъ безъ вѣдома всей мѣлкой шляхти чрезъ него Витемберга поврежденихъ; а если би иначей было, то не утерпитъ шляхта учинити въ дорозѣ надъ ними, зъ Варшави випущеними Шведами, военого промислу. Сталося теди подлугъ совѣту сенаторского и желанія Великополяновъ, ижъ жолнѣре Шведскіе радовіе, при меншихъ офицерахъ, подъ конвоемъ Полскимъ отпущени во свояси, а енералъ Вѣтемберкъ, зъ тридесятма значнѣйшими персонами, удержанъ и одосланъ на время до Замостя. Въ войску Полскомъ, подъ Варшавою стоявшомъ, нетилко вщался значній голодъ, но и густіе смертоносніе хороби, для долгого девятонеделного, на едномъ мѣстцу, стояня; для чого, и для разоренихъ чрезъ Шведовъ домовъ, многіи начали ѿтпрошиватися зъ войска; а неполучивши позволеня, и самоволне тайно и явно значними зъ подъ своихъ хоронгвей купами, а потимъ и полками начали отъездити, и квоту войска своего при Королю своемъ Казѣмиру подъ Варшавою умаляти. Дугласъ, енералъ Шведскій, подъ Новимъ Дворомъ въ окопахъ своихъ зъ войскомъ, любо тожъ узнавалъ голодъ, чрезъ долгое тамъ стояніе, однакъ наджидалъ ку себѣ зъ войскомъ помощнимъ Шведскимъ и Прускимъ пана своего. Король тежъ Полскій, въ килко тисячъ жолнѣрства своего Варшавского, стороною рушилъ подъ Дугласа, хотячи его чрезъ Вислу увидѣти, въ якомъ стоитъ положеню и якъ би его тамъ аттаковати; що Дугласъ увидѣвши далъ ему зъ арматъ чрезъ Вислу привѣтъ належитій, по которомъ Король знову до Варшави повернулся. Вскорѣ потомъ якъ Татаре въ помочь Королю Полскому прибыли зъ Криму, такъ и Дукгласовѣ Король Шведскій зъ княземъ Брандебурскимъ, въ тридцати тисячахъ войска, прибылъ на сукурсъ. А зъ Дугласомъ совокупившись, рушилъ Шведъ отъ Новодвору противъ Короля Полского, тако-жъ и Ко-

роль Полскій рушилъ отъ Варшави зъ войскомъ своимъ и арматами противъ Шведовъ; въ якомъ маршу, зшедшися нѣгдѣсь между лѣсами и борами, дали себѣ баталѣю енералную, въ которой много въ превеликомъ огню и громахъ оружейнихъ чрезъ немалій часъ працуючи, любо и самъ Король Шведскій отъ жолнѣра Полского былъ потручен, и до упадненя зъ коня нахиленъ; однакъ чрезъ Брандебурщика отъ того упадненя удержаній и воздвигненій, яко первого, такъ и другого дня надъ Поляками одержалъ викторію; ижъ Король Полскій зъ войсками своими и Татарскими неустоявши Шведамъ, и оставивши обозъ свой зъ арматами и частю пѣхоти, зъ прочіимъ всѣмъ войскомъ коннимъ и пѣхотнимъ уйшолъ до Окуніова, затопивши въ Вислѣ, подъ часъ переправи при зепсованю мосту, немало возовъ и войска своего, и за малимъ Гетмановъ своихъ на тоій же переправѣ неутративши. А Король Шведскій до зпустошалои и оголоченои Варшави прибывши, и оную своимъ кгварнизономъ знову осадивши, и до Кракова людемъ своимъ отсѣчь пославши, самъ зъ войсками рушилъ былъ ажъ ку Лвову, наполнивши всю Полщу безмѣрнимъ Пиляецкому подобнимъ страхомъ, разсѣявши такіе газети, же обозъ Полскій взятъ, и Король на голову знесенъ. Але у Радомлю получивши вѣдомость, что войска Полскіе знову на его совокупляются, и уходячи прешлого нещастя своего, повернулъ отъ Радомля ку Варшавѣ; а тамъ прибывши и оную зъ крайней оздобы злупивши, и кварнизонъ свой забравши, рушилъ зъ поспѣшеніемъ до Прусовъ; и тамъ, гдѣ Пѣсъ, Дрвенца и Наревъ надближившися, подѣлился зъ Брандебурчикомъ для войскъ на зимовлю становисками и роздалъ имъ оніе.

Того-жъ лѣта, Донцѣ зъ за-Днѣпра, отъ Хмелницкого до домовъ отпущенніе, чрезъ Малую Россію идучи, многіе безъ жадного респекту и дишкреціи людемъ селскимъ и гражданскимъ починили разореніа, обиди, граби-

телства и побои; зъ якою неполѣтикою и грубянствомъ гди и въ полку Гадяцкомъ показалися, теди Тимошъ, намѣсникъ тогдашній Гадяцкій, плачу и многихъ жалобъ людей полку Гадяцкого вислухавши, взялъ заразъ зъ собою до трехъ сотъ Козаковъ добрихъ, и нагнавши зъ ними тихъ своеволнихъ Донцовъ въ полку-жъ Гадяцкомъ около села Подолокъ, всѣхъ ихъ розгромилъ, и на голову поразилъ.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

и рокъ десятій.

Въ ней-же виражаются многіе щасливости и нещасливости Полскіе отъ Шведовъ и Венгровъ, а Шведскіе отъ Поляковъ и Дунчиковъ, въ военнихъ случаяхъ; отторгнене Прусовъ чрезъ Шведа отъ Полски, и дарунокъ Прусови отъ Шведа провинцій Великополскихъ, и зрада Татарская; Короля Полского бытность въ Гданску, и взяте коменданта Бремского; пакта Виленскіе зъ Москвою и Поляками, въ которихъ и корону Полскую Государю Російскому обѣщано; союзъ Ракочого Венгерского зъ Шведомъ; прошеніе Полское войска у Цесара, и прислане оного; разореніе Полское отъ Венгровъ и Шведовъ; утѣчка Венгровъ зъ Полски; нещасливость и пакта ихъ зъ Поляками; трактатъ Краковскій Шведскій зъ Поляками; кончина Коссова митрополити и Хмелницкого Гетмана, и избраніе Балабана на митрополію, и блюстителство Барановичово; погребъ Хмелницкого, заслуга его; о повѣтахъ Чигринскомъ и Терехтемировскомъ; вѣденіе о полкахъ и полковникахъ за Хмелницкого бывшихъ; трактатъ Брандебурчиковъ зъ Поляками; початокъ Гетманства Виговского; корреспонденція

его зъ Запорожцами и инишими пограничними панствами, особливе зъ Государемъ Російскимъ, и о корону Полскую совѣтованіе; присяга Виговского на вѣрность Государу Російскому; початокъ расприи зъ Пушкаремъ Полтавскимъ; союзъ новій зъ Ханомъ Кримскимъ, и замислъ ку измѣнѣ его Виговского.

РОЗДѢЛЪ I.

О викторіи Чарнецкого надъ Шведами подъ Стремешнемъ; о прибытю Короля Шведского въ Пруси; о утвержденіи крѣпкой лиги зъ Прусакомъ; о дарованю ему Великополскихъ провинцій; о зведеню зъ нихъ Шведскихъ гварнизоновъ а уставленю Прускихъ, и о розосланю о томъ унѣверсаловъ обманчливихъ; о щасливомъ прогрессу военомъ воеводи Подляского и воеводи Калѣского зъ Врешовцемъ, енераломъ Шведскимъ; о шкодѣ отъ него Полякамъ, и о забитю его Врешовца отъ Поляковъ; о енералу Денфѣльнгу зъ Шведами; о Королю Полскомъ по розгромѣ знову зъ войсками собравшомся, и оніе на три части роздѣлившомъ; о скорбнихъ Королю Шведскому вѣдомостехъ; о щасливомъ Короля Полского въ Великой Полщѣ, а Гонсѣвского Гетмана Литовского въ Прусахъ прогрессу; о Татарахъ зъ гнѣвомъ отъ Гонсевского отшедшихъ до Криму, и въ награжденіе трудовъ своихъ два повѣти Подляхскихъ загорнувшихъ.

Року отъ сотворенія свѣта 7165, а отъ свѣта истинаго Христа Сина Божія плотію во міръ пришедшаго 1657 году, заледво Густавъ Король Шведскій, по прошлолѣтнихъ военихъ зъ Поляки фатигахъ, зъ войскомъ Шведскимъ и Брандебурскимъ на предпомененихъ зимовихъ розгостился кватерахъ; ажъ заразъ Чарнецкій неусипное тщаніе на побѣду непріятелей отчизнихъ имѣющій, зъ войскомъ своимъ Татарскимъ и Волоскимъ, заслишавши о Шведахъ зъ кгварнизономъ Полскимъ ку Королю своему просто-

вавшихъ, и подъ Стремешнемъ въ трохъ тисячахъ райтаріи бывшихъ, нечаяно нападаетъ, на голову зноситъ, и болшъ осмидесяти афѣцеровъ въ руки Татарскіе предаваетъ, самъ многіе и дорогіе тамъ получивши здобичи и користи; гдѣ и Форгель взятій, що въ Варшавѣ отъ Витемберкга трактовалъ о покою зъ комисаромъ Полскимъ. О чомъ Король Шведскій довѣдавшись, рушилъ оттоль, гдѣ розложился былъ на станціи зимовіи заразъ до Прусовъ; а тамъ прибывши, и моцно лигу свою зъ княземъ Прускимъ утвердивши, всѣ тамошніе краи подъ державою Полскою бывшіи, гдѣ Просна и Варта рѣки зъ своихъ жродеръ виникаютъ, ажъ по Познань, на вѣки ему даруетъ и гварнизони ему свои поставляти допускаетъ; а самъ назадъ до Торуня зъ Прусъ прибывши, розослалъ свои унѣверсали, аби его Шведскіи гарнизони зъ Великой Полщи преходили у Малую Полщу, давши мѣстца Брандебурскимъ гварнизономъ. А то ркомо чинитъ для оборони короны Полской, отъ Поляковъ войсковихъ мира нехотящихъ разоряемой, и повелѣвающій Великополякомъ, аби якій гоноръ и послушенство повинни были ему Королю Шведскому, тотъ отдавали съ послушенствомъ князю Брандебурскому, при которомъ мѣютъ жити спокойне въ домахъ своихъ; а хто бы тому непослушенъ былъ, тотъ яко противникъ волѣ панской непохибне каранъ будетъ.

Зри чителнику, якъ хитрій Шведъ Поляковъ обманивалъ, же будто для защищенія ихъ ставилъ въ нихъ гварнизони Брандебурскіи; а въ самой рѣчи фортелне поддавалъ ихъ въ голдъ и послушенство Брандебурщиковѣ. Воевода Подляскій Петръ Опалѣнскій аще и въ шедивихъ лѣтехъ знайдовался, обаче болѣючи сердцемъ о упадаючой отчизнѣ и ея волностехъ, знову въ Великой Полщѣ созиваетъ ку себѣ шляхту, для чиненя надъ непріятелемъ промислу военого; а провѣдавши о войску Брандебурскомъ подъ Познанемъ, идетъ до него; но въ дорозѣ подъ

Осѣчною партію Шведскую нагабавши, знеслъ на голову оную; а отъ взятихъ тамъ языковъ увѣдомившись, же Врешовецъ, енералъ Шведскій, зъ тисячою райтаріи Брандебурской не оподаль знайдуется, цофнулъ ку Калѣшу где президіумъ было Шведское; Врешовецъ о томъ довѣдавшись, идетъ въ тропи за Подляскимъ Воеводою, на отсѣчъ своимъ въ Калѣшу бывшимъ Шведамъ; а въ той дорозѣ Горку, Гостинъ, Понецъ и Кобилинъ зъ стародавнимъ его кляшторомъ, зъ многими скарбами шляхетскими зрабовалъ до щенту. Отъ Кобилина зась рушивши, гди бевпечне въ селѣ Любру онъ Врешовецъ заночовалъ, тамъ ночью воевода Калѣскій зъ войскомъ напавши, стражъ знявши и село запаливши, едниxъ оружіемъ вибилъ, а другихъ въ тамошной рѣцѣ Вартѣ витопилъ, ижъ зъ тисячи заледво Прусаковъ сотце уйшло назадъ; въ якомъ розруху и самъ енералъ Врешовецъ кіемъ зосталъ забитій, а маіоръ въ руки взятій. Войско зась помененое Брандебурское, зъ енераломъ Дерфѣлѣнгемъ отъ Познаня до Калѣша тягнувшое, о знесеню Врешовца увѣдомившися, устрашилося и отвернуло на Гнезно ку Торуню. Король Полскій Янъ Казѣміръ, по розгромѣ своемъ предписаномъ, знову пришедши до себе, и въ Малой Полщѣ совокупивши войска немало, прійшолъ до Висли, которую преправивши роздѣлилъ войско свое на три части — едну пославши подъ Краковъ для добываня тамъ гарнизону Шведского, другую зъ Литвою и зъ Татарами при Гетману Гонсевскомъ до Прусовъ, а при третой знаменитшой части и арматахъ зъ обома Гетманами самъ зостался.

Въ тимъ времени Густаву Королю Шведскому непомислніе приносятся вѣдомости: первая — же войска Московскіе зъ Козацкими отъ власти Шведской отторгнули Инфлянти, и до Риги, столици Инфляндской, приближаются; другая — же Дунчикъ покой зъ нимъ розриваетъ; третая — что рѣчь посполитая Шведская при-

слала къ нему пословъ своихъ, потребуючи по немъ аби кончилъ войну свою зъ Поляками, и до нихъ прибывалъ вскорѣ; а если би иначей было, то иншого себѣ въ Швеціи Короля поставлятъ. Король Полскій по роздѣленію войскъ своихъ самъ рушилъ подъ Ленчицу, гдѣ зоставалъ кгварнизонъ Шведскій; тая убо едного духа зъ Шведомъ будучи, гди по предложеню пана своего Короля Полского доброволне не склонилась, заразъ чрезъ штурмъ зостала взята, зъ великимъ ущербкомъ и нещадѣніемъ мешканцовъ своихъ; Шведи зась въ замокъ Ленчинскій умкнувшися, склонилися до трактату подлугъ прешлой Варшавской транзакціи, же старшіе мѣютъ присягнути, и зъ войскомъ своимъ отъ Ленчици до Торуня при конвою Полскомъ отпровожени зостати. Що и иншіи кгварнизони Шведскіи почувши, устрахнулися и доброволне зъ своихъ мѣстъ повтѣкали; толко еденъ Злотовъ зъ Шведами оперся, но и тотъ чрезъ штурмъ взятъ зосталъ заразъ. При такомъ благополучіи Королевскомъ приходятъ зъ Прусъ помислніе ему-жъ вѣдомости, же и тамъ, по отходѣ Короля Шведского противъ Московскихъ и Козацкихъ войскъ до Инфлянтовъ, значная часть войска Шведского и Пруского зъ своимъ обозомъ, при найвишихъ енералахъ своихъ, подъ Простками надъ Пѣиною чрезъ войско Литовское и Татарское, зъ Гетманомъ Гонсевскимъ бывшое, зостала знесена; гдѣ на три тисячи Шведовъ и Прусовъ забито, а взято живцемъ болше того, зъ енераломъ ихъ маіоромъ и зъ иншими трома вождами, Горномъ, Пурдкомъ и Бранеромъ; а совѣтникъ Шведского Короля Езрагелъ чрезъ Татаръ зосталъ зрубаній. Въ тимъ часѣ и гарнизонъ Шведскій въ Калѣшу бывшій Полякамъ склонился, и до Торуня зосталъ отпроваженъ; а подъ Вармѣею знову Кгонсевскій, Гетманъ Литовскій, зъ Татарами роспудилъ войско Пруское, отъ Познаня и Торуня до Прусъ зъ енераломъ Дерфленгомъ поспѣшавшое. По тихъ викторіяхъ Татаре упоминалися у

Гонсевского Гетмана отданя себѣ побраних значнѣйших преречоних вязневъ Шведскихъ, чого гди неполучили, розгнѣвавшися заразъ отъ Литви отлучилися, и назадъ зъ Прусъ повернули; а въ награжденіе своихъ утратъ и трудовъ два повѣти шляхти Подляской себѣ загорнувши, до Криму отъехали.

РОЗДѢЛЪ II.

О Королю Шведскомъ зъ дороги Инфлянтской въ Пруси повернувшомъ, и о роспуженю Кгонцевского чрезъ Штеимбока; о вистрашеню съ Хойнѣцъ князя Андгалского; о прибытю зъ войскомъ отъ Хойнѣцъ до Кгданска Короля Полского, и о вспоможеню его тамъ; о намѣреніи Шведскомъ до Кгданска и о премѣненіи оного; о коменданту Бремскомъ, Королю Полскому подъ Кгданскомъ доставшомся; о новомъ въ войску Полскомъ манѣеру, и о прогрессу въ немъ надъ Шведами воеводи Подляского; о медіяторахъ покоя тогдашнего, и о Пруси торгъ; о дотираню покою зъ Москвою, со нареченіемъ Великого Государа электомъ корони Полской.

Король Шведскій, немогучи уже за войсками Московскими и Козацкими убратися до Инфлянтовъ, значній надъ Двиною рекою на оборону Риги своей шанецъ учинивши и войскомъ осадивши, до Прусъ повернулся; зъ якой дороги отправилъ въ сторону зъ войскомъ енерала Штеимбока на Гонсевского Гетмана Литовского, которого онъ, Штеимбокъ, несподѣване найшедши, роспорошилъ тамъ. — А Король Полскій зъ войскомъ подъ Хойнѣци притягнувши, и князя Антгалтского зъ войскомъ въ нихъ бывшого темруками Татарскими застрашивши, виправилъ въ цѣлости отъ Хойнѣци назадъ подъ своимъ конвоемъ; потомъ и самъ въ Хойнѣцахъ небавячися, достигнулъ Гданска, где вдячне

зосталъ принятій, въ армату и въ иншую алтилерію вспоможеній, а войско его по кватерахъ около Гданска розстановлено. Король тежъ Шведскій, зъ Дугласомъ енераломъ и зо всѣми войсками и обозами своими злучившися, началъ былъ мостъ дѣлати чрезъ Вислу, хотячи оную прейти и до Гданска потягнути, и енералную баталѣю зъ Королемъ Полскимъ тамъ учинити; лечъ мостъ тотъ еще недоконченій крига зимная Вислная докончила, сокрушила, и интенцію Шведскую назадъ до Малборка завернула. Въ тимъ часѣ и Кенѣгсмарекъ, губернаторъ Бреми, славою Вѣтембергові подобній и Полякамъ страшній, зъ арматами и значною суммою денегъ въ двохъ окрентахъ Шкотцкихъ до Короля Шведского пловій, загнанъ морскою фортуною до лятерни Гданской, и безъ труда зо всѣмъ достался Королевѣ Полскому. Учинился по тимъ въ войску Великополскомъ манѣеръ инакшій, же вмѣсто посполитого рушеня визвано пахолковъ охотнихъ до войска; и зъ ними воевода Подляскій въ осмнадцяти хоренгвахъ виправился для промислу военого; а повзявши вѣдомость, же пять сотъ рейтаръ Курфистровихъ зъ провянтомъ новимъ до Познаня простовало, напалъ на нихъ подъ селомъ Сѣлною и розгромилъ до щенту, взявши въ неволю ихъ оберштера, откуду въ Марграбствѣ великая учинилась трвога, и присланы комисари до воеводи Подляского, спрашиваючи, для чого такъ чинится; отповидѣлъ — же для гарнизоновъ Шведскихъ въ городахъ Великополскихъ зостаючихъ; на тое комисари отповидѣли — ижъ любо безъ вѣдома пана своего князя Пруского не могутъ совершено чинити покоя, однакъ зъ Косцяна и зъ иншихъ меншихъ городовъ зведутъ гварнизони Прускіе, подъ конвоемъ Полскимъ. Шведскій Король зостаючи въ Прусахъ а обачивши въ намѣреніяхъ своихъ противніе поведенія, началъ чрезъ медіятори Голендерскіе и Французскіе зъ Поляки трактовати о покою подъ тоею кондиціею, жеби княженіе Пруское не до Полщи, но

до Швеціи отъ того часу належало; лечъ Поляки на тую кондицію несмотрячи бинаймнѣй, готовими оказивалися до войни, и за оное Пруское княженіе умирати. Разсуждали однакъ, зъ кимъ би первѣе — чи зъ Шведомъ, чили зъ Москвою заключити пакта, уже отъ части въ Вилнѣ и намовленіе, которіе если би недокончено, то певне Литва отъ корони Полской отторгнулабися навсегда. А такъ ухвалено первѣе зъ Государемъ Московскимъ покой заключити и корони своей электомъ назвати, подъ кондиціями себѣ полезними; чого и Король Полскій при своихъ нещасливихъ сукцессахъ рѣчи посполитой возбранити не похощетъ; а то зъ такою надеждою, же гди Великій Государь Московскій избранъ будетъ на электорство корони Полской, то нетилко за часомъ можетъ Царство Россійское до такои зъ Полщою прійти унѣи и вѣри, въ якой зостаетъ зъ нею княженіе Литовское; але и зъ Хмелницкимъ совершеній можетъ состоятися покой; и нетилко гради и провинціи зъ Смоленскомъ отъ Полщи отторгненіе, але и Инфлянти были би до корони привернени.

РОЗДѢЛЪ III.

О збунтовавшомся войску Полскомъ кварцяномъ и Короля своего въ Гданску покинувшомъ; о рушеню Шведа зъ Прусъ до Гданска, и о погромѣ Поляковъ чрезъ Штеимбока въ Хойнѣцахъ; о Королевой Полской зъ Чарнецкимъ до Гданска простовавшой, и войско кварцяное знову до Короля своего совѣтомъ и прозбою завернувшой, въ Калѣшъ повернувшой, и о Чарнецкомъ Шведовъ розгромившомъ; о Королю Шведскомъ зъ подъ Гданска тще повернувшомъ, и Хойнѣцу добывшомъ; о намѣреніи Шведскомъ аттаковати Гданскъ; о скритомъ виведеню отъ толь до Калѣша чрезъ Чарнецкого Короля своего, и о поворотѣ Шведа въ Пруси; о доконченю въ Литвѣ пактовъ Полскихъ зъ Москвою, и о посторонихъ панствахъ криво на тое смотрѣвшихъ.

Войско кварцяное Полское, три лѣта безъ плати служачи, а доволства своего около Кгданска на кватарахъ немѣючи, собралося своеволне зъ кватеръ въ обозъ подъ Гданскъ, въ которій и хлѣба купити ихъ не пущено; и виговоривши що было потреба до Короля своего, зъ старшиною своею въ Кгданску зостаючого, оставило его въ немъ; а само отъ Гданска зъ началниками своими пошло въ доми свои, и отдалившися отъ него ку Брздѣ и Нотесѣ росположилося для отдохненя по кватерахъ; о чомъ чулій Король Шведскій запевне провѣдавши, и Вислу крѣпкими

ледами закрившуюся обачивши, заразъ зъ Прусъ рушилъ повторній разъ самъ ку Кгданску на Короля Полского, а Штенмбока енерала отправилъ ку Хойнѣцѣ; которій тамъ до Хойнѣци скоро и нечаяно на свѣтаню прибувши, розгромилъ и поразилъ полкъ Вишневецкого и полкъ Гетманскій. Въ тимъ часѣ Чарнецкій зъ полкомъ своимъ провадилъ Кролевую до Кгданска, которая войско Кгданское Короля оставившое стрѣтивши, зъ плачемъ нарѣкала, же пана своего самого въ Кгданску оставили на вѣдомое небезпеченство, и предлагала, же если не завернутся, то нетилко зъ матками, жонами, и дѣтками въ домахъ своихъ, отъ непріятеля разоренихъ и въ конецъ разоритися мѣючихъ не осидятся, але и на Подолю не збудутся; поневажъ (мовила) и Ракочій зъ Шведомъ на васъ сприсягнулся и зближается ку Кракову, да и Козаки свою начинаютъ на васъ импрезу, и Татаре подлугъ звиклого норову своего безмалъ на васъ же чи не повстанутъ; що все вимовивши, просила прилежно всего войска аби повернуло до Кгданска ку Королевѣ, обѣцуючи имъ плату дати; чого войско послухавши и заразъ перебравшися, лутшое пристало подъ коменду Чарнецкого, а худшое подъ коменду Гетманскую. Кролева зась увидѣвши заступленій Шведами шляхъ до Кгданска, зъ жалемъ повернула зъ Хойнѣцъ до Калѣша; а Чарнецкій конвуйство свое оставивши, вдался за промисломъ военимъ, въ которомъ подъездъ Шведскій въ килко сотъ коней въ Кашубахъ здибавши, розгромилъ щасливе, и вожда самого вгналъ до Шлухова. Король Шведскій подъ Гданскомъ ничого невскуравши и назадъ отвернувши, досталъ за едну годину штурмомъ Хойнѣци чрезъ зраду значнѣйшихъ мѣщанъ тамошнихъ; а отъ толь любо удался былъ подъ Тухолу, хотячи еи добувати, однакъ провѣдавши о близкомъ ку себѣ Чарнецкомъ, удался за онимъ. Чарнецкій зась на розних мѣстцахъ тулаючися и шляхъ за собою губячи, пробрался щасливе до Кгданска ку Королю своему; гдѣ уже зъ долгого

Королевского мешканя зачиналася на кормъ дорожнета и Кгданчанамъ прикрость. Король зась Шведскій на тое уложился, аби въ Кгданску облегти Короля Полского, для чого яко моремъ, такъ и землею зъ войсками своими залеглъ былъ всѣ паси до Кгданска сущіе; але Чарнецкій комонно тамъ пробувши, виведлъ зъ Кгданска Короля своего тихо, и постановилъ въ Калѣшу Кролевой его. Король Шведскій о уѣханю зъ Кгданска Королевскомъ и о вирубаню чрезъ войско Литовское въ Тикопѣни пятьсотъ своихъ Филляндчиковъ увѣдомившися, цофнулъ назадъ до Прусъ ку Дзялдову. Въ Литвѣ тимъ часомъ послове Полскіи зъ послами Царства Російского о покою трактовали для того найбарзѣй, аби Литва отъ корони Полской подъ державу Московскую вовсе не отпадла, гдѣ тіи поставлени были кондиціи:

1) Ижъ Король Полскій на первомъ сеймѣ справитъ тое въ Сенатѣ подлугъ слова своего, же вся рѣчь посполита пріиметъ за электа коронѣ Полской Великого Государя Московского; але коронованъ быти мѣетъ цале на Кролевство ажъ по смерти власного Короля, зъ которимъ сполне мѣетъ старатися о зъедночене своей Греко-Руской Православной церкви зъ костеломъ Римскимъ, и иншихъ релѣгій не терпячи надъ тую, а не бороначи имъ всюду волного набоженства.

2) Шляхетскіе свободи и права въ цѣлости заховати мѣетъ.

3) Гди зъ волѣ Божіеій пріиметъ на голову свою корону Полскую, то самъ повиненъ въ панствѣ Полскомъ кролевати, а не чрезъ свои якіи колвекъ делегати.

4) Зъ Татарами трактатъ обновити и пакта зъ ними ненарушне заховати.

5) Козаковъ впервую пору управитъ, и коронѣ Полской послушними учинитъ, и жеби бунтовъ не вщинали.

6) А нимъ коронація станетъ, мѣетъ всякого неприятеля короны Полской силами своими, сполне зъ Королемъ и войскомъ короннимъ, отражати и не допускати.

7) Ни зъ Шведомъ о Пруси, а ни зъ Бранденбурщикомъ отъ того времени воевати, а ни покою заключати не будутъ безъ согласія о томъ зъ собою.

8) А если Великій Государь Царь Московскій цалевѣ Инфлянты опануетъ, и за щасливою потимъ фортуною и всею короною Шведскою, уже поврежденою и висиленою, завладѣетъ, то мѣетъ ея зъ короною Полскою злучити, и королевѣ Полскому яко власному оной дѣдичовѣ вручити.

Якіе пакта учинивши, до сейму первого завѣшено. А посторонніе панства онихъ пактахъ довѣдавшися, ижъ такъ значніе монархіи, Московская зъ Полскою, мѣли зъедночитися имъ страшними быти, а особливе Шведъ, кривими на тое глянули очима.

РОЗДѢЛЪ IV.

О факціи Шведской, Ракочого себѣ въ лигу намовившой; о безстидномъ Ракочого зъ Поляки союза розерваню, и имъ заскоженю; о подъездѣ щасливомъ Полскомъ подъ Венгровъ, и о уступленю отъ Кракова войска Полского, Шведа достававшого, и о вшествіи въ Краковъ Ракочого.

Увидѣвши Король Шведскій, ижъ зъ союзу предпомененого Московского зъ Полщою нетилко въ его интересахъ и намѣреніяхъ неменшое мѣло найти препятіе, але и самому мѣло урости нечаемое зло и небезпеченство, заразъ до звиклихъ себѣ удавшись факцій, намовилъ къ себѣ въ ликгу Ракочого; аби зкупивши войско свое зъ его вой-

скомъ Шведскимъ, зачиналъ дѣло военое, и розривалъ сили Полскіе, обѣцуючи ему за тое Краковъ зъ Малою Полщою, а князю Прускому Великую Полщу во владѣніе; самъ засъ мѣючи зостати толко при Мазовшу и Прусахъ. Ракочій, князь Венгерскій, послухавши совѣта Шведского, и его обѣтницею здавна себѣ желаемою улакомившися, вдѣваетъ на себѣ машкару невстиду и превротности, и за благодѣяніе Полское ему прежде на Хмелницкого учиненое, платячи неблагодарствіемъ, розриваетъ зъ ними поприсяглій союзъ свой, повстаетъ на нихъ, свокупляетъ свои войска зъ Шведскими, и зачинаетъ Полщу воевати; отъ Покутя и рѣки Сану плюндруючи и палячи городи и села, шляхту и людей гвалтячи и нещадно убиваючи, прибрался ажъ до самого Кракова. Въ якой дорозѣ любо Шембекъ, для язика зъ подъ Кракова отъ Любомирского маршалка коронного виправленій, подъ Кросномъ розбилъ партію Венгерскую, забивши тамъ и значного вожда Ференсъ Кимѣна брата Гетманского; однакъ, немогучи болше що чинити, уступилъ назадъ; за которого прибытемъ и Любомирскій помененій, гварнизону Шведского въ Краковѣ доставаещій и уже близь викторіи бывшій, мусѣлъ нѣзчимъ отъ Кракова отступити. А Ракочій до Кракова прибывши, впущенъ зосталъ въ городъ отъ енерала Тверза, коменданта Шведского, по указу Королевскомъ; комендантъ засъ зъ гварнизономъ Шведскимъ въ самомъ тилко Краковскомъ замкнулся замку.

РОЗДѢЛЪ V.

О четвертомъ въ Полщѣ лиху отъ Ракочого, и о заохоченю Королевскомъ противъ него вождовъ своихъ двохъ новими гонорами; о розосланю унѣверсаловъ отъ нового Гетмана, взиваючи войска кварцяного до себе для промислу военого надъ непріятелми; о злученюся подъ Опатовомъ Шведовъ зъ Венграми; о виправѣ Лещинского до Цесара Христіянского зъ прошеніемъ войска въ помощь себѣ, и о полученіи оного; о Ясколскомъ, другомъ послу до Порти; о удержаню его чрезъ матку Ракочого, и висвобожѣню чрезъ Пашу Силистрійского; о разореню Малой Полщи отъ Венгровъ и Шведовъ; о рушеню ихъ ку Замойстю; о листѣ Немѣричовомъ до воеводи Замойского писанномъ, и о отвѣтѣ твердомъ до него на тое; о премѣненіи Шведскомъ маршу ку Замойстю; о взятю Люблина и Бристя Литовского, и о роспущеню отъ толь чатъ въ розніе мѣстца.

Король Полскій Янъ Казѣмиръ, новое отъ Ракочого увидѣвши на корону свою четвертое лихо и наступленіе, заохочаетъ на встрентъ оному своихъ заслужонихъ вождовъ, давши имъ новіи уради и гонори: Чарнецкому по Лянскоронскомъ воеводство, а Гетманство Полное маршалкови коронному Любомирскому, которій розослалъ свои унѣверсали, взиваючи ку себѣ войскъ кварцяныхъ на остатніе дни марта въ совокупленіе, для ратованя отъ непріятелей упа-

даючой отчизни; але ижъ видѣлъ далеко болшіе сили непріятелскіе отъ своихъ, того ради постановилъ, недаючи баталѣи отвористой, партіями набѣгати, уривати и перескожати непріятелевѣ въ его намѣреніяхъ. Король зась Шведскій о Ракочомъ, же уже въ Полщѣ, получивши вѣдомость, рушилъ и самъ зъ войсками отъ Прусъ зъ великимъ поспѣшеніемъ на Закрочинъ и Радомъ, и подъ Опатовомъ зъ Ракочимъ злучился. Такую тѣсноту свою и крайній упадокъ Поляки видячи, виправуютъ посла своего Богуслава Лещинского, подскарбого коронного, уроди вдячной и мови сладкоплиной до Цесара Христіянского, просячи въ своемъ упадку о ратунокъ и войско, которое и прежде имъ отъ Цесара было обѣщано, але не дано, для бывшого Цесарского зъ Шведомъ покоя и Оснабрудскихъ Нѣмецкихъ трактатовъ. Той убо поселъ Полскій прибывши до Цесара, любо засталъ (Богу такъ изволшу) на кончину его Цесарскую, однакъ вдячною вимовою своею у сина Цесарского, Короля Венгерского и наслѣдника корони отческой Цесарской, впросилъ тое чого было потреба; такъ ижъ заразъ приказано готоватися до Полски рейтаріи и пѣхотѣ шестнадцятомъ тисячамъ, зъ Гатсфелдъ маршалкомъ, придавши къ нему и другихъ енераловъ, Суза, Монтекукулѣ, и Шпорка, и назначивши имъ провіянтъ и жолдъ належитій. Другій поселъ Яколскій, стражникъ короннiй, виправленъ зъ Полски до Цара Турецкого, аби поновилъ зъ нимъ покой, тогда бывшій, и довѣдался, если за вѣдомомъ Солтанскимъ Ракочій зъ Венграми вторгнулъ въ державу Полскую, и аби просилъ о скорій Солтанскій указъ до Ракочого, уступити назадъ съ Полски повелѣвающій; лечъ недостигнувши Цариграда, отъ людей матки Ракочого въ Деліорманѣ нагнаній и до вязеня взятій; а хочай мѣлъ у себе во свидѣтелство листъ Королевскій, до Вейзера о поселствѣ его писаній, однакъ ничого ему не помоглъ оній; але Паша Силистрійскій виз-

волилъ его зъ неволѣ Ракочой старой, и отпустилъ до Цариграда. А тимъ часомъ Полска Малая чрезъ Венгровъ и Шведовъ огнемъ и мечемъ, безъ жадного пощадѣнія, плюндрована и пустошена. Такую шкоду Малой Полщи Венгри и Шведи учинивши, повернули всѣми силами ку Замойстю, где Витемберкъ, зъ прочіими началниками Шведскими въ Варшавѣ взятій, подъ стражею знайдовался; зъ тоеи прето дороги Немѣричъ, зъ войскомъ Полскимъ при Шведу бывшій, по информаціи Короля Шведского писалъ листъ свой до дѣдича и воеводи Замойского потомъ Сендомѣрского, подчашого коронного, ознаймуючи ему, же Король Шведскій вдяченъ есть его доброчинности и дишкреціи, Витемберговѣ зъ товарищи въ Замойстю являемой, и взаемне своею вдячностю готовъ ему тое заплатити; тилко би онъ воевода Замойскій, знаючи Короля Шведского, зъ Венграми, Мултанами, Волохами и Поднѣстрскими Козаками въ многихъ силахъ до себе тягнучого, запобѣглъ тому своею до Шведа склонностю, жеби добра его отъ войскъ помененихъ, якихъ трудно подъ десцѣплиною удержати, не пошли якъ иншіе въ руину и попелъ, и жеби змиловался надъ людми державы своея, невинне пропадати мѣючими, а запобѣглъ тому вчасне своею Королю Шведскому унѣжоностю, а залоги его добрамъ своимъ просячи, и о визволеню вязневъ зъ Королемъ зносячися, а ненадѣючися, по программой тогдашной (баталѣи?) жадной уже отъ Короля своего Казѣмира, въ Шленску нѣби ошалѣлого, помощи и ратунку. На що воевода Замойскій до Немѣрича суровій учинилъ отвѣтъ, ганячи ему запамяталость въ грѣху его, же весма оставилъ отчизну свою и пана своего Короля Полского; а взглядомъ руини добръ своихъ такій учинилъ отвѣтъ: же если би онихъ поткала, то певенъ есть за тое и награди своеи отъ Короля Шведского, маючи въ закладѣ Витемберка зъ прочими; самъ зась при статечности и вѣри, готовъ за отчизну и

пана своего, здорове свое положити. По якомъ твердомъ Замойского отвѣтѣ, неидучи Шведъ зъ Венграми подъ Замойсте, отвернулъ подъ Люблинъ; и осадивши въ немъ, уже прежде отъ Козаковъ звоеваномъ, безъ жадной трудности людей своихъ, а оттоль зо всѣмъ войскомъ потягнувши ку Бристю Литовскому, взялъ оное чрезъ трактатъ, и оттоль свои цекавіи въ розніе мѣстца роспустилъ чати.

РОЗДѢЛЪ VI.

О непомислнихъ и печалнихъ Шведамъ и Венграмъ вѣдомостехъ; о долегливости Шведамъ отъ Чарнецкого; о устремленіи его за нимъ, и о утѣчцѣ его Чарнецкого отъ гонящихъ Шведовъ за Вислу; о шемраню въ войску Шведскомъ, для войска своего марне отъ своихъ же людей пропадаючого; о рушеню Шведскомъ и Венгерскомъ отъ Бристя ку Варшавѣ, и о взятю на акордъ Варшави; о вирубаню въ ней народа, и о запаленю ея чрезъ Ракочого; о непотѣшнихъ Ракочому и Шведу вѣдомостехъ, и розлученюся ихъ для того зъ собою отъ Варшави; о вирубаню Шведовъ чрезъ Кгримултовского въ Маркграбствѣ; о прибытю войска Цесарского въ Полщу, и о злученюся зъ Королемъ Полскимъ въ Данковѣ; о маршу Королевскомъ отъ Данкова до Ченстохова, а отъ Ченстохова на Ракочого; и о утѣчцѣ отъ него Ракочого, и о погонѣ за нимъ Чарнецкого.

При такой диспозиціи Шведской и Венгерской заходятъ его непомислніе вѣдомости: первое, ижъ зъ едной Литовской сторони войска Московскіе зъ Литвою на него прибѣраются; другое, же войска Цесарскіе въ помочь Полякамъ на него-жъ прибыти мѣютъ; третее, же Дунчикъ нокой зъ нимъ розорвавши, отбѣраетъ зъ подъ его державы въ свою область землю свою, и чтири окренти его военихъ

взялъ на морѣ; четвертое, же Чарнецкій зъ партіею своею на всѣхъ его переходахъ не давалъ ему просвѣтку, отвсюду нападаючи и рвучи его; чимъ Шведъ розгнѣваній рушилъ былъ влегцѣ всею моцю на него, але Чарнецкій въ той тѣснотѣ мусѣлъ вплавъ Вислу пребути и отъ тоя бѣди спастися. Потимъ въ обозѣ Шведскомъ учинился тумултъ и шемране, же войска Шведскіе по сторонамъ марне отъ Волоховъ и иншихъ людей, зъ ними-жъ бывшихъ, пропадаютъ и умаляются. Для чого Шведъ, неидучи уже чрезъ Литву для одобраня Инфлянтовъ въ Москви, рушилъ отъ Бристя до Висли и устя Бугу, и станулъ подъ Закроцѣномъ; где, скоро мостъ чрезъ Вислу докончился, заразъ оній зъ обома войсками прейшедши, прибылъ до Варшави; которая тимъ гостямъ не рада будучи, три штурми ихъ якъ могла отразила, але потомъ въ себѣ звонтпивши, на акордъ здалася. Но Ракочій акорду не додержавши и въ немъ солгавши, а въ Варшаву вшедши, вирубалъ въ ней всю шляхту, духовенство и мѣщанъ, толко зоставилъ дробную голоту и женскій полъ и пѣхоту Варшавскую, юже помѣшалъ зъ своею пѣхотою; а Варшаву заразъ зъ замкомъ и палацомъ Королевскимъ огненному предалъ снѣденію. Въ тимъ разѣ принесена вѣдомость до Шведа и Ракочого, же въ державѣ Ракочого Седмигродской Любомирскій, маршалокъ коронній и Гетманъ полній, зъ шестма тисячами войска Полского грасуетъ, палитъ и руйнуетъ; и же войско Цесарское въ помочь Полякамъ ку Кракову зближается, и же армата зъ Кгданска до Короля Полского виправуется, и же Дунчикъ въ землѣ Шведской грасуетъ безпечне; для якихъ вѣдомостей прійшлося Ракочому зъ Шведомъ отъ Варшави розлучити, и вгору Висли рушити на Варну, а Шведамъ унизъ на Торунь; зъ котораихъ що было виправлено значную партію Шведовъ въ Марграбство, на новій войска вербунокъ, тая зостала вирубана со взятими живцемъ тридесятма офѣцерами чрезъ Кгримултовского.

Войско Цесарское, вшедши въ границу Полскую, заразъ у Шведовъ Зупи и Величку одобрало и чтири корнети войска Шведского попудило; зъ которихъ вождъ чрезъ трембача, запершися въ едной тамошней крѣпости, гди спросилъ: що би то было за войско, и если Цесарское, то для чого пришло туда на землю Шведови данную, и для чого розриваютъ трактатъ и покой Нѣмецкій Оснабрудскій? На що такій отъ Цесарщика одержалъ отвѣтъ: аби въехалъ въ поле и о томъ отъ него увѣдомился. Отъ Зуповъ зась тое войско Цесарское зъ Гатсфельдомъ маршалкомъ и другими енералами рушивши, прибыло въ Данковѣ до Короля Полского; чему Король радостенъ будучи, а войска уже зъ Цесарскимъ, самого вибору зъ арматою на пятнадцятъ тисячъ мѣючи, рушилъ отъ Данкова до Ченстохова; гдѣ прибувши и благодареніе Пресвятой Дѣви Богородици, тамъ чудодѣйствующой, отдавши, а Кролевую свою Ей въ опеку вручивши, самъ зо всѣмъ войскомъ рушилъ спѣшно на Ракочого, коло Висли и Сану землю его грасуючого. Але Ракочій о томъ провѣдавши и доконченя чрезъ Вислу мосту себѣ недожидаючи, обозъ и всѣ завади обозовіе запаливши, и армати тяжшіе затопивши, самъ влегцѣ зъ войскомъ, якого было на тридцятъ тисячъ, у Завихосту пребылъ Вислу и съ поспѣшеніемъ великимъ удался ку Замойстю и далѣй, взмѣраючи маршъ свой въ землю свою Седмигродскую; за нимъ въ тропи рушилъ Чарнецкій зъ войскомъ охочо вибравшомся.

РОЗДѢЛЪ VII.

О одобраню чрезъ Поляковъ Пѣнчова у Шведовъ, и о маршу ихъ подъ Краковъ; о Королю Шведскомъ, кгварнизони свои зъ великой Полщи зъ шкодою ея зведшомъ, и зъ ними въ Померанію свою прибывшомъ, и вѣдомость невдячную отъ Бреми своеи получившомъ; о превротной міра сего фортунѣ, и о щастю Поляковъ около Познаня; о щастю Чарнецкого и Гетмановъ надъ Венграми, а о нещастю великомъ Венгерскомъ въ маршу до земли своея, отъ Поляковъ и Орди поткавшомъ, и о склоненюся Ракочого до трактату зъ Поляками, подъ непомислними и зѣло шкодливими ему кондиціями; наконецъ о шкодѣ въ войску Венгерскомъ, отъ Татаръ станулой.

Король Казѣмиръ, зъ войскомъ Цесарскимъ и своимъ и зъ арматою, принявши въ дорозѣ певную вѣдомость, же Ракочій зъ войскомъ нашествія его недожидаючись утеклъ за Вислу и далѣй, премѣнилъ на него тотъ маршъ свой; а потягнувши ку Пѣнчову одобралъ оній у Шведовъ, а отъ отоль засъ рушилъ ку Кракову. А Шведъ, зъ Варшави и иныхъ Великополскихъ мѣстъ свои кгварнизони зведши, поспѣшалъ зъ оними чрезъ Куяви до Поморія; въ якой дорозѣ огнемъ и желѣзомъ, що тилко предъ очима его показалося, зносилъ и руиновалъ державу Полскую; такъ Ловичъ и Крушвицу разорилъ порохами, Злотовъ вирубалъ, и своего въ Помераніи Щетина достигнулъ; где его зъ

18*

Бреми чрезъ Дунчика тѣсно аттакованой, и для Бремефорду уже взятого, до акорду зъ Дунчикомъ склюняючойся, невдячніе зайшли вѣдомости. Явно превротная и непостоянная міра сего фортуна, яко слѣпихъ, своихъ кохanковъ и міродержителей ошукивати и зъ нещастя въ благополучіе, а зъ благополучія въ злоключеніе и бѣдстіе звикла вовергати и затопляти; поневажъ и въ предописаной Шведской зъ Поляки войнѣ, то єдному то другому фаворизовала, а наконецъ зъ цѣлимъ Полскимъ разореніемъ и опустошеніемъ гостившого въ ней Шведа, зъ превеликимъ коштомъ и въ войску ущербкомъ, зъ Полски зо встидомѣ въ Поморанію его отослала. Ибо Король Полскій зъ Цесарскимъ и своимъ войскомъ зъ Кракова Шведовъ викурувалъ, а подъ Познанемъ воевода Подляскій віѣжджаючихъ за пашею Брандебурщиковъ непрестано въ полю забивалъ и личбу ихъ умалялъ; за прибытемъ зась отъ Кгданска Кгродецкого зъ пѣхотою, абіе онъ воевода Подляскій и облегль тѣсно Познань; для якои тѣсноти заразъ кгварнизонъ Брандебурскій склонился на акордъ, обѣцуючи зъ Косцяна заразъ уступити, а въ Познаню задержатися до указу пана своего; тилкожъ и Познанскую фортецу, взявщи въ закладѣ воеводича Познанского, уступили Мицелскому. Потомъ вскорѣ дойшли Полякамъ радостніе вѣдомости, же Чарнецкій зъ командою своею нагнавши Ракочого зъ войсками его, первое подъ Макгеровомъ, потомъ подъ Куликовомъ значную въ нихъ учинилъ шкоду, на три тисячи трупомъ положивши, и плѣнниковъ Полскихъ множество, также и спрятовъ богатихъ костелнихъ и шляхетскихъ много отгромивши; после якои шкоди увидѣвши Ракочій зле около себе, рушилъ зъ поспѣшеніемъ на Зборовъ ку Чорному Острову, въ свою просто, въ Седмигродскую взмѣраючи землю; що козаки при немъ бывшіи зъ Антономъ полковникомъ своимъ обачивши, а потреби своей въ землю Седмигродскую немѣючи, отстали отъ него. Тое едно нещасте его проми-

нуло, другое заразъ наступило, же конѣ въ войску его долгими по Полщѣ переходами знужнѣліи и вимордованіи густо начали отпадати и гинути; кое зло непреставаше, абіе множайшіе и главнѣйшіе зла нечаяно его обходятъ и губително наступуютъ, егда несподѣванная орда съ Ханомъ въ очи, Чарнецкій зъ заду, Гетмани обидва зъ Литовскимъ Сапѣгою зъ боковъ, на него за Чорнимъ Островомъ нѣгдѣ наступаютъ; а впередъ ихъ Димитръ Вишневецкій зъ Полнимъ писаремъ болшую часть табору его урвалъ, и въ користь привелъ войску своему. Въ таковихъ, крайную погибель предъявляющихъ состояніяхъ и обстояніяхъ Ракочій себе познавши, зклоняется зъ Поляками до трактату, какіе на тихъ заключени кондиціяхъ:

1.) Жеби Ракочій безъ жадной своей присади Короля Полского зъ его сенатомъ впредь перепросилъ за тое, ижъ войну поднеслъ на него несправедливе, розорвавши зъ нимъ союзъ сприсяглій.

2.) Лигу свою съ Королемъ Шведскимъ аби роспряглъ заразъ; а если потребна ему оная зъ Дунчикомъ и Королемъ Полскимъ, тую волно учинити и утвердити.

3.) Хановѣ значніи жеби далъ подарунки, и Татаръ даби уконтентовалъ за тую ихъ дорогу и працу.

4.) А же такъ коштовную шату здерлъ зъ корони Полской, въ попелъ и прахъ обернувши оную, и отнюдь нѣчимъ ненагражденіе починилъ въ ней шкоди, за тое жеби онъ же Ракочій виличилъ дванадцать бочокъ червонихъ на войско Полское.

5.) Армату всю муситъ Полякомъ зоставити и безъ неи отойти во свояси.

6.) Костелніе освященніе вещи, забранніе зъ Полщи, возвратитъ назадъ.

7.) Неволниковъ обоей плоти въ Полщѣ забранихъ да отпуститъ всѣхъ на волю.

8.) Зъ фортецъ Полскихъ завладѣнихъ, жеби заразъ свои позводилъ залоги.

9.) На кожду потребу Королевскую и корони Полской завше зъ войскомъ своимъ ставати мѣетъ.

На якихъ всѣхъ кондиціяхъ, отъ Поляковъ предложенихъ, мусѣлъ Ракочій, хоть не хотѣлъ, подписатися, и значній закладъ отъ себе Полякамъ дати до виполненя скуткомъ всѣхъ предписанихъ пунктовъ; поневажъ всѣ войска прееречоніи на его погибель вкругъ около него висѣли. По укончeню такихъ трактатовъ, одойшолъ Ракочій подъ конвоемъ зъ Сапѣгою войска Полского во свояси; лечъ Татаре, недержачися трактату, же мѣла быти имъ отъ Ракочого за трудъ ихъ нагорода, пошли втропи за онимъ, и нагнавши знужнѣлое и назадѣ волокшоеся войско Венгерское, вдарили нечаяно на оное, и зъ пять тисячей трупомъ тамъ положивши, въ четверо того болшей заняли въ полонъ яко бидла, зъ Янушемъ Кимѣнемъ ихъ Гетманомъ; где и войску Полскому, при ихъ Венграхъ зъ Сапѣгою оппоновавшомуся отеклося, тилко самъ Ракочій, впередъ въ легцѣ пошовшій, умкнулъ въ цѣлости за границу.

РОЗДѢЛЪ VIII.

О змягченюся и до трактату зклоненюся Курфистра Брандебурского зъ Поляками, и о уступленю зъ Познаня его гварнизону; о війстю до Венгровъ зъ Кракова гварнизону Венгерского, и о склоненюся до трактату зъ Королемъ Полскимъ гварнизону Шведского, въ замку Краковскомъ бывшого.

Курфистръ Брандебурскій о такихъ состояніяхъ Шведскихъ и Венгерскихъ подлино увѣдомившися, любо крѣпко

по тое время державъ сторону Шведскую; однакъ явную отмѣну фортуни его увидѣвши, заразъ змягчился, и до трактату зъ Поляками началъ зклонятися, приказавши конечне и гварнизону своему зъ Познаня уступити; которій Поляки випустили при бубнахъ, розвиненихъ знакахъ и лонтахъ при мушкетахъ запаленихъ, жолнѣрскимъ трибомъ; придавши ему до Древна и конвой свой, и амнистіей предавши всѣ его зброднѣ и шкоди около Познаня и въ самомъ Познаню, особливе въ зепсованю трехъ костеловъ починеніе. А и Ракочій, по заключеню трактата своего зъ Поляками, заслалъ въ Краковъ ординанцъ свой Бетглему коменданту своему, аби за одобранемъ оного, неслухаючи болшъ Вертза, коменданта въ Краковѣ Шведского, заразъ рушилъ зъ Кракова зъ войскомъ своимъ до Венгровъ, що учинилъ Бетглемъ. Для чого и Вертзъ, комендантъ Шведскій, увидѣвши свое малолюдствіе, же по одейстю Венгровъ, нѣскимъ противъ Короля Полского и войска Цесарского оппоноватися и Кракова боронити, бо саміе армати стрѣляти не вмѣютъ, склонился до трактату, якій на томъ заключенъ:

1) Шведи зъ гварнизону Краковского мѣютъ війти волно всѣ въ Померанію, до Щетина своего, подъ роспростертими хоронгвами, и при бубнахъ и фуярахъ своихъ, зо всѣмъ ручнимъ оружіемъ; которимъ въ дорозѣ, во всей Полщѣ належитій кормъ даватися мѣетъ, и въ дорозѣ на нихъ никто грозитися и прешкожати тамъ не мѣетъ; а хто зъ нихъ провинитъ що въ той дорозѣ, зъ тихъ самъ енералъ ихъ Вертзъ справедливость чинити мѣетъ, а ревѣдовати и трусити ихъ рѣчей нихто не будетъ.

2) Дѣла и армати всѣ болшіе, зъ иншими ихъ опарати зостанутъ въ Краковѣ; толко меншихъ арматокъ десять зъ собою мѣютъ Шведи зъ Кракова взяти.

3) Достатки свои посполу зъ худобами, якіе хто

имѣетъ, спродати тамъ же каждому волно, звлаща соль самому Вертзовѣ належитая.

4) Долги всѣ Шведи Краковянамъ предъ своимъ отходомъ виплатити повинни.

5) Хоріи и ранніи, кгди вилѣчатся и виздоровѣютъ, одошлются Одрою рекою въ Померанію; а умершіи и въ костелахъ похованіи не мѣютъ быти рушени зъ мѣстцъ своихъ.

6) Вертзъ енералъ и комендантъ Краковскій зъ своимъ войскомъ, жеби скорѣйше достигнулъ границъ своихъ, по три милѣ що день уходити будетъ повиненъ.

7) Вязни всѣ волними зостатися мѣютъ.

8) Зъ шляхти Полской хто по тое время зоставалъ при Шведахъ, тотъ такую Королевскую получаетъ ласку, же до року зостаючи въ Полщѣ мѣетъ свои всѣ спродати добра, а потомъ волно війти зъ корони Полской куда хотя, на жите.

9) Шведи зъ Кракова війшліи зъ тисячею Цесарской Гатсфелдовой конници, зъ двома хоронгвами Полскими и двома комисарами, конвуевани будутъ.

10) Костели и ихъ освященое все начине, безъ нарушеня, тамошное Краковское духовенство отберетъ до себе.

11) Также палацу Королевского вещи и оздоби, метрики скарбовіе, писма канцеляріей, гродскіе земскіе книги безъ жадного нарушеня на своихъ мѣстцахъ зостатися мѣютъ.

Въ томъ всемъ крѣпкій обовязокъ Шведи на себе повинни дати, и брами Творіянской Краковской уступити, для вшествія оною въ Краковъ Гатсфелдовой пѣхотѣ Цесарской; еднакъ же иное войско Полское подъ мури Краковскіе зближатися не мѣетъ потоль, поколь Шведи зъ Кракова не війдутъ всѣ, найдалѣй за тиждень.

РОЗДѢЛЪ IX.

О кончинѣ Косова митрополити Кіевского; о блюстителствѣ Барановичовомъ престола его, о избраніи Балабана на митрополію Кіевскую; о виправѣ отъ Хмелницкого на Ташликъ войска Козацкого, и о болѣзни его; о кончинѣ Хмелницкого, и погребѣ его въ Суботовѣ.

Того-жъ року на веснѣ по Воскресеніи Господнемъ, на седмицѣ мироносицъ зъ вторка на середу, априля пятогонацятъ, преосвященній и богоугодній мужъ Сѵливестръ Косовъ митрополитъ Кіевскій преставися, преживши на митрополіи своей лѣтъ десять зъ лишкомъ, отъ 1647 року по настоящій, въ немъ же преставися 1657 рокъ. А по кончинѣ его святобливой, поколь избранъ инній митрополитъ, былъ нѣколикое время блюстителемъ въ Кіевѣ престола митрополитанского преосвященній Лазаръ Барановичъ, иже того-жъ 1657 року, въ прошлій постъ великій, въ недѣлю четвертую лѣствичникову, въ землѣ Волоской на архіепископію Чернѣговскую зосталъ посвященъ, и предъ Воскресенемъ Христовимъ пріехалъ въ Кіевъ. Потомъ того-жъ року, по Косову избранъ на митрополію Кіевскую Діонисій Балабанъ. Того-жъ 1657 року, любо Хмелницкій Гетманъ войска Запорожского многими прешлими фатигами военними утомленій сидѣлъ въ покою, и недавалъ жаднои Полякамъ до войни окказіи; однакъ Поляки злобѣ своей неугамовавшися, сами

зъ Шведомъ въ Полщѣ росправовалися, авъ Криму Хананапросили и накупили, аби зъ ордами своими ишолъ на Украину воевати Хмелницкого; по якомъ Полскомъ прошеніи любо Ханъ самъ и не рушалъ зъ Криму, однакъ виправилъ былъ на Хмелницкого Кримской и Бѣлогородской орди шестьдесятъ тисячъ злишкомъ; але Хмелницкій зачасу о томъ провѣдавши, виправилъ заразъ противъ того непріятеля, зъ Богуномъ полковникомъ Браславскимъ и арматами, встрѣчу на Ташликъ тридцятъ тисячъ войска своего Козацкого, приказавши, аби не допустилъ того непріятеля до Украини. Орди зась помененние Кримскіе и Бѣлогородскіе о такой готовости и стрѣчи Козацкой провѣдавши, и Ташлику за миль десятъ недоходячи, назадъ во свояси ни зъ чимъ повернули, и болшей того лѣта уже на Украину виходити не посмѣли. По виправѣ на Ташликъ войска зъ Богуномъ и инними полковниками, самъ Богданъ Хмелницкій впаде въ недугъ, и нѣколикое въ немъ преживши время, а недокончивши махини военной зъ Поляками розчатой, докончилъ въ Чигринѣ многотруднаго и многопечалнаго житія своего, зоставивши махину войни своимъ наслѣдникамъ, Гетманамъ Козацкимъ, а Украинѣ всей по себѣ осиротѣлой немалій жаль. За поворотомъ зась помененого войска зъ Ташлику по Успеніи Пресвятой Богородици, при собраніи всѣхъ полковниковъ и старшини войска Запорожского въ Чигринъ, прибывши зъ Кіева блюститель престола митрополитанского помененній преосвященній Лазаръ Барановичъ, архіепископъ Чернѣговскій, взялъ зъ великою публѣкою и церемонѣею зъ Чигрина тѣло Хмелницкого, и перенесши въ его маетность Суботовъ, похоронилъ оное въ церквѣ каменной, его жъ Хмелницкого коштомъ созданной; при якомъ похоронѣ были и послове Полскіи, въ интерессахъ цѣлой корони Полской къ нему Хмелницкому присланніи, а имено енералъ Пнемевскій зъ товариствомъ.

Мова при погребѣ Богдана Хмелницкого, Гетмана войскъ Запоровскихъ, мовленая чрезъ старого секретаря его Самоила Зорку, въ Суботовѣ Августа року 1657.

Жиць и уміерець, любоць то отъ почонтку свята вшехмоцнимъ декретемъ Бозскимъ, до пршодковъ нашихъ— жійцѣ и множціеся, потимъ—зіемя естесь и до зіемѣ пойдзіешъ—вирѫечонимъ, постановіоно; еднакъ непохибнимъ и непогамованнимъ жаліемъ сміерць людзка звикла жіонцихъ напелняць сердца, Мосцѣ Панові Пулковнѣци и вшистка старшизно, зе вшисткимъ товаржиствемъ войска Запоровскіего, и вшистка Ржечь Посполѣта Украинска! Пршишло теразъ и намъ по весолихъ пршешлихъ часіехъ, смeнтнихъ слухаць треновъ, и обфѣтеми лзами заліевaць облѣче наше;

Слово на погребеніе Богдана Хмельницкаго, Гетмана войскъ Запорожскихъ, сказанное бывшимъ секретаремъ его Самойломъ Зоркою, въ Суботовѣ, Августа 1657 года.

Милостивые Паны Полковники и вся Старшина, со всѣмъ товариществомъ войска Запорожскаго, и вся Рѣчь Посполитая Украинская!

Хотя жизнь и смерть отъ начала міра опредѣлена волею Всемогущаго, изреченною предкамъ нашимъ верховнымъ уставомъ: «живите и множитеся»—«земля есте и въ землю отъидете»; не смотря на то, смерть человѣка обычно наполняетъ сердца живущихъ неудержимою и неодолимою скорбію. Суждено наконецъ и намъ, послѣ прежнихъ радостныхъ дней, слышать рыданія и обливатся по-

гди Гетмана нашего Богдана Хмелницкого, заисте отъ Бога намъ данего водза, пршезъ неублагано сміерпь поражонего, ото на катафалку сміертелнѣмъ огліондами и остатніе послуги ему виржондзами.

Умарлъ тенъ добрій водзъ нашъ, несмертелно по собіе оставивши славе, за кторего глово, ніе тилко ми подручнѣ его, аліе и вшистка Малей Русѣ ржечъ посполѣта, пршищенслѣвихъ сукцесахъ, длугіе лята жиць собіе безпіечніе омѣноваць могла! Умарлъ тенъ, ктурему сполне зъ Вашмосцями Мосцѣ Панствемъ, пршиправдзіе своей за волносцѣ и старожитне права свои стоіонцимъ, вшехмоцна ренка Боска на брацію а оразъ и непршіяціолъ нашихъ, Савроматовъ Полскихъ, вшендзіе своеи рончей додавала помочи! Умарлъ тенъ, отъ кторего арматнихъ и мушкетнихъ гржмотовъ нетилко ясносвіетна старожитнихъ Вандаліовъ Сармація, и буржлѣвего, зъ своеми моцнеми замки и фортеци (особліевіе

токами слёзъ, при видѣ Гетмана нашего, Богдана Хмельницкаго, воистину Богомъ намъ даннаго вождя, неумолимою смертію поражоннаго, и здѣсь на катафалкѣ уже принимающаго послѣднія наши попеченія.

Умеръ добрій вождь нашъ, оставивъ по себѣ безсмертную славу, тотъ, отъ мудрости коего не только мы, его подручники, но и вся Рѣчь Посполитая Малоруская уповала долгихъ лѣтъ счасливой жизни и преуспѣянія! Умеръ тотъ, кому десница Всемогущаго вездѣ подавала скорую помощь, когда онъ съ Вашими Милостями, Милостивымъ Панствомъ, праведно ополчался за вольности и древнія права, на братій и вмѣстѣ враговъ нашихъ Савроматовъ Польскихъ! Умеръ тотъ, отъ чьихъ пушечныхъ и ружейныхъ громовъ колебалась не только Сармація древнихъ Вандаловъ и берега бурливаго Евксино-Понта, съ ихъ крѣпостями и замками (особенно въ войну 1621 года, между

році 1621, гди зъ Османемъ Императоромъ Отоманскимъ и цало короно Полско, ніе безъ Козаковъ брацѣ нашей, подъ Хотѣнемъ, пршезъ часъ немалій щенслѣвіе точиласіе война) Евксинопонту обадва бржеги, аліе и саме Царогродскіе прохіемъ мушкіетарнимъ Козацкимъ окуржопе држали и тренслѣсіе сцяни! Умарлъ наконецъ тенъ, пршезъ ктурего справе оживіоне, могли ніеуміерацъ нѣгди старожитне права и волносцѣ Украпскіе и цалего войска Запоровскіего! Нестава мѣ часу до вимовіеня и вилѣченя цнотъ и дзѣлносцѣ Вашихъ рицерскихъ, кторесціе, пршиотъ Бога даннимъ собіе овимъ водзу и Гетманіе Хміелнѣцкимъ, за повржедзоне и потемпіоне пршезъ Поляковъ, брацію свою, старожитне права и волносцѣ, на віелю міейсцахъ, зъ віелко пршеваго и одваго, наслядуіонцъ въ тимъ старовѣчнихъ, віелкему Александровѣ Мацедонскіему на помоцы военной бендонцихъ пршодковъ своихъ Словяновъ,

коропою Польскою и Царёмъ Оттоманскимъ Османомъ, долго и счасливо производившеюся подъ Хотиномъ, съ помощію козаковъ, братіи нашей); но дрожали самыя стѣны Цареграда, окуренные дымомъ ружей козацкихъ! Умеръ, наконецъ, тотъ, чьими усиліями оживлены, можетъ быть, навсегда древнія права и вольности Украинскія. Не время мнѣ изображать и исчислять заслуги и рыцерскія доблести, коими Вы славно ознаменовали себя съ вождемъ симъ Богомъ даннымъ Вамъ Гетманомъ Хмельницкимъ, успѣшно и доблестно ратуя за древнія права и свободы, попранныя и поруганныя Поляками, братьями нашими; послѣдуя въ томъ старовѣчнымъ сподвижникамъ Великаго Александра Македонскаго, предкамъ своимъ Слованамъ, равно Скифамъ, Кимврамъ и Козарамъ. Пусть повѣдаютъ о Вашей рыцарьской доблести поля и долины, ущелья и горы, замки и пушечныя жерла; пусть возвѣстятъ,

потимъ Спитговъ, Цимбровъ и Козаровъ, хваліебніе оказалѣ. Ніехъ людскимъ ензикіемъ рицерско дзіелность Вашо виповіо поля и долѣни, вертебы и гури, мури и арматне рури, якосціе менжнимъ и вспанялимъ, рицерскей и богатырской отваги, пршецѣвъ ніепршіяціолъ и брацѣ своей Сармато-Полскіей, за волносцѣ свои ставали и воіовали сердцемъ; и чегосціе прши вшехмоцней помоци Боскіей, на Жолтихъ Водахъ, подъ Корсунемъ, подъ Пиляво, подъ Збаражемъ, подъ Зборовемъ, подъ Берестечкіемъ, подъ Бяло-Церквіо, подъ Лвовемъ и Замосціемъ, подъ Нестерваремъ и Баромъ, подъ Каміенцемъ Подолскимъ и Жванцемъ, подъ Батовемъ и Охматовемъ, и на иншихъ віелю міейсцахъ (якихъ ніе вѣлѣчамъ) доказивалѣ и доказалѣ.

До Ціебіе сіе зъ благо мово моіо обрацамъ, мѣлій намъ водзу! древній Руской Одонацерю, славній Шкандербеку, Гетманіе славнего вшисткіего войска Запоровскіего и цалей

съ какимъ мужествомъ и богатырскою отвагою стояли Вы за свои вольности, противъ непріятелей и братьи нашей Сармато-Польской; къ чему стремились и чѣмъ ознаменовали себя, при всесильной помощи Божіей, на Жолтыхъ Водахъ, подъ Корсуномъ, Пилявою, Збаражемъ, Зборовомъ, Берестечкомъ, подъ Бѣлою-Церковью, Львовомъ, Замосьцемъ, Нестерваромъ и Баромъ, подъ Каменецъ-Подольскомъ, Батогомъ, Охматовомъ и на многихъ другихъ мѣстахъ, коихъ не могу перечислить.

Къ Тебѣ обращаю я тщетное слово, возлюбленный намъ вождь! древній Русскій Одонацарь, славный Скандербегъ, Гетманъ всего славного войска Запорожского и всей Козакоруской Украины, Хмельницкій Богдане! Къ Тебѣ вѣщаю, теперь неподвижно, молча лежащій между четырьмя гробовыми досками? Къ Тебѣ, чьему повелительному слову мы недавно внимали и каждому мановенію по-

Козакоруской Украины, Хмелницкій Богдане! до Ціебіе мовіе, теразъ міедзѣ чтерма дсками скутанего и милчонцего, которего ніедавно пшедъ тимъ вимови и ординанцу сто тисіенци насъ слухало, и на вшеляке скиненіе Твое готовеми ставало. Цо такъ въ прендкимъ часіе мѣлчонцимъ становесь Гарпократемъ! пшинаймнѣй ніемего наслядуіонцъ Атгиса, пшемовъ до насъ, брацѣ своей, и научъ насъ, якъ мами безъ Ціебіе жиць и постемповаць зъ околѣчнеми пшіяцоли и непшіяцоли нашемѣ; тенъ абовіемъ ніемородни Атгисъ Кроля отца свего пшестшегль ретелно вимово отъ забѣця пшезъ жолніержа власнего; Тись, добрей бендонць вимови, вимовъ и дай намъ пшестроге, абисми ніе билѣ звоевани и побити отъ непшіяціолъ нашихъ; одложъ хочъ на малій часъ теразнѣйше право смертелносцѣ Твоей, и пшемовъ до насъ цо ласкавего и добрего ку далшему жицю нашему, ласкавій и добрій нашъ Гетмане! а ежели

виновались, въ числѣ ста тысячь. Зачѣмъ такъ быстро преобразился Ты въ безмолвнаго Гарпократа! Послѣдуй лучше нѣмому Атису, промолви къ намъ, и научи, какъ жить и обращаться съ друзьями и недругами, насъ окружающими. Нѣмо-рожденный Атисъ внятнымъ словомъ спасъ отъ убіенія Царя отца своего: Ты-же, краснорѣчивый отъ рожденія, проговоривъ, охрани насъ, да не будемъ мы покорены и погублены врагами нашими; расторгни хоть на малое время оковы смерти, и вымолви намъ ласковое и доброе слово, въ напутствіе дальнѣйшей нашей жизни, Гетманъ нашъ доблестный и возлюбленный! Если же покоряясь смертному приговору, не можешь исполнить желанья живыхъ, покрайней мѣрѣ тамъ, у престола Всевышняго, гдѣ мы Тебя уповаемъ, испроси, чтобы Всемогущій даровалъ намъ, по Твоемъ отходѣ, счасливое житіе, и сохранилъ отчизну нашу

цаліе пелнонцъ декретъ смертелносцѣ, тего надъ дискрецію жіонцихъ учинѣць не можешъ, то пршинамніей тамъ у маестату Боскіего, гдзіе Ціе посилами, умодль Пана Вшехмоцнего, аби по одейстю Твоимъ ударовалъ насъ щенслѣвимъ жиціемъ, и заховалъ въ цалосцѣ и покою отъ вшелякихъ непршіяціолъ нашихъ ойчизне нашо. А ми взаемъ за Ціебіе, ту на зіемѣ жіонци, маестатъ Его Боскій, аби ціе зъ вибранемѣ свеми ніескончоней доміесцѣлъ хвали Своей, благаць прширжекамѣ и ассекуруемѣ. Аменъ!

отъ враговъ, въ цѣлости и покоѣ. А мы, обитатели земли, потверждаемъ взаимно обѣтъ, умолять Всевышняго, да вмѣстѣ съ избранными своими сдѣлаетъ Тебя участникомъ безконечнаго блаженства. Аминь!

Унѣверсалъ приватній Короля Яна Казѣмѣра,

о виправѣ до Хмелницкого, за два мѣсяцѣ предъ кончиною его, въ поселствѣ вторій или третій уже разъ енерала Пнемевского зъ товарищи, хотячи его Хмелницкого зъ войскомъ Запорожскимъ знову зъ собою примирити и до корони Полской присвоити, а отъ союзу Московского отторгнути: писаній до Виговского, писара Хмелницкого, неспецѣфѣкуючи имени его, тилко желаючи, абы и онъ своимъ разумомъ въ томъ велце потребномъ дѣлѣ коронномъ помоглъ оному послу. При томъ послу, Пнемевскомъ, Хмелницкій докончилъ и житія своего, и погребенъ, несклонившися на Лядскіе и Виговского намови и прелести хитріе, и не отмѣнивши своей вѣрности Великому Государу Російскому.

Лечъ Поляки чого у Хмелницкомъ не получили, тое вскорѣ получили въ помененомъ Виговскомъ, прелстивши его на свою сторону, и до измѣни Государу Російскому приведши, на крайное Украини разореніе; о чемъ напредѣ виражается. Отколь можно познать ихъ Поляковъ ку Православнимъ гордость, хитрость, злобу, и неразсмотреніе о настоящихъ и пришлихъ поведеніяхъ: ижъ тогда и зъ Хмелницкимъ не годилися и прощатися не хотѣли, когда онъ многократне (якό прежде виразилося) искалъ у нихъ ласки и примиренія; но тогда уже сами начали у Хмелницкого искати ку себѣ доброхотства и приклоненія мирного, когда онъ гордость ихъ себѣ омерзѣвши, и ку Православному Монарху Російскому приклонившися, вѣчне отъ нихъ сотворился чуждимъ. Запомнѣли подобно тогда Поляки того присловя: еже первого не кидайся торгу, и — тогда дери лика, когда дерутся — поневажъ все на свѣтѣ зачасомъ упливаетъ, и людскіе намѣренія до своихъ не приходятъ скутковъ.

Янъ Казѣмѣръ, зъ Божей ласки Кроль Полскій, Великій Князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Жмудскій, Ифляндскій, Смоленскій, Чернѣговскій, Шведскій, Готскій, Вандалскій Дѣдичній Кроль.

Урожоній вѣрне Намъ милій. Неустаючи въ стараню Нашомъ, которое отъ початку панованя Нашого взялисми предъ себе, взглядомъ успокоеня панствъ, Намъ отъ Бога повѣренних, и угашеня запалу внутрнего, и овшемъ тую Нашу интенцію и теперь до пожаданного хотячи привести скутку, висилаемъ знову урожоного Пнемевского, генерала и посла Нашого и рѣчи посполитой, до урожоного Хмел-

ницкого Гетмана Запорозского, упрейме намъ милого. А же достатечне естесми информовани, ижъ повага великая ясней Мосци Твоей, которуюсь отвагою и дѣлностю своею, тудіежъ въ дѣлѣ рицерскомъ бѣглостю себѣ приспособилъ многоурожоного Гетмана и всего войска Запорожского может, жадаемъ велце ясней Мосцѣ Твоей, явисься до такъ святобливого и всему Христіянству потребного склонимъ и благопомощнимъ дѣла; маючи тую отъ Насъ неотмѣнную Королевскую декларацію, ижъ тое все що колвекъ ся стало, за грѣхи зобополніе, справедливому оффѣровавши Богу, нѣчого иншого и барзѣй пожаданного немаемо къ сердцу, надъ сполное добро, цѣлость и безпеченство, такъ рѣчи посполитой яко и войска Запорожского. Що колвекъ великая ясная Мосць Твоя въ той окказіи, для успокоеня замѣшаня сполной отчизни, зичливости своей освѣдчить, вшелякою Нашею ласкою и щедробливостію завдячити тое велце ясней Мосцѣ Твоей будемъ; которому при томъ доброго отъ пана Бога здоровя зичимъ. Данъ въ Данковѣ дня 13 червца, року панского 1657, панованя нашого Полского и Шведского десятого року.

Jan Kaziemierz Król.

(М. П. К.)

РОЗДѢЛЪ X.

О томъ для чого Хмелницкій не въ Чигринѣ, но въ Суботовѣ велѣлъ себе похоронити, и о Суботовскихъ его кгрунтахъ, чрезъ що ему досталися; о Чигринскомъ и Терехтемировскомъ уездахъ, здавна Козакамъ голдовавшихъ, потомъ неслушне чрезъ Поляковъ отнятихъ; и краткое наконецъ вспомнене о войнѣ Хотѣнской.

Аще кто любопитствуяй восхотѣлъ бы знати: для чого Хмелницкій не въ Чигринѣ, столечномъ градѣ Козацкомъ, но въ Суботовѣ по кончинѣ своей велѣлъ себе похоронити, будучи породи шляхетской Руской; то да вѣдаетъ, ижъ онъ, якъ за живота своего не хотѣлъ быти подданимъ Лядскимъ, такъ и по смерти не желалъ на общой въ Чигринѣ землѣ Козацкой, и уже тогда въ подданствѣ Конецполского хоружого коронного бывшой, но на своей истой, власною кровію заслуженой землѣ Суботовской, и въ Церквѣ каменной, тщаніемъ и коштомъ его созданной, изволилъ до дне суднаго опочивати. Бо Суботовъ осадилъ себѣ Хмелницкій на кгрунтахъ и земляхъ, кровю и потами военними за посполитое добро корони Полской, во многихъ военнихъ окказіяхъ, а особливе року 1621, яко Твардовскій въ книзѣ своей II, на листѣ пятомъ потвержаетъ, на морѣ Чорномъ по указу Короля Жигмунта и сина его Владислава ложенними. Ибо егда Король Жигмунтъ за свою обиду отъ Турчина, въ здрадливомъ на Церорѣ албо Цецорѣ, при енералу Жолкевскомъ, войска

Полского и Козацкого розгромѣ и поражцѣ Царемъ Турецкимъ, чрезъ сина своего принца Владислава и енерала Ходкевича (о чомъ зри назадѣ листъ) многодневную подъ Хотѣнемъ отправовалъ щасливе войну; тогда-жъ по указу его-жъ Жигмунтовомъ и принцъ Владиславлемъ, не мнѣй и Хмелницкій на Чорномъ морю, зъ десятма тисящами войска Козацкого, работалъ щасливе, зъ побѣдою многихъ суденъ Турецкихъ зъ арматами; и за тую то вѣрную службу его Хмелницкого, пречечоніе грунта и земли Суботовскіе были ему перво отъ Короля Жигмунта, потомъ отъ сина его, Короля Владислава, року на Кролевствѣ Полскомъ 1636 по отцу своемъ Жигмунту осѣвшого, были ему вѣчне надании, и привилеями обоима Королевскими ствержени; которіи привилея при одебраню Суботова одобралъ былъ Чаплинскій обманою у Хмелницкого, и наконецъ и голови его сталъ би искати; но свою первѣе чрезъ Хмелницкого потерялъ, недопявши того, зъ чого би въ болшую грѣха проказу моглъ свою Лядскую завести душу. Не хотѣлъ албовѣмъ онъ Хмелницкій въ той Чигринской землѣ погребенъ быти, которая уже тогда (яко вишше рѣхомъ) неслушнимъ и гвалтовнимъ правомъ, зъ поламанемъ древнихъ правъ войска Запорожского, отошла была зъ подъ власти Козацкой въ державу и подданство пречечоному Конецполскому, и за которую чрезъ долгое время бывшая зъ Поляки его Хмелницкого война превеликое и премногое въ обоихъ сторонахъ крвѣ человѣческой здѣлала пролитіе; бо любо и вся по обоихъ сторонахъ рѣки Днѣпра сущая Малая Росія, отъ древнихъ и старовѣчнихъ временъ, бысть отчизною Козацкою, обаче по заздростивомъ Лядскомъ оною завладѣніи и свободъ ея давнихъ отъятіи, повѣтъ Чигринскій зъ Терехтемировскимъ, до того (нимъ Хмелницкій зачалъ войну) времени найбарзѣй зоставалъ Козацкимъ прибѣжищемъ и жилищемъ; яко и Твардовскій въ книзѣ своей: «Война Домова» названной, въ части первой, на листѣ пятомъ же

свѣдителствуетъ, до державы пановъ Лядскихъ (кромѣ самого Короля) бинаймнѣй неналежачи. Егда же тое старожитное право Козацкое, надъ слушность и совѣсть Христіянскую, чрезъ Поляковъ премѣнено, и Чигринскій повѣтъ Конецполскому хоружому коронному, по его заздростливомъ прошеніи и неситномъ желаніи, въ подданство отъ Короля надано; тогда Чаплинскій (о немъ же въ початку войни Хмелницкого доволно уже написалося), староста отъ Конецполского Чигринскій, въ твореніи кривдъ и обидъ людемъ и Козакамъ пребравши мѣру, коснулся тимъ же способомъ и его Хмелницкого утиснути и оскорбити, отнявши у него (яко и прежде о томъ уже написалося) нетилко слободу его Суботовскую, зо всѣми кгрунтами заслужоними, але и самого туремнимъ четвероднѣвнимъ между злодѣями вязенемъ и поличковъ даніемъ шкаредне обезчестивши, загналъ на Запопорожіе и до Криму, и запалилъ огнь войни Козацкой на Поляковъ.

Вѣденіе о полкахъ городовихъ Козацкихъ, въ Малоїї Росіи по обоихъ сторонахъ Днепра бывшихъ и теперь обрѣтающихся.

Во время Коммисіи Лядской зъ Козаками на Масловомъ Ставу доконченой, после войни зъ Гетманами Козацкими Остраниномъ и Гунею, року 1638 бывшой, когда и коммисари Лядскіи вмѣсто Козацкихъ Гетмановъ Козакамъ уставлени (о чомъ зри назадѣ листъ   ), наименовано и постановлено Казацкимъ полкамъ зъ ихъ старшиною быть шестомъ;

а имено:

Черкаскому, Корсунскому, Каневскому, Чигринскому, Бѣлоцерковскому и Переяславскому.

Во время тежъ вщатой войни Хмелницкаго зъ Поляками, року 1648, учинилося полковъ Козацкихъ по обохъ сторонахъ Днѣпра 20.

Имено на той сторонѣ 10:

Чигринскій, Каневскій, Черкаскій, Корсунскій, Бугуславскій, Бѣлоцерковскій, Паволоцкій, Браславскій, Калницкій, и Уманскій, Подолскій.

А на сей Днѣпра сторонѣ 10:

Кіевскій, Переяславскій, Чернѣговскій, Стародубовскій, Нѣжинскій, Прилуцкій, Лубенскій, Миргородскій, Гадяцкій и Полтавскій.

При концу живота Хмелницкого судихъ за благо положити здѣсь старшину его и полковниковъ, такъ живихъ яко и въ войнѣ чрезъ Поляковъ на разнихъ мѣсцахъ, рознихъ роковъ побитихъ.

Старшина енералная.

Полковники живіе:

Богунъ, Антонъ, Остапъ, Кривоносъ, Полкожухъ, Тиша, Головацкій, Немѣричъ, Хведоренко, Павелъ Тетера, Демко, Глухій, Криса, Переяславецъ, Горкуша.

Забитіе полковники:

Канжа, Кречовскій, Золотаренко, Пободайло, Гладкій, Голота, Каневскій, Небаба, Нечай, Донецъ, Полуянъ.

РОЗДѢЛЪ XI.

О уступленю Шведа зъ Кракова, и вступленю въ него Короля Полского; о вiйстю зъ Кракова на Шведа до Мазовшу и Прусъ его Королевскомъ, и о щасливомъ прогрессу Чарнецкого въ Прусахъ, зъ принужденiемъ чрезъ трактатъ Брандебурчика по прежнему до корони Полской; о кончинѣ Хмелницкого, и о несогласiи Козацкомъ о Гетманство; о изоранiи на Гетманство Виговского, и о превротнихъ его ку Полякамъ афектахъ.

Скоро Вертзъ, енералъ Шведскiй, зъ трома тисячами своихъ Шведовъ зъ Кракова виступилъ, яко на листѣ роздѣлъ 8 свѣдителствуетъ, на тихъ мѣстъ заразъ Янъ Казѣмѣръ, Король Полскiй, веселимъ сердцемъ свою въ Краковѣ обнявши столицу, отдалъ хвалу и благодаренiе Господу Богу, удостоившему его тоя благодати Своея. Въ Краковѣ засъ недолго бавячися, а осадивши мѣсто пѣхотою Нѣмецкою, замокъ засъ Краковскiй умоцнивши своими людми Полскими, самъ зъ Кракова зъ прочiимъ войскомъ Полскимъ и Цесарскимъ рушилъ для промислу военного надъ Шведомъ, ку Мазовшу и Прусамъ. А Чарнецкiй зъ своимъ полкомъ и хоронгвами Великополскими, зъ поспѣшенiемъ, по ординанцу Королевскомъ пошолъ ку Поморiю Шведскому; где малъ не о самiе морскiе оперщися бреги, Старогарду, Щетиновѣ и всѣмъ тамошнимъ обыва-

телемъ огнемъ и мечемъ превеликую нанеслъ трвогу. Отъ Поморія зась уклонился въ Прусію, хотячи енерала помененного Вертза туда простовавшого упередити, и князя Брандебурского обѣимъ сторонамъ тогда неутралствовавшого, обаче Шведу помочъ чинившого, а Кгданску войною отягощеніе творившого, по прежнему до корони Полской приклонити; того и доказалъ не безъ значной отчистой шкоди, зъ помощію Кгонсевского Гетмана Литовскаго и иншихъ войскъ Полскихъ, зъ Лещинскими тамъ бывшихъ; такъ ижъ князь Брандебурскій отъ войскъ онихъ Полскихъ притисненій будучи, склонился зъ Чарнецкимъ до трактату на тихъ кондиціяхъ:

1) До юриздики дворной и старого конону Королей Полскихъ онъ Брандебурчикъ належати не мѣетъ; тилко що рокъ шестьдесятъ тисячей, а не болшей, мѣючи давати коронѣ Полской.

2) Лембургъ зъ Битомемъ и Елблонгъ дочасу виторговалъ у Полякомъ.

3) Виторговалъ тежъ Брандебурщикъ у Короля Полского такъ своей вини, яко и всѣхъ тихъ, которіи сполне съ нимъ до того часу Шведскую держали сторону, амнистію.

4) Шведови пріязнь свою Брандебурчикъ отказалъ на вѣки, и самъ зъ Королемъ Полскимъ на него войною пойти обѣщался.

Яковимъ зъ Брандебурщикомъ покоемъ скоро Великая Полща отъ непріятеля своего Шведа заслонилась и увеселилась, ажъ и другая немнѣй помислная зъ Украини, о вишписанной кончинѣ Хмелницкого, до Короля Полского принесена вѣдомость. Якую кончину Хмелницкого авторъ Твардовскій яковими вспоминаетъ слови, зри въ книзѣ его на листѣ 238. По кончинѣ зась Хмелницкого, на болшую Полякомъ непріятелемъ утѣху, сталося между Козацтвомъ и старшиною ихъ великое несогласіе и раздоръ о Гетманство. Поневажъ едни на Юрася Хмелни-

ченка молодшого, а другіи на Виговского, писаря енерального Хмелницкого, свои давали вота; которій то Виговскій склоняючися до пріязни коронѣ Полской еще за живота Хмелницкого, жичилъ зъ нею згоди, такъ особливе по кончинѣ его, чрезъ листъ свой при отправѣ Пословъ Лядскихъ до Кролевой Полской писанній, зъ добримъ отзивался афектомъ ку згодѣ зъ короною Полскою. Лечъ скоро згодними старшины и всего рицерства Козацкого голосами зосталъ избранъ онъ Виговскій на Гетманство, тогда заразъ тотъ пріязливій ку Полщѣ аффектъ свой премѣнивши, а о сукцессахъ тогдашнихъ Полскихъ добре провѣдавши, постановилъ непремѣнно махину войни зъ Поляками, чрезъ Хмелницкого зачатую, войною кончити, и нѣгди имени Лядскому пріятелемъ не быти. Но знать чинилъ тое тилко позвѣрховне, угождаючи войску Козацкому, на элекціи его Виговского бывшему, и являючися противъ Поляковъ ркомо непріязливимъ, а въ сердцу иное држачи, и всего того Полякамъ желаючи, чого они себѣ у небожчика Хмелницкого и у него Виговского искали и желали чрезъ килкокротнихъ пословъ своихъ.

Изъявленіе о Виговскомъ.

Иванъ Виговскій бысть породою шляхти Руской, подъ владѣніемъ Полскимъ обрѣтаючойся; будучи же наукъ визволіонихъ былъ довцѣпнимъ и бѣглимъ въ дѣлехъ писарскихъ, и ради суетія временнаго и благополучія сегосвѣтнаго, едного духа былъ зъ Поляками; чего дѣля предъ войною Хмелницкого былъ писаремъ при комисару Полскомъ, на Украинѣ вмѣсто Гетмана надъ Козаками бывшемъ, подлугъ уставленія коммисіялного полѣ войни

Остраниновой у Масловото Ставу, чрезъ Поляковъ учиненного, о чомъ на задѣ листъ . А будучи онъ при комисару писаремъ, пришолъ зъ Хмелницкимъ до обознаняся. Егда же по утѣчцѣ Хмелницкого зъ Чигрина до Запорожя, комисаръ зъ синомъ Гетманскимъ и зъ войскомъ Полскимъ виправленъ отъ Гетмановъ коронниxъ ку Запорожю противъ Хмелницкого, тогда Хмелницкій зъ войскомъ Запорожскимъ стрѣтивши ихъ, Поляковъ, на Водѣ Жолтой, при всесилной помощи Божіей розгромилъ и поразилъ всѣхъ на голову. Въ якой поражцѣ едни Поляки трупомъ пали, а другіе зъ симъ Виговскимъ живцемъ въ руки Ординскіе досталися. Въ той убо погибелной тонѣ увидѣвши себе, Виговскій, подпалъ подъ Хмелницкого зъ слезнимъ прошеніемъ, аби зъ тоей Татарской неволи его визволилъ, обовязуючися ему щире тое отслуговати. — Хмелницкій теди, такъ для знаемости якой же колвекъ, для обовязку помененного, для прошенія слезнаго, яко найбарзѣй для любви Христіянской, викупилъ его, Виговского, у Татарина за цѣну невеликую, албо по старихъ людей повѣсти, за едну виминялъ шкапу; и одобравши потимъ въ него, Виговского, твердую присягу на вѣрную и щирую ку себѣ пріязнь и зичливость, учинилъ его себѣ писаремъ войсковимъ енералнимъ. На томъ теди писарствѣ онъ, Виговскій, малъ не десять лѣтъ вѣрне Хмелницкому услугуючи, дождалcя и кончини его; а по кончинѣ, при непозиблемой Государу своему Росіиском вѣрности Хмелницкого, зосталъ отъ старшини и войска Запорожского учиненъ Гетманомъ; но на томъ урадѣ Гетманскомъ мало при вѣрности Государю своему поживши (яко предлежащая явитъ о томъ повѣсть), змѣнилъ, и откинулся до Поляковъ, наведши на Украину Малоросійскую великое злоключеніе, многій мятежъ, кровопролитіе и крайное разореніе. А учиненъ онъ Виговскій Гетманомъ въ Чигринѣ, року тогда настоящого 1657, мѣсяца септеврія 12.

РОЗДѢЛЪ XII.

О избраніи Виговского на Гетманство по Хмелницкомъ, и о корреспонденціи его до Запорожцовъ чрезъ нарочнихъ посланнихъ, зъ вираженемъ своей поволности; о посланю имъ Запорожцамъ денегъ, и отвѣтѣ къ нему на тое отъ ихъ Запорожцовъ.

По кончинѣ и знаменитомъ погребеніи въ Суботовѣ Богдана Хмелницкого, Гетмана войскъ Запорожскихъ, еще и пословъ Лядскихъ, енерала Пнемевского зъ товариствомъ, неотправляючи, чинится между старшиною и черню войска городового Запорозского рада, о избраніи на мѣсце Хмелницкого нового Гетмана; о которій гоноръ ижъ Виговскій скрито старался, того ради найболшеи и совѣта отъ него происходило о постановленю Гетмана, якожъ и власная того на тотчасъ витягала потреба, аби безъ власного господара своего подупадлая не сиротствовала Украина; въ которомъ на Гетманство избраніи небезпомощними Виговскому тогда были и послове помененіи Лядскіи, цале духомъ своимъ до отступленія отъ лиги Россійской Виговского надхнувшіи, и яко словесними предложенями, такъ и листовними предложенями, такъ и листовними Королевскими упевненями, въ ласцѣ Королевской крѣпко его умоцнивши. А же при погребеніи Хмелницкого килко полковниковъ и Полтавского Мартина Пушкара не было, того ради многое въ избраніи Гетмана было несогласіе, и елекція тая чрезъ килко неделное время проволѣкается, и

полковники небыліи особнимъ ординанцомъ въ Чигринъ на елекцію Гетманскую призиваются; тилко полковникъ Полтавскій Пушкаръ провѣдавши зачасу, что многіе благоволятъ избрати на Гетманство Виговского, а мѣючи по нему особенную свою антипатію и недоброхотство, нетилко на туя елекцію зъ Полтави въ Чигринъ не поѣхалъ, але и листоподавцу отправилъ назадъ зъ бранними и досадителними Виговскому словами, чинячи его недостойнимъ того Гетманского уряду, а знаючи лучшихъ и заслузеншихъ въ войску Запорозскомъ товаришовъ на тое достоинство. Сонмъ теди зъ старшини и чернѣ войска Запорожского, въ Чигринъ на елекцію Гетманскую собравшійся, едно—отъ Виговского скоррумнованій, другое—пришлою ласкою и респектомъ его обнадеженній, узнавши Пушкара Полтавского за противника волѣ своей и добру общому, недожидавшись его вотовъ, но своими едногласними учинили Виговского Гетманомъ вотами; которій на тое Гетманское вступивши достоинство, и прислушающіе гоноровѣ Гетманскому до рукъ своихъ принявши клейноти, яко войско городовое Запорожское и старшину по учрежденіи доволномъ роспустилъ въ доми ихъ, такъ и пословъ пречонихъ Полскихъ, зъ неотмѣнною субмѣссіею своею и доброжелателстомъ ку коронѣ Полской, отправилъ честно; а до Сѣчи Запорожской заразъ виправивши нарочнихъ своихъ посланниковъ, писалъ ко Запорожцамъ таковій листъ свой:

Мосцѣ Пане Атамане Кошовій войска Низового Запорожского, зо всѣмъ старшимъ и меншимъ товариствомъ, намъ велце зичливіе Мосцѣ Панове и братя!

На сихъ часехъ постигнула насъ великая скорбь и печаль, когда неублаганная смерть отнявши отъ насъ, всего

войска Запорожского, милого вожда и Гетмана нашего Богдана Хмелницкого, земнимъ застановила насъ отдати его нѣдрамъ; що прошлого мѣсяца августа, по Успеніи Пресвятой Дѣви Богородици виполнивши, и зъ Чигрина въ Суботовъ перенесши, подлугъ его жъ небожчиковского предъ кончиною желанія, похоронилисмо тамъ въ церквѣ каменной, его небожчиковскимъ коштомъ созданной. А же замедлѣлисмо о той небожчиковской кончинѣ увѣдомити Васъ братю нашу, тое сталося для того, ижъ по погребеніи небожчиковскомъ, заразъ такъ панове старшина енералная и полковники, яко и вся чернь войска Запорожского, тутъ при погребеніи небожчиковскомъ бывшая, старалися о постановленіи себѣ нового Гетмана. Якая элекція для ихъ же самихъ незгоди и несогласія, мусѣла чрезъ килконеделное время провлектися. Теперь зась Божіимъ благословеніемъ и своимъ согласнимъ и единодушнимъ словомъ, они панове старшина и чернь войска Запорожского избрали и постановили себѣ за вожда и Гетмана мене, Виговского, вручивши уже мнѣ и клейноти войсковіе, урадовѣ Гетманскому належащіе; которіе я надъ хотѣніе мое хочай и принялемъ до рукъ моихъ, однакъ безъ волѣ и консенсу Васъ братѣ нашой, всего войска Низового Запорожского, цале утверждатися на томъ Гетманскомъ урадѣ не хощу; бо яко Вы, войско Низовое Запорожское, естесте корень и утвержденіе чести и вѣкопомной слави прочіимъ войскамъ городовимъ Украино-Малоросійскимъ, истой братіи своей, такъ и власть Ваша во избраніи и постановленіи себѣ Гетмана нехай первенствуетъ и силу имѣетъ. Волно Вамъ, братѣ нашой, мене отъ того ураду отмѣнити, а иного по своему хотѣнію на тое достоинство усмотрѣти и утвердити; гди-жъ яко антецессоръ мой, славной памяти Богданъ Хмелницкій, що колвекъ чинилъ въ случаяхъ за его ураду бывшихъ, то все чинилъ за вѣдомомъ и порадою Васъ братѣ своей, всего войска Низового Запорожского, такъ и

я, если непремѣнно на своемъ нинѣшнемъ урадѣ зостану, тимъ же его антецессора моего путемъ, неупослѣждаючи чести и сили Вашой, войска Запорожского, ходити и волѣ Вашой согласовати буду. И если Ваша братѣ нашой единогласная воля непремѣнно мнѣ позволитъ на семъ Гетманскомъ зоставати урадѣ, то при залеценю Вамъ низкого уклону моего, прошу велце Вашъ-Мостей Мосцѣ Панства, абысте и ку мнѣ такую свою братерскую заховали пріязнь, любовь и усердіе, якую имѣлисте ку антецессору моему пану Богдану Хмелницкому; и въ чомъ позоветъ случай военній, абисте на защитъ и оборону отчизни своея Малоросійскія мужественними и великодушними вспомагали мя силами своими; якій трудъ вашъ если не отъ мене, то певне отъ Бога и отъ матки Вашой, Малой Росіи, наградитися Вамъ можетъ. Подлугъ легаціи небожчиковской, пана Хмелницкого, на поминаніе души его въ церквѣ тамошной Сѣчевой въ сердцахъ Вашихъ братерскихъ, посилаемъ Вашъ Мостемъ Мосцѣ Панству чрезъ сихъ нарочнихъ посланнихъ нашихъ двѣ тисячи талярей битихъ, а третую зъ власной шкатули нашой; що Вашъ-Мость Мосцѣ Панство вдячне изволте приняти и себѣ роздѣлити, уконтентовавши слушне и служителей тамошнихъ церковнихъ, и приказавши имъ цѣлорочніе сорокоустніе за душу небожчиковскую и за наше спасеніе отправовати моленія. Що все предложивши и о скорій на тое ку намъ отвѣтъ упросивши, зичимъ упреймимъ сердцемъ Вашъ-Мостемъ Мосцѣ Панству, милой братѣ нашой, доброго отъ Пана Бога здоровя и щасливого на многіе лѣта во всемъ узнавати поводженя.

Зъ Чигрина, септемврія 16 року 1657.

Іоанъ Виговскій, новоизбранній Его Царского Пресвѣтлого Величества войска Запорожского и всея Малія по обоихъ сторонахъ Днепра сущея Росіи Гетманъ.

На тотъ листъ Виговского таковій отъ Запорожцовъ зъ Сѣчи учиненъ респонсъ.

Ясневелможній обоихъ сторонъ Днепра Малоросійскій и всего войска Запорозского, новоизбранній Гетмане Виговскій! намъ велце милосцѣвій Пане брате и ласкавій благодѣтелю!

Двѣ увѣдомленя, скорбное и радостное, въ листѣ Вашомъ Панскомъ, до насъ Низового войска Запорожского чрезъ нарочнихъ посланихъ присланномъ, одобралисмо, зъ которихъ первое любо назбитъ сердца наша печалію наполнило и отяготило, же чрезъ неухронную смерть, декретомъ Бога Вишняго жизнію человѣчоскою владущого, лишилисмося Гетмана своего, доброго вожда и тщаливого отчизни нашой отъ непріятелей оборонци, пана Богдана Хмелницкого, которому по многихъ здешнихъ земнихъ подвигахъ и трудахъ, да подасть Господь Богъ на лони Авраамли, въ райскихъ селеніяхъ вѣчное упокоеніе, упрейме зичимъ. Однакъ другое — Вашой Панскоі Мосцѣ на тотъ Гетманскій урядъ избраніе, насъ отчасти увеселило и печали настоящоі уменшило; кгди осиротѣлая отчизна наша нового Васъ себѣ господара получивши, можетъ за Вашимъ предводителствомъ певна быти оборони своей отъ козней и навѣтовъ непріятелскихъ. Тилко-жъ тое избраніе и элекція Ваша неповинна была безъ волѣ и совѣту нашого, всего войска Низового Запорожского, чрезъ братю нашу пановъ старшину енералную, полковниковъ и войска городового Украинского, зачинатися и вершитися; поневажъ и небожчикъ Богданъ Хмелницкій не въ Чигринѣ, але на Кошу нашомъ Сѣчовомъ, не отъ городового, но отъ насъ Низового войска Запорожского начало своего

пріялъ Гетманства, и при нашомъ суккурсу, паче же при всесилной Божественной помощи, первѣе, первого своей войни лѣта, получилъ щасливе надъ непріятелемъ викторіи; а поневажъ уже свершилася, то и ми, для посполитого добра отчизни нашой Малоросійской, оной элекціи нарушати и разоряти не хощемъ, приписуючи тое премудрому смотрѣнію Божію, звлаща егда подлугъ прислов: голосъ людскій голосъ бываетъ Божій—согласуемъ голосу и волѣ людской братѣ нашой Малоросійской, на тое Гетманское достоинство Вашъ-Мости Мосцѣ Пана избравшой и постановившой. Аиле слишачи въ листѣ Вашомъ Панскомъ, до насъ теперь писанномъ, таковій обѣтъ и ассекурацію, же на томъ Гетманскомъ урадѣ зостаючи, мѣешъ путемъ антецессора своего, славной памяти Богдана Хмелницкого, ходити, насъ же войско Низовое Запорожское въ ласцѣ своей ховати, и жаднихъ новинокъ и затѣвовъ безъ воли и ради нашой войсковой, звлаща если би тое ишло о общое отчизни нашои добро или упадокъ, не вщинати. Що если самимъ Вашъ-Мость Мосцѣ Панъ виполнятимешъ скуткомъ, то и отъ насъ, всего войска Низового Запорожского, можешъ быти певенъ упреймой ку себѣ пріязни и зичливости, и во всѣхъ желаніяхъ своихъ неотмовнихъ афектовъ и войсковихъ посилковъ. Тилко-жъ заходитъ насъ въ тихъ Вашихъ Панскихъ ассекураціяхъ и облѣгахъ нѣякаясь вонтпливость, же по кончинѣ небожчика пана Хмелницкого писалъ Вашъ-Мосць Мосцѣ Панъ отъ себе едного (яко зъ певного донесеня увѣдомилисмося) до Найяснѣйшой Яновой Казѣмѣровой, Королевой Полской, ищучи себѣ у неи ласки и ходатайства до Королевского Величества, и хотячи подобно отъ високой держави и силной протекціи Пресвѣтлѣйшого и Державнѣйшого Алексѣя Михайловича, Монархи нашего Всеросійского отторгнутися, и по прежнему до корони Полской отчизну нашу Малоросійскую, премногою братѣ нашой кровію, военнимъ оружіемъ за

предводителствомъ покойного Гетмана нашого, Богдана Хмелницкого, отсѣкшуюся и свободившуюся, присвоити и подклонити. Що ежели такъ учинити мѣете непремѣнно, то вѣдайте зачасу, ижъ ми войско Низовое Запорожское въ томъ волѣ Вашой послѣдовати не будемъ, и титулу измѣнническаго на славное имя наше наволѣкати не хощемъ. Да и самъ Вашъ-Мость Мосцѣ Панъ изволъ тилко разсмотрѣти и совершено уважити, подъ которимъ Монархою лутшюго себѣ впередъ можемъ надѣятися пожитія? чи подъ единовѣрнимъ Православнимъ Государемъ Царемъ Московскимъ, которого еще ни въ чемъ не оскорбили, чили подъ иновѣрною, Римской отступнической релѣгіи и заблужденія сущею, короною Полскою, отъ насъ зѣло раздраженною и оскорбленною, мѣемъ безъ вонтпливости свои пришлого благополучія опредѣляти и записовати термѣни. Товариство наше Низовое охотницкое, на службѣ его Монаршой военной въ Литвѣ и въ Инфлянтахъ бывшое, и отъ толъ до Сѣчи повернувшое, великою отъ Великоросіяновъ себѣ явленною хвалятся ласкою и любовію; якой ми и впередъ отъ нихъ, а барзѣй отъ добронравного и благосердного отца и добродѣя нашого, Его Царского Пресвѣтлого Величества, чаемъ и несумѣнно надѣемся, готови будучи и сами за его привисокую Монаршую честь и Православное Государство, противъ всякого непріятеля его застановлятися, и здоровя нашого не щадѣти. Ежели теди Ваша Мость Мосцѣ Панъ усмотрѣлъ що зъ сторони Его Величества ку себѣ и ку отчузнѣ нашой неполезное, то можешъ безъ премѣненія своей вѣрности, чрезъ пословъ своихъ о тое къ Его Пресвѣтлому Величеству зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малоросійскимъ суплѣковати и просити, и надѣемся же нетилко въ великомъ, но и въ найменшомъ желаніи и прошеніи Вашомъ, Его Царское Пресвѣтлое Величество благодати своея Монаршія отректи не изволитъ; аиле уважаючи тое, же и отъ насъ, всего войска Запорожского,

крѣпка и издавна вожделенная Его богохранимой Православной державѣ, отъ враговъ креста Господня Турковъ и Татаровъ, станула защита и охорона; и не возможетъ уже отселѣ тотъ общій непріятель Христіянскій, своими многочисленними силами, въ Его Царскую державу (якъ предъ симъ бывало) безпечне вкрочати, и своихъ бѣсурманскихъ подъ самою столицею корогвей розвивати. Що все уважившш и разсмотрѣвши, изволь Вашъ-Мость Мосцѣ Панъ, подлугъ своей листовной къ намъ писанной ассекураціи, путемъ Хмелницкого ходити, вѣрности своей Его Царскому Пресвѣтлому Величеству не отмѣняти, а при помощи всесилной Божественной, сполне зъ Его Монаршими силами, противу непріятелей своихъ Поляковъ, за древніе волности наши застановлятися, и иго ихъ отъ отчизни нашой Малоросійской на вѣки отсѣкти. А если би иначей было, то певнѣ и такъ уже много Лядскими нападанми поврежденную отчизну Малоросійску, привелъ би Вашъ-Мость Мосцѣ Панъ до остатнего знищенія и разоренія, чого не зичимъ; а зичимъ при семъ упрейме Вашой Велможности доброго отъ Господа Бога здоровя, и благофортунного въ добрихъ и отчизнѣ полезнихъ замислахъ Вашихъ поводженя. Дякуемъ тежъ при семъ велце Вашой Велможности за гостинецъ грошевій, которимъ насъ по ласцѣ своей обослати изволилъ еси, и отслуговати тое по силѣ нашой декляруемъ и облѣгуемся. Зъ Сѣчи септемврія 25 року 1657.

Павелъ Гомонъ, Атаманъ Кошовій, зо всѣмъ старшимъ и меншимъ товариствомъ войска Его Царского Пресвѣтлого Величества Низового Запорожского.

РОЗДѢЛЪ XIII.

О удержаню ся Виговского на время отъ измѣни своей; о зношеню ся его зъ посторонними панствами на Поляковъ; а особливе о совѣтѣ его Великому Государу Московскому взглядомъ короны Полской, и о гонцу для того посланномъ до Короля зъ Москви; о скарбахъ Хмелницкого, зъ земли чрезъ Виговского винятихъ, и о скромномъ Королевскомъ до Государа Російского чрезъ гонца отвѣтѣ; о веселой у Поляковъ вѣдомости зъ поражки на морѣ Шведа чрезъ Дунчика; о маршу Полскомъ подъ Торунь, и о виправѣ Чарнецкого въ Померанію Шведскую; о щасливомъ Чарнецкого тамъ въ Померанiи поведенiи и назадъ возвращенiи; о отступленю Королевскомъ отъ Торуня для невчасовъ тогдашнихъ осеннихъ, и о расположеню войскъ по зимовихъ тамъ же кватерахъ; о звѣздѣ Королевскомъ въ Бигдощу съ Брандебурчикомъ; о взаемномъ себѣ прощенiи бывшихъ уразъ, и о потвержденiи пактовъ, чрезъ Чарнего зъ Брандебурчикомъ поставленнихъ.

По одобраню такого непомислного респонсу отъ Запорожцовъ, завстидился онъ, Гетманъ Виговскій, своей въ листѣ до нихъ ассекураціи заразъ премѣнити; но на недолгое время при оной остоявшися, началъ зъ посторонними панствами практиковати и соглашатися, а особливе въ Ракочимъ, въ свѣжомъ опалѣ противъ Поляковъ тогда бывшимъ, взиваючи его ку себѣ до лиги на Поляковъ. Государу тежъ своему, Его Царскому Величеству Москов-

скому, прилежно совѣтуючи, жеби обѣщанной себѣ корони Полской неотлагая часу, военним у Поляковъ доходилъ оружіемъ; бо еслиби откладалъ тое, то Король Полскій тимъ часомъ въ воинскіе прибравшися сили, албо и зъ Шведомъ згодившися, цале зъ тоей ему Государевѣ обѣщанной элекціи визутися можетъ. Прежде избранія своего на Гетманство, онъ Виговскій, являючися ку домовѣ Хмелницкого зичливимъ, а тимъ барзѣй хитримъ, одослалъ Юрася Хмелниченка нѣгдѣсь на сторону, будто для науки; безъ него зась скарби Хмелницкого собѣ свѣдоміе, милліонъ лѣчбою преходящіе, зъ земли винявши, завладѣлъ себѣ штучне. По пречечономъ тежъ его Виговского совѣту, Пресвѣтлѣйшій Государь Царь Россійскій, Алексѣй Михайловичъ, заразъ послалъ гонца зъ грамотою своею до Короля Полского Яна-Казѣмѣра, дивуючися тому, для чого сеймъ валній проволѣкаетъ, на которомъ Его Величество мѣлъ, подлугъ прошлолѣтнихъ Виленскихъ зъ Поляками договоровъ, утвердитися електоремъ и сукцессоремъ корони Полской. Прето если далѣй тое свое слово проволѣкати будетъ, и не пришлетъ къ нему въ томъ дѣлѣ пословъ своихъ на Москву, заразъ самъ зъ войсками наступитъ войною на державу Полскую, звлаща въ своей Російской державѣ отъ околичнихъ непріятелей вожделѣнній покой имѣючи. А Канцлѣръ, зъ которого причини сталася тому дѣлу препона, аби однеслъ въ Короля належитое каране. Яковимъ Монарха Московского одозвомъ любо Король Полскій не помалу былъ ураженъ, однакъ, маючи зъ Шведомъ недоконченніи дѣла свои, скромне и уважне учинилъ отвѣтъ до Государа Російского, виражаючи въ немъ, же все лѣто прошло въ непокояхъ и заверухахъ военнихъ въ коронѣ Полской, для чого и на сеймъ валній не могли собратися всѣ стани корони Полской; развѣ зима наступаючая щасливій того сейму покажетъ скутокъ, на которій не Полскіи послове къ Москвѣ, но Московскіи до Полщи подлугъ пактовъ вищ-

писанныхъ прибыти будутъ повинни; а нимъ тому часъ прійдетъ, аби Его Величество ласкаве пождати, и въ своемъ военномъ намѣреніи угамоватися изволилъ. Зъ такою декляраціею и прозбою Король гонца Московского назадъ отправивши, самъ зо всѣмъ обозомъ енералнимъ рушилъ подъ Торунь, Шведовъ въ себѣ еще имѣвшій. Въ той дорозѣ получилъ Король вѣдомость о Шведу, же Дунскій Король предъ нимъ ходячи, и его далеко ажъ въ Голсацію уводячи, розбилъ на морѣ флотъ его Шведскій, и чтири окренти зъ гарматами и не безъ значной суммы денежной, зъ Франціи ему посланной, опановалъ себѣ. Где пропалъ Горнъ, и енерелъ Вертзъ заледво ускробалъ. А самъ Король Шведскій зъ войскомъ въ Исмарѣ своемъ, послѣ той Дунской поражки, отдохнути тогда изволилъ. По якой вѣдомости Король Полскій, допинаючи своихъ желаній, виправилъ Чарнецкого зъ воеводою Подляскимъ въ Померанію, державу Шведскую, которій рѣку Одру преплывши, и въ Померанію зъ войскомъ прибувши, а городи тамошніи, то есть Щетинъ, Пазвалдъ, Мекелбургъ и Гаецъ порохомъ окуривши, и всю тамошную украину мечемъ и огнемъ безъ жадного отъ Шведовъ встренту сплюндровавши, не зъ великими еднакъ добичами въ цѣлости до своей повернули Полщи. А Король Полскій въ тимъ часѣ зъ войскомъ Цесарскимъ помочнимъ стануль подъ Торунемъ; но такъ для крѣпости Торунской и для значного въ немъ Шведского президіумъ, якожъ для оголодалого тамошного краю и для невчасовъ тогдашнихъ осѣннихъ поздныхъ, войско вредити могущихъ, немогучи болшъ подъ Торунемъ обозомъ стояти, и оному що учинити, росправилъ войско по зимовихъ кватерахъ, позволивши имъ на кормъ зимовій взимати тамъ зъ повѣтовъ новоуставленніе денги лановіе, не безъ тяжести шляхти тамошной. Потимъ Король Полскій зъ Княземъ Брандебургскимъ, по согласію листовному, для устной о предлежащихъ дѣлехъ конферен-

ціи въ Бигдощу зъехавшися, и урази свои прежніи еденъ другому взаемне простивши, пакта между ними прежде чрезъ Чарнецкого постановленніе своими особами власними оппробовали и подтвердили. Отголь зась розъехавшися, Король Полскій зъ сенаторами и нѣкоторыми послами прибылъ до Познаня, для лутшой отголь оныхъ отправи.

РОЗДѢЛЪ XIV.

О послу Виговского къ Москвѣ, зъ прошеніемъ о клейноты войсковіе и потвержения себѣ на Гетманство; о послу Царскомъ къ Виговскому; о виконаню его присяги въ Переясловлѣ на вѣрность, и о принятю потвержения и булави отъ посла оного; о отправѣ посла того къ Москвѣ, и о прибытю Виговского въ Чигринъ; о желаніи Пушкаревомъ отъ Запорожцовъ войска; о исполненіи отъ нихъ желанія его, и о взгорженю ихъ Виговскимъ; о замислѣ Виговского на Пушкара, и о новомъ союзѣ его съ Ханомъ Кримскимъ; о взиваню Виговскимъ Пушкара до згоди, и о неполученю оной.

Зоставши Виговскій Гетманомъ, и принявши до рукъ своихъ клейноти войсковіе, а укриваючи свою предъ Великимъ Государемъ Російскимъ быти мѣвшую измѣну, виправилъ октоврія числъ среднихъ нарочно посла своего, полкового асаула Корсунского Юрія Мипевского зъ товарищи, въ царствуютсующій великій градъ Москву, зъ доношеніемъ о избраніи своемъ на Гетманство, и изпрошеніемъ потвержения себѣ на тотъ урядъ и прислания клейнотовъ войсковихъ. Якому Виговского прошенію Пресвѣтлѣйшій Государь Царь Алексѣй Михайловичъ, всея Россіи Самодержецъ, повѣривши,

виправилъ заразъ зъ Москви до Виговского зъ помененимъ посломъ его, Корсунскимъ Асауломъ, нарочного Государского посла своего, ближного околичного и оружейничого и намѣсника Ржевского, Богдана Матвѣевича Хитрова зъ товарищи. За которого въ Переясловль прибытіемъ, прибылъ туда-жъ зъ Чигрина и Виговскій Гетманъ новій зъ старшиною, и при ономъ Хитрову, послу Монаршемъ, тамъ же въ Переясловлѣ, въ Соборной Апостолской церквѣ, на вѣрность виконалъ присягу, и отъ рукъ его Хитрова принялъ присланную себѣ отъ Царского Величества булаву, и подтвержателную на Гетманство, зъ прежними правами и волностями войсковими, Монаршую грамоту. А по той церемоніи, неудержуючи долго Виговскій посла того Монаршого при себѣ, отпустилъ его честно зъ Переясловля къ Москвѣ, знаменитими уконтентовавши его подарунками, и самъ тожъ повернулъ до Чигрина, декаврія числъ первихъ. Мартинъ Пушкаръ, полковникъ Полтавскій, цале ожесточившійся противъ Виговского, яко при элекціи не былъ его, такъ и при виконаню присяги въ Переясловлѣ быти не изволилъ; а сподѣваючися на себе за тое противенство отъ Виговского погрому, удался до Запорожцовъ, оскаржаючи имъ Виговского розными доношенями, и просячи отъ нихъ себѣ войска на оборону отъ Виговского. Запорожци всему Пушкаревому доношенію повѣривши, и сами напередъ того отчасти провѣдавши, же Виговскій до измѣни Государу Московскому, а до пріязни Полякомъ склоняется, приклонилися ласкаве до Пушкарового желанія; и яко Виговского отъ любви своея отринули, такъ и войска своего, на помочъ противъ Виговского Пушкаревѣ, до шестисотъ доброго товариства зъ полковникомъ ихъ Яковомъ Барабашемъ, заразъ въ Полтаву прислали; которимъ посилкомъ Запорожскимъ онъ Пушкаръ змоцнившися, къ тому найбарзѣй полкъ свой Полтавскій мѣючи, людъ военній добрій и достатній, тимъ болше возвеличился, и свои, на згубу

себѣ и Полтави, противъ Виговского поднеслъ роги. Виговскій яко о измѣнѣ мислячи, такъ и Пушкара полковника Полтавского усмирити намѣреваючи, къ тому и Запорожскои отнюдь несподѣваючися пріязни, смотря по ихъ ку себѣ отвѣтномъ писму, писалъ заразъ до Хана Кримского чрезъ нарочного посланца своего, желаючи его къ себѣ по прежнему въ такій союзъ и пріязнь, якій былъ въ него зъ покойнимъ Гетманомъ Хмелницкимъ. Ханъ зась тому Виговского желанію радъ будучи, безъ удержаня жадного заразъ отпустилъ назадъ посланца Виговского, съ такою декляраціею и отвѣтомъ, же на всѣ желанія его Виговского до военнихъ якихъ колвекъ случаевъ, зо всѣми ордами ставитися будетъ, и всего того допомогти готовъ есть, чого отъ него Виговскій востребуетъ. Тимъ Ханскимъ отвѣтомъ Виговскій упевненій будучи, началъ промишляти, яковимъ би способомъ противника своего Пушкара моглъ смирити и до себе наклонити; для чого килкократне писалъ до него лагодне и ласкаве, призиваючи его ку себѣ въ пріязнь и згоду, и прощаючи его виступокъ первій, а прекладаючи ему, яко междоусобная незгода и непріязнь бываетъ посполитому добру шкодлива и вредителная. Лечъ ижъ тими листовними персвазіями и желаніями не моглъ ничого полезного собѣ Виговскій у Пушкара справити, удался до иншого способу: яко напредѣ о томъ виражено будетъ.

ЧАСТЬ ЕДИНОНАДЕСЯТАЯ

и рокъ одинадцятій отъ початку войни Хмелницкого зъ Поляками.

Въ которой описуется: пріязнь Турецкая ку Полякомъ; поведеніе Цесарчиковъ; Шведское мира желаніе; склоненеся Виговского до Поляковъ; боязнь Татарская отъ Козаковъ; ранкоръ Виговского зъ Пушкаремъ; вибите Сербовъ Виговского; розгромъ и убите Пушкара чрезъ Виговского; измѣна Виговского; бѣдствіе Украинское отъ Ромодановского; поведеніе Ромодановского; поставленіе Гетманомъ Безпалого; Шведское гордое зъ Дунчикомъ, Поляками и Цесарчиками поведеніе; одозвъ Турецкій Россіянамъ непріязній; отягощеніе Полское отъ Цесарчиковъ недишкретнихъ; одобране Торуня у Шведовъ; побори великіе у Поляковъ, и одозвъ листовній Запорожскій до Виговского, досадителній и ганячій ему измѣну его; избраніе Балабана на митрополію Кіевскую, по Силивестру Косову; и коммиссія Гадяцкая вспоминается, зъ кондиціями ея.

РОЗДѢЛЪ I.

О полученю Королевскомъ въ Познаню радостнихъ себѣ вѣдомостей: же Турчинъ пріязни своей зъ Поляки не нарушаетъ, а подданихъ своихъ, безъ вѣдома его тую нарушившихъ, карати мѣетъ; Ракочого до заплаченя Полякамъ долгу, а Татаръ до возвращенія Полскихъ ясировъ принудити мѣетъ; же Шведъ чрезъ медіяцію Короля Венгерского старается о покой зъ Поляками; о желаніи Нѣмецкомъ Цесаревича Короля Венгерского на Цесарство, для тогдашнего отъ Турчина небезпеченства; о Шведскомъ послу до Поляковъ въ Познани, зъ цалимъ желаніемъ мира; о склоненюся Виговского зъ Поляки до покою, и о персвазіи Ханской для боязни Полякамъ, жеби Козаковъ докончивали, или приказали имъ сполне зъ нимъ и его Ордами на Москву воевати.

Року отъ мірозданія 7166, а отъ плотского во мірѣ явленія Слова Божія 1658 лѣта, въ онъ же бысть лѣтера пасхалная У, а въ руцѣ лѣто...; празднуючи Янъ Казѣмѣръ Король Полскій въ Познаню хвалебній и радостній, подлугъ календару Римского, Рождества Господня праздникъ, зъ сенаторами своими, получилъ тамъ веселіе себѣ и желаеміе вѣдомости. Перво, зъ Цариграда отъ Ясколского стражника коронного, же Царь Турецкій нетилко давной пріязни своей зъ Поляками додерживати обѣцуетъ, але и на подданихъ своихъ гнѣвается, которіи безъ его вѣдома дер-

знули покой зъ Поляки нарушити, и ихъ за поводомъ иншихъ пановъ воевати; за що Турчинъ особливе на Ракочого нетилко ся гнѣваетъ, але и карати его хощетъ; для чого уже и послалъ до него, Ракочого, свой Султанскій указъ неублаганній, отъ власти и началства его отдаляючи, а вмѣсто его въ Венграхъ иншого Ференса поставляючи, и имѣючи его, Ракочого, въ арестѣ держати, поколъ за голови на Лвовѣ застановленніе, належитого, трактатомъ зъ Поляки постановленного, дванадцятма бочками червоних не отдасть окупу; также и отъ Татаровъ всѣхъ вязневъ Полскихъ, чрезъ войну забратихъ, декляруючи зискати и Полщи возвратити. Къ тому и Господаровъ Волоского и Молтанского, же своихъ людей не упиняли и на Полщу воевати допустили, слушне скарати прирекаючи. Другое — же и Король Шведскій въ силахъ своихъ поврежденій, хотячи зъ Поляками прійти до згоди, старается въ Прагѣ чрезъ посла своего о медіяцію и вложенеся до Поляковъ Цесаревича и наслѣдника корони отчей Цесарской, Короля на тотъ часъ Венгерского, и обѣцуючи цале на его престати медіяціи и децизіи; которого на тотъ часъ Курфистри до Франкфорту взивали, и корону отчую Цесарства Римского на главѣ его видѣти желали, зъ позволенемъ на тое всеи Реши Нѣмецкои; боячися жеби на пришлое лѣто Турчинъ чого нового не вимислилъ, въ Ядренополю тогда зостаючи, и пришлого лѣта чрезъ Кроацію на войну Венецкую войска свои хотячи проводити; поневажъ для того поднесши хороговъ военную противъ Венетовъ, заставилъ въ Румелѣей всѣмъ кузницамъ въ кованію оружія желѣзомъ бримѣти; для чого Нѣмцѣ на тотъ часъ нетилко зъ дому Ракуссовъ оного Короля Венгерского, сина же Цесарского, на столицу отчую посадити, але и панство свое войсками для лутшого безпеченства отъ Кроаціи осадити прилежно старалися.

Шведскій засъ Король отъ Поляковъ, отъ Дунчика

будучи притѣсненій, и рѣчѣ своей отъ непріятеля утисненой не могучи учинити помочи, вступилъ до Щетина своего; а любо отъ помененного Короля Венгерского просилъ о медіяцію, однакъ зъ другой сторони, ркомо отъ Француза, зъ медіяціею о покою прислалъ посла своего до Познаня, просячи цале Поляковъ о покой вѣчній и ненарушимій; для которого постановленія и утвержденія зослалъ былъ на границу Полскую брата своего, зъ частю войска, а самъ зъ войскомъ цалимъ при Щетинѣ удержался.

При якихъ двохъ веселихъ Полякомъ авизіяхъ, принесена Королевѣ въ Познань и третая, не мнѣй отъ первихъ радостная, зъ Украини отъ Коммисаровъ его вѣдомость, же Гетманъ Виговскій зъ Козаками значне зклоняется до покою зъ Поляками; але будучи зъ собою о томъ въ несогласіи, отъ прошлой осени отложили совершеннихъ пактовъ зъ Поляками постановлене, до пришлихъ святъ Рождества Господня, по календару Рускомъ. Ханъ зась Кримскій, боячися впередъ Козаковъ, намовлялъ и персвадовалъ Королевѣ, аби войною зносилъ и доконивалъ ихъ; а если не такъ, то аби росказалъ имъ, Козакамъ, сполне зъ Татарами воевати на Москву, ветуючи своеи шкоди въ панствахъ и земляхъ Полскихъ чрезъ Москву учиненои, ибо иначей они Кримци жити не могутъ, будучи зъ натури до войни склонними. Лечъ тая Ханская персвазія и желаніе было бездѣлное, поневажъ вскорѣ (яко назадѣ положено есть) Виговскій зъ Ханомъ до желаемого ему пришолъ союзу и братерства.

РОЗДѢЛЪ II.

О зъездѣ Виговского въ Константиновѣ зъ воеводою Путивлскимъ; о скараню смертномъ въ Гадячомъ нѣсколко человѣковъ, и о посланю Намѣсника Гадяцкого до Пушкара, взиваючи на прiязнь; о одосланю отъ Пушкара въ Калантаевъ того посланника Виговского; о посланю отъ Виговского Сербовъ для взятя Пушкара; о розгромѣ тихъ Сербовъ противъ Диканки надъ Голтвою; о страху зъ того розгрому въ Миргородѣ, и о почагку междоусобiя тогдашного Козацкого; тутъ же и о избранiи на Митрополiю Кiевскую Дiонисiя Балабана.

Между-святи Рождества Господня писалъ Виговскiй до Воеводи Путивлского, Алексѣя Никитича Зюзина, желаючи зъ нимъ видѣтися и посовѣтовати о настоящихъ тогда дѣлехъ, и по согласiи томъ зъ Воеводою онимъ Путивлскимъ зъехалися въ Константиновѣ, въ неделю по Крещенiи Господнемъ; где о чемъ належало доволно зъ собою переговоривши и погулявши, розъехалися зъ Константинова во свояси. Прибывши Виговскiй зъ Константинова въ Гадячъ, скаралъ тамъ смертiю нѣсколко человѣкъ войсковихъ значнихъ и чиновнихъ Гадяцкихъ, на которихъ имѣлъ нѣякiйсь подзоръ о непрiязнь ку себѣ. А Тимоша, Намѣсника Гадяцкого, послалъ до Мартина Пушкара, полковника Полтавского, упоминаючи его, аби попересталъ своего упору

и гнѣва, и склонился къ нему Виговскому до пріязни; Пушкаръ зась на тое посланному Виговского отповидѣлъ: «Чи не такъ Виговскій хощетъ мене зъ собою погодити, якъ погодилъ въ Гадячомъ братю нашу, лутшихъ отъ себе товаришовъ войска Запорожского, поутинавши имъ голови; но не дождетъ того.» И заразъ того посланного, Намѣсника Гадяцкого, въ кайдани забивши, и вини нѣкоторіе сложивши, а особливе погромъ Донцовъ около Подолокъ, чрезъ него намѣсника Гадяцкого учиненій, въ листѣ своемъ припомнѣвши, одослалъ у вязене до воеводи Колантаевского. Виговскій зась зъ Гадячого до Миргорода прибувши, пробавилъ въ немъ у Григорія Лесницкого, полковника тамошнего, дней зкилко, наджидаючи ку себѣ повороту отъ Пушкара посланца своего намѣсника Гадяцкого. Лечъ гди певную получилъ вѣдомость, же Пушкаръ нетилко до згоди зъ нимъ не склоняется, але и посланника его помененного зковавши отослалъ въ Колонтаевъ, велце тимъ зосталъ ураженъ и розгнѣванъ; и заразъ зъ Миргорода до Полтави, для взятя ку себѣ Пушкара, виправилъ полкъ Сербской компаніи своей, а самъ въ понеделокъ, генваря 25, рушилъ зъ Миргорода до Чигрина.

Тая зась компанѣя просто до Полтави неидучи чили зблудивши, удалася ку Великимъ Будищамъ, а Пушкаръ о томъ зачасу провѣдавши, виправилъ противъ Сербовъ онихъ полковника Запорозского Якова Барабаша, зъ частю Запорожцовъ его и зъ другою частю войска своего городового, которого всего войска до шести и седмисотъ быти могло. Тотъ убо Барабашъ, яко чулій вождъ, чрезъ ночъ отъ Полтави, зъ войскомъ себѣ отъ Пушкара даннимъ, поспѣшилъ до Диканки, а зъ Диканки въ среду генваря 27 свѣтомъ рушивши, скоро напалъ на Сербовъ тихъ за долиною Голтвою, подъ Диканкою, противъ Рога Жукового Байраку обѣдъ готовати начавшихъ, и розгромилъ ихъ всѣхъ вконецъ, такъ ижъ мало що ушло ихъ до Миргорода, и принесло

вѣдомость Лесницкому полковникові Миргородскому, о такой своей нещасливости, нанесши превеликую ему Лесницкому и всему Миргороду трвогу; занеже за утекшими отъ погрому Барабашевого Сербами, заразъ чаяно въ Миргородѣ погонѣ, и на самого Лесницкого погрому зъ тимъ Барабашемъ Пушкаревого войска, для того, же Лесницкій держалъ сторону Виговского. И таковимъ то початкомъ и дѣйствіемъ прейшло лихо зъ тои стороны Днепра на сюю сторону, и воспалися огнь междоусобной Козацкой брани.

При такихъ, того жъ 1658 року, злихъ междоусобія Украинского начинаніяхъ, бысть въ Кіевѣ элекція о митрополіи Кіевской, по преосвященномъ покойномъ митрополитѣ Силивестру Косову вдовствующой; на которой, первой недели святого великого поста, февраля 28, волними и всего духовенства и многихъ персонъ свѣцкихъ голосами, избранъ и поставленъ на престолъ митрополіи Кіевской Діонисій Балабанъ, ижъ отъ початку митрополитовъ Рускихъ, отъ крещенія Владимірова наченшихся бысть 48.

РОЗДѢЛЪ III.

О Виговского зъ Пушкаремъ дѣйствіи; о призваню Орди; о розгромѣ подъ Жуками войска Пушкаревого, и забитю самого Пушкара; о измѣнѣ Виговского Государу Російскому; о коммисіи и пактахъ Гадяцкихъ, и о учинившомся для того на Украинѣ отъ войскъ Московскихъ бѣдствіи, кровопролитіи и разореніи; о Ромодановского подъ Варвою зъ Гуляницкимъ потребѣ; о учиненю тамъ нового и первого на сей сторонѣ Днепра Гетмана, Безпалого, и о уступленю его Ромодановского зъ новимъ Гетманомъ отъ Варви до Лохвицѣ.

Еще огнь многокровной и многоплачевной внутрней Хмелницкого войни зъ Поляками вожженній, и чрезъ осмъ лѣтъ силно палавшій, и Украину, зъ короною Полскою въ распрѣ тогда сущую, зѣло снѣдавшій не угаснулъ; еще трупи человѣческіи, на розних Лядскихъ и Украинскихъ поляхъ браннимъ оружіемъ постланніи, вконецъ не истлѣша; еше земля по многихъ горизонтахъ кровію людскою обагренная, дождевними кроплями неизмовенна; еще аеръ отъ труповъ человѣческихъ просмрадшій, не пришелъ бѣ до первобытного чистого и невредителного естества своего; еще матерей по синахъ, и женъ по мужехъ и инихъ кревнихъ своихъ, оружіемъ военнимъ умерщвленнихъ, слезоточціе не осохли зѣници; еще ни Украина отъ Поляковъ, а ни Поляки отъ Украини могли въ домахъ своихъ, милой зъ по-

кревними своими компаніи ужити, или сладкимъ сномъ уснути, а ни вожделѣнного покою певними быти: ажъ тутъ на сей сторонѣ Днепра, отъ Переяславя и Полтави, зъ причини двохъ человѣковъ, нового тогда Гетмана Виговского и Мартина Пушкара, Полковника Полтавского, новій внутрнего междоусобія и кровопролитія великого огнь, добра людскіе пожигающій и вконецъ истребляющій, воспламеняется и свою на разорѣніе людское пріемлетъ силу; еже бысть тако.

Преждепомянутій Пушкаръ, полковникъ Полтавскій, токовимъ, яко вишей вспомнѣлося, надъ Сербами Виговского благополучіемъ уведшися, и на далшую противъ Виговского и партизантовъ его полковниковъ: Миргородского Григорія Лесницкого, Нѣжинского Гуляницкого, Лубенского Павла Шевця, Чернѣговского Оникія Силичихея, Прилуцкого Петра Дорошенка и иныхъ, войну приготовлячися, собралъ себѣ зъ винниковъ, броварниковъ, пастуховъ и наймитовъ людскихъ полкъ пѣхотній, наименовавши его Дейнеками; которій то полкъ мало въ себѣ имѣлъ товариства зъ добримъ Христіянскимъ сумленіемъ, и оружіемъ до войни приличнимъ; но тилко зъ рогатинами, косами и кіями, и изъ сердцами до убійства и разграбленія имѣній людскихъ готовими. Потимъ заразъ стягнувши полкъ свой Полтавскій, и взявши зъ собою Барабаша зъ Запорожцами и Дейнековъ поменениxъ, рушилъ до Миргорода на Григорія Лесницкого. Лесницкій зась о томъ Пушкаревомъ маршу ку себѣ провѣдавши, уступилъ зъ Миргорода до Лубень, зъ певною квотою товариства полку своего Миргородского; отъ которого въ неменшомъ мусѣлъ быти страху, уважаючи жеби тое товариство его не зрадило, и до Пушкара не прекинулося. Пушкаръ тежъ нѣчого помислного надъ Лесницкимъ въ Лубнахъ не справивши, отійшолъ до Лохвицѣ; где и Гуляницкій, полковникъ Нѣжинскій, зъ инними полками, по ординанцу Виговского, третой недели великого поста прибылъ былъ для ускромленя тамъ Пушкара оного;

но якъ онъ Пушкаръ въ Лубняхъ надъ Лесницкимъ, такъ Гуляницкій въ Лохвицѣ надъ Пушкаремъ ничого невскуравши, въ четвертокъ 18 марта, повернулъ отъ Лохвицѣ на Глинско и далѣй во-свояси; въ якомъ поворотѣ Пушкаровци вїѣхавши зъ Лохвицѣ, не мало Гуляницкого войску шкодили, и болшій до непріязни и междоусобія огнь возгнѣтили.

О такихъ вредителнихъ на Украинѣ дѣйствіяхъ и междоусобіяхъ Пресвѣтлѣйшій Монархъ Російскій увѣдомившися, прислалъ, тогожъ великого поста, до Гетмана Виговского въ Чигринъ нарочного посла своего, Богдана Матвѣевича Хитрова, утверждаючи его Виговского въ непремѣнной ку себѣ вѣрности, и обѣцуючи ему свою Монаршую милость и заверухи тоей успокоеніе. Виговскій тоей Монаршой милости благодаренъ будучи, отправилъ вскорѣ честно назадъ къ Москвѣ посла оного Хитрова; а за нимъ втропи виправилъ и Григорія Лесницкого, полковника Миргородского, къ Москвѣ, зъ челобитною до Пресвѣтлѣйшого Монархи своего, ускаржаючися на ребелѣзантовъ своихъ, Мартина Пушкара, полковника Полтавского, и Якова Барабаша, полковника Запорожского, и просячи, аби оніи крамолники его Монаршимъ подлугъ обѣтници високимъ разсмотрѣніемъ были погамовани и ускромлени.—По которомъ челомбитю Виговского, виправлени заразъ зъ Москви отъ Пресвѣтлѣйшого Монархи нарочніи посланники, столникъ Иванъ Олфимовъ и дворянинъ Никифоръ Волковъ, до Пушкара и Барабаша въ Полтаву, зъ Монаршими грамотами упоминателними, чтоби они не бунтовалися, и Гетману Виговскому были послушними, и зо всѣмъ войскомъ Запорозскимъ въ любви и згодѣ аби зоставали. Лечъ ижъ тое напомнене Монаршое Пушкара и Барабаша не змягчило, и до згоди зъ Виговскимъ не приклонило, теди мусѣлъ Виговскій, утаеваючи свою надходящую измѣну, повторній разъ чрезъ гонца своего до Пресвѣтлѣйшого Монархи

Російского суплѣковати, и о ускромлене Пушкара и Барабаша, своихъ противниковъ, просити. По которомъ Виговского прошеніи учиненъ отъ Пресвѣтлѣйшого Монархи, Его Царского Величества; указъ околничому князю Григорію Григоріевичу Ромодановскому, зъ войскомъ Великоросійскимъ для ускромленя помененихъ противниковъ ити на Украину. Лечъ нимъ тіе Великоросійскіе войска собралися и на Украину зъ Ромодановскимъ прибыли, тимъ часомъ Гетманъ Виговскій ихъ лѣниво въ походъ вибираючихся недожидаючи, а на Пушкару и Барабашу вибите своихъ Сербовъ хотячи одомстити, и противенство ихъ усмирити, послалъ нарочно въ Кримъ до Хана, просячи отъ него себѣ скорихъ крилатихъ Ординскихъ помощниковъ; которіи въ десяти тисячахъ зъ началникомъ своимъ Карачъ-Беомъ, четвертой недели по Свѣтломъ Воскресеніи Господнемъ, и прибыли въ Чигринъ до Виговского. Виговскій теди заразъ зъ Ординцами своими войско козацкое зъ обоихъ сторонъ Днѣпра, на шестьдесятъ тисячъ, до себе притягнувши, и Днѣпръ предъ Вознесеніемъ Господнимъ преправивши, рушилъ зъ онимъ и зъ Ордою пречоченою до Полтави на Пушкара и Барабаша. А гди зо всѣмъ войскомъ онъ Виговскій притягнулъ до Соколлѣхъ, за двѣ мили отъ Полтави сущихъ байраковъ, предъ неделею Святою во второкъ мая 25; тогда и Григорій Лесницкій, полковнихъ Миргородскій, зъ царствующого града Москви прибывши, отдалъ Виговскому тамъ свое поселство, и при грамотѣ Монаршой до Виговского писанной, подалъ и другую грамоту до Пушкара упоминателную, жеби болшей не чинилъ колотнечи и склонился Виговскому до пріязни; но поневажъ тая Монаршая отъ Виговского до Пушкара въ Полтаву одосланная грамота въ затвердѣлихъ сердцахъ и непокоривихъ, Пушкаревомъ и Баребашевомъ, ничого помислного не изправила, теди Виговскій постановилъ непремѣнно, недожидаючися Ромодановского, браннимъ ору-

жіемъ онихъ возносящихся противниковъ своихъ уемирити, а кривду за Сербовъ и безчестіе свое, многокротне бранними и укорителними словами отъ Пушкара заданное, одомстити. Для чого мая 31, въ понедѣлокъ Тройчній, Орду подъ Соколлѣмъ байракомъ оставивши, самъ зо всѣмъ войскомъ рушилъ подъ Полтаву; прейшедши зась за Жуковскимъ байракомъ долину Полузоре, и оставивши на оной два полки Хмелницкого, затяжной пѣхоти Нѣмецкой, самъ ближей ку Полтавѣ рушилъ; прешедши тежъ знову долини отъ Жуковъ въ Полузоре котячіи и до Санжарова потягшіи, станулъ всѣмъ обозомъ своимъ на горѣ между селами Жуками и Рибцями, о милю толко отъ Полтави, протягнувши обозъ свой зъ гори помененной чрезъ долину, ажъ до Жученкового байраку. А Пушкаръ полкъ свой въ Полтаву стягненій имѣючи, любо предъ тимъ оказовался готовимъ до учинення бою зъ Виговскимъ въ полю, однакъ гди о близкости ку себѣ и потузѣ Виговского певную получилъ вѣдомость, тогда тоеи отваги своеи значне уменшивши, постановилъ былъ, невиходячи въ поле, чинити отпоръ и боронитися Виговскому зъ Полтави; але чернь, албо голота на одежду и разумъ, тую боязнь въ немъ Пушкару згаснила, и въ поле противъ Виговского війти принудила. Предъ свѣтанемъ теди за годинъ двѣ или полтори, війшолъ Пушкаръ зъ Полтави зо всѣмъ войскомъ своимъ коннимъ и пѣшимъ, во второкъ Святъ Зеленихъ іюня первого; и егда слонце зъ оцеяну златовидніе свои на свѣтъ почало простирати лучи, тогда абіе Пушкаръ нечаяно ударилъ крѣпко на обозъ Виговского, и неготовое до бою войско заставши, попудилъ и вигналъ оное все пречъ зъ обозу. Виговскій потимъ заразъ пришедши до справи, обернулся зъ своимъ всѣмъ войскомъ на Пушкара, и вигналъ оного тогда-жъ зъ обозу своего, и далѣй за нимъ почалъ былъ ку Полтавѣ наступовати; лечъ гди на тотъ часъ приспѣлъ зъ Полтави Барабашъ ку Пушкаровѣ зъ Запорож-

цами, тогда знову Виговского войско зломивши и пречъ оное прогнавши, цале обозъ Виговского зо всѣмъ опановали, и едни на лупахъ тогдашнихъ, а другіи пьяницѣ на куфахъ горѣлчанихъ засѣвши, не чаяли уже весма щастю своему отмѣни. Виговскій при такой двокротной своей отъ Пушкара конфузіи, влегцѣ и згола ни причомъ оставшися, всѣ достатки свои въ обозѣ своемъ отбѣгши, и по неволѣ Пушкаровцамъ оніе въ дуванъ оставивши, самъ чимъ найскорѣй до Орди удался, и оную зъ собою отъ Соколлихъ байраковъ взявши, и зо всѣмъ войскомъ Козацкимъ и зъ двома полками помененими Нѣмецкими совокупившись, приспѣлъ знову на Пушкара до опанованого обозу своего; где Нѣмци отъ Пушкаровихъ Дейнековъ кіями обезчещенніе, и нимало имъ двома полками немогучи постояти, зъ великою конфузіею утекли пречъ отъ единого полку Дейнецкого, и жадноu себѣ за службу нагороди отъ Виговского недожидаючись, пошли просто назадъ чрезъ Чигринъ въ свою Нѣмецкую землю. А Виговскій зъ Козаками и Татарами на несправное, въ обозѣ своемъ розгостившоеся зъ Пушкаремъ войско крѣпко ударивши, и превеликій бой учинивши, наконецъ зломилъ и поразилъ оное все наголову, на розніе сторони роспудивши и тамъ оніе подокончивавши. Въ якомъ бою Барабашъ зъ Запорожцами мало попрацовавши, а програнную свою певне увидѣвши, отлучился зачасу отъ Пушкара, и уйшолъ хочъ не зо всѣми Запорожцами своими назадъ до Сѣчи, жадноu ни отъ кого не мѣючи за собою погони.

Пушкаръ тежъ премного въ томъ бою працуючи и войско свое вспомагаючи, пріишолъ наконецъ до того, же и своей молодецкой, отъ едного доброго Козака отсѣченной, и на копіи до Виговского въ обозъ намета принесенной быти допустилъ главѣ. По такой щасливой Виговского надъ Пушкаремъ и Барабашемъ викторіи, мало въ обозѣ своемъ Виговскій отдохнувши, рушилъ абіе ку Пол-

тавѣ, и въ оную невозбранно уже вшедши, и огнемъ и мечемъ значне привитавши, останокъ ея сохранилъ въ цѣлости. Полтаву тую, которая отъ заложеня своего (еже бысть року отъ Рождества Христова 1608) чрезъ 49 лѣтъ квѣтнула, оголотилъ и изъ причини Пушкаревой до всеконечной тогда привелъ руини. Отъ іюня теди первого до четвертого числа въ Полтавѣ Виговскій преживши, рушилъ зъ Полтави въ пятокъ. А прежде рушеня своего зъ Полтави, отпустивши Карачъ Бея зъ Татарами въ Кримъ, позволилъ ему въ повѣтѣ Полтавскомъ ясиромъ наградити трудъ себѣ; якого ясиру гди множество набрано и на Полузори подъ Стасовцями звезено, а отъ толъ за Ворскло до Криму рушати уже было намѣрено, тогда войско Виговского Козацкое въ Полтавѣ за тое на него Виговского фукнувши, одержало отъ него позволене отняти ясиръ себѣ у Татаровъ; за которимъ позволенемъ до килконадцяти тисячи на конѣ добрихъ молодцовъ всѣдши, и на Полузоре помененое до Орди прибывши, сказали оной, жеби ясиръ ввесь отпустила на волю; а еслиби такъ не учинила, то заразъ зъ нею розбратъ учинити мѣли; що Орда, почувши и убоявшися, поневолѣ ясиръ увесь отпустила, а сама ни зъ чимъ до Криму помашировала. Виговскій въ помененій пятокъ, іюня четвертого, рушивши зъ Полтави, ночовалъ на Голтвѣ долинѣ; а переночовавши и полки сегобочніи отъ себе въ доми ихъ роспустивши, самъ зъ тогобочними полками рушилъ ку Днѣпрови и до Чигрина; роспускаючи зась полки, якъ сегобочніи, такъ и тогобочніи, приказалъ имъ быти во всякой поготовости до военной по измѣнѣ его быти мѣвшой окказіи. По такой зъ Пушкаремъ и Барабашемъ помислной росправѣ и прибытю въ Чигринъ Виговского, въ постъ Петровъ, прибыли на Украину войска многіе Московскіе, зъ околичнимъ и воеводою княземъ Григоріемъ Григоріевичемъ Ромадановскимъ, для усмиреня Пушкара, и подъ Прилукою недель зо три стояли. Но Виговскій о томъ увѣдомившися, писалъ

до Пресвѣтлѣйшого Монархи своего Російского доносячи, что уже противника свого Пушкара зъ войскомъ Козацкимъ и Ординскимъ смирилъ, погромилъ и Татаръ въ Кримъ отпустилъ; а войска Великоросійскіе яко уже не суть надобни, такъ жеби по указу Монаршому восвояси зъ Украини уступили: що тогда-жъ по прошеніи Виговского и по указу Монаршомъ исполнилося, же войска оніе отъ Прилуки ку Бѣлогороду повернули. Потомъ Виговскій боляй неправдою, зачать болѣзнь и роди измѣни своея беззаконіе; ибо склоняючися до корони Полской, яко Королевѣ Яну Казѣмѣру чрезъ пословъ своихъ учинилъ вѣдомо о щасливомъ подъ Полтавою надъ Пушкаремъ звитяжствѣ и о далшомъ намѣреніи своемъ, такъ и Орди болшіе отъ первихъ зъ Криму призвавши, и зъ своими полками Козацкими по обоихъ сторонахъ Днѣпра бывшими злучивши, знову зъ Чигрина рушилъ; и по Успеніи Пресвятоі Богородици мимо Лубнѣ прешедши, и зъ явною измѣною Пресвѣтлѣйшому Монарху своему оказавшися, вторгнулъ войною въ его Царскую державу подъ городокъ порубежній Каллилное чили Каменное; где сѣлскимъ людемъ мало що зашкодивши, а городка того добываючи и ничого оному учинити невозмогши, потомъ коло Веприка мало покрутившися, и ничого помислного себѣ несправивши, рушилъ зо встидомъ ку Гадячу, и станулъ не оподаль оного. Где заразъ прибыли до него Виговского отъ Короля Полского Яна Казѣмѣра присланніе посли и коммиссари, Беневскій по лѣтописцу Козацкому, чили Пнемевскій енералъ, которій и прежде при кончинѣ Хмелницкого и при постановленію Гетманомъ Виговского, яко прежде въ року 1657 написалось, въ Чигринѣ былъ. Тотъ убо человѣкъ, будучи въ рѣчахъ бѣглимъ и вихроватимъ, отъ августа числъ послѣднихъ до септеврія шестого, чинилъ зъ Виговскимъ и изъ войскомъ Запорожскимъ, при сторонѣ Виговского бывшимъ,

въ Гадячомъ коммисію и пакта покою, якіе на томъ состоялися, яко свѣдчитъ Твардовскій на листѣ 263.

1) Напредъ всего знести Унѣю, и прочь Римскую, а Грецкую терпѣти релѣгію. *Що такъ розумѣтися можетъ:* еже глаголетъ—знести впередъ Унѣю, то явное есть слово—отринути и уничтожити Унѣю, жеби оная между народами Рускимъ и Полскимъ не обрѣталася, и между Грекорускою и Римскою релѣгіею не расширалася. Аще рѣчеши ми, почто тако? отвѣтствую—того ради, яко аще двѣ тилко обрѣтатимутся релѣгіи, Грекоруская и Римская, то яко зъ Римскои до Грекорускои, тако зъ Грекорускои до Римскои мало хто, албо и отнюдь нѣхто приклонитися не похощетъ; аще же между онѣми двома, Грекорускою и Римскою, посредствоватиметъ Унѣя, то певне оттуду неменшая можетъ Православнимъ здѣлатися обида; ибо мнози Православніи подъ владѣніемъ Полскихъ Римляновъ обрѣтаючися, ради дигнѣтарствъ, гоноровъ и иныхъ всякихъ сегосвѣтнихъ маловременнихъ суетствій, восхотѣли би (яко и есть уже много) оставити отческое Грекоруское благочестіе, и сотворитися схизматиками унѣтами. А еже глаголетъ—и прочь Римскую, а Грецкую терпѣти релѣгію—тое можетъ разумѣтися, ижъ Поляки при Римскомъ, а Русь при Греческомъ исповѣданіи неуклонно, безъ жадного Унѣи посредствія зоставати мѣютъ. *Самойло Величко.*

2) Митрополитъ Кіевскій зъ чотирма Владиками своими, да имѣетъ мѣсце всегда въ сенатѣ корони Полской, а вѣчнимъ и найпершимъ войска Запорожского буде енераломъ и воеводою Кіевскимъ; войска тежъ компутового Козацкого не болше надъ шестьдесятъ тисячей быти мѣетъ. Другіи сенатори также зъ Руси повинни быти.

3) Церкви и кляштори старожитніе зо всѣми провентами да зостанутъ Козакамъ привернени. А жеби подъ завѣдованемъ не были свѣцкимъ, для того да имѣютъ свои академіи и науки, архиви и друки.

4) Все всѣмъ даровати и отпустити щире; аще жеби не было тако, то и примѣре розорвано и было би инако.

5) Податковъ до корони а нѣ иншой чіей уже, кромѣ самого Гетмана своего Козацкого, по обоихъ Украинахъ знати юриздикціей. Ему Гетману волно презентовати Королевѣ того, кого зъ Козаковъ своихъ нобиллѣтовати захощетъ; але жеби тое было въ своей мѣрѣ, для того сто особъ Гетманъ изберетъ зъ рейменту своего.

6) Обозовъ коронниxъ нѣякихъ на Украинѣ быти не мѣетъ, развѣ би для потреби прійшло ихъ туда затягнути, надъ которими самъ Гетманъ ихъ рейментовати будетъ; а стануги имъ по Королевскихъ и духовнихъ волостехъ, где уподобаютъ, волно будетъ.

7) При такихъ волностехъ и установленіяхъ волно будетъ ковати Козацкую монету, на заплату тилко Козацкому войску.

8) Ради между собою по согласію имѣти посполитіе, за которими би до самого Чорного моря Днѣпромъ могла отворитися навигація.

9) До войни тоей, иже отъ Москви Полщу уражатиметъ, Козаки належати не мѣютъ, но тилко дома своихъ границъ боронити должни будутъ; а если би свѣжо що съ провинцій къ Москвѣ было одорвано, и за трактатами слушними возвратити не похотѣно, то о тое сполними войсковими силами въ него мѣется доходити.

10) Тимъ всѣмъ корони Полской людемъ, которіи при Козацкой албо при Шведской сторонѣ зоставали, зъ добрами ихъ всѣми, гонорѣ ихъ имъ приверненъ, и которіи тимъ титуломъ роздани кадуки, будутъ знесени и вѣчне въ листахъ замазани.

11) Гетмановѣ Козацкому у Монарховъ посторонниxъ жадной не искати протекціи; тилко Королевѣ своему вѣрнимъ знати себе подданимъ.

12) Зь Кримскимъ панствомъ пріязливое имѣючи захованe, стерегтися не уразити и Монарху Московского; безъ отчистой тежъ шкоди до домовъ повернутися.

13) Мѣста, села и кгроди свои, и що колвекъ у кого въ той войнѣ такъ въ духовнихъ, яко и въ свѣцкихъ взято, назадъ отбѣрати; що жеби спокойне виполнилося, на тое Кролевскіе и Гетманскіе брати унѣверсали, и где похотятъ повинни мѣти и судити свои трибунали.

14) Также печатари, маршалки и иншіе дворовіе дигнитари, коронимъ подобніе, повинни мѣти.

15 Чигринъ при булавѣ Гетманской, яко и предъ симъ было, зостанетъ.

Для чего всего сеймъ въ Варшавѣ вскорѣ быти мѣетъ созванъ, где зъ обоихъ сторонъ пакта тіе себѣ поприсягнутъ. А для уищеня своего слова и скутечнѣйшого присяги тихъ пактовъ Гадяцкихъ потверженія, мѣютъ отъ Виговского присылатися на сеймъ зъ кождого полку товариство, зъ Тимофѣемъ Носачемъ, обознимъ енералнимъ, и изъ двома асаули.

По вираженю пактовъ онихъ Гадяцкихъ, рѣчь посполитую на Украинѣ Малоросійской поставляючихъ, прилагаетъ Твардовскій и сіе: ижъ всуе обидвѣ изби сеймовіе коронніе на тое были уложилися и сфорцовалися, аби не было такъ у Козяковъ, якъ Гадяцкими пактами постановленно, когда противніе имъ въ томъ были небесніи сфери, ижъ иначей быти не могло, тилко такъ якъ уже постановлено. Доситъ на томъ Козакамъ, же ся о томъ нѣкому не кланяли, а не чрезъ злото куплею, а ни чрезъ иншіе жадніе дворовіе фавори того гонору и шляхетства доступили; лечъ чрезъ мужественное сердце и шаблю того ся добыли, чимъ теперъ зоставаютъ. Меншая то есть, же они были хлопи, а теперь суть шляхта, бо предъ тимъ Македонове и грубіи Долiопи были такими; Римляне тожъ зъ пастуховъ повстали, и Турки зъ розбойниковъ па весь свѣтъ главу показали. Да и наши (мовитъ) Поляки не впередъ зо-

стали шляхтою, але чрезъ кровь и отваженное здорове, тое шляхетство собѣ заробили; и непрожное негдись пророчество въ жартъ было Стефаново — же зъ тихъ лотриковъ Козаковъ мѣла быти волная рѣчь посполита, яко южъ и есть теперь знаменита, и добре споряжена. Але смотря по зухвалости черни войсковой, не могу (мовитъ Твардовскій) того тушити, жеби долго въ тимъ порядку трвала.

Особно зась на той коммисіи Гадяцкой, кромѣ онихъ вишписанныхъ пунктовъ, тое договорено и постановлено, же Козаки, зъ Виговскимъ и Татарми злучившися, мѣли отъ Путивля тягнути войною въ державу Великоросійскую. И еще тіи коммисари зъ Гадяча до Короля не повернулися, а въ Литвѣ Гонсевскій, Гетманъ Литовскій, зъ войскомъ своимъ противъ войскъ Російскихъ, зъ княземъ Долгорукимъ въ Литвѣ бывшихъ, застановлявшійся, зосталъ хитро Росіянами пойманъ, и въ Вилнѣ (где зоставалъ значній кгварнизонъ Московскій) до вязеня посаженъ. О чомъ Король Полскій довѣдавшися, зачинаетъ зъ Росіею явно войну, которая по тое время утаевана была въ него Виленскими пактами, зъ обѣтницею короны Полской Государу Російскому; и для того Сапѣгу зъ войскомъ Литовскимъ и Гетмана Великого коронного зъ войскомъ Полскимъ, виправилъ въ Литву противъ войска Московского. Князь прето Долгорукій о томъ довѣдавшися, а зъ замковъ Литовскихъ свои презедія поздіймававши, тилко самій Вилень крѣпкимъ кгварнизономъ осадивши, цофнулся зъ Литви ку Борисову и далѣй до рубежовъ Російскихъ. Виговскій зась коммисію и пакта Гадяцкіе заключивши, пословъ Кролевскихъ назадъ отправивши и самъ въ Чигринъ прибывши, роспустилъ войска свои въ дома ихъ.

Такій початокъ измѣни Виговского Пресвѣтлѣйшій Государъ Царъ Російскій Алексѣй Михайловичъ увидѣвши, заслалъ указъ свой князю Ромодановскому, аби знову зобравши войска свои, рушалъ на Украину и смирилъ парти-

зантовъ Виговского. Князь теди Ромодановскій войско значное стягнувши, а отъ Бѣлагорода рушивши и Дейнсковъ преречонихъ Пушкаревихъ отъ погрому Виговского поосталихъ, и знову цѣлій полкъ наполнившіхся до себе призвавши, и рѣку Псіолъ прешедши, вдарилъ на Миргородъ; которій безъ оборонній заставши, и жителей его всѣхъ зо всего имѣнія ихъ визувши и цале голими учинивши, до Лубень потягнути изволилъ. Лубенскій полковникъ Павло Швець зо всѣми Лубенцями своими о такихъ ку себѣ гостяхъ провѣдавши, аиле будучи партизантами Виговского, зъ имѣніями своими якъ мога забравшися, війшли прочъ зъ Лубень, и врознь, куда очи, розволоклися, самое въ Лубняхъ покинувши убожество.

Ромодановскій теди до Лубень притягнувши, и ничого въ нихъ незаставши, спалилъ ихъ до щенту, кромѣ единой Святой Троецкой церкви, и удался по чіемусь извѣту до монастиря Мгарскаго Лубенскаго; где на виноградѣ многихъ заможнихъ людей скарбецъ замурованній войско его знайшедши, между собою рожжаковало; тоежъ полатѣ монастирской и всему наконецъ монастиру, кромѣ тилко единой великой церкви учинилося, аще би онои самъ Ромодановскій не оборонилъ, и войска драпѣжного отъ того рабунку не отвернулъ. По зрабованю монастира Лубенского и по спаленю всѣхъ Лубень, увѣдомившися Ромодановскій, же Гуляницкій, полковникъ Нѣжинскій, по ординанцу Виговского собравшися зъ своимъ полкомъ, также зъ Петромъ Дорошенкомъ, полковникомъ Прилуцкимъ, и зъ полковникомъ Чернѣговскимъ Оникіемъ Силичемъ, идетъ противъ ему, рушилъ зъ Лубень ку Пирятину, где на рознихъ мѣсцахъ зъ Гуляницкимъ и другими преречоними полками зходячися, и бой значній чинячи, а ничого единъ другому непорадивши утиснулся Ромодановскій зо всѣмъ войскомъ своимъ въ Пирятинъ. Гуляницкій засъ зо всѣми преречоними полками отъ Пирятина рушив-

ши, увойшолъ до Варви, городка полка Прилуцкого, и тамъ на далшій противъ Ромодановского промислъ военній пріуготовлялся. Такожъ полковникъ Козацкій Иванъ Донець полкъ пѣхоти Московской отъ Ромодановского себѣ врученній имѣючи, по ординанцу Ромодановского отъ Пирятина до Чорнухъ, города полку Лубенского, удался; где мало попрацовавши и людей тамошнихъ всѣхъ до нага злупивши, повернулъ до Пирятина къ Ромодановскому. Ромодановскій по фатигахъ бывшихъ зъ Гуляницкимъ военнихъ въ Пирятинѣ отдохнувши, и оній зо всего весма обнаживши и огнемъ повредивши, рушилъ предъ Святимъ Михаиломъ на Гуляницкого ку Варвѣ.

При такихъ нещасливихъ и губителнихъ на Украинѣ, зъ причини Пушкаревої и Виговского, поведеніяхъ и дѣйствіяхъ, нещнотливіи сынове Дейнеки помененіи, съ ними же купно и Козаки Слободскіе за позволенемъ Ромодановского, где напали городки и села Украинскіе, то безъ жадного респекту и милосердія шарпали и обдирали, и не безъ убійства людского все руйновали и внѣвецъ оберталн. Прибывши зась Ромодановскій ку Варвѣ, спробовалъ тамъ зъ Гуляницкимъ щастя военного, лечь ничого помислного зъ нимъ не вскуралъ; тое тилко вскуралъ, же на болшое препятіе и помѣшане Виговского интерессовъ и намѣреній, поставилъ тамъ подъ Варвою нового Гетмана.

Первый на сей сторонѣ Днепра Гетманъ Иванъ Безпалій, року 1658.

Ибо увидѣвши онъ, князь Григорій Григоріевичъ Ромодановскій, зъ войсками Великоросійскими, яко прежде виразилося, въ Миргородѣ, въ Лубняхъ, въ Пирятинѣ и на инших мѣсцахъ грассуючій, и зъ партизантами Виговского полковниками вишписанними на розниху мѣсцахъ войною росправуючися, же ани Виговскій, ани его партизанти склоняются до союзу и вѣрности Великому Государу Російскому; видячи тежъ и тое, же войско Запорожское городо-

вое на двое ся розділяеть—едни хотячи зоставати подъ короною Полскою придержатся сторони Виговского, и зъ нимъ сполне, прошлого місяця септеврія, при послахъ и комисарахъ Королевскихъ въ Гадячомъ постановили и заключили пакта свои зъ короною Полскою, хотячи зъ оною непремінно подлугъ тихъ пактовъ въ союзі зоставати; другіе, зась желаючи при непозиблемой вірности подъ Православнимъ Російскимъ зоставати Монархомъ, обрітаются при боку его Ромодановского—усмотрілъ за благо въ помененномъ Козацкомъ, при немъ Ромодановскомъ бывшомъ войску и всей сегобочной, яже отъ Переясловля, Ураині, иного учинити Гетмана. Якую волю свою гди ознаймилъ и предложилъ войску Козацкому, теди оное благодарно тотъ совітъ отъ князя Ромодановского принявши, избрало зъ между себя и постановило себі Гетманомъ значного товариша войскового Ивана Безпалого, подъ Варвою ноеврія числъ послідниxъ; которого князь Ромодановскій, тамъ же подъ Варвою, превисокимъ именемъ и словомъ Монаршимъ и потвердилъ на тотъ Гетманскій урядъ. Онъ теди Безпалій первимъ сегобочнимъ зоставши Гетманомъ, а міючи при себі войска Козацкого зъ розниxъ полковъ собравшагося до килкохъ тисячъ, придержался боку Ромодановского и иниxъ князей Російскихъ, якъ вовкъ кожуха, боячися на сторону нимало отдалитись, даби не попалъ въ руки Виговского. Въ тимъ часі, гди прибыла до Гуляницкого ку Варві присланная отъ Виговского Орда, теди нечаянно и кріпко на Ромодановского ударивши, и значній ущербокъ въ войску его учинивши, набавила его превеликимъ страхомъ; для которого онъ Ромодановскій, о своей звонтпивши цілости, цофнулся отъ Варви до Лохвици, а не безъ великои трудности и не безъ значного въ томъ маршу въ людехъ своихъ ратниxъ, отъ Орди и Козаковъ Гуляницкого, урону, декаврія второго въ ночи, третои години, заледво ускробалъ въ Лохвицу зъ новимъ Гетманомъ Безпалимъ.

РОЗДѢЛЪ IV.

О благополучіи Шведскомъ надъ Дунчикомъ; о скорби зъ того Полякомъ; о неданю помочи отъ нихъ Дунчиковѣ; о конвокаціи Варшавской; о корреспонденціи до Поляковъ Турецкой и Татарской, Росіяномъ непріязной; о желаніи листовномъ, и о гонцу королевскомъ къ Москвѣ; о повторномъ щастю Шведскомъ надъ Дунчикомъ, со взятемъ инсули Фѣоненской зъ премногими богатстви; о наклоненюся Дунчика до трактату зъ кондиціями ему прикрими; и о войскахъ Цесарскихъ затяжнихъ, Полякамъ тяжкихъ и много себѣ на нихъ денегъ претендовавшихъ; о отмѣнѣ Шведскомъ желанія своего о покой зъ Поляки, и погрожка на Цесарію; о желаніи Брандебурщиковомъ войска Полского противъ Шведовѣ, и о великой недишкреціи Цесарчиковъ на кватерахъ у Великополяновъ; о сеймику Полскомъ въ Средѣ; о зъѣздѣ тамъ шляхти отъ Цесарчиковъ обиженной, и о отвѣтѣ имъ Королевскомъ; о указѣ Королевскомъ до Цесарского Фелтмаршала, и о отвѣтѣ его Королю неполезномъ; о валномъ Варшавскомъ сеймѣ при послу Московекомъ; о препонѣ ему для тривоги Шведской, и о конченю его; о рушеню Шведскомъ зъ Данѣи; о возношенюся его зъ фортуни своей; о намѣреніяхъ его далшихъ; о погрожцѣ князямъ Курляндскому и Брандебурскому, и отмѣнѣ его щастя и факціи зъ сторони Цесарской; о трохъ вѣдомостехъ у Поляковъ, двохъ невеселихъ, а третой радостной отъ Виговского, же поддается подъ корону, и Пушкара Полтавского розгромилъ уже.

Во время таковихъ (яко вишей о Пушкару и Виговскомъ виразилося) нещасливихъ и плачевнихъ на Украинѣ

начинаній, принесена чрезъ Гнѣнского, посла Лядского (яко свѣдчитъ Твардовскій), до Короля Полского Яна Казѣмѣра невдячная отъ Дунчика новина, же Король Шведскій послѣ кленски Дунской поправившися, взаемъ Дунчика военною фортуною нахилилъ, и до великои приправилъ руини; бо подъ Фридризодемъ нагнавши его войско, взялъ тамъ сто штукъ арматъ Дунскихъ зо всею его пѣхотою; для якои поражки нетилко превеликіе въ Королевствѣ и провинціяхъ Дунскихъ учинилися трвоги, але и малъ не три цѣліе провинціи, то есть Голштинскъ, Слесвѣцкъ и Ютландъ отторгнулися отъ него Дунчика. Самъ зась любо есть паномъ около морского брегу, однакъ такъ значне отъ Шведа будучи ущербленній, просилъ прилежно себѣ отъ Поляковъ о скоріе и достаточніе войсковіе посилки; бо еслиби иначей было, то муситъ онъ, Дунчикъ, хочь при неслушнихъ способахъ и кондиціяхъ зъ Шведомъ прійти до згоди. Якая вѣдомость велце тогда Поляковъ засмутила и нѣби мечемъ проразила, слышачи таковое Шведское надъ Дунчикомъ благополучіе. По якой вѣдомости заразъ Король Польскій зъ сенаторами своими совѣтовалъ, яковимъ би способомъ тому благополучію Шведскому въ далшой на Дунчика войнѣ учинити препятіе; по которомъ совѣту любо заразъ онъ, Король Полскій, заслалъ въ третій разъ ординанцъ свой войскамъ своимъ ити въ Померанію; однакъ для наступившой тогда зими, зъ превеликими снѣгами и морозами, войскамъ Нѣмецкимъ зъ кватеръ зимовихъ и издебъ теплихъ, а Великополянамъ зъ домовъ своихъ виходити и въ Померанію машировати не схотѣлося. За тимъ станула въ Варшавѣ конвокація, албо становъ Полскихъ созваніе, на которой совѣтовано, кому далѣй боронитися, албо принаймнѣй, въ якую сторону вивести зъ дому Полского войну оную, чрезъ которой би продолжене корона Полская до крайней не пришла руини и изнищенія. Постановлено теди на той Варшавской конвокаціи до марта 20 пождати, на остатную

резолюцію Короля Венгерского, между Поляками и Шведомъ миротворцемъ бывшого; а ухвалено притомъ на Москву повстати войною, если би усиловала допинати своей элекціи о корону Полскую. Звлаща когда и Ханъ Кримскій чрезъ листъ свой ознаймовалъ, ижъ для лутшого коронѣ Полской, зъ Козаками згодился, и сполне зъ ними на Москву воевати хощетъ, до которои компанѣи и Поляковъ взиваетъ; а къ тому и самъ Турчинъ, явственій врагъ Христіянскій, прирожоную ку Росіяномъ имѣючи злобу, писалъ до двору Королевского, прекладаючи лигу зъ Москвою желѣзомъ розсѣкти, и виражаючи, же не можно имъ Поляко́мъ мѣти разомъ его Турчина зъ Москвою себѣ за пріятеля; аби теди обидвѣ пріязни, Московскую и Турецкую, Поляки на вагу разума своего зложивши, едну зъ нихъ себѣ потребнѣйшую избрали, и до него вскорѣ отвѣтъ о томъ учинили. Особно тежъ Литва на тую Варшавскую конвокацію приславши трехъ пословъ своихъ, предлагала паномъ короннимъ тое, поневажъ не могутъ и не хотятъ боронити, то муситъ оная, для своей далшой цѣлости и тишини, склонитися и на вѣки поддатися подъ владѣніе и протекцію Великому Государу Цару Московскому.

По яковихъ Литовскихъ предложеніяхъ, Король Полскій зъ сенатомъ на всѣ стороны озираючися, и шкодѣ Литовской отъ Росіянъ наступовавшой запобѣгаючи, послалъ нарочно гонца до Великого Государа Московского зъ грамотою своею, вимѣраючися, же не зъ его причини до того времени провлекся соймъ повшехній, дѣла короннiе зъ Государствомъ Російскимъ укончити мѣвшій; и деклярyючи, же скоро колотнечи Шведскіи въ Полщѣ успокоятся, то заразъ онъ Король зъ сенаторами соймъ поменений учинитъ, и дѣла зъ Росіянами надлежащіе до щасливого постарается зъ пилностію на ономъ привести скутку. Шведскій Король по щасливой прешлой надъ Дунчикомъ виграной, озмѣвши въ Голштейнѣ, не тратилъ даромъ часу; бо

скоро море тамошное крѣпкимъ замуровалося ледомъ, онъ заразъ зъ Голштейна зъ войскомъ и арматою своею рушивши ледомъ, и пребывши Белтъ, по которому зъ давнихъ вѣковъ волніе корабли пливали, а безъ лодѣ жадною мѣрою нихто тамъ не моглъ достигнути, достигнулъ нечаянно инсули Феоненъ нарицаемоії, зъ градомъ ея крѣпкимъ и богатимъ Оденсомъ, до Королевства Дунского надлежащимъ, и наполнилъ превеликимъ страхомъ тамошнихъ мешканцовъ; которіи любо крѣпкій градъ свой и въ немъ армати и войска до оборони зъ потребу имѣли, однакъ несподѣваного Шведского пришествія зѣло устрахнувшися, безъ жадного бою ему поклонилися и брами градскіе отворили. Въ которомъ градѣ Король Шведскій яко окрентовъ купецкихъ знаменитшихъ, такъ премного инншихъ спрятовъ и богатствъ застанулъ, мало не зо всей провинціи тамошней туда звезенихъ. Тамъ Король Шведскій обогатившися, и взявши зъ града оного три тисячи доброго войска, также шляхти и Кролевскихъ совѣтниковъ пятьдесятъ человѣка, тимъ же ледомъ морскимъ, безъ жадного встрепту и перепони отъ Дунчика, рушилъ зо всѣмъ войскомъ до Копенгагу столици Дунской, хотячи въ немъ доставати Короля Дунского; о чомъ Король Дунскії зачасу провѣдавши, уступилъ зъ Копенгагу на Зунтъ, и мусѣлъ чрезъ посла Ангелского просити Короля Шведского о покої и трактатъ, якії и состоялся на томъ:

1) Же Брамберскіе маютъ на своимъ мѣстцу зоставати, а Кролеве обадва сполне зъ собою заключаютъ покої на вѣки не взрущонії, и жаденъ зъ нихъ безъ вѣдома и согласія зъ собою нѣзкимъ еднадитися не мѣютъ.

2) Жаднихъ целъ и митъ окренти Шведскіе не мѣютъ давати въ Зунтѣ Дунскомъ.

3) За Слесвѣцкъ и Голштейнъ чрезъ Шведа недавно взятій, мѣетъ Дунчикъ Шведовѣ въ замѣну дати Голлюндъ, Блейхенъ и Схоненъ зъ Бернголскимъ краемъ, Дронтгеймъ

гдесь въ Норвергіи, а надъ то зъ войска своего Дунского двѣ тисячи пѣхоти и двѣ тисячи конници дати; чому всему найближшій термѣнъ обидвѣ сторони въ мѣсяцю маю назначили и утвердили. Якій покой свой Дунчикъ зъ Шведомъ подъ тяжкими себѣ кондиціями мусѣлъ заключити, не мѣючи отъ Поляковъ въ своей отъ Шведа тѣснотѣ жадного вспоможеня. Поляки зась хочъ ради были учинити помощъ Дунчиковѣ, но не учинили для того (яко вишей намѣнилося), же войска помочніе Нѣмецкіе Цесарскіе не послухали ординанцу Короля Полского, и не похотѣли рушити зъ кватеръ зимовихъ на войну въ Померанію Шведскую; и якоби найболшей хотячи мешкати въ коронѣ Полской, отшукали саміе енерали зъ домовъ до себе жони свои, и зъ ними на кватерахъ роскошуючи, не мислили ихъ потоль до дому отпустити, поколь би имъ отъ Поляковъ за чтири мѣсяци денги кормніе, лановіе, надъ иншіе многіе шляхтѣ драпѣжства и обиди, якихъ болшей миллѣона шацовано, и за всю ихъ службу могло стати въ награжденіе, не были уищени; якою суммою саміе тилко збогатилися голови и началники, дарма въ Полщѣ ядячи и пючи, зъ людскимъ крайнимъ обнищеніемъ.

Король тежъ Шведскій любо искалъ прежде зъ Поляками мира, однакъ благополучіемъ надъ Дунчикомъ ему станулимъ вознесшися, отмѣнилъ свое почасти о покои зъ Поляки желаніе; и нетилко Полякомъ, но и медіяторовѣ своему, Королю Венгерскому, и цѣлому зъ нимъ Цесарству погрозилъ войною. Въ чемъ всемъ непомалу упевнялъ его Французъ, намѣраваючи свою противъ Цесарства зачати войну; до якои и Турчинъ согласуючи, прешкожалъ элекціей и коронаціей совершитися Цесарской, виступивши зъ войсками своими зъ Стамбулу до Кроаціи. Брандебурщикъ тежъ такое Шведское увидѣвши благополучіе а Полскіе недостатки, и запобѣгаючи своей руинѣ отъ Шведа, близко будучи огня оного, если би мѣлъ простовати до

Поляковъ чрезъ его Прускую державу, просилъ Поляковъ, аби войска свои на границѣ, его недотикаючись, на часъ недолгій задержали, обѣцуючи ихъ своимъ провіянтомъ контентовати, и противъ наступленія Шведского зъ ними совокупившися застановлятися.

Войско Цесарское по указу Королевскому любо рушило было подъ Межибожъ, однакъ знову на зимовіи свои кватери повернувши, не хотѣло зъ нихъ виступати, хочай уже и теплота лѣтняя его тамъ была розогрѣла, и овшемъ такъ въ тихъ кватерахъ роскошилися, же не было въ чиненю обидъ Полякамъ разнствія между Шведами и Цесарчиками; поневажъ отъ всѣхъ спрятовъ господарскихъ ключи поотбѣравши, всѣми добрами ихъ были завладѣли, а господари власніе зъ нужди и нищети отъ домовъ своихъ на сторону удалятися мусѣли. Токмо енералъ Зуза зъ пѣхотою Цесарскою, зъ кватеръ своихъ и зъ партіею войска Полского рушилъ подъ Торунь, и учинилъ въ немъ Шведамъ не малое утѣсненіе; а другіе войска Цесарскіе отъ мѣсца на мѣсце преходячи, и великое знищеніе и разореніе Великополяномъ и домамъ шляхецкимъ чинячи, бинаймнѣй на ихъ бѣдствіе не респектовали.

Король прето Полскій Янъ Казѣмѣръ назначаетъ въ въ Средѣ сеймикъ, на которій много зъѣхалося шляхти знужнѣлой, просячи его Королевского себѣ респекту, и въ тихъ отъ Цесарского войска отягощеніяхъ и разореніяхъ заступленія и облегченія; изволяючи лучше совокупитися въ войско до боку Королевского, и стояти противъ общаго непріятеля отчизни своея, нежели болшей зоставати подъ недишкретнимъ драпѣжствомъ жолнѣровъ Цесарскихъ. На що таковій Королевскій одержали отвѣтъ: жеби еще мало тоей нужди потерпѣли, гди-жъ если би войска Цесарскіе отъ нихъ уступили, то на ихъ мѣсто абіе Шведи могли би наступити ку болшому ихъ разоренію.

Еднакъ же учинилъ Король ординанцъ свой горячій

до Монтикукули, фелтмаршала Цесарского, аби въ лучшой дисциплинѣ заховалъ свое войско, и не былъ такъ уприкронимъ повѣтамъ тамошнимъ, и аби взявши тамъ провіянтъ, рушалъ до боку Королевского; для якого провіянта зобраня и виданя, также сполне зъ Монтекукулемъ и судовъ войсковихъ отправованя, посланъ отъ Короля комиссаръ Старковицкій. По якомъ ординанцу любо Монтекукулій ку Королю Полскому оказался поволнѣйшимъ, и заразъ виправилъ Румеръ магистра своего зъ партіею войска, жеби тихъ грабовниковъ своихъ нощними чатами безъ ордеру по селахъ ездячихъ ловилъ и каралъ безъ жадного милосердія; однакъ таковій до Короля учинилъ отвѣтъ: же зъ людомъ Цесарскимъ неповиненъ въ державу Шведскую вступовати, и до войни далшой задатокъ чинити, но коронѣ Полской обороною быти, и въ ней, аще непріятель прійдетъ, военное дѣло отправовати. Въ тимъ часѣ собирается въ Варшавѣ сеймъ валній, и на ономъ, найбарзѣй по горочомъ желанію Литовскомъ, предлагаются пакта Виленскіе, элекцію Государа Московского до корони Полской въ себѣ имѣвшіе; для чого и великій поселъ Московскій на самій того сейму початокъ приспѣлъ до Варшави. Лечъ гди въ томъ же разѣ пришла Королю Полскому вѣдомость, же и Шведъ отъ Щетина рушивши, поспѣшаетъ на тотъ сеймъ Варшавскій; теди знову пакта оніе Виленскіе до часу слушного на сторону отложивши, началъ промишляти о оборонѣ своего панства; поневажъ въ тоежъ время подъ Пуцкъ, Кгданску прилеглій, зъ пострахомъ семъ арматнихъ окрентовъ Шведскихъ было приплинуло, але респонсъ противній арматній зъ Пуцка одержавши, назадъ ни зъ чимъ отвернуло; потимъ подъ Пилявою лонду достигши, и Прускимъ фортецамъ, въ нихъ же бяху Шведи, свѣжой Шведской пѣхоти додавши, знужѣлую въ нихъ собѣ въ кораблѣ забрали. Потомъ когда о Королю Шведскомъ инакшая певнѣйшая

у Поляковъ полученна вѣдомость, же онъ при своемъ благополучіи зъ Данѣи рушаючи (кгди и часъ власне приспѣлъ тому) и силамъ своимъ дуфаючи, хотѣлъ оніе зъ арматою на три части роздѣлити: зъ первою болшою частю до Жмудѣ Дукгласа виправовалъ, обославши перво князя Курляндского своимъ писмомъ, виражаючи въ немъ тое, ижъ яко есть цѣлого Балтицкого моря паномъ, такъ аби ему свои порти, у того моря Балтицкого сущіи, онъ Курляндчикъ попродалъ или отпустилъ на замѣну; бо если на едной зъ тихъ кондицій не престанетъ, и кгварнизоновъ его Шведскихъ тамъ не впуститъ, то и поневолѣ на то позволити муситъ. Также Брандебурщика о недотриманную зъ нимъ пріязнь своимъ строфовалъ писаніемъ, виражаючи въ немъ и тое, же можетъ оная пріязнь зновъ направитися, если онъ Брандебурщикъ премѣнитъ и отставитъ свою зъ Поляки заключенную ликгу, а до него пристанетъ; для чого обѣщалъ ему Брандебурщику остатокъ въ заставѣ дати своего Поморія и Прускую Пиляву, и войскомъ зъ нимъ своимъ роздѣлитися, тилко жеби онъ на той кондиціи преставши, и неутралистою на обѣ сторони зоставши, не зборилъ ему пассовъ чрезъ свою Прускую землю до Полщи, а если би было иначей то нехай уважаетъ кого розгнѣвити маетъ. Якожъ самъ онъ Король Шведскій зъ Фѣнляндчиками своими, по такомъ одозву, заразъ и простовалъ въ державу Прускую до старой Мархіи; а Штеимбока зъ арматою и зъ Дунскими райтари преправилъ чрезъ Элбу подъ Бремефордъ и Галберштадъ, маючи несумѣнную надежду, же скоро тамъ внійдетъ, то заразъ между Решею тамошною пожаръ воспалитъ, и отъ превротной Лютеріи тамошной свою утвердитъ потугу, которая барзѣй къ нему Шведу Лютерану а нежели къ своимъ панамъ была склоннѣйша; наветъ и изъ самихъ вождовъ войсковихъ Австрійскихъ, тоей же Лютеранской секти бывшихъ, желаючи его своей сектѣ мѣти за оборонцу, отзивалися зъ тимъ въ голосъ, же воевать противъ его не мѣли. Однакъ

надъ сподѣване зрадило его тое; бо скоро синъ Цесарскій Кроль же Венгерскій зосталъ электомъ корони отчой, то заразъ Французскіи помѣшавши факціи, отъ всѣхъ княжатъ и электоровъ своихъ привлеклъ въ такое зъ собою согласіе, же сполними войсками и силами не допустити ему Шведу распростиратися, а ни ногою въ Римскіе уступити границы; знаючи тое добре по немъ, же не о релѣгію Лютеранскую ишло ему, але подъ тимъ видомъ, щоби колвекъ досталося рукъ его, не отпустилъ би уже назадъ того. О якомъ маршу и намѣренію своемъ Шведъ любо мислилъ тое, же уже Поляки противъ ему не возмогутъ собратися и ополчитися, однакъ осуетился въ той мисли своей; поневажъ Поляки за первою непевною о его ку себѣ отъ Щетина маршу вѣдомостю, любо отложили были валній сеймъ свой Варшавскій, наченши промишляти о встрентѣ и отпорѣ непріятелевѣ своему; однакъ вскорѣ познавши вѣдомость тую быти фалшиву, сеймъ тотъ непремѣнно отправовали и кончили. При которого конклюзіи три певніе Полякомъ принесени вѣдомости: первая, же значній флотъ Шведскій войною подплинулъ до Кгданска, которому туда на помощъ мусѣли певную часть своего ординовати войска; другая зъ Украини, же новій Гетманъ Козацкій Виговскій прислав своихъ пословъ до Короля въ Варшаву зъ такою декляраціею, же цале Россійскій союзъ и протекцію омерзѣвши и отринувши, хощетъ по прежнему зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ подъ державу корони Полской, обаче при древнихъ правахъ и волностехъ своихъ зоставати, и зъ оною сполне потраченихъ и въ попелъ оберненихъ собстанцій своихъ доходити; на доводъ чого уже и Пушкаренка противного и волѣ своей несогласуючого, полковника Полтавского, зъ войскомъ его подъ Полтавою розгромилъ и поразилъ наголову. Третая зъ Вилня отъ Коммиссаровъ Полскихъ, которіи тамъ были зъехалися зъ послами Московскими, упоминаючися у Царского Величества о виполненю скуткомъ тихъ кондицій,

якіи прошлорочнимъ Виленскимъ трактатомъ были договорени и постановлени, и декляруючи, за виполненемъ онихъ, непремѣнно его Царского Величества зъ сторони своей Полской уконтетовати короною; лечь нжъ тіи прошлолѣтного оного Виленского трактату кондиціи Пресвѣтлѣйшому Всеросійскому Монарху явилися непріятними, того ради и послове Полскіи и Московскіи зъ Вилна во свояси розъехалися, и покой оній, прошлорочнимъ трактатомъ Виленскимъ заключенній, прійшолъ зъ Поляки и Литвою до розерваня. Страшная теди абіе зъ сторони Московской на Литву надѣется война и трвога, для которои и войска Литовскіе въ собраніи для Шведа уже у Висли бывшіе, назадъ въ Литву ку Немну повернули, и Виговскому послана вѣдомость, аби зъ Ордою, давно Росіяновъ воевати желавшою, учиненій закрѣпилъ союзъ свой, для наступаючой войни ихъ Полской зъ Росіянами.

РОЗДѢЛЪ V.

О тривозѣ въ Литвѣ отъ Москви, а въ Гданску отъ Шведа; о повторной тѣснотѣ Дунчиковой отъ Шведа, и о суккурсѣ Цесарскомъ, Полскомъ и Брандебурскомъ Дунчиковѣ; о добуваню чрезъ Поляковъ Торуня зъ Шведами, о склоненюся Торунскомъ до покою; о прибытю туда Короля Полского зъ Варшави, и о уложеню поборовъ тяжкихъ на заплату войску Полскому.

При такихъ состояніяхъ и тривозѣ въ Литвѣ отъ Москви, принесена до Короля Полского вѣдомость, же значній флотъ Шведскій моремъ Балтицкимъ, поплинулъ до Кгданска, которому на суккурсъ, любо войска Полскіе зъ Це-

сарскими были наименовани, однакъ за отмѣною тоей вѣдомости не послано; бо Король Шведскій перестереженъ будучи въ томъ, же скоро би війшолъ зъ Даніи, то заразъ Король Дунскій, Голендерскимъ тогда духомъ надхненій, мѣлъ противъ ему ребеллѣзовати и пакта свои розорвати; для чого Король Шведскій на обману и пострахъ Прусамъ, виправилъ до нихъ подъ тридесятъ порожнихъ окрентовъ своихъ; самъ зась зъ кватеръ своихъ Дунскихъ зо всѣмъ войскомъ рушивши, приспѣлъ нечаянно до Копенгагу, столици Дунской, и облеглъ въ немъ тѣсно Короля Дунского; въ которой тѣснотѣ Дунчикъ себе увидѣвши, послалъ чимъ найскорѣй посланца своего до Цесара Христіянского, просячи его, аби памятствуючи на слова свои при Королю Полскомъ ему предъ тимъ мовленніе, благовременно и якъ мога старался его зъ тоей тѣсноти и небезпеченства Шведского уволнити.

Якое горячое прошеніе Дунчиково Цесаръ тогда новій виполняючи, а явную уже войну зъ Шведомъ зачинаючи, заслалъ абіе ордеръ свой до Монтекукули, фелтмаршала своего, аби заразъ зъ войсками Цесарскими зъ корони Полской виступивши и зъ Брандебурщикомъ знесшися, ишолъ зъ нимъ сполне на отсѣчъ Дунчиковѣ. А енералъ Цесарскій Зуза, зъ войскомъ Цесарскимъ и Полскимъ, добывалъ тогда крѣпко Торуня, при сторонѣ Шведской зоставати хотѣвшого и кгварнизонъ Шведскій въ себѣ имѣвшого; и любо значне оній зъ арматъ руйновалъ, и бомбами въ посродъ ринку ломалъ Торунскіе дахи, однакъ Шведи отъ Короля своего помощи ожидавшіи, хочай голодъ, хороби, и отчасти повѣтре моровое тамъ ихъ утѣсняло, крѣпко при упорѣ своемъ стояли, сполне зъ Торунянии; а наконецъ отчаявшися себѣ суккурсу, одозвалися до паролю, тилко ни зъ кимъ инщимъ, но зъ самимъ Королемъ Полскимъ хотячи о покой трактовати. Король теди Полскій, таковою непевною вѣдомостю заведеній, взявши съ собою

великого маршалка своего, зъ партiею войска его, рушилъ отъ Варшави ку Торуню першихъ дней септеврiя, усеймовавши первѣе въ Варшавѣ, на заплату войску кварцяному а на знищеня крайное шляхецкого стану, тридцять три лановихъ поборовъ.

РОЗДѢЛЪ VI.

О одозвѣ Запорожскомъ листовномъ до Виговского, ганячи ему измѣну его.

Заслишавши и увидѣвши явно войско Низовое, же Виговскiй Гетманъ измѣнилъ Пресвѣтлѣйшому Монарху Росiйскому, и якая отъ толь Пушкару, Полтавѣ и иннимъ городамъ Малоросiйскимъ здѣлалася трвога, замѣшане и разоренiе, писали до него Виговского, ганячи ему неслушнiй его поступокъ и чуждаючися его Гетманства, таковiй листъ свой:

Велможнiй Мосцѣ Пане Виговскiй, бывшiй нашъ Гетмане!

Чуло тое сердце наше въ клятвѣ страстной плоти нашея жительствующее, же Вашъ Мосць Мосцѣ Панъ не исполнишъ своей облѣгацiей, въ листѣ Вашомъ до насъ, по кончинѣ присно памятного Гетмана нашого Богдана Хмелницкого, а по избранiи своемъ на Гетманство писанномъ, учиненной. Поневажъ въ томъ листѣ своемъ, ознаймуючи Вашъ Мосць Мосцѣ Панъ нашъ войску Низовому Запорожскому о кончинѣ Хмелницкого и о избранiи своемъ

на мѣсце его, просилесь насъ абисмо ку Вашъ Мосцѣ Мосцѣ Пану такъ были прихилни и зичливи, якъ были и ку небожчику Хмелницкому, и обѣщалесь взаемъ ку намъ войску Запорожскому быти пріязнимъ и ласкавимъ Гетманомъ, и ходити путемъ, отчизнѣ нашой зичливимъ, Хмелницкого, а ничого нового а звлаща шкодливого не затѣвати безъ согласія и вѣдома нашого, всего войска Низового Запорожского. Якая облегація Ваша любо тогдажъ намъ была подзорна, яко и въ листѣ нашомъ того часу до Вашъ Мосцѣ Мосцѣ Пана отвѣтномъ мало о томъ наменилося; однакъ ми войско Запорожское уважаючи на все, а сподѣваючися отъ Вашъ Мости Мосцѣ Пана якогожъ колвекъ добра отчизнѣ своей Малоросійской, не учинилисмо жаднои перепени тому Гетманству Вашему. Лечъ тая надѣя наша значне насъ омилила, когда Вашъ Мость Мосцѣ Панъ и едного цѣлого року вѣрности своей Пресвѣтлѣйшому Монарху нашому Російскому, Алексѣю Михайловичу, отцу и добродѣеvѣ найласкавшому недодержавши, приклонилесь сердце свое до Лядскихъ прелестей; а присягу свою на вѣрность ему Монарху Россійскому виконаную, противъ боязни Божой, душевредно зломивши, и до Поляковъ схизматиковъ (отъ которихъ мы при всекрѣпкой помощи Божой, за предводителствомъ тщаливимъ покойного Хмелницкого, Гетмана нашого, браннимъ оружіемъ, со многимъ зъ обоихъ сторонъ крвѣ пролитіемъ и обоихъ панствъ, Полского и Украинского, поврежденіемъ чрезъ осмилѣтнее время заледво отсѣклися и отчуждалися) паки приклонившися, и яко песъ на своя Римского заблужденія блевотини возвратившися, измѣнилесь Великому Государу своему, а многихъ братю нашу Православную потягнулъ еси. Отложился еси отъ того Православного Монархи, подъ которого державою моглесь надѣятися, въ Православіи сущи, временного и вѣчного благополучія; отринулъ еси того, безъ которого ничто же успѣеши; аще бо и многіе обѣтницы Лядскіе имѣешъ, но Гос-

подь, Его же именемъ на вѣрность Государу нашому всуе клялся еси, не дастъ тебѣ получити ихъ, звлаща когда при своей измѣнѣ матку нашу Малоросійскую, тебе отъ гноища нища воздвигшую, обогатившую и со князи сидѣти удостоившую, вмѣсто должного ей благодарствія привелъ еси въ разореніе. Подобно такожде яко и ми, Мартинъ Пушкаръ, полковникъ Полтавскій, провидѣлъ духомъ хотящое быти зло отчизнѣ нашой Малоросійской отъ Гетманства твоего, и не согласовалъ волѣ тихъ похлѣбцовъ твоихъ, которіи надъ слушность избрали тебе на тотъ гоноръ Гетманскій; ти же ненавидяй правди, на правдомовцу Пушкара за тое узлилсяеси, и нетилко его самого зъ войскомъ поразилъ и убилъ еси, але и невинній красній Украинскій градъ нашъ Полтаву огнемъ и мечемъ безсовѣстно разорилъ еси, и инная многая злодѣянія отъ того Гетманства твоего отчизнѣ нашой содѣяшася.

Можно было Вашъ Мосцѣ Мосцѣ Пану инакшимъ способомъ, безъ поврежденія людского и Украинского, зъ нимъ самимъ Пушкаремъ росправитися; развѣ за расторгненемъ на двое мислей твоихъ, не ставало у Вашъ Мосцѣ Мосцѣ Пана зтолко на тое разума, и знать Пушкарово обличеніе стануло Вашъ Мосцѣ Мосцѣ Пану твердимъ мозоліемъ, же отнюдь ни мало оного непотерпѣвши и въ гнѣвѣ своемъ непогамовавшися, а иначей зъ нимъ непоступивши, такъ поступилъ еси, якъ поступати доброму и правдивому Христіяниновѣ возбраняетъ совѣсть. Тебѣ же, духомъ Лядскимъ надхненному и похищенними скарбами Хмелницкого надменному, такое уродилося безсовѣстіе и злоба, якая (если не покаешся и не престанешъ ея) и до болшой погибели твоей можетъ тебѣ отворити двери. Лутше би намъ високую душу твою въ Криму тѣсними кайданами спутанную слишати, а нежели зъ крѣпкой скрицѣ Ординской, на Жолтой Водѣ чрезъ Хмелницкого, на упадокъ отчизнѣ нашой, викупленную оглядати. Болшей прето неширачи писанія нашого, такую чинимъ деклярацію нашу, же ти не Гетманъ намъ,

да ми не войско твое естесми, и нового измѣнническоґо имени твоего на себе пріймовати не хощемъ; а вѣдай тое, же а ни ты, а ни Монархъ твой, къ нему же возвратился еси, наясиѣйшій Король Полскій, противо Православного Монархи нашого и насъ всего войска Запорожского, Богу намъ при правдѣ нашой помагающу, ничого помислного не вскураете и завстидитеся. Кровь зась зъ причини вашой пролитая и еще пролитися мѣючая, будетъ на васъ яко Авелѣва о помсту волати до Бога; Которій да отвратитъ васъ отъ пути неправого и злаго начинанія, и наставитъ на путь правди и спасенія, упрейме зичимъ. Зъ Коша войска Низового Запорожского, декаврія 8 року 1658.

Павелъ Гомонъ, Атаманъ Кошовій, зо всѣмъ старшимъ и меншимъ войска Низового Запорожского товариствомъ.

РОЗДѢЛЪ VII.

О прибытю Короля Полского подъ Торунь, и о полученю тамъ вѣдомости о кленсцѣ Шведской на морѣ чрезъ Голендровъ и Дунчика; о руинѣ въ Шведской Голсаціи чрезъ Цесарчиковъ, Поляковъ и Брандебурщика; о взятю князя Курляндского въ Нѣтавѣ чрезъ Шведского Дугласа; о премѣнѣ щастя Шведского, и о Норвегіи противъ ему збунтовавшойся; о щастю въ Дунской Зелляндіи Цесарчикамъ и Полякамъ; о склоненюся Торунскомъ зъ Шведами, на кондиціяхъ имъ зноснихъ и Королю Полскому; о явленной отъ Короля Полского Торуню и Шведамъ въ Торунѣ и Прускихъ фортецахъ бывшимъ дишкреціи, и о кривдѣ зъ того жолнѣрамъ Полскимъ.

Егда Король Полскій, зъ маршалкомъ своимъ великимъ и партіею войска его, прибылъ подъ Торунь, тогда полу-

чилъ вѣдомость такую: же Годендри прибывши до Копенгагу на отсѣчъ обleженному Дунчиковѣ, нетилко тамъ его отъ Шведа освободили, але и Шведовѣ не меншую сполне зъ Дунчикомъ здѣлали кленску; кгди зъ людомъ военнимъ, зъ арматами и многими военними спрятами, десятъ окрентовъ его Шведскихъ затопили на морѣ, и самъ Король Шведскій зъ тоеи поражки чрезъ Урангела, адмирала своего, въ маломъ боту заледво увезенъ, куда не вѣдомо. А зъ другой стороны, Цесарскій фелтмаршалъ Монтекукулѣ зъ Брандебурщикомъ войско свое и Полское, зъ Чарнецкимъ воеводою Рускимъ, злучивши, вшедлъ въ богатую державы Шведской Голсацію, и тамъ моцніе и богатіе замки безъ великого труду доставалъ и полоскалъ; кромѣ толко едина Готторпія отъ него боронилася, въ которой князь, а Короля Шведского тесць былъ замкнулся; але и той нечаючи себѣ скорого суккурсу, уступилъ зъ Готторпіи до Тонѣнгу, а отъ толь на близкое тамъ удался море. Того-жъ часу князь Курляндскій зъ княжною Радивиловою въ Нѣтавѣ зрадецко чрезъ Дугласа, енерала Шведского, зосталъ добутій, и немоглъ иначей толко окупомъ отъ тоеи неволѣ свобождатися. А Шведскій Король, иже всего Балтицкого моря ажъ до вратъ самого оцеяну цалимъ тогда називался паномъ, вскорѣ тогда-жъ зъ тоеи високоумія своего горы низверженъ зоставши, значнои въ своей фортунѣ дозналъ отмѣни, егда въ Норвегіи Дрантгеймъ, Баубусъ и инніе гради до державы Шведской належавшіе забунтовавшися, несхотѣли подъ нимъ зоставати, и въ Швецію пошли своего отбѣрати. Войско зась Цесарское зъ Поляками зъ Голсаціи впадши чрезъ море въ Дунскую Зелляндію, безъ жадного встренту въ оной воевали, и Шведовъ вигонили, Голштинъ и Ютландъ отъ Шведскихъ гарнѣзоновъ очистили; тилко въ Фридризодѣ три тисячи Шведовъ замкнулося. А въ коронѣ Полской славетній градъ Торунь по тое время при упорѣ стоявшій, немогучи болшей стерпѣти наступленія,

разоренія, тѣсноти, глада и инних нуждъ въ немъ бывшихъ, склонился до згоди при зноснѣйшихъ кондиціяхъ, и висылалъ отъ себе въ обозъ до Короля Полского Шведского Оксенстерна, просячи:

1) Аби Король злости Торуняномъ вѣчне запомнѣвши, вину ихъ отпустилъ имъ, и при давномъ правѣ и порядкахъ заховалъ ихъ непремѣнно.

2) Аби показалъ взглядъ свой Королевскій на Малборгъ, въ которомъ Шведское зоставало президіумъ, и на другіе далшіе въ себѣ Шведовъ имѣвшіе Прускіе фортеци, и на пѣхоту Шведскую въ Торунѣ бывшую, а всякими тогда зимовими военними невчасами знужнѣлую; на що если Король позволитъ, то и они ему брами Торунскіе отворятъ, и сами подлугъ Краковского трактату, зъ арматами и зо всѣми спрятами своими зъ Торуня до Швеціи війдутъ. Позволивши прето Король Полскій на тое Торунское и Шведское желаніе, и отпустивши имъ вину ихъ, а удержавши при себѣ въ закладѣ двохъ Шведскихъ оберштеровъ, виправилъ Велюнского и Гарволѣнского старостъ тилко зъ слугами ихъ и малою частю войска до Малборку; за которихъ тамъ прибытіемъ Шведи мѣсто имъ поддали, и сами чрезъ конницу Полскую до Щетина отпроважени зостали, войну между собою до пришлой весни отложивши; а тутъ Король Полскій городъ Торунъ одобралъ зъ великого войска своего кривдою, не допустивши имъ взяти тамъ а ни луну, а ни окупу, и Шведовъ зъ Торуня въ землю ихъ випустивши безъ кривди ихъ.

ЧАСТЬ ДВАНАДЕСЯТАЯ

и рокъ дванадесятій отъ почáтку войни Хмелницкого зъ Поляками.

Въ ней-же описуется мятежъ и разореніе Украинское чрезъ измѣну Виговского бывшое; кленска Шведская на розниxъ мѣсцахъ бывшая; война Виговского подъ Конотопомъ зъ Росіянами, а брата его Данилка подъ Кіевомъ, и прочее поведеніе; тутъ же обрѣтается грамота Государская измѣну Виговского ганячая, а войску Запорожскому и всему народу Малоросійскому благополучія желаючая. Описуется тежъ поселство Немѣричово до Поляковъ, для стверженя коммисіи и пактовъ Гадяцкихъ, третую рѣчъ посполитую на Украинѣ тогда постановившихъ, и одзовъ право до Риму, взглядомъ нехотѣнія Унѣи; отмѣна щастя Виговского; утѣчка его до Хмелника, и погромъ тамъ чрезъ Сомка; избраніе Хмелниченка Юрія на Гетманство по лѣтописцу Козацкому, и потверженіе въ Переясловѣ на статіяхъ, тутъ же обрѣтающихся; прогресси далшіе военніе, подлугъ Твардовского, Лядскіе зъ Шведами, и Виговского зъ Козаками и Росіяни, и о Хмелниченку Юрію; наконецъ всего смерть Короля Шведского, и пакта вѣчного покою Шведского зъ Поляками поставлене въ Оливѣ, и о Твардовскомъ.

РОЗДѢЛЪ I.

О тѣснотѣ Лохвици отъ консистентовъ зимовихъ; о Искрѣ Полтавскомъ, зъ Москви зъ нареченіемъ Гетманскимъ отпущенномъ, до Лохвици поспѣшавшомъ, подъ Пѣсками чрезъ Виговіянъ розгромленномъ, и о неданю зъ Лохвици ему помощи; о рушеню зъ Чигрина Виговского до Зѣнкова на Запорожцовъ; о отправѣ отъ него Пемѣрича подъ Лохвицю, и о битвѣ его тамъ бывшей; о суетномъ Виговского до Зѣнкова приходѣ и отходѣ; о спаленю чрезъ него Веприка, Рашавки, Лютенки и Миргорода, и о прибытю его въ Чигринъ; о Скоробагатку, для Запорожцовъ отъ Виговского оставленномъ и отъ нихъ погромленномъ; и о прибытю Запорожцовъ зъ Зѣнкова до Лохвици; о совѣтѣ Виговского зъ старшиною, що далѣй чинити во измѣнѣ своей, и о розосланю по совѣту томъ унѣверсаловъ обманчливыхъ въ народъ, зъ виражѣнемъ причинъ измѣни своея.

Року отъ созданія Адама 7167, году засъ въ онъ же долина свѣтова эхо видѣла Предвѣчного Слова 1659, принявши, декаврія второго, князя Ромодановского и нового Гетмана Безпалого, Лохвиця, городъ полку Лубенского, яко више написалося, въ свое защищеніе отъ Гуляницкого и инших партизантовъ Виговского; любо превеликую имѣла тѣсноту и долегливость отъ нихъ, однакъ надѣялась, же болше оной отъ войскъ иншихъ тѣсноти не будетъ. Лечь

тая надѣя ей вскорѣ омилила, когда по указу Его Царского Пресвѣтлого Величества Алексѣя Михайловича, всея Росіи Самодержца, на помочъ помененному князю Ромодановскому, три князя: Семіонъ Пожарскій, Семеонъ Львовъ и Федоръ Федоровичъ Куракинъ, столникъ, зъ войсками многими Великоросійскими, ануарія 12, до неи жъ Лохвици на болшое ей знищене прибыли. Зъ другой засъ стороны отъ Гадячого простовалъ ку Лохвицѣ Иванъ Искра, которій, яко шляхетного уроженя, такъ и значнимъ въ Полтавѣ войска Запорожского будучи товаришомъ, по росправѣ Пушкаревой зъ Виговскимъ подъ Жуками, и по спаленю чрезъ Виговского Полтави, зъ Обѣдомъ и изъ иними нѣсколкома тожъ значними войсковими товаришами, поехавши зъ Полтави въ царствующій великій градъ Москву, залецилъ тамъ свою и товариства своего Пресвѣтлѣйшому Монарху своему Російскому вѣрность, и обовязался щире и статечне при его Монаршей сторонѣ зоставати, и противъ непріятелей его воевати. За що яко похваленъ и получилъ великую милость Монаршую, такъ и безъ удержки зоставши наименованъ Гетманомъ сегобочнимъ Украинскимъ, отпущенъ зъ Москви до Лохвици ку князю Ромодановскому, зъ таковимъ Царского Величества указомъ, аби онъ Ромодановскій между двома, пречонимъ Безпалимъ и симъ Искрою, усмотрѣвши слушнѣйшого и годнѣйшого на Гетманскій гоноръ, потвердилъ его на ономъ; да и другого зъ нихъ жеби не упослѣдилъ старшинствомъ знаменитимъ, за Гетманство награждаючи. Зъ такою прето надеждою онъ Искра зъ товариствомъ своимъ зъ Москви віехавши, веселими ногами поспѣшалъ на Украину и до Лохвици. Прибывши теди въ Малую Росію, а огласившися въ полку Гадяцкомъ нареченнимъ Гетманомъ, заохотилъ къ себѣ Козаковъ Веприцкихъ, Гадяцкихъ и инныхъ городовихъ и селскихъ, и прибравшися, якъ належитъ до походу военного, рушилъ зъ ними и таборцемъ своимъ зъ Гадячого къ Ромо-

дановскому до Лохвици, ануарія 11, бинаймнѣй того неуважаючи, же за Ордою и Козаками тогобочними, отъ Виговского на сюю сторону на Ромодановского присланими, въ невеликомъ числѣ войска не безпечно и страшно было тягнути отъ Гадячого до Лохвици, А такъ когда чаемій гоноръ Гетманскій, въ Лохвицѣ его Искру постигнути мѣвшій, вибилъ ему зъ мисли тотъ страхъ и небезпеченство, теди на неповетованній нѣгди упадокъ свой и сущихъ зъ нимъ, рушилъ въ предлежащій ку Лохвицѣ путь свой, которій яко въ нещасливій зачалъ аспектъ, такъ и нещасливимъ поведеніемъ мусилъ кончити его; ибо приближаючися ему до села Пѣсокъ, отъ Лохвици въ милю зостаючого, абіе зосталъ зоченъ и оскоченъ отъ Орди и Козаковъ Чигринскихъ, подъ комендою Ивана Скоробагатка, старого и заслужоного Козака Чигринского будучихъ, а отъ Виговского на сюю сторону для промислу военного зосланнихъ, и немогучи далѣй тягнути, тамъ же подъ Пѣсками отаборился, ануарія 12 о полуднѣ; где много опонуючись и мужественно ставячися, любо не меншую у Козакахъ и Татарахъ, его отъ полудня чрезъ всю ночъ добывавшихъ, учинилъ шкоду; однакъ не мѣрной противъ себе силѣ Козацкой и Татарской немогучи болше видержати, на розсвѣтаню ануарія третогонадцять; зосталъ зъ таборцемъ своимъ добутъ, розгромленъ и вконецъ на голову вибитъ, и свою тамъ же при инпихъ добрихъ молодцахъ положилъ голову.

Згаснулъ тамъ Искра имѣвшій свѣтити,
　　А нехотѣвшій будущихъ смотрѣти;
Збытня отвага зашкодило зѣло;
　　Врагу наступлшу на него всецѣло,
Неотборонилсь, аще много брася,
　　До конца збіенъ ни еденъ зостася.
Убитъ и Обѣдъ, Козакъ знаменитій,
　　Веннѣдь червомъ, въ песку нагъ верженъ, не вкритій;

И вси такожде избіенни,
И въ покормъ птахомъ нази оставленни.
Злая незгода что творити знаетъ,
Братіямъ братовъ вбивать позволяетъ,
Не смотритъ догматъ поданихъ отъ Бога,
Не хранитъ любви, творитъ зла премнога;
Чрезъ незгоду панства многіе пропали,
Зъ землею ся мури крѣпкіе зровняли.

А хочай зъ того облеженя добрій еденъ молодецъ, виправленъ отъ него Искри до князей помененнихъ, и пробившися чрезъ Орду и Козаки, прибылъ до Лохвици, и просилъ горячо и слезне Искрѣ и товариству зъ нимъ будучому ратунку и помощи; однакъ князи оніе вимовилися въ томъ настоявшею тогда нощною добою; а въ свѣтѣ, ануарія преречоного 13, любо и виправили зъ Лохвици войска отъ себе на суккурсъ Искрѣ, однакъ уже застали оніе тилко трупи мертвіе и табореcъ совсѣмъ разореній. По такихъ чрезъ все лѣто и осень, почавши отъ Пушкаревой Полтавской экспедиціи, нещасливихъ на Украинѣ дѣйствіяхъ, еще Марсъ крвѣ человѣческой хтивій первои пролитіемъ не удоволствовавшися, возбудилъ до войни, не любящій мира, сердца людскіе; зъ которихъ принципаломъ будучи реббеллезантъ Гетманъ Виговскій, а собравшися въ Чигринѣ зъ множествомъ войска Козацкого и Ординского, рушилъ отъ Чигрина до Зѣнкова на Запорожцовъ. Въ якой дорозѣ, въ неделю блудного сина, на трохъ Святителей, отправилъ подъ Лохвицю Немѣрича полковника своего, зъ значною партіею войска Козацкого и Ординского; за которого туда прибытіемъ, війшли за Лохвицю зъ войсками своими конними и пѣшими и князи помененніе Великоросійскіе зъ Гетманомъ Безпалимъ; где битву превеликую учинивши, забавилися въ оной отъ ранку до полудня, и за несправностю вождовъ своихъ войско конное, отъ Немѣрича зломленное, само свою

потрутило пѣхоту и многихъ стрелцовъ о смерть приправило. А по той первой подъ Лохвицею экспедиціи, войска Московскіе и Козацкіе зъ Гетманомъ Безпалимъ знову поправившися, пречъ Немѣрича прогнали, и въ Лохвицю сами уступили. Немѣричъ зась зъ партіею своею пойшолъ до принцѣпала своего Виговского, зъ которимъ нѣгдѣсь злучившися, и у постъ великій вступивши, третои недели, вдарилъ на Зѣнковъ, городъ полку Гадяцкого, хотячи въ немъ Запорожцовъ достати, которихъ цѣлій полкъ зъ Коша Запорожского, зъ полковникомъ Силкою, виправленъ былъ въ помочъ князю Ромодановскому на Виговского до Лохвици. Лечь чи мало около оного зъ войскомъ Козацкимъ и Ординскимъ, также и Лядскимъ, отъ Короля присланнимъ, попрацовавши, не малого оттоль ущербку дознавши, и ничого помислного надъ Запорожцами невскуравши, отступилъ отъ Зѣнкова зѣло роздражненній; а увидѣвши несогласуючихъ его неслужности и нехотящихъ при его измѣнической держатися сторонѣ, Веприкъ, Рашавку, Лютенку и Миргородъ випалилъ, и такую безбожную здѣлавши своеволю, повернулъ до Чигрина на свята Свѣтловоскресенскіи, уже и до Лохвици незаворочаючи.

А любо предпомененого що розгромилъ Искру, Ивана Скоробагатка Чигринского, Виговскій съ Козаками и невеликою частю Орди зоставилъ былъ на заставѣ, жеби не допустилъ Запорожцамъ зъ Зѣнкова пройти до Лохвици; однакъ Запорожци прибравшися, якъ Виговского зо встидомъ отъ Зѣнкова прогнали, такъ и Скоробагатка его на заставѣ нечаянно нашедши, погромили, и самого ранивши, до Лохвици къ Гетману Безпалому и князю Ромодановскому увойшли. А Скоробагатко оній ранній, зо всѣмъ войскомъ своимъ, тожъ къ святамъ Великоднимъ въ Чигринъ повернулся.

Между святами зась Свѣтлими Воскресенія Господня, о звикломъ зъездѣ праздничномъ въ Чигринѣ до Гетмана

Виговского полковниковъ и всей старшини тогобочной, радился Виговскій що дадѣй чинити мѣетъ; поневажъ запевне видѣлъ роздѣлившуюся на двое рѣчь посполитую Украинскую: едну при своей сторонѣ, а другую при Безпалогс зостаючую. На якой радѣ усовѣтовано розослати унѣверсали Гетманскіе, виражаючи въ нихъ причини учиненой измѣни, а прочее оружіемъ военнимъ непослушную себѣ сегобочную Украину привести до соединенія и единомислія; къ якому единомислію и полковники едни сегобочніе, яко то: Переяславскій, Прилуцкій, Нѣжинскій и иніе, были готовими, крѣпко держачи сторону Виговского. Сталося прето такъ, же Виговскій, пописавши свои унѣверсали, розослалъ оніе по всей тогобочной Украинѣ, отъ Чигрина почавши; а на сю Днѣпра сторону приватними листами до полковниковъ атгерентовъ своихъ писалъ, утверждаючи ихъ до неотмѣнной ку себѣ зичливости, и обнадеживаючи ихъ скоримъ отъ себе войскъ посилкомъ. Въ унѣверсалахъ зась своихъ розосланнихъ таковую двома образи въ народъ розсѣялъ прелесть:

Первая, же будто послове и комисари Его Царского Пресвѣтлого Величества, въ Вилнѣ зъ комисарами Полскими о покою корони Полской зъ Царствомъ Російскимъ прошлого 1657 року трактуючи, приговорили и постановили уступити, и въ подданство Полское по прежнему неволею наклонити и вовреци Козаковъ зо всею Украиною; чого онъ Виговскій стерегучися, за лутшое разсудилъ самоволне, подъ кондиціями Украинѣ полезними, пактами Гадяцкими року прошлого 1658 постановленними, склонитися подъ державу Полскую, а не способомъ неволничимъ отъ Монархи Російского зостати отданнимъ въ ярмо Лядское. Лечь тотъ пунктъ Виговского былъ обманчивій и фалшивій, для того, же въ Виленскихъ договорахъ (яко више наменилось) любо было Полское желаніе о отдане имъ зъ Хмелницкимъ Козаковъ и Украини; однакъ зъ сторони Царского Вели-

чества цале имъ того необѣщано, и пакта оніе Виленскіе недокончени, а до пришло тогда сейму Лядского завѣшени.

Другая, же будто перекидчики зъ войска Московского къ Виговскому, сказали ему Виговскому тое, же Его Царское Пресвѣтлое Величество чрезъ свою поважную грамоту прислалъ Монаршій указъ свой князю Григорію Григоріевичу Ромодановскому, его Виговского зъ старшиною позабивати, права и волности ихъ поломати, и Козаковъ толко десять тисячь зоставити, а прочихъ всѣхъ Малоросіянъ способомъ неволничимъ крестьянами своими вѣчними сотворити; чого онъ, Виговскій, опасаючися и убѣгаючи, принужденъ зачасу отъ держави Російской отложитися а до Полской приклонитися. Тіе двѣ значнѣйшіе причини и иншіе ложніе измишленніе рѣчи въ унѣверсалахъ своихъ Виговскій, на обману простодушному народу, виразивши и порозславши, на сегобочную, иже отъ Переясловля, сторону не посилалъ тихъ унѣверсаловъ, знаючи же, ничого би полезного себѣ оними не сдѣлалъ; тилко писалъ приватніе листи (яко вишей наменилось) до своихъ атгерентовъ, полковниковъ пречечонихъ.

РОЗДѢЛЪ II.

О щасливости Полской надъ Шведомъ, со взятемъ немилосерднимъ града его Голдингу; о другомъ благополучіи Полскомъ зъ Бандербурщикомъ надъ Шведомъ на виспѣ Алсенъ; о щастю Голендерскомъ, зъ руиною флоту Шведского подъ Кронебургомъ; о тѣсномъ облеженю чрезъ Поляковъ Шведского енерала Дугласа въ Иѣтавѣ Курляндской; о упорѣ Короля Шведского, и о пропалой надеждѣ его зъ посилковъ посторонних; о кленскѣ Поляковъ зъ Фридризоду; о поведеніи Вертза енерала Шведского, зъ визволенемъ Дугласа зъ Иѣтави, зъ нанесенемъ Прусамъ страху, и прочая, и о шкодѣ Шведской подъ Копенгагомъ.

При такихъ нещасливихъ на Украинѣ поведеніяхъ и вредителнихъ несогласіяхъ, дѣется и въ инших Европейскихъ панствахъ превратное и непостоянное миродержавцамъ благополучіе; ибо по нещасливости Полской прежде описанной, гди сніиде къ нимъ благодать Божая въ ихъ желаніяхъ имъ помоществующая, тогда они благовременно (яко вишей рѣхомъ) отобравши отъ Шведовъ свой до державы своей Торунь, получили тогдажъ изъ Даніи радостніе себѣ вѣдомости, егда услишали о великомъ тамъ непріятеля своего Шведа неблагополучіи; ижъ Чарнецкій, Воевода Рускій, зъ Воеводою Подляскимъ въ державу Шведскую вторгнувши, и всюди залоги его зносячи, добилъ Голдингу града

Шведского, Ютландіей прилеглого, а оставивши въ немъ при животѣ тилко самого коменданта, прочихъ всѣхъ мешканцовъ тамошнихъ предаша недишкреціп военного Волоского оружія. Зъ другой зась сторони, курфистръ Бранденбурскій зъ своимъ и Цесарскимъ войскомъ море въ окрентахъ пребывши, войско Полское на земли въ тилу себе оставилъ, которое зъ вождемъ своимъ неслиханною отвагою на море въ бродъ пустившися, преплинуло оное конми (если то есть правда Твардовского), и достигнувши виспи, Алсенъ названной, опановало оную зъ Сандебурскою фортецею, вирубавши въ ней зостававшихъ Шведовъ. Голендрове зась при своей главѣ подъ Кронебургомъ флотъ Шведскій зруйновавши, добралися Дунского града Зунту, отъ Шведовъ крѣпко тогда утѣсненного, и оборонили его. А въ Курляндіи утративши Поляки князя тамошнего чрезъ Шведовъ взятого, сами чрезъ Коморовского въ Нѣтавѣ облегли крѣпко Дугласа, енерала Шведского, и великимъ тамъ оного притиснули гладомъ. При такихъ всѣхъ нещасливостехъ еднаково Шведъ зъ противними себѣ панствами до покою не склоняется, и що въ кого видралъ вернути не хощетъ; а любо надѣялся себѣ посилковъ зъ Москви и Англіи, однакъ и тіи свои особніе имѣючи трудности и военніи ранкори, не могли ему обѣщанной помощи учинити. По щасливихъ сукцессахъ войскъ Полскихъ надъ Шведомъ, поткала ихъ около Фридризоду розложившихся не меншая кленска, отъ Шведовъ зъ Фридризоду нечаянно випавшихъ, и кромѣ шкоди въ людехъ войсковихъ станулой, визи всѣ у Поляковъ отъемшихъ. А отъ Щетина Вертзъ енералъ Шведскій рушивши, и зъ Малборку брата Королевского визволивши, вдался подъ Шлуховъ, и хотѣлъ въ немъ достати Лещинского, подканцилерого Коронного Полского; лечъ тотъ двакротъ моцній ему учинивши отпоръ, принудилъ его отступити до Хелмну; отъ Хелмну зась онъ Вертзъ удавшися ко Жмудѣ, визволилъ тамъ зъ тѣсного Нѣтавского облеженя Дугласа, ене-

рала Шведского, зъ которимъ сполне рушивши отъ Штави до Прусъ, Кролевецъ и всѣ Пруси великимъ наполнилъ страхомъ, уложившися на тое, аби Брандебурчика зъ Даніи отъ лиги войскъ Цесарскихъ и Полскихъ, много тамъ Шведовѣ шкодившихъ, моглъ отторгнути, и до Прусовъ его завернути. Но и въ Прусахъ онъ Вертзъ небавившиеся, удался подъ Тчовъ Полскій, къ Гданску близко прилеглій, зъ арматою, и штурмомъ оній взявши, не малимъ Гданскъ наполнилъ страхомъ. Лечъ Кгродзѣцкій зъ войскомъ Полскимъ подъ него вторгнувши, въ Лебиталѣ шестьсотъ его Вертзовой вибилъ рейтаріи на заставѣ бывшой; къ тому еще и графа Баденского въ Морунгу чатою своею напавши, значне погромилъ его. А въ Данѣей Король Шведскій, за одейстемъ оттолъ Голендровъ, облегши знову Копенгагъ зъ Королемъ въ немъ Дунскимъ крѣпко добывалъ; але стративши въ штурмѣ разомъ на три тисячи войска своего, отступилъ отъ Копенгагу на Крунебургъ, а Дунчикъ въ тимъ часѣ новихъ Голлендерскихъ окрентами посилкавъ що часъ до себе сподѣвался.

РОЗДѢЛЪ III.

О послахъ и напомненіяхъ Царскихъ Виговского, аби премѣнился отъ измѣни своеи, и о несклонности Виговского къ тому; о Виговского до сегобочнихъ полковниковъ ординанцахъ; о погромѣ Дорошенка въ городѣ Срѣбномъ, и о руинѣ того Срѣбного чрезъ Пожарского; о добываню Конотопу зъ Гуляницкимъ, чрезъ князя Трубецкого; о прибытю туда-жъ зъ подъ Лохвици князя Ромоданіовского; о умедлѣніи ихъ бездѣлномъ подъ Конотопомъ, и о прибытю къ нимъ туда жъ Виговского зъ Ордами; о отвазѣ неразсмотрителной Пожарскаго противъ Виговскаго и Хана, и о утратѣ за Сосновкою войска своего и себе, гди пойманній плюнулъ Хановѣ въ очи; о суетномъ Виговского зъ Ханомъ вторгненю и налеганю надъ Конотопомъ и далѣй на всѣ войска Россійскіе, и о уступленю безвредномъ тихъ войскъ отъ Конотопу до Путивля; о розлученюся Ханскомъ зъ Виговскимъ; о отпущеню Гуляницкого зъ Конотопу до Нѣжина, и о Виговскаго намѣреніи добувати въ Гадячомъ Павла Апостола; о роспущеню Виговского войскъ, и о прибытю самого въ Чигринъ, зъ показанемъ Татаромъ станцій; о виправѣ подъ Кіевъ Данила Виговского, и о розгромѣ его тамъ отъ войскъ Великоросійскихъ.

Чрезъ увесь часъ прошлолѣтній зимній, почавши отъ розгрому Пушкара Полтавского, видячи Его Царское Пресвѣтлое Величество явную и невозвратную Виговского измѣну, и нехотячи между Христіянами Православними видѣти и слишати кровопролитія; килкокротнихъ зъ грамотами сво-

ими Монаршими посилалъ значнихъ людей своихъ, а наконецъ дяка Василія Михайлова, упоминаючи его Виговского, аби поперестал̀ъ своего непостоянства и шатости, а несумѣнно надежденъ будучи на милость ку себѣ Монаршую непремѣнную, аби зоставалъ зо всѣмъ народомъ Малоросійскимъ подъ его силною рукою. Однакъ тіе Монаршіе напомненя, въ затвердѣломъ и духомъ Лядскимъ надхненомъ Виговского сердцу, не могли ничого полезного здѣлати; поневажъ онъ многими обѣтницами себѣ Полскими и силами Кримскими надменъ будучи, не помислилъ до того склонитися, до чого ку лутшой его временной и вѣчной ползѣ Его Царского Величества приводила благостиня; и овшемъ идучи противно, и забѣраючися на войну, яко на томъ боку совокуплялъ ку себѣ войско Козацкое и Ординское, хотячи зъ оними тягнути до Лохвици на Ромодановского, такъ и на сю сторону заслалъ ординанцъ свой до Прилуцкого полковника Дорошенка, аби зъ полкомъ своимъ станулъ въ городѣ Срѣбномъ; а до Нѣжинского Гуляницкого, аби зъ полкомъ своимъ станулъ въ градѣ Конотопѣ, для воспящеиія силъ Російскихъ, если би вновъ тягнули зъ Москви отъ Путивля къ Ромодановскому до Лохвици. По якомъ ординанцу Виговского гди помененніе полки на указнихъ мѣсцахъ станули, теди между предреченними святами Свѣтловоскресенскими князь Ромодановскій, зъ другими князи и Гетманомъ Безпалимъ и зо всѣми войсками своими, зъ Лохвици въ поле вишедши, отправилъ отъ себе зъ значною войска Московского партіею князя Пожарского до Срѣбного, на Дорошенка, полковника Прилуцкого; которій князь прибувши, безъ великого труда городъ Срѣбное досталъ, жителей тамошнихъ еднихъ вирубалъ, а другихъ въ полонъ забралъ со всѣми ихъ набитками; а козаковъ полку Прилуцкого, тамъ бывшихъ, погромилъ и роспудилъ такъ, же и самъ полковникъ ихъ Дорошенко, якъ заецъ по болотахъ тамошнихъ гоненній, заледво

бѣгствомъ спаслся отъ бѣди своея тогдашнея. Князь зась Пожарскій дѣло свое помислне надъ Срѣбнимъ справивши, повернулъ оттолъ до енералного обозу къ Ромодановскому подъ Лохвицею.

Тому собывшуся, ажъ зъ другой сторони отъ Путивля Марсъ военную розвинувши хоруговъ, притягнулъ зъ многими войсками Великоросійскими, подъ комендою князя Трубецкого бывшими, подъ Конотопъ городъ полку Нѣжинского, пограничній отъ Путивля держави Московской, и облеглъ въ немъ Гуляницкого, полковника Нѣжинского зъ полкомъ его; а до князя Ромодановского писалъ извѣщаючи о томъ, и желаючи его зъ войсками до себе въ совокупленіе подъ Конотопъ, для сполного промислу военного надъ Гуляницкимъ, въ Конотопѣ крѣпко зашпунтованнимъ. По якомъ желаніи князя Трубецкого, князь Ромодановскій, априля 16, зо всѣми войсками своими и зъ Гетманомъ Безпалимъ отъ Лохвици рушивши, прибылъ до Конотопу, и тѣснѣйшимъ обстояніемъ вколо огорнулъ оній; подъ которимъ недѣль десять бавячися, и многократніи промисли военніи чиначи, и штурми не безъ значного урону своего на городъ припускаючи, и ничого помислного надъ онимъ нездѣлавши, дождалися тамъ Гетмана Виговского, которій надъ надежду Великоросіянъ, зъ многими войсками Козацкими и Ординскими до Конотопу простуючи, а значную партію войска Московского подъ Шаповаловкою нагабавши, розгромилъ оную. Потомъ и до Конотопу надблизившися, зоставилъ въ нѣкоемсь закритомъ мѣстцу, за рѣчкою Сосновкою, всѣхъ Татаръ и Козаковъ зъ ними половину; а зъ другою самихъ Козаковъ половиною, вдарилъ самъ подъ Конотопъ на разсвѣтѣ нечаянно на войска Російскіе и Козацкіе, зъ Гетманомъ Безпалимъ бывшіе; где любо такимъ разбойническимъ нападеніемъ превеликую въ людехъ войсковихъ, Конотопъ добывавшихъ, и въ отгнаню стадъ конскихъ учинилъ шкоду; однакъ то была меншая, отъ дру-

гой тогда-жъ ихъ постигнути мѣрцой. Ибо поменениіи князи Російскіи, Трубецкій и Ромодановскій зъ товарищи, увидѣвши войска Виговского подъ ихъ вторгнувшого въ десятеро часть меншую отъ своихъ войскъ Великоросійскихъ, и пришедши до справи, а болшъ войскъ зъ Виговскимъ нечаючи, и коварства отъ него ненадѣючися, виправили заразъ на него, Виговского, князя пречечоного Симеона Пожарского, вручивши подъ его команду до килкодесять тисячъ рейтаторовъ и иного доброго войска конного. Онъ теди Пожарскій сердца будучи мужественного, и фортунѣ своей надъ Срѣбнимъ послуживщой дуфаючи, вибрался зъ даннимъ себѣ войскомъ отъ Конотопу, и заразъ тамъ же по близу давши бой Виговскому, зломилъ оного не безъ шкоди его, и крѣпко за нимъ сталъ наступовати, а отъ Конотопу отдалятися. Въ якой потребѣ зъ Виговскимъ любо певніе языки Козацкіе взяти, и князю Пожарскому въ допросѣ, остерегаючи, его жеби не угонился далѣй за Виговскимъ, праведно сказали, же еще напредѣ его многіе суть войска отъ Виговского нарочно оставленніе, Козацкіе и Ординскіе, зъ Ханомъ, Калгою и Нурадиномъ Солтанами, также зъ Ширинбеемъ и Дзяманъ Сайдакомъ великими Мурзами; однакъ онъ князь Пожарскій вѣрную пойманцовъ Козацкихъ себѣ сказку и пересторогу уничтожилъ и не повѣрилъ, а запаленній Марсовою охотою будучи, о премѣнѣ фортуни своея не помислилъ, и овшемъ предъ всѣми военачалниками своими, противъ сказки Козацкой вирекши полніе излишной думи и високого о себѣ мнѣнія слова такіе: «давай Ханишка, давай Калгу и Нурадина, давай Дзяманъ Сайдака и Ширинбея! всѣхъ ихъ съ войскомъ ихъ, бадіоннихъ блядь матерей, вирубимъ и виплениимъ»; а вирекши тое, заразъ рушилъ и крѣпко сталъ на Виговского налегати. Егда же перегналъ Виговского за рѣчку поменениую, Сосновку блатную и грузкую, отъ Конотопа въ милю чили въ полтори зостаючую, и самъ зо всѣмъ войскомъ за нимъ

перебрался, и мало отъ оной отдалился, тогда абіе (о жалю незносного!) аки крѣпкій зъ пустини вихоръ или силная зъ темного облака туча, тако зъ засадки многіе Козацкіе и Ординскіе войска Виговского вибухнувши нечаянно, крѣпкимъ и невоздержнимъ стремленіемъ вдарили на Православнихъ Християновъ, и нимало недавши имъ справитися, заразъ всѣхъ вконецъ розгромили, а поле тамошное трупами человѣческими услали, и рѣчку Сосновку онимижъ наполнили; наконецъ и самую войска того главу, князя Пожарского, живцемъ взято и Ханови представлено; которому Ханъ чрезъ толмача гди изрекль словъ нѣсколько, ганячи ему неразсудную и збытную смѣлость его и легкое мнѣніе о его Ординскихъ силахъ, чрезъ которое легкомисліе не тилко себе погубилъ, але и множество потерялъ войска невинного Государского Російского, теди (яко многіе о томъ повѣствовали) онъ Пожарскій бинаймнѣй того неуважаючи, же уже зоставалъ въ неволничой тонѣ, а великимъ роспаленній будучи гнѣвомъ, набранивши Хановѣ звичаемъ Московскимъ матерно, плюнулъ ему въ очи; за що Ханъ взаемне розъятрившися, абіе предъ очима своима велѣлъ ему усѣкнути главу. И такъ невинное крвѣ мешканцовъ Сребрянскихъ пролитіе, и города (яко вишей рѣхомъ) разореніе, чрезъ Пожарского станулое, взаемне, Богу такъ изволшу, разореніемъ и кровію войска и самого его наградилося; ибо зъ тоеи поражки развѣ хто утеклъ подъ Конотопъ до обозу своего крилатіе имущи конѣ.

Ханъ зась зъ Виговскимъ по такомъ благополучіи зъ годину на мѣстцу бранномъ отдохнувши, рушилъ купно со всѣмъ войскомъ до Конотопу; але князи пречоніе, Трубецкій и Ромодановскій зъ товарищи, получивши о нещасливомъ Пожарского поведеніи вѣдомость, и оставивши Конотопъ, станули въ справѣ всѣмъ обозомъ своимъ вколо оній, оточивши арматами; на которій вскорѣ Виговскій зъ Ханомъ прибывши, любо много билъ и натиралъ,

однакъ не возмоглъ ничого ему учинити, крѣпко и густо отъ обозу зъ арматъ отражаемій будучи. Оборонною прето рукою всѣ войска Московскіе и Козацкіе зъ Гетманомъ Безпалимъ отъ Конотопу рушивши, и частіе около обозу своего шанци и вали осипаючи, увойшли до Путивля безъ жадного болшого ущербку; а Ханъ зъ Виговскимъ, оставивши ихъ, и покинувши при Виговскомъ Орди тисячъ зъ пятнадцать, самъ зо всѣми Ордами оттолъ рушилъ до Криму. Виговскій тожъ зъ Козаками и Ордою зъ Ханомъ отъ обозовъ Московскихъ розлучившися, и до Конотопу отъ облежения свобожденного привернувши, отправилъ Гуляницкого зъ полкомъ его до Нѣжина; а самъ зъ инними полками, а найбарзѣй тогобочними, и зъ Ордою рушилъ отъ Конотопу до Гадячого, хотячи въ немъ доставати противного себѣ Гетмана Наказного, Павла Апостола, зъ войскомъ своимъ заперщагося. Где прибувши и ничого надъ Гадячимъ вскурати невозмогши, отвернулъ отъ него, и станулъ обозомъ своимъ оподаль подъ селомъ Крутками; а тамъ мало войску отдохнувши, Тимоша Цюцюру, полковника Переясловского, зъ полкомъ его до Переясловля, и инші полки до ихъ домовъ роспустивши, самъ зъ прочими тогобочними полками и Ордою рушилъ до Чигрина; где предъ запустами Спасовскими прибывши, и остатное войско Козацкое въ доми роспустивши, Татарамъ показалъ до времени станціи. Потомъ недель зъ полтори войскамъ отдохнувши, знову Виговскій тогобочнихъ полковъ до килконадцять тисячъ собралъ, и Орду къ нимъ прилучивши, виправилъ всѣхъ при Данилку Виговскомъ, брату своемъ, подъ Кіевъ, хотячи зъ него вигнати войска Его Царского Величества Російскіе, зъ бояриномъ и намѣсникомъ Бѣлоозерскимъ и воеводою Василіемъ Борисовичемъ Шереметомъ бывшіе, отъ подданяся Хмелницкого подъ державу Царского Величества, за уступленемъ Ляховъ, заразъ въ Кіевѣ жить начевшіе, а знову подъ свою и Лядскую державу отобрати. Лечъ тое Виговв-

ского намѣреніе не пришло подъ Кіевомъ до желаемого скутку, ибо Данило Виговскій за прибытемъ ку Кіеву любо имѣлъ мало щастя въ розгромленю нѣкіихъ малой части войсковихъ людей, и въ занятю стадъ около Кіева; однакъ потомъ вскорѣ, августа 22, давши откритій енералній бой подъ Кіевомъ, зосталъ Данило Виговскій зо всѣмъ войскомъ своимъ, отъ войскъ Великоросійскихъ зъ Кіева вишедшихъ, зломленъ, розгромленъ и вконецъ роспуженъ, отбѣгши тамъ зъ арматами и зо всѣмъ инишимъ припасомъ военнимъ увесь обозъ свой.

РОЗДѢЛЪ IV.

Въ немъ же полагается списокъ печатной Монаршой Пресвѣтлѣйшого Алексѣя Михайловича, всея Росіи Самодержца, грамоти съ завѣсистою печатю, въ полкъ Полтавскій присланной, въ которой первѣе виражается о подданюся Хмелницкого зъ войскомъ Запорожскимъ державѣ Російской, и о смерти его Хмелницкого; потомъ виражается о избраніи Виговского на Гетманство по Хмелницкомъ, и о измѣнѣ его, и о братствѣ его съ Татарами Кримскими; потомъ виражается о Пушкару полковнику Полтавскомъ и Барабашу Запорожскомъ, которихъ Виговскій зъ Татарами, яко не покоряющихся ему зъ войскомъ ихъ Полтавскимъ, розгромилъ и самого Пушкаря забилъ; потомъ споминается акція военная зъ Ляхами, и сожалѣніе Православнихъ церквей разграбленнихъ и разоренних отъ Поляковъ; наконецъ желателствуетъ Его Царское Величество войску Запорожскому и всему народу Малоросійскому умноженія тишини и всякого благополучія, и обѣцуетъ по прежнему въ своей Монаршой милости, при ихъ древнихъ правахъ и волностехъ содержати неотмѣнно.

Божіею милостію отъ Великого Государа Цара и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи Самодержца, и многихъ Государствъ и земель Восточнихъ и Западнихъ и Сѣвернихъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государа и обладателя. Нашого Царского Величества войска Запорожского, Полтавского полку полковнику и сотникомъ и ассауломъ и всякимъ началнимъ людемъ и Козакомъ, также войтамъ, бур-

министромъ, райцомъ, лавникомъ, и всему посполству и всей черни Наше Царского Величества милостивое слово. Въ прошлихъ годѣхъ присилали къ Намъ Великому Государу Цару и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи Самодержцу, къ Нашему Царскому Величеству, Гетманъ Богданъ Хмелницкій и Ви все войско Запорожское бити челомъ многажди, что Полской Янъ Казѣмѣръ Король и пани рада, и вся рѣчь посполитая на Православную Христіянскую вѣру, Греческого закону, и на Святія Божія Восточнія церкви возстали, и гоненіе учинили болшое истинной Православной Христіянской вѣри, въ которой Ви издавна жили и нынѣ живете; учали васъ отлучать и неволить къ своей Полской вѣрѣ, и всякое надъ Вами поруганіе и злости не Христіянскія чинити. А послѣ того и по мирахъ зъ Вами подъ Зборовомъ и подъ Бѣлою Церквою, на правдѣ своеи не устояли, войска свои на Васъ собрали, и многіе городи и мѣста, и въ тихъ городѣхъ и мѣстахъ Святіе Божіе церкви осквернили и обругали и разорили, и Православнихъ Христіянъ духовного и мирского чина многихъ невинныхъ замучили. И Вы нехотя благочествія Христіянскія вѣри отбыть, и Святихъ Божіихъ церквей въ разореніи видѣть, просили милости у Насъ Великого Государа, чтобъ Мы Великій Государъ, Наше Царское Величество, Православніе Христіянскіе вѣри искоренить и Святихъ Божіихъ церквей разорить гонителемъ Вашимъ и Нашимъ не попустили, не дали и надъ Вами умилосердились, велѣли Васъ все войско Запорожское принять Нашего Царского Величества подъ високую руку, зъ городами и землями, и Вы все войско Запорожское Намъ Великому Государу, Нашему Царскому Величеству, учнете служити, и за Наше Царское здорове, противъ всякого Нашого непріятеля стояти во вѣки неотступно. А буде Ми Великій Государъ, Наше Царское Величество, подъ Нашу Государскую високую руку, приняти Васъ не изволимъ, и Намъ би Великому Государу,

Нашому Царскому Величеству, пожаловати, для Православнія Христіянскія вѣри за Васъ вступитися, и велѣти зъ Полскимъ Королемъ и зъ пани ради помирити чрезъ Нашихъ Государскихъ великихъ пословъ, и Ми Великій Государъ, Наше Царское Величество, по Вашему челомбитю послали Нашихъ Царского Величества великихъ и полномочнихъ пословъ къ Полскому Королю Яну Казѣмѣру, боярина и намѣстника Велико-Пермского князя Бориса Александровича Репнина зъ товарищи, а велѣли Королю и паномъ радѣ о томъ миру и посредствѣ говорити накрѣпко. И Нашого Царского Величества посли Королю и въ отвѣтехъ паномъ радѣ учинили, чтобъ Король и пани рада Православніе Христіянскіе вѣри Греческого закона не гонили, и Церквей Божіихъ не отнимали, и неволѣ Вамъ войску Запорожскому не чинили; а учинили-бъ съ Вами миръ по Зборовскому договору. И Полскій Янъ Казѣмѣръ Король и пани рада Нашего Царского Величества посломъ отказали, а говорили, помирятся де они зъ Вами войскомъ Запорожскимъ въ тое время, какъ Ви, войско Запорожское, шаблѣ на своей шеи положите. И въ прошломъ во 162 году, Ми Великій Государъ, Наше Царское Величество, видя на Православную Христіянскую вѣру и на Святіе Божіе церкви великое гоненіе, и нехотя того слишати, чтобъ Церквамъ Божіимъ въ запустѣніи и поруганіи отъ Латинъ, и Вамъ единовѣрнимъ Православнимъ Христіяномъ въ конечномъ разореніи быти, Гетмана Богдана Хмелницкого, и Васъ все войско Запорожское подъ Нашу Царского Величества високую руку, по Вашему челомбитю, зъ городами и зъ землями принять изволили, и Нашими Царского Величества ратними людми на непріятелей Вашихъ помощъ чинити велѣли. И Гетманъ Богданъ Хмелницкій, и Ви полковники и всякіе началніе люди и Козаки и мѣщане и вся черпь войска Запорожского, которіи были на радѣ въ Переяславлѣ, видя о благочестіи Наше Царского Величе-

ства тщаніе, и о Васъ, Православнихъ Христіянехъ, веліе попеченіе, Намъ Великому Государу, Нашему Царскому Величеству, въ Соборной Апостолской церкви, предъ Святимъ Евангеліемъ, по Святой непорочной Евангелской заповѣди Христовой, вѣру учинили, при ближномъ Нашомъ бояринѣ и намѣстникѣ Тверскомъ, при Василіе Василіевичу Бутурлинѣ зъ товарищи. А которіе началніе люде и Козаки и мѣщане и чернь войска Запорожского, на радѣ зъ Гетманомъ въ Переясловлѣ не были, и тѣ всѣ по тому же вѣру учинили во всѣхъ городѣхъ и мѣстехъ, по полкамъ всего войска Запорожского, во Святихъ Божіихъ церквахъ, предъ Святимъ Евангеліемъ, при столникахъ Нашихъ и дворянехъ, на томъ, что служити Вамъ, всему войску Запорожскому, и мещанамъ и всей чернѣ Намъ, Великому Государу, и сину Нашего Царского Величества благовѣрному Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи, и Нашимъ Государскимъ наслѣдникомъ; а ко инимъ Государемъ и Полскому, Нѣмецкому Королемъ, и къ Турскому Солтану и Кримскому Хану, и къ инимъ никоторимъ Царемъ и Королемъ не приставать, и опричь Насъ Великого Государа и сина Нашего Царского Величества, благовѣрного Царевича и Великого князя Алексѣя Алексѣевича, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи, и Нашихъ Государскихъ наслѣдниковъ, на Московское и Владимирское Государство, и на всѣ великіе Государства Російского Царства, и на Великое Княжество Кіевское и Чернѣговское, и на всю Малую и Бѣлую Русь иного Государа никого не хотѣть и не мислити, и быти всему войску Запорожскому подъ Нашею Царского Величества високою рукою на вѣки неотступно. И какъ Гетманъ Богданъ Хмелницкій и Ви все войско Запорожское у Насъ Великого Государа, у Нашего Царского Величества въ подданствѣ учинилися, и Янъ Казѣмѣръ Король и пани рада, и вся рѣчъ посполитая учали на Православную Христіянскую вѣру и

на Васъ Православнихъ Христіянъ умишлять всякое зло, пуще прежнего. И Ми Великій Государъ Царь, Наше Царское Величество, за избаву Православнія Христіянскія вѣри и за Васъ Православнихъ Христіянъ, изволили ити на Полского Короля Яна Казѣмѣра, и ходили со многими ратми своею Государскою особою; а къ Вамъ, Нашего Царского Величества въ войско Запорожское, на оборону противъ непріятелей посилали нашихъ Царского Величества бояръ и воеводъ съ многими ратми.

И Гетманъ Богданъ Хмелницкій, Намъ Великому Государю служилъ до смерти своей вѣрно, по своему обѣщанію; да и Ви Нашого Царского Величества войско Запорожское Намъ Великому Государу, Нашему Царскому Величеству, и донинѣ служили вѣрно безъ всякой шатости. А какъ въ прошломъ въ 165 году, Гетмана Богдана Хмелницкого не стало и Ви Нашого Царского Величества войска Запорожского обозніи и судіи войсковіи, полковники и ассаули и старшина войска Запорожского, прислали къ Намъ Великому Государу, къ Нашему Царскому Величеству, бити челомъ Корсунского полку асаула Юрія Миневского зъ товарищи, что Ви по смерти Гетмана Богдана Хмелницкого, промежъ себе совѣтомъ и единогласіемъ всего Нашего Царского Величества войска Запорожского, обрали на Гетманство Запорожское Ивана Виговского, и чтобъ Великому Государу, Нашому Царскому Величеству пожаловать того новоизбранного Гетмана Ивана Виговского, велѣть ему дать Нашого Царского Величества жалованную грамоту и булаву; а Вамъ би всему войску Запорожскому, и съ новоизбраннимъ Вашимъ Гетманомъ Намъ Великому Государу, Нашему Царскому Величеству, и сину Нашого Царского Величества, благовѣрному Царевичу и Великому князю Алексѣю Алексѣевичу, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи Нашимъ Государскимъ наслѣдникомъ служити и всякого добра хотѣти, на чомъ Ваше прежнее обѣщаніе предъ Святимъ Еванге-

ліемъ. И Ми Великій Государъ по Вашему челомбитю посилали къ Вамъ Нашого Царского Величества ближного околничого и оружейничого и намѣстника Ржевского Богдана Матвѣевича Хитрова, зъ товарищи. И новоизбранвій Вашъ Гетманъ Иванъ Виговскій на прежную подданскую службу, въ Переяславлѣ, въ Соборнѣй Апостолстѣй церкви, Намъ Великому Государу, Нашому Царскому Величеству, по Святой непорочной Евангелской заповѣди Христови, вѣру учинилъ и Образъ Спасовъ цѣловалъ, при ближномъ нашомъ околничомъ и оружейничомъ и намѣстникѣ Ржевскомъ, при Богданѣ Матвѣевичѣ Хитрово зъ товарищи, и при Васъ всѣхъ, на томъ, что служити ему Намъ Великому Государу, Нашому Царскому Величеству, и сину Нашого Царского Величества Благовѣрному Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи, и инпимъ Государскимъ наслѣдникомъ, зъ Вами зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, и быти подъ Нашею Царского Величества високою рукою по прежнему на томъ на всемъ, на чомъ намъ Великому Государу вѣру учинилъ прежній Гетманъ Богданъ Хмелницкій и онъ Иванъ и все войско Запорожское, предъ Святимъ Евангеліемъ; и Наше Царского Величества жаловане, булаву, околничій нашъ и оружейничой и намѣстникъ Ржевской Богданъ Матвѣевичъ ему Гетману при Васъ на радѣ далъ. И послѣ того присилалъ къ Намъ Великому Государу, къ Нашему Царскому Величеству, Гетманъ Иванъ Виговскій Миргородского полковника Григорія Лесницкого зъ товарищи, бючи челомъ Намъ на Полтавского полковника на Мартина Пушкара, да на Якова Барабаша зъ товарищи; и Мы Великій Государъ, Наше Царское Величество, повѣря его обѣщанію, посилали къ Мартину Пушкару и къ Якову Барабашу Нашего Царского Величества столника Ивана Олфимова, да дворянина Никифора Волкова, зъ Нашими Царского Величества грамотами, чтобъ они бунтовъ не вщинали, а были би у Гетмана Ивана Виговского въ по-

слушаніи, и зъ Вами зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ въ соединеніи и въ любви; и для того успокоення,а не для войни, по его Иванову челомбитю, указали Ми Великій Государъ въ Наши Украинскіе Черкаскіе городи ити Нашего Царского Величества околничему князю Григорію Григоріевичу Ромодановскому зъ товарищи, съ нашими ратними людми; и околничой Нашъ воевода съ Нашими ратними людми збирался. И Гетманъ Иванъ Виговскій не дождался Нашого Царского Величества околничого, и призвавъ къ себѣ Кримскихъ Татаръ многихъ, полковника Пушкара убилъ, и Наши Царского Величества Черкаскіе города и мѣста и церкви Божіи и доми многіе пожеглъ и разорилъ, и многихъ Православнихъ единовѣрнихъ Христіянъ побилъ и въ плѣнъ Татаромъ отдалъ; а какъ околничій Нашъ и Воевода князь Григорій Григоріевичъ въ Наши Черкаскіе городи прійшолъ, и Гетманъ Иванъ Виговскій писалъ къ Намъ Великому Государу, что своеволниковъ усмирилъ, и Татаръ отпустилъ, и чтобъ Нашого Царского Величества войскъ не утруждать, и велѣти бъ околничому Нашому князю Григорію Григоріевичу съ ратними людми изъ Нашихъ Черкаскихъ городовъ уступить, и по указу Нашого Царского Величества околничій Нашъ князь Григорій Григоровичъ съ ратними людми изъ нашихъ Черкаскихъ городовъ уступилъ. И послѣ того Гетманъ Виговскій велѣлъ войска Запорожского всѣмъ полковникамъ зъ полками быть готовимъ невѣдомо для какова умислу; и Ми Великій Государъ посилали къ нему Гетману въ розвихъ мѣсяцехъ и числехъ, зъ Нашими Царского Величества зъ грамотами, Путивлца сына боярского Федора Тиляблева, поддячого Якова Портемонова, и онъ Гетманъ Иванъ Виговскій у себе ихъ задержалъ.

И въ нинѣшнемъ въ 167 году, писали къ Намъ Великому Государу, Нашому Царскому Величеству, зъ Кіева бояринъ и намѣстникъ Бѣлоозерской и воевода Василій Борисовичъ

Шереметовъ съ товарищи: вѣдомо де имъ учинилось, что идутъ подъ Нашу Царского Величества вотчину, подъ Кіевъ, пять полковниковъ съ полки, и съ Кримскими Татари со многими людми, и Нашихъ Царского Величества людей побиваютъ и граблютъ, и всякіе злости чинютъ; и они де, бояринъ и воевода Нашъ Василій Борисовичъ Шереметовъ зъ товарищи, нехотя розлитія крве Православнихъ Христіянъ, послали къ нимъ, полковникомъ, говорить дворянъ, Гаврила Свищова зъ товарищи, для чого они зъ полками и со многими людми и съ Татари подъ Кіевъ идутъ? И полковники де къ бояриpу Нашому и къ воеводамъ Михайломъ Свищовимъ приказали, что они пришли подъ Кіевъ со многими людми по росказаню Гетмана Ивана Виговского, а Татаръ де съ нимъ нѣтъ, а будетъ де къ нимъ подъ Кіевъ для договору всякихъ дѣлъ иде Данило Виговскій. И августа де 23 прійшолъ подъ Кіевъ Данило Виговскій съ Татари, и съ Черкаси со многими людми; и въ нашихъ ратнихъ людей конскіе стада отогнали, и за сторожевими сотнями учали гонить, и на посадѣ на торгу нашихъ ратнихъ людей побивать, и посадъ велѣли жечь, и стали въ обозехъ и шанци покопали, и учали ку городу приступать. И Нашего Царского Величества бояринъ и воевода Василій Борисовичъ, видя къ Намъ Великому Государу Данила Виговского явную измѣну, боронясь отъ себя, и прося отъ Бога милости, посилалъ товарищей своихъ воеводъ, зъ Нашими Царского Величества ратними людми; и Наши Царского Величества воеводи и ратніе люди ихъ побили, и изъ шанцовъ ихъ вибили, и обозъ и нарядъ, пушки и пищали и праперъ и литаври и барабани и бунчукъ и печать войсковую взяли, и живихъ многихъ въ язицехъ поймали; и тѣхъ взятихъ Православнихъ Христіянъ бояринъ Нашъ и воевода Василій Борисовичъ съ товарищи отпустили къ Вамъ въ полки, а иніе Православніе Христіяне, бѣгучи зъ бою, въ Днѣпрѣ и въ Почайнѣ многіе потонули. И Ми Великій Христіанскій

Государъ поборяя по благочестіи, слиша такое междоусобіе Православнихъ Христіянъ и невинное кровопролитіе, которое учинилось отъ того измѣнника Нашого и гонителя всѣхъ Православнихъ Христіянъ, отъ Ивана Виговского, зѣло поскорбѣли, а положили упованіе на всещедрого Бога и на силу животворящого Креста и на Пресвятую Богородицу; и вѣруемъ Богу Нашему, что и впредь воздастъ ему Богъ мщеніе за его клятвопреступленіе, что забывъ онъ страхъ Божій и прежнее свое и нинишнее обѣщаніе, на чемъ Намъ Великому Государу обѣщался предъ Святимъ Евангеліемъ, въ томъ во всемъ солгалъ, и воздвигъ рать на Церковь Божію, сложась съ Кримскими Татари; единовѣрнихъ Православнихъ Христіянъ воюетъ и сѣчетъ, и въ плѣнъ и въ росхищеніе хочетъ отдать, хотя церкви Божіи до конца разорить, и Васъ, единовѣрнихъ Православнихъ Христіянъ, изъ подъ Нашія Царского Величества високія руки отгонить и учинить во вѣчномъ порабощеніи у Ляховъ и у Татаръ, облигая Насъ Великого Государа, Наше Царское Величество, Вамъ вѣрнимъ Нашимъ подданнимъ, будто Ми Великій Государъ права и волности Ваши нарушаемъ, и отъ непріятелей Вашихъ оборони Вамъ не чинимъ. И Вамъ то вѣдомо подлинно, какъ Гетманъ Богданъ Хмелницкій и Ви все войско Запорожское учинились подъ Нашею Царского Величества високою рукою, въ вѣчномъ подданствѣ, и Ми Великій Государъ, Наше Царское Величество, посилали для оборони Васъ единовѣрнихъ Православнихъ Христіянъ отъ непріятелей, Нашихъ Царского Величества бояръ и воеводъ, съ многими ратми, не по едно время; и Наши Царского Величества бояре и воеводи, и ратніе люди съ Вами вмѣстѣ, зъ корунними Гетмани и зъ Кримскими Татари бились крѣпко и мужественно, и городи многіе и мѣста въ коронѣ Полской и на Волинѣ и на Подолѣ поймали; и отъ Нашихъ Царского Величества бояръ и воеводъ Вамъ никакихъ обидъ въ правахъ Вашихъ и

въ волностяхъ не бывало; и Нашіе Царского Величества многіе грамоти посилани къ Вамъ напередъ сего зъ Нашимъ Государскимъ милостивимъ словомъ, и вѣдомо Намъ Великому Государу Нашому Царскому Величеству учинилось, что тѣ Наши Государскіе грамоти Гетмани у себе задержали, и Вамъ не отдали; а Мы Великій Государъ подъ Нашею Царского Величества високою рукою, въ Нашомъ Государскомъ милостивомъ жалованне и въ призрѣніе, по Вашимъ правамъ и волностямъ, непремѣнно содержимъ и содержати будемъ Васъ. И Вамъ би Нашего Царского Величества, войска Запорожского Полтавского полку полковнику и асауломъ и сотникамъ и всякимъ началнимъ людемъ и козакомъ, также войтомъ, бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ и всему посполству и всей чернѣ, памятуя Бога и Православную Христіянскую вѣру, и предъ Евангеліемъ по Святой непорочной Евангелской заповѣди Христови свое крѣпкое обѣщаніе, и Нашу Государскую къ себѣ премногую милость и жалованіе, нинѣ къ Намъ Великому Государу, къ Нашему Царскому Величеству службу свою и доброхотѣніе совершенно показать, и отъ измѣнника Нашого Царского Пресвѣтлого Величества, и клятвопреступника и разорителя вѣри Христіянскія, отъ Ивана Виговского и отъ Татаръ отстати, и зъНашими Царского Величества бояри и воеводи о Нашихъ Государскихъ дѣлехъ ссилатися почасту, и обрати би Вамъ всѣмъ войскомъ Запорожскимъ единогласно иного Гетмана, какого межъ себе излюбите, и быти-бъ подъ Нашею Царского Величества високою рукою въ вѣчномъ подданствѣ, по своему обѣщанію по прежнему, и ни на какіе прелести не уклонятся, и зшедшися зъ бояри Нашими и воеводи, за Святія Божія церкви и за православную Христіянскую вѣру, противъ Нашего Царского Величества и Васъ всѣхъ Православнихъ измѣнника и клятвопреступника, Ивана Виговского, и Кримскихъ Татаръ и Ляховъ стояти и промислъ надъ ними чинити, колко милосердній Богъ помощи подастъ,

чтобъ Святіе Божіе Церкви до конца не разорились, и Васъ Православнихъ Христіянъ Ляхи и Бѣсурмани у плѣнъ и въ разхищеніе не поработили вѣчно; а Ми Великій Государь Наше Царское Величество учнемъ Васъ жаловать, и держать подъ Нашею Государскою крѣпкою високою рукою въ Нашемъ Государскомъ милостивомъ жалованьи по Вашимъ правамъ и волностямъ, и въ томъ би Вамъ на Нашу Государскую милость быти во всемъ надежнимъ безъ всякого сомнѣнія. А тѣмъ бы не сумнѣватися, что прежде сего прошлого 166 году, знаменито и усердно будучи Намъ Великому Государу, къ Нашому Царскому Величеству, полку Полтавского вѣрнимъ подданнимъ Козакомъ оборони и защити не учинено; всакъ о томъ можетъ разсудити чистъ умъ имѣючи, что то учинено не презрѣнія для, или кромѣ всякого попеченія и безъ помощи оставленнимъ быти; но вѣрна имѣючи Гетмана, яко началного надзирателя и остерегателя Украини Малоросійскія, ничто же сумнително объ немъ разумѣя; обаче онъ яко наемникъ, а не пастиръ, и не лучшее свобожденіе избирая, но на пагубу злокозниствомъ своимъ Нашихъ Царского Величества вѣрнихъ подданнихъ войска Запорожского, Іюдски на преданіе братіи тайно въ душѣ своей умишлялъ, возложа надежду свою на бѣсурманскую тщетную силу; единовѣрнихъ же братію свою Церкви восточнія синовъ, дражайшею кровію Христа Спасителя искупленною, дешевою цѣною тѣмъ Агарянскимъ чадомъ продати обѣщася. И Ми Великій Государъ, видя тѣхъ, которіе Намъ Великому Государу Нашему Царскому Величеству вѣрне служатъ, Нашего Царского Величества державною милостію обнадеживаемъ, и велимъ за Васъ Нашего Царского Величества воеводамъ стояти и защищати, сколко милосердій Богъ помощи подастъ. Да и Гетману Ивану Виговскому посиланъ былъ Нашего Царского Величества дякъ Василій Михайловъ; и въ нинѣшнемъ же 167 году, къ Намъ Великому Государу, къ Нашему Царскому Величеству дякъ Василій Михайловъ

пріехалъ, извѣщалъ, что онъ по Нашому Великого Государа указу, Гетману Виговскому Ивану говорилъ, чтобъ онъ Гетманъ, памятуя Бога, истинное свое обѣщаніе предъ Святимъ Евангеліемъ на вѣчную службу и подданство, Намъ Великому Государу Нашему Царскому Величеству служилъ вѣрно, и былъ бы на Нашу Великого Государа милость во всемъ надеженъ, а сомнѣнія и непостоянство всякое оставилъ, и ни на какіе онъ злохитріе Лядской прелести не прелщался, а Татаръ би всѣхъ отпустилъ для того, что отъ Татаровъ Вамъ всѣмъ Православнимъ Христіяномъ насилство и утисненіе великое. И Гетманъ Иванъ Виговскій отъ Нашія Государскія милости отлучился, и Нашому Государскому повелѣнію учинился непослушенъ, Татаръ отъ себе не отпустилъ, и забывъ Бога и истиное свое обѣщаніе, говорилъ, что онъ зъ ними, враги Креста Христова, зъ бѣсурмани хощетъ соединитися на православнихъ Христіянъ; да онъ же Гетманъ говорилъ, что будто есть у него изъ Нашихъ Великого Государа полковъ Рускіе люди перебѣжчики, а сказиваютъ де тѣ перебѣжчики, будто слишели, что Нашого Великого Государа грамота прислана околничому Нашему и воеводѣ, ко князю Григорію Григоріевичу Ромодановскому, велѣно де его Гетмана и всю старшину побить, права и волпости поломать, а Козакомъ быть толко десяти тисячамъ. И то Гетманъ Иванъ Виговскій, не убоясь праведного и страшного суда Божія, вмѣщаетъ межъ Вами Православними единовѣрними Христіянами на ссору, хотя Васъ отъ Нашея Государскія милости отлучити, чтобъ ему тѣми своими злохитрими вимисли учинить межъ Православними Христіяни расколи и брань междоусобную, и привести бъ всѣхъ Васъ Православнихъ Христіянъ въ Лядскую и Латинскую вѣру; а у Насъ Великого Государа того и въ мисли нѣтъ, чтобъ старшинѣ якое зло чинить, или Козакомъ такому малому числу быть. Мы Великій Государь, Наше Царское Величество, желаемъ видѣти всѣмъ Православнимъ

Христіяномъ всякого добра и покою, и хотимъ того, чтобъ войска Запорожскіе были Козаки многіе тисячи. А которіе налоги и обиди въ войскѣ Запорожскомъ и учинились Нашего Царского Величества отъ ратнихъ людей, и ему би Гетману за такимъ великимъ утвержденіемъ и за присягою, Нашего Царского Величества на околничого и воеводу на князя Григорія Григоріевича Ромодановского, и на ратнихъ людей и на Наши Царского Величества Украинскіе городи войною приходить было не годилось; а о управѣ довелось было прислать бити челомъ къ Намъ Великому Государу Нашему Царскому Величеству. А Ми Великій Государъ Наше Царское Величество Васъ вѣрнихъ подданнихъ войска Запорожского какъ прежде сего въ Нашой Государской милости имѣли, такъ и впредь неотмѣнно содержати будемъ.

Печатана сія Наша Царского Величества грамота въ Нашомъ Великого Государа въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ созданія міра 7167, мѣсяца сентабря 23, отъ Рождества Христова 1659.

РОЗДѢЛЪ V.

О виправѣ Немѣрича отъ Виговского зъ Чигрина до Варшави на сеймъ, для потверженія Коммисіи и пактовъ Гадяцкихъ; о прибытю его Немѣрича въ Варшаву, и о его рѣчи предъ Королемъ и сенатомъ бывшой; о незгодѣ сеймовой зъ початку до тихъ зъ Козаками пактовъ для Унѣи, потомъ о потверженю тихъ пактовъ сеймовою згодою и Королевскою присягою, со уставленіемъ на Украинѣ третой рѣчи посполитой, короннимъ и Литовскимъ подобіемъ; о одозвѣ всего духовенства Украинского до Римской столици, взглядомъ упору Лядского на Унѣю, и о уничтоженю тоя и упору онихъ.

Скоро Виговскій по прежде описанной войнѣ Конотопской и Сосновской, предъ Спасовими запустами (яко вишшей рѣхомъ) въ Чигринъ прибылъ, и войска свои на время роспустилъ, тогда заразъ не Носача обозного енералного, якъ намѣрилъ былъ, але Немѣрича полковника своего зъ товариствомъ Козацкимъ значнимъ, именемъ своимъ и всего войска Запорожского, виправилъ до Короля Полского Яна Казѣмѣра и цѣлой рѣчи посполитой, просячи о аппробацію и потверженье коммисіи и пактовъ Гадяцкихъ, року прешлого 1658 составленнихъ; понеже о томъ власне времени зачинался въ Варшавѣ сеймъ валній, которого (яко Твардовскій сведителствуетъ) директоромъ былъ Гнѣнскій, староста Гнѣзненскій. Тотъ убо поселъ Козацкій Нѣмѣричъ, зъ товариствомъ прибывщи въ Варшаву, въ сеймовой избѣ въ обширной мовѣ

своей предъ Королемъ и всѣмъ сенатомъ марнотравного вспомнѣвши сына, прикладомъ того возвращаючися, яко синъ марнотравній до отца своего, войску Запорожскому и всей Украинѣ просилъ Королевского, яко отческого, призрѣнія и помилованія. Король теди яко многими образи чрезъ своихъ не единокротнихъ пословъ, при многихъ ласки и респекту Королевского обѣтницахъ, старался о примирене себѣ Козаковъ, знаючи ижъ, яко отъ Козацкой сторони огнь войни тогдашнея возгорѣлся и зѣло расширился, зъ великимъ продолженіемъ и Монархіи Полской разореніемъ, такъ зъ тоей же сторони и угасити первѣе оній надлежитъ, уконтентованемъ Козаковъ въ ихъ желаніяхъ.

Предлагаются прето, до уваги подаются и аппробуются на сеймуономъ згодою обоихъ избъ сеймовихъ пакта помененніе Гадяцкіе; бо не могло иначей быти, тилко первѣе трансакціей оной Козацкой Гадяцкой сеймовою увагою аппробованной зостати; а то для того же транзакція тая, великіе въ себѣ заключала дѣла и великого потребовала разсмотрѣнія; гди тое было въ ней главою, ижъ Поляки установляючи до коронной и Литовской, двохъ посполитихъ, третую рѣчь посполитую на Украинѣ, хотѣли того, рко́мо, ку уконтентованю Козацкому, аби и Унѣя въ ней была принята, а при лѣскахъ и печатехъ и Греческіе митри зъ Римскими аби поровнани были инфулами, еже не иное что тилко власную значило Унѣю; але въ томъ осторожни будучи и о такой Унѣи неблаговолячи, епископи и все духовенство Украинское писали о томъ неблаговоленіи своемъ чрезъ примаса своего преосвященного Діонисія Балабана, архіепископа митрополиту на тотъ часъ Кіевского, до столици Римской. По которомъ до Риму одозву митрополитанскомъ, вишмененое о Унѣи намѣреніе и хотѣніе Лядское отверженно и уничтоженно; а короны Полской рѣчи, зъ уконтентованемъ наконецъ Козацкимъ, непремѣнно на прежде описанихъ пактахъ Гадяцкихъ зостали заключенни, и пакта оніе вда-

емне зъ обоихъ сторонѣ присягами суть утвержденни. Якая зась чрезъ Короля виконана тогда присяга, тая здесь прилагается, и отъ слова до слова такъ ся въ себѣ имѣетъ:

Я, Янъ Казѣмѣръ, Божіею милостію Кроль Полскій, Великій Князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Кіевскій, Жмудскій, Волинскій, Инфлянскій, Смоленскій, Чернѣговскій, а Шведскій, Готскій, Вандалскій Дѣдичній Кроль. Присягаю Господу Богу Всемогущему, во Тройци Святой Единому, предъ симъ Святимъ Евангеліемъ Іисусъ Христовимъ, ижъ коммисію, которая отправовалася подъ Гадячимъ, дня шестого сентеврія, року 1658, зъ войскомъ Запорожскимъ, Нашимъ и рѣчи посполитой именемъ, во всѣхъ тоя коммисіи пунктахъ, параграфахъ, клявзуляхъ, пріймую, утверждаю, и той коммисіи во всемъ за досить чинити и оную заховувати, виполняти и пересторѣгати обѣщаю; нѣмало еи не уменшовати, але овшемъ еи боронити буду. Которой коммисіи и всѣмъ оноя пунктомъ, и въ нихъ правомъ, прерогативомъ, волностямъ релѣгіи Грецкой Великого Князства Руского, и волностямъ посполитимъ жадніи виналѣзки довцѣповъ людскихъ шкодити не будутъ; также а нѣ привилеи давніе и свѣжіе, а нѣ жадніи статути, конституціи сеймовіе прешліе и пришліе не могутъ а нѣ будутъ могли шкодити и нѣ въ чимъ уближати, вѣчними часи. Овшемъ Я самъ оной, нѣ въ чимъ ненарушоней, подъ присягою моею Королевскою пилно стерегти и держати обѣщаю, и повиненъ буду и наслѣдники мои Короли Полскіи нѣ въ чомъ ненарушоне держати, и перестерѣгати будутъ вѣчними часи и оную поприсягати; справедливость при тимъ обывателемъ Великого Князства Руского чинити безъ жаднихъ отвлокъ и взгляду на особи, ведлугъ правъ ихъ и звичаевъ будутъ; а ежелибимъ, стережи Боже, въ чимъ тоей присяги Моей нарушилъ, жадного подданства Мнѣ народъ Рускій отдавати не будетъ повиненъ, и овшемъ

тимъ самимъ ихъ зъ послушенства и вѣри Королевѣ повинной уволняю, жадного разрѣшенія зъ тоей присяги Моей нѣ отъ кого не потребуючи, а нѣ его пріймуючи. Такъ ми Господи Боже поможи и та Святая Евангелія Господа Христа. Аминь!

РОЗДѢЛЪ VI.

О розмишленню Виговского о своихъ намѣреніяхъ, и о премѣнѣ фортуни его зъ противнихъ ему поведеній; о тиранствѣ Цюцюрномъ въ Переясловлѣ; о склоненюся его до стороны Російской, и о прибытю по его писму въ Переясловль отъ Путивля князя Трубецкого, зъ войсками и Гетманомъ Безпалимъ; о зложеню тамъ Гетманства отъ Безпалого; о вибитихъ Полякахъ зъ кватеръ Украинскихъ, отъ Виговского показаннихъ; о Запорожцахъ на Виговского идучихъ; о вонтпливости Виговского, и о рушеню зъ войсками зъ Чигрина до Хмелника; о прибытю къ нему подъ Хмелникъ зъ Варшави Немѣрича, зъ потверженними пактами Гадяцкими; о радости его оттоль, и о намѣреніи на Украину; о учиненю Сомка Наказнимъ Гетманомъ по Безпаломъ; о виправѣ его зъ Переясловля на Виговского ку Хмелниковѣ, и о розгромѣ тамъ Виговского; а въ Чигринѣ и Суботовѣ о разгробленню чрезъ Запорожцовъ скарбовъ и достатковъ Виговского и братнихъ; о Сомковихъ совѣтахъ на избраніе совершенного Гетмана; о избраніи на Жердевѣ на Гетманство Юрія Хмелниченка, зъ жалостю Сомковою. О прибытю Сомковомъ до Переясловля зъ подъ Хмелника, и о призваню зъ Чигрина Хмелниченка въ Переясловль для вруч еня ему Гетманства; о врученю ему тамъ Гетманства зъ вичитанемъ пактовъ тогдашнихъ Переясловскихъ, зъ виконанемъ присяги его, и потомъ о учрежденіи тогдашнемъ килкодневномъ, и о младости его.

По оной више описанной виправѣ Немѣрича зъ товариствомъ до Короля Яна Казѣмѣра, на сеймъ валній Вар-

шавскій, для потверженя пактовъ Гадяцкихъ, виправивши, заразъ Виговскій зъ войсками подъ Кієвъ Данилка брата своего родного, для вигнаня оттоль войскъ Великоросійскихъ, яко прежде о томъ виразилося, самъ знайдовался въ Чигринѣ и размишлялъ, якъ би свои намѣренія и концепти до желаемихъ моглъ привести скутковъ; лечъ що человѣкъ собѣ обѣцуетъ, тое Богъ ницуетъ, и его дрето Виговского прешліе благополучія начали ему явно представляти въ очи наступуючіе злополучія и конечній упадокъ; поневажъ едно, брата его подъ Кієвомъ розгромлено; другое, партизанти его сегобочніи начали сторони его чуждатися, а по прежнему подъ руку Царского Пресвѣтлого Величества склонятися. Зъ которихъ первій Тимошъ Цюцюра, полковникъ Переясловскій, прибувши зъ подъ Конотопу, отъ Виговского отпущенній въ Переясловль, а увидѣвши нетвердіе и твердими быти немогущіе его начинанія, началъ склонятися паки подъ руку Монархи Російского, и другихъ зъ собою до того-жъ доброго умишленія началъ призивати; лечъ кгди Стефанъ Северинъ, значній товаришъ войсковій и сотникъ Переясловскій, также Сулими и иншое товариство Переясловское къ тому совѣту его не склонялися, и при сторонѣ Виговского зоставати изволяли; тели онъ Цюцюра за то волѣ своей противенство, яко началникъ сущи, тиранско товаришовъ помененнихъ помордовалъ и позабивалъ, и заразъ о такой своей склонности и братоубійственной Богоненавистной службѣ далъ чрезъ листъ свой знати въ Путивль князю Трубецкому. Князь убо Трубецкій радостенъ тому будучи, абіе зъ княземъ Ромодановскимъ и зо всѣми войсками Російскими, подъ Конотопомъ бывшими, рушилъ отъ Путивля, и предъ Покровою Пресвятои Дѣви Богородици, зъ Гетманомъ Безпалимъ станулъ въ Переясловлѣ; где-жъ онъ Безпалій въ подейшлихъ и шедивихъ жизни лѣтехъ сущи, здалъ зъ себе урядъ Гетманскій, и позволялъ войску иного себѣ

избрати Гетмана. Виговскій Гетманъ увидѣвши, же не по его мислѣ состоятся рѣчи, зъ едной мѣри, ижъ братъ его, яко напредѣ виражено, подъ Кіевомъ зосталъ розгромленъ и войско Козацкое стало за тое на него роптати; зъ другой, же Цюцюра полковникъ Переясловскій зо всѣмъ полкомъ откинулся отъ него; зъ третой, же пять тисячъ Запорожцовъ отъ Сѣчи ку Чигрину простовало на него; зъ четвертой, же Поляки при Потоцкомъ обозномъ коронномъ подъ Конотопомъ зъ Виговскимъ бывшіи, зъ кватеръ своихъ отъ него Виговского, на Украинѣ показанныхъ, зостали вибити и вигнани; и для того о своей звонтпивши цѣлости, взялъ зъ собою Орду, послѣ потреби Конотопской отъ Хана зоставленную, и що колвекъ моглъ къ себѣ Козаковъ притягнути, рушилъ зъ ними всѣми и зъ братомъ своимъ Данилкомъ отъ Чигрина ку Хмелниковѣ, въ полкъ Браславскій, надѣючися тамъ получити себѣ суккурсъ отъ войскъ Лядскихъ, въ чомъ и не омилился; жену зась свою, иже была породи Козацкой, и братнюю, яже была Елена Хмелницковна, въ Чигринѣ зо всѣми богатсвами оставилъ. Тамъ подъ Хмелникомъ Виговскій зъ войскомъ бавячися, и еще къ себѣ войска Полского наджидаючи, дождался повороту зъ Варшави посла своего, полковника Немѣрича зъ товариствомъ, зъ потверженними и присягою Королевскою закрѣпленними вишписанними пактами Гадяцкими; чому велце радостенъ будучи, и рѣчи свои на ногахъ ихъ поставити надѣючися, мѣлъ вскорѣ рушити зо всѣмъ войскомъ на Украину ку Чегриновѣ, и хотѣлъ тими Гадяцкими пактами болшое въ народѣ Украинскомъ здѣлати смущеніе и развращеніе. Но Всевидецъ Богъ, нехотяй тому его Виговского умишленію событія, и болшого чрезъ междоусобіе зрѣти въ народѣ Малоросійскомъ кровопролитія, вложилъ въ сердце князю Трубецкому и иншимъ князямъ и боярамъ, въ Переясловлѣ зъ войсками Московскими бывшимъ, виправити подъ Хмелникъ, городъ надъ Богомъ полку Бра-

славского зостаючій, на Виговского войско Козацкое, и коварніе его пресѣкти тамъ намѣренія. По зложеню теди Гетманства отъ Безпалого, поставляется Наказнимъ Гетманомъ Якимъ Сомко, швагеръ Богдана Хмелницкого, значній и богатій Козакъ и купецъ Переясловскій, иже бысть Юрію Хмелниченковѣ дядко по матцѣ; занеже Богданъ Хмелницкій имѣлъ за собою первую жену Анну Сомковну, родную сестру Якимову Сомкову. Онъ прето Сомко, зоставши Наказнимъ Гетманомъ, виправленъ зъ Переясловля зъ Васютою, новимъ полковникомъ Нѣжинскимъ (бо Гуляницкій, полковникъ Нѣжинскій, зоставалъ тогда при Виговскомъ) въ килконадцати тисячъ самого войска Козацкого, зъ розпихъ полковъ сегобочнихъ комендерованного подъ Хмелникъ на Виговского; где прибувши и бой зъ Виговскимъ зведши, зломилъ и розгромилъ его вконецъ, такъ ижъ всѣ войска его едни тамже трупомъ зъ Гуляницкимъ онимъ, Нѣжинскимъ полковникомъ, пали, а другіе, що остались, пошли въ розсипку, Татаре до Криму, Козаки зъ Петромъ Дорошенкомъ, полковникомъ Прилуцкимъ, до войска Сомкового, а Поляки зъ Гетманомъ Виговскимъ и Даниломъ братомъ его уйшли до Полщи навсегда; и уже отъ того погрому Виговскій Гетманъ болшъ не бывалъ на Украинѣ, а позбывши вскорѣ чрезъ нантіе смертное въ Полщѣ брата своего Данила, а на Украинѣ всѣхъ имѣній и скарбовъ своихъ, легкомислнимъ способомъ (яко вишше рѣхомъ) зъ сокровищъ Хмелницкого винятихъ; ибо преречоніи Запорожци, зъ Сѣчи до Чигрина прибывши а Виговского незаставши, любо имѣли невеликій встрентъ отъ полку пѣхотного Козацкого, подъ комендою Стефана Гуляницкого, брата полковника Нѣжинского зоставашого, однакъ полкъ тотъ заразъ зломивши и полковника оного тамъ же забивши, втиснулися въ Чигринъ и Суботовъ, и разграбили тамъ его и братніе всѣ добра и скарби, самихъ жонъ зоставивши ни причомъ. Сомко по розгромѣ подъ Хмелникомъ

Виговского, еже бысть септеврія числъ среднихъ, пакта Гадяцкіе Королемъ стверженніе и чрезъ Немѣрича до Виговского привезенніе, подобно яко многіи повѣствовали, нѣкіимсь случаемъ доставши, хранилъ ихъ у себе тайно; а поворочаючи отъ Хмелника ку Переясловлю, и имѣючи уже при себѣ зъ обоихъ сторонъ Днѣпра войска Козацкого на двадцять тисячъ зъ старшиною ихъ, намовлялъ и радилъ часть, аби совершенного избрали и постановили себѣ Гетмана, надежденъ будучи, же за тую его подъ Хмелникомъ надъ Виговскимъ службу, самого его Сомка тотъ Гетманскій не оминетъ гоноръ; ажъ судби Господнии иначей о томъ устроили: бо уконтентовавши Сомка Наказнимъ Гетманствомъ, совершеннимъ устроили сина Хмелницкого Юрася, которіи подъ Хмелникомъ не знайдовался, но въ дому, юностнихъ ради лѣтъ своихъ. Тое прето войско отъ Хмелника на Жердеву (иже есть нижше Терехтемирова невеликая долина, пространнимъ полемъ окружаемая) септеврія числъ послѣднихъ прибувши, а раду на избраніе Гетмана учинивши, и Сомка тимъ урадомъ оминувши, единогласно дали свои вота на Юрася Хмелниченка, и новимъ его себѣ по Виговскомъ нарекли Гетманомъ, чаючи отъ него статку и отческого подобія въ вѣрности и зичливости Его Царскому Пресвѣтлому Величеству и отчизнѣ своей Малоросіи, по обоихъ сторонахъ Днѣпра сущей. Якое Хмелниченка на Гетманство избраніе любо не въ смакъ было Сомковѣ, однакъ трудно было тоей войсковой ухвалѣ воспретити и не допустити; но мусѣлъ тому-жъ голосу людскому жалостнимъ сердцемъ согласовати, и Хмелниченка за Гетмана себѣ до часу имѣти. Зъ Жердеви зась Сомко зо всѣмъ войскомъ гди прибылъ до Переясловля, и ознаймилъ князямъ и бояромъ, въ немъ зъ войсками бывшимъ, о избраніи чрезъ войско Юраса Хмелниченка на Гетманство; теди отъ тихъ же князей и бояръ посланъ въ Чигринъ указъ до Хмелниченка, аби для воспріятія Гетманства совершенного прибувалъ неоткладне въ Переясловль.

По якому указу онъ Хмелниченко, зъ значнимъ кгрономъ старшини, тогобочнихъ полковниковъ и значного товариства войскового, и прибылъ зъ Чигрина въ Переясловль, въ неделю октоврія 9 по полуднѣ; где засталъ зъ многими войсками Великоросійскими ближнего боярина и намѣсника Казанского князя Алексѣя Никитича Трубецкого и боярина и намѣсника Бѣлоозерского Василія Борисовича Шереметова зъ Кіева прибылого; также околничого и намѣсника Бѣлогородского князя Григорія Григоріевича Ромодановского и двохъ думнихъ дяковъ, Иларіона Димитріева Лопухина и Өеодора Грибоѣдова. Отъ десятого теди до шестогонадцать октоврія пробавили въ Переясловлю бездѣлно, наджидаючи прибытя зъ обоихъ сторонъ Днѣпра полковниковъ и инной старшини и товариства войскового, якое въ домахъ еще тогда знайдовалося. А въ день 17 октоврія скоро свѣтъ, собралася и станула въ Переясловлѣ валная всего войска Запорожского городового, зъ обоихъ сторонъ Днѣпра сущого Украино-Малоросійского рада, на которой, яко и прежде на Жердевѣ, непремѣнно и единогласно все войско Запорожское дало вотумъ, аби Юрій Хмелниченко былъ ему по обоихъ сторонахъ Днѣпра Гетманомъ; по которомъ желанію войсковому, абіе князи и бояре пречереченіи Великоросійскіи вручили булаву Юрію Хмелниченку зъ иними войсковими клейнотами, и велѣли вичитати статьи зде прилагаеміе; потомъ въ церквѣ Божественной отъ него Хмелниченка зъ войскомъ вислухали присяги на вѣрность Великому Государу виконанои. А по литургіи Божественной и по присязѣ оной, бысть въ князей и бояръ тѣхъ, потомъ у нового Гетмана Хмелниченка веліе килкодневное учрежденіе, и чернѣ войсковой тамъ бывшой отъ Гетмана горѣлчаній люштикъ. Гетманъ зась тотъ Хмелниченко былъ тогда младолѣтенъ и уменъ, заледво отъ рожденія своего лѣтъ сѣмнадцять чили осмнадцять имѣющій.

РОЗДѢЛЪ VII.

Въ немъ же виражаются при постановленю и потвереженю въ Переясловлѣ Юрася Хмелниченка на Гетманство даннiе, а потомъ въ монастиру Кiево-Печерскомъ видрукованнiе и отъ слова до слова такъ въ себѣ мѣючiеся, Его Царского Пресвѣтлого Величества статьи албо конституцiи Переясловскiе, при обраню на Гетманство Юрiя Хмелницкого, всему войску Запорожскому отъ Великого Государа Цара Всеросiйского даннiе. Лѣта 7167, генвара въ 13 день а отъ Рождества Христова 1659.

Великiй Государъ Царъ и Великiй Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великiя и Малiя и Бѣлiя Росiи Самодержецъ, указалъ ближнему боярину и намѣснику Казанскому князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, да боярину и намѣснику Бѣлоозерскому Василiю Борисовичу Шереметову, да околничому и намѣснику Бѣлогородскому князю Григорiю Григорiевичу Ромодановскому, да думному дяку Иларiону Дмитрiеву сину Лопухину, да дяку Феодору Грибоѣдову, ехати Малiя Росiи въ свои Великого Государа Черкаскiе городи, въ войско Запорожское, для успокоеня ихъ междоусобiя и невинного кроворазлитiя. А какъ то междоусобiе и невинное Христiянское кроворазлитiе успокоитъ,

и Великій Государь, Его Царское Пресвѣтлое Величество, пожаловалъ, велѣлъ учинить въ войску Запорожскомъ въ Переясловлѣ раду; а на раду велѣлъ быть обозному, судямъ, асауламъ, полковникомъ и всей старшинѣ и чернѣ по ихъ праву, велѣлъ имъ обрать Гетмана, кого они межъ себе излюбять. А какъ Гетмана изберутъ, и Великій Государь, Его Царское Пресвѣтлое Величество, велѣлъ на радѣ вичесть стати, какови были дани, по указу Его Пресвѣтлого Величества, прежнему Гетману Богдану Хмелницкому и всему войску Запорожскому, на какихъ статяхъ были подъ високою рукою Его Царского Пресвѣтлого Величества прежній Гетманъ Богданъ Хмелницкій и все войско Запорожское; а иніе стати указалъ Великій Государь, Его Царское Пресвѣтлое Величество, учинить нинѣ вновь для потверженя въ войску, чтобъ такія измѣни и междоусобія и невиннія Христіянскія крови разлитія не было, какъ учинилося отъ измѣнника отъ Ивашка Виговского и отъ его совѣтниковъ. А какъ они Гетмана оберутъ, и имъ съ тѣмъ новоизбраннимъ Гетманомъ Ему Великому Государу Цару и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи Самодержцу, Его Царскому Пресвѣтлому Величеству, и сину Его Государеву Великому Благовѣрному Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи, и ихъ Государскимъ наслѣдникомъ, на вѣчное и вѣрное подданство, по непорочной Евангелской заповѣди вѣру учинить и крестъ цѣловать, и быть имъ у Него Великого Государа, у Его Царского Пресвѣтлого Величества, подъ Его Великого Государа самодержавною високою рукою въ вѣчномъ подданствѣ, въ прежнихъ правахъ и волностяхъ, по прежнимъ Его Великого Государа, Его Царского Пресвѣтлого Величества жалованнимъ грамотамъ, какови были дани прежнему Гетману Богдану Хмелницкому и всему войску Запорожскому, и какови стати вновь учинить.

И въ нинѣшнем во семтисячном 168 году, октоврія во семійнадесять день, по указу Великого Государа Цара и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи Самодержца, ближній бояринъ и намѣсникъ Казанскій князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, бояринъ и намѣсникъ Бѣлоозерской Василій Борисовичъ Шереметовъ, околничій и намѣсникъ Бѣлогородской князь Григорій Григоріевичъ Ромодановскій, дяки думніи Ларіонъ Лопухинъ, Федоръ Грибоѣдовъ, въ Переясловлѣ раду учинили и указъ Великого Государа, Его Царского Пресвѣтлого Величества, на радѣ всѣмъ сказали, чтобъ они обрали по своимъ правамъ и волностямъ Гетмана, кого излюбятъ. И наказній Гетманъ Іоанъ Безпалій, и обозной и судьи и полковники и вся старшина и чернь по своимъ правамъ и волностямъ обрали Гетмана Юрія Хмелницкого. А какъ обрали Гетмана, и ближній бояринъ и намѣсникъ Казанскій князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, и бояринъ и намѣсникъ Бѣлоозерскій Василій Борисовичъ Шереметовъ, и околничій и намѣсникъ Бѣлогородскій князь Григорій Григоріевичъ Ромодановскій, и дяки думніи, Ларіонъ Лопухинъ да Федоръ Грибоѣдовъ, на радѣ прежніе стати, какови дани въ прошломъ во 7162 году, прежнему Гетману отцу его Богдану Хмелницкому и всему войску Запорожскому, и сверхъ прежнихъ статей новіе стати, которіе по указу Великого Государа нинѣ вновъ прибавлени, велѣли вичесть; и на тѣхъ статяхъ Гетманъ Юрій Хмелницкій и обозній, асаули войсковіе и суди и полковники и вся старшина и Козаки и чернь Великому Государу Цару и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи Самодержцу, и сину Гасудареву Великому Государу благовѣрному Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи, и ихъ Государскимъ наслѣдникомъ, по Святой непорочной Евангелской заповѣди вѣру учинили на томъ,

что быти имъ всѣмъ подъ ихъ Государскою самодержавною рукою во вѣчномъ подданствѣ на вѣки неотступнимъ, на тихъ статяхъ, которіе стати поставили на радѣ, и къ тимъ статямъ Гетманъ Юрій Хмелницкій и обозній и асаули войсковіи и суди и полковники и вся старшина и Козаки изо всѣхъ полковъ руки свои приложили. А по которой записи Гетманъ и обозній и асаули и полковники къ вѣрѣ приведени, и та запись подъ статями.

А на радѣ были и къ статямъ руки приложили:

Гетманъ Юрій Хмелницкій самъ руку приложилъ.

Обозній Тимофей Носачъ; въ его мѣсто руку приложилъ писаръ его Тимко Стефановъ.

Суди войсковіи: Иванъ Безпалій, Иванъ Кравченко; а въ ихъ мѣсто руку приложилъ Кобринскій архимандритъ игуменъ Каневскій Іовъ Заюнчковскій.

Асаули войсковіи: Иванъ Ковалевскій, Анисимъ Чебботковъ, а въ ихъ мѣсто руку приложилъ іеромонахъ Іосафатъ Куцевскій, старшій печатарнѣ Печерской.

Писаръ Семенъ Остаповъ самъ руку приложилъ.

Полковники: Черкаскій Андрѣй Овиневъ; въ его мѣсто руку приложилъ его полку писаръ Андрѣй Суличинъ.

Каневскій Іоанъ Лизогубъ; въ его мѣсто руку приложилъ его писаръ Остапѣй Игнатовъ.

Корсунскій Яковъ Петренко; въ его мѣсто руку приложилъ писаръ его Василій Игнатовъ.

Переясловскій Тимофей Цецура; въ его мѣсто руку приложилъ Переясловскій Успенскіі протопопа Григорій Бутовичъ.

Калницкій Иванъ Сѣрковъ; въ его мѣсто руку приложилъ Гетманъ Юрій Хмелницкій.

Полтавскій Федоръ Жученко, руку самъ приложилъ.

Миргородскій Павелъ Апостолъ; въ его мѣсто руку приложилъ Петръ Дорошенко.

Лубенскій Яковъ Засадка; въ его мѣсто руку приложилъ Прилуцкого полку писаръ Василій Севестіяновъ.

Прилуцкій Федоръ Терещченко; въ его мѣсто руку приложилъ Писаръ его Василей Севестіяновъ.

Нѣжинскій Василей Золотаренко; въ его мѣсто руку приложилъ Нѣжинскій протопопа Максимъ Ѳилимоновъ.

Чернѣговскій Іоаникій Силичъ, руку самъ приложилъ.

Протопопи на той же радѣ были и къ статямъ руки приложили:

Переясловскій Григорій Бутовичъ.

Нѣжинскій Максимъ Филимоновъ.

На той же радѣ были Переясловскіе сотники, асаули, атамани и вся старшина, и въ ихъ мѣсто полковій писаръ ихъ Василій Евтихіевъ синъ Василевскій руку приложилъ.

О полковникахъ которіи на той радѣ не были.

А на той радѣ не были тіи полковники для того, что оставлени на границѣ противъ Ляховъ и Татаръ; а въ ихъ мѣсто къ статямъ руки приложилъ Гетманъ Юрій Хмелницкій:

Чигринскій Кирило Андрѣевъ, Кіевскій Василій Бутримовъ. Браславскій Михайло Зеленскій, Подолскій Евстафій Гоголь, Бѣлоцерковскій Иванъ Кравченко, Уманскій Михайло Ханенко, Паволоцкій Иванъ Богунъ.

ПЕРВІЙ.

О волностяхъ ведлугъ давнихъ правъ войска Запорожского.

Чтобъ Его Царское Величество пожаловалъ и изволилъ потвердити права и волности войсковіе, яко издавна бывало въ войску Запорожскомъ, чтобъ своими правами

суживалися, и волности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ; чтобъ въ тіи ихъ суди войсковіи ни бояринъ, ни воевода, ни столникъ не вступался, но отъ старшихъ своихъ чтобъ товариства сужени были; где три человѣка Козаковъ, тогда третяго два должни судити.

И по сей статьи Его Царское Величество Гетмана Богдана Хмелницкого и все войско Запорожское пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челомбитью.

ВТОРІЙ.

О майстратѣ и урядникахъ городовихъ.

Въ городѣхъ урядники зъ ихъ людей аби были обирани на то достойніи, которіи должни будутъ подданими Его Царского Величества исправляти или уряжати, и приходъ належачій вправду въ казну Его Царского Величества отдавати.

Сей статьи Его Царское Величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ же челомбитью. А быти-бъ урядникомъ въ городѣхъ, войтомъ, бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ; и доходи всякіи денежніи и хлѣбніи збирати на Его Царское Величество, и отдавати въ Его Государеву казну тѣмъ людемъ, которихъ Его Царское Величество пришлетъ на то устроеннихъ въ Кіевъ и въ Переясловль; да тѣмъ же присланнимъ людемъ, кого для той зборной казни Его Царское Величество пришлетъ, и надъ тѣми зборщики смотрѣть, щобъ дѣлали правду.

ТРЕТІЙ.

Данина Гетману на булаву.

На булаву Гетманскую дано староство Чигиринское со всѣми принадлежностями, чтобъ и нинѣ для всякого раду пребывало; да ему жъ и тисяча золотихъ червонихъ.

И сей статьи Царское Величество пожаловалъ, велѣлъ быти по ихъ же челобитью.

ЧЕТВЕРТІЙ.

О смерти Гетмана, и о обиранью иного.

Буде судомъ Божіимъ смерть случится Гетману, и Его Царское Величество повелитъ войску Запорожскому самимъ межъ себе Гетмана обирати, а обравши, Его Царскому Величеству извѣщати, потому что тотъ давній обичай войсковій.

И сей статьи Его Царское Величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ же челобитью. А по обраніи, Гетману ѣздити къ Великому Государу князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи Самодержцу, къ Москвѣ, и видѣти Его Государскіе Пресвѣтліе очи; и Великій Государъ, Его Царское Пресвѣтлое Величество, пожалуетъ Гетмана по чину, булаву и знамя, и на Гетманство свою Государеву жалованную грамоту дати ему велитъ.

ПЯТІЙ.

О имѣніяхъ Козацкихъ.

Имѣній Козацкихъ щобъ нихто не отнималъ, которіе землю имѣютъ, и съ тѣхъ земель пожитки чтобъ при тѣхъ имѣніяхъ доброволно были такъ, жеби и вдовъ послѣ Козаковъ осталихъ дѣти такіе жъ волности имѣли, какъ предки и отци ихъ.

И по сей статьи Царское Величество пожаловалъ, велѣлъ быти по ихъ челобитью.

ШЕСТІЙ.

О заплатѣ всего войска.

Писару войсковому и обозному по тисячи золотихъ Полскихъ человѣку; на судей войсковихъ по триста золотихъ; на писара судейского по сту золотихъ; на писара и на хоружого полкового по пятидесяти золотихъ; на хоружого сотницкого тридцять золотихъ; на бунчучного Гетманского сто золотихъ Полскихъ. На полковниковъ по сту

евфимковъ; на асауловъ полковихъ по двѣстѣ золотихъ, на асауловъ войсковихъ по четириста золотихъ; на сотниковъ по сту золотихъ; да обозному жъ и писару, и на судей на двохъ человѣковъ, и на всякого полковника, и асауломъ войсковимъ и полковимъ, которіи на услугахъ войсковихъ завсегда бываютъ, по мелнице бъ было.

А на реестровихъ Козаковъ по тридцяти золотихъ Полскихъ человѣку; а быти реестровимъ Козакомъ шестидесяти тисячамъ, и давати имъ Господарево жалованья, збирая войска Запорожского Малія Росіи зъ городовъ, со всякихъ доходовъ, ежегодъ.

СЕДМІЙ.

О гарматъ войсковой.

Що-бъ гарматѣ войсковой быти въ Корсуни, и весь повѣтъ дати на виживлене и на всю оправу до гарматъ. А на послузѣ при гарматѣ зоставати обозному, асаулу, хоружему, писару; пушкаровъ осмдесятъ человѣковъ, гарматовъ также, шипошниковъ четири человѣки, ремесниковъ дванадцятъ человѣка, стадниковъ шесть человѣковъ, целюрикъ одинъ человѣкъ, добошовъ два человѣки, коноваловъ два-жъ человѣки.

И по сей статьи бояре приговорили быть по ихъ челобитью.

ОСМІЙ.

О правахъ какъ духовнихъ и мірскихъ.

Чтобъ Его Царское Величество пожаловалъ, правъ наданнихъ изъ вѣковъ отъ Княжатъ и Королей, какъ духовнимъ и мірскимъ людемъ, ни въ чемъ нарушать не велѣлъ.

Царское Величество пожаловалъ, какъ права духовніе такъ и мірскіе, ни въ чемъ нарушени не будутъ; а митрополиту Кіевскому, также и инимъ духовнимъ Малія Росіи быть подъ благословеніемъ Святѣйшого Патріярхи Москов-

ского, и всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи; а въ права духовніе Святѣйшій Патріархъ вступати не будетъ.

ДЕВЯТІЙ.

О послахъ и посланникахъ.

Гетману пословъ и посланниковъ и гонцовъ, изъ окрестнихъ и ни изъ которихъ господарствъ, къ себѣ не пріймать; и противъ тѣхъ присилокъ въ окрестніе и ни въ которіе Государства, пословъ же и посланниковъ и гонцовъ отъ себе не посилати, для убытку денежнихъ и инних всякихъ росходовъ войска Запорожского; развѣ о какихъ дѣлехъ повелитъ Великій Государъ, Его Царское Пресвѣтлое Величество, ему Гетману въ которое Государство послать. А которіе посли и посланники и гонци изъ окрестнихъ Государствъ начнутъ къ нему Гетману пріѣзжать, и имъ отказивать, какіе у нихъ дѣла есть, и онибъ ѣхали къ Великому Государу къ Его Царскому Величеству, къ Москвѣ.

ДЕСЯТІЙ.

О мирѣ съ Татарами.

А съ Кримскимъ Ханомъ, кромѣ миру, никакой ссилки не имѣть; а миръ имѣть съ нимъ по указу Великого Государа, Его Царского Величества, для того, чтобъ на жителей войска Запорожского Татарове изъ Криму войною не приходили и ихъ не разоряли и въ полонъ неймали, и гулякибъ зъ Криму или Нагайскій изневесть ихъ же Черкасъ не разоряли и въ полонъ неймали.

ПЕРВІЙНАДЦЯТЬ.

О данехъ и о вибиранью ихъ.

Какъ въ инниxъ земляхъ дань дается вдругъ, волѣли би и они чтобъ цѣною вѣдомою давать отъ тѣхъ людей, которіи Его Царскому Величеству належатъ; а если би инако быти не могло, тогда ни на единого воеводу не

позволять, и о томъ договориваться; развѣ би изъ туточнихъ людей обобравши воеводу человѣка достойного, имѣетъ тѣ всѣ доходи вправду Его Царскому Величеству отдавать.

И сей статьи Его Царское Величество указалъ быти по томъ же какъ и више сего написано, что збирать казну войтомъ, бурмистромъ и райцомъ и лавникомъ; и отдавати Его Царского Величества въ казну тѣмъ людемъ, кого Его Царское Величество пришлетъ, и надъ зборшики тѣмъ людемъ смотрѣть, чтобъ дѣлали правду.

ВТОРІЙНАДЕСЯТЬ.

О воеводахъ.

Чтобъ наѣхавъ воевода учалъ би права ихъ ломати и тягости какіе чинилъ, и то бъ имѣло быть зъ великою досадою, понеже праву иному не могутъ въ скорое навикнути и тяготи такіе не могутъ носити; а изъ туточнихъ людей когда будутъ старшіи, тогда противъ правъ и установъ тутошнихъ будутъ исправлятися.

И по сей статьи Его Царского Величества милостивый указъ, быть урядникомъ того войска, права и волности смотрѣть имъ.

ТРЕТІЙНАДЕСЯТЬ.

О привилеяхъ.

Прежде сего отъ Королей Полскихъ никакова гоненія на вѣру и на волности ихъ не было, всегда они всякого чину свои волности имѣли, и для того они вѣрно служили; а нинѣ за наступленіе на волности ихъ, поддалися Его Царского Величества подъ високую руку и бъютъ челомъ, чтобъ Его Царское Величество велѣлъ дати имъ привилея съ печатьми вислими: чтобъ на вѣчное время непоколебимо было. А когда то получатъ, то они сами смотръ межъ себе учинятъ, и кто Козакъ, тотъ будетъ волность Козацкую имѣть, а кто пашенной хрестіянинъ, тотъ будетъ

должность обиклую Царскому Его Величеству отдавать, какъ и прежде сего бывало. Также и на люди всякіи, которіи Его Царскому Величеству подданніи, на какихъ правахъ и волностехъ имѣютъ быть.

И Царское Величество пожаловалъ, велѣлъ сію статью учинить по ихъ челобитью.

ЧЕТИРИНАДЕСЯТІЙ.

О Кіевскомъ митрополитѣ.

О митрополиту Кіевскомъ, что посланникомъ изустній наказъ данъ; а въ рѣчахъ посланники били челомъ, чтобъ Его Царское Величество пожаловалъ, велѣлъ дать на его маетности свою Царскую жалованную грамоту.

И Царское Величество пожаловалъ, митрополиту на маетности его, которими онъ нинѣ владѣетъ, свою Государскую жалованную грамоту дать велѣлъ.

Новіе статьи которіе по указу Великого Государа Цара и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, Малія и Бѣлія Росии Самодержца, постановлени сверхъ прежпихъ статей.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

О готовости всего войска на рать.

По указу и по повелѣнію Великого Государа Цара и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, Малія и Бѣлія Росии Самодержца, Его Царского Величества, куди Его Царское изволеніе будетъ, всегда на Государеву службу Гетману со всѣмъ войскомъ быти готову.

И Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь, на радѣ вислушавъ сіе статье, приговорили быти такъ, какъ та статья написана.

ВТОРАЯ.

О полкахъ, якъ ихъ много маєть на рать пойти.

Также где укажетъ Великій Государъ и нѣсколко полковъ послати на Его Государеву службу, и ему Гетману тіи полки послать безъ всякого мотьчанья.

И Гетманъ и полковники и вся старшина и черни на радѣ вислушавъ сію статью, приговорили быть сей статьи такъ, какъ написано.

ТРЕТЯЯ.

О Гетманской противу Его Царского Величества вѣрпости.

Гетману-жъ быть вѣрну и на вѣки неотступну, и ни на какіе Лядскіе прелести непрелщаться, также и про Московское Государство никакимъ ссорамъ не вѣрити; а хто станетъ ссорамъ ссоровать, и такихъ людей карать смертю, и о всякихъ ссорнихъ дѣлехъ писать къ Великому Государу, къ Его Царскому Величеству. Также которіе ссорніе дѣла и Московского Государства отъ людей будутъ вмѣщени, и тѣмъ людемъ Государевихъ порубежнихъ городовъ воеводи учинятъ Государевъ указъ по зиску, до чего доведется. И Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь, на радѣ вислушавъ сее статье, приговорили быть сей статьи такъ, какъ написано.

ЧЕТВЕРТАЯ.

О указу Государскомъ на рать.

Безъ указу и безъ повелѣнія Великого Государа, Его Царского Величества, самому Гетману со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ въ войну никуди не ходить, и полками болшими и малими, людми войска Запорожского, никоторимъ окрестнимъ Государствамъ не помагать, и въ помочъ къ нимъ людей не посилать, чтобъ тѣмъ вспоможеньемъ войско Запорожское не умалялося, а будутъ безъ

Гетманского вѣдома пойдетъ кто въ войну самоволствомъ, и тѣхъ казнить смертію.

И Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь, на радѣ вислушавъ сію статью, приговорили быть сей статьи такъ, какъ написано.

ПЯТАЯ.

О воеводахъ по городахъ зъ войсками для оборони.

Великій Государъ Его Царское Пресвѣтлое Величество, велѣлъ быть въ своихъ Царского Величества въ Черкаскихъ городахъ, въ Переясловлѣ, въ Нѣжинѣ, въ Чернѣговѣ, въ Браславлѣ, въ Умани, своимъ Его Царского Величества воеводамъ зъ ратними людми для оборони отъ непріятелей; а тѣмъ воеводамъ въ войсковые права и въ волности не вступать; а которіи воеводи и ратніи люди будутъ въ Переясловлѣ и въ Нѣжинѣ, и тѣмъ быть на своихъ запасехъ; а въ Кіевѣ и въ Чернѣговѣ и въ Браславлѣ владѣть воеводамъ маетностями тѣми, которіе принадлежали къ тѣмъ воеводствамъ прежде сего; а въ полковничьи побори воеводамъ не вступаться; а кто учинитъ якое насилство и тѣмъ чинить наказанье. А которіи Великого Государа ратніи люди будутъ въ Государевихъ Черкаскихъ городахъ, и тѣмъ Государевимъ ратнимъ людемъ у реестровихъ Козаковъ на дворехъ не становиться, а становиться Государевимъ ратнимъ людемъ у всякихъ жителей опрочъ реестровихъ Козаковъ. Также и подводъ подъ посланниковъ и подъ гонцовъ у реестровихъ Козаковъ не имать, а имать у городскихъ и у деревенскихъ жителей; да реестровимъ же Козакомъ держать вино, пиво и медъ; а продавати вино бочкою на аренди и куди хто похочетъ; а пиво и медъ волно-жъ продавать кгарцомъ; а хто будетъ вино продавати въ кварти, и тѣхъ карати.

И Гетманъ и все войско Запорожское и чернь на радѣ вислушавъ сію статью, приговорили быть сей статьи такъ, какъ написано.

ШЕСТАЯ.

О залогахъ, на Бѣлой Руси Черкасцомъ не быть.

Въ городахъ же и мѣстехъ и мѣстечкахъ на Бѣлой Росіи нинѣ и впередъ залогамъ Черкаскимъ не быть, чтобъ ссоры тѣмъ между ратнихъ людей какъ Великорускихъ и Бѣлорускихъ не чинилося.

Гетманъ и все войско Запорожское и чернь на радѣ приговорили въ Бѣлой Росіи залогамъ Черкаскимъ отнюдь не быть; полковникомъ и сотникомъ и Козакомъ въ Бѣлой Росіи Запорожскимъ Козакомъ не озиваться, поки мѣста належатъ къ полкомъ, къ Нѣжинскому, къ Чернѣговскому и къ Кіевскому; а Бѣлорускимъ и Старобиховскимъ и Чаусовскимъ хто будетъ називаться войскомъ Запорожскимъ, и тѣхъ виславъ въ Государеви Черкаскіи городи зъ ихъ пожитками; а которіи не похотятъ ити въ Черкаскіи городи и тѣмъ жить въ тѣхъ мѣстехъ, а Козаками Запорожскими не озиваться; а если-бъ которіи учнутъ отзиваться Запорожскими Козаками и пойдутъ къ Полскому Королю, и тѣхъ имать и карать горломъ.

СЕМАЯ.

О обраню Гетмана и полковниковъ.

Которій Гетманъ по указу Его Царского Величества, а по обраню всего войска учинится въ войску Гетманомъ, а после того учинится въ какой проступцѣ, и войску безъ указу Его Царского Величества самимъ Гетмана не перемѣнять. Хотя новообранній Гетманъ опрочъ измѣни проступку какую учинитъ, и Великій Государъ Его Царское Величество, велитъ про то взискать всѣмъ войскомъ, и по зиску велитъ указъ учинить, какъ повелося въ войску издавна;

а самимъ одноличнo Гетмана безъ указу Его Царского Величества не премѣняти; также и Гетману безъ ради и безъ совѣта всей черни, въ полковники и въ иніи началніи люди никого не вибирать; а чтобъ вибирать въ войско полковниковъ на радѣ кого межъ себе излюбять изъ своихъ полковъ, а изъ иныхъ полковъ въ полковники не вибирать; также тѣхъ полковниковъ Гетманъ безъ ради неповиненъ отставливать.

Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь на радѣ вислушавъ сію статью, приговорили быть сей статьи такъ, какъ написана.

ОСМАЯ.

О иновѣрнихъ, даби на началствѣ въ войску развѣ Православнихъ не были.

Въ войску-жъ Запорожскомъ всякимъ началнимъ людемъ, кромѣ Православнихъ Христіянъ, иныхъ нѣкоторихъ вѣръ людемъ впередъ не быти, для всякіе ссори и прелести; да и новокрещенимъ иноземцомъ въ началнихъ людехъ не быть же, потому что отъ иноземцовъ отъ новокрещенихъ многая въ войску смута й междоусобіе зачинается, да и имъ войска Запорожского Козакомъ чинятся налоги и тѣсноти; а кого новихъ полковниковъ оберутъ, и тѣхъ новоизбранихъ полковниковъ на вѣрное подданство и въ вѣчную службу привести къ вѣрѣ.

И Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь, на радѣ вислушавъ сію статью, приговорили быть сей статьи такъ, какъ написана.

ДЕВЯТАЯ.

О Виговскихъ измѣнникахъ.

Чтобъ измѣнника Ивашка Виговского жену и дѣти Гетманъ и войско отдали Его Царскому Величеству за измѣну, также и брата его Данилка и иныхъ Виговскихъ, которіи есть въ войску Запорожскомъ; а впередъ не толко

при Гетманѣ и въ урядникахъ, но и въ войску Запорожскомъ Виговскимъ не быть.

И Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь, на радѣ вислушавъ сію статью, приговорили измѣнника Ивашкову жену и дѣти, также и брата его Данилка отдать Его Царскому Величеству вскорѣ.

ДЕСЯТАЯ.

О измѣнникахъ прочихъ Его Царского Величества.

Которіи были въ совѣтѣ съ измѣнникомъ зъ Ивашкомъ Виговскимъ, Гришко Гуляницкій, Самошка Богдановъ, Антошка Ждановъ, Германъ и Лобода, и тѣмъ по вѣкъ живота въ радѣ войсковой и въ секретной и въ урядѣ ни въ какомъ не быть. А если кто напротивъ сей статьи учинитъ, въ раду будетъ призивать, и урядъ какой на нихъ положитъ, и тіи будутъ карани смертію.

И Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь, на радѣ вислушавъ сію статью, приговорили быть сей статьи такъ, какъ написано.

ПЕРЬВАЯНАДЕСЯТЬ.

О томъ, кто маетъ при Гетманѣ зъ началнихъ быть.

При Гетманѣ быть, съ обоихъ сторонъ Днѣпра, по судьи, по асаулу и по писару. И Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь, на радѣ вислушавъ сію статью, приговорили быть сей статьи такъ, какъ написана.

ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

О тихъ, которіи каранье смертное заслужатъ, безъ указу Его Царского Величества карани да не будутъ.

Наказному Гетману Ивану Безпалому, и его полку началнимъ людемъ, также полковникомъ Переясловскому Тимофею Цецурѣ, Нѣжинскому Василію Золотаренку, Чернѣговскому Аникію Силину, и ихъ полковъ началнимъ лю-

демъ, естли какой изъ тѣхъ людей будетъ виненъ куда къ смерти въ какихъ дѣлехъ, и ихъ Гетману и началнимъ людемъ, безъ указу Великого Государа Его Царского Величества, не карать до тѣхъ мѣстъ, кого Его Царское Величество укажетъ прислать къ тому суду на исправленіе; для того чтобъ имъ напрасного изгоненія и утѣсненія небыло; потому что они Его Царскому Величеству служили. Также и всѣхъ полковниковъ и иныхъ началнихъ людей обоихъ сторонъ Днѣпра, неповиненъ Гетманъ на горлѣ карать, безъ висланного на судъ отъ Его Царского Величества. А сія статья учинена для того, что измѣнникъ Ивашко Виговскій многихъ полковниковъ и началнихъ людей и Козаковъ, которіи служили вѣрно Царскому Величеству, напрасно смертію каралъ.

И Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь, на радѣ вислушавъ сію статью, приговорили быти сей статьи такъ, какъ написана.

ТРЕТЯЯНАДЕСЯТЬ.

О неволникахъ.

Чтобъ полоненники на обѣ сторони были свободни; а хто похочетъ волею быть, и тѣхъ на обѣ сторони не неволить.

И Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь, на радѣ, вислушавъ сію статью, приговорили быть сей статьи такъ, какъ написана.

ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

О знаменахъ и пушкахъ побраныхъ.

Чтобъ знамена и пушки и болшая верховая пушка, которіе взяты подъ Конотопомъ, аби были отдани въ Кіевъ безъ всякого задержанія.

И Гетманъ и полковники сказали, что измѣнникъ Ивашко Виговскій знамена и барабани и полковіе пушки послалъ къ Полскому Королю, а верховую пушку отдадутъ они въ Кіевъ вскорѣ.

ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

О старомъ Биховѣ.

Гетману велѣть городъ старій Биховъ очистить Великому Государу, и велѣть Черкасъ и инихъ чиновъ служивихъ людей изъ того города вивести, потому что тотъ городъ издавна Полского Короля, а не Черкаской. И въ нинѣшніе мимошедшіе времена, отъ измѣнноковъ, отъ Самошки Виговского и отъ Ивашка Нечая и отъ ихъ совѣтниковъ, Великого Государа ратнимъ людемъ были всякіе зліе умисли и бунти и кровопролитіе великое, и многихъ за вѣрою жъ, въ явъ и тайно до смерти побивали, а впредъ будетъ тѣмъ измѣнникомъ быть въ Биховѣ началними людми, и отъ нихъ быть такому жъ дурну; а въ Биховѣ кромѣ Государевихъ людей Московского набору быть никому непристойно, для того что всякая ссора будетъ, потому что Ляхи живутъ близко, безпрестанно ссоривали, и нинѣ и впередъ учнутъ ссоривать; а пристойно быть тѣмъ людемъ въ Нѣжинскомъ полку и въ Чернѣговскомъ, или гдѣ хто похочетъ.

И Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь, на радѣ вислушавъ Великого Государа указъ, сказали, что они пошлютъ въ Биховъ къ Ивашку Нечаю листъ, чтобъ онъ городъ Биховъ Великому Господару Его Царскому Пресвѣтлому Величеству очистилъ, и Козаковъ, которіи називались Запорожскими Козаки, вислалъ въ Нѣжинскій и въ Чернѣговскій полки; а чтобъ де Его Царское Величество пожаловалъ его, велѣлъ вини его отдать для ихъ прошенія. А естьли де неучинитъ противъ ихъ писма, и они де по указу Его Царского Величества пойдутъ на него войною.

ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

О розбѣглихъ людехъ зъ городовъ, такъ боярскихъ какъ и хрестіянскихъ, въ Черкаскіе городы.

Въ прошлихъ въ 162 и въ 163 и въ 164 годѣхъ, и послѣ тѣхъ годовъ, изъ Бранского, изъ Карачевского, изъ

Рилского, изъ Путивлского уѣздовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ люди и хрестіяне многіе розбѣжалися въ Черкаскіи городи, и въ Новгородокъ Сѣверскій, въ Почепъ и Стародубъ, и изъ тѣхъ городовъ приходячи къ помѣщикамъ своимъ и вотчинникомъ, всякіе злости и разоренье неистерпиміе дѣлаютъ; и Гетманъ би и все войское Запорожское тѣхъ воровъ бѣглецовъ велѣли зискавъ отдать помѣщикомъ ихъ и вотчинникомъ, и впередъ заказъ учинити крѣпкій, которіи боярскіи люди и хрестіяне впередъ учнутъ бѣгать въ Черкаскіи городи, и тѣхъ би нихто въ Черкаскихъ городехъ не пріймалъ, чтобъ въ томъ въ тѣхъ порубежнихъ городехъ ссори а служивимъ людемъ разоренья не было. А о которихъ о бѣглихъ о чіихъ людехъ или о хрестіянехъ учнутъ изъ городовъ воеводи писать, и тѣхъ би отдавать назадъ; а если будетъ кто пріймать тѣхъ бѣглихъ людей и хрестіянъ, и тѣхъ карать смертію. Также будетъ кто изъ войска Запорожского учинилъ надъ кимъ смертное убійство, или въ людехъ какую смуту или ино какое злое, прибѣжатъ въ Государеви Украинніи города, а Гетманъ и полковники учнутъ объ нихъ писать Великого Государа въ Украинніи городи къ воеводамъ, и тѣхъ бѣглецовъ потому жъ сискивая отдавать въ войско Запорожское.

И Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь, на радѣ виелушавъ сію статью, приговорили быть сей статьи такъ, какъ написано.

СЕДМАЯНАДЕСЯТЬ.

О подводахъ и кормахъ посланникомъ.

Чтобъ во всѣхъ городахъ зъ войтовъ, зъ бурмистровъ и зъ мѣщанъ корми и подводи имать тѣмъ людемъ, которіи послани будутъ отъ Великого Государа къ Гетману войска Запорожского, и Его Царского Величества къ бояромъ и воеводамъ и къ приказнимъ людемъ, или въ иніе Государства въ послѣхъ и въ посланникахъ, или Малія Ро-

сіи въ которіе городи и мѣста, для Государскихъ какихъ дѣлъ зъ грамотами; также которіи послани будутъ къ Великому Государу зъ Гетманскими листами, или Его Царского Величества бояръ и воеводъ и приказнихъ людей съ отписки, или отъ окрестнихъ Государей посли и посланники зъ грамотами, или которіе власти Греческіе пойдутъ къ Великому Государу для милостини, и для инихъ якихъ Государскихъ дѣлъ, и какъ отъ него Великого Государа тіи люди пойдутъ назадъ, кождому по его достоинству; а насилствомъ би у нихъ кормовъ и подводъ инимъ людемъ, которіи пойдутъ Его Царского Величества Московскихъ и Малія Росіи городовъ, кромѣ тѣхъ више писаннихъ дѣлъ не имать. А всякими угодьи, чимъ они владѣли по Королевскимъ привилеямъ напередъ сего, владѣть би по прежнему.

И Великій Государъ пожаловалъ, указалъ быть по ихъ челобитью.

ОСМАЯНАДЕСЯТЬ.

О тихъ, которіи вѣри не учинятъ Его Царскому Величеству.

Будетъ кто Великому Государу Его Царскому Величеству, по Святой непорочной Евангелской заповѣди, нинѣ въ войску Запорожскомъ вѣри не учинитъ изъ старшихъ и съ какова нибудь чину, или съ Козаковъ и изъ мѣщанъ, а зищется про то подлѣнно, и тѣхъ людей по войсковому праву казнить смертью.

ДЕВЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

О тихъ, которіи нарушать восхощутъ статьи.

Будетъ хто сіи статьи, которіе постановлени войскомъ, нарушитъ хто и не совершитъ, началний человѣкъ или Козакъ или мещанинъ, и тіи будутъ карани горломъ.

И Гетманъ и полковники и вся старшина и чернь, на радѣ виcлушавъ сію статью, приговорили быть сей статьи такъ, какъ написано.

ЗАПИСЬ.

По которой записи приведени къ вѣрѣ, по Святой непорочной Евангелской заповѣди, Гетманъ Георгій Хмелницкой, и обозній и судьи и асаули и полковники и вся старшина и чернь.

Азъ Гетманъ Георгій Хмелницкій обѣщаюся предъ Святимъ Евангеліемъ на томъ, что въ прошлихъ лѣтехъ посилали къ Великому Государу Цару и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи Самодержцу, отецъ мой, Гетманъ Богданъ Хмелницкій, и все войско Запорожское посланниковъ своихъ многажди бити челомъ, чтобъ Великій Господаръ пожаловалъ, велѣлъ его Гетмана со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, и всю Малую Росію, всякихъ чиновъ людей принять зъ городами и зъ землями подъ свою Государскую високую руку, въ вѣчное подданство; и Великій Государъ Царъ и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи Самодержецъ, Его Царское Пресвѣтлое Величество, пожаловалъ, подъ свою Государскую високую руку его Гетмана, отца моего, Богдана Хмелницкого и все войско Запорожское со всею Малою Росіею приняти изволилъ. И въ прошломъ 7165 году, волею Божіею отецъ мой Гетманъ Богданъ Хмелницкій умеръ, а послѣ того, по указу Его Царского Величества и по войсковому обраню, учи-

ненъ былъ въ войску Запорожскомъ Гетманомъ Ивашко Виговскій; и нинѣ онъ Ивашко, за свое клятвопреступленіе, войскомъ же Запорожскимъ отъ Гетманства отставленъ; а по указу Великого Государа и по обраню всего войска Запорожского, учинился нинѣ на радѣ войску Запорожскому Гетманомъ я, Георгій Хмелницкій. И мнѣ Гетману Георгію съ полковниками и сотники и со всякими чиновними людми и со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ всякихъ чиновъ людми, быть подъ Царского Величества високою рукою на вѣки неотступнимъ, и служить ему Великому Государу и сину Его Государеву Государу Нашему благовѣрному Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу, всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи, и наслѣдникомъ ихъ вѣрно, и на всякого Его Государева непріятеля стоять по Его Господарскому повелѣнію безо всякіе измѣни; а къ Полскому и къ Турскому и къ Кримскому и къ инимъ Государемъ не приставать. И на томъ на всемъ я Гетманъ Георгій и войска Запорожского всякого чину люди на чимъ нинѣ обѣщаемся предъ Святимъ Евангеліемъ Христовимъ, при Его Царского Величества боярехъ, при ближнемъ бояринѣ и намѣснику Казанскомъ при князю Алексѣю Никитичу Трубецкомъ, при боярину и намѣснику Бѣлоозерскомъ при Василіи Борисовичу Шереметевѣ, при околничемъ и намѣснику Бѣлогородскимъ при князю Григоріи Григоревичу Ромодановскомъ, при діякахъ: при думномъ при Иларіонѣ Лопухинѣ, да при Феодорѣ Грибоѣдовѣ, которихъ Его Царское Величество для того нинѣ прислалъ.

А на истинное увѣреніе во всемъ томъ обѣщаваюся Господару своему Цару и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи Самодержцу, и Его Благовѣрной Царици Государинѣ Нашей и Великой Княгинѣ Маріи Ильичнѣ, и Благовѣрному Государу Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи, и ихъ Государскимъ наслѣдни-

комъ, по непорочной заповѣди Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, якоже въ Святомъ Евангеліи указася, еже ей, ей, на томъ служити, мнѣ и всему войску Запорожскому, всякихъ чиновъ людемъ, Ему Великому Государу своему Цару и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи Самодержцу, и Его Благовѣрной Царицѣ Государинѣ Нашей и Великой Княгинѣ Маріи Ильичнѣ, и Благовѣрному Государу Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу, всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи, и ихъ Государскимъ наслѣдникомъ; и опричъ Государа своего Цара и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи Самодержца, и сина Его Государева Государа Царевича и Великого Князя Алексѣя Алексѣевича, всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи и ихъ Государскихъ наслѣдниковъ, на Московское и на Владимірское Государства, и на всѣ великіе Государства Російского Царствія, и на Великое Княжство Литовское и на Княжство Кіевское и Черниговское, и на всю Малую и Бѣлую Росію иного Государа, изъ иныхъ Государствъ Полского и Нѣмецкого рѣшъ Королей и Королевичовъ, и розныхъ земель Царей и Царевичовъ, и изъ Руских и изъ иноземскихъ родовъ никого не хотѣть, и подъ Государствами, которіе подъ ними Государами, не подискивати никоторими мѣрами и никакою хитростію. А гдѣ увѣдаю или услишу на Государа своего Цара и Великого Князя Алексѣя Михайловича всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи Самодержца, и на сина Его Государева Благовѣрного Государа Царевича и Великого Князя Алексѣя Алексѣевича всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи, и на Его Царского Величества наслѣдниковъ, и на всѣ Его Великіе Государства, на Великую и на Малую и Бѣлую Росію, и на Великое Княжство Литовское какихъ непріятелей Полскихъ и Турскихъ или Кримскихъ, или коихъ иныхъ Государствъ собраніе и злой умиелъ, или Его Царского Величества въ подданихъ комъ-

ну или какой злой умыслъ, и мнѣ, Гетману Георгію, Государу своему Цару и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи Самодержцу, про то извѣстить какъ мощно вскорѣ; а самому противъ непріятелей, за Государа своего и за Его Государства стояти и промисли всякими мѣрами къ помочи дѣлать, и битися, не щадя голови своей, а измѣнника поймать и прислать къ Его Царскому Величеству. А где велитъ мнѣ Его Царское Величество быть на своей Великого Государа службе войска Запорожского зъ ратними людми, и зъ своими Его Царского Величества Московскими ратными людми, и кто будетъ Его Царского Величества надъ войски бояре и воеводи и мнѣ, будучи на Государевѣ службѣ съ тѣми бояри и воеводи совѣтъ держать, и войска Запорожского ратнимъ людемъ съ Его Царского Величества ратними людми потому-жъ совѣтъ и промислъ имѣть, и съ Его Царевими недруги битися заодно; а которіи со мною будутъ Его Царского Величества подданіи войска Запорожского ратніи люди, и мнѣ ихъ утверждати, чтобъ они Его Царского Величества зъ ратними людми совѣтъ и дружбу имѣли, и Его Царского Величества съ недруги билися заодно, нещадя головъ своихъ, чтобъ ихъ обѣщаніе и клятва у всѣхъ была безъ преткновенія постоянна; и съ полковъ мнѣ Его Царского Величества къ непріятелю не отъѣхать и никакими мѣрами измѣни не учинить, и въ городѣхъ, гдѣ мнѣ случится быти Его Царского Величества съ подданними, съ Московскими ратними людми и зъ иними которіи Его Царского Величества подданіи, и мнѣ тому непріятелю города не здать, и непріятеля на простое и на безлюдное мѣсто собою и инимъ нѣкимъ къ городу не подвести, и зла никакова не учинить, и ни въ которое въ иное Государство измѣня не отъѣхать, и будучи въ полкахъ, воеводъ не покинуть, и зъ Его Государевими недруги и съ измѣнники не зсилатися, и ни въ чемъ мнѣ Государу своему Цару и Ве-

ликому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малія и Бѣлія Росіи Самодержцу, и сину Его Государеву Государу Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу, и ихъ государскимъ наслѣдникомъ не измѣнити никоторими дѣли и никоторимъ лукавствомъ. А хто не станетъ Государу Цару и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи Самодержцу, и сину Его Государеву Государу Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу, и ихъ Государскимъ наслѣдникомъ служити и прямити, или кто учнетъ съ ихъ Государскими недруги ссилаться, и мнѣ съ тѣми людми за ихъ Государей своихъ и за ихъ Государство битися до смерти. А самому мнѣ Гетману по моему обѣщанію, еже обѣщеваюся нинѣ предъ Святимъ симъ Евангеліемъ, ни къ какой измѣнѣ и къ воровству ни къ какому и ни къ какой прелести не приставатъ; а что отъ Великого Государа Цара и Великого Князя Алексѣя Михайловича всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи Самодержца, отъ Его Царского Пресвѣтлого Величества, былъ я отлученъ измѣною клятвопреступника Ивашка Виговского, и впредь мнѣ къ тому измѣннику и клятвопреступнику къ Ивашку Виговскому и къ его совѣтникомъ, къ такимъ же измѣнникомъ и клятвопреступникомъ не приставати, и ни на какія ихъ злочинцовъ прелести не прелщатися; и статьи, которіе прежде сего дани были прежнему Гетману отцу моему Богдану Хмелницкому, и которіе статьи нинѣ вновь на радѣ постановлени и укрѣплени, и мнѣ тѣ статьи здержати вѣчно. И по сему своему обѣщанію быти мнѣ у Господара своего Цара и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи Самодержца, и у Его Государева сина у Великого Государа Благовѣрного Царевича и Великого Князя Алексѣя Алексѣевича, всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи, и у ихъ Государскихъ наслѣдниковъ въ подданствѣ на вѣки неотступно, и во всемъ мнѣ Господару своему Цару и Велико-

му Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи Самодержцу, и сину Его Государеву Великому Государу благовѣрному Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу, всея Великія, Малія и Бѣлія Росіи, и ихъ Государскимъ наслѣдникомъ служити и прямити и во всемъ добра хотѣть, безъ всякого лукавства вправду, якоже азъ обѣщахся.

По онихъ въ Переясловлѣ церемонѣяхъ и гуляняхъ роспущенна въ доми чернь Козацкая и старшина нѣкая, а другая болшая старшина вся отъехала зъ Гетманомъ Хмелниченкомъ до Чигрина; и тамъ при погуляняхъ, такъ предъ Гетманомъ, яко и между собою немало мручали и шемрали, а меновите обозній, судьи, асаули и писаръ енералніе, и инна старшина, на статьи въ Переясловлѣ Хмелниченковѣ данніе, подобно въ нихъ щось новоприданное, а въ старихъ статяхъ Хмелницкого небывалое усмотрѣвши; особливе полковники Богунъ, Ханенко, Гоголь и инніе, которіи при поставленю Хмелниченка Гетманомъ не были въ Переясловлѣ, але знайдовалися зъ войсками противъ Поляковъ на граници, прибывши въ Чигринъ барзо были малконтенти зъ тихъ Хмелниченковѣ данихъ статей, и крѣпко нарѣкали за неисправленіе на старшину, въ Переясловлѣ при Хмелниченку бывшую.

РОЗДѢЛЪ VIII.

О утѣсненіи Прусамъ отъ Шведовъ; о непослушенствѣ войска Полского для неплаченя заслугъ ихъ, и о скудости скарбу Коронного; о малой надѣи у Поляковъ взглядомъ покою зъ Шведомъ, и о неистинствующихъ коллѣгатахъ ихъ Поляковъ; о виправѣ отъ Поляковъ Олшевского посломъ до Цесара, и о неласкавой его отъ Цесара назадъ отправѣ; о склонности Лядской до покою зъ кимъ би можно; о желаніи Виговского у Поляковъ войскъ на отобране Украини; о склонности Поляковъ къ тому Виговского прошенію, и о намѣреніи мирити зъ Шведомъ; о неблагополучіи Шведскомъ а щастю Полскомъ въ Даніи, и о хоробахъ въ войску Полскомъ тамъ умножившихся; о прибытю въ Данію флотовъ Олендерского и Ангелского до примиреня Короля Шведского зъ Дунскимъ; о грозной ихъ имъ персвазіи, и о склоненюся Дунскомъ до трактату; о Шведскихъ промислахъ зъ державы Полской; о продолжившомся сейму Полскомъ, и о ухвалѣ на ономъ на три дивизіи раздѣлити войска Полскіе, и о Козакахъ зъ Хмелниченкомъ; о монетѣ мѣдной Полской; о щастю Дунскомъ и его помощниковъ надъ Шведомъ въ Данѣи; о кватерахъ Шведскихъ около Копенгагу, Дунской столицы, и о прибытю вновъ Олендровъ на помочъ Дунчику; о зближеню ся къ Прусамъ маршалка коронного, и о щастю надъ Шведами Кгродзѣцкого подъ Грудзіодземъ; о Виговского войнѣ подъ Конотопомъ зъ Росіянами; о розгромѣ Дугласа Шведского въ Жмудѣ чрезъ Поляковъ; о щастю и неща-

стю Шведскомъ и Дунскомъ въ Фіоніи; о виправѣ войскъ Цесарскихъ подъ Щетинъ Шведскій; о радѣ маршалковой якъ зачинати войну въ Прусахъ зъ Шведами; о вибитю Шведовъ въ Грудзіодзѣ, и о обсѣденіи въ Малборку крѣпкомъ Шведовъ, и о назначеню мѣста въ Оливѣ до чиненя трактатовъ; о гнѣвѣ войска Полского ве Львовѣ за свои заслуги, и о Гетманскомъ ихъ въ томъ погамованю; о ребелліи Козацкой противъ Виговского; о Гетманствѣ Хмелниченковомъ, и о утѣчцѣ Виговского до Бару; о Хмелниченковомъ одозвѣ будто до Короля, и о бытности у Хмелниченка отъ Короля каштеляна Волинского; о поворотѣ Чернецкого зъ Даніи на зиму до Полски; о Хмелниченковой будто измѣнѣ Полякамъ, и о прогрессу его тогдашномъ военномъ на Поляки зъ Росіянами, и о страху оттолъ будто въ Полщѣ.

При такихъ, яко описалося, въ Полщѣ и Украинѣ состояніяхъ и заверухахъ, долѣгало (яко Твардовскій свѣдителствуетъ) въ тоежъ власне время и Прусамъ неблагополучіе и утѣсненіе отъ Шведовъ, которіи еще въ своихъ неослабѣваючи силахъ и намѣреніяхъ, а вшедши гвалтовне до Прусовъ, крѣпко ихъ утѣсняли, хотячи паки отъ корони Полской отторгнути и себѣ подчинити; войска зась Полскіе платніе немѣючи отъ Короля заслужоной себѣ плати, нѣби зконфедорованніе не хотѣли ити на оборону отъ Шведа Прусомъ; датковъ зась новихъ и поборовъ, для зобраня на войско тое скарбовъ, цале уложити уже было невозможно на оголоченнихъ весма людей посполитихъ, тилко зъ недоданнихъ прешлихъ податковъ, подъ срогою экзекуціею, що отъ кого доводилося отдати и увстити отъ Короля розказано. А о покою зъ Шведомъ малая тогда была у Поляковъ надѣя, поневажъ околичніи ихъ Монархи и коллѣгати облудне зъ ними поступаючи, не дбали о тое, хочъ бы найдолше война Полская зъ Шведами протяглася, тилко кождій зъ нихъ своимъ приватамъ услуговалъ щире;

гди жъ и Цесаръ тогда новій, синъ Цесарскій а Король Венгерскій, забѣраючи свою лигу зъ Монархомъ Російскимъ, мимо Поляковъ чрезъ посла своего желалъ ему, Государу Російскому, быти Княземъ Литовскимъ.

Брандебурщикъ засъ о отняте Щетина своего отъ Шведа старался; но Дунчикъ не позволялъ на тое, поколъ би своего панства, зъ его и иныхъ помощію, не визволилъ отъ Шведа, а Полякамъ въ тое время, яко Твардовскій пишетъ, было душно. Въ тимъ часѣ виправленъ отъ Поляковъ въ поселствѣ до Цесара Олшевскій, зъ таковимъ желаніемъ, аби не былъ препоною Полскимъ зъ Шведомъ въ Торунѣ вскорѣ чинитися мѣвшимъ о покою трактатамъ, и если бы Шведъ во всемъ зъ Поляками мѣлъ згодитися, то аби Цесаръ тому не былъ противенъ; и жеби онъ, Цесаръ, для войска своего имъ Полякомъ на помочъ данного обмислилъ плату, для нищети и невозможности Полской ку ихъ Цесарчиковъ далшому удоволствованію. Чимъ Цесаръ уражоній будучи, отправилъ назадъ Олшевского зъ такимъ напомненемъ и виговоромъ, аби Поляки своими вимислами впередъ себѣ не зашкодили, но аби въ пріязни Его Цесарской дуфаючи, обходилися зъ нимъ подлугъ своеи зъ початку умови. За поворотомъ отъ Цесара Олшевского, усмотрѣли Поляки за благо зъ кимъ колвекъ, кто би былъ склоннѣйшій до трактатовъ, згодитися и помиритися; але ижъ вонтпили о згодѣ зъ Монархою Російскимъ, смотрячи на опанованній чрезъ него столечній Виленъ со всею Литвою, теди склоннѣйшими были до покою зъ Шведомъ.

Зъ Козацкой засъ и Ординской стороны Виговскій, вишеописаннимъ дѣйствіемъ утративши Гетманство и Украину, а хотячи оной знову доступити, желалъ на сейму войсковихъ себѣ посилковъ, и самого Короля оглядати на Украинѣ; учинено прето зъ сейму Виговскому декларацію, же дани будутъ войска короннѣ ему на отобране отъ дер-

жави Московской Украини до корони Полской, а зъ Шведами начнется о покою трактовати.

Въ Данѣи зась Врангель, адмѣралъ Шведскій, подъ градомъ Анселмомъ ничого невскуравши, обернулъ увесь флотъ свой морскій подъ другій градъ Дунскій Сандебургъ; но и тамъ штурмъ свой стративши, отступилъ зо встидомъ, звлаща за прибытемъ туда ку отсѣчи корогвей Полскихъ зъ Чарнецкимъ воеводою Рускимъ, которіи будто хотячи опановати окренти Шведскіе кинулися вплавъ въ море, и такою штукою такъ престрашили Шведовъ, же безъ памяти оттолъ утѣкти мусѣли; а самъ адмѣралъ на земли будучи, заледво отъ своихъ солдатовъ зосталъ отъ бѣди тогдашней уминенъ. Въ якій часъ Поляки кромѣ иныхъ аппаратовъ, дванадцять баркъ отъ Шведовъ добувши, и зъ нимъ Чернецкимъ въ оніе всѣвши, пребули заразъ въ нихъ тамошную однѣгу морскую, а добравшися инсули Самсой зовомой, опановали оную, вирубавши Шведовъ въ ней бывшихъ, и взявши ихъ особно въ неволю болше ста, зъ осмома арматами; еще къ тому опановавши и три окренти Шведскихъ, у брегу тамошнего стоявшихъ; але ижъ Поляки полевимъ а не воднимъ привикли войнамъ, того ради въ ономъ Дунскомъ поморскомъ оголодаломъ и мокромъ зъ натури панствѣ, въ войску Полскомъ вщалися хороби, перво между челядю, потомъ и между самимъ товариствомъ. Еднакъ Поляки для того неослабѣваючи, дождалися тамъ помощного себѣ и Дунчиковѣ флоту Олендерского, которій гди прибылъ туда въ Данѣю, ажъ въ тропи за нимъ и флотъ Ангелскій, Шведовѣ пріязливій, подъ Зунтомъ градомъ крѣпкимъ Дунскимъ показался, но не способомъ непріятелскимъ, але жеби моглъ зъ флотомъ Олендерскимъ согласившися, привести обоихъ Королей, Шведского и Дунского, до згоди и покою, и море Балтицкое отъ войни успокоити; для чого обои до обоихъ оныхъ Монарховъ своихъ послали легатовъ, перевадуючи згодитися, и разбоевъ на морю Балтицкомъ

для посполитого добра престати, имъ персвадуючи а декляруючи обадва флоти помененніе при томъ стояти и помоществовати, кто до трактатовъ и покою будетъ склоннѣйшимъ. Дунчикъ таковое отъ легатовъ Олендерскихъ и Ангелскихъ одобравши предложене, любо великіе имѣлъ въ панствѣ своемъ отъ Шведа кривди и шкоди; однакъ на предложене оныхъ легатовъ и коллегатовъ своихъ озираючися, мусѣлъ позволити на трактатъ зъ Шведомъ. При такой надѣи покою Дунского зъ Шведомъ, въ Полщѣ Шведъ докончивши на Вислѣ мосту, Тчовъ, Старограде и Свіеціе, гради Полскіи чили Прускіи, войскомъ своимъ облегши, чинилъ надъ нимъ промислъ военній. А въ Полщѣ о томъ часѣ сеймъ отправуючійся продолжился чрезъ недѣль десять; на концу зась оного ухвалено и постановлено войскамъ Полскимъ на три дивизіи расторгнутися: то есть, Литва свою ниву отъ Днѣпра обгоняючи, мѣла ити въ державу Російскую зъ Козаками, которіи на пактахъ Гадяцкихъ, особою Королевскою (яко вишей рѣхомъ), уже тогда поприсяжонихъ, маючи задосить, мѣли будто явними тогда оказатися непріятелми (яко на листѣ 268 Твардовскій пишетъ) Государству Російскому; но солгалъ въ той мѣре Твардовскій, бо хочай пакта Гадяцкіе были тогда уже чрезъ Короля Яна Казѣмѣра и поприсяжони, однакъ были и безвѣстни Козакамъ, по розгромѣ подъ Хмелникомъ чрезъ Сомка Гетмана Виговского, яко о томъ виразилися уже назадѣ, и Козаки всѣ, зъ новимъ Гетманомъ своимъ Юрасемъ Хмелниченкомъ, статечне въ тотъ часъ знайдовалися при сторонѣ Царства Російского. Другая часть войска Полского зъ Гетманомъ коронимъ, чрезъ перспективу разума своего на Украину смотрѣвшимъ, въ Полщѣ знайдоватися мѣла; а третая часть войска Полского зъ маршалкомъ коронимъ опредѣлена ити или для бою, или для постановленя зъ Шведомъ покою, до Прусовъ. А по истощенихъ Полскихъ златихъ и сребрнихъ монетахъ и крушцахъ, ухва-

лено до часу дѣлати и изъ Люблина войску на супплементъ видати мѣдную Полскую монету. При таковихъ сеймовихъ въ Полщѣ ухвалахъ, въ Данѣей войскамъ Полскимъ фортуна надъ Шведомъ служитъ, когда оніе зъ Монтекукулѣмъ, Цесарскимъ и Брандебурскимъ войскомъ Шведовъ въ Фридризодѣ осадили, которіи любо зъ Фридризоду випадши крѣпкій дали бой войскамъ Полскимъ, Цесарскимъ и Брандебурскимъ, на помочъ Дунчиковѣ бывшимъ; однакъ немогучи онимъ постояти, къ тому боячися аби не приспѣлъ туда на нихъ же флотѣ Олендерскій, и забравши армати меншіе, умкнули отъ Фридризоду зъ своихъ шанцовъ зо встидомъ до близко тамъ прилеглои Фѣоніи, покинувши въ шанцахъ своихъ болшихъ арматъ тринадцять, а иншіе тамъ же обозовіе запаливши вещи. А зъ другой сторони Дунчикъ зъ помощію Олендерскою збилъ болшихъ осмъ окрентовъ Шведскихъ между Зонтами; звлаща гди въ тотъ часъ флотъ Ангелскій Шведу пріязливій знайдовался въ Лондинѣ при сину Королевскомъ, и нехотячи до своего моря имѣти протектора, одозванъ назадъ въ своя страни. И такъ Шведъ зоставши нетилко Ангелской, но и Французской лиги чуждимъ, мусѣлъ тилко на своихъ надѣятися, и отъ нихъ войска зобрати Вандаловъ; для чого до онихъ скорую виправивши почту, самъ зъ войсками своими около Копенгагу, въ которомъ самъ знайдовался Король Дунскій, розложился по кватерахъ. Потимъ зъ Анстердаму другій новій посилокъ войска Олендерского прибылъ Дунчиковѣ; а пререченого маршалка коронного дивизія легко до Прусовъ, въ великомъ утѣсненіи отъ Шведовъ бывшихъ, тягнула зъ поспѣшеніемъ, за которои туда зближенемся, Гродзѣцкій зъ Торуня випадши, убилъ подъ Грудзіодземъ Шведовъ Вислу преправовавшихъ зо двѣстѣ, которихъ было комонникомъ до пятисотъ, и возовъ взялъ пятдесятъ, которій и прежде того чатами своими подбѣгаючи подъ Шведовъ, тайно и явно шкодилъ а урвалъ ихъ. При таковихъ

состояніяхъ дойшла еще изъ Украины Полякамъ помиелная вѣдомость (яко на листѣ 269 твердитъ Твардовскій), же будто Государъ Московскій, довѣдавшися о пактахъ Гадяцкихъ и союзѣ Виговского зъ Поляками и Ордою, выправилъ былъ войска свои зъ князями Трубецкимъ и Ромодановскимъ для розорваня зъ Ордою лиги Виговского; але Виговскій зъ обознимъ короннимъ и зъ Татарами висфорковавшися против войскъ Російскихъ, перво подъ Конотопомъ громилъ оніе, убивши ихъ тамъ на десять тисячъ, потимъ подъ Путивлемъ при Пожарскомъ, и докончивши будто онихъ, послалъ виборнѣйшихъ Росіянъ до Короля Полского въ неволю; и тутъ прето Твардовскій зъ правдою розминулся, бо не такъ было якъ написалъ онъ, але такъ яко прежде сего, въ сей же книзѣ описалося; ибо Виговскій громилъ Росіяновъ подъ Конотопомъ, однакъ болшей имъ, крѣпко отпоръ дававшимъ, немогучи що учинити, отвернулъ назадъ зо всѣмъ войскомъ своимъ и Ординскимъ, недоходячи еще и Путивля.

Въ Жмудѣ зась, по указу Короля Шведского, где рушилъ былъ до Инфлянтъ Дугласъ енералъ его зъ Адеркасемъ, того Коморовскій зъ Шварцохемъ и полкомъ Кгонсевского Гетмана Литовского, еще у неволѣ Московской зостававшого, напавши розгромилъ на голову, и сорокъ неволниковъ Шведскихъ одослалъ до Короля своего. Зъ Фридризоду предпомененого уступуючи Шведъ до Фѣнѣіей познималъ свои залоги и изъ инших фортецъ Дунскихъ, около Фридризоду сущихъ; Поляки зась за ними въ тропи наступаютъ, и едни въ баркахъ, а другіи вплавъ пустившися достигаютъ Мѣттелфару и Голдинского каналу, зъ арматъ болшихъ крѣпко бьючи взаемъ до себе зъ окрентовъ, где Дунскій летнантъ забитій въ адмиралскомъ окрентѣ, и Цесарскій фелтмаршалъ Монтекукули въ томъ же окрентѣ раненъ пушечнимъ ядромъ отломанною зъ окренту шкабуртиною; и любо въ томъ разѣ Поляки зъ Цесарчиками и Дунчиками отняли у Шведовъ берегъ крѣпко бо-

роненій и два шанци взяли себѣ противніе Шведскіе, однакъ импрези своей нескончивши, уступили отъ берегу назадъ для приспособленя себѣ живности; о чомъ Шведъ зъ языковъ увѣдомившися, вдарилъ тамъ на ихъ кватири и поотнималъ барки и пороми Полскіе, а особно въ тотъ же часъ на морю Дунскихъ пять окрентовъ зъ адмѣраломъ взялъ Шведъ. Зъ якихъ мѣръ и заверухъ нещасливихъ, упадши Дунчикъ зъ Поляками и Цесарчиками въ десперацію и отчаяніе о достигненю того часу своей Феонѣей, видя къ тому Шведское щасте, мусѣлъ оттолъ назадъ отвернути. и въ значной тѣснотѣ зоставати; въ которой новій Цесаръ Христіянскій хотячи Дунчика отъ Шведа ратовати, любо до того часу таилъ въ себѣ свои скритіе думи, и Оснабрудскихъ зъ Шведомъ поставленнихъ не нарушалъ пактовъ; однакъ тогда явную уже противъ Шведовъ оголосивши войну, виправилъ чрезъ Шлёнскъ при енералу своемъ Зузѣ, зъ арматою значніе свои Римскіе и малъ не всего Западного Христіянства войска подъ Щетинъ Шведскій. Въ тимъ часѣ маршалокъ коронній ве Львовѣ, за трантатами тогдашними отъ всего жолнерства Полского, заслуженой плати себѣ доправовавшагося, умедлѣвшій, до своей дивизіи близко Прусъ уже зостававшой прибывши, радился зъ своего войска началниками, чи Малборкъ чили Элбліонгъ, фортеци Прускіе Шведовъ въ себѣ имѣвшіе, впередъ облокировати и добувати; уражено прето, нескачучи внутръ между непріятелей и незоставуючи ихъ за собою зачинати дѣло военное. И такъ въ початку подъ Грудзіодзъ маршалекъ прибывши, и оній чрезъ штурмъ взявши, всѣхъ въ немъ бывшихъ вирубалъ Шведовъ, тилко по спаленю чрезъ гранату города, самъ комендантъ въ замку тамошномъ зашпунтовался; которого Поляки тамъ недобуваючи и отъ Грудзіодза рушивши зъ маршалкомъ, Гейстеръ зъ Цесарчиками, Радивилъ зъ Брандебурщиками, прибыли подъ Малборкъ, крѣпкій и недобытій замокъ Прускій, стародавними Прусами и

крижацкими мурами крѣпко обварованній, и зъ натури въ мѣстцу неприступномъ уфундованній и арматами многими умоцненній, и отнюдь иначей недобытій, развѣ би долгимъ обсѣденіемъ и принужденіемъ; где прибывши и близко мѣста вколо шанци обведши, а пѣхотами ихъ осадивши, почали первѣе города добывати, и густо огня до себе давати; бо Шведовъ тамъ было зъ меншихъ фортецъ Прускихъ и залогъ зведенних три тисячи, до бою способнихъ и крѣпко города боронившихъ, а о покою не мисливших. Тилко о мѣсце до чиненя трактатовъ комисари зносилися и кождій зъ нихъ своимъ въ той мѣре вигожалъ приватамъ, Поляки хотѣли къ Торуню, а Шведи желали тому трактованю покоя мѣсца подъ Елбліонгемъ и Штумемъ; наконецъ пришло до того, ижъ въ Оливѣ градѣ зъ обохъ сторонъ назначено мѣсце до чиненя трактатовъ.

Ве Лвове зась еще не престали тогда жолнѣрскіе галаси, упоминаючися у рѣчи посполитой заслужоних себѣ чтирохъ миллѣоновъ, зъ которихъ заледво десятая часть имъ виличована; за що войско розгнѣвавшися на комисаровъ, поборцовъ, писаровъ и иныхъ скарбовихъ дозорцовъ, нехотѣло випустити ихъ зе Лвова, поки би имъ заслуги ихъ не были заплачени, наветъ и брами позамикавши, мѣсто Лвовъ рабовати хотѣли конечне; и директоръ тоеи лиги здесперовалъ былъ о ихъ упомятанюся и въ ногамованюся отъ такой завзятости, поколъ старій и шедивій ихъ вождъ, Гетманъ коронній, не погамовалъ ихъ въ томъ своимъ словомъ поважнимъ и предложеніемъ имъ наступовавшого тогда згиненя отчизни ихъ, корони Полской, особливе отъ сторонъ Пруской и Козацкой. Якои мови Гетманской и предложеня ве Лвовѣ жолнѣрство гнѣвное вислухавши, заразъ звязку своего отступило, и въ томъ гнѣвѣ угамовалося, а подъ его Гетманскій старожитній рейментъ по прежнему склонившися, на Украину въ помощъ Виговскому, для усмиреня бунтовъ Козацкихъ ити обѣщалося. Ибо тогда

въ Прусахъ Шведи свое дѣло Полщѣ шкодливое кони, и Прусовъ крѣпко тиснули, а на Украинѣ Козаки не вирозумѣвши будто добре (яко Твардовскій на листѣ 273 пишетъ) пактовъ Гадяцкихъ, уже тогда яко вишей рѣхомъ особою Королевскою поприсяжонихъ, и непознавши титулу княженію своему Рускому быти мѣвного, а между собою тое внушивши и въ заздрость впадши, же не всѣ мѣли именемъ шляхетскимъ и волностями ихъ щититися, заразъ противъ Виговского повстаютъ и бунтуются; и когда Виговскій по щасливой надъ Москвою подъ Конотопомъ виграной, отдалился далеко зъ войскомъ своимъ внутръ Государства Російского (що не есть правда Твардовского), тогда Козаки, въ домахъ своихъ на Украинѣ бывшіи, въ Браславлѣ будто нового себѣ избрали и постановили Гетмана Юрася Хмелниченка, и новій бунтъ противъ Виговского и Поляковъ мимо пакта оніе Гадяцкіе зачинати хотѣли. О чомъ Виговскій довѣдавшися, и далеко въ Государствѣ Російскомъ войско свое и Татарское будто зоставивши, самъ зъ малою частію войска Козацкого прибылъ на Украину для усмиреня тоеи Козацкои ребеллѣи; но уже по гарапѣ, ибо всѣхъ засталъ его отступившихъ и до Хмелниченка надъ сподѣване его прилпнувшихъ, а которіи стороны его Виговского и пактовъ Гадяцкихъ крѣпко державшися, яко-то Немѣричъ, Верещака, Сулима и иніи, на пактахъ оныхъ Гадяцкихъ и на покой зъ Поляками, въ нихъ заключенній, недавно въ Варшавѣ поприсягнули, тіи всѣ зостали побити и порозсѣкани, по глаголу Твардовского; но не такъ тое все дѣялося, якъ онъ написалъ, але такъ, якъ въ сей моей книзѣ назадѣ уже виразилося. Виговскій зась своего позбывши щастя, и невозмогши будто того огня Козацкого угасити, положилъ булаву, а самъ, яко опаренiй зъ того пожару, будто тилко въ тисячи людей своихъ, умкнулъ до Бару, и оттолѣ просилъ себѣ ратунку и помощи отъ Короля и рѣчи посполитой. А Хмелниченко,

зоставши цалимъ Гетманомъ, и мѣючи ку себѣ Козацкую пріязнь, любо отозвался будто до Короля Полского, хотячи подъ его рукою зоставати, и до услугъ на всякое росказане его готовимъ быти; однакъ о тое желалъ, аби при давнѣйшихъ правахъ и уставахъ войска Запорожского, также при неотмѣннихъ звичаяхъ релѣгіи Православной былъ захованнимъ въ цѣлости, новихъ неакцептуючи. Якому Хмелниченковому одозву радостенъ будучи Король, виправилъ къ нему заразъ каштеляна Волинского, аби подтвердилъ его Хмелниченка на томъ Гетманствѣ, и ласкою Королевскою аби упевнилъ его, и чого би слушного потребовалъ, аби и въ томъ офѣровалъ ему поволность Королевскую; але и тутъ не такъ дѣялося якъ написалъ Твардовскій: бо Хмелниченко, зоставши Гетманомъ, присяглъ Государу Російскому на вѣрность въ Переясловлѣ, и отъ него зосталъ потверженъ на томъ урадѣ; развѣ каштелянъ Волинскій пріездилъ къ нему не потвержати на Гетманство, но прелщати его и отвратити отъ держави Російской, яко такъ и сталося; бо Хмелниченко мало при вѣрности поживши, заразъ змѣнилъ Государу своему и приклонился до Короля Полского, послухавши ихъ Полской намови и фалшивихъ обѣтницъ, яко о томъ будетъ напредѣ. Чарнецкій тежъ воевода Рускій, зъ войскомъ Полскимъ чрезъ все лѣто въ Данѣи щасливе надъ Шведомъ гостившій, повернулся на зѣму въ Великую Полщу доѣдати тамъ людей не доѣденнихъ.

За тимъ вскорѣ Хмелниченко будто (якъ Твардовскій пишетъ разнствуяй отъ правди) змѣнивши Полякамъ, а содружившися зъ Росіяни, значніи зъ Росіянами-жъ Козацкія виправилъ подъезди подъ Лвовъ и Варшаву, и много загорнулъ оними шляхти Подляской. Потимъ будто Росіяне нечаянно на Гетмана коронного, въ чтирохъ тилко тисячахъ виборного войска бывшого, подъ Хмелникомъ нападши, значне погромили, и ажъ Гетманъ зъ остаткомъ

войска своего комонно утеклъ подъ Дубно; то и тое не такъ было, бо подъ Хмелникомъ не Москва и не Гетмана коронного била; але Наказній Гетманъ Сомко съ Козаками розбилъ Гетмана Виговского, войско Козацкое, Полское и Татарское при себѣ имѣвшого, яко о томъ назадѣ уже виражено. Отъ якого погрому Виговского и Поляковъ, при немъ бывшихъ, великая въ Полщѣ около Висли учинилася трвога и розрухъ, грозячи тимъ же страхомъ и Люблиновѣ.

РОЗДѢЛЪ IX.

О войскахъ Полскихъ подъ Малборкомъ ничого не вскуравшихъ, и на два мѣсяцѣ отступившихъ для ододхненя на кватери, зъ надеждою покою въ Оливѣ трактованого, и о воротахъ на Вислѣ чрезъ Поляковъ до Кгданска отворенныхъ; о одобраню Фѣнѣи Дунской у Шведа чрезъ Поляковъ, зъ неменшою Шведамъ кленскою; о страху Цесарщикамъ подъ Щетиномъ отъ Врангеля адмирала Шведского; о уступленю Короля Шведского отъ Копенгагу Дунского; о направленюся рѣчей Полскихъ въ трактатахъ, и о спорахъ при тихъ трактатахъ бывшихъ; о гнѣвѣ Полскомъ на Дунчика, и о послу Олендерскомъ до Поляковъ; о склонности Короля Полского до покою зъ Шведомъ; о договорахъ тогдашнихъ, и о экскузѣ легатовъ Цесарскихъ; о високой думѣ и завзятости короля Шведского, и о кончинѣ его постигшой; о трудности зъ обоихъ сторонъ комисарамъ покой трактовавшимъ, бывшой зъ кончини Королевской, и о премѣненіи тогдашномъ чрезъ Поляковъ трактату доконченного, а склонности Шведской до покою зъ Поляками, зъ уступленемъ имъ желаемихъ рѣчей, но зъ прилогомъ концепту діяволского; о малконтентихъ зъ того Полякахъ, и о постановленю ихъ наконецъ зъ Шведами совершенныхъ трактатовъ.

Подъ Малборгомъ войска Полскіе и иншіе преречоніе немалій часъ бавячися, и ничого ему немогучи порадити, такъ пѣхотніе яко и конніе пришли до нужди, гладу и

всякого бѣдствія; для чого маршалокъ коронній зъ прочими вождами усовѣтовалъ на два мѣсяцѣ отъ Малборку отступити, и по станціяхъ войско знужнѣлое роспустити, поколъ би трактати въ Оливѣ почавшіеся пожаданого не взяли скутку; що зъ обохъ сторонъ и отрублено, а была надѣя у Поляковъ певная, же трактати оніе для причинъ певнихъ мѣли совершитися.

Кгданску зась тогда на Віслѣ чрезъ Шведовъ замкненніе ворота отворени Поляками зостали, до плаванія волного оною зъ Полщи ку Гданску, со всякими припасами. Въ Данѣи тежъ постигнула Шведа неменшая кленска, и Фѣнѣя у него отобрана чрезъ Поляковъ зъ помощію Олендерскою, но вождь Полскій Пѣсочинскій зосталъ тамъ забитимъ; а Шведи немогучи на пляцу болшъ постояти, уступили до фортеци Необурской, но и тамъ чрезъ штурмъ добути и безъ пощадѣнія въ пень вирубани, тилко енерали и офѣцеровъ зо сто въ живихъ зоставлено; бо Врангель адмѣралъ Шведскій заслишавши о тѣснотѣ Щетинской отъ Цесарчиковъ, и зоставивши при молодомъ сину Штеймбоковомъ и старшомъ Шулцбаху регименть войска въ помененной Фѣнѣи, отплинулъ до Щетина; где любо енерала Зузу зъ войсками Цесарскими великого набавилъ страху и изъ шанцовъ ихъ вистрѣлялъ, однакъ болшей втратилъ во Фѣнѣи чрезъ вибите (яко вишей рѣхомъ) своего Шведского войска: чимъ и самъ король Шведскій престрашеній будучи, мусѣлъ зе встидомъ отъ Копенгагу отступити, а обози свои и шанци многими трудами сипаннія тамъ покинути. Якимъ дѣйствіемъ яко трактатъ прошлорочній, чрезъ Шведа на Дунчику вимучені розорвался, такъ Цесарскіе и Полскіе въ творимихъ тогда зъ Шведомъ трактатахъ рѣчи поправилися, звлаща гди Щетиновѣ невозможно было Шведской учинить отсѣчи. При договорахъ покою и чиненю трактатовъ Полскихъ зъ Шведомъ, много обадва Короли чрезъ своихъ комисаровъ спѣралися о корону Шведскую

и о Инфлянти, о скасоване ферованнихъ на домъ Королевскій Кароліовихъ декретовъ; о отступлене коллегатовъ, и о награжденіе шкодъ превеликихъ и безмѣрнихъ. Въ тимъ часѣ прибылъ и поселъ Олендерскій туда где о покою зъ Шведомъ трактовано, а гди въ тихъ трактатахъ заслишалъ о Королю Дунекомъ, ижъ меншій взглядъ мѣлъ быти на него отъ Поляковъ нежли былъ предъ тимъ, а то за тое, же онъ Дунчикъ въ давнѣйшой своей отъ Шведа руинѣ и тѣснотѣ, заключилъ зъ нимъ Шведомъ подъ Розхилдіею пакта свои, безъ вѣдома и согласія зъ короною Полскою; и Шведовъ тамъ суплементовалъ, а Полковѣ Лядскому Пѣсочинского, въ свѣжой тогда Фѣонской предписанной зъ Шведомъ крвавой потребѣ заслужоному, и Пѣсочинского вожда своего утратившему, казалъ отойти пречъ отъ себе, болшей ихъ Полскихъ людей а оразъ и пріязни себѣ непотребуючи. Поселъ зась оній Олендерскій зъ такою до Поляковъ отъ Олендровъ пріездилъ медіяціею и желаніемъ, аби не квапилися пактовъ своихъ зъ Шведомъ вершити потолъ, поколъ би и Дунчика зъ нимъ же Шведомъ не привели до згоди. По такихъ прето трудностяхъ и спорахъ пришло до того, ижъ Король Полскій Янъ Казѣмѣръ самъ отъ себе, для великои тогдашнои потреби и для добра отчистого, уступилъ права своего и титулу корони Шведской, которій ему зъ дѣдовъ его належалъ; еднакъ подъ такою уступилъ ея кондиціею, аби вѣра Римска, зъ его Казѣмѣровой причини зъ Швеціи виругованная, знову была тамъ принята и впроважена, а Инфляити аби отъ корони Шведской были Полякамъ уступленни. Потимъ и въ далшіе Поляки зъ Шведами вступили договори, якіи и Цесарскимъ легатамъ не были противни.—Цесарскіи зась послове при тихъ Полскихъ зъ Шведами договорахъ будучи, ексkузовалися и предлагали, ижъ не для того въ Померанію Шведскую войска Цесарскіе вступили, аби мѣли еи отбѣрати отъ державы Шведской подъ владѣніе Цесарское; але для того, аби тимъ

скорѣе привели Короля Шведского зъ Поляками до згоди, которій на тотъ часъ въ Дунскомъ градѣ зостаючи Зунтѣ, не тилко Дунчика держалъ за сердце и Поляковъ пригискалъ страхомъ, готуючи Прусамъ отсѣчъ, и во всегдашную свою надѣючися отобрати державу, але Цесарови и всей реши Нѣмецкой войну готуючи. Лечъ ту его думу и завзятость, смертное пресѣкло наитіе, и до гробнихъ вметнувши его дощокъ, всѣ его зкасовало интенціи; помѣраючи зась онъ Король Шведскій такъ Королевству, яко и синовѣ своему въ младихъ лѣтехъ бывшему, певнихъ опредѣлилъ и назначилъ опекуновъ. Магнусъ зъ Оксенстернемъ и изъ Схлѣпахемъ, трактата зъ Поляками творивщій, о той Короля своего кончинѣ довѣдавшися, велце зафрасовался и затурбовался, и въ своей комисарской функціи безъ пана своего зноситися мѣли зъ станами корони Шведской. Не меншую и Полякамъ тая Короля Шведского смерть уродила тогда трудность, бо любо уже готовіе пакта отъ Поляковъ до Шведовъ, зъ уступленемъ титуловъ Королевскихъ и певнихъ претенсій, были виправлени; однакъ тіи посланники въ полъ дороги о смерти Короля Шведскаго увѣдомившися, и надѣючися безъ него що болшей себѣ на Шведахъ виторговати, повернули назадъ до Короля своего Полского, и знову титулъ короны Шведской ему привернули, и Римскую релѣгію до Инфлянтъ впровадили; яко жъ ся тое Поляком̃ и пощастило, поневажъ Шведи при такомъ своемъ упадку и сиротствѣ, зичачи себѣ зъ короною Полскою згоди и покою, позволили такъ титулъ короны Шведской Королю Полскому, яко и релѣгію Римскую заховати во всѣхъ Инфлянтахъ; еднакъ еще діяволъ, Лютеранскою сектою ихъ ослѣпившій, придалъ имъ концепту стояти о тое, жеби въ Инфлянтахъ при Римской релѣгіи Римскихъ не было костеловъ; але Король Полскій Янъ Казѣмѣръ, теплій вѣры Римскія любитель, много самъ о тое у Шведовъ экспостулюовалъ, и принамнѣй для едного въ Инфлянтахъ Римского костела, усту-

новалъ титулу своего въ коронѣ Шведской; но немоглъ въ томъ за упоромъ Шведскимъ получити желаемого, и ажъ мусѣлъ тое до пришлого щасливого отложити часа. А за згодою обоихъ, Полской и Шведской, сторонъ и за великими впредъ данними ассекураціями, таковіе наконецъ чрезъ обоихъ комисаровъ договорени и поставлени пакта во градѣ Оливѣ:

1) Мѣетъ быти между Королями Полскими зъ едной сторони и его федератами, а зъ другой сторони Шведскимъ и его потомками—вѣчній и ненарушаемій покой отъ того часу.

2) Не будетъ еденъ до другого жадной видѣти урази, а до порозненя и непріязни давати океазіи, а ни безъ согласія зъ собою жаденъ зъ нихъ въ жадніе трактати, зъ жаднимъ непріятелемъ вдаватися будетъ, и жаднихъ войсковихъ посилковъ давати ему не мѣетъ; но пріязнь нинѣ заключаемую взаемне и вѣрне между собою додержати и заховати мѣютъ.

3) Всего амнестія, що колвекъ въ обохъ сторонъ, Шведской и Полской, чрезъ бывшую войну сталося, изъ чого бы мѣло зостати заятрѣнне, и все всѣмъ огуломъ тое покріетъ забвеніе.

4) Хто въ якомъ жіетъ стану своемъ и релѣгіи, такъ жеби и зоставали.

5) Що при непріятелевѣ котромъ зъ обоихъ сторонъ чрезъ тое военное время зоставали, цѣлость ихъ, зъ добрами ихъ имъ приворочается, если фѣскомъ скарбовимъ тіе добра не суть потопленни.

6) Гроди и мѣста непремѣнно тими давнѣйшими правами своими, которими и предъ войною тоею щитилися, щититися и управоватися мѣютъ; жадною мѣрою нѣ отъ кого небудучи турбованними, же во время военное не додержали панамъ своимъ вѣрности.

7) Король Полскій, въ любви покоя и жарливости ку нему, королевства Шведского себѣ дѣдичного и всѣхъ до

него прирожоних претенсій уступить; еднак поки живъ будеть, мѣеть титулу Шведского себѣ уживати, но непишучи его до Шведовъ. Потимъ рѣчъ посполита и Кролеве инніи Полскіи, впредъ быти мѣючіи, цале суперседовати оного будуть повинни.

8) Инфлянтъ знаменитою рѣкою Двиною на двое раздѣляемихъ, а по той сторонѣ рѣки тоя сущихъ, и подъ часъ войни бывшой при Шведу зоставшихъ, непремѣнно ему Шведу Поляки на вѣки уступити мѣютъ; а рѣка оная Двина мѣетъ имъ зоставати непремѣнною границею.

9) Къ тому що колвекъ рѣчъ посполитая Полская мѣла правъ своихъ до Эстонѣи, аби оніе вѣчне касовала; а Эстонѣя оная, зъ волостами, мѣстами, замками, повѣтами и зъ ихъ прилеглостями Шведамъ уже належати мѣетъ, а ни отъ того времени подданніе тамошніе коронѣ Полской ґолдоватимутъ. Еднакъ Римское набоженство, ачъ приватне, кождому волное тамъ будетъ, и всякое безпеченство уставлено, и нихто взглядомъ вѣри своея жадной боятиметься инквизиціи. Тамъ же которіи титули сенаторскіи и инніи до того часу знайдуются, мѣютъ зоставати при особахъ тихъ же до ихъ живота; еднакъ безъ интранти, Шведамъ жадной не чинячи въ томъ преюдикати.

10) Другая зась часть Инфлянтовъ, по другой сторонѣ рѣки Двини, которая до сторони полуденной и Литви видалася, а Полской коронѣ ажъ до того часу належала чрезъ тіе всѣ войни, мѣетъ при ней же зоставати въ поссессіи спокойне, звлаща Лютженъ, Динебуркъ, и яко суть долгіе надъ тимъ же рѣки Двини брегомъ повѣти другіе, до тихъ на вѣки, взглядомъ краю своего, Король Шведскій жадного претексту мѣти не будетъ.

11) А що Москва тихъ обоихъ Инфлянтъ болшую часть шаблею звоевавши себѣ завладѣла, теди Король Полскій, щоби колвекъ Шведского зъ тамъ той страни Двини, любъ чрезъ трактатъ, любъ чрезъ инший способъ одобралъ

у Москви, вернетъ тое Шведамъ справедливе; тожъ и Шведи взаемне учинятъ Полякомъ, ежели що Полского щасливе также отберутъ у Росіяновъ, безъ жаднои отъ Поляковъ нагороди кошту военного. Еднакъ Королѣ обадва титуловъ тоея Инфлянтскія земли ровно будутъ заживати и писатися ими, еденъ взглядомъ полуденной, а другій взглядомъ полунощной сторони своей. Ежели би зась зъ обохъ сторонъ взглядомъ границъ що заходило, то для того помѣркованя зъ обохъ сторонъ сполніе депутати виправлени будутъ; а меншіе привати одошлютъ до земского и надлежащого себѣ форумъ.

12) Подданнихъ также безъ жадного взаемъ права отдадутъ, и зъ тимъ всѣмъ ежели достатковъ своихъ и спрятовъ зъ собою що принесли.

13) Болшъ и знаковъ зъ той сторони жегляромъ Король позволитъ надъ Двиною, еднакъ не безъ особливой воли пановъ тамошнихъ грунтовъ; а звлаща гдѣ ся въ своемъ забѣгу вдираетъ оная найболшей при Пѣлтинскимъ брегу.

14) Князя Курляндского зъ его княжною и его дѣтками, домомъ, спрятомъ и его всѣми рѣчами, ставятъ Шведи до Риги въ шесть недель найдалѣй; а оттолъ ажъ би трактата впередъ подписалися, зъ належитимъ гоноровѣ его конвоемъ, до границъ отправадятъ; где будутъ готови Шведи отнести заразъ що колвекъ посполу взяли зъ нимъ, и скарби и архиви и всѣ депозити розниxъ людей его, въ Ризѣ зостаючіе, отъ Рижанъ возвращеніи будутъ; але еднакъ отъ него князя Курляндского взаемній отберутъ реверсъ: дома кгди усядетъ, же имъ за тое на вѣки зла мислити не будетъ.

15) Малборгъ заразъ Король Шведскій отдастъ Королю Полскому, а Элбліонгъ—поки трактатовѣ тому конецъ згодою всѣхъ на сеймѣ пришломъ закрѣпленъ не будетъ;

чимъ такъ уволненія комисари отберутъ, а разомъ и Блускъ въ Курляндіи випорожненъ зостанетъ.

16) Люде Шведскіи зъ Малборгу до Элбліонга війдутъ, а оттолъ въ позволенною имъ арматою війдутъ, и чрезъ Габъ волно до Пилави отпроважени будутъ, где ихъ готовіе Шведскіе дождутся нави; а если ихъ морскіе затруднятъ невигоди, теди землею отойдутъ безъ жадной шкоди.

17) А що колвекъ Король Шведскій гвалтомъ военнимъ, албо иннимъ кшталтомъ заграбилъ въ Полщѣ, въ Литвѣ, въ Курляндіи, зъ мѣстъ, обозовъ, провинцій, пактовъ, листовъ и рожнихъ инструментовъ публѣчнихъ, для увагъ непрожнихъ вернетъ тіи автентики; а ежели згинули или якою фортуною на морю потонули, мѣютъ быти за пропаліе, и зносятся тими уморенніе трактатами. А между иншими, писма, канцелярíе, метрики, пакта дворскіе, земскіи, зъ Монархами посторонними пакта, а надъ все, Кролевская въ Литвѣ отбѣжаная библіотека жеби ему была отдана.

18) Рекокгнѣціи тіи, которіи на Курляндскимъ князю вимушенніе, вневечъ обернени.

19) Долги зъ обохъ сторонъ повинніе собѣ заплатятъ; а которихъ добръ рухомихъ скарбовѣ не тратятъ, дотолъ фѣшкемъ вернутся панамъ своимъ конечне.

20) Армати болшіе и меншіе зо всею до нихъ спѣжею, чрезъ Шведовъ въ Полщѣ, Литвѣ и въ Прусахъ забранніе, на мѣсцахъ ихъ зоставятъ Шведи, опрочъ тихъ которіе зъ собою привезли.

21) Вязневъ всѣхъ зъ обохъ сторонъ взаемне освободятъ безъ жадного окупу; а если хто зъ нихъ для прекормленяся своего въ неволѣ кому задолжился, тотъ долгъ свой заплатити повиненъ; а то отъ значнихъ беручи офѣцеровъ; що засъ до дробнѣйшихъ, тіи неидатячи долговъ війдутъ.

22) Король Полскій мѣетъ причинитися до Хана, и своею Кролевскою уладити его повагою, жеби неволниковъ Шведскихъ отпустилъ на волю; которіи кгди отпущени зостануть, и чрезъ Полску до Швеціи простоватимутъ, аби ласкаве трактовани дойшли проговъ своихъ.

23) Гандлѣ купцамъ вшелякимъ тихъ Кролевствъ обоихъ сполне будутъ свободни, и волное жегляромъ плаваніе моремъ, Двиною, Булдерою; а ни болшіе на нихъ цла уставлени будутъ, едно такъ будетъ яко было и предъ войною тоею.

24) Щоби тежъ въ Швеціи служило Одрою Великоволномъ, и въ Прусахъ Кгдансковѣ, ничого нечинячи противъ старого звичаю.

25) Фелдмаршалокъ Кенѣгсмарцкъ, до Кгданска ставленній, изъ тамъ того секвестру будетъ уволеній, зъ тимъ варункомъ, же не мѣетъ уразъ своихъ бачити, и що было на вѣки Кгданековѣ пребачити.

26) Тѣла вождовъ побитихъ и иныхъ пребранныхъ Шведскихъ офѣцеровъ, до того часу непохованніе, будутъ отдани; а що спочиваютъ похороненніе въ якихъ колвекъ костелахъ, непремѣнно уже тамъ и лежати.

27) Княжнѣ Радивиловнѣ, Гетмана Великого нѣгдись цорцѣ, прійти до добръ и дѣдицства своего прійшлій сеймъ допоможе.

28) Князю Крои, до уконтентованя въ претензіи его, также гроффомъ де Дона и Гулденштерновѣ, що колвекъ мѣти слушного, покажутъ сеймовіи.

29) Тако-жъ другій съ Цесаремъ и сполне зъ княземъ Брандебурскимъ покой станетъ вѣчній, и запомненніе чрезъ войну пріязни облѣгаціи паки отновятся, а гнѣви и непріязни амнистіей интерпоноване, и вѣчне отъ сердецъ випущени будутъ; купцамъ тежъ хочъ би найдалѣй моремъ и землею гандлювати будетъ волно. А яко тутъ о Инфлянти и Пруси рѣчь была, тако тамъ о Слесвѣцкъ, Мецкелбургъ и иныхъ несила крѣпостей, въ Поморію отъ Зуви

Цесарского свѣжо обнятихъ, договорено жеби ся оніе своимъ прирожонимъ панамъ привернули.

30) Наконецъ уже престанутъ едностайне всюди вшелякіе непріязни; и если где еще, звлаща въ Элбліонгу, Шведскіе кгварнизони дочекаютъ сейму тутъ, где тотъ покой мѣетъ быти утверженній, и въ тотъ часъ заразъ війдутъ; а якъ зъ мѣстомъ зъ которого війдутъ, такъ и зъ волостю, па которой имъ до часу показанъ будетъ кормъ, обійдутся яко пріятели, помѣрною живностю одъ нихъ контентуючися; чого досмотрятъ сами ихъ ротмистрове, сполне съ Полскими комисарами.

31) Инструментъ тотъ покою обадва зъ своей сторони Королѣ аппробоватимутъ, а впредъ такъ склеенній комисари подпишутъ; потимъ медіяторовѣ Люмбресовѣ отдадутъ до рукъ. За тимъ Король самъ отъ себе учинилъ поруку, же въ трохъ мѣсецехъ зложитъ конвокацію, для того найболшей, аби по одобраню и вичитаню тихъ пактовъ, заразъ оніе рѣчъ посполита сполне зъ Королемъ своимъ Полскимъ закрѣпила и утвердила; и оразъ между коронніе статути и права, вмѣсто застави руки Кролевской дипліома, зъ оними инферовала: що тожъ и Король Шведскій чрезъ матку свою, своимъ и адмѣнистраторовъ Кролевства своего именемъ, сполне зъ нею маткою готовъ учинити и подписати.

32) Все тое що въ сихъ пактахъ виражено до щасливого скутку приведши, медіяторъ зъедетъ между Элбліонгъ и Малборкъ, и тамъ яко зведетъ зъ собою обидвѣ сторони, звичаемъ народовъ посторонних, такъ и отдастъ имъ тіе учиненного покою инструмента взаемне. А наконецъ, чимъ би той покой зоставилъ варовнѣйшій до пункту и лѣтери найменшой, сторони обидвѣ на тое все облѣгуются держати тую трансакцію; и цале тое зъ федерати своими сполне постановили, же если би кто зъ нихъ тую розервалъ трансакцію, противъ того всѣ повстати, и за очевистого

гвалтовника покою признати мѣютъ; еднакъ нѣжли би що противъ оного мѣли почати, обишлютъ его впередъ комисарами, чого если не послухаетъ, въ той часъ яко на противника и покою разорителя рушатся сами, усмираючи и конаючи его такъ долго боемъ едностайнимъ, поколь зъ пожаданнимъ назадъ не вернутся покоемъ. А надъ то, згромаженніи комисари зъ охоти руки свои на тихъ мирнихъ инструментахъ подписавши, притиснутъ и печати.

РОЗДѢЛЪ X.

О Твардовскомъ, и о доконченю трудовъ его чрезъ дванацятолѣтное время, вѣршомъ Полскимъ войну домовую Полскую описавшихъ.

Докончивши Самуіель зъ Скрипни Твардовскій пактами зъ Шведомъ Полскими книги своей, вѣршомъ Полскимъ написанной, «Война Домова» названной, вѣншуетъ наконецъ себѣ того щастя, ижъ въ такъ долгой дванацятолѣтной бурѣ и завѣрусѣ военной, перво зъ Козаками и Татари, потомъ зъ Москвою, Шведами и Венграми, и во многой купѣ иннихъ коллегатовъ до тоеи жъ войни сердца свои заятрившихъ, надъ чаяніе вожделѣнного зъ Шведомъ дождался покою; вѣншуетъ оразъ зъ собою того по многихъ Полскихъ руинахъ и разореніяхъ благополучія и Королю пану своему Яну Казѣмѣру. А пишучи онъ Твардовскій твердимъ и подзорнимъ (якъ и самъ въ остатней части о томъ наменяетъ) вѣршомъ бывшіи тогда военніи дѣянія, завше такъ въ Малой, яко и въ Великой Полщѣ, подъездилъ близко подъ войска свои и непріятелскіи, и тщателно о всякихъ военнихъ состояніяхъ вибадиваючися, описовалъ

оніе своимъ майстерствомъ поэтицкимъ, неразъ часомъ (якъ и самъ пишетъ) и ночей недосипляючи. Въ якихъ трудахъ любо и болшого онъ Твардовскій своего приложилъ би тщанія, въ описаню далшой войни Полской зъ Росіянами и Козаками, и въ одобраню зъ подъ власти Московской Великого Княженія Литовского по прежнему до корони Полской; однакъ болѣзнію (яко при самомъ концу въ той же книзѣ его является) до ложка пригвожденній будучи, не моглъ далѣй за войсками своими Полскими волочится, и оппераціямъ военнимъ присмотриватись. Зичачи прето въ далшихъ онихъ военнихъ дѣйствіяхъ благополучія Королю пану своему, самъ въ Полщѣ позостался, тамъ, где вишписанная его задержала хороба, отъ которой уже подобно неповставши, отдалъ долгъ смерти належитій; бо по кончинѣ его скрипта его обрѣтенни и до цензури взяти, потомъ и до друку, первій разъ року 1681, въ Калѣшу подани; откуду познается оного щастливость, же любо самъ умерлъ, еднакъ труди его не умерли и до людского уживаня суть приняти, незабвенную разума его славу памяти любопитствующихъ всегда представляючи. Зъ якихъ мѣръ и я тоей щасливости ему вѣншуючи, на предидущихъ дѣйствій, которіи могутъ дойти моеи вѣдомости, описаніе простираюся.

Не мню же азъ о семъ Твардовскомъ, аби онъ былъ чарнокнижникъ тотъ, которій чрезъ демонскія пособствія (яко о немъ повѣствуется) многіи негдись въ Полщѣ творилъ мечтанія, но инъ, аще нѣціи и самого его твердятъ быти; нѣсть бо о томъ подлинного извѣстія.

РОЗДѢЛЪ XI.

Придатокъ до книги Твардовского отъ Самойла Величка, зъ тоеи-жъ книги коротко винятій, для видѣнія хотящему чителниковѣ.

Уже написалемъ прежде сего, же описующу мнѣ войни и дѣянія Козацкія зъ Поляками, нетребѣ было простиратися и Твардовского держатися, зъ описаніемъ иншихъ военъ Лядскихъ зъ иншими народами, а особливе зъ Шведами бывшихъ. Но для двоихъ причинъ того не оставилемъ и моего труда не пожаловалемъ: первая, абимъ любопитствующого чителника уконтентовалъ преложеніемъ всеи книги Твардовского на стиль гисторіалній, кождому до вирозумленя снаднѣйшій; другая, для того ижъ огнь тоеи войни домовои Лядскои зъ причини ихъ же самихъ чрезъ Чаплинского запаленъ, а чрезъ Хмелницкого и Козаковъ зѣло зъ великимъ Украини, Полщи и иншихъ Монархій поврежденіемъ, воспламененъ и розжаренъ, и чрезъ двананадцять лѣтъ въ своей военной зостаючи силѣ, многихъ далечайшихъ Европейскихъ Христіянскихъ Монарховъ сердца до тоеи-жъ военнои запалилъ былъ охоти; такъ, ижъ еденъ къ другому по упрошенію прилѣпляючися, и зъ великимъ войска и скарбу своего иждивеніемъ еденъ другому военнои допомогаючи компанѣи, малъ не всю Христіанскую Европу (зъ неменшою бѣсурманомъ потѣхою) были запалили и ди-

мами военними затмили: почавши отъ Хмелницкого, року 1648, ажъ до року 1659, яко Твардовскій свѣдителствуетъ.

Зри же здѣ во кратцѣ собранное и къ видѣнію представляемое союзниковъ Христіянскихъ, въ той войнѣ бывшихъ, согласіе.

1) Хмелницкій зъ Козаками и Ордою воевалъ на Поляковъ.

2) Москва зъ Козаками — на Литву и Поляковъ.

3) Венгри и Мултане — на Волоховъ, зъ причини Тимоша Хмелницкого.

4) Козаки зъ Тимошемъ Хмелниченкомъ — на Венгровъ и Мултановъ.

5) Поляки зъ Волохами и Венграми подъ Сочавою — на Козаковъ зъ Тимошемъ Хмелниченкомъ.

6) Подъ Жванцемъ, Венгри и Волохи за Поляками и зъ Поляками — противъ Хмелницкого и Хана.

7) Шведъ зъ Прусами — на Поляковъ.

8) Дунчикъ за Поляковъ и зъ Поляками жъ — на Шведа; а Шведъ взаемъ противко ихъ обоихъ.

9) Олендри за Дунчика и зъ Дунчикомъ — на Шведа.

10) Ангелчикъ за Шведа и зъ Шведомъ — на Дунчика и Олендровъ.

11) Французъ также за Шведомъ стоялъ, но не воевалъ, засмотриваючися на рѣчи.

12) Цесарь Христіянскій за Поляковъ — на Шведа.

13) Ракочій Князь Венгерскій за Шведомъ — на Поляковъ, що ему Турчинъ зганилъ, и отъ власти его отдалилъ.

14) Поляки зъ Ордою, зъ Хмелницкимъ розбратавшоюся — на Козаковъ, на Москву и Шведа.

15) Знову Поляки — на Прусовъ и Венгровъ.

16) На остатокъ повторе, Цесарь Христіянскій нетилко зъ своимъ Римскимъ панствомъ, але не малъ зо всѣмъ Западнимъ Христіянствомъ повсталъ былъ за Поляковъ на Шведа. Потомъ вскорѣ яко кончина Короля Шведского постигнула, такъ и война оная Лядская зъ Шведомъ про-

стала, и пактами прежде описанними, въ Оливѣ договоренними, заключена зостала.

Но нетилько остатними Оливскими пактами огнь войни Шведской зъ Поляками и ихъ федератами загашенъ, лечъ и прежде бывшими чрезъ дванацять лѣтъ пактами, розниxъ роковъ, зъ розними народами и на розниxъ мѣсцахъ былъ отъ части притушиванъ, почавши отъ Хмелницкого.

А то именно тими:

Роки отъ Рождества Христова.

1649. Подъ Зборовомъ—зъ Хмелницкимъ и Ханомъ Королевскіе.

1650. Подъ Берестечкомъ Волинскимъ—Королевскіе зъ Козаками облеженцами.

1650. Бѣлоцерковскіе—Хмелницкого зъ Гетманами коронними, перво запроси, потомъ и пакта.

1653. Въ Сочавѣ—Козацкіе зъ Маховскимъ, по смерти тамъ Тимоша Хмелниченка.

1653. Подъ Жванцемъ або Камянцемъ Подолскимъ—Ханскіе зъ Королемъ Казѣмѣромъ, съ утвержденіемъ Зборовскихъ Хмелницкого зъ тимъ же Королемъ пактовъ.

1655. Подъ Устіемъ—Лядскіе первіе зъ Витембергомъ Шведскимъ.

1655. Краковскіе пакта зъ Шведомъ.

1656. Прускіе — зъ Королемъ Шведскимъ.

1656. Варшавскіе — Короля Полского зъ Витембергомъ Шведскимъ.

1657. Въ Литвѣ, Полскіе зъ Москвою пакта.

1657. Полскіе — зъ Ракочимъ князем Венгерскимъ.

1657. Брандебурскіе — зъ Чернецкимъ воеводою Рускимъ и Поляками.

1657. Краковскіе другіе — Шведскіе зъ Королемъ Полскимъ.

1658. Гадяцкіе пакта Козацкіе, албо комисія Виговского зъ Поляками.

1658. Дунскіе — зъ Шведомъ.

1658. Торунскіе — Шведскіе зъ Королемъ Полскимъ.

1659. Наконецъ, въ Оливѣ близко Кгданска, прежде спецѣфѣкованніе остатніе пакта Полскіе зъ Шведами, при доконченю войни бывшой заключени, яко Твардовскій виразилъ; а Пуфендорфій пишетъ, же 60 года тіе Оливскіе пакта состоялися — но тое нѣсть вѣроятно.

Конецъ книги Твардовскаго, «Война Домова» глаголемой.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ПЕРВОМУ ТОМУ

ЛѢТОПИСИ ВЕЛИЧКА.

Дозде Мафей Титлевскій — о раздрушеніи мира и о початку войни Турецкой зрадливой зъ Поляками и Козаками, въ Волощинѣ на Цецорѣ рѣчце зъ шкодою Поляком отправленной. Прилагается же тутъ гнѣвливая и досадителная листовная корреспонденція Короля Полского Жикгмунта, зъ Османомъ, Царемъ Турецкимъ, бывшая; зъ кроиѣчки рукописной Козацкой, въ Переясловлѣ Малоросійскомъ року 1636 написанной, взятая.

Листъ Королевскій.

Жикгмонтъ третій, Божіею милостію Король Полскій, Великій Князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоицкій, Мазовецкій, Вифлянскій, Шведскій, Кготскій, Вандалскій, Дѣдичній Кроль. Тобѣ Алхеровѣ великому, заслепленому противниковѣ Божію, кобилниковѣ негодному, поганину потопенному, сину чортовскому, дѣдичовѣ пекелному, потомковѣ люципера, велзабула, антихриста, отъ вѣка проклятому сину, сину Комову, у пекле роскошей твоихъ заживаючому, которій заживати зъ раю вигналъ, а по смерти діаблу и зъ душею до пекла, до отчизни своей, до своей хвали отнесуть, которая тебе ждеть отъ початку свѣта; где самъ продкумъ Кролевства маешъ сполечне. Діабли, которихъ за живота чтишъ и шануешъ, тимъ неизнику и негоднику останешъ. Пишешся освецонимъ, а ти есть ослепленій; велке панства виславуешъ, которіе еси хитро-

стію и зрадою подъ Христіанами повидиралъ, съ которихъ не утѣшишся; приписуешъ себѣ Царства и Кролевства, которихъ еси негоденъ. Але сподѣвамся то за помочю Бога моего Укрижованного, же орелъ Полскій у короткомъ часе, у Царигороде, Махомета проклятого и тебе самого искоренитъ огнемъ, а людъ твой поганій мечемъ Полскимъ зотретъ и внѣвечъ обернетъ; бо вѣмъ часъ згиненя твоего проклятого. Не тѣшся зъ того велми, же малую громадку войска моего зъ Гетманомъ Жолкевскимъ на Цецорѣ, зрадливе, великими силами войска своего поганского Турецкого и Татарского розгромилесь, не безъ шкоди своей въ десятеро; кгди-жъ я вѣру Богу моему, же и стокротне отдамъ тобѣ кривду мою, и зо всего панства твоего виверну тебе. А такъ вѣждъ певне, же тя гонить буду, ажъ ми Богъ дасть зсѣсти на тебе, и прудко тебе навѣжу у Цариграде, съ которого можешъ заразъ утекать до Вавилона, албо рачей до пекла, до отца твоего діабла, которій тескнитъ безъ тебе давно; отожъ я тебе запужу тамъ на вѣчное потопленіе, презвиклій конецъ. Зъ Кракова, року 1620.

Отвѣтъ на тотъ листъ отъ Османа, Царя Турецкого, до Жикгмонта третого, Короля Полского.

Ясноосвецоній великого Панства Божій Военникъ Цѣсеръ Турецкій, Цѣсеръ Грецкій, Цѣсеръ Іерусалимскій, Цѣсеръ Македонскій, Цѣсеръ Словенскій, Кроль Халдійскій, Кроль Арменскій, Кроль Атаманскій, Кроль Диманскій, Кроль мешкаючихъ въ раи, Кроль посвецоній, Синъ Махометанскій. Богъ згоди, Панъ древа залецоного отъ восходу слонца ажъ до заходу, Панъ древа квѣтнучого, надѣю потѣшенія намъ голдуючимъ, засмуценіе тобѣ противнику, Жикгмунту третому Кролевѣ Полскому, неприбранній скарбъ найяснѣй-

шой ласки нашой отвергаючому, такъ ясно презъ такъ короткое писание пишу. Жадалъ еси ласки нашой презъ Самойла Ивановского, презъ Петра Озгу, презъ Станислава Жолковского Гетмана твоего, которую былъ и отрималъ за причиною пановъ радниxъ нашихъ; а теперъ маешъ раду нашу за низащо, и землю Іерусалимскую зъ моци нашой хочешъ вирвати; прето естесь неизнимъ человѣкомъ, и неровній въ той мѣре чинишъ замислъ. Бойся смерти зъ тими людми малими твоими, коли умислне и явно буду на твое Королевство наступовати; и тое ся стане все яко я пишу. Разумѣй же моцъ мою, которую маю въ панствѣ своемъ; ажъ дамъ знать о великой потужности панства нашего на пришлое лѣто, въ которомъ часе познаешъ мою моцъ. Южъ теди нѣцъ не мѣй надѣи въ пріязни нашой, а ми тежъ власніе мужи твои потлучимъ, и съ подданними твоими и Краковъ, столицу твою, безъ вшелякого милосердія розгребемъ, и Укрижованного Бога твоего потремъ на вѣки, и вѣру твою викоренимъ, а посвецониxъ твоихъ конми порозволочоваемъ. Нехай же ся Богъ твой розгнѣваетъ на мене, а тебѣ на помощъ прибудетъ. Мѣй же досить на томъ, и розумѣй мене якъ хочешъ, а будь готовъ коли дамъ знати. Пхимеотъ Великій, Посвецоній Божій Воинъ, Цесаръ Турецкій Османъ, зъ Константинополя, року 1620.

По оной неполѣтичной листовной Короля Полского и Цесара Турецкого корреспонденціи, паки полагаю о наступуючой войнѣ Хотѣнской рѣчъ Матѳея Титлевского порядкомъ ея сице.

Отправляются убо въ Полщѣ сейми, и войною ити на вѣроломного непріятеля поставляютъ; новій войска Генералъ, Кароль Ходкевѣчъ обѣрается, мужъ великого муже-

ства и искуства въ дѣлехъ воинскихъ. Таже посилаютъ до околичнихъ началниковъ Христіянскихъ пословъ своихъ, дабы махину войни оноя зъ непріятелемъ имени Христіянского провозвѣстили, и помощи просили; яже аще во иностранихъ пановъ Христіянскихъ и отречеся, обаче единако Полскій Король непремѣненъ пребылъ въ своемъ намѣреніи, на Божію помощъ и своя возложшися сили, двойнимъ вселенія пострахомъ Турчину и Татариновѣ противу изійти уготовляется. А тимъ часомъ Козаковъ десять тисящей чрезъ Евксѣнское море, абы руиновали панства Турецкіе и запаси ихъ переймали, виправляетъ. Донелѣ же Кароль Ходкевичъ, новопочтеній въ генерали, собравши (елико въ скоромъ времени собрати бѣ мощно) коннпковъ въ зелѣзномъ оболченіи, копѣями вооруженихъ, дванадесятъ тисящей, панцирного воинства чтири, Козаковъ зъ Гетманомъ ихъ Петромъ Согайдачнимъ четиридесятъ, пѣхотнихъ Поляковъ тридесятъ, Прусовъ а зъ ними и Поморанщиковъ осмъ тисячъ, Угровъ же платнихъ три тисящи воинства, на встрѣчъ Турчиновѣ, въ землю Волоскую подъ распростертими изійде хоругвами; а переправившися зъ войскомъ симъ за рѣку Днѣстръ въ Волощинѣ, на мѣстцу зѣло приличномъ, въ день пріостатній месяця августа, року отъ рождества Спасителя нашого 1621, поставилъ своя обози. День остатній августа и первій месяца септеврія, на укрѣпленіе обозовъ былъ отложеній.

По свидѣтелству еднакъ рукописного Козацкого лѣтописца, августа въ день остатній, прибыло подъ Хотѣнь, въ обозъ Полскій Запорожцевъ 3,000, зъ Гетманомъ своимъ Бородавкою, лечъ вскорѣ Бородавка отъ началу своего извѣржень, а войско его вручено Сагайдачному Гетману; а то за тое Бородавка обвиненъ, что не поспѣшалъ зъ войскомъ своимъ до главного обозу Полского, да бавился въ дорозѣ здобичъ..... (*)

(*) Приписка въ рукописи.

Дня 2, мѣсяца септеврія.

Возвѣщают вивѣдчики Полскіи, яко Отоманин съ трема стами Турков а сотцем Татаров тисящами близко уже притягает. Пред сим, дня осмого, виправил был генерал наш (глаголют Поляки) Козаков нѣколикос тисящей, аби непріятелевѣ на кривинах путних наѣздами пакостили; тѣ нелѣниво дѣло совершивши, дня сего зъ непріятелем біющеся, ко обозу показалися. А яко тилко непріятель пред очима нашима отвел свои обози, чудесное въ сердцах нашего воинства было желаніе, ежеби зъ ним абіе потребу имѣти. Но обаче во бранех искусним Гетманом здалося неполезно тогда на неизвѣстній подвиг виставлять тако Королевства Полского, яко и всего Христіянства сили, въ поволности паче первим гнѣва запаленіем шумящому противитися непріятелевѣ. Того самого дне партія войска Турецкого под обоз Полскій подступила, и уставичними наѣздами зъ войском Полским пресиляшеся, зъ которих тисяща и осмдесят Турков упало; многіи же зъ близка копіями, шаблями, а от подаль арматою раненіи, въ своем их обозѣ умираху варвари; Поляков пятидесят нестало, тридесят было поранених. Се первое было воинское привѣтствіе. Пред вечером засилает Отоманин нѣкіих Волохов знаменитих, образом привѣта, до генерала Полского, самою же вещію, да идѣ же усмотрят благоугодно, зажгут обози Поляков. По одправѣ убо привѣтствія, един зъ тѣх Волошин на испитаніе ятій, откривши оное их злое намѣреніе и тоя зради віявил содругов; иже егда на мученія .... де сознали, вси на том же мѣсцу так кріемо смертію пострадаша, яко неточію ..... но ниже Поляком всѣм о смерти их сотворися. Таже генерал Пол-

скій, въ нощи, окрестъ обозу на многія мѣстца сухихъ дровъ назносити, и тѣмъ во едино сложеним огнь подложити повелѣваетъ, а изведши Козаковъ десятъ тисящей и пѣхоту Прускую, сію на челѣ, онихъ же изъ боку посаждаетъ; где Турчинъ плами виспръ восходящія егда увидѣлъ, мня же событіе зради, тѣмже на опламененіи Поляковъ обози воина своего охотного випускаетъ; но на самомъ ко обозу приходѣ, нечаемо отъ Козаковъ и пѣхоти, на то устроенихъ, пріяти бываютъ варвари. Брань меча остріемъ абіе течаше; потомъ же, когда уже молви ради и смятенія ниже совѣтъ, ниже повелѣніе исполняти варвари можаху, воздиханіемъ умирающихъ, паденіемъ уязвляемихъ или звукомъ желѣза пристрашни суще; въ ярости неистовѣй слѣпо на забой рѣяхуся, инніи отвергши оружіе, и тѣ въ труповъ купи впадши углебаху, иних же ко бѣгству уже обратившихся паки гоняху ко брани идущихъ полки. Объ всю нощъ сю бишася жестоко, день войну сію разведе; Турки въ своя обози отидоша.

Дня третого мѣсяца септеврія.

Видитъ Императоръ Турецкій яко его оболстиша; того ради отъ трехъ сторонъ на обозъ нашихъ устремителнѣ скрежещущи нападаетъ; то есть отъ страни оноя, на нейже нашихъ остѣняя (глаголютъ Поляки), обози Козацкіе стояли, ажъ до послѣднего полка Полской дивизіи. Всего дня сего бишася жестоко, отъ стана Поляковъ на непріятеля ядромъ пушечнимъ праволучно метаху; а предъ заходомъ слонца Турки до обозовъ своихъ уступили.

Свѣтлѣйшій Принцъ Владиславъ дня сего во обози притяже, зъ тридесятма тисящами легкого воинства и многимъ военнимъ припасомъ. Нощи теди и дня мимошедшаго, убито непріятеля болѣе нежели двадесятъ тисящей. Сему же тако содѣвающуся, Великій Князь Московскій со-

бравши множайшее воинство, на Княженіе Сѣверное нахождаше, а на трактатъ и сотвореное примире непамятствуючи, вся ограбляше. Такождь и Король Свѣйскій Адолфъ Густавій моремъ Ливонскимъ зъ ряснимъ флотомъ подпливши, Ригу градъ столечній Ливонскій, славній пристанищемъ, веземши въ обсѣденіе, добываше и оній предателствомъ нѣкіихъ, иже отъ Римской релѣгіи тужди бяху, получаетъ.

Дня четвертого, мѣсяца септеврія.

. . . . . слонцу, Императоръ Турецкій всѣми силами войска своего на обози Козацкіе натираетъ, ибо на челѣ отъ обозовъ его были; зъ армати, такожде и прочаго оружжа огненаго ручнаго палили ужасно, и ажъ чрезъ пять годинъ усилній наѣздъ сей пребываше. Козаки зъ крѣпости отбивалися великодушно, непріятелъ же во велкой силѣ и устремленіи на обозъ ихъ нападаше, и того ради великому множеству варваровъ не малое бысть паденіе. Во оній же самій часъ напускаетъ Отоманъ великую янчаровъ силу тамъ, где стратигъ сили Полской стоялъ зъ своими военачалниками; но отъ Поляковъ конно сопротивъ изшедшихъ бываютъ Янчаре сотрени, и не многіи отъ нихъ до своихъ уходятъ. Такожде и повторе со всѣмъ войскомъ до обозу Поляковъ Турчинъ випадаетъ, но вотще трудившися, великимъ своихъ паденіемъ принужденъ, уступаетъ; обаче не безъ повороту; ибо и еще предъ захожденіемъ слонца, якъ би за едну годину, болшимъ уже яко первѣе обозовъ Козацкихъ добываше насиліемъ, и уже сверѣпому варварскому налогу видяхуся уступити Козацкіе обози, но обаче Богъ неотступенъ со своими бяше. Козаки бо учинивши випоръ съ конца обозовъ, а сложивши сили своя зъ копіеборнимъ коннимъ, въ помощъ отъ генерала присланимъ воинствомъ, близко на Турковъ пришедши, и кровавую битву показавши, многочисленія полки чуждихъ въ бѣгство

обратиша, а такъ великую имъ пагубу содѣлавши, гнаху ихъ даже до стана ихъ. Много сею войною арматъ взяша, великимъ же добытіемъ наполнени, настоящой уже нощи, кровію варварскою очервлени суще, во обози, не многихъ своихъ уронивши, возвратишася. Самъ Турецкій Императоръ, иже на позоръ сей произшелъ бяше, принужденъ зъ баталѣи, убѣже во обози. Дня сего убито Турковъ и Татаровъ болѣе нежели пятнадесятъ тисящей, янчаровъ тежъ три тисящи, зъ нашихъ же едва двухъ сотъ неставало. Но сію толикую супостатовъ, такъ на мимошедшихъ до обозу приступахъ, яко тежъ и на баталѣи откритой поражку, немногихъ же Поляковъ упадокъ, Божіей вмѣняти силѣ а не человѣчестѣй, яже Полякомъ Свишше поспѣшествоваше.

Дня пятого, мѣсяця септеврія.

На обоей странѣ сталося примиріе. Погребаніемъ мертвихъ упражняхуся, да пе отъ возмердѣнія онихъ въ стану сущіи вреждаются; толикая бо отъ солнечного паленія труповъ юга, страшная видѣнію, и самихъ варваровъ ужасаше, яко нужда имъ бысть нощію со возжеными походнями оніе погрѣбати. Того дне Турки воспятъ да... обозъ свой подвигнувши, новій приступъ до обозу Поляковъ приуготовляху. Но и Полякъ немедлено Бога на помощъ призвавши, а изведши отъ боку обозовъ часть войска своего ко брани, великодушно стоя, ожидаше супостата. Но уже Турковъ воспять полки хотящія, яко скоти ко брани гоняхуся; но понеже предъ полуднемъ дождъ проліяся, ничтоже въ той творити день покусишася.

Дня шестого, мѣсяця септеврія.

Избѣжа отъ обозовъ Турецкихъ Козакъ нѣкій, которій седмъ лѣтъ въ Сарацинской пребывалъ неволѣ; сей

утверждаше глаголя, ижъ на преждебывшихъ ко обозу Полскому приступахъ, полегло янчаровъ чтири тисящи, шпаговъ триста, Турковъ же зъ Татарами множае нежели четиредесятъ тисящей убито; коего паденія тако варвари устрашишася, о гладѣ же, иже въ ихъ обозѣ крѣпяшеся, тако си стужиша, яко многимъ имъ отъ стана бѣжати. Шестого дне Турки почиваху, сего ли ради, яко ихъ Императоръ ко приступу охотнѣйшихъ сотворяя, денги воиномъ раздаяше; или яко обозъ Турецкій, которій по пригорбкахъ широко былъ протяженій, того дне стѣсняшеся. Онъ же Козакъ и се возвѣщаше: что во обозѣ своемъ Турки проговоруютъ—дванадесятъ суденъ, узброенихъ арматою, на морѣ Евксинскомъ Козаки емши потопиша, избывшіи же въ Константинополь убѣжаша; ихъ же даже до самихъ стѣнъ града Козаки гоняще, всѣхъ Царигородцовъ устрашиша; сея новини перваго провозвѣстителя гнѣвомъ неистовящійся Отоманинъ повелѣлъ удавити; въ день же грядущій заповѣда ко обозу Поляковъ силное готовити приступленіе. Тое-жъ самое и Турки многіи, на стражи ятіи, единодушнимъ согласіемъ глаголюще, утверждаху.

Дня седмого септеврія.

Янчаре и иншіи многочисленніи полки Турецкіи, учинивши ужасній крикъ, скоротечнѣ на обози Козацкіе нападаютъ; а изведши на гору сопротивъ лежащую армати, горящими ихъ кулями досягаютъ.

Весь день навалность войска Турецкого неустрашенній Козакъ на себѣ сдержуетъ, тисящію и пятмасти пушечнихъ ядеръ смѣряемій, не мало своихъ уронивши, помощъ отъ пѣхоти Пруской имѣяй, врагу крѣпко сопротивляется. Таже по полудню непріятель отъ обозовъ Козацкихъ свернувши, свѣжимъ людомъ на Поляковъ ударяетъ. Толь воосверѣпиша варвари, и дерзаху на обози Поляковъ, ко-

торихъ гвалтомъ уже добыти имѣяху, яко зъ гнѣва лютости, слѣпо на оружіе Поляковъ пряхуся, и яко скоти всюду закалаеми бываху. Тѣмъ же уже вали и раскати, окрестъ стана бывшіи, зъ коней мещущися, Турки прелѣзаху. Но не меншая отвага нашихъ отъ варварского сверѣпого неистовства бяше: ибо Поляки на поле отъ обозовъ зъ тисячами двома копіеломного воинства, зъ боку на непріятеля випадаютъ и новій бой сочиняютъ. Числомъ варваринъ, но великодушіемъ Полякъ превосхождаше; укрѣпившися убо зѣло гусарного воинства своего силами, во полцѣхъ вражіихъ, зѣло многихъ сущихъ, погрязаетъ; и тако предній полкъ непріятелскій преломивши, со другимъ боряшеся. Посилаются посилки зъ обозовъ на отвратившогося непріятеля, которіи зъ лѣвого краю нападаютъ; ихъ же устремителное нападеніе даде ухилятися непріятелскому баталіону; такожде же и Козаки зъ обозовъ уже на вдаючіяся ордини янчаровъ бистро ударяютъ. Откуду толикимъ людей поломомъ и оружія, на немже войско варварское стояло мѣсто наполниша, яко чрезъ оное едва не труднѣйшее было прошествіе, неже чрезъ сотѣсненніе войска супостатовъ. Таже конное Полское воинство полки своя совокупивши, которими Турецкій баталіонъ збило, а отъ другія страни такожде Козаки, чрезъ купи труповъ и оружія, по лужахъ крови, даже до обозовъ Турецкихъ гоняху вслѣдъ побѣглшаго непріятеля. Нощъ близъ уже бывшея викторіи воспяти теченіе. Оніи же Турки, иже обозовъ передній окопъ уже прехождаху, вси до единого тамо избіени суть. Чрезъ увесь день сей всеусилно обози Поляковъ, но вотще, зъ великою своихъ пагубою Отоманинъ яти нуждашеся; ибо убіенихъ на полю и въ ровахъ предъ обозомъ болѣе нежели четиредесятъ тисящей упало. Поляковъ же (кто не видитъ яко единого Бога рука покриваше?), егда въ столь лютомъ зъ пушекъ на ня стрѣляніи, варварскихъ же наѣздахъ, толико на кровавой со сон-

момъ непріятелскимъ бывшей брани ниже тресотное число отторжеся; Турецкихъ двохъ башей убито.

Въ часъ нощи третій, Турки великимъ гуртомъ на поле, где была потреба, со свѣтили изидоша; возвисивши же смутнія плачевнія гласи, побіеніи трупи въ рови и гроби зносшаху; нѣкоего же мужа велико именита тѣлесе тщетно искаху. О чесомъ абіе нашихъ, яко и о новомъ ко обозу приступѣ Турки, нощи тоя ятіи, увѣдомили. Сего ради генералъ Полскій образомъ посѣщенія нощію во обози Козацкіе прійде, и утверждаетъ глаголя, не боятибися супостатовъ, иже до толъ ниже въ благополучіи ни во великодушіи намъ равни явишася. Повелѣваетъ такожде даби партія войска Козацкого на окопахъ, партія же на конехъ приуготовленихъ обрѣталася; примѣсивши же къ имъ полкъ пѣхоти Пруской, подъ руководствомъ воеводи Кулменского, тѣхъ между Козаками на остѣненіи поставляетъ. Пѣшеходи бо сіи такъ на брани откритой, яко тежъ и отъ обозу мужествено зъ ручницъ воеваша. А такъ во обозахъ Полскихъ копіеоружній воинъ, уже на битву изійти имущій, стоя труби ожидаше.

Того-жъ дня Бородавцѣ, Гетману Запорожскому, голову оттято въ обозѣ Полскомъ, за вину его прежде, августа остатнего, вѣ сей гисторіи виpаженную.

Дня осмого, мѣсяца септеврія.

Едва точію день возсія, егда партія войска Турецкого на полю битви повстала, на челѣ янчаре, по обои же сторонахъ великое множество Татаровъ, сотворивши крикъ, на сопротивъ лежащіе обози Козацкіе устремляются; где Козаки велми тихо стояли, дабы непріятель ближше подступившій моглъ удобіе стрѣлбою язвитися. Но уже Татаре окрестъ обозу объездящія, звиждущіе испущаху стрѣли, янчаре до рову вскаковаху; егда внезапу оная устрое-

ная пѣхота со стѣненія повставаеть, и изъ мушкетовъ зблиска огню даетъ. Тогда яко огнемъ горяще были обози Козацкіе, въ диму же и пѣску взбитомъ, битва была недоумѣваная; таже безоружніи Татаре отъ обозовъ отбѣгаютъ, янчаре же крѣпко стоятъ въ приступѣ, а инишихъ, плещи уже дающихъ, шпаги на оружіе Козацкое яко безсловесное животно зъ росказу Императорского гоняху; иже отъ пѣхоти Прускои преломленіи въ свои обози отступаютъ. Мало годинъ не чотири, зъ великимъ супостатовъ крови пролитіемъ, сей наѣздъ пребываше; въ самихъ бо фоссахъ предъ обозомъ, янчаровъ три тисящи, а шпаговъ сотъ три упало; ихъ же тѣлеса Пруси пѣхотніи, содранія, отъ стана далѣе на купи сметаху, огнемъ смрадъ труповъ по полю валяющихся отражающи. Зъ нашихъ немнози были убіенни, ибо отъ соостѣненія сопротивляхуся, где янчаровъ фурія вредити неможаше.

Дня девятого септеврія.

Повелитель Турецкій, по часѣ полуденномъ, все свое войско на поле битви произведе; но ниже генералъ войска Полского отвлачаше дати баталію, ибо приутотовивши войско за обозомъ, непріятелевѣ своему сопротивъ стояше. Обѣ войска устроеніи, даже до пришествія солнечнаго на западъ на полю пребыша, ни единому ко брани початокъ дающу, отъ крѣпостей точію и раскатовъ зъ пушокъ зривалися. Подъ вечеръ же янчаре ко обозу Козацкому усилно штурмуютъ; но сихъ отъ обозовъ своихъ Козаки прогнали. Предатель, иже нощи тоя до Поляковъ преложися, возвѣщаше: яко шпаговъ, которіи по указу своего Императора въ приступѣ до обозу Козацкого преди янчаровъ идяху, болѣе двохъ сотъ пропало, янчаровъ же двѣ тисящи.

Дня десятого, мѣсяца септеврія.

Турки толиками бѣдами предтружденіи почиваху, чрезъ мостъ же на рѣцѣ Днѣстрѣ отъ боку Полскихъ обо-

зовъ состроеній, многія пушки превозяху. Въ той же день Ханъ Татарскій зъ войскомъ своимъ на брезѣ рѣки, то естъ на ономъ мѣстцу где путь до Полщи бяше, залеглъ обозомъ, и партію войска своего, яжебы сограбляти и разоряти все Подолля мѣла отпустилъ. Престрашила новость сія сердца Поляковъ; супостатъ бо вся пути обдержаше, яко ни едина зъ обозу во отчество датися, или отъ туду воспріиматися вѣдомость можаше, и не бѣ ни чаема, прочее войску Полскому гладомъ уже бѣднѣ страждущему, кіимъ-либо художествомъ или силою помощъ стяжатися. Димашеся предъ очима Поляковъ сожженое отъ Татаровъ Подолля; толикое же людій и скотовъ добыте предъ лицемъ ихъ въ стану непріятелскомъ было раздѣляемо. Горяше убо воинъ Полскій остатнею войною зъ непріятелемъ сразитися, а Козаки хотяху, пребывши рѣку, зъ Татарами вдаритися, и тѣхъ отъ облеженія путій прогнати обѣщавахуся. Сія вещъ въ совѣтъ была воспріята, и усовѣтовася нераздѣляти бы силы, ибо удобіе раздѣленой непріятель зъ толиками войсками одолѣти видяшеся; на той землѣ или умрети, или окрутному сопротивъ стояти непріятелевѣ мужество и благополучная нань, даже до селѣ, фортуна увѣщаваетъ. Другого дня.... Владиславъ принцъ и генералъ Полскій, подобно для уставичного бдѣнія, въ болѣзнь фебра именуемую впадоша, что войску Полскому великія печали бяше; вся бо сила воинства Полского и Кролевства на онѣхъ двою залежаше.

Дня единадесятого септеврія.

Війшли зъ обозовъ Турки, а устроивши ордини войска своего, въ половинѣ нѣмецкой милѣ отъ обозовъ нашихъ, на войну пріуготовлени повстали; заразъ и генералъ войска Полского, барзо уже немощній, трубою войну провозвѣстивши и наѣзниковъ предпославши, половину войска своего, на образъ орла крилѣ простирающаго, древнихъ

отческимъ обычаемъ устроенную, ко брани изводитъ. Узрѣвши Отоманъ знаменія нашихъ, и яко войну готови суть дати, стоялъ нѣкое время недоумѣвая, яко удивленъ; таже свивши хоругви, страха ли то ради, или по смотренію Божію, во обози возвращается. Полское войско весь день стояло, но гласомъ трубы супостатъ ко брани многажди визиваемій не изійде: глаголаху, яко нѣкіимъ злополучія прознаменованіемъ былъ престрашеній. Того дне о сопротивъ лежащаго рѣки брега, на обози Козацкіи безпрестанимъ стрѣляніемъ билъ непріятель; но яко въ людехъ такъ и въ конехъ значного не учинилъ упадку. Нѣціи Татаровъ тисящи, на другомъ брезѣ рѣки зъ великимъ крикомъ устремившися, мостъ Поляковъ розирвати нуждахуся; але отъ двохсотъ пѣхоти Полской, которая на заставѣ у мосту стояла, въ бѣгство обратишася.

Дня дванадесятого септеврія.

По часѣ полунощномъ, оставивши зъ доволнимъ воинствомъ ко защищенію въ обозѣ сіятелнѣйшаго принцепала, яко немошнаго, войско наше війшло, аби на врага нечаянно напасти; и едина партія его, отъ тилу войска непріятелского здалека лѣсами зашедши, другая же зъ чела и отъ боку застановлена была; но дождъ велій проліявшися, воспятилъ намѣреніе, обаче надѣяхуся погоднѣйшого времени тое учинити; ибо войско Полское до стана своего возвратилося, ни едину о хитрости намѣреваемой непріятелевѣ вѣдомость подавши.

Дня тринадесятого септеврія.

На обоихъ сторонахъ былъ постановленій фриштъ, на погребаніе труповъ.

Дня четвертого надесятъ септеврія.

Знову проносилося въ обозахъ Турецкихъ, яко нѣколико суденъ флота Отоманского Козаки въ морѣ Евксин-

скомъ затопили. Тою невиною на ярость возбужденій Турчинъ, крѣпкому приступу до обозовъ въ день градущій заповѣдалъ быти.

Дня пятогонадесятъ септеврія.

Скоро тилко зійшло слонце, заразъ Турки и Татаре на обози Полскія и Козацкія отъ трехъ сторонъ навернули; толъ же много и силно зъ пушекъ и иншого дробного оружжя палили, яко и самая земля трастися и горѣти видяшеся. Самъ Императоръ на мѣсцу височайшомъ стоя смотряше, нимало же на людей толь многихъ, бѣднѣ погибающихъ, уважаючи; на приступъ ко обозомъ онѣхъ, по обичаю скотовъ, дреколми гонити веляше. Былъ чрезъ ввесь день сій гвалтовній приступъ; но Богъ Преблагій, Всесилній, по благости Своей сотвори се, яко отъ всѣхъ сторонъ вражіе нападеніе суетно и безуспѣшно бяше, зъ превеликимъ ихъ паденіемъ, нашихъ же зъ немногимъ врежденіемъ. Таже испитавши всуе штурмомъ ко обозу, а уронивши Турковъ и Татаровъ тридесятъ тисящей, яничаровъ также и шпаговъ три тисящи, зъ превеликимъ встидомъ на отступъ вострубивъ непріятель. Устланое поле оное, соравненіи обоихъ обозовъ фосси варварскими трупами, воинству нашему такъ додавали сердца и отваги, что нетилко брамами зъ обозовъ випиралися; но чрезъ вали и рови прескакующи, близко съ Турками въ чудеснѣ силѣ потребу отправляли. На сей потичцѣ, Баша, губернаторъ главного мѣста Буди, еже въ Панноніи, мужъ передній между Турками и самому Імператору зѣло любезній. . . во первихъ кулею въ чело пострѣленій; иже мало предъ симъ до обозу Императорского, зъ двадцятми Турковъ тисящами притяглъ былъ, и хваляшеся бѣ тое щастя отъ Махомета злѣцѣнное мѣти, еже-бъ Поляковъ обози добыти. Тую-жъ смерти чашу испилъ, ибо подобнимъ образомъ погибъ и Насафъ Баша, мужъ чудесноя крѣпо-

сти и отваги. Плакашеся Турецкій Императоръ того своихъ злополучія, и ничтоже въ весь день той иищи..., или сего ради найпаче, яко новая вѣсть зайде нжъ Пресвѣтлѣйшій Кор.....ская Король, зъ крѣпкимъ воинствомъ генералной виправи притяга.. чего ради престрашеній неиріятель, остатного на войнѣ той щасте . . . скоро хотяше. Тѣмъ же ко обозомъ паки быти въ приступѣ уставилъ, ибо чаяше яко уже войско наше изнеможе, гладомъ истаявшее, а уставичною стражію томимое.

Дня шестогонадесятъ септеврія.

Радился генералъ войска Полского, созвавши Гетмановъ, полковниковъ и сотниковъ, чтоби благо о войску гладомъ уже утѣсняемомъ провидѣти. Мнози многіи совѣти изношаху; инніи снійстися съ непріятелемъ бранію, и на баталію всеконечную отважитися, не имѣти сомнѣнія о крѣпости воинства своего, ему же даже доселѣ фортуна благопоспѣшествоваше. Сей гласъ мало не всѣхъ бяше. Нѣціи точію уступити до Камянца, мѣста самимъ натуралнимъ положеніемъ кгрунтовного, и тамъ би войско живностію посилковати, а дожидатися иного войска отъ Королевского Величества, совѣтъ подаяху. Таже на сіе сложилися: умрети паче, врагу сопротивляючися, нежели на едину стопу, аще и малѣйшую, уступити варваромъ; аби отступленіемъ тѣмъ не подати приступленія до отчизни, купно же и смѣлости ослабѣвшему непріятелевѣ.

Дня семогонадесятъ мѣсяця септеврія.

Нѣколикось сотень войска Козацкого во обози непріятелскія нощію вшедши, много наметовъ вирѣзали, болѣе тисящи непріятелей безъ груку, шаблями убили, и сами здрави, ни единого зъ своихъ погубивши возвратилися. Такожде тоя-жъ нощи, тіи-жъ де, у мосту отъ Турковъ збудованного, Циреаша Башу, которому стражъ мосту была

порученна, зъ множествомъ Турковъ и сотцемъ янчаровъ умертвили и многихъ плѣниша, великую же добичъ отнесши, въ цѣлости до своихъ привернулися. Все воинство Полское въ чудесномъ желаніи бяше, сего тилко хотяху, даби имъ Свѣтлѣйшого Князя Владислава въ первобытномъ здравіи яко скорѣе на конѣ узрѣти, иже воистину ко благоподвижной доблести великое подущеніе которого быти видяшеся.

Дня осмогонадесятъ септеврія.

Другимъ разомъ Козаки въ обозъ непріятелскій нощію тихо вшедши, болѣе шестисотъ отъ полка непріятелского убиша; где добыли много наметовъ, коней, драгоцѣнного одѣянія, велблюдовъ, воловъ, злата же и сребра; такожде же и два янчаровъ знаменія, сами суще невреждени, въ свой обозъ внесоша и вдаша Владиславу Сіятелнѣйшому Князевѣ. Легкій бой зъ обоихъ сторонъ бывалъ даже до дне двадесятъ четвертого, въ онъ же Кароль Ходкевичъ генералъ, тяжкою болѣзнію разслабленій, плачъ всѣмъ сотворши, преставися въ замку Хотѣнскомъ. Получивши убо варваринъ вѣдомость о смерти толикого мужа, возиграся радощами и прорицаше глаголя: яко уже Поляки стративши сего щасливого и великодушного вожда, отъ него же онъ многажди былъ утѣсненій и на толикихъ бранехъ пораженій, стратили и благополучіе.

Чого не обрѣлося въ семъ Титлевского, войну Хотѣнскую описавшого, діаріушѣ, тое приложилося тутъ въ двохъ дняхъ зъ рукописнаго лѣтописца Козацкаго.

Септеврія дня двадесятъ второго.

Въ ночѣ килко сотъ добрихъ молодцовъ Козаковъ отважне на тую Днѣстра сторону тихо переправившися, напали на Турковъ и побили ихъ не мало, где и двохъ Башовъ забили, а Вейзеръ ледво утѣкъ до лѣса; и по та-

комъ отважномъ рицерствѣ зъ немалою здобичью повернули въ цѣлости до обозу своего; а Вейзеръ ажъ о полуднѣ зъ лѣса прибылъ до обозу своего.

Септеврія двадесять третого дня.

Знову Козаки охочіе килко сотъ собравшися, къ нимъ же и пѣхоти Полскои до двѣстѣ товариства прилучившися, и чрезъ Днѣстръ мостомъ своимъ ночнои добы тихо прешедши, вдарили на Турковъ, где убивши ихъ до тисячи, и въ Днѣстръ нагнавши немало потопили; своихъ засъ тилко трехъ пострѣленихъ взявши, повернули до обозу своего, но не зъ такою уже здобичею, якая дня вчерашнего имъ досталася.

Дня двадесятъ пятого септеврія.

Отъ всѣхъ сторонъ Турчинъ на обози Поляковъ находитъ, и всѣми силами своими такъ коннимъ, яко и всѣмъ пѣхотнимъ воинствомъ онихъ добываетъ. Нашимъ убо аще вождъ и не бяше, много паче болѣзнену сущу Сіятелнѣйшому Князю, въ немъ же единомъ вси упованіе полагаху, но мужество съ дерзновеніемъ единаче не оскудѣваше; ибо за поводомъ Станѣслава Любомирского (мужа въ отчествѣ воистину единаго, которому Сіятелнѣйшій Принцъ немощній суще, по смерти генерала, въ то время всего войска правленіе за добримъ всѣхъ изволеніемъ приручилъ бяше) наѣздъ непріятелскій тако отбили, яко того дне болѣе неже осмъ тисящей войска Турецкого на ономъ приступѣ упало.

Дня двадесятъ шестого септеврія.

Когда уже Отоманинъ отвергся своего благополучія, и уже обозомъ мощи завладѣти егда не надѣяшеся, силамъ же войска своего яко день отъ дне множае умалятися видяше, чтирехъ славнихъ Башей и толико ти-

сящъ на показанихъ баталіяхъ воинства своего погубивши, иже предъ симъ не многими деньми ярмо работи на глави наши возложити гордостно кленяшеся клятвопреступній, миръ уже избрати желаше; сослалъ бо во обози наши зъ листами Баптусту Вѣнеллѣя Италіянина, ижеби ко возновленію чрезъ толико лѣтъ зъ домомъ Отоманскимъ бывшаго покою намовилъ Поляковъ, и потребовалъ комѣсаровъ ко постановленію оного. Убо вещъ сія, се есть на таковій конецъ война поизшедшая, воспріяти покой воина Полского отрицающагося, но уже гладомъ изнемогшаго, радостна творяше, непріятелевѣ обаче толикокротне въ правдѣ непребывшему не вѣрили.

Дня двадесятъ седмого септеврія.

Турчинъ аще и поискалъ былъ мира, но обозовъ Козацкихъ зъ арматъ многихъ и долго добываше, которими яко успѣлъ ничтоже, зблизка ко обозомъ начатъ приступъ чинити; но егда Козаки готови на брань за обози изійдоша, непріятель воспятися. Въ сей день Князь Сіятелнѣйшій воставши отъ сумнителной и небезпечной болѣзни, ею же зѣло великою а съ нимъ и все войско немоществоваше, воинству радостними отъ всюду восклицанми привѣтствіе ему сотворяющу, обози объездяше. Въ сіяж-де дни Козаки на обозъ непріятелскій нечаянно нападши, и много ихъ положивши, великимъ страхомъ и трепетомъ войско непріятелское наполниша, пребогатою же користію обремемененни, цѣли до обозовъ своихъ возвратишася.

Дня двадесятъ осмого септеврія.

Императоръ Турецкій намѣривъ о крайнемъ щастю войною спитати, и о томъ первѣе Хана Татарского увѣдомивши, дню возсіявати начинающу, войско великими ротами заводити началъ, а яко вѣнцемъ Полскіе окружилъ обози зъ ихъ крѣпостами; и многіе отъ трехъ краевъ обозу ут-

вердивъ армати, переправивши також де тридесятъ окромѣшнихъ, обонъ полъ рѣки берегъ осадилъ, зъ которихъ оба обози, Полскій и Козацкій, чрезъ нѣкое время розбиваше; обаче ничтоже успѣлъ, ибо въ обозахъ нашихъ три точію пушечнимъ ядромъ ударени погибоша. Но егда отъ двоихъ воротъ обозу зъ многихъ палилъ непріятель пушекъ, где у еднихъ главній воевода зъ своимъ полкомъ, а въ другихъ воевода Кулменскій зъ Прускими полками стояли, и отъ всѣхъ сторонъ когда великій натискъ належаше, мещущимся зъ коней Туркомъ, и себе до пѣшого войска и янчаровъ присоединяющимъ, окрестъ Поляки отъ варваровъ, яростію неистовихъ, во великомъ утѣсненіи бяху.

Были тогда сопротивници взятія обозовъ надѣею тако запалени, яко уже Поляковъ въ рукахъ имѣти мняхуся, и чрезъ нѣкое толко малое время тѣхъ животу и здравію пребыти чаяху; уже бо варвари чрезъ рови, своими трупами соравненіи, въ обози Поляковъ валилися, утружденніи же врага сѣченіемъ, наши со остѣненія уступаху. Что посмотрѣвши Князь Сіятелнѣйшій, абіе на помощъ подалъ воиновъ въ обозѣ сторопамъ изнемогшимъ, и ко противостоянію врагу паки обрати, глаголющи тако: «нѣсть се крѣпости Полскоя, изнемогшему уже толиками войнами и штурмами непріятелевѣ, въ сей единій часъ податися, когда и овшемъ стояти и умрети приналежитъ; непріятель бо крайнего щастя сею войною испитуетъ, по которой зъ нами болѣе уже не приложитъ брань творити.» Се изрекши самъ во первихъ зъ двома копіеоружнаго конного воинства тисящами на непріятеля випадаетъ, отъ боку обозовъ ворота растворивши. А такъ, когда добрѣ зъ непріятелемъ біющися подвизашеся, сей израдного воина и великодушнаго вожда примѣръ толико воиновъ сотвори мужественихъ, яко отъ обозовъ всюду проистекшимъ, се уже находящаго врага отвратити, и уходящаго до своего стана гонити во великомъ сердца дерзновеніи. Сіятелнѣйшого Князя,

женущаго и далѣе во слѣдъ непріятеля, съ нимъ бывшіи вои удержаша, да не врагъ убѣгающій, уже заходящу слонцу, разсипавшихся зъ обозу Поляковъ обійдетъ коею хитростію. Подъ той часъ многіе полки Татаровъ въ обози наши зъ онаго рѣки брега переплисти килкокротне покушалися; обаче яко Поляки въ своемъ устроеніи стоятъ небоязненно, крѣпко же и благополучно противу Турковъ поборяютъ, егда увидѣша, всуе покусившися, не безъ урону сили бѣсурманской отхождаху. Убито дне сего болѣе неже двадесятъ тисящей непріятеля; янчаровъ и шпаговъ пять тисящей полегло, нашихъ ниже двосотное число, но мнози раненніи.

Дня двадесятъ девятого септеврія.

Велie было въ обозахъ Турецкихъ тихо; трупи побитихъ въ обоихъ войскахъ погрѣбаху.

Дня тридесятого септеврія.

Уже Отоманинъ усерднѣе покоя хотяше, тѣмъ же и пославши людій отъ себе знаменитихъ заставу, миротворцовъ, ижебы о покою трактовали, въ обозъ къ нему присланни бывше, взійсковаше. Наречени бываютъ отъ Сіятелнѣйшаго Князя и войска Полского комѣсаріи, а удержавши заставу, въ Турецкіе обози висилаются со избраними двосотнаго числа воинами. Сихъ два Баши зъ нѣколикимъ числомъ Турковъ, на посреднемъ между обозами полю стоя ожидаху; таже когда снидошася, и сотворену бывшу обычно воинскому привѣствію, единъ зъ комисаровъ Полскихъ рече: «миръ и брани вамъ и вашему принесемъ повелителевѣ.» На се, нѣчто воздхнувши, Турки единосреднимъ гласомъ отвѣщаша: «миръ намъ и повелителевѣ нашему уже вожделѣній принесѣте.» Когда же во обози Турецкіе были входяще, всѣхъ очеса варваровъ и тѣхъ лица наши въ себѣ утоплена имѣяху; благоправнѣ отъ Императора Турецкого были восприяти, и явѣ предъ всѣми слово покоя имѣяху.

Дня первого октоврія.

Вишедлъ былъ немногими предъ симъ деньми, зъ виборною пѣхоти рукою, отъ обозовъ Полскихъ за Камянецъ капѣтанъ Вѣленскій, дабы моглъ оттуду гладомъ уже измореннному хлѣба войску притяжати. Сей егда уже ко обозомъ возійти хотяше, Турки и Татаре на пути заступили, а животу би то всего войска нашего, о сей точію единой пищи въ прочее жити время, юже онъ оттуду принести имѣяше. Что онъ чрезъ вивѣдчиковъ своихъ познавши, осмъ дній подъ Камянцемъ со всѣмъ своимъ полкомъ стоялъ, и многократне ити покусившися, на томъ же паки мѣстцу пребыти нуждашеся, многочисленія бо по широкомъ полю купи Татаровъ видяхуся, иже вся пути обдержаху. Но Полякъ, даби оболстити непріятеля, нощію на страну десную уклонилъ пути своего шествіе, и до рѣки Днѣстра, не вѣдушу непріятелю, далечайшимъ путемъ пройде; цѣлу-же сохранену сущу воинству и зъ онимъ хлѣбному запасу, ставъ подъ обозами. Се увидѣвши Татаре на его набѣгали; но отъ обозовъ и отъ замку Хотѣнѣ кгди на Татаръ зъ арматъ стрѣляно, отвернули. Тогожде дни до Сіятелнѣйшого Князя пріийдоша посланици отъ Козаковъ, Крайну при рѣцѣ Волгѣ населющихъ; ихъ же посланія дѣло сіе бяше: яко Козаки зъ войскомъ числа двадцятотисячного во обози Сіятелнѣйшого Князя по тріехъ днехъ прибыти имѣютъ, скорую же и вѣрную помощъ дати ему на той войнѣ, противъ общаго Христіянского непріятеля намѣриваютъ. Пріяти убо суть отъ Сіятелнѣйшого Князя щедролюбнѣ; реченно же имъ, да аще когда пріийдутъ, знаменія и хорогви распрострутъ приходящи Королевскія.

Дня второго октоврія.

Поймани суть нѣціи отъ сопротивнихъ, нѣціи же до нашихъ самоволнѣ предашася; сіи утверждали единословнѣ

глаголюще, яко Турки уже стужишася на войнѣ той, и покоя усердствуютъ, до которого усилними прошеніи своего Императора явѣ накланяютъ.

Дня третого и четвертого октоврія.

Пастуси Полскіи частіи потички зъ Турками отправляли которими немалую шкоду непріятелевѣ учинили, ибо коней много до своихъ обозовъ Турецкихъ загнали; чего ради на желаніе Турковъ въ обоихъ войскахъ указами оголошено, аби воинство на время оружія отложило, и звади не чинило, донелѣ же илй міръ или война будетъ поставлена.

Дня пятого, шестого и седмого октоврія.

О уставахъ покоя отъ обоихъ сторонъ было слово. Такожде и войско уже Полское во великомъ живности оскудѣніи обрѣташеся, голлямъ добовимъ коней своихъ пасли; и сего ради великое ихъ число на шкоду войску болшую пропало. Кая вещъ покой паче избрати, нежели за неизвѣстною побѣдою уганятися увѣщеваше, и яко лучшій и безпечнѣйшій есть честній покой, нежели надѣемая вѣкторія, не безъ боя знову быти видяшеся, толикихъ отпоровъ и браней зъ непріятелемъ благополучіе на неизвѣстній единоя години жребій поставляти. Турчинъ еще множае воинства въ числѣ имѣяше, а еже ко сложенію покоя удобство все въ нашей руцѣ бяше, что на остатній баталія уже во волѣ истиной фортуни было би.

Дня осмого октоврія.

Предъ вечеромъ покой учинили, на сихъ постановленіяхъ:

1) Даби Императоръ Турецкій вопервихъ зъ своимъ войскомъ и оружіи, смотрящу и во устроеніи яко ко брани войску Полскому сущу, четвертого дне по состояніи мира, зъ поля битви рушилъ, и войско все немедлено превелъ въ Фракію.

2) Аби замокъ Хотѣнь, крѣпость Волощини и приступъ до панства Турецкого, вѣчними часи до Королевства Полского належала.

3) Вси неволники, такъ на мимошедшихъ, яко настоявшихъ войнахъ взятіи, аби были взаимъ возвращени.

4) Даби Волощина жила по давнихъ правахъ, отъ Казѣмѣра Ягелла Короля Полского, а отъ Магумета Императора Турецкого виданихъ.

5) Татаре въ добра Полскіи, а Козаки въ панства Турецкіи для добичи даби не вбѣгали; еже аще было би, убо шкоди починеніи награждати.

6) Даби Татарскій Ханъ на всякую потребу Короля Полского, во всѣхъ виправахъ военнихъ, сопротивъ кіихъ колвекъ Королевству его супостатовъ былъ зъ войскомъ своимъ готовій; за что Хановѣ Король Полскій мѣетъ по тридцять тисящей золотихъ, чрезъ нѣколко лѣтъ, жалованя давати.

7) Отъ сторони Императора Турецкого единъ Баша, а отъ сторони Короля Полского сенаторъ царственій, сей до порти Отоманской, овъ же до Короля Полского, присягнути на постановленіяхъ даби были прислани; и такъ ствердивши примиреніе, Турчинъ въ дворѣ поселскомъ Корони Полской, Король же у Порти Отоманской да имѣютъ своихъ резидентовъ; и тимъ способомъ вѣчную между собою заховаютъ пріязнь, если толко сія отъ которои колвекъ сторони не будетъ разорена.

Тѣ статя сложивши и примиріе учинивши, всю нощъ дня находящаго Турки зъ арматъ на радостяхъ стрѣляли; что тежъ и Поляки дню возсіявати начинающу, учинили.

Дня девятого, десятого и еднонадесятого октоврія.

Между войсками Турецкимъ и Полскимъ купля дѣяшеся; много драгоцѣннихъ коней тисящей нами на малой цѣнѣ у Турковъ покупили.

Мѣсяця двanадесятого октоврія.

Рушати Турецкимъ обозомъ и уступити зъ поля день возсія предуставленій. Все же войско Полское на полю битви отъ Сіятелнѣйшюго Князя, на образъ орла крилѣ простирающаго, вооруженое бываетъ устрояемо; самъ Сіятелнѣйшій Князь, по верху оружія блещащагося облекшися въ порфиру, на челѣ войска своего мѣсце имѣяше. Итакъ предъ часомъ полуденнимъ, Турецкій Императоръ войско отъ обозу изводитъ, и устроиватися опому по подобію луни середнеи повелѣваетъ; а самъ такожде сталъ на челѣ войска своего. Тѣми образи войска устроеннія яко часъ исполнь нерушимо стояли. Въ то время посилаетъ Отоманъ слоня дивнаго величества и коня въ нарадѣ виборного въ даръ Сіятелнѣйшему Князевѣ; но и Сіятелнѣйшій Князь такого-жъ коня нарадного и двѣ армати благохудожнѣ содѣланіи за даръ такожде посилаетъ. Восприяти суть отъ обою дари; таже по семъ Турки, преклонившии своя вія, съ ними же и воинская знаменія, Поляковъ жегнаютъ; Полское же воинство главъ покиванемъ отклонилося. Толь доволно и преизобилно чудесъ Дѣлатель Богъ, въ таковихъ и толикихъ нападеніяхъ вражіихъ вдающемуся Королевству Полскому благопоспѣшествоваше; яко онос единими своими силами отпоръ давши двомъ премощнимъ Азіи Монархомъ — Турчину и Татаринювѣ, а убивши болѣе ста и шесдесяти тисящей варваровъ, ниже на тисящу своихъ погубиша. Самъ Богъ Преблагій Всесилній зъ пашими въ потребѣ сей бяше; Ему же всегда присутствующу, падетъ отъ страни нашея тисящами и тма одесную насъ.

Сумма обоихъ Христіянскихъ и бѣсурманскихъ войскъ, подъ Хотѣнемъ и на мору Чорномъ, року того 1621, войну зъ собою имѣвшихъ, зъ того-жъ діаруша войни Хотѣнской мною Самойломъ Величкомъ виията и изчислена:

Поляковъ было 87,000, а особно зъ Принцъ Владиславомъ пришло 30,000, Козаковъ зъ Гетманомъ Сагайдачнимъ 40,000, и того всего 157,000. Особно на морѣ Чорномъ, того-жъ лѣта флотомъ воднимъ подъ командою Богдана Хмелницкого знайдовалося Козаковъ по указу Королевскомъ 10,000: яко свѣдителствуютъ сей войни описатель, Матѳей Титлевскій, септеврія шестого; и войни Хмелницкого сказатель Самоилъ Твардовскій, въ книзѣ своей на листѣ пятомъ. Еще тежъ особно Козаковъ отъ рѣки Волги ишло на помощъ противъ бѣсурманъ войску Полскому 20,000; но уже на войну тую не застало. Зъ того всего Поляковъ и Козаковъ на оной Хотѣнской войнѣ чрезъ бѣсурманъ убито 753 человѣка; а ранено Поляковъ и Козаковъ много, и самого Гетмана Петра Сагайдачного. Тамъ же подъ Хотѣнемъ было войска Турецкого 300,000, а Татарского 100,000. Зъ того чрезъ Козаковъ и Поляковъ вбито, Турковъ и Татаровъ, 139,600 человѣкъ, спаговъ 4800, янчаровъ 13,100 человѣкъ; Башей знаменитихъ 5 человѣкъ. И того всего Турковъ и Татаровъ, спаговъ и янчаровъ зъ Башами вбито тогда 157,505 человѣкъ.

На морѣ особно (яко септеврія шестого въ сей войнѣ Хотѣнской виражается) Козаки зъ Хмелницкихъ, по свѣдителству Твардовского и сего діяріушиста Титлевского, 12 суденъ зъ арматами Турецкими розбили и потопили, а другіе судна ажъ подъ стѣни Цариградскія загнали, и самому Цариграду превеликое смятеніе и страхъ учинили, отъ всюду оного порохомъ оружейнимъ окуривши. Потомъ другимъ разомъ того-жъ лѣта, на томъ же Чорномъ морѣ, тіе-жъ Козаки нѣсколко суденъ Турецкихъ зъ арматами ихъ розбили и потопили; що Османовѣ Царю Турецкому, подъ Хотѣнемъ зъ Поляками біющемуся, не мило было слишати.

О ревности Сагайдачного по благочестіи на Унѣю оберненомъ; о Унѣи тогда бывшой и ея принципалахъ; о бытности въ Кіевѣ святѣйшого Θеофана Патріярха Іерусалимского, со отверженіемъ Унѣи и утвержденіемъ святого Православія, зъ посвященіемъ Іова Борецкого на митрополію Кіевскую, и иныхъ владикъ Православныхъ до престоловъ Рускихъ; о гордостномъ Цара Турского на Христіянъ военномъ намѣреніи, и о сромотномъ его зъ подъ Хотѣня назадъ возвращеніи.

Петръ Сагайдачній, Гетманъ войска Запорожского, истинній будучи сынъ Православного Греко-Руского исповѣданія, и жалуючи сердечне зъ старшиною своею и зо всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и цѣлимъ народомъ Рускимъ благочестія святого, отъ Римлянъ тогда зѣло утѣсняемого и въ Унѣю уже (яко прежде написахомъ, року отъ Рождества Господня 1595), чрезъ незбожныхъ принципаловъ ея, Кирила Терлецкаго епископа Луцкого, Ипатія Поцея епископа Володимерского, и Михайла Рагози прелщенного митрополита Кіевского, воверженного; а имѣючи великую ласку у Короля Полского Жигмунта третого, любо прилѣжно старался и просилъ Короля о знесенье въ Русѣ тоея Унѣи, однакъ Король неотказуючи въ томъ ему цале, зволекалъ фортелне часъ отъ часу тое его о знесеню Унѣи желаніе. Но Богъ Всевѣдущій и вся благая созданію своему устроевающій, хотяй паки воздвигнути въ Русѣ падшую благочестія святого скинію, прислалъ въ Русь святѣйшаго Феофана Патріярха Іеросалимскаго, иже предъ вишписанною войною Хотѣнскою еднимъ лѣтомъ, то есть року отъ Рождества Господня 1620, въ Кіевъ прибывши, за позволеніемъ Короля Жигмунта певное время спокойне

въ немъ прежити изволилъ; которого ревнитель святого благочестія онъ Гетманъ Сагайдачній привиталъ и принялъ радостно, и заразъ чинилъ совѣтъ зъ подручними своими Православними Русами, аби могли мѣти въ церквѣ своей Руской пастирей Православнихъ, на мѣсцахъ владикъ унѣтовъ; и избравши згодне людей духовнихъ чеснихъ и учонихъ, отцу Патріярху ихъ презентовали, и о посвященіе онихъ просили.

Тому Сагайдачного прошенію Святѣйшій Феофанъ Патріярхъ неотмовивши, и овшемъ благочестія ради радостенъ будучи, а зъ Ексархомъ фрону Константинополского, въ Кіевѣ бывшимъ, увидѣвшися, посвятилъ тихъ избраннихъ особъ на владичество року отъ рождества Господня 1621; а именно Іова Борецкого на митрополію Кіевскую, а владикъ инниихъ на кождую въ Русѣ епископію. И тако Господу поспѣшествующу, Унѣя чрезъ двадцять шесть лѣтъ въ Русѣ господствовавшая низложися, а благочестіе святое, аще и не надолго возвисися.

Потомъ вскорѣ святѣйшій отецъ Феофанъ, Патріярхъ Святого града Господня Іерусалима, зъ Кіева отъехалъ въ Грецію; егоже Гетманъ Сагайдачній зъ войскомъ Запорожскимъ, за вѣдомомъ Королевскимъ, опровадилъ до границъ Волоскихъ; а тамъ зъ жалемъ пожегнавшися, и благословеніе отъ святѣйшого отца одержавши, повернулъ въ домъ свой до Кіева.

За тимъ мало погодивши, тогожъ 1621 року, війшолъ Османъ Царь Турскій, зъ многими войсками своими бѣсурманскими, на тую войну, которая подъ Хотѣнемъ зъ Христіянами отправовалася, яко прежде описанній діярушъ Титлевского свѣдителствуетъ. Вишедши же онъ бѣсурманинъ тогда на Христіянъ войною, аще и хвалился отъ гордости своея, надѣючися на множество силъ своихъ, въ войску Запорожскомъ снѣдати, а въ обозѣ Полскомъ обѣдати; но Богъ — *иже не въ силѣ констей восхощетъ, ни въ лыстѣхъ му-*

жескихъ благоволить—тое гордостное бѣсурманское вспакъ обрати намѣреніе, помогши на него всекрѣпкою силою Своею вѣрним рабомъ своимъ Христіяномъ; и що хвалился безумнѣ Христіянъ побѣдити, самъ отъ нихъ зосталъ посрамленній, и зо встидомъ, при превеликой войска своего школѣ, отъ Хотѣня назадъ заверненний.

О той же войнѣ Хотѣнской мало вспомнѣлъ гисторикъ Нѣмецкій Самуилъ Пуфендорфій; но я преждеописаннымъ діяріушемъ Титлевского довольствуючися, Пуфендорфіевой рѣчи, а звлаща несовершенно и не ясно положенной, здесь не прилагаю; хотяй убо вѣдати о томъ, да чтетъ книги Пуфендорфіевой листъ 388.

Прилагается еще и сіе здесь о Святѣйшомъ Феофану Патріярху Іерусалимскомъ.

Что оній (яко прежде на листѣ... виразилося) первѣе року отъ рождества Господня 1619, бысть въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, и тамо, зъ соглаеіемъ Цара и Самодержца Всеросійского Михаила Феодоровича и всего духовенства, избралъ и освятилъ на Патріаршество Всеросійское преосвященного Филарета Никитича митрополита Ростовского и Ярославского; а потомъ зъ Москви прибывши въ Кіевъ, яко више рѣхомъ року 1620, отвергль бывшую тогда въ Руси Унѣю, и утвердилъ святое Православіе. Того-жъ времени, бывши онъ святѣйшій Феофанъ Патріархъ въ монастиру Кіево-Межигорскомъ, свѣдителствовалъ явственно своими устнами всей братіи тамошной о огню, чудесно въ день Свѣтлого Воскресенія Господня, на гробъ Его святій свише низходящомъ, и отъ гроба неопалимо руками Патріаршими пріемлемомъ, и православнимъ Христіяномъ, на благословеніе, ко вожженію свѣщъ раздаваемомъ. Братія же Межигорская, тое отъ устъ Патріаршихъ слишавши, на подкрѣпленіе всѣмъ Православнимъ Рускимъ Христіяномъ въ вѣрѣ, чрезъ Унѣю отъ Римлянъ колебленой, видали отъ себе о томъ чудесномъ огню

божественномъ, писаніями отвористими унѣверсалними, таковіе свѣдителства.

Писаніе же тое отцовъ Межигорскихъ сицевое естъ:

Всѣмъ церквамъ Божіимъ, благочестивимъ священникомъ и Православнимъ Христіяномъ, мужемъ, юношамъ и дѣвамъ, истиннимъ Божіимъ рабомъ о Господѣ радоватись.

Радость бо вамъ пишемъ, которая вѣдомость подаетъ намъ отъ небеси вѣрнимъ людемъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ, у святого гроба Господня, на день святое Пасхи Христова Воскресенія по стару календару; яко слишалисмо отъ отца нашего святѣйшого Патріярха Іерусалимского Феофана нашими слухами, отъ святителскихъ устъ его, во святой обители монастира Межигорского Кіевского, которій былъ упрошенній отъ столицѣ гроба Господня до царства Московского для справъ духовнихъ, и тамъ, зо всѣмъ духовенствомъ Московскимъ, за позволенѐмъ трехъ святѣйшихъ Патріярховъ Вселенскихъ, посвятилъ Патріарха, и Цара благочестивого короновалъ на Царство Московское Великого Князя Михаила, и привернулъ до краевъ Рускихъ во святій градъ Кіевъ, даючи о себѣ знаемость Его Милости Королю Полскому, навѣжаючи насъ по Бозѣ, якъ восточній нашъ отецъ. Предстоящимъ же намъ многимъ особамъ духовнимъ и свѣцкимъ, наукою оповѣдалъ намъ о чудеси гроба Господня, бываемомъ на празникъ святія Пасхи: святую, мовитъ, вѣру нашу Христіянскую самъ Богъ утверждаетъ таковими чудеси, братія, иже во святій день великій суботній, во градѣ святомъ Іерусалимѣ, гди бываетъ огнь погашоній, зъ росказаня Цара Турецкого, во церквахъ и во градѣ, подъ строгимъ караніемъ; и ми всѣ единодушно, со плачемъ и зъ молитвами, ожидаемъ небесного огня пришествія, просячи господа Бога, да послетъ намъ велікій свой даръ святій; и въ часъ пѣнія стиха на суботной вечерни, кгди начнемъ пѣти—*свѣте тихій*—приходитъ свя-

тая свѣтлость, и станетъ на дверехъ гробнихъ, и спадаетъ святая роса огненная на камень верхъ гроба Господня, где печатми оловяними заливано отъ Жидовъ; ми же во всемъ святителскомъ уборѣ, зъ духовнимъ собором приходимъ, и свѣчи зажжегши, благословляемъ себе и народъ ввесь; до седми рукъ не опалимъ естъ. Тогда всѣ лямпи Православнихъ Христіянъ воспаляютъ симъ святимъ огнемъ, отъ нихъ же іеретици пріемлютъ огнь и запаляютъ свои лямпи; ми же отъ рукъ не даемъ имъ святого огня, ниже сообщаемся съ оними. Первѣе же сто лѣтъ, купили были мѣсце святого гроба у Турковъ Латини, и не было имъ таковаго чудеса; и по множѣхъ лѣтахъ, милостію Божіею на Христіяни, пришолъ сей святій огнь, за стѣною молящимся имъ, роздравше столпъ мармуровій, чрезъ стѣну, и знаменіе его есть во вѣки. Тогда Латини посрамишася; Турци же видѣвши чудо сіе, Латиновъ изгнаша, и святій гробъ Православнимъ Христіяномъ обратиша; сіе чудо бысть по старому нашому календару неотмѣнно. — Ми же тое слишавше отъ святѣйшого Патріярха, прославляемъ Бога во Тройци Единого и святую Его милость, иже насъ утвержаетъ такими чудеси во святой правдивой вѣри, чающе нашого спасенія. Данъ зъ монастира Межигорского, въ року по Воскресеніи Христовомъ 1621.

О дишкреціи принцовой ку Сагайдачному и ку всему войску, предъ розъездомъ явленоіі; о розъездѣ, пожегнанюся и ударованю Сагаідачного отъ принца, и о упевненю всего войска Козацкого ласкою Королѣвскою.

Ко вишней описанному войни Хотѣнской діяріушу Титлевского придается наконецъ тое, зъ рукописнихъ лѣтописцовъ Козацкихъ, чого въ діяріуши Титлевского не обрѣлося; а то именно сіе: якъ по одействію отъ Хотѣня всѣхъ

силъ бѣсурманскихъ, Турецкихъ и Татарскихъ, любо директоръ войска Христіянского, Свѣтлѣйшій Принцъ Владиславъ Жигмунтовичъ Королевичъ Полскій, нужнѣйшіе войска своего хоронгви, также хорихъ и раннихъ заразъ отпустилъ зъ подъ Хотѣня, зъ обозу главного, куда кому належало; еднакъ самъ, зъ виборнѣйшимъ и здоровимъ войскомъ Полскимъ и зо всѣмъ Козацкимъ, засмотриваючися на обороти непріятелскіи и бѣсурманскіи, еще тиждень забавился подъ Хотѣню, виступивши тилко на полмилѣ зъ окоповъ старихъ обозовихъ, уже просмрадшихся, на свѣжое здоровое поле. Где зостаючи при належитой Полской и Козацкой осторожности, яко самъ зъ енералами, полковниками и иншими войскъ своихъ офѣцерами, уживалъ що денне, при арматнихъ и мушкетнихъ стрѣлбахъ и войсковихъ музичнихъ играхъ, веселои компаніи и рекреаціи; такъ и Козаковъ, по фатигахъ премногихъ военнихъ, непрепомнѣвъ того-жъ веселія своего сотворити учасниками: гди на все войско Козацкое, о стреленіе тилко зъ луку особнимъ обозомъ отъ обозу Полского зъ Сагайдачнимъ стоявшое, прислалъ вина Волоского (о которое тамъ было не трудно) 25 бутъ найболшихъ, меду питного зъ Камянца одійсканного 48 бочокъ, и горѣлки простой 24 куфи великихъ, кромѣ харчевихъ рознихъ вещей, съ тамошнихъ околичнихъ поближшихъ городовъ и селъ, по указу Принцъ Владиславлемъ, безплатне въ обозъ Козацкій премного навезеннихъ. Особливе Гетману Сагайдачному, на одрѣ болѣзни лежавшому, онъ Принцъ Владиславъ тогда-жъ прислати изволилъ, кромѣ иншихъ многихъ виборнихъ и посполитихъ харчевихъ запасовъ и кунфектовъ, пуздро зъ дванацятми фляшами пулгарцевими сребрними, пстро злоцѣстими, аптекарскими лѣкарственними водками наполнеными; вина виборного Котнарского буту невелику, вина Ренскаго бочку, и вина найлутшого Венгерского сѣмъ анталовъ. При погуляняхъ своихъ Принцъ Владиславъ мѣвалъ

завше и старшину Козацкую, но не всю, кромѣ Гетмана Сагайдачного, которій килкома смертними пострѣлами бѣсурманскими будучи раненній, не моглъ уже тоей веселой доброму пану своему Принцъ Владиславу допомогти компанѣи; для лучшой еднакъ вигоди еще прислалъ ему онъ, Принцъ Владиславъ, полатку свою кармазиновую, зеленою адамашкою Венецкою подшитую.

По війстю зась чтирохъ дней, ударовавши Принцъ Владиславъ началниковъ и всѣхъ Козаковъ, отъ Волги въ двадцяти тисячахъ прибылихъ, позволилъ имъ ити во свояси. А по війстю другихъ чтирохъ дней, получивши Принцъ Свѣтлѣйшій отъ Козаковъ певную реляцію, же уже непріятель бѣсурманинъ невозвратнимъ шествіемъ во свояси запустившися, далеко отдалился, велѣлъ своему и Козацкому войску до порушеня въ доми прибѣратися. Переночовавши зась, октоврія 21 предъ свѣтаніемъ, вдарено такъ въ обозахъ коронних, яко и въ обозѣ Козацкомъ на котлахъ, даючи гасло войску прибѣратися до порушеня. Скоро тежъ мрачніе умбри нощніе уступили, а ясній вожделѣнного покоя возсіялъ день, тогда заразъ обози Полскіе и Козацкіе належитимъ порядкомъ и чиномъ начали рушати во свояси; а Свѣтлѣйшій Принцъ Владиславъ, хотячи зъ Сагайдачнимъ Гетманомъ Козацкимъ и зо всѣмъ войскомъ пожегнатися, прибылъ заразъ якъ би въ пултораста коней въ обозъ, до Сагайдачного, которому и тамже всей старшинѣ и всему войску, за щирую и вѣрную службу въ военной окказіи висвѣдченную, велце подяковавши, и заплатою отъ отца своего, Короля Жигмунта третого, старшину и все войско обнадеживши, пожартовалъ мало до Сагайдачного зъ смѣхомъ: бо увидѣвши возъ простій пароконній, сѣномъ наполненій и коберцами зъ подушками усланній, и изверху будку здѣланную и коберцами укритую, дорозумѣлся нижъ то для Сагайдачного, отъ ранъ смертнихъ болѣзнуючого, было наготовано; и заразъ пославши въ обозъ свой, одійскалъ и Са-

гайдачному даровалъ зъ парою коней легкихъ, въ шорахъ позлоцѣстихъ бывшихъ, лектичку свою зъ балдахиномъ табину зеленого, златіе квѣточки по себѣ имѣвшого; даровалъ при томъ же Сагайдачному канакъ щирозлотній, въ осмдесятъ шесть червонихъ бывшій, на богатой фіялковой стонжцѣ завѣшенній, на которомъ зъ едной сторони была персона отца его Принцъ Владиславова, Короля Жигмунта, виборними рубѣнами осаженная, а зъ другой сторони былъ орелъ гербовій корони Полской, найвиборнѣйшими шафѣрами обложенній. Що гди даровалъ Принцъ Сагайдачному, тогда его зъ постелѣ зведено и на ногахъ поставлено; якій канакъ принцъ Врадиславъ самъ зложилъ на Сагайдачного и поциловалъ въ голову; а Сагайдачній елико было можно поклонившися Принцу, поциловалъ его въ обидвѣ руки. При конечномъ тежъ пожегнаннюся, придавши принцъ Сагайдачному Француза доктора своего, и приказавши ему, подъ великими ласкъ своихъ обѣтницами, яко о свое власное такъ о Сагайдачного пещися здорове и улечене, желалъ Сагайдачного, аби еще, для всякой отъ непріятеля осторожности, зоставилъ тамъ, коло Хотѣня, на килко недель зъ килко тисячъ войска Козацкого. По якомъ пожегнанюся Принцъ, отъехавши отъ Сагайдачного, заразъ совсѣмъ рушилъ во свояси ку Кракову; а Сагайдачній тожъ, пять тисячъ войска виборного Козацкого подъ Хотѣнемъ зоставивши, и до Филиповихъ запустовъ во всякой осторожности и скромности тамъ забавитися приказавши, самъ совсѣмъ рушилъ до Кіева.

Въ дорозѣ зась, яко Кролевичъ Владиславъ, такъ и Гетманъ Сагайдачній войска всѣ, где кому належало, пороспущали; а сами въ легцѣ, овъ до Кракова, а другій до Кіева прибыли.

Зъ якимъ зась тріумфомъ Принцъ Владиславъ, чрезъ сенаторовъ отческихъ и Краковянъ былъ встрѣчанъ и у Краковъ проваженъ, тое оставляю Полскимъ дѣіописамъ. А Са-

гайдачного полумертвого, безъ жадной публѣки смирно въ Кіевъ въехавшого, тилко въ дворѣ своемъ плачущая встрѣтила и приняла жена его, предъ запустами Филиповскими.

О тривожливой вѣдомости у Сагайдачного болного, и о новой печали зъ Козацкихъ жалобъ; о похваленіи Королевскомъ листовномъ служби военной Хотѣнской, Сагайдачному и всѣмъ Козакамъ, по залеценю Принцъ Владиславлемъ, и о присланю ему Сагайдачному и всему войску подарунковъ и плати пѣняжніи, за тіе ихъ труди.

Року отъ сотворенія свѣта 7130, а отъ воплощенія Господня 1622, за прибытемъ Гетмана Сагайдачного въ Кіевъ, заразъ зъ едной сторони отъ Дону, чрезъ виходцовъ Азовскихъ дойшла ему вѣдомость, же тожъ зими, орди Азовскіи, Кубанскія и Черкескіи, пактовъ Хотѣнскихъ невѣдомими чинившіися, мѣли приходити войною на Украину и Полщу; а зъ другой сторони, отъ многихъ Козаковъ Украинскихъ занесени аппеляціи и жалоби на пановъ Полскихъ и старостокъ ихъ, о чиненихъ безъ нихъ въ домахъ ихъ утискахъ, разореніяхъ, бѣдствахъ и побояхъ жонамъ и матерамъ ихъ, принуждаючи ихъ до всякихъ работизнъ панскихъ. Що увидѣвши Сагайдачній, любо тяжко уболѣвалъ о томъ, на одрѣ болѣзни сущи, однакожъ зъ аппеляціею о томъ до Королевского Величества удержался; а по вѣдомостямъ преречонимъ Азовскимъ, приказалъ унѣверсалами своими всему Козацству Украинскому и посполству быти въ осторожности, и въ поготовости ку отпору непріятелскому.

Тимъ временемъ директоръ войни Хотѣнской, Свѣтлѣйшій Принцъ Владиславъ синъ Королевскій, залецивши Сагайдачного и всего войска Козацкого вѣрную и тщаливую, въ военнихъ противъ бѣсурмановъ, Турковъ и Татаровъ, подъ

Хотѣню оккавіяхъ, ку его Королевскому Величеству служ-бу, исходотайствовалъ въ него, Короля Жигмунта отца сво-его, подлугъ декларацієй своей, велику ласку, похвалу и денежное Сагайдачному и Козакамъ за труди военніи на-гражденіе, чрезъ надворнаго подскарбого въ Кіевъ прис-ланное, при такомъ похвалителномъ ему Сагайдачному и всему войску Запорожскому Королевскомъ листу.

Якій зде прилагается:

Żygmunt trzeci z Bożey łaski, Król Polski, Wielki Xiążę Litewski, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Kiiowski, Żmudski, Wołyński, Jnflantski, Smoleński, Czernihowski a Szwedski, Gotski, Wandalski, Dziedziczny Król.

Urodzonemu nam wiernie miłemu y uprzeymie życzliwemu woyska naszego Zaporoskiego Hetmanowi ze wszystką starszyzną y z całem Rycerstwem Kozackym Ukraińskym łaska y pozdrowienie Nasze Krolewskie. Za powrotem szczęśliwym do Nas od Chocima z woyskami Naszemi koronnemi, Prync

Сигизмундъ третій, Божіею милостію Король Полскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Кіевскій, Жмудскій, Волынскій, Инфлянтскій, Смоленскій, Черниговскій, и Шведскій, Готескій, Вандальскій наслѣдственный Король.

Урожденному, Намъ любезновѣрному и преданному Вельможному Сагайдачному, Гетману войска Нашего Запорожскаго, со всею Старшиною и съ цѣлымъ рыцарствомъ Козацко-Украинскимъ, милость и привѣтствіе Наше Королевское. Послѣ благополучного возвращенія къ Намъ отъ Хотина, съ войсками Нашима коронными Принца Князя

Książęcia y syna Naszego Władysława z relaciey iego iesteśmy dostatecznie uwiadomieni o Waszey ze wszystkim woyskiem Zaporozskim ku Nam y ku całey koronie Polskiey uprzeymości y życzliwości, żeście tam pod Chocimem będąc społecznie z woyskami Naszemi koronnemi pod dyrekcią Jego Prync Władysława Xiążęcia y syna Naszego, z drugiemi wodzami koronnemi, ni mało zwykłey ku Nam życzliwości swoiey nieuchybili, ale na wszelakie skinienie y ordynans Dyrektora swego byliście posłusznemi, powolnemi y gotowemi — zastawiać się przeciw hardego Otomanina obcego i naygłównieyszego wiary Naszey Chrześciianskiey prześladowcy y nieprzyiaciela: y takieście onemu z wielką a bohatyrską odwagą, czynili wstrenty, że siła ich poganów od oręża Naszego y Waszego musiało na tamtych Chocimskich polach trupem polec, pozbywszy wiecznie naymilszego zdrowia y życia swego; zkąd osobliwa niemnieysza sercu całego woyska Naszego koronnego była ochłoda y otu-

и сына Нашего Владислава, Мы обстоятельно узнали изъ его донесенія преданность и усердіе Ваше и всего войска Запорожскаго къ Намъ и къ цѣлой коронѣ Польской; что Вы въ бытность Вашу подъ Хотиномъ, вмѣстѣ съ войсками Нашими коронными, подъ начальствомъ Его Принца Владислава, Князя и сына Нашего, и другихъ военачальниковъ коронныхъ, не уклонились нисколько отъ обычной Вашей къ Намъ преданности, и повинуясь и покоряясь всякому мановенію и приказанію Начальника Вашего, твердо стояли противъ гордаго Оттомана, общаго и главнѣйшаго гонителя и врага вѣры Нашей Христіянской; и столь мужественный давали отпоръ его нападеніямъ, что великое число невѣрнихъ пало отъ оружія Нашего и Вашего на тѣхъ поляхъ Хотинскихъ, лишившись драгоцѣннѣйшаго блага—здоровья и жизни; а Нашему войску коронному придана особенная бодрость и поощрѣніе къ конечному одолѣнію непріятеля. И дѣйствительно въ томъ необманула его на-

cha następuiącego całego w tenczas nad nieprzyiacielem zwycięstwa; iakoż y nieomyliła go w tym nadzieia, gdy hardy nieprzyiaciel wielkością sił swoich weczworo siły nasze przechodzącą, przy naypotężnieyszey pomocy Boskiey od małości woysk Naszych Chrześciańskich został tam pod Chocimem pohańbiony y do traktatu przynudzony: za co Jemu Stworzycielowi Naszemu niech będzie od nas sług iego wiekuista chwała. A ponieważ wierność sług y poddanych zwykła zachęcać Panow ku łaskawości y respektom tedy y my kontenci będąc uprzeymości i życzliwości waszey Nam i całey koronie Polskiey w progressie woiennym pod Chocimem pokazaney, wszelaką łaską y respekta Wam y całemu woysku naszemu Zaporoskiemu zawsze we wszystkich iego potrzebach y żądaniach wyświadczać chętnie przyrzekamy y deklaruiemy: y co wam przed tym wyświadczył łaski y respektu swego przydaniem prawa wolnosci waszych Antecesor nasz sławney pamięci Na-

дежда; ибо гордый непріятель, числомъ силъ своихъ превосходившій въ четверо Наши силы, при Всемогущей помощи Божіей, малочисленнымъ войскомъ Нашимъ Христіянскимъ былъ подъ Хотиномъ ускромленъ и принужденъ къ миру; за что да будетъ вѣчная хвала Творцу Нашему отъ Насъ рабовъ Его! Поелику же вѣрность слугъ и подданыхъ обыкновенно побуждаетъ Владѣтелей къ милости и признательности, то и Мы, довольные Вашею преданностію и усердіемъ къ Намъ и къ цѣлой коронѣ Польской, которыя Вы показали военными подвигами Вашими подъ Хотиномъ; изъявляемъ Вамъ и цѣлому войску Нашему Запорожскому милость Нашу и признательность, которую во всѣхъ потребностяхъ и нуждахъ войска охотно оказывать обѣщаемъ. И сколько оказалъ Вамъ нѣкогда милости и расположенія славный предшественникъ Нашъ, Найяснѣйшій Стефанъ Баторій Король Польскій, умноженіемъ правъ и вольностей

iaśnieyszy Stephan Batory Krol Polski, my nadto w dzisięcioro, czego tylo od Nas pożądacie łaski Naszey wyświadczyć Wam wszystkiemu woysku Zaporoskiemu nie odmowiemy; a teraz pomienioną Chocimską odwagę y pracę waszę małym podarunkiem z skarbu Naszego Krolewskiego nagradzaiąc, przez nadwornego Podskarbiego posyłamy cztery sta tysięcy talerow bitych, które rownym działem na pięcdziesiąt tysięcy wszystkiey czerni woyskowey, tak tey co pod Chocimem, iako i tey co z Chmelnickim na Ewxynoponcie w przemysłach woiennych znaydowała się aby były rozdane y podzielone, niemiiaiąc pokrewnych y wdów tego towarzystwa Kozackiego, które w woiennych tego lata potrzebach swoie rycerskie położyli głowy. Osobno też waszey Hetmanskiey uprzeymości ze wszystką woyskową Starszyzną posyłam cztery tysiący czerwonych złotych, które podług słuszności y rostropnosci swoiey między siebie rozdzielcie. Dwadzieścia zaś tysięcy Kozakow, które z Chrze-

Вашихъ, Мы не отречемся даровать Вамъ противъ того въ десятеро, чего только пожелаете отъ Нашей милости. Теперь же, награждая малымъ подаркомъ упомянутое мужество Ваше и труды подъ Хотиномъ, посылаемъ изъ Нашей казны Королевской, чрезъ придворного подскарбія, четыреста тысячь битыхъ талеровъ; которые должны быть раздѣлены по ровну, и розданы пятидесяти тысячамъ всей черни войсковой, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на военномъ промыслѣ съ Хмельницкимъ на Понтѣ Эвксинскомъ, не минуя родственниковъ и вдовъ товарищества Козацкаго, положившаго свои рыцарскія головы въ военныхъ дѣйствіяхъ сего года. При томъ, особо Вашей Гетманской Милости со всѣю старшиною посылаю четыре тысячи червонцевъ, которыя раздѣлите между собою по справедливости и усмотрѣнію Вашему. Двадцать же тысячь Козаковъ, по Христіанскому

ściańskiey uprzeymości swoiey od Wołgi na pomoc woyskóm Naszym koronnym pod Chocim przybyli byli, iuż należycie ukonentował Prync Władysław Xiąże y syn Nasz, odprawuiąc ych z tamtąd do ych domow. Tudzież osobliwie Wam Hetmanowi Naszemu Kozackiemu posyłamy chorągiew Naszą Krolewską, buławę ceną w trzy tysięcy talerów y kanak w pięc set talerow, co wszystko wdzięcznie przymcie a w swoiey nie odmienney ku Nam y ku wszystkiey koronie Polskiey uprzeymości y życzliwości statecznie znayduycie się gorąco żądamy, y uprzeymie Wam życzemy ze wszystkim woyskiem Naszym Zaporoskim dobrego od Pana Boga zdrowia y szczęśliwych zawsze uznawać sukcesow. Dan w Krakowie miesiąca Stycznia 12, Anno Domini MDCXXII. Panowania Naszego trzydziescie piątego roku.

Zygmunt Król ręką.

усердію своему пришедшихъ отъ береговъ Волги подъ Хотинъ, на помощь войскамъ Нашимъ коронным, уже достаточно вознаграждены Принцемъ Владиславомъ, Княземъ и сыномъ Нашимъ, при отправленіи ихъ оттуда въ домы. Также особенно Вамъ, Гетману Нашему, посылаемъ хоругвь Нашу Королевскую, булаву, цѣною въ три тысячи талеровъ, и цѣпь въ пятьсотъ талеровъ; что все благодарно принявши, пребывайте постоянно въ Вашей неизмѣнной къ Намъ и всей коронѣ Польской преданности и усердіи; чего усердно желаемъ, равно Вамъ со всѣмъ войскомъ Нашимъ Запорожскимъ добраго отъ Господа Нашего здравія и успѣха во всѣхъ предпріятіяхъ.

Данъ въ Краковѣ, Генваря 12 дня, 1622 года. Царствованія Нашего въ 35 годъ.

Сигизмундъ Король рукою своею.

На тотъ листъ до Короля респонсъ отъ Гетмана Сагайдачного, вѣншуючи щастя на войнѣ Хотѣнской, дякуючи за денги на чернь и старшину, и за подарунки себѣ присланніе, и доносячи коротко о обидахъ отъ старостокъ Лядскихъ Козачкамъ чинениxъ.

Наяснѣйшій и найпотужнѣйшій Монархо Нашъ Полскій, Жигмунте третій, Пане Нашъ Наймилостивѣйшій, и добродѣю Найласкавѣйшій.

Радостнимъ сердцемъ одобралисмо пречесній и превисокій Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества листъ, похваляючій Намъ, всему войску Запорозскому, вѣрне и щире сего свѣжопрошлого лѣта, военную подъ Хотѣнемъ, за превисочайшую честь . . . . и вѣру Христіянскую, за достоинство Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества и всея Его державы короны Полской, противъ главного непріятеля Нашого Христіянского, Османа Царя Турецкого, отправленную службу. Которій при своихъ благополучіяхъ и войскъ бѣсурманскихъ множествахъ гордящися, аще и отверилъ былъ жвавіе уста своя, яко смокъ Трацкій на поглощеніе Наше, и на раззореніе всеконечное благоцвѣтущей Вашей Наяснѣйшого Королевского Величества державы; обаче дерзновенно, непобѣдимимъ Вашего Наяснѣйшого Величества многократно приразившися силамъ, и своего гордого предцавзятя яко о камень твердій острое сокрушивши жало, замкнулъ доперо и оніе жвавіе устнѣ свои; отстрадавши подобнѣ въ нихъ отъ оружія коронного и Нашего Козацкого ядовитихъ и неситихъ зубовъ своихъ, склонился латво до прощенія Наяснѣйшого вожда Нашего Принцъ Владислава, наймилщого Вашего Королевского Величества сина, о покой и трактатъ. Що

и получилъ, зъ полезними Вашему Наяснѣйшому Величеству и цалой коронѣ Полской кондиціями, и вѣкопомною а несмертелною Вашего Королевского Величества и Нашего всего войска Запорозского, паче же всего Христіянства славою. Но понеже тое преславное содѣлася дѣло не отъ Нашего человѣческого майстерства и сили, но отъ особливія благодати и всесилнія помощи Божія—крѣпкій во бранехъ Господь въ томъ помоглъ Намъ—теди не Намъ, но имени Его Пресвятому да будетъ отъ всѣхъ Христіянъ хвала и благодареніе во вѣки вѣковъ.

Вѣншую при семъ Я Гетманъ зо всѣмъ войскомъ Запорозскимъ Вашему Наяснѣйшому Королевскому Величеству того щастя, и надъ онимъ гордимъ Османомъ Царемъ Турскимъ подъ Хотѣнемъ одолѣнія; и упрейме зичу, аби Тотже Всемогущій Господь Богъ, заховавши при здоровю добромъ и щасливихъ сукцессахъ, множайшіе лѣта, Ваше Наяснѣйшое Королевское Величество, вложилъ страхъ всѣхъ бѣсурмановъ, враговъ Нашихъ Христіянскихъ; жеби они никогда отъ сего времени на Насъ повставати, и на державу Вашого Наяснѣйшого Величества вооружатися не посмѣли.

Плата прещедрои Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества ласки и добрости, на черпь войска Нашого Запорозского, на земли подъ Хотѣнемъ и на Чорномъ мору, ажъ подъ самимъ Цариградомъ, зъ побѣдоносною Вашего Величества славою, въ працахъ военнихъ сего прошлого лѣта бывшую—чтириста тисячъ таляровъ, и на Насъ старшину войсковую—чтириста червонихъ золотихъ, принята есть тутъ вдячне отъ рукъ посланного Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества, надворного его Милости пана подскарбіого, и роздѣлено будетъ подлугъ информаціи и указу Вашего Величества. А особливе Я Гетманъ за клейноти войсковіе — короговъ, булаву, и за канакъ,

въ подарунку мнѣ отъ Вашего Величества присланніе, при нижайшомъ до ногъ Вашего Наяснѣйшого Величества Королевскихъ служебничомъ уклонѣ, велце а покорне дякую, и вѣрность мою непремѣнную Вашему Наяснѣйшому Величеству и Наяснѣйшимъ Вашего Величества потомкамъ, до кончини живота моего, щире записую. Надеженъ будучи безъ жадной вонтпливости, же и Ваше Наяснѣйшое Королевское Величество, подлугъ своей превисокой декляраціи, изволитъ Насъ, войско Запорозское, въ своей отческой неотмѣнной всегда ховати ласцѣ и протекціи; зъ придаткомъ и примноженіемъ надъ прошлихъ антецесоровъ своихъ, Наяснѣйшихъ Королей Полскихъ, правъ и волностей Нашихъ всего войска Запорозского. А любо зъ сторони високодумнихъ и велможнихъ ихъ Милостей пановъ коронпихъ — Вишневецкихъ, Конецполскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иинхъ, на Украинѣ, власной предковѣчной отчизнѣ Нашой, власть свою неслушне распростираючихъ, повѣваютъ на Насъ войско Запорозское холодніи и непріязнеиіи вѣтри, хотящіи славу Нашу въ персть вселити, и Насъ братію свою, вѣрнихъ Вашего Наяснѣйшого Величества и всей коронѣ Полской слугъ, въ подданство и ярмѣ работническое себѣ безможне наклонити; однакъ уповаемъ, же кгди Ваше Величество восхощешъ и повелишъ, то внетъ бури и вѣтри оніе престанутъ и въ тишину преложатся. И не такъ Намъ есть жалосно на пановъ преречонихъ, яко на ихъ старостокъ, нецнотливихъ синовъ и пяницъ, которіи ни Бога боятся, ни премощнихъ Вашего Наяснѣйшого Величества Монаршихъ мандатовъ слухаютъ; бо скоро Я Гетманъ, по указу Вашего Величества, на Хотѣнскую военную службу зъ Козаками зъ Украини вийшолъ, тогда они, старостки, заразъ козачокъ бѣднихъ начали на всякіе работизни панскіе, безъ жадного обзору и призрѣнія, часто вигонити, бити и вязенями неслухаючихъ мордовати; що тяжко и жалосно Козакамъ, зъ служби

Вашой Монаршой военной зъ ранами еще неугоеними и червей полними повернувшимъ, было отъ женъ и матерей своихъ слишати, и слези зъ очесъ ихъ точащіеся видѣти. О чомъ Ми зо всѣмъ войскомъ Запорозскимъ впередъ, чрезъ нарочнихъ пословъ Нашихъ, ретелне Вашому Наяснѣйшому Королевскому Величеству донести и милости просити можемъ; если не прешкодятъ Намъ въ томъ своеволніи, и пактовъ Хотѣнскихъ невѣдомими чинячіися Орди Азовскіи, Кубанскіи и Черкескіи; которіи по повѣстямъ виходцовъ зъ Азову, мѣютъ сеи зими вторгнути нетилко въ державу Вашого Величества и Украину Нашу Малоросійскую, але ку Львову и далѣй. Для чого Ми не такъ о аппеляціи до Вашого Величества въ Нашихъ обидахъ и утискахъ, яко о даню отпору и встренту онимъ непріятелемъ своимъ бѣсурманомъ, барзѣй промишляти должни есми.

Ваше же Наяснѣйшое Королевское Величество, яко отецъ милостивій и Панъ Нашъ найласкавшій, и по семъ короткомъ донесеню Нашомъ, можетъ своеволнихъ старостокъ и праволомцовъ (которіе на особливомъ реестрику виражаются) усмирити и покарати; а Козаковъ бѣднихъ, отъ ихъ безбожнихъ насилствъ, напастей и тяжестей защитити и освободити. Кгдижъ если они Козаки не получатъ въ томъ Вашого Королевского Наяснѣйшого Величества призрѣнія и респекту, то же би що новое отъ нихъ (якъ уже и пошемруютъ) не уродилося, и огня гнѣвного (чого не дай Боже) не запалило; въ якій часъ уже не на Козаковъ, але сами на себе и на своихъ пяницъ старостокъ велможнихъ, ихъ Милость панове Полскіи нарѣкати и жалковати мусѣли би.

Що все премудрому и превисокому Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества разсужденію подавши, вручаю мя яко найпокорнѣй, зо всѣмъ войскомъ Запорозскимъ

Панской и отческой Вашого Величества добрости и ласце. Зъ Кіева, февруарія 15, року 1622.

Вашему Королевскому Наяснѣйшому Величеству вѣрній, и всего добра упрейме зичливій и нижайшій слуга, Петръ Конашевичъ Сагайдачній Гетманъ, зо всѣмъ войскомъ Запорозскимъ.

О отпуску доктора отъ Сагайдачного, зъ листовнимъ остатнимъ пожегнанемъ и прошеніемъ за Козаками и Православіемъ.

Отправивши зъ Кіева Гетманъ Сагайдачній подскарбіого надворного Королевского, зъ вишписаннимъ листовнимъ за присланіе подарунку ему и всему войску Козацкому подякованіемъ, отправилъ не долго забавивши и доктора Королевского, подъ Хотѣнемъ ему отъ Принцъ Владислава для улѣченя приданного; зрозумѣвши цале, же уже не отъ болѣзни своея и ранъ вилѣчитися, но зъ реестру живущихъ на земли вилучитися муситъ. Чрезъ того теди доктора, онъ Сагайдачній до Королевского Величества жегнателній, и за Козаками отъ Поляковъ утѣсняемими, а особливе за Православіе отъ Унѣи освобожденное, и впередъ въ своихъ клявзуляхъ жеби были сохраняемо, писалъ таковій листъ свой:

Наяснѣйшій Королю Полскій и Наймилостивѣйшій мой Пане.

Поворочаючи зъ подъ Хотѣня до дому, любо Свѣтлѣйшій Ксіонже Принцъ Владиславъ, наймилшій Вашого Королевского Величества синъ, а мой найласкавѣйшій добро-

дѣй, для улѣченія смертелнихъ ранъ и болѣзній моихъ придалъ мнѣ лѣкаря своего; однакъ изнемогають тамъ всѣ того лѣкара лѣкарственніи медикамента и довцѣпи, где ядовитіи пострѣли бѣсурманскіи, въ тѣло мое потрафивши, всѣ майстерства лѣкарственніи упередили, и смертотворній ядъ свой внутрними дѣйствіями во всѣ состави и жили мои розливши, латвую и уже видимую не ко животу, но ко гробу устрояють мнѣ дорогу; бо имъ далѣй, тимъ барзѣй изнемогаю и до кончини приближаюся. Для чого несмѣючи болшей и доктора Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества при себѣ удерживати, зъ достодолжнимъ служебничимъ за него благодареніемъ, отпускаю его до двору Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества.

Самъ тежъ приближаючися ко дверемъ гробнимъ, отдаю подъ ноги Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества найнижайшій остатній уклонъ мой; и уже ненадѣючися болшей видѣти въ жизни сей Наяснѣйшого лица и ласкавихъ ку себѣ очесъ Вашого Королевского Величества, послѣднимъ листовнимъ пожегнанемъ жегнаю превисокіе Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества и наймилшого сина Вашого, моего же директора и найласкавшого добродѣя, Свѣтлѣйшого Ксіонженца Принца Владислава, персони. Где яко упрейме зичу, аби Господь Богъ всемогущею силою сохранилъ Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества и наймилшого сина Вашого Принца Владислава здоровье, при щасливихъ всегда Вашихъ и держави Вашея, корони Полскія сукцессахъ; такъ и прошу покорне Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества прощенія, въ чомъ би колвекъ згрубилъ и погрѣшилъ яко чоловѣкъ, предъ Наяснѣйшимъ Вашого Величества Маестатомъ.

Панъ докторъ Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества, будучи при мнѣ въ Кіевѣ чрезъ часъ немалій, яко присмотрился добре безпрестаннимъ многихъ Козаковъ, отъ пановъ Полскихъ и ихъ старостокъ розними способами ос-

корбленнихъ и бѣдствуемихъ, сквиркамъ, плачамъ и аппеляціямъ до мене заношеннимъ; такъ о всемъ томъ можетъ ретелне словесно донести Вашому Величеству, если Ваше Наяснѣйшее Величество рачишъ его о томъ спитати и милостиво послухати. А я Монаршіе Вашого Королевского Величества нозѣ смиренно обнявши, покорне и слезне прошу, даби тое Козакамъ творимое бѣдствіе и озлобленіе, превисокимъ и грознимъ Вашого Наяснѣйшого Величества мандатомъ, было запрѣщено и ускромлено. Особливе Унѣя, за милостивимъ Вашого Наяснѣйшого Королевского Величества позволенемъ теперъ зъ Русѣ чрезъ святѣйшого Феофана, Патріярху Іерусалимского, знесенная, аби впредь въ той же Русѣ никогда не отновлялася, и своихъ роговъ не возносила. Мають абовѣмъ отци езуити и все духовенство костела Римского (и безъ насъ Православнихъ) кого до Унѣи своей наворочати и присвояти, тихъ народовъ которіи отнюдъ не вѣдаютъ и не вѣрятъ Христа Господа, плотію въ міръ пришедшого. А ми Православніи, древнихъ святихъ Апостолскихъ и отческихъ преданій и догматовъ безъ жадной Унѣи и схизми придержащися, не отчаваемся нашого спасенія и блаженного живота вѣчного.

Сіи двѣ мои, вѣрного Вашого Королевского Величества слуги, желанія, ежели рачишъ и наймилшимъ дѣтемъ своимъ по себѣ милостивно прикажешъ учинити, и непремѣнно всегда заховати; то и панованіе ихъ и цѣлой корони въ тишинѣ и благовременномъ отъ всѣхъ непріятелскихъ навѣтовъ покои завше будетъ и преизбудетъ; чого я и повторе всеусердно желаю. Зъ Кіева, марта числъ послѣднихъ, року 1622.

Вашому Наяснѣйшому Королевскому Величеству вѣрній и найнижшій слуга

Петро Конашевичъ Сагайдачній, Гетманъ войска Запорожского.

О приготованюся Сагайдачного на кончину свою; о распораженію имѣнія своего; о кончинѣ и погребеніи чесномъ въ монастиру Кіево-Брацкомъ.

Зъ таковимъ листомъ отпустивши отъ себе Сагайдачній доктора Королевского и значне его ударовавши, а порозумѣвши непремѣнную кончину житія своего, яко былъ человѣкъ вѣри Православной Греко-Руской, шляхетне урожоній, въ науцѣ писменной отъ инших непослѣдній, въ ростропности мірской цекавій, къ товариству войсковому ласкавій, въ чину Козацкомъ надъ инших знаменитшій, и въ цнотахъ рицерскихъ справній и безъ похиби первѣйшій; такъ все тое тщетное и маловременное блаженство тогда уничтоживши, началъ приготовлятися ко исходу, и вѣчного души своей искати блаженства (яко въ вѣршахъ при погребеніи, чрезъ студентовъ Кіевскихъ мовленнихъ, изобрѣлося). Для чого отринувши всѣ художества лѣкарственіи, оплакивалъ грѣхи свои, и чрезъ килко неделное предъ кончиною время килко разъ исповѣдался; сѣмъ разъ пріймовалъ Тайну Маслосвятія, а за нимъ заразъ пріймовалъ и Тайну душеспасителную Пренайсвятѣйшой Евхаристіи. Потомъ роспорадилъ имѣніе свое на церкви, на шпиталѣ, на школи и монастирѣ, кромѣ жены своей. Не препомнѣлъ тогдажъ (хочъ далекого) ялмужною брацства Львовского уконтентовати; особливе брацство Кіевское значною килкотисячною удоволивши ялмужною, записался въ него зо всѣмъ войскомъ Запорозскимъ, зъ таковимъ желаніемъ, аби въ томъ брацствѣ отправовалось школное ученіе.

На остатокъ, при такомъ расположеню имѣнія своего, чи то въ мѣсяцю марту чили въ послѣднихъ, чили въ априлю или въ маю, невѣдомо числа якого, скончилъ животъ

свой; и погребенъ чесно и знаменито, чрезъ преосвященного митрополита своего Кіевского отца Іова Борецкого, при церквѣ Соборной, въ томъ же монастиру Брацкомъ Кіевскомъ сущей, тогожъ 1622 року; оставивши Козаковъ и все войско Запорозское во великой печали и въ неустроенномъ по себѣ сиротствѣ, безъ Гетмана и начало-вождя имъ потребного.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

РОЗДѢЛЪ IV.

РОЗДѢЛЪ V.

РОЗДѢЛЪ VI.

РОЗДѢЛЪ VII.

РОЗДѢЛЪ VIII.

РОЗДѢЛЪ IX.

Стран.

Стран.

РОЗДѢЛЪ XV.

РОЗДѢЛЪ XVI.

РОЗДѢЛЪ XVII.

РОЗДѢЛЪ XVIII.

РОЗДѢЛЪ XIX.

РОЗДѢЛЪ XX.

Стран.

РОЗДѢЛЪ V.

РОЗДѢЛЪ VI.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

РОЗДѢЛЪ I.

Стран.

РОЗДѢЛЪ II.

РОЗДѢЛЪ III.

РОЗДѢЛЪ IV.

Стран.

РОЗДѢЛЪ VII.

РОЗДѢЛЪ VIII.

ЧАСТЬ СЕДМАЯ.

РОЗДѢЛЪ I.

РОЗДѢЛЪ II.

РОЗДѢЛЪ III.

Стран.

ЧАСТЬ ОСМАЯ

РОЗДѢЛЪ I.

РОЗДѢЛЪ II.

Стран.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

РОЗДѢЛЪ I.

РОЗДѢЛЪ II.

РОЗДѢЛЪ III.

Стран.

РОЗДѢЛЪ IV.

РОЗДѢЛЪ V.

РОЗДѢЛЪ IV.

РОЗДѢЛЪ V.

РОЗДѢЛЪ VI.

Стран.

РОЗДѢЛЪ XIV.

ЧАСТЬ ЕДИНОНАДЕСЯТАЯ

РОЗДѢЛЪ I.

Стран.

РОЗДѢЛЪ II.

РОЗДѢЛЪ III.

РОЗДѢЛЪ IV.

Стран.

ЧАСТЬ ДВАНАДЕСЯТАЯ

РОЗДѢЛЪ I.

РОЗДѢЛЪ II.

РОЗДѢЛЪ III.

Стран.

РОЗДѢЛЪ XI.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Опечатки.

Стран.	Строк.	*Напечатано.*	*Надо читать.*
19 —	21 —	миру	міру
20 —	16 —	и зъ тоеи-жъ . . .	изъ тоеи-жъ
— —	6 (снизу)	Французѣ	Французѣ
22 —	14 —	бяшъ.	бяше
233 —	6 —	желаніемъ	желаніямъ
28 —	13 (снизу)	старшною	старшиною
43 —	2 (снизу)	ароду.	народу
46 —	11 —	1649 году	1648 году
51 —	5 —	того дѣла	того дѣля
53 —	19 —	Баравлуку	Базавлуку
58 —	4 —	походѣ	походъ
66 —	12 —	сококупленіе . . .	совокупленіе
67 —	9 —	по Паспѣ	по Пасцѣ
69 —	5 (снизу)	а зъ сбозу. . . .	а зъ обозу
94 —	3 —	Лубонского. . . .	Лубенского
113 —	послѣд.	неподобна	неподобно
139 —	5 —	тамошвими. . . .	тамошними
140 —	перв.	Малоросіяновъ. . .	Малоросіяномъ
178 —	2 —	и било бъ	и было бъ
208 —	4 (снизу)	Богунъ зась, полковникъ Брацлавскій и добрій кавалеръ, любо отъ Хмелницкого поставленъ былъ въ Браславлѣ на стражи зъ трома полками войска Козацкого; однакъ о неровномъ себѣ войску Полскомъ заслишавши, Украина въ великой стала печали и страху — *выкинуть.*	

Стран.	Строк.		
220 —	6 —	сягнувши	стягнувши
246 —	13 —	въ Прусамъ . . .	въ Прусахъ
251 —	3 —	въ Варшиву . . .	въ Варшаву
— —	12 —	за ихъ затруди . .	за ихъ труди
252 —	19 —	злувлени	злуплени
310 —	18 —	не вщанати . . .	не вщинати
321 —	8 —	стражнико короппого	стражника коронного
333 —	4 (снизу)	зъ околичнимъ . .	зъ околичимъ
366 —	2 —	що дадѣй чинити . .	що далѣй чинити
392 —	17 —	транзакнія	транзакція
411 —	послѣд.	тсатья	статья
417 —	послѣд.	въ іКевъ	въ Кіевъ
440 —	13 (снизу)	стаху	страху

ПРИЛОЖЕНІЯ.

15 —	15 —	пребывши	пребывши
23 —	13 (снизу)	Сіятельнѣймаго . .	Сіятельнѣйшаго
27 —	16 (снизу)	преклонивши . . .	преклонивши

Прим. Погрѣшности въ хронологическихъ таблицахъ Королей Полскихъ и Малоросійскихъ Гетмановъ, помѣщенныхъ на стр. 22 и 24, находятся въ самомъ текстѣ рукописи.